Afanas'ev-Čužbinskij

36
5069 (6

Bayerische Staatsbibliothek
<36645709770018

08/13 XII.VI 36/5069 (6 Afanasev-Čužbinskij, A.S.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Александра Степановича

АФАНАСЬЕВА

(ЧУЖБИНСКАГО)

Подъ редакціей **П. В. Быкова**

Томъ VI

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство Германъ Гоппе
22 Садовая улица 22
1891

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. С. АФАНАСЬЕВА

(ЧУЖБИНСКАГО)

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Александра Степановича

АФАНАСЬЕВА

(ЧУЖБИНСКАГО)

Подъ редакціей **П. В. Быкова**

Томъ VI

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство Германъ Гоппе
22 Садовая улица 22
1891

А. С. АФАНАСЬЕВЪ (ЧУЖБИНСКІЙ). Томъ VI.

ОТРЫВКИ, ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ

СМѢСЬ

Bayerische
Staats-
Bibliothek
München

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство Германъ Гоппе
22 Садовая улица 22
1891

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій просп. 53.

Содержаніе.

	СТРАН.
Рыцари зеленаго поля	1
Доминиканцы	67
Мельница близь села Ворошилова	91
Изъ воспоминаній охотника.	
Изъ записной книжки охотника. I—III	155
Два случая изъ жизни охотника	181
Охотничьи замѣтки	191
Перстень	199
Раннія произведенія.	
Свинцовая пуля	223
Изъ романа „Чугуевскій казакъ“	235
Термометръ	259
Пробужденіе	263
Нѣмой	271
Быль	287
Встрѣча	307
Очерки охоты въ Малороссіи	315
Лѣто въ Малороссіи	363
Голый слуга	375
Старинныя малорусскія думы	385
Воспоминанія о Шевченкѣ	415
Русскій солдатъ	451

РЫЦАРИ ЗЕЛЕНАГО ПОЛЯ

Bayerische Staats-Bibliothek München

РЫЦАРИ ЗЕЛЕНАГО ПОЛЯ.

СОВРЕМЕННЫЯ СЦЕНЫ.

I.

Въ Петербургѣ выдалось нѣсколько тѣхъ позднихъ осеннихъ дней, которые изрѣдка дарятъ нашу столицу и яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, и теплою погодою. Движеніе дѣловыхъ людей, конечно, отъ этого не усиливается, но тѣ смертные, которые могутъ ничего не дѣлать и имѣютъ возможность гулять, спѣшили на солнечную сторону Невскаго проспекта. Какъ обычное явленіе, показались и разнообразные всадники военные и статскіе, изъ которыхъ иные ѣхали просто, какъ бы, дѣйствительно, предаваясь любимому занятію, но другіе охорашиваясь, трепля лошадь по шеѣ, граціозно поворачиваясь и желая обратить на себя вниманіе стройною фигурою. Большинство статскихъ всадниковъ, усвоившихъ такъ называемую англійскую и, надобно сказать, прескверную посадку, подпрыгивали на сѣдлахъ, не давъ себѣ труда сообразить, что въ этой позѣ человѣкъ представляетъ на рыси необыкновенно смѣшную фигуру. Открытыя коляски и щегольскія эгоистки, запряженныя рысаками, носились отъ Аничкова моста до Поцѣлуева и обратно, захватывая все пространство деревянной мостовой, которая у насъ какъ бы служитъ не для удобства, но собственно для рысистыхъ бѣговъ.

Былъ третій часъ пополудни, значитъ, разгаръ кипучей дѣятельности гуляющихъ по главнымъ улицамъ.

У борелевскаго подъѣзда въ Большой Морской стояли два господина, за которыми только что затворилась дверь ресторана. Одинъ изъ нихъ — помоложе — представлялъ положительно модную картинку изъ послѣдняго № *Journal des Tailleurs*, красовавшагося тутъ же наискось за окнами Жорже. Смѣшной сѣрый пиджакъ съ огромными лацканами

стягивалъ вплотную его дебелую фигуру; довольно большіе усы торчали врозь тоненькими спичками, бывъ доведены до этой тонины съ помощью венгерской помады, вѣроятно, тутъ же у Дельтура, а небольшая эспаньолка придавала его недурной физіономіи нѣчто интересное. Вся фигура этого индивидуума обнаруживала какое-то фатовство, хитрость, и, несмотря на щегольской костюмъ съ иголочки, на безукоризненно свѣжія перчатки, на блестящіе сапоги, на англійскій проборъ на затылкѣ, вы не сказали бы, что онъ принадлежитъ къ порядочному кругу. Другой — постарше — высокаго роста, съ окладистою бородою, одѣтый просто и изящно въ касторовое пальто, каждымъ своимъ движеніемъ обличалъ свое аристократическое происхожденіе. Онъ такъ свободно ковырялъ еще маленькимъ перышкомъ, унесеннымъ изъ ресторана и котораго не успѣлъ бросить, и такъ самоувѣренно смотрѣлъ на проходившихъ, какъ можетъ дѣлать только истинный джентльменъ, считающій себя вездѣ какъ дома, хотя дома онъ ведетъ себя какъ бы въ гостяхъ по заведенному порядку. Господа эти говорили по французски, причемъ послѣдній выражался на этомъ языкѣ совершенно свободно, привыкнувъ къ нему съ дѣтства, даже думая на немъ, между тѣмъ какъ первый, хотя говорилъ и гладко, однако употреблялъ несовсѣмъ ловкіе обороты.

— Нѣтъ, Липенгузенъ, говорилъ аристократъ, бросивъ зубочистку на мостовую: — это дѣло не подходящее. Человѣкъ, огня! прибавилъ онъ громко по русски, причемъ татаринъ, торчавшій у двери ресторана, поклонился и мигомъ вынесъ спички.

Аристократъ медленно закурилъ сигару и поворотилъ по направленію къ Невскому.

— Отчего же неподходящее? спросилъ Липенгузенъ.

— Приличія прежде всего.

— Кто и говоритъ противъ приличій! но вѣдь деньги...

— Кто и говоритъ противъ денегъ, возразилъ, засмѣявшись, аристократъ: въ наше время это всеобщій идолъ... Однако есть извѣстныя условія, которыхъ переступать невозможно.

— Да ихъ и не надобно переступать. Все можетъ быть отлично улажено, приличія останутся нетронутыми, если тонкорунннаго барина остригутъ плебейскія руки, что такъ и подобаетъ...

— Недурно сказано, Липенгузенъ, но дѣло въ томъ, что предлагаемыя плебейскія руки ужъ больно грязны.

— Можно велѣть вымыть съ мыломъ.

— Вы, какъ я вижу, упрямы, или лучше сказать настойчивы.

— Безъ настойчивости не дѣлается ни одно порядочное дѣло.

— Истина старая, какъ міръ. Но откуда же вы знаете, что Миша получаетъ двѣсти тысячъ?

— Это ужъ я знаю. Но ручаюсь вамъ, что кромѣ его »повѣреннаго« и меня это еще никому неизвѣстно. Вотъ почему я тороплюсь, ибо черезъ недѣлю будетъ поздно. Узнаютъ кредиторы и — что хуже — разные аферисты, и капиталъ уйдетъ безвозвратно.

— Съ этимъ нельзя не согласиться. А вотъ что̀, сказалъ аристократъ, отряхая пепелъ съ сигары: — зайдите-ка ко мнѣ передъ театромъ, я, можетъ быть, что нибудь придумаю.

Липенгузенъ поклонился, собесѣдникъ его подалъ ему руку и, кивнувъ головою, продолжалъ тихимъ шагомъ путь по панели. Липенгузенъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, поворотилъ, поправилъ немного шляпу и пошелъ, покачиваясь, какъ человѣкъ, который хочетъ самою походкою придать себѣ значенія, но что̀ возбуждаетъ лишь невольную улыбку, какъ всякая нелѣпая претензія.

Только что разставшіеся два господина были школьными товарищами — одинъ изъ нихъ нѣмецъ Липенгузенъ, какъ мы уже видѣли, а другой — потомокъ старинной фамиліи Соловецкій. Оба нѣкоторое время были въ университетѣ, съ тою только разницею, что Липенгузенъ доходилъ до третьяго курса и могъ бы добиться до полученія диплома, еслибъ не одна исторія, а Соловецкій убоялся по третьему семестру бездны премудрости и вступилъ въ службу по какому-то вѣдомству подъ крылышкомъ дяди. Долго они не встрѣчались, потому что Липенгузенъ уѣзжалъ куда-то въ провинцію, занимался разными спекуляціями и лишь недавно возвратился въ Петербургъ именно въ то время, когда Соловецкій, оставивъ службу, фланировалъ по Невскому. Сошлись они какъ-то въ театрѣ, припомнили старое товарищество, и хоть Соловецкій, до мозга костей проникнутый аристократизмомъ, былъ вообще довольно гордъ относительно всякаго плебея, какъ онъ выражался, однако на этотъ разъ, словно по предчувствію, обошелся довольно привѣтливо съ старымъ коллегою. Липенгузенъ тутъ же, снявъ перчатку, довольно ловко выказалъ два-три хорошихъ камня и нѣсколькими словами намекнулъ,

что обладалъ недурными матеріальными средствами. Искренно обрадовавшись или обнаруживъ притворное удовольствіе встрѣтить стараго товарища, Липенгузенъ предложилъ ему поужинать вмѣстѣ, и Соловецкій удостоилъ его своимъ согласіемъ. Съ тѣхъ поръ они встрѣчались и имѣли даже общія дѣла, но Соловецкій постоянно держался нѣсколько высокомѣрно и, къ удивленію Липенгузена, не допускалъ короткости, на которую послѣдній — какъ ему казалось — имѣлъ право разсчитывать.

Соловецкій, послѣ довольно бурно проведенной молодости, на удовольствія которой растратилъ свое состояніе, имѣлъ очень маленькій доходъ съ неприкосновеннаго капитала и очень большія надежды на порядочное наслѣдство послѣ чудака-дяди, который при жизни ничего не давалъ племяннику, хотя, повидимому, и вѣрилъ въ искреннее уваженіе послѣдняго, заявлявшаго свои чувства при каждомъ удобномъ случаѣ. Соловецкій вертѣлся въ свѣтѣ, ѣздилъ довольно часто за границу, содержалъ великолѣпную англичанку, имѣлъ рысаковъ, обращавшихъ на себя вниманіе спортсменовъ. Богатство дядя служило дѣйствительно достаточною причиною подобнаго образа жизни и давало Соловецкому право считаться однимъ изъ выгодныхъ жениховъ. Соловецкій какъ-то, однако-жъ, умѣлъ легко уклоняться отъ наводимыхъ на него батарей и продолжалъ съ успѣхомъ отстаивать свою холостую жизнь, не оскорбляя ничьего самолюбія.

На балахъ онъ пускался въ танцы, не смотря на то, что ему было подъ сорокъ, однако и тутъ казался совершенно незаинтересованнымъ, ибо свои кадрили и мазурки велъ словно по очереди и, какъ ловкій танцоръ и неподражаемый болтунъ, считался однимъ изъ пріятнѣйшихъ кавалеровъ.

Молодежь, особенно богатая, любила его, потому что, кромѣ утонченныхъ познаній его въ эпикуреизмѣ, у Соловецкаго можно позаимствовать сотню-другую рублей, и не одинъ прибѣгалъ къ его покровительству въ закулисномъ мірѣ.

Старухи обожали Соловецкаго за его любезность, съ которою онъ составлялъ имъ партію въ винтъ и преферансъ, снисходя къ ихъ слабостямъ и разнымъ погрѣшностямъ и, въ особенности за его безпримѣрную готовность принимать долги, если какая нибудь проигравшаяся барыня забывала взять портмоне съ собою.

Въ кругу знакомыхъ Соловецкаго ходили слухи, что онъ играетъ въ большую игру, что у него иногда собираются картежники, и что онъ чаще самъ ѣздитъ по игорнымъ вечерамъ;

но какъ онъ вообще игралъ съ людьми *comme il faut*, а игра составляетъ обычное препровожденіе времени, то это нисколько не могло вредить его репутаціи.

Въ описываемый день Соловецкій послѣ обѣда лежалъ у себя на диванѣ и перелистывалъ какой-то французскій романъ. Его гостинная и вмѣстѣ кабинетъ была убрана съ большимъ вкусомъ, и каждая вещь отличалась изяществомъ. Шторы были спущены, и въ комнатѣ господствовалъ пріятный свѣтъ отъ двухъ лампъ съ фіолетовыми колпаками.

Раздался звонокъ, и доложили о приходѣ господина Липенгузена. Приказавъ просить, Соловецкій лѣниво всталъ съ дивана и привѣтливо протянулъ гостю руку.

— Ну что̀? спросилъ послѣдній, усѣвшись на мягкомъ креслѣ.

— Пока ничего положительно, милѣйшій, но ваше сообщеніе стоитъ того, чтобъ о немъ подумать.

— Думать нечего, а надобно дѣйствовать.

— Ну, и дѣйствовать будемъ, только нельзя же сразу.

— Въ такихъ обстоятельствахъ каждая минута дорога.

— Объ этомъ-то и подумать слѣдуетъ. Мнѣ кое-что приходило въ голову. Будь вы графъ или, по крайней мѣрѣ, какой нибудь баронъ...

— Что̀ до этого, вы смѣло можете называть меня барономъ: во первыхъ, моей фамиліи есть и бароны, а во вторыхъ, мнѣ по праву принадлежитъ эта степень, такъ какъ мой дѣдъ по оплошности...

— Не въ томъ дѣло. Вы знаете нѣсколько Мишу; это аристократъ до мельчайшей жилки: онъ проиграетъ графу или князю все состояніе и не поморщится, потому что считаетъ себя равнымъ съ ними.

— Но вѣдь, Василій Петровичъ, меня немногіе знаютъ въ Петербургѣ, я жилъ больше въ провинціи.

— Это несовсѣмъ точно: не одинъ изъ моихъ знакомыхъ помнитъ васъ по университету.

— И что же? развѣ въ университетѣ я не отличался тѣмъ, что преимущественно искалъ общества молодежи высшаго круга?

— Не то, вы меня не понимаете. Миша неисправимъ, какъ и многіе изъ нашего круга, не смотря на всѣ свои демократическія замашки. Я говорю, что его нельзя свести съ вашими знакомыми.

— Я этого и не желаю, отвѣчалъ, потупившись, Липенгузенъ, я самъ достаточно владѣю искусствомъ.

— А!

— Мы могли бы обдѣлать дѣло, не прибѣгая къ посторонней помощи.

Соловецкій промолчалъ.

— Я думалъ бы такъ, продолжалъ Липенгузенъ, воспользоваться удобною минутою и выиграть съ него векселя, которые теперь пойдутъ хорошо въ дисконтъ, ибо черезъ мѣсяцъ, много — черезъ два, онъ получитъ деньги.

— Придумали недурно, только исполненіе сомнительно. Я могу сдать его кому другому, а вамъ трудновато, милѣйшій.

— Какъ?

— Позвольте. Я настолько порядоченъ, что понимаю преимущество вашихъ правъ на добычу, такъ какъ вы первый заявили о радостномъ извѣстіи.

— Я и понималъ, что свести игру можно у васъ.

— И выиграть сто-двѣсти рублей.

— Отчего же?

— Говорю вамъ сущую истину. Панцыревъ оригиналъ какихъ немного. По маленькой онъ съ вами подурачится, но въ серьезную не сядетъ, прежде чѣмъ не узнаетъ, кто вы, что вы и т. д.

— Кажется, вы могли бы отрекомендовать меня.

— Ну, и отрекомендую, а толку будетъ мало. Притомъ же, если я подведу Мишу человѣку не нашего круга, т. е. подведу его на большой проигрышъ, — я, такъ сказать, рискую своею головою. Мнѣ необходимы и мои связи, и мои отношенія.

Липенгузенъ пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника. Тотъ какъ бы понялъ этотъ взглядъ.

— Вы не думайте, милѣйшій, что я хочу отбить у васъ добычу; искренно хотѣлось бы услужить вамъ и вмѣстѣ себѣ.

— Я одного не понимаю — игрокъ, и такъ разборчивъ.

— Да, такъ разборчивъ, что не хочетъ больше ѣхать къ генералу Смѣлину... Я, говоритъ, уважаю лично старика и не подозрѣваю; но у него бываютъ Линейкины, Разговоровы и разная картежная нечисть.

— Ѣздитъ же къ Кудряшову.

— Ѣздитъ, потому что Кудряшовъ ведетъ себя съ большимъ тактомъ: у него дѣйствительно не бываютъ шулера.

— Чужая душа потемки.

— Говорю вамъ, что нѣтъ, да тамъ имъ и дѣлать нечего, поживиться нельзя: метать постороннимъ не дозволяется, а попасть къ нему въ домъ можно только по рекомендаціи корот-

кихъ знакомыхъ. Мишель говоритъ, что у Кудряшова онъ сидитъ за столомъ въ порядочномъ обществѣ, гдѣ черезъ человѣка понтируетъ графъ или князь.

— Да, потому, что онъ, я думаю, долженъ ему нѣсколько тысячъ.

— Миша не таковскій — онъ ужъ никакъ не пощадитъ кредитора.

— Но мы удаляемся отъ предмета. Чтò вамъ значитъ — дать завтракъ.

— И обѣдъ ничего не значитъ. Я позòву пріятелей, приглашу и васъ, заложите банкъ — да вамъ-то какая польза?

— Мы можемъ заложить пополамъ.

— Очень ужъ наивно, любезнѣйшій. Вы знаете, что я до сихъ поръ дѣйствовалъ чрезвычайно скрытно. Если устраивать у себя игру, я, конечно, долженъ пригласить и банкомета изъ своего круга. Нѣтъ, надобно бы придумать какую нибудь случайность.

На лицѣ Липенгузена отразилось безпокойство.

— Выжидая случайности, можно упустить изъ рукъ дѣло.

— Вы не отчаивайтесь. Блистательныя мысли приходятъ внезапно; а я могу сказать, что иной разъ обладаю этимъ вдохновеніемъ. Вы будьте на всякій случай готовы.

— Я всегда готовъ, а такъ какъ вамъ неизвѣстенъ мой адресъ, то я вамъ его оставлю.

И Липенгузенъ положилъ свою карточку на столъ.

— Я, признаться, думалъ, сказалъ онъ, что вы уже измыслили какую нибудь штуку.

— Эхъ, любезнѣйшій, неужели вы полагаете, что я себѣ врагъ и способенъ упустить лакомый кусокъ! Вы не жили въ нашемъ кругу и не знаете всѣхъ условій.

Липенгузенъ вертѣлся на креслѣ.

— Очень знаю, что нелѣпые предразсудки...

— Свѣта мы не передѣлаемъ, а я по многимъ отношеніямъ не хочу разрывать съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ родился и выросъ. Я могу преступить и преступалъ правила нравственности, но не могу идти открыто противъ принятыхъ свѣтскихъ приличій.

— Вѣдь вамъ прежде всего нужны деньги.

— И много денегъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я знался или, лучше сказать, былъ на короткой ногѣ съ...

— Съ полуплебеями...

— Называйте, какъ хотите.

— Да вѣдь въ вашемъ кругу, сколько я знаю, мастеровъ хорошихъ мало, а настоящихъ и совсѣмъ нѣтъ.

— Подвизаемся кое-какъ.

— Ужъ слишкомъ просто. Я видѣлъ образцики.

— Конечно, въ сравненіи съ вашимъ искусствомъ...

— Знаете, я былъ бы согласенъ взять сорокъ копѣекъ, а вамъ уступить шесть гривенъ.

— Неужели, вы полагаете, я ломаюсь, чтобъ выгоднѣе заключить сдѣлку?

— Нѣтъ, но... •

— Миша кое-что маракуетъ: Вралевъ, однажды обыгравъ его, показалъ ему кое-какія штуки.

— Да Вралевъ и вольта порядочнаго сдѣлать не умѣетъ.

— Порядочность въ этомъ случаѣ вещь относительная: онъ не сдѣлаетъ такъ, какъ вы, но во всякомъ случаѣ промечетъ довольно чисто. Впрочемъ, этотъ господинъ выѣхалъ, да его и не приняли бы уже въ обществѣ послѣ извѣстной штуки.

— Мнѣ одного только жаль, что такой славный кушъ пойдетъ, чортъ знаетъ, въ какія руки.

— А мнѣ, вы полагаете, не жаль?.. Но позвольте! Нѣчто блистательное мелькнуло у меня въ головѣ.

Липенгузенъ ожилъ.

— Да, я вамъ говорилъ, что мнѣ приходитъ иногда вдохновеніе, сказалъ Соловецкій, вставъ съ дивана.

— Могу узнать?

— Маленькое терпѣніе. Пріѣзжайте завтра часу во второмъ. Я теперь долженъ отправиться въ театръ, а утромъ, надѣюсь, мы поработаемъ не безъ пользы.

— Нельзя ли приподнять хоть уголокъ завѣсы.

— Завтра будетъ банкъ, и я почти увѣренъ, что вы намъ пришлете нѣсколько своихъ безукоризненныхъ талій. Деньги у васъ есть?

— Найдутся.

— И прекрасно! У меня тоже имѣется небольшая сумма. Ну, до свиданія, Липенгузенъ, то есть баронъ Липенгузенъ.

— Конечно, на первый разъ векселекъ...

— Даже и взаймы дадимъ немного. Мнѣ необходимо только распорядиться сегодня же. Я увижусь съ Мишей въ театрѣ и предложу ему рубликовъ триста, которые вмѣстѣ съ нимъ и ухнемъ гдѣ нибудь у Дорота.

Липенгузенъ откланялся, а Соловецкій велѣлъ привести карету.

II.

Михаилъ Петровичъ Панцыревъ, котораго знакомые называли просто Мишею, принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, которые водятся еще въ извѣстномъ кругу, но уже смахиваютъ на анахронизмъ, среди выработанныхъ въ послѣднее время условій. Онъ еще былъ воспитанъ съ малолѣтства, такъ сказать, на полуфранцузской, полуанглійской почвѣ, т. е. до пяти, шести лѣтъ ни слова не говорилъ по русски и, только вступая въ отрочество, началъ знакомиться съ отечественнымъ языкомъ. Родители его жили богато. Миша былъ у нихъ единственный сынъ, и потому немудрено, что его баловали страшнымъ образомъ, ожидая, что изъ него выйдетъ чудо въ нѣкоторомъ родѣ. Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за его воспитаніемъ, а скажемъ, что изъ самаго блестящаго пансіона онъ поступилъ куда-то въ министерство и въ продолженіе двухъ лѣтъ службы не переписалъ ни одной бумаги. Отецъ его вскорѣ умеръ, мать для поправленія здоровья поселилась гдѣ-то на югѣ въ своемъ имѣніи, а Миша остался въ Петербургѣ полновластнымъ господиномъ хорошаго отцовскаго состоянія. Не взирая на страсть покутить, Миша не прогорѣлъ бы по крайней мѣрѣ долго, потому что онъ и моталъ, и даже игралъ въ карты нельзя сказать, чтобъ ужъ безразсудно; онъ даже не любилъ дѣлать долговъ, а тратилъ одни только доходы; но съ нимъ случился, какъ говоритъ городничиха въ »Ревизорѣ«, »пожаръ«, который сразу подорвалъ его фонды и посадилъ на мель. Отецъ и мать сторго держались преданій своей среды и съ дѣтства внушали единственному сыну непріязнь ко всевозможнымъ *roturiers* и пріучали его считать преступленіемъ *mésalliance* выставляя эти двѣ общественныя, по ихъ мнѣнію, язвы, въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Относительно *roturiers* Миша сдерживался кое-какъ, начиная съ пансіона, гдѣ у него были товарищи разныхъ званій, и кончая департаментомъ, гдѣ приходилось сидѣть со всякимъ народомъ, хотя въ должность онъ и ѣздилъ довольно рѣдко. Но относительно *mésalliance* онъ считалъ себя застрахованнымъ на томъ основаніи, что не располагалъ жениться по крайней мѣрѣ до тридцати лѣтъ, возрастъ, въ которомъ улегаются страсти, и человѣкъ можетъ избрать подругу жизни соотвѣтственно своему положенію въ свѣтѣ и своему роду. Отецъ очень радовался подобному образу мыслей и спокойно сошелъ въ могилу, а мать была убѣждена, что Миша останется вѣренъ своей бла-

— Да вѣдь въ вашемъ кругу, сколько я знаю, мастеровъ хорошихъ мало, а настоящихъ и совсѣмъ нѣтъ.

— Подвизаемся кое-какъ.

— Ужъ слишкомъ просто. Я видѣлъ образцики.

— Конечно, въ сравненіи съ вашимъ искусствомъ...

— Знаете, я былъ бы согласенъ взять сорокъ копѣекъ, а вамъ уступить шесть гривенъ.

— Неужели, вы полагаете, я ломаюсь, чтобъ выгоднѣе заключить сдѣлку?

— Нѣтъ, но... •

— Миша кое-что маракуетъ: Вралевъ, однажды обыгравъ его, показалъ ему кое-какія штуки.

— Да Вралевъ и вольта порядочнаго сдѣлать не умѣетъ.

— Порядочность въ этомъ случаѣ вещь относительная: онъ не сдѣлаетъ такъ, какъ вы, но во всякомъ случаѣ промечетъ довольно чисто. Впрочемъ, этотъ господинъ выѣхалъ, да его и не приняли бы уже въ обществѣ послѣ извѣстной штуки.

— Мнѣ одного только жаль, что такой славный кушъ пойдетъ, чортъ знаетъ, въ какія руки.

— А мнѣ, вы полагаете, не жаль?.. Но позвольте! Нѣчто блистательное мелькнуло у меня въ головѣ.

Липенгузенъ ожилъ.

— Да, я вамъ говорилъ, что мнѣ приходитъ иногда вдохновеніе, сказалъ Соловецкій, вставъ съ дивана.

— Могу узнать?

— Маленькое терпѣніе. Пріѣзжайте завтра часу во второмъ. Я теперь долженъ отправиться въ театръ, а утромъ, надѣюсь, мы поработаемъ не безъ пользы.

— Нельзя ли приподнять хоть уголокъ завѣсы.

— Завтра будетъ банкъ, и я почти увѣренъ, что вы намъ пришлете нѣсколько своихъ безукоризненныхъ талій. Деньги у васъ есть?

— Найдутся.

— И прекрасно! У меня тоже имѣется небольшая сумма. Ну, до свиданія, Липенгузенъ, то есть баронъ Липенгузенъ.

— Конечно, на первый разъ векселекъ...

— Даже и взаймы дадимъ немного. Мнѣ необходимо только распорядиться сегодня же. Я увижусь съ Мишей въ театрѣ и предложу ему рубликовъ триста, которые вмѣстѣ съ нимъ и ухнемъ гдѣ нибудь у Дорота.

Липенгузенъ откланялся, а Соловецкій велѣлъ привести карету.

II.

Михаилъ Петровичъ Панцыревъ, котораго знакомые называли просто Мишею, принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, которые водятся еще въ извѣстномъ кругу, но уже смахиваютъ на анахронизмъ, среди выработанныхъ въ послѣднее время условій. Онъ еще былъ воспитанъ съ малолѣтства, такъ сказать, на полуфранцузской, полуанглійской почвѣ, т. е. до пяти, шести лѣтъ ни слова не говорилъ по русски и, только вступая въ отрочество, началъ знакомиться съ отечественнымъ языкомъ. Родители его жили богато. Миша былъ у нихъ единственный сынъ, и потому немудрено, что его баловали страшнымъ образомъ, ожидая, что изъ него выйдетъ чудо въ нѣкоторомъ родѣ. Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за его воспитаніемъ, а скажемъ, что изъ самаго блестящаго пансіона онъ поступилъ куда-то въ министерство и въ продолженіе двухъ лѣтъ службы не переписалъ ни одной бумаги. Отецъ его вскорѣ умеръ, мать для поправленія здоровья поселилась гдѣ-то на югѣ въ своемъ имѣніи, а Миша остался въ Петербургѣ полновластнымъ господиномъ хорошаго отцовскаго состоянія. Не взирая на страсть покутить, Миша не прогорѣлъ бы по крайней мѣрѣ долго, потому что онъ и моталъ, и даже игралъ въ карты нельзя сказать, чтобъ ужъ безразсудно; онъ даже не любилъ дѣлать долговъ, а тратилъ одни только доходы; но съ нимъ случился, какъ говоритъ городничиха въ »Ревизорѣ«, »пожаръ«, который сразу подорвалъ его фонды и посадилъ на мель. Отецъ и мать сторго держались преданій своей среды и съ дѣтства внушали единственному сыну непріязнь ко всевозможнымъ *roturiers* и пріучали его считать преступленіемъ *mésalliance* выставляя эти двѣ общественныя, по ихъ мнѣнію, язвы, въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Относительно *roturiers* Миша сдерживался кое-какъ, начиная съ пансіона, гдѣ у него были товарищи разныхъ званій, и кончая департаментомъ, гдѣ приходилось сидѣть со всякимъ народомъ, хотя въ должность онъ и ѣздилъ довольно рѣдко. Но относительно *mésalliance* онъ считалъ себя застрахованнымъ на томъ основаніи, что не располагалъ жениться по крайней мѣрѣ до тридцати лѣтъ, возрастъ, въ которомъ улегаются страсти, и человѣкъ можетъ избрать подругу жизни соотвѣтственно своему положенію въ свѣтѣ и своему роду. Отецъ очень радовался подобному образу мыслей и спокойно сошелъ въ могилу, а мать была убѣждена, что Миша останется вѣренъ своей бла-

городной рѣшимости. Она даже указывала ему на одну осьмилѣтнюю дѣвочку изъ бѣднаго княжескаго рода, съ матерью которой была дружна, какъ на будущую невѣсту, и Миша въ знакъ согласія кивалъ головою, прибавляя одно условіе, чтобъ у невѣсты было порядочное приданое. Между тѣмъ природа надѣлила Мишу чрезвычайно нѣжнымъ сердцемъ. На балахъ онъ часто влюблялся, какъ выгодный женихъ, не встрѣчалъ даже затрудненій, но, желая или сохранить свободу, или сдержать слово, никогда не предпринималъ ничего серьезнаго и ухаживалъ за двумя, за тремя дѣвицами въ одно время. Разъ даже онъ едва избѣгнулъ принудительной женитьбы на одной дѣвушкѣ, въ объясненіяхъ съ которою перешелъ границы простой любезности и которая передала маменькѣ страстный разговоръ своего мазурочнаго кавалера. Дѣло кончилось тѣмъ, что, по совѣщаніи съ однимъ родственникомъ, довольно вліятельнымъ лицомъ, Миша удралъ за границу и прожилъ около года въ Парижѣ, пока претендентка на его руку не вышла замужъ. Возвратясь въ Петербургъ, Панцыревъ хотя и не могъ отрѣшиться отъ страсти къ прекрасному полу, но помѣщалъ свое сердце преимущественно тамъ, гдѣ ему не грозили узы Гименея. Отчасти это имѣло послѣдствіемъ измѣненіе его образа жизни: онъ рѣже сталъ появляться на балахъ, больше искалъ общества дамъ полусвѣта и втянулся въ игру между молодежью, посѣщая, однако-жъ, только людей своего круга, хотя это, конечно, не гарантировало его отъ проигрыша на вѣрную. Онъ сперва, однако-жъ, умѣлъ воздерживаться и, проигравъ немного, отставалъ отъ игры, страсть къ которой пустила въ немъ еще не слишкомъ глубокіе корни. Съ матерью онъ переписывался акуратно каждый мѣсяцъ, и она въ каждомъ письмѣ справлялась о его будущей невѣстѣ. Миша увѣдомлялъ ее, что дѣвочка подростала, что она очень умненькая и усвоила настоящій парижскій выговоръ. Лѣтомъ иногда онъ недѣли на двѣ ѣздилъ въ деревню къ родительницѣ.

И вотъ, однажды, съ нимъ случилось то, чего онъ избѣгалъ и больше всего боялся. Въ домѣ у своей крестной матери, княгини Дубской, онъ встрѣтилъ племянницу князя, молодую вдову, которая недавно лишилась мужа, занимавшаго въ провинціи очень видное мѣсто. Она чрезвычайно ему понравилась, а когда во время короткаго его визита остановила на немъ раза два свои большіе черные глаза, которые обдавали его какою-то неотразимою нѣгою, молодой человѣкъ положительно растерялся. Короче сказать, онъ совершенно растаялъ,

и не прошло мѣсяца, какъ въ свѣтѣ заговорили о близкой женитьбѣ Панцырева. Вдовушка была очень хорошаго рода, по мужу тоже носила не безцвѣтное имя и потому съ этой стороны не угрожала ни малѣйшимъ *mésalliance*. Она сразу высказала Мишѣ свое расположеніе, насколько позволяли приличія во время глубокаго траура. У Миши въ то время было два дома въ Петербургѣ и нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли въ плодородныхъ губерніяхъ. Вдовушка не имѣла ничего, кромѣ превосходительнаго титула и ничтожнаго пенсіона послѣ мужа. Дядя и тетка смотрѣли на ухаживаніе Миши, какъ на манну, упавшую съ неба, и всѣми силами старались ободрять искательство Панцырева. Молодой человѣкъ былъ на седьмомъ небѣ, разошелся съ одною златокудрою феею, почти отказался отъ дамъ полусвѣта и все время проводилъ у княгини въ обществѣ очаровательной вдовушки. Послѣдняя, однако-жъ, въ интимныхъ разговорахъ съ Мишею старалась ему внушить мысль, что не намѣрена выходить вторично замужъ, признаваясь откровенно, что въ первомъ бракѣ ошиблась, промучившись два года съ больнымъ брюзгливымъ мужемъ-деспотомъ, который мучилъ ее ревностью и на каждомъ шагу отравлялъ ей молодую жизнь. Подобные разговоры невольно удерживали Мишу отъ предложенія, хотя поминутно онъ старался показать ей и безграничную любовь, и глубокое уваженіе. Панцыревъ, наконецъ, рѣшился написать къ матери, просилъ ея совѣта и умолялъ пріѣхать въ Петербургъ. Мать долго не отвѣчала на экстренное письмо сына, наконецъ прислала посланіе на двухъ листахъ почтовой бумаги. Помимо напоминанія о несдержаніи слова относительно маленькой невѣсты, она писала, что, зная вдовушку въ дѣвицахъ и забравъ справки въ томъ городѣ, гдѣ послѣдняя жила замужемъ, она убѣдилась, что вдовушка не такъ очаровательна, какъ кажется, что она свела въ могилу мужа своими капризами, мотовствомъ и разными другими непохвальными качествами. Вслѣдствіе этого сердобольная мать просила сына одуматься, и хоть вдовушка по рожденію и воспитанію отвѣчала роду Панцыревыхъ, но по нравственнымъ условіямъ угрожала сдѣлать Мишеля несчастнымъ. Молодой человѣкъ даже разсердился на мать, но, какъ человѣкъ вполнѣ самостоятельный, разсудилъ дѣйствовать по своему.

Панцыревъ располагалъ на другой же день, улучивъ удобную минуту, сдѣлать предложеніе. Онъ такъ и поступилъ, но вдовушка отказала наотрѣзъ и съ своей стороны предложила

дружбу. Понятно, что это не удовлетворило Мишу, который тотчасъ же напился пьянъ и вечеромъ проигралъ гдѣ-то въ карты около тысячи.

На слѣдующее утро вдовушка даже не вышла, когда онъ пріѣхалъ. Княгиня высказала ему истинное участіе и тонкими намеками поддерживала въ немъ надежду. Но время шло; при визитахъ Миши вдовушка не выходила, а если, ему случалось у нихъ обѣдать, она за столомъ вела обычный свѣтскій разговоръ и немедленно послѣ обѣда уходила въ свою комнату. Миша сумашествовалъ. Онъ рѣшился написать къ ней, но такъ какъ самъ былъ не мастеръ по этой части, то прибѣгнулъ къ помощи пріятеля своего Соловецкаго, который приготовилъ ему самое раздирательное посланіе, разумѣется, по французски. Черезъ два дня пришелъ отвѣтъ на атласистой англійской бумагѣ голубыми чернилами, превосходнымъ четкимъ почеркомъ, но заключавшійся въ трехъ строчкахъ. Ему предлагалась самая нѣжная дружба съ условіемъ не приставать со сватовствомъ, — въ противномъ случаѣ грозили разрывомъ навсегда. Отчаяніе и бѣшенство овладѣли Мишею, онъ запилъ, простудился гдѣ-то на пикникѣ и заболѣлъ горячкою. По выздоровленіи онъ поѣхалъ благодарить за участіе князя и княгиню, которые безпрерывно справлялись о его здоровьѣ и — оказалось — даже навѣщали нѣсколько разъ, и, разумѣется, былъ принятъ съ распростертыми объятіями. Вдовушка тоже привѣтливо встрѣтила его и часто останавливала на немъ свои жгучіе глаза, но держала себя очень осторожно. Въ тотъ же вечеръ князь заѣхалъ къ нему передъ театромъ. Старикъ заявилъ что любитъ его, какъ роднаго, жалѣетъ о неудачѣ съ племянницею и высказалъ одну мысль, которая ободрила Панцырева. Князь, между прочимъ, передалъ ему свои соображенія относительно вдовушки.

— Она плутовка, сказалъ старикъ въ заключеніе: — меня не проведетъ. Что ты ей нравишься — въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но пуганая ворона куста боится. Видишь ли, она имѣла прекрасное состояніе и, какъ довѣрчивая изъ природы, передала все мужу. Покойникъ, будь не тѣмъ помянутъ, давно уже прожившій родовое, обрадовался, закутилъ по прежнему, выписалъ изъ Петербурга повара, завелъ блестящіе экипажи, началъ играть по рублю въ ералашъ, давалъ балы, и какъ умеръ отъ кондрашки, то оказалось что, Лиза осталась непричемъ. Вотъ главная причина — чего она боится.

— Только-то? спросилъ Миша.

— По моему крайнему убѣжденію, нѣтъ другаго повода. Бѣдняжка говоритъ, что будетъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, хочетъ идти въ гувернантки, однимъ словомъ — сумасбродствуетъ. Неужели я, родной дядя допущу до этихъ глупостей. Бѣдовая! Когда, говоритъ, у меня было свое состояніе, я могла смѣло выходить замужъ, но когда, говоритъ, сдѣлалась нищею, не хочу жить у мужа изъ милости. Поди ты съ нею!

Миша повеселѣлъ.

— А вы увѣрены, что она расположена ко мнѣ?

— По моему — очень, да и жена того же мнѣнія.

Старикъ уѣхалъ. Возродившаяся надежда не давала покоя Мишѣ. Онъ поѣхалъ къ княгинѣ на другой день въ такой часъ, когда еще въ порядочныхъ домахъ не принимаютъ. Князь только что всталъ; дамы еще не просыпались. Панцырева, однако-жъ, какъ близкаго знакомаго, провели въ кабинетъ къ его сіятельству.

— Что это, mon cher, ни свѣтъ, ни заря?

— Дѣло очень важное.

— Выпей, однако-жъ, чашку кофе.

Князь позвонилъ и велѣлъ подать кофе.

— Ну, слушаю тебя, сказалъ онъ по уходѣ камердинера.

— Вы искренно любите меня, я знаю, началъ Миша. — Можетъ быть, матушка заупрямится, потому что я еще молодъ, по ея словамъ; но я совершеннолѣтній и счастіемъ своимъ рисковать не намѣренъ. Вотъ что: узнайте положительно у Лизаветы Ананьевны—любитъ ли она меня. Если нѣтъ, я завтра же выѣду въ деревню, за границу,—куда глаза глядятъ. Если же она любитъ меня, пускай не откладываетъ моего блаженства; а чтобъ она не стѣснялась неимѣніемъ собственныхъ средствъ, я рѣшился и до свадьбы дарю ей свои петербургскіе дома, а себѣ оставляю имѣніе.

— Это, братъ, очень великодушно и доказываетъ твою любовь; но вѣдь бабы упрямы.

— Похлопочите!

— Тутъ, Миша, надобно какого нибудь дипломата. Вѣдь Лиза у меня съ гоноромъ. Какое же, скажетъ, это состояніе, которое онъ же даритъ мнѣ!

— Да вы дѣйствуйте по праву дяди. Вѣдь здѣсь дѣло въ капризѣ. Знаете чтò: мнѣ, кажется, пришла недурная мысль. Слова и фразы ничего не доказываютъ. Я поѣду къ своему повѣренному и разспрошу, какъ оформить.

— И умно, Мишель. И знаешь ли, по моему, ужъ если дѣлать глупость, то дѣлать ее до безобразія. Ты ступай къ нотаріусу, благо еще рано, и сдѣлай законную дарственную, только не подписывай на всякій случай. Разумѣется, ты пріѣдешь къ намъ обѣдать, я постараюсь уломать барыню, а тутъ ты докажешь ей на дѣлѣ свою любовь, и, можетъ быть, все уладится.

Миша опрометью бросился къ своему повѣренному, а около пяти часовъ былъ уже у князя. Въ гостинной приняла его вдовушка. Глаза ея были заплаканы, и когда Мишель съ участіемъ началъ разспрашивать ее о причинѣ, она протянула ему руку и сказала съ упрекомъ:

— Какъ, Михаилъ Петровичъ, вы хотите купить меня?

Панцыревъ бросился къ ея ногамъ.

— Я ничего не знаю, сказалъ онъ: — а просто схожу съума.

Вдовушка приподняла его и обвила ему шею руками.

Въ тотъ же день Панцыревъ былъ объявленъ женихомъ въ самомъ близкомъ кругу. Свадьбу сыграли далеко еще до окончанія траура, гдѣ-то въ деревнѣ, а предъ вѣнцомъ новобрачная получила дарственную запись на два дома въ Петербургѣ.

Блаженство Миши продолжалось недолго. Мѣсяца черезъ два послѣ свадьбы явился красивый отставной поручикъ и вступилъ въ управленіе домами госпожи Панцыревой по ея довѣренности, Миша сначала не понималъ ничего и попросилъ у жены объясненія. Ему отвѣчали категорически, чтобъ онъ не въ свое дѣло не мѣшался. Новый управляющій началъ появляться къ обѣду и велъ себя какъ-то странно относительно хозяйки дома. Миша вломился въ амбицію и сдѣлалъ сцену женѣ, которая хладнокровно попросила его — искать себѣ квартиру. Однимъ словомъ, его выгнали вонъ, и Миша остался въ дуракахъ. Въ свѣтѣ поговорили объ этомъ и замолчали. Старуха Панцырева пріѣхала, но могла только поплакать о несчастіи сына и упрекнуть — зачѣмъ ее не послушался.

Такъ Миша и покончилъ свою карьеру Онъ началъ было запивать, но потомъ бросилъ безпрерывное пьянство и предавался временнымъ кутежамъ и картамъ. Заложенное и перезаложенное имѣніе пошло съ молотка, а онъ, обремененный долгами, жилъ поддержкою отъ матери, кое-какими вспомоществованіями двухъ скупыхъ тетокъ и новыми долгами. Но онъ

утѣшалъ себя однимъ, что ни въ кутежахъ, ни въ картежничествѣ, однимъ словомъ, ни въ какихъ похожденіяхъ не унижалъ своего рода и даже всѣ гадости совершалъ на основаніи приличій. Жена его жила въ свое удовольствіе, управляющій ея толстѣлъ постепенно, и въ домѣ у нея ежегодно начали появляться маленькіе воспитанники и воспитанницы. Лизавета Ананьевна говорила обыкновенно, что такъ какъ Богъ не послалъ ей собственныхъ дѣтей, то, по крайней мѣрѣ, она призираетъ сиротокъ. Она пыталась было удержаться въ свѣтѣ съ помощью вліянія своего дяди, но всѣ гостинныя были для нея закрыты, потому что она не имѣла возможности мотивировать своего поступка съ мужемъ, на котораго не имѣла права жаловаться, и притомъ связалась съ какимъ-то проходимцемъ. Лизавета Ананьевна была очень молода, любила свѣтскую жизнь и потому, заложивъ свои дома, переѣхала въ Москву, гдѣ и устроилась по своему желанію. О ней скоро забыли. На Мишу же смотрѣли, какъ на жертву величайшей глупости. Иныя сердобольныя или пожилыя дѣвы считали его жертвою благородной страсти. Миша являлся въ обществѣ и съ грустью видѣлъ, что маленькая его невѣста начинала формироваться въ прекрасную дѣвушку, но, конечно, не имѣлъ уже возможности претендовать на ея руку и сердце.

Справедливость, однако-жъ, требуетъ сказать, что Миша Панцыревъ былъ въ своемъ кругу отличный товарищъ, весельчакъ, готовый помочь каждому; въ гостинныхъ онъ велъ себя, какъ подобаетъ джентльмену древняго рода, и если во время кутежей выкидывалъ несовсѣмъ приличныя штуки, то въ обществѣ равныхъ себѣ, у которыхъ считалось преступленіемъ выносить соръ изъ избы. Въ описываемое время онъ жилъ довольно бѣдно, хотя, собственно говоря, и не нуждался, ибо имѣлъ кое-какой кредитъ въ надеждѣ на имѣньице старухи-матери и двухъ тетокъ, извѣстныхъ ханжей, проживавшихъ — одна въ саратовской губерніи, а другая гдѣ-то за границею.

И вотъ одна изъ этихъ тетокъ умерла. Липенгузенъ какъ-то провѣдалъ объ этомъ извѣстіи въ день его полученія и поспѣшилъ сообщить Соловецкому. Послѣдній былъ непрочь нагрѣть на первыхъ порахъ счастливца — оставалось только придумать средство запустить лапу въ неоспоримое наслѣдство, ибо Мишу увѣдомляли, что завѣщаніе сдѣлано въ его пользу.

III.

Въ Михайловскомъ театрѣ Соловецкій увидѣлъ Мишу Панцырева въ отличномъ расположеніи духа. Въ первомъ же антрактѣ, собираясь подойти къ нему, онъ замѣтилъ, что вокругъ Миши увивались тѣ изъ свѣтскихъ хлыщей, которые льнутъ со своею дружбою обыкновенно къ людямъ, обладающимъ матеріальными средствами. Мало того, возлѣ Панцырева вертѣлся и одинъ изъ ростовщиковъ, хотя и принадлежавшій къ порядочному обществу, однако не брезгавшій при случаѣ заполучить сотню процентовъ съ неосмотрительной молодежи. «Дурной знакъ», подумалъ Соловецкій, «они пронюхали о наслѣдствѣ». Не смутившись, однако-жъ, подобными признаками, Соловецкій подошелъ къ пріятелю. Миша, завидѣвъ его, протянулъ руку.

— Очень радъ видѣть тебя, Базиль, сказалъ онъ и потянулъ пріятеля къ оркестру.

Оба они прислонились спинами къ рѣшеткѣ, и Соловецкій машинально навелъ бинокль куда-то на ложу. Около нихъ сгрупировались хлыщи.

— Мнѣ нужно, Базиль, сегодня непремѣнно пятьсотъ рублей. При деньгахъ ли ты?

— Еслибы не было неприлично, я готовъ бы служить тебѣ хоть сію минуту; но со мною есть только триста съ чѣмъ-то.

— Вотъ такъ другъ! воскликнулъ Миша, ударивъ по плечу Соловецкаго.

Негласный ростовщикъ посмотрѣлъ на послѣдняго съ изумленіемъ.

— Значитъ, правда, что Мишель получаетъ наслѣдство? сказалъ онъ.

— Какое наслѣдство? спросилъ Соловецкій съ притворнымъ изумленіемъ. — И что̀ мнѣ за надобность въ этомъ? Пріятель обратился ко мнѣ съ просьбою, и я охотно готовъ услужить.

— Вотъ истинный джентльменъ! молвилъ Миша, обращаясь къ Сабатѣеву, упомянутому выше негласному ростовщику, не вамъ чета, почтеннѣйшій.

— Разница та, что у Соловецкаго есть деньги при себѣ, а у меня нѣтъ.

— Разсказывайте! знаемъ!

— Нечего знать. Заѣзжайте завтра.

— Дорого яичко къ празднику, завтра мнѣ дадутъ и безъ

васъ. Спасибо тебѣ, голубчикъ Базиль. Сегодня ты ужинаешь со мною. Я дѣйствительно получаю наслѣдство.

— Очень радъ.

— Послѣ театра ды дашь мнѣ денегъ, и мы двинемъ. Ѣдемъ, господа! прибавилъ онъ, обращаясь къ хлыщамъ.

— И возьмемъ съ собою Шарлотту и Сюзетъ? спросилъ одинъ изъ хлыщей, облизываясь.

— Кого хотите, привозите.

— Вы не сердитесь, Михаилъ Петровичъ, и если нужны деньги, пріѣзжайте завтра, сказалъ Сабатѣевъ.

— А учетъ будетъ приличный? спросилъ, засмѣявшись, Миша.

— Тамъ потолкуемъ.

— И припишемъ, значитъ, къ прежнимъ?

— Тебѣ теперь нѣтъ надобности прибѣгать къ большимъ процентамъ, сказалъ равнодушно Соловецкій: — имѣя вѣрное обезпеченіе, можно найти выгодно капиталъ.

Сабатѣевъ покосился.

— Гдѣ же вы найдете денегъ безъ процентовъ?

— Не безъ процентовъ, а за умѣренное вознагражденіе.

— Конечно, у игроковъ, возразилъ Сабатѣевъ.

— Вы вотъ смѣетесь, а у игроковъ-то и можно достать въ минуту жизни трудную.

— Не спорю, процентовъ не возьмутъ, но воротятъ свой капиталъ втрое, ха-ха-ха!

— Однако, господа, мы завели разговоръ не театральный. И такъ, Базиль, ты мнѣ даешь послѣ театра денегъ, и мы ѣдемъ кутить, а теперь, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, я пойду повертѣться въ ложахъ. Смотри же, Базиль, мы ужинаемъ вмѣстѣ.

Но въ это время поднялась занавѣсь, и всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Въ слѣдующемъ антрактѣ Мишель исчезъ изъ залы.

— Должно быть, онъ въ самомъ дѣлѣ получаетъ наслѣдство, сказалъ Сабатѣевъ, подходя къ Соловецкому.

— Должно быть, если говоритъ.

— Ну, это можетъ быть еще и пуфъ для болѣе удобнаго займа.

— Я подобныхъ уловокъ за Панцыревымъ не слыхалъ.

— А я видалъ виды. Впрочемъ, что-жъ, я желаю ему всего лучшаго. Только онъ скоро протранжиритъ этотъ даръ Зевеса.

— Его дѣло, отвѣчалъ сухо Соловецкій.

Сабатѣевъ ушелъ въ коридоръ, а возлѣ Соловецкаго собралось человѣка три хлыщей, расцвѣтшихъ отъ надежды хорошенько поужинать. Одинъ изъ нихъ даже обнаруживалъ нахальную фамильярность. Замѣтно было, что онъ собирался попросить денегъ, только искалъ какого нибудь предлога; можетъ быть, атаковалъ бы Соловецкаго и безъ всякаго предлога, но послѣдній довольно гордо сдерживалъ стремленіе разфранченнаго юноши.

— Вотъ у меня тетка и богаче, нежели у Панцырева, сказалъ хлыщъ: — но страшно скупа и долго не умираетъ. И каково положеніе—знать, что будешь имѣть тысячъ двадцать, тридцать дохода, а нуждаться иной разъ въ какихъ нибудь пятидесяти рубляхъ, право!

— Да, подхватилъ другой: — вотъ и причина, почему молодежь рѣшается, занимая сто рублей, подмахнуть векселекъ въ триста, а то и больше.

Соловецкій, не отвѣчая, продолжалъ водить бинокль на высотѣ бель-этажа.

— Достань Миша болѣе, онъ бы тебѣ далъ, молвилъ тоненькій хлыщикъ съ одноглазкою.

Соловецкій, не торопясь, отдѣлился отъ оркестра и пошелъ къ боковому выходу; побесѣдовавъ кое съ кѣмъ налету, онъ постучался у одной ложи. Ему отворили.

— Мишель Панцыревъ!

— Сейчасъ! Это ты? отвѣчалъ, выходя, Миша. — Ну?

— Возьми вотъ триста рублей и скажи, куда ѣхать ужинать.

— Разумѣется, къ Дороту. Что же, ты спѣшишь куда нибудь?

— Никуда не спѣшу, а буду скитаться по ложамъ; твоя команда что-то осаждаетъ насчетъ денегъ.

— Хо-хо-хо! Все вѣдь, братъ, голь перекатная, а нельзя не дать.

— Ну, извини, я даю только пріятелямъ, а для такихъ господчиковъ существуютъ ростовщики.

— Однако ты пріѣдешь?

— Непремѣнно.

— Мнѣ нужно съ тобою посовѣтоваться.

— Я думаю, плохіе ужъ совѣты за ужиномъ у Дорота, да еще съ француженками.

— Э, братъ, дѣло у меня самое обыкновенное. Да ты куда — къ барынямъ или полубарынямъ?

— Развѣ же я когда нибудь измѣнялъ приличіямъ въ обществѣ: я могу ухаживать за кѣмъ угодно въ своемъ мѣстѣ, но въ театрѣ...

— Ты у меня пай. Спасибо за деньги. А насчетъ этихъ франтовъ ты не церемонься: я имъ на братію отпущу четвертную.

Соловецкому, при его обширномъ знакомствѣ, нетрудно было просидѣть спектакль въ нѣсколькихъ ложахъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, но не потому, что боялся назойливости молодыхъ людей, а съ другой цѣлью: онъ увидѣлъ почти въ двухъ смежныхъ ложахъ и дѣвицу, за которою начиналъ ухаживать съ законными видами, и златокудрую дщерь Германіи, которая ему очень нравилась, но которая была недоступна, потому что эксплуатировала одного концессіонера. Ему хотѣлось укрыться отъ той и другой по извѣстнымъ ему причинамъ.

Соловецкій самъ не былъ шулеромъ, собственно говоря, т. е. принимая это слово въ тѣсномъ смыслѣ спеціалиста по части карточной техники; но, при всей своей свѣтскости и образованіи, вмѣщалъ въ себѣ гадостей, пожалуй, не менѣе, чѣмъ какой нибудь Кармандержи или Линейкинъ. То были, такъ сказать, отпѣтыя личности, на которыхъ вездѣ почти указывали пальцами, какъ на мошенниковъ, и если у нихъ доставало наглости появляться въ публикѣ, то они и рисковали своими физіономіями, ибо находились въ такомъ положеніи, что не имѣли права жаловаться за побитіе морды, ибо на судебномъ разбирательствѣ разоблачились бы многія прискорбныя ихъ тайны. Но Соловецкій — другое дѣло. Этотъ благовоспитанный господинъ выискивалъ себѣ жертвъ и тонко ихъ улавливалъ, такъ что не подвергался риску. Онъ тонко соблазнялъ иногда и молоденькихъ юношей, разумѣется, изъ очень богатыхъ семействъ, и которые, изъ боязни огорчить родителей, играли тайнымъ образомъ, занимая деньги за огромные проценты въ счетъ будущаго наслѣдства. Иногда, въ горькую для нихъ минуту, онъ имъ облегчалъ и средства займовъ, рекомендуя скромныхъ финансистовъ, въ сущности тѣхъ гнусныхъ ростовщиковъ, которые выискиваютъ все, что только можно, изъ неопытныхъ господчиковъ.

По части утонченнаго шулерства былъ у него пріятель или, лучше сказать, вѣрный сотрудникъ Рѣзцовъ, который, владѣя въ совершенствѣ техникою, при необыкновенной силѣ воли, при іезуитской вкрадчивости и при той наружной по-

рядочности, которая разночинцу придаетъ видъ настоящаго джентльмэна, умѣлъ вести себя такъ, что самые близкіе знакомые не подозрѣвали въ немъ искуснаго и опытнаго шулера. Онъ слылъ за необыкновенно счастливаго и опытнаго игрока, и дѣйствительно въ послѣднемъ отношеніи трудно было не отдать ему полнѣйшей справедливости, хотя и слѣдовало бы внимательно приглядываться къ его мнимому счастію, которое, какъ ни говорите, а не можетъ въ картахъ быть постояннымъ удѣломъ человѣка. Близорукіе люди и тутъ находили аргументъ, выгораживавшій его изъ всяческихъ подозрѣній. Рѣзцовъ имѣлъ обыкновеніе брать на азартную игру небольшія деньги, пускалъ ихъ крупными кушами, и если проигрывалъ, то уже ни за какія блага въ мірѣ не возобновлялъ игры въ тотъ день, хотя, не уѣзжая домой, могъ бы достать денегъ, у кого угодно и сколько угодно. При выигрышѣ же онъ шелъ напроломъ и дѣлалъ чудеса. Онъ даже изобрѣлъ нѣкоторые пріемы, получившіе названіе рѣзцовскихъ, и которые у недальновидныхъ игроковъ считались аксіомами. Между тѣмъ, все это Рѣзцовъ продѣлывалъ, чтобы *напустить туману*, какъ выразился одинъ старый шулеръ, которому передали о подвигахъ Рѣзцова. Этотъ наивный старый шулеръ пришелъ въ такой азартъ, что припомнилъ своимъ слушателямъ, какъ молодости онъ металъ съ Рѣзцовымъ въ одномъ польскомъ мѣстечкѣ, и какъ, поймавъ ихъ на плутняхъ, велѣно было обоихъ выдрать на конюшнѣ.

— Послѣ этого, сказалъ онъ: — я предоставляю вамъ судить, какъ онъ играетъ на счастіе или на *умѣнье*.

Умѣнье на языкѣ шулеровъ не значитъ глубокое пониманіе игры, разныя комбинаціи или выдержки характера, а просто мошенничество.

И дѣйствительно Рѣзцовъ *напускалъ туману*. Два-три своихъ невольныхъ проигрыша въ банкъ онъ наверстывалъ въ одинъ присѣстъ, нерѣдко даже прометавъ двѣ-три таліи наивнымъ *бономамъ*, какъ онъ выражался въ разговорахъ съ посвященными, презирая вульгарное выраженіе *пижонъ*, употребляемое обыкновенными шулерами. Въ большія коммерческія игры онъ тоже выигрывалъ постоянно, *не безъ напусканія туману*, потому что искусная взятка придаетъ много шансовъ игроку, а при этомъ меченыя карты почти обезпечиваютъ успѣхъ.

Къ этому-то господину очень рано утромъ поѣхалъ Соловецкій, убѣдясь въ непреложности наслѣдства, получаемаго Мишелемъ, и разсчитывая отдѣлаться отъ Липенгузена.

Рѣзцовъ только что всталъ и занимался процессомъ омовенія, находясь въ пріятномъ расположеніи духа, ибо привезъ вчера изъ клуба тысячу рублей, которую чуть что не даромъ взялъ въ пикетъ съ одного диллетанта, не толко не замѣчавшаго предательской тасовки, но и ухитрявшагося еще просчитывать.

— Ну что, mio caro? спросилъ онъ у Соловецкаго, выйдя въ богато убранный кабинетъ въ роскошномъ халатѣ, спитомъ на подобіе пальто.

— Миша получилъ большое наслѣдство.

— Изъ Ладожскаго или Онежскаго озера?

— На этотъ разъ не подлежащее сомнѣнію.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я только скажу тебѣ, что Сабатѣевъ предлагаетъ ему денегъ подъ вексель.

— Ну, въ такомъ случаѣ фактъ совершившійся, какъ говорятъ дипломаты. Напьемся однако-жъ кофе.

И Рѣзцовъ плеснулъ въ ладоши, усвоивъ этотъ восточный обычай для призыва прислуги.

Явился казачекъ.

— Дать намъ кофе сюда, въ кабинетъ, и никого не принимать.

— Предосторожность излушняя, замѣтилъ Соловецкій — потому что нѣтъ еще и девяти часовъ.

— Какъ знать, что случится. Между прочимъ, mio caro, вижу по всему, что у насъ должна быть конференція.

— Самая безотлагательная.

— Гмъ! А какъ велика приблизительная цифра капиталовъ Панцырева?

— Въ родѣ двухсотъ тысячъ.

— Надобно составить бюджетъ. Какъ ты полагаешь — для него не будетъ безобидно отдѣлить намъ пятьдесятъ?

— Слишкомъ ужъ добросовѣстно съ нашей стороны.

— На первый разъ, конечно, мы его огорошимъ тотчасъ же этою суммою, а тамъ посмотримъ... Вѣдь если не намъ, то другимъ достанется, всеравно, да еще какимъ-нибудь грязнымъ личностямъ.

— Конечно, черезъ три дня весь городъ будетъ знать, что у Миши много денегъ, и разные Супиковы, Опорковы, Дудковскіе, а, пожалуй, и игорная сволочь воспользуются нашимъ бономомъ.

— Ну что же, дѣйствуй. Вѣдь ты у меня авангардъ.

— Я съ этою цѣлью и пріѣхалъ.

Пріятелямъ подали кофе, и они усѣлись на мягкомъ диванѣ.

— Видишь ли, Рѣзцовъ, началъ Соловецкій: дѣло хоть и прибыльное, но всетаки щекотливое. Какъ бы то ни было, Панцыревъ принадлежитъ къ порядочному кругу, и обыграть его съ мѣста, какъ говорится, было бы величайшею безтактностью, если не принять мѣръ.

— Ну, и оттягивать, caro mio, неблагоразумно, потому что Миша живо распоряжается своими капиталами.

— Я несовсѣмъ точно выразился: Панцыревъ долженъ проиграть деньги намъ первымъ, но необходимо сдѣлать такъ, чтобы онъ самъ напросился на игру.

— Это другое дѣло.

— А для того, чтобъ внушить ему это желаніе, необходима маленькая комбинація. Ему нужны деньги, пока онъ вступитъ во владѣніо. Понятно, что ему дадутъ, сколько угодно за большіе проценты, ибо, какъ ты знаешь, ему всегда нужны наличныя, а теперь солидный кушъ, потому что его уже подмываетъ промотать сегодня же нѣсколько тысячъ. Вчера въ театрѣ онъ занялъ у меня триста рублей, и изъ нихъ не осталось ни гроша послѣ ужина у Дорота. Видишь ли, я привезу его къ тебѣ, а ты дай ему тысячи три.

— Тысячи три?

— Ну да! что-жъ тебя тревожитъ? Эти деньги пусть у него и остаются, а на проигранную сумму пусть выдастъ вексель. Подождемъ, такъ получимъ сполна, а захотимъ получить раньше срока, то его вексель легко дисконтировать.

— Да будетъ ли онъ играть-то?

— Я знаю только, что онъ и твои три тысячи, и все, что займетъ еще у кого нибудь, свезетъ вечеромъ въ Maison Solide или куда нибудь въ другое мѣсто.

— Все это такъ, а надобно усадить его вотъ здѣсь, въ этомъ кабинетѣ, и обобрать какъ слѣдуетъ.

— Въ томъ и штука. Да ты берешься, что ли?

— Иначе не сталъ бы и разговаривать. Мнѣ только необходимо, чтобъ ты строго слѣдовалъ моимъ указаніямъ.

— Вашъ покорнѣйшій слуга-съ.

Тутъ Соловецкій въ короткихъ словахъ начерталъ планъ дѣйствія, указалъ роль, какую, по его мнѣнію, слѣдовало играть Рѣзцову, и ручался, что, какой бы ни былъ плачевный исходъ для Миши, Соловецкій съ Рѣзцовымъ останутся не

только въ сторонѣ отъ подозрѣнія общества, но и самъ Панцыревъ не сможетъ питать неудовольствія.

Рѣзцовъ засмѣялся.

— Какже я былъ глупъ! сказалъ онъ, да вѣдь это чистая метода подзадариванья.

— Съ нимъ иначе нельзя. Оно бы лучше тебѣ самому не играть; у меня, признаться, былъ припасенъ и человѣчекъ.

— А!

— Я, продолжалъ Соловецкій, не обращая вниманія на этотъ возгласъ, и пустилъ бы его въ дѣло, еслибъ рѣчь шла о тысячи, другой. Но тутъ пахнетъ десятками тысячъ.

Рѣзцовъ проницательно взглянулъ на собесѣдника.

— А кто этотъ человѣчекъ?

— Нѣкто Липенгузенъ, мой школьный товарищъ. Ты его видѣлъ у меня, тотъ, помнишь, который мечетъ такъ счастливо?

— Съ тоненькими усиками?

— Да.

— Ну, это, я думаю такая бестія, что съ нимъ нужно осторожнѣе.

— Въ большихъ кушахъ — безъ сомнѣнія. Сказать однако-жъ правду — я поступаю несовсѣмъ ловко противъ него.

— Напримѣръ?

— Да онъ первый натолкнулъ меня на мысль, что Миша получилъ наслѣдство, онъ же и предложилъ дѣло. По всему онъ естественный дольщикъ.

— Ты, mio caro, ужъ слишкомъ щепетиленъ. Вотъ еслибъ онъ отыскалъ бонома, привезъ его къ тебѣ на квартиру и усадилъ за карты — я понимаю щекотливость. Но Липенгузенъ подводитъ тебѣ Мишу Панцырева — ха-ха-ха!

— Дѣйствительно, заслуга небольшая, но, видишь ли, онъ первый сказалъ мнѣ о наслѣдствѣ.

— О которомъ ты узналъ въ театрѣ отъ самого Миши, а это равносильно газетному извѣстію. Повѣрь, это будутъ знать сегодня всѣ, кому объ этомъ вѣдать надлежитъ. Даже въ низшихъ игорныхъ сферахъ пронюхалъ какой нибудь Линейкинъ.

— Я, впрочемъ, обѣщалъ...

— И можешь смѣло отказаться, а теперь суть въ томъ, чтобъ ты успѣлъ захватить Мишу, а то, чего добраго, не налетѣли-бъ къ нему архаровцы.

— Такъ рѣшено, мы только вдвоемъ? и все пополамъ?

— Самымъ дружелюбнымъ образомъ. Выигравъ тысячъ

пять-шесть, я заставлю метать его самого, а такому боному и въ голову не придетъ, что его ловятъ на авантажи.

— Впрочемъ, Рѣзцовъ, и кровопусканье это не будетъ для него черезчуръ чувствительно: мы слишкомъ умѣрены въ своихъ желаніяхъ.

— Да мы можемъ разными способами убаюкивать свою совѣсть, замѣтилъ Рѣзцовъ съ улыбкою, но это мы будемъ дѣлать впослѣдствіи, а теперь поѣзжай и привози молодца. Я велю между тѣмъ приготовить завтракъ, который будетъ способствовать его особенному благодушію. Притомъ же, прибавилъ онъ, положивъ руку на плечо собесѣдника, мнѣ необходимо сыграть свою роль, какъ слѣдуетъ.

Соловецкій уѣхалъ немедленно къ Панцыреву.

IV.

Черезъ часъ къ Рѣзцову входилъ толстякъ Мишель, и уже изъ передней доносился его веселый хохотъ.

Хозяинъ выразилъ удивленіе при входѣ Панцырева и Соловецкаго.

— Господа, ужъ, чего добраго, не возвращаетесь ли вы съ какого нибудь веселаго ужина? спросилъ хозяинъ, поздоровавшись.

— Почти угадалъ, молвилъ Мишель, опускаясь въ кресло. — Я дѣйствительно возвратился въ 8 часовъ и едва успѣлъ подремать.

— Рѣзцовъ, сказалъ Соловецкій, я привезъ къ тебѣ нашего добрѣйшаго Михайла Петровича и надѣюсь, что ты исполнишь его просьбу.

— Да отчего же Мишель прямо не обращается самъ, для чего посредничество? спросилъ Рѣзцовъ, какъ ни вь чемъ не бывало.

— Пуганая ворона куста боится. Онъ вчера толкнулся къ друзьямъ, въ которыхъ былъ увѣренъ, — и ошибся.

— Ужъ эти мнѣ друзья, друзья! продекламировалъ Рѣзцовъ.

Панцыревъ улыбался.

— Мнѣ нужно деньжонокъ, сказалъ онъ.

— Ты знаешь, что я не даю денегъ подъ проценты, имѣя разныя дѣла. Но, если ужъ тебѣ крайность, могу одолжить сто, а пожалуй — и двѣсти рублей.

— Очень благодаренъ, но мнѣ, къ сожалѣнію, нужно двѣ тысячи.

— Въ такомъ случаѣ извини.

— Рѣзцовъ, выручи!

— И я присоединяю свою просьбу, прибавилъ Соловецкій. — Миша поставленъ въ безвыходное положеніе: отъ двухъ тысячъ зависитъ вся его будущность. Признаться, я далъ ему уже послѣднія двѣ, а еще столько не хватаетъ.

— Да въ чемъ же дѣло?

— Долго разсказывать; но если у него не будетъ къ вечеру потребной суммы, нашъ потомокъ Гедиминовичей можетъ угодить въ долговое.

— Какая мерзость!

— Выручи, братъ, сказалъ Панцыревъ жалобнымъ тономъ и, скорчивъ гримасу, подмигивалъ Соловецкому.

— Я, конечно, могъ бы понатужиться, но вѣдь двѣ тысячи — кушъ, котораго я не могу бросать на вѣтеръ. Ты, Миша, хоть и хорошій малый, а профинтилъ состояніе и отдашъ долгъ только при какомъ нибудь чрезвычайномъ случаѣ.

— Это вѣрно: будутъ деньги — отдамъ.

— Нѣтъ, Рѣзцовъ, надо выручить пріятеля, сказалъ Соловецкій. Вѣдь ты знаешь, что Мишель никогда не измѣнялъ своему честному слову.

— Да кто же въ этомъ сомнѣвается! Онъ только безпутный... Ему грозитъ стыдъ, а онъ пируетъ до восьми часовъ утра и является, разражаясь смѣхомъ на всю улицу.

— Ха-ха-ха! засмѣялся Панцыревъ. Такая ужъ у меня натура. Говорю тебѣ откровенно: если не дашь денегъ, я возвращу при тебѣ Соловецкому двѣ тысячи, поѣду къ Борелю позавтракать на славу, а оттуда самъ отправлюсь въ долговое.

— Безшабашная твоя голова! Кто-жъ это упекаетъ тебя?

— Нѣкій аферистъ темнаго происхожденія.

— Но ты мнѣ скажи, Панцыревъ, какъ честный человѣкъ: имѣешь ли ты какія нибудь надежды заплатить мнѣ деньги?

— Положительно никакихъ, но плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ.

— Надежда дѣйствительно логичная...

— Ну что же?

— Право, не знаю. У меня есть деньги, я распорядился вчера вынуть изъ банка порядочный кушъ на покупку одного имѣнія...

— Не забудь, Рѣзцовъ, что ты спасаешь меня отъ позора.

Рѣзцовъ задумался.

— Экій безпутный проказникъ! Изволь, такъ и быть, но

съ тѣмъ, чтобъ Соловецкій проводилъ тебя прямо отъ меня къ кредитору, которому вы и вручите совмѣстно деньги: я боюсь, что если Мишеля отпустить одного, то онъ заѣдетъ куда нибудь въ хорошее мѣсто на утренникъ и продуется до послѣдней синенькой...

— Ха-ха-ха! Согласенъ. Можешь даже вручить и деньги Соловецкому, а вексель напишу я.

— Къ чему вексель? сажать тебя въ долговое я не буду, а разживешься — привезешь и самъ.

Панцыревъ всталъ и пожалъ руку хозяину. Лицо его приняло серьезное выраженіе.

Рѣзцовъ подошелъ къ столу и выдвинулъ до половины одинъ ящикъ, заваленный деньгами, связанными въ пачки.

— Господи! сколько у него денегъ! воскликнулъ Панцыревъ, сплеснувъ руками.

— Я же тебѣ говорилъ, что покупаю имѣніе. Здѣсь ровно двадцать тысячъ. Ну, я оттяну какъ нибудь и отдамъ только пятнадцать: двѣ дамъ тебѣ, три оставлю у себя. Только смотри, Панцыревъ, поѣзжай и расплатись.

И Рѣзцовъ, вынувъ двѣ пачки радужныхъ, задвинулъ ящикъ.

— Тутъ ровно двѣ тысячи. Сочти, Миша, потому что деньги любятъ счетъ. Желаю тебѣ не только избавиться отъ настоящей бѣды, но и поправиться въ будущемъ.

Миша взялъ деньги, не считая, положилъ въ карманъ, а на глазахъ у него навернулись слезы и тихо покатились по лицу. Онъ бросился на шею Рѣзцову.

— Значитъ, есть еще люди, которые любятъ меня искренно, сказалъ онъ всхлипывая.

— Богъ съ тобою, что̀ ты! Вѣдь еслибъ и со мной приключилось горе, а у тебя были бы деньги...

— Нѣтъ, Рѣзцовъ, ты глубоко благороденъ.

Панцыревъ вынулъ платокъ, отеръ слезы и громко разсмѣялся.

— Да ты никакъ рехнулся отъ радости!

— Дѣйствительно можно рехнуться. Теперь вотъ въ чемъ дѣло.

И Панцыревъ въ короткихъ словахъ разсказалъ объ улучшеніи своихъ обстоятельствъ.

Рѣзцовъ въ свою очередь обнялъ Мишу и выразилъ непритворную радость.

— А деньги я привезу тебѣ послѣзавтра, сказалъ Панцыревъ.

— Тѣмъ лучше, милѣйшій, потому что я обѣщалъ уплатить именно двадцать тысячъ.

— Ну, какже, Рѣзцовъ, мнѣ было не заплакать, продолжалъ Миша, снова принимая серьезный видъ. Я долго бѣдствовалъ, я замотался... пробовалъ прибѣгать къ закадычнымъ друзьямъ — отказъ; просилъ одного негодяя, котораго вытащилъ изъ грязи — тотъ выразилъ полнѣйшее сочувствіе, но съ сокрушеннымъ сердцемъ объявилъ, что помочь не можетъ... Вдругъ съ неба падаетъ наслѣдство... Никто еще не знаетъ. Понимаешь, захотѣлось кутнуть. Разумѣется, теперь всякая бестія дастъ денегъ. Ну, думаю въ театрѣ, испытаю Соловецкаго — и не успѣлъ заикнуться, какъ онъ отдалъ всѣ деньги... Тутъ ужъ, признаюсь, мы составили заговоръ и противъ тебя.

— И ты, Брутъ, противъ меня! воскликнулъ Рѣзцовъ, обращаясь къ Соловецкому.

— Я былъ увѣренъ въ твоемъ благородствѣ и съ полною готовностью присталъ къ маленькому заговору.

— Какже я радъ, Миша, что ты устроишься. Извини, однако, за нескромный вопросъ: ты много долженъ?

— Можешь себѣ представить, что не такъ много, какъ всѣ думаютъ: тысячъ шестьдесятъ придется отдать.

— И все по документамъ?

— По самымъ безспорнымъ.

— Значитъ, тебѣ не долго придется и покутить.

— Кто знаетъ... Во первыхъ, я остепенился.

— Ужъ и остепенился!

— Я тебѣ говорю. Во вторыхъ, надобно знать, что еще такой же кушъ не за горами.

— То есть?

— То есть, одна тетушка отправилась въ Елисейскія, а другая еще здравствуетъ.

— Но она лѣтъ пожилыхъ?

— Высокопочтенныхъ, такъ что я даже боюсь — не огорчила бы она меня своею кончиною въ то время, когда я еще не успѣю оправиться послѣ смерти этой благодѣтельницы.

— Бѣдный Миша, замѣтилъ Соловецкій, пожалуй, круглый годъ не выйдетъ изъ траура.

— Такая ужъ доля, проговорилъ Мишель, скорчивъ гримасу.

— Однако, господа, сказалъ Рѣзцовъ, покончивъ дѣло дружбы, я непрочь бы позавтракать.

И онъ позвонилъ.

— Почему же! отозвался Панцыревъ, я самъ готовъ пропустить чего нибудь.

— Да ты по части выпивки?

— Также и по части бифштекса.

— Но пить ты что̀ предпочитаешь?

— Разумѣется, благородный лафитъ *grand vin*.

— И ты выпьешь самаго бархатнаго.

Явился слуга.

— Приготовить намъ завтракъ поскорѣе. Особыхъ затѣй ненужно: проворнѣе накрыть на столъ, и пусть поваръ подастъ почти сыраго ростбифа, холодной осетрины, а третье блюдо отдаю на его усмотрѣніе. Но главное, чтобъ лафитъ былъ теплый, а шампанское холодное.

— И такъ, сказалъ Соловецкій по уходѣ слуги, я повезу Мишеля къ аферисту.

— Ну, зачѣмъ вы надули меня, сказалъ Рѣзцовъ. Теперь слушай, Панцыревъ, если тебѣ на нѣсколько дней нужно еще денегъ, я къ твоимъ услугамъ.

— Благодарю, не надо: у меня достаточно, чтобъ кутнуть на радостяхъ, а послѣзавтра я баринъ-бариномъ.

— Какъ знаешь, но только вотъ тебѣ мой дружескій совѣтъ: не кути слишкомъ и устройся лучше такъ, чтобы послѣ не нуждаться.

— Увидишь, Рѣзцовъ, какъ устроюсь!

— Да ты дѣйствуй такимъ образомъ, чтобъ мысль о кончинѣ оставшейся въ живыхъ тетушки тебя не очень безпокоила.

— Ха-ха-ха, проказникъ! Однако, разсуди, могу ли я утерпѣть, чтобъ хоть нѣсколько дней не пожуировать? мало ли я постился?

— Это все ничего, но не·ѣзди по игрокамъ.

— Ужъ будто бы я такъ и ѣзжу по всѣмъ вертепамъ. Ты очень хорошо знаешь, что я щекотливъ на эти вещи. Куда же я ѣзжу? въ два, три мѣста, гдѣ и ты бываешь.

— А долго тебя сбить съ толку?

— Ну, это бабушка надвое сказала. Я, братъ, какъ тебѣ извѣстно, не люблю бывать въ какомъ нибудь обществѣ. Однако, Рѣзцовъ, кстати — какъ твоя игра въ клубѣ?

— Не могу пожаловаться.

— Ты извѣстный счастливецъ. А направо-налѣво?

— Не могу похвалиться.

— Что-жъ, не везетъ?

— Баснословно.

— Но вѣдь у тебя своя система, ты много не проиграешь!

— Это, любезнѣйшій, разсказывается только, а человѣкъ такъ созданъ, что какъ увидитъ свою кровь — такъ и лѣзетъ на стѣну.

— Браво! Азартная игра иначе и быть не можетъ. Мнѣ случалось и выигрывать, и проигрывать, сколько влѣзетъ.

— Соловецкій! какія явились у него плебейскія выраженія у этого Панцырева, сказалъ, смѣясь, Рѣзцовъ, намекая на его аристократическіе предразсудки.

— Ну, mon cher, ужъ на выраженіяхъ ты меня не лови: всѣ мы дурно знаемъ русскій языкъ съ дѣтства и собственно учились ему впослѣдствіи.

— Однако, »dis moi qui tu hantes, et je te dirais qui tu es«.

— Я не зналъ, что ты умѣешь такъ приставать.

— Я хочу только довести тебя до признанія, что въ годину бѣдствій ты успѣвалъ унижать свои высокоаристократическіе принципы.

— Ну, не думаю.

— А мнѣ сомнительно.

— Спроси у Соловецкаго.

— А я почему знаю? развѣ я хожу за тобою въ качествѣ няньки? отозвался послѣдній.

— Клянусь вамъ, господа, что никогда не канальировался.

— Неужели не игралъ у Линейкина, Кулдыкова и тому подобной сволочи?

— Ну, ужъ за это извини: никогда въ жизни я не позволялъ себѣ до такой степени нарушать приличія. Правда, что эту сволочь я встрѣтилъ въ домѣ генерала Смѣлина, но и туда пересталъ ѣздить потому, чтобъ не сидѣть за однимъ столомъ съ какими-то чучелами, у которыхъ кабацкія замашки.

— Но результатъ будетъ одинъ, Миша, ты всетаки профершпилишься. Признавайся, давно не игралъ?

— Какъ бы вамъ сказать, недѣли двѣ назадъ у Кудряшова.

— А скажи по совѣсти, ты много ему долженъ? спросилъ Соловецкій.

Миша засмѣялся.

— Тысячъ семь, отвѣтилъ онъ: но большую часть суммы я перебралъ по сотнѣ, другой на разныя надобности. Послѣдній разъ онъ занялъ мнѣ сто рублей, я выигралъ на нихъ триста, а Кудряшовъ хоть бы поморщился.

— Да ужъ деликатнѣе его нѣтъ и не будетъ банкомета, надобно правду сказать, отозвался Рѣзцовъ. Я къ нему не ѣзжу потому, что мнѣ не нравится систематическій банкъ, словно заведенная машина, притомъ же боюсь увлечься; но долженъ признаться, что, перестань играть Кудряшовъ, порядочнымъ людямъ некуда ѣздить.

— Ну, а что вы полагаете, господа, о Maison Solide?

— Что-жъ тутъ полагать? сымаютъ пѣнки...

— Въ этомъ домѣ я, однако-жъ, проигралъ больше, нежели у Кудряшова.

— Это такъ похоже на тебя, Панцыревъ.

— Почему?

— Потому что Богъ обидѣлъ тебя сметкою. Ты не можешь сообразить, что если у Кудряшова проигрываешь, то и выиграть можешь огромный кушъ, ибо тамъ хоть срывай банкъ за банкомъ, тебѣ, знай, подкладываютъ. Теперь представь себѣ, что творится у этихъ алтынниковъ? Во первыхъ, цѣлый ареопагъ дольщиковъ, словно у какого нибудь Линейкина, во вторыхъ, всѣ эти банкометы такъ и нюхаютъ, много ли прибыло въ банкъ, и чуть выигралъ пятьсотъ, шестьсотъ рублей, сію минуту бастикъ! А если идетъ на проигрышъ, какіе стоны, оханья, противно слушать!

— Ты справедливо разсуждаешь, mon cher, и я согласенъ, что если ужъ играть, то именно тамъ, гдѣ можно и зацѣпить.

Въ это время доложили о завтракѣ. Рѣзцовъ пригласилъ пріятелей въ столовую, обмѣнявшись быстрымъ взглядомъ съ Соловецкимъ, который какъ-то особенно кивнулъ головою.

Закусивъ довольно плотно и выпивъ съ наслажденіемъ высокаго лафита, Панцыревъ пришелъ въ необыкновенно пріятное расположеніе духа. Въ концѣ завтрака подали Рѣзцову письмо. Онъ прочелъ и поморщился.

Панцыревъ захохоталъ.

— Бьюсь объ закладъ, что просятъ денегъ, сказалъ онъ.

Рѣзцовъ махнулъ рукой.

— Однако, любезнѣйшій, у тебя такой лафитъ, что я попрошу позволенія велѣть перенести въ кабинетъ эту недопитую бутылку.

— Если желаешь, подадутъ и цѣлую. Мнѣ ѣхать некуда и дѣлать нечего, я буду очень радъ поболтать съ вами.

— Ну, ужъ я предпочитаю клико, отозвался Соловецкій.

— Понятія не имѣешь, милѣйшій.

— А знаешь ли что, Миша, сказалъ хозяинъ по возвра-

щеніи въ кабинетъ: у тебя, должно быть, легкая рука. Представьте себѣ, князь Иванъ продулся и проситъ дня на три восемьсотъ рублей!

— Да вѣдь онъ много не проиграетъ. Какже это случилось?

— Нашла такая полоса.

Рѣзцовъ снова выдвинулъ извѣстный ящикъ, отсчиталъ восемь радужныхъ, вложилъ ихъ въ конвертъ при коротенькой запискѣ и запечаталъ.

Панцыревъ умильно смотрѣлъ въ соблазнительный ящикъ и подмигнулъ Соловецкому.

Тотъ улыбнулся.

— Намъ бы съ тобою, Миша, такую сумму на сегодня, мы протерли бы ей глазки.

— Что-жъ, скоро и мы будемъ при капиталахъ.

Надписавъ адресъ на конвертѣ, Рѣзцовъ заперъ ящикъ и вышелъ въ другую комнату.

— А какъ ты думаешь, Базиль, спросилъ небрежно Панцыревъ: не сразиться ли мнѣ съ Рѣзцовымъ?

— Погибшая ты голова, Миша, ей Богу!

— Любезнѣйшій! я теперь въ такомъ положеніи, что могу позволить себѣ маленькое удовольствіе.

Въ эту минуту вошелъ хозяинъ.

— Что-жъ, Миша, ты просилъ лафиту, а сѣлъ такъ далеко отъ бутылки.

— Я, братъ, поближе къ ломберному столику, сердце не камень.

— А, вотъ что! Но я думаю, что еще рано ѣхать куда нибудь.

— Да онъ и не располагаетъ никуда ѣхать, молвилъ, засмѣявшись, Соловецкій: онъ разсчитываетъ сразиться съ тобою.

— Вотъ это ужъ пустяки.

— Отчего? спросилъ Миша заискивающимъ голосомъ.

— Тебѣ хочется знать, отчего?

— Конечно, хочется.

— Ну, такъ слушай же, драгоцѣннѣйшій Михаилъ Петровичъ. Я — игрокъ въ душѣ и люблю играть, но у меня есть свои правила. Ты знаешь, что я человѣкъ со средствами, и если проиграю десять, двадцать тысячъ, то и заплачу...

— Нѣтъ, столько ты не проиграешь.

— Нельзя ручаться ни за что. Я говорю только къ тому, что подобная сумма не разоритъ меня, и что играть со мною можно, ибо силы равныя. Но ты разсуди вотъ что̀: я поль-

зуюсь хорошею репутаціею въ томъ кругу, къ которому не принадлежу по праву рожденія, но въ который облегчили мнѣ доступъ и мое образованіе, и мои связи съ самой ранней молодости. Я свободенъ отъ твоихъ предразсудковъ, а также и отъ предразсудковъ достойнаго Базиля, но дорожу своимъ кругомъ знакомыхъ. Представь же себѣ, что, узнавъ о твоемъ наслѣдствѣ, я сажусь сегодня играть съ тобою, и тебѣ не повезетъ, ты проваливаешь, положимъ, тысячъ десятокъ... Какая пойдетъ молва? Какъ заблаговѣстятъ во всѣхъ гостинныхъ: и завлекъ Рѣзцовъ бѣднаго Мишу, и обыгралъ навѣрную, и подпоилъ его, чуть не насильно вытащилъ деньги изъ кармана.

— Какая чепуха, любезнѣйшій!

— Положимъ, чепуха, но пойдутъ подобные толки и что это будетъ такъ, въ томъ тебѣ порукою десятки игроковъ, которые дѣйствительно желали бы завлечь тебя, подпоить и обобрать, какъ бѣлку.

Миша покраснѣлъ съ досады и налилъ полный стаканъ лафиту.

— Неужели же я такой пошлякъ, что меня можно обыграть навѣрную?

— А развѣ тебя не обирали, дрожайшій?

— »Когда легковѣренъ и молодъ я былъ!« Но позволь же, мой добрый Рѣзцовъ, сказать и тебѣ правду. Я тоже игрокъ въ душѣ, люблю перекинуться въ картишки, могу теперь проиграть тысячъ десять, а пожалуй — и больше на честное слово, а не то и на вексель, и это не сдѣлаетъ мнѣ большой разницы. Но неужели ты считаешь меня такою тряпкою, что я пойду всѣмъ разсказывать, что Рѣзцовъ обыгралъ меня? Вѣдь что̀ произойдетъ между нами — ты ли меня обыграешь, я ли тебя обработаю — знать будемъ только мы съ тобой, да Соловецкій, а я въ обихъ васъ вѣрую, какъ въ истинныхъ друзей.

— Посмотри, какъ онъ навострился — говоритъ, какъ пишетъ, сказалъ Соловецкій.

— Даю тебѣ слово, Рѣзцовъ, что мнѣ смерть хочется поиграть.

— Развѣ, кромѣ меня, нѣтъ охотниковъ?

— Какъ не быть... Разсуди, сказалъ Панцыревъ, допивъ съ наслажденіемъ послѣдній глотокъ лафита, что человѣку, который такъ долго воздерживался, приличнѣе же сразиться въ дружеской компаніи.

— Нѣтъ, пожалуйста, выбрось это изъ головы. Тебѣ еще, кромѣ картъ, много предстоитъ удовольствій.

— Все въ свое время. Однако я не предполагалъ въ тебѣ такого упрямца: наладилъ — не хочу, и баста.

— Я вѣдь тебѣ объяснилъ весьма категорически.

— И я, кажется, опровергнулъ тебя весьма достаточно.

— Видалъ ли ты, Соловецкій, голову безшабашнѣе Миши, сказалъ Рѣзцовъ, вынимая ящикъ регалій и ставя на маленькій столъ. Господа, рекомендую такія *Cabanas*, какихъ давно не курилъ.

— Cabanas сами по себѣ, а ты велѣлъ бы поставить зеленый столъ — мы могли бы заняться до обѣда, на который приглашаю васъ къ Веру.

— А вѣдь сѣсть съ нимъ, замѣтилъ Рѣзцовъ, немудрено, что при такомъ пламенномъ желаніи и оберетъ.

— И оберу, говорилъ повеселѣвшій Панцыревъ, замѣчая, что Рѣзцовъ поддавался.

— Если ужъ ты такой неотвязчивый, изволь, — шесть королей въ пикетъ по рублику.

— Фи! въ пикетъ, и еще по рублику.

— Развѣ не довольно? вѣдь можешь легко проиграть тысячу.

— Нѣтъ, лучше банчикъ.

— Ужъ за это извини. Хочешь играть — сядемъ какъ сказано, а иначе не согласенъ. Я дѣлаю тебѣ уступку.

— Ну, хорошо. Тамъ посмотримъ, прибавилъ Миша, закуривая сигару. Да сядемъ по два, Базиль тебѣ придержитъ.

— Соловецкій какъ хочетъ, и вы съ нимъ сладьтесь, а я больше рубля не сяду.

— Упрямъ, какъ лошадь.

Рѣзцовъ кликнулъ камердинера, и черезъ пять минутъ раскрытъ былъ столъ, и подано полдюжины картъ.

Миша расцвѣлъ совершенно.

V.

Соловецкій отказался участвовать въ игрѣ, но обѣщалъ не оставлять пріятелей и, поставивъ свой стаканъ съ шампанскимъ тутъ же на столѣ, взялъ »Independance Belge« и расположился читать, покуривая сигару.

Мишѣ сперва повезло, но потомъ онъ началъ проигрывать король за королемъ и въ итогѣ спустилъ восемьсотъ рублей.

— Еще на шесть, сказалъ онъ.

— А ты забылъ пословицу: »играй, да не отыгрывайся«?

— Пословица глупѣйшая, mon cher. Однако, прибавимъ рубликъ.

— Ни копѣйки!

— Экая жила!

Слѣдующіе шесть королей окончились также, какъ и первые, съ прибавкою сотни рублей, что не только не охладило Мишу, а, напротивъ, увеличило его азартъ.

Рѣзцовъ всталъ съ неудовольствіемъ.

— Видишь, Панцыревъ, говорилъ онъ, доставая себѣ сигару: у меня словно было предчувствіе.

— Что же тутъ такого? да развѣ же мнѣ первый разъ проигрывать!

— Дѣло не въ томъ, а мнѣ не хотѣлось бы распочинать тебя.

— Сдѣлай милость, не стѣсняйся! Вотъ я только попрошу одного, позволь не платить сегодня.

— Смѣшная просьба. Развѣ же не я тебѣ далъ денегъ на твои надобности? Это вздоръ!

— Да ты не принимай, пожалуйста, близко къ сердцу моихъ интересовъ и дай мнѣ тебя обыграть.

— Какъ! еще?

— А то неужели кончить какимъ нибудь жалкимъ пикетомъ?

— Значитъ, ты положительно неисправимъ.

— Душенька Рѣзцовъ! Знаешь ли, что проигрывать такому тонкому игроку, какъ ты, доставляетъ истинное наслажденіе.

— Смотрите! онъ уже льстить начинаетъ.

— Да перестань, вѣдь Миша не ребенокъ, сказалъ Соловецкій.

— Ну, садись съ нимъ самъ.

— А что и въ самомъ дѣлѣ, Базиль, отчего бы тебѣ не сѣсть со мною?

— Если ужъ ты хочешь непремѣнно...

— Хочу ли я? Я жажду. Только къ чорту пикетъ, а ты позволь мнѣ дать тебѣ тысячу палокъ.

— У палки два конца, замѣтилъ Рѣзцовъ: смотри, чтобы Соловецкій не вздулъ тебя.

— Мы сядемъ съ тобою, Базиль, а онъ походитъ, да и пристанетъ, сердце вѣдь не камень.

— Ты что тамъ бормочешь, Миша?

— Ничего-съ.

— Ты смотри, не серди меня, а то приду въ азартъ и обоихъ васъ обыграю.

— Ты только скажи, чѣмъ можно разсердить тебя?

Миша ужъ распечатывалъ карты.

Въ нѣсколько ударовъ онъ выигралъ у Соловецкаго рублей двѣсти и былъ въ восторгѣ. Тотъ какъ бы опечалился, но не бастовалъ.

— Такъ его, такъ! говорилъ Рѣзцовъ, стоя возлѣ стола.

— Хочешь держать на фигуры почемъ угодно?

— Хочу.

Панцыревъ потиралъ руки отъ удовольствія. Ему рутировала девятка. Рѣзцовъ примазался и проигралъ рублей триста.

— Довольно! сказалъ онъ.

— Какъ?

— Нелѣпая игра.

— Ха-ха-ха!

— Конечно, нелѣпая.

— И я согласенъ, замѣтилъ Соловецкій. Если не ошибаюсь, Миша, я какъ разъ проигралъ тебѣ вчерашній заемъ: значитъ, мы квиты.

— Вотъ тебѣ и разъ! Вѣдь играешь же ты, Рѣзцовъ, въ клубѣ и просиживаешь до большаго штрафа.

— Въ клубѣ другое дѣло, туда ѣдешь съ цѣлью играть.

— Да ты признайся, можетъ быть, не хочешь потому что у меня мало наличныхъ?

— Это было бы свинство, отозвался Соловецкій: тебѣ не слѣдовало бы и заикаться объ этомъ.

— Нѣтъ, но я говорю къ тому, что у многихъ игроковъ есть предразсудки.

Рѣзцовъ промолчалъ.

— Это ужъ я знаю, продолжалъ Миша, вынимая портфель. Я посылалъ за вексельною бумагою, тутъ есть разнаго достоинства: я напишу какую хочешь цифру.

— Это лишнее.

— Нимало не лишнее, возразилъ Панцыревъ. Данныя тобою взаймы двѣ тысячи я и оставляю на честное слово, а проигрышъ на вексель, хочешь?

— Самъ лѣзетъ въ пропасть, проговорилъ Рѣзцовъ, пожимая плечами.

— Да почему же ты увѣренъ, что я тебя не втолкну въ нее?

— Конечно, можетъ все случиться, замѣтилъ Соловецкій.

— А ты, Рѣзцовъ, не упорствуй, заложи намъ банчикъ, мы съ Базилемъ немножко пощиплемъ тебя.

— Ну ужъ этому не бывать. Если ты ужъ взбѣленился,

то самъ и закладывай, по крайней мѣрѣ, при меткѣ не будешь горячиться.

— Изволь, хотя я и плохой банкометъ, а заложу. Мнѣ пріятно, что ты поддаешься наконецъ. Эй, человѣкъ, картъ побольше!

Камердинеръ вычистилъ столъ и принесъ дюжину картъ.

Панцыревъ подошелъ къ письменному столу, вынулъ бланкъ, написалъ вексель въ три тысячи рублей и положилъ его на зеленое поле.

Рѣзцовъ отперъ ящикъ, досталъ три пачки по тысячи, разложилъ ихъ на столѣ, а себѣ отсчиталъ тысячу помельче.

— У меня правило, Миша, въ азартныя игры не играть на мѣлъ, ты справедливо замѣтилъ. Вотъ три тысячи, закладывай ихъ, а я беру твой вексель. Если обыграешь насъ, вексель возвращу, а ты заберешь деньги. У тебя есть съ собою капиталы, Соловецкій?

— Небольшіе.

— Возьми пятьсотъ. Дѣлать нечего, надо потѣшить этого взбалмошнаго, неисправимаго мальчишку.

— Посмотрите, какъ этотъ мальчикъ вздуетъ васъ обоихъ! говорилъ Панцыревъ, сгребая въ кучу деньги и распечатывая карты, поворошивъ прежде, какими играть, красными или синими.

Онъ весело тасовалъ колоду.

Соловецкій и Рѣзцовъ присѣли къ столу.

Первую талію оба понта поставили на счастіе не очень большіе куши, и оба проиграли. Но вторая началась и кончилась весьма неблагопріятно для Миши, который держалъ колоду, что называется, *вѣеромъ*, такъ что уголки двухъ, даже четырехъ слѣдующихъ картъ были видны, а эти уголки носили на себѣ условныя мѣтки, извѣстныя обоимъ понтамъ. Соловецкій выигралъ немного, но Рѣзцовъ сорвалъ банкъ въ пять картъ, идя угломъ, по шесть, по двѣнадцать кушей и т. д.

— Вотъ тебѣ и банкъ! сказалъ онъ, придвигая деньги.

— Что-жъ, ты умѣешь играть — это не новость.

— Не довольно ли?

— Вздоръ! воскликнулъ Миша, отправился къ письменному столу и написалъ новый бланкъ. Рвите пять тысячъ, продолжалъ, онъ, бросая вексель.

— Рѣзцовъ снова размѣнялъ и этотъ вексель. Миша перемѣшалъ карты, потребовалъ стаканъ лафита и принялся метать.

Рѣзцовъ игралъ на счастіе ни въ чью, но за то Соловецкій въ двѣ таліи очистилъ поле.

— Довольно, Миша, побаловались! сказалъ Рѣзцовъ, вставая. Этакъ ты проиграешь все наслѣдство — тебѣ чертовски не везетъ.

— Я и самъ вижу, что не везетъ, но не можетъ же быть, чтобы такая полоса продолжалась постоянно. Позвольте, друзья, отыграться хоть немного. У меня остался одинъ бланкъ. Рвите еще пять тысячъ.

— Панцыревъ! ты дѣлаешь положительно глупости.

— Голубчикъ! послѣдній банкъ — даю слово.

— Вѣдь вотъ несчастіе, молвилъ Соловецкій съ неудовольствіемъ, не будь я въ выигрышѣ, я отказался бы, а теперь какъ-то неловко.

— А по моему играть больше не слѣдуетъ, сказалъ Рѣзцовъ.

— Перестань! А ты посмотри, какъ я васъ вздую.

— »*Il est terrible dans sa naïveté!*« продекламировалъ хозяинъ.

— Ну, нечего говорить стихами, лучше садись и валяй!

Снова вексель перешелъ въ ящикъ Рѣзцова, а на зеленомъ столѣ появилось пять пачекъ радужныхъ. Понятно, что Миша тѣшился недолго. Каждую талію бѣднякъ мѣнялъ карты, но пріемъ этотъ не помогалъ, и, убивъ лишь нѣсколько семпелей, онъ спустилъ пять тысячъ.

Начинавшій овладѣвать имъ хмѣль какъ рукою сняло; страсть къ игрѣ воспрянула въ немъ со всею силою; глаза разгорѣлись; значительный проигрышъ производилъ въ немъ дрожь, но не ту, которая пробѣгаетъ по тѣлу въ минуты отчаянія о невозвратной потерѣ, а задорную дрожь неофита, желающаго отыграться, во что̀ бы то ни стало.

— Тринадцать тысячъ это много! сказалъ Рѣзцовъ. Видишь, Миша.

— Что видишь? Экая важность! Вѣдь могъ бы и у тебя выиграть. А ты, если пріятель, то заложи...

— Это было бы величайшею глупостью.

— Нѣтъ, Рѣзцовъ, сказалъ Соловецкій. Мнѣ очень грустно, что дѣло приняло такой оборотъ. Теперь я считаю себя нравственно обязаннымъ дать Мишѣ реваншъ. Пусть онъ будетъ увѣренъ, что мы не дорожимъ своимъ выигрышемъ.

— Дай руку, Соловецкій! Этакъ можетъ говорить только истинный и высоко порядочный джентльменъ.

— Да вѣдь онъ проиграется теперь въ пухъ! отозвался Рѣзцовъ съ неудовольствіемъ.

— По крайней мѣрѣ, не будетъ пенять на насъ. По убѣжденію я не игралъ бы, соглашаясь съ тобою, что при такомъ адскомъ несчастіи трудно надѣяться на поворотъ фортуны; но съ другой стороны...

— А я увѣренъ, перебилъ Мишель, что ворочу всѣ свои деньги.

Рѣзцовъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ, выложилъ на столъ три тысячи и распечаталъ карты.

Панцыревъ вынулъ пачку изъ бумажника.

— Вотъ это ужъ не годится, сказалъ хозяинъ, вставая, не съ цѣлью обыграть тебя я сажусь метать банкъ, а просто изъ угожденія, извини, твоему глупому упрямству. Спрячь твои деньги — онѣ будутъ тебѣ нужны. Садись и пиши сохранную расписку: я дамъ тебѣ наличныхъ для понтировки.

— Ей Богу, вѣдь такъ только истинные друзья поступаютъ. И сердитъ я на тебя, и вмѣстѣ готовъ облобызать. За то же увидишь, что, получивъ капиталы, немедленно явлюсь къ тебѣ. Сколько же мнѣ взять на понтировку?

— Это твое дѣло.

— Можно пять?

— То есть чего? сотенъ или...

— Разумѣется, тысячъ.

— Пиши, а я тебѣ сейчасъ отсчитаю.

Получивъ пять тысячъ, Миша словно выросъ и небрежно положилъ возлѣ себя пачки разныхъ ассигнацій. Рѣзцовъ сѣлъ метать съ недовольною миною и, разумѣется, не далъ ни одной карты ни Мишѣ, ни Соловецкому. Послѣдній, впрочемъ, проигралъ немного, а Панцыревъ положительно спустилъ всѣ занятыя деньги.

— Ну что? сказалъ Рѣзцовъ, положивъ карты. Видишь, Миша, какъ маленькая пріятельская шалость превращается иногда въ серьезное дѣло.

— Но согласись, что подобнаго несчастія трудно и предполагать.

— Не только на шесть кушей, но даже угла не могъ получить, да и семпель видѣлъ, можетъ быть, послѣ десяти битыхъ.

— Извини меня, но ты понтировалъ какъ-то нелѣпо: привяжешься къ одной картѣ и лѣзешь, словно на стѣну.

— Ты не замѣтилъ, а я перепробовалъ разныя системы, но, признаюсь, все больше отыскивалъ рутерку.

— При такомъ несчастіи нечего было гоняться за рутерками.

— Теперь бы мнѣ попробовать на мирандоль.

— А по моему тебѣ никакъ не должно пробовать, сказалъ Рѣзцовъ, вставая. Теперь пять часовъ пора обѣдать.

Панцыревъ опустилъ голову.

— Я вѣдь и позабылъ, братцы, что звалъ васъ обѣдать... Какже быть?

— Ты не тревожься, Миша, что ты позабылъ, мой поваръ помнитъ свою обязанность и, вѣроятно, подастъ намъ чего нибудь.

— Но вѣдь я же хотѣлъ угостить...

— Можешь сдѣлать это и въ другое время. Мое мнѣніе такое: пообѣдать у меня, а потомъ каждому предоставляется полная свобода дѣйствій.

— На это я согласенъ, только мнѣ хотѣлось бы еще попытать счастія.

— Ты желаешь сказать, что тебѣ хочетея продуть еще нѣсколько тысячъ. Но, Панцыревъ, это мнѣ не нравится, признаюсь откровенно.

— Я тебя, Рѣзцовъ, не понимаю. Собственно говоря — я вѣдь могу располагать своимъ добромъ.

— У тебя никто и не отыметъ этого права. Но пойми, что существуетъ же у порядочныхъ людей чувство, называемое деликатностью, и оно-то запрещаетъ мнѣ пользоваться твоимъ упрямствомъ, которое, при подобной несчастной полосѣ, какъ твоя, можетъ повести къ гибели.

— Преклоняюсь предъ твоею деликатностью, Рѣзцовъ, сказалъ Миша серьезно: — и вѣрю искренно, что ты не хотѣлъ бы меня обыграть; но ты не принимаешь во вниманіе того, что я не малолѣтній.

— Ты какъ будто начинаешь обижаться?

— О, нисколько! Я хочу только тебѣ объяснить, что у меня такая ужъ натура: если я проиграюсь — не могу побѣдить желанія отыграться.

— Прескверная натура, Миша, и вотъ по этому-то я и отказываюсь. Я, однако-жъ, согласенъ на слѣдующій компромиссъ: ты мнѣ долженъ по документамъ восемнадцать тысячъ, возьми еще двѣ будетъ ровно двадцать; и, если уже тебѣ такъ приспичило, поѣзжай послѣ обѣда, куда хочешь, и проигрывай.

— Этотъ милый Рѣзцовъ! проговорилъ Миша съ волненіемъ. Но, извини меня, подобное поведеніе съ твоей стороны глупо.

— Это почему?

— Потому что ужъ слишкомъ рыцарски. Неправда ли, Соловецкій?

— Нѣтъ, неправда. Рѣзцовъ выказываетъ относительно тебя рѣшительную дружбу, а подобное чувство надобно цѣнить.

— Да развѣ же я не цѣню! воскликнулъ Миша, ударивъ кулакомъ по столу.

— Тише! ты, братъ, выказываешь манеры дурнаго тона, а это заставляетъ меня предполагать, что ты научился этому у Линейкиныхъ.

— Ну, братъ, не до манеръ, когда проиграешься... посмотрѣлъ бы ты, какъ рветъ у себя волосы на головѣ Пренкевичъ, когда убьютъ у него нѣсколько картъ, онъ просто иногда стучитъ лбомъ по столу.

— Это погибшій человѣкъ. А кстати что съ нимъ?

— Я слышалъ, что онъ продаетъ домъ, отозвался Соловецкій.

— Можетъ быть, для какой нибудь аферы?

— Какая тутъ афера, когда каждый день проигрываетъ по тысячѣ и больше!

— Господа, это все вещи постороннія, сказалъ Миша, я хотѣлъ бы еще разъ попытать счастія.

Рѣзцовъ не отвѣчалъ, слегка барабанилъ по столу пальцами, а Соловецкій усердно подкладывалъ угля въ каминъ.

— Вотъ что я придумалъ, продолжалъ Панцыревъ, ты заложи банчикъ, а я попробую мирандолемъ *).

*) Мирандолемъ называется особый способъ, усваиваемый преимущественно стариками и вообще людьми съ характеромъ. За него принимаются и горячіе игроки, но, разумѣется, не выдерживаютъ, и вскорѣ этотъ ограничительный способъ превращается въ азартный. Мирандоль заключается въ слѣдующемъ: понтъ ставитъ двѣ карты по ровному кушу и, если онѣ выигрываютъ, идетъ на нихъ же угломъ. Такимъ образомъ, каждая приноситъ ему по три куша. На слѣдующую талію ставятся снова двѣ карты, не снимая выигрышъ, и при удачѣ также повторяются, что приноситъ уже по девяти кушей на каждой. Если у понта убьютъ, положимъ, одну, онъ больше не ставитъ во всю талію и ожидаетъ результата другой, которая, будучи дана, всетаки приноситъ ему выгоды чистыхъ два куша. На случай неудачи, т. е. если обѣ карты биты, благоразумный понтъ не позволяетъ уже себѣ ставить въ талію. Но есть еще такъ называемый *половинчатый* мирандаль. Поставивъ двѣ карты и взявъ на одной изъ нихъ уголъ, понтъ проситъ позволенія сойти съ другой, и такимъ образомъ довольствуется выигрышемъ двухъ кушей. Читатель видитъ, что методъ чисто стариковскій, и что слѣдовать ему могутъ только люди въ высшей степени холодно-разсчетливые. Горячіе понты хотя и прибѣгаютъ къ этой системѣ, однако никогда ея не выдерживаютъ, и при несчастіи, вмѣсто того, что уменьшать кушъ, увеличиваютъ его въ большей пропорціи и, конечно, стремятся къ проигрышу.

— Я знаю только, что прежде всего хочу обѣдать.

— А потомъ?

— Потомъ, посмотримъ.

— Значитъ, ты начинаешь поддаваться. Изволь, я согласенъ насчетъ обѣда. Впрочемъ, пока приготовятъ, я могъ бы пустить одинъ-другой хорошенькій мирандольчикъ.

— Нѣтъ, я положительно не буду играть до обѣда.

Мишѣ не сидѣлось, его подмывало.

— Сколько же ты мнѣ дашь? спросилъ онъ.

— Еще двѣ тысячи. Понимаешь, я не хочу, чтобы ты проигрывалъ тѣ деньги, которыя взялъ на честное слово — вѣдь они тебѣ нужны.

— И какъ еще! Я обѣщалъ Жюли подарокъ, а отъ нея не отвертишься.

— Я думаю, молвилъ Соловецкій, засмѣявшись, она вѣдь такъ долго дожидалась.

— Ну, она-то не можетъ пожаловаться: ужъ тамъ какъ я ни бѣдствовалъ, а Жюли не оставалась безъ рессурсовъ.

— Это совершенно справедливо — у нея всегда были рессурсы.

— То есть ты хочешь сказать...

— Хочу сказать, что, еслибъ ты цѣлую вѣчность оставался безъ денегъ, Жюли съумѣла бы не нуждаться.

— Я имѣю основаніе думать, что она была мнѣ вѣрна.

— »Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ!«

— Однако, господа, я хочу ѣсть, сказалъ Рѣзцовъ и позвонилъ.

За обѣдомъ, весьма тонкимъ и, благодаря Соловецкому, весьма веселымъ, Панцыревъ позабылъ о своемъ проигрышѣ и болталъ безъ умолку о разныхъ своихъ невзгодахъ, о продѣлкахъ нѣкоторыхъ хлыщей и о собственныхъ похожденіяхъ.

Послѣ обѣда — тѣ же маневры, то же нежеланіе со стороны Рѣзцова и наконецъ — минусъ Панцырева въ пятьдесятъ тысячъ.

VI.

Соловецкій возвратился домой въ такомъ отличномъ расположеніи духа, въ какомъ давно уже не бывалъ. Онъ опоздалъ уже въ театръ и потому рѣшился показаться на часъ-другой кое-у-кого изъ знакомыхъ и потомъ ѣхать прямо на пикникъ къ Огюсту, гдѣ должна была собраться компанія, приглашенная Панцыревымъ. Собственно говоря, ему неслиш-

комъ-то хотѣлось быть на пикникѣ; но Рѣзцовъ посовѣтовалъ ему не упускать изъ вида Мишу, который могъ проиграть еще тысячъ пятьдесятъ и, слѣдовательно, не надо было допускать, чтобы поживились другіе. Соловецкій разоблачился, велѣлъ приготовить себѣ чаю и собирался понѣжиться на широкомъ диванѣ, когда вдругъ въ передней раздался звонокъ.

— Господинъ Липенгузенъ, сказалъ слуга тихимъ голосомъ.

Соловецкій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Ахъ, чортъ возьми! Дѣлать нечего — проси, сказалъ онъ и, вставъ съ дивана, состроилъ самую привѣтливую физіономію.

Липенгузенъ вошелъ нѣсколько нахмуренный.

— Извините, что не во-время, проговорилъ онъ, но я надѣюсь недолго задержать васъ.

— Я еще не скоро поѣду на вечеръ. Садитесь.

Липенгузенъ сѣлъ.

— И такъ, значитъ, мое дѣло пропало, господинъ Соловецкій?

— То есть?

— Я говорю о Панцыревѣ.

— Я долженъ просить у васъ извиненія, что вы не застали меня дома: мнѣ встрѣтилась экстренная надобность отлучиться, да еслибъ я и не уѣзжалъ, то все равно мы ничего не успѣли бы.

— Странно.

— Вы представьте себѣ, любезный Липенгузенъ, что вчера въ театрѣ всѣ уже знали о наслѣдствѣ Миши, который самъ громко объ этомъ разсказывалъ.

— Положимъ, но дѣло въ томъ, что вы всетаки могли *свести игру со мною*, сказалъ Липенгузенъ, подчеркивая послѣднія слова.

— Это не такъ легко, какъ вы думаете, хотя я и не теряю надежды.

— Къ сожалѣнію, я теряю ее.

Соловецкій посмотрѣлъ вопросительно.

— Да, господинъ Соловецкій, я началъ не съ того конца.

— Не понимаю.

— Не притворяйтесь, я хорошо знаю людей. Вы уже прошлись на счетъ Панцырева.

— Какъ? спросилъ Соловецкій, чувствуя большую неловкость.

— Не знаю цифры, но полагаю, что вамъ досталась порядочная доля. Вы сегодня играли у господина Рѣзцова.

— Откуда вы имѣете такія свѣдѣнія? спросилъ Соловецкій нѣсколько обиженнымъ тономъ.

— Наше ремесло требуетъ большой осторожности и осмотрительности. Имѣя въ виду совмѣстно съ вами эксплуатировать Панцырева, я пустился на развѣдки, поѣхалъ въ Большой театръ, въ Маріинскій, и, наконецъ, въ Михайловскомъ увидалъ, какъ вы бесѣдовали съ Мишею. Послѣ вашего веселаго ужина вы предложили Панцыреву ѣхать сегодня съ вами къ Рѣзцову и обѣщали ему облегчить заемъ.

— Но позвольте, кто же вамъ сказалъ?

— Были тѣ, что̀ сказали. Дайте мнѣ кончить. Я тотчасъ же догадался, что̀ вы затѣяли, и желалъ принять мѣры, но, несмотря на свою проницательность, ошибся: я пріѣхалъ къ вамъ часомъ раньше условленнаго времени, а мнѣ слѣдовало сдѣлать это раньше двумя часами.

— Если уже у васъ такіе акуратные агенты, сказалъ Соловецкій, смутившись немного, то я не скрою, что возилъ Мишу къ Рѣзцову, у котораго мы завтракали.

— И обѣдали, и играли, перебилъ Липегузенъ, и, конечно, обыграли его тысячъ на двадцать.

— Дѣйствительно, Панцыревъ сыгралъ съ Рѣзцовымъ двѣнадцать королей въ пикетъ и кончилъ минусомъ около двухъ тысячъ.

— О, извините, тутъ пахнетъ не двумя тысячами!

— Впрочемъ, позвольте, господинъ Липенгузенъ, сказалъ Соловецкій нетерпѣливо, мнѣ кажется, что вы не имѣете права требовать отъ меня отчета въ моихъ поступкахъ.

— Напротивъ, господинъ Соловецкій, имѣю полное право требовать, потому что мы должны были дѣйствовать вмѣстѣ.

— То есть какже это должны? и почему должны, смѣю спросить? Я вамъ очень ясно заявлялъ, что ваше сотоварищество весьма затруднительно.

— Извините, вы очень положительно обѣщали.

— Но я васъ всетаки спрашиваю — чѣмъ я вамъ обязанъ, еслибъ я въ самомъ дѣлѣ выигралъ у Миши не только двадцать тысячъ, какъ вы говорите, а двѣсти?

— Развѣ не я первый подалъ вамъ мысль?

— Вамъ слѣдовало привезти ко мнѣ Панцырева, усадить за зеленый столъ, и тогда вы могли бы разсчитывать на долю. Вотъ еще, въ самомъ дѣлѣ, основательная претензія! Поло-

жимъ, вы сообщили мнѣ о наслѣдствѣ Миши; но развѣ это могло надолго оставаться тайною? Вѣдь онъ самъ разсказывалъ объ этомъ встрѣчному и поперечному. Наконецъ, развѣ Панцыревъ новичокъ, котораго нужно соблазнять, втягивать въ игру разными подходами? развѣ онъ самъ, имѣя сотню-другую въ карманѣ, не лѣзетъ на игру, гдѣ попало? Подите!

— Я знаю только, что вы, какъ порядочный человѣкъ, должны принять меня въ долю.

— Если устрою игру у себя, я непрочь..,

— Нѣтъ, я вижу, что вы не устроите; но изъ добытаго я долженъ получить...

— Вы, кажется, бредите.

— Послушайте, Соловецкій, мы не въ первый разъ дѣйствуемъ. Я ссориться не хочу... Я не имѣю даже охоты узнавать — сколько проигралъ Панцыревъ, но будетъ для васъ безобидно, если вы отсчитаете мнѣ двѣ тысячи, и мы останемся по прежнему союзниками.

— Во первыхъ, это дѣло неподходящее.

— Почему?

— Потому что я не намѣренъ бросать денегъ на вѣтеръ; во вторыхъ, если я и выигралъ, то очень немного, и въ третьихъ — Миша не имѣетъ еще наличныхъ денегъ.

— Всеравно, вы взяли съ него вексель и можете выдать и мнѣ такой же.

Соловецкій всталъ.

— Послушайте, Липенгузенъ: есть предѣлы приличія, за которыми...

— А я вамъ скажу, господинъ Соловецкій, что въ ремеслѣ, которое вы избрали, всякое приличіе только напоказъ, а не въ четырехъ стѣнахъ.

— Но всетаки человѣкъ порядочный...

— Тотъ ужъ не порядочный кто обыгрываетъ навѣрную, кого бы то ни было. И я вамъ не совѣтовалъ бы вламываться въ амбицію.

— Этотъ тонъ...

— Весьма приличенъ съ вами. Когда Липенгузенъ помогалъ вамъ обрабатывать рижскаго купца, вы были куда какіе шелковые, потому что безъ Липенгузена не могли получить на свою долю четырехъ тысячъ; а когда онъ наткнулъ васъ на одно дѣло, которымъ вы могли воспользоваться помимо его, вы и носъ отворачиваете.

— Я просилъ бы васъ быть осмотрительнѣе въ выраженіяхъ.

— Дайте, наконецъ, хоть полторы тысячи рублей, и я оставлю васъ въ покоѣ.

— Не получите ни гроша, и прошу васъ впередъ избавить меня отъ вашихъ посѣщеній.

— Стало быть, вы меня выгоняете?

Соловецкій въ волненіи ходилъ по комнатѣ.

— Мнѣ это крайне непріятно, господинъ Липенгузенъ. Но ваша назойливость...

— Мое требованіе очень умѣренно — согласитесь сами, и что я вправѣ требовать у васъ долю — я готовъ сослаться на кого угодно.

— Что же, вы хотите насильно вырвать у меня деньги, въ моей квартирѣ?

— Вырвать силою довольно трудно, и я не знаю, зачѣмъ вы употребляете это выраженіе; но мнѣ хотѣлось бы довести васъ до сознанія, что вы обязаны удовлетворить меня.

— Въ этомъ вы никогда не успѣете, а если я немного погорячился, то вы сами виноваты.

— Я же и виноватъ!

— Будемъ говорить, Липенгузенъ, хладнокровно.

— Я ничего больше и не желаю.

— Мы дѣйствовали на поприщѣ общей нашей профессіи задолго еще до того, пока познакомились: у васъ была своя практика, у меня своя.

Соловецкій остановился.

— Продолжайте.

— Миша Панцыревъ — мой кліентъ издавна, и я всегда могъ и могу эксплуатировать его безъ посторонней помощи.

— Но вѣдь я указалъ вамъ самый благопріятный и неожиданный моментъ, упустивъ который, можно было упустить и добычу.

— Извините: Миша не такой человѣкъ, чтобы могъ долго скрыть улыбку фортуны. Повѣрьте, что онъ самъ пріѣхалъ бы ко мнѣ или къ Рѣзцову.

— А могъ поѣхать и въ другое мѣсто.

— И всетаки, перебилъ Соловецкій: я вамъ даю слово, что, еслибы мнѣ удалось устроить игру у себя, вы получили бы вашу долю, и наконецъ, если успѣю затащить его къ себѣ, я готовъ принять васъ въ товарищество.

— Очень вамъ благодаренъ, но это все невѣрное будущее, а я человѣкъ положительный и люблю поступать на чистоту. Мнѣ слѣдуетъ получить съ васъ, если не долю, по крайней

мѣрѣ вознагражденіе агента, и то если вы дадите честное слово пригласить меня на эксплуатацію.

— Я уже вамъ объяснялъ, что послѣднее затруднительно, и что мнѣ не слѣдуетъ компрометировать себя.

— Положимъ, я уступилъ бы вашимъ аристократическимъ замашкамъ; но въ такомъ случаѣ вы дайте же мнѣ вознагражденіе.

— Въ какомъ, наконецъ, размѣрѣ?

— Не менѣе пятисотъ рублей.

Соловецкій засмѣялся.

— Въ самомъ дѣлѣ, Липенгузенъ, вы считаете меня малолѣтнимъ. Знаете что: мнѣ, признаться, надоѣла эта сцена, и, чтобы прекратить ее, я готовъ дать вамъ сто рублей и — *finita la comedia*.

— Это ужъ нѣчто въ родѣ подачки.

— Называйте, какъ хотите, я больше не дамъ ни въ какомъ случаѣ.

Липенгузенъ покраснѣлъ съ досады. Онъ всталъ и взялся за шляпу.

— Значитъ, всѣ тѣ пижоны, которыхъ я имѣю въ виду, обработаются безъ вашего содѣйствія.

— А интересные?

— Да, въ сложности тысячъ на двадцать слишкомъ.

— Не привираете ли вы, любезнѣйшій?

— Не имѣю надобности увѣрять васъ. Еслибы вы поступили со мною честно...

— Вотъ сотенная, сказалъ Соловецкій, вынувъ изъ стола радужную: возьмите и не разрывайте союза.

— Мое послѣднее слово — заплатите мнѣ триста рублей, и мы останемся по прежнему.

— Не могу, проговорилъ Соловецкій рѣшительно и положилъ бумажку на столъ. Сто рублей деньги.

— Прощайте, господинъ Соловецкій, сказалъ Липенгузенъ, откланиваясь.

— Прощайте, баронъ.

Послѣдній оборотился.

— Такъ и быть — двѣсти, и на дняхъ подставлю одного московскаго коммерсанта.

— Очень буду благодаренъ и готовъ содѣйствовать, но болѣе ста рублей не могу.

Липенгузенъ протянулъ руку, судорожно скомкалъ бумажку и положилъ себѣ въ карманъ.

— До свиданья!

— Но вы уходите сердитымъ.

— Не сердитымъ, но глубоко огорченнымъ.

— А москвичъ?

— Дамъ знать.

И Липенгузенъ вышелъ.

Соловецкій усѣлся въ кресло. Онъ считалъ себя правымъ относительно Липенгузена, ибо дѣйствительно со стороны послѣдняго не было особенной заслуги, да и Миша не принадлежалъ къ числу недоступныхъ смертныхъ, тѣмъ болѣе для пріятелей. Ему только было досадно, что нѣмецъ такъ безцеремонно съ нимъ обращался и позволялъ себѣ третировать его, какъ равнаго, хотя онъ и сознавалъ въ душѣ, что Липенгузенъ имѣетъ на это право, раздѣляя съ Соловецкимъ труды, какъ онъ выражался, по эксплуатаціи. У него было мелькнуло сожалѣніе, что разсерженный нѣмецъ, пожалуй, и не подставитъ ему богатаго коммерсанта; но онъ разсудилъ, во первыхъ, что Липенгузенъ могъ и прихвастнуть, а во вторыхъ, что Миша Панцыревъ представлялъ пока еше обильный источникъ для разработки.

Онъ потребовалъ себѣ чаю и расположился у круглаго стола, закуривъ сигару и обдумывая, нельзя ли на пикникѣ устроить игру съ Панцыревымъ, только какъ бы половчѣе. Тутъ ему приходилось дѣлать сложныя комбинаціи: и страшно было разсориться съ Рѣзцовымъ, понимается, если не выдѣлить ему доли, — и предстояла непріятность не получить съ Миши денегъ, а вѣрить на слово, и, наконецъ, могло возникнуть подозрѣніе. Обсуждая дѣло съ разныхъ сторонъ, Соловецкій изъ игрока превратился просто въ человѣка и вспомнилъ, что два дня уже не посѣщалъ своей мистрисъ Глэнли, съ которою при послѣднемъ свиданіи разстался несовсѣмъ дружелюбно, а такъ какъ размолвки между ними случались по временамъ, то онъ и не придавалъ этому особаго значенія.

Вдругъ раздался необыкновенно громкій звонокъ, заставившій Соловецкаго вздрогнуть, ибо самъ онъ никогда не звонилъ подобнымъ образомъ.

Слуга почти вбѣжалъ.

— Какая-то дама, Василій Петровичъ.

— Кто?

— Незнакомая.

— Болванъ! отчего же не спросилъ?

— Да я и могъ разобрать только вашу фамилію: барыня не говоритъ по русски.

— Проси въ залу.

И Соловецкій поспѣшилъ въ спальню надѣть болѣе приличный костюмъ.

Но въ кабинетъ уже стучались.

— Войдите! сказалъ Соловецкій по французски.

Въ тотъ же моментъ передъ нимъ явилась высокаго роста, не совсѣмъ молодая, но еще недурная собою особа.

Соловецкій указалъ ей кресло и посмотрѣлъ на нее вопросительно.

— Вы меня не знаете, проговорила дама съ настоящимъ парижскимъ акцентомъ, но меня привело къ вамъ очень серьезное дѣло.

— Чѣмъ могу служить вамъ?

— Присядьте и выслушайте.

Соловецкій сѣлъ по сосѣдству.

— Меня прислала къ вамъ Эрнестинъ.

— А! очень радъ. Какъ она поживаетъ?

— Хорошо поживаетъ. Она сама хотѣла повидаться съ вами, но ей нельзя, потому что необходимо было съ *bon ami* уѣхать съ веселой компаніей куда-то за городъ.

— Славное существо эта m-lle Эрнестинъ!

— Отличное дитя. И такъ, monsieur Соловецкій, она дала мнѣ порученіе къ вамъ... только, право, не знаю...

— Не стѣсняйтесь, пожалуйста.

— Она предостерегаетъ васъ, monsieur.

Соловецкаго немного покоробило.

— Насчетъ чего? спросилъ онъ.

— Насчетъ мистрисъ Глэнли.

— Не понимаю.

— Видите ли, добрѣйшій monsieur, дѣло довольно щекотливое.

— Измѣна, что ли?

— Кажется, полная.

— Вотъ что!

— Мистрисъ Глэнли познакомилась съ какимъ-то очень богатымъ господиномъ, который уже нанялъ ей квартиру въ Большой Морской... Все это дѣлалось втайнѣ. У Эрнестинъ живетъ одна француженка, которая дружна съ камеристкою мистрисъ Глэнли.

— И что же?

— Вотъ наша француженка и узнала отъ камеристки, что госпожа Глэнли не хочетъ признаваться вамъ до

тѣхъ поръ, пока вы не привезете ей обѣщанныхъ пятисотъ рублей.

Соловецкаго даже бросило въ жаръ: онъ вспомнилъ, что и размолвка съ мистрисъ Глэнли произошла изъ-за этихъ пятисотъ рублей.

— Я очень благодаренъ вамъ и m-lle Эрнестинъ, сказалъ онъ.

— Видите ли, Эрнестинъ васъ очень уважаетъ и хотѣла услужить вамъ. Если негодная мистрисъ Глэнли мѣняетъ своего *bon ami* на другаго, потому что этотъ богаче, то не слѣдуетъ такому порядочному, какъ вы, господину тратиться на подобное животное. Вотъ и все.

— И это очень резонно. Завтра же съѣзжу поблагодарить m-lle Эрнестинъ.

Француженка молчала.

— Вы не знаете, кто же этотъ мой соперникъ?

— Я какъ-то забываю эти русскія фамиліи. Говорятъ, богачъ.

— Я вамъ очень и очень благодаренъ.

Француженка не трогалась съ мѣста.

Соловецкій видѣлъ, что она ожидала чего-то. Эрнестину онъ зналъ довольно близко и мысленно уже соображалъ, что завтра надо отвезти ей какой нибудь подарокъ... Но выходило, что и пріятельница ея надѣялась на вознагражденіе. Дать много, — было незачто, дать мало, — пожалуй, обидится.

— Не могу ли я чѣмъ нибудь служить вамъ? сказалъ онъ наконецъ.

— О нѣтъ, возразила съ живостью француженка, я совершенно безкорыстно, изъ пріязни къ Эрнестинъ... Конечно, я женщина небогатая... но, повѣрьте, не съ цѣлью...

— Я совершенно увѣренъ въ томъ, но согласитесь, что всякая услуга требуетъ вознагражденія.

И Соловецкій ловко выдернулъ изъ-подъ преспапье двѣ красненькихъ, еще ловче вложилъ ихъ въ маленькій конвертъ и оборотился.

— До свиданья, сказала француженка, вставая. Извините, что сообщила вамъ непріятное извѣстіе, но гораздо же лучше быть приготовленнымъ заранѣе, нежели получить ударъ неожиданно.

— Вы правы, отвѣчалъ Соловецкій, пожимая протянутую руку, въ которую вложилъ конвертъ, но за то я буду опытнѣе.

— И снова будете обмануты, проговорила весело францу-

женка. Мужчины созданы на то, чтобы ими играли, какъ пѣшками. Впрочемъ, ваша англичанка всегда была такая *prude*.

— И ее винить слишкомъ нельзя...

Гостья пожала плечами.

— Въ душу не влѣзешь. Будьте здоровы.

Соловецкій проводилъ француженку до передней. Когда онъ возвратился въ кабинетъ, на лицѣ его незамѣтно было ни особой грусти, ни даже особенной досады. Съ мистрисъ Глэнли онъ жилъ безъ увлеченія, а потому только, что она была хорошенькая, тонная, не нахальная и, насколько онъ зналъ, не измѣняла ему. Онъ даже самъ былъ виноватъ противъ нея, ибо помышлялъ о женитьбѣ и ухаживалъ за одною дѣвицею въ то время, какъ увѣрялъ мистрисъ Гленли въ своей любви и преданности.

Но вскорѣ имъ овладѣло весьма прискорбное чувство огорченнаго самолюбія, которое въ людяхъ извѣстнаго закала играетъ такую важную роль, тѣмъ болѣе за предѣлами молодости. Соловецкій всетаки считалъ, что мистрисъ Глэнли жила съ нимъ оттого, что питала къ нему искреннюю привязанность, доказательствомъ котораго какъ бы служило ихъ сожитіе при умѣренныхъ денежныхъ затратахъ. Но, будучи самъ тонкимъ плутомъ, Соловецкій не замѣчалъ, что его англичанка обдѣлывала свои дѣла и не безъ выгоды пользовалась предоставленною ей полною свободою. Одно только утѣшало его, что Мистрисъ Глэнли измѣнила ему не для кого нибудь изъ его пріятелей, ибо переходъ ея къ денежному тузу всетаки былъ для него легче.

Не болѣе какъ черезъ четверть часа онъ совершенно оправился и былъ доволенъ, что, благодаря Эрнестинѣ, у него оставались лишнихъ пятьсотъ рублей въ карманѣ, потому что онъ, обыгравъ Панцырева, хотѣлъ именно отвезти эти деньги англичанкѣ. Наконецъ, онъ предательки улыбнулся. Мистрисъ Глэнли недѣлю тому назадъ поручила ему отвезти къ ювелиру жемчужный браслетъ въ починку, и Соловецкій рѣшился наказать ее, оставивъ эту вещь у себя, хоть для подарка той же Эрнестинѣ, которая сослужила ему такую службу.

VII.

На одной изъ лучшихъ улицъ Петербурга стоялъ старинный домъ, и даже не весьма красивый по наружности, но заключавшій внутри не только всевозможныя удобства, необхо-

димую роскошь извѣстнаго круга, а и богатыя собранія по части разнообразныхъ искусствъ и художествъ. Домъ этотъ принадлежалъ князю Перелетову и достался ему отъ отца, разсчетливаго вельможи, какъ полная чаша; но былъ передѣланъ молодымъ человѣкомъ на свой ладъ, сообразно съ требованіями новѣйшаго времени. Много въ немъ прибавилось, хотя много явилось и дорогихъ картинъ, и рѣдкихъ статуй, и такъ называемыхъ антиковъ, изъ которыхъ, впрочемъ, не всѣ могли похвалиться подлинностью, будучи произведеніемъ рукъ искусныхъ поддѣльщиковъ, имѣющихъ мастерскія въ разныхъ городахъ Европы. Князь Перелетовъ любилъ считать себя вообще знатокомъ и дѣйствительно понималъ оттѣнки стиля рококо, ренессансъ, зналъ толкъ въ севрскомъ и саксонскомъ фарфорѣ, могъ, пожалуй, отличить оригиналъ отъ копіи въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ живописи, но относительно археологіи буквально ничего не смыслилъ и отдѣлывался общими мѣстами или прямо попадалъ впросакъ, ошибаясь на цѣлыя столѣтія. Но это, во первыхъ, никому не причиняло вреда, а во вторыхъ, и князю благополучно сходило съ рукъ, ибо если и встрѣчался спеціалистъ, то не считалъ удобнымъ выводить на свѣжую воду милѣйшаго и обязательнѣйшаго хозяина. Князь Алексѣй Ильичъ рано сдѣлался самостоятельнымъ и еще въ молодости возымѣлъ мысль увеличить громадное и безъ того состояніе, опираясь на близкое знакомство съ политическою экономіею, которою занимался по преимуществу, будучи студентомъ, если можно назвать занятіемъ нѣкоторые вершки науки, схваченные налету и приправленные чужими мнѣніями противоположныхъ направленій и отчасти собственными фантазіями. По крайней мѣрѣ, князь считалъ политическую экономію своею спеціальностью, если дѣло касалось ученыхъ занятій. Владѣя въ совершенствѣ однимъ лишь французскимъ языкомъ, онъ дѣйствительно прочелъ нѣсколько руководствъ какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ и могъ поддерживать разговоръ по своему любимому предмету съ кѣмъ угодно, въ особенности въ кругу дилletантовъ. Вообще, онъ былъ неглупый господинъ, незлаго сердца, нѣсколько болѣзненный, но характеръ котораго сформировался довольно уродливо: во первыхъ, подъ вліяніемъ воспитателей безъ призванія, незнакомыхъ даже съ педагогическими цѣлями; во вторыхъ, вслѣдствіе ранней самостоятельности, опиравшейся на громадныя средства. Съ нимъ начался процессъ броженія, присущій каждому молодому человѣку, котораго хотя и не держали взаперти, но которому не давали той воли, ка-

кая обнаруживается въ индивидуумѣ высшаго круга, сознающемъ всѣ свои преимущества, а главное, неистощимыя матеріальныя средства. Очутясь безконтрольнымъ обладателемъ фортуны, которой позавидовалъ бы иной мелкій владѣтельный принцъ, и обуреваемый вмѣстѣ всѣми страстями и увлеченіями первой молодости, князь Перелетовъ не сразу, однако же, накинулся на всѣ наслажденія жизнью. Онъ, въ качествѣ политико-эконома, даже задавался задачею не только не тратить своихъ доходовъ, а, пользуясь всѣми благами міра, увеличить состояніе, хоть бы и не изъ необходимости, а просто для удовлетворенія самолюбія и чтобы показать собратамъ, что наука имѣетъ свою цѣну. Какъ мы видѣли, убѣжденія науки были въ немъ довольно шатки, и онъ политико-экономическія затѣи ограничилъ лишь сокращеніемъ расходовъ, которые не только не служили къ разоренію, а ровно ничего не значили. Смѣнилъ онъ и главноуправляющаго, инстинктивно угадывая, что тотъ надувалъ его, но взялъ другаго, который мошенничалъ гораздо больше, да кромѣ того въ главной конторѣ устроилъ нѣчто въ родѣ коллегіальнаго управленія, поглощавшаго безполезно около десятка тысячъ. Ежемѣсячные отчеты по управленію имѣніями онъ постоянно требовалъ на просмотръ къ себѣ, но ровно ничего не понималъ въ нихъ, и кончилось тѣмъ, что впослѣдствіи въ нихъ не заглядывалъ. Однажды, впрочемъ, какъ-то въ одной вѣдомости онъ случайно нашелъ промахъ по продажѣ овса, промахъ, обличавшій мошенничество. Эпизодъ этотъ надѣлалъ переполохъ и въ главной конторѣ. Мѣстный управляющій былъ изгнанъ, и Перелетовъ возмечталъ, что его администрація, убоясь подобной хозяйственной проницательности, во первыхъ, преклонится предъ его всеобъемлющимъ геніемъ, во вторыхъ, побоится на будущее время дѣйствовать въ ущербъ владѣльцу. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ служащіе показывали видъ, что его сіятельство глубоко понималъ дѣло, главноуправляющій наговорилъ ему даже комплиментовъ; но систематическое воровство пошло прогрессивно, а только отчеты составлялись съ бо̀льшимъ искусствомъ.

Такъ началъ Перелетовъ свой дебютъ и очень скоро, увлекшись пылкими страстями, двинулъ свои издержки такимъ сильнымъ ходомъ, что затрещали колеса сложной машины, и если не разорялъ имѣній, то потому только, что отецъ оставилъ большой наличный капиталъ, который и извлекался изъ разныхъ банковъ.

Конечно, тутъ играли важную роль женщины и въ Россіи,

и за границею, куда князь ежегодно ѣздилъ на лѣто и осень, возвращаясь въ Петербургъ лишь къ зимнему сезону. Любовь собственно не волновала его, онъ даже увѣрялъ, что застрахованъ отъ этого чувства, и жизнь его проходила въ такъ называемыхъ интригахъ, раздѣляющихся неизвѣстно почему на благородныя и неблагородныя, которыя во всякомъ случаѣ стоятъ денегъ, особенно въ обстановкѣ Перелетова. Бывало, что онъ и увлекался дѣйствительно иною дѣвицею: какъ хотите, чувства нельзя безусловно заглушить въ сердцѣ молодаго человѣка, не смотря на всѣ нравственныя условія; но если предметъ, вызвавшій это чувство, находился въ сферѣ, гдѣ для увѣнчанія любви требовалось супружество, князь подавлялъ вспышку сердца, боясь узъ Гименея, а если юное существо, подъ руководствомъ своихъ старшихъ, могло ограничиваться такъ называемымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, Перелетовъ бросалъ десятокъ тысячъ, тѣшился мѣсяцъ, другой своею страстью и... охлаждался. Но порывы къ подобнымъ увлеченіямъ являлись нечасто, ибо во время странствій по бѣлу свѣту онъ находилъ обворожительныхъ особъ, которыя не считали нужнымъ выказывать особую неприступность и соображали, какъ бы только поживиться пошире русскими рублями, такъ чтобы эти рубли, переведенные на франки или гульдены, составили круглую сумму, и пользовались этими комбинаціями. Перелетову такія особы даже больше приходились по душѣ, и хотя порою онъ подумывалъ объ истинномъ чувствѣ, однако, порхая съ цвѣтка на цвѣтокъ, на крыльяхъ, подбитыхъ золотомъ, развлекался и не увлекался. Впечатлѣнія, производимыя на него красавицами, были мимолетныя.

Между прочимъ, онъ вошелъ во вкусъ рулетки и *trente et quarante* на различныхъ водахъ во время лѣтняго сезона. Понятно, что онъ не мечталъ, подобно многимъ, сдѣлать себѣ игрою состояніе, въ чемъ не нуждался; но тутъ въ немъ рождалось упорство преодолѣть капризную фортуну, и онъ довольно проигрывалъ. Онъ все изобрѣталъ систему, покупалъ системы у многихъ спеціалистовъ по этой части въ игорныхъ домахъ, и если ему случалось сорвать банкъ, конечно, довольно рѣдко, то большую часть выигрыша онъ тутъ же раздавалъ хорошенькимъ женщинамъ, разбрасывая золото направо и налѣво, и былъ счастливъ, что подчинилъ, по его мнѣнію, фортуну какой нибудь комбинаціи. Разумѣется, на другой же день эта система стоила ему нѣсколькихъ тысячъ собственныхъ денегъ; но это его не огорчало, хотя онъ и бросалъ вчерашнюю методу, а

изобрѣталъ или покупалъ новую. Однимъ словомъ, страсть къ игрѣ мало по малу начала овладѣвать имъ, такъ что года черезъ два онъ уже искалъ ее и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было рулетки, и даже, по возвращенiи зимой, въ Россiи.

Въ Петербургѣ не было ни рулетки, ни *trente et quarante*, но процвѣтали, какъ и всегда, игорные дома во всѣхъ слояхъ общества — отъ аристократическихъ палатъ до такихъ трущобъ, которыя посильно изображены въ нашемъ романѣ »*Петербургскiе игроки*«. Перелетовъ зналъ это, слышалъ много и о шулерскихъ продѣлкахъ, а потому долго колебался — какимъ образомъ удовлетворить своей страсти, не подвергаясь риску быть обыграннымъ навѣрное и вмѣстѣ не желая являться въ домахъ, куда было ему неловко ѣздить, какъ человѣку знатнаго происхожденiя. Очень рано воображая себя опытнымъ, а слѣдовательно, по его мнѣнiю, застрахованнымъ отъ очень уже наглыхъ плутней, онъ, однако-жъ, и не догадывался, что не одинъ джентльменъ разсчитывалъ обыграть его навѣрное, и что многiе рыцари зеленаго поля ожидали только благопрiятнаго случая для его эксплуатацiи. Сперва это было довольно трудно, ибо князь, слѣдуя обычаямъ среды, былъ довольно тугъ на новыя знакомства, а въ кругу его близкихъ не водилось игроковъ, но были преимущественно любители спорта и женщинъ. Впослѣдствiи, однако-жъ, именно когда князь эмансипировался немного и побывалъ нѣсколько разъ за границею, и особенно когда вкусилъ наслажденiя азартныхъ игръ, онъ началъ быть менѣе разборчивъ въ своихъ прiятеляхъ, и, мало по малу, завѣтная дверь его аристократическихъ предковъ начала отворятся по самой легкой рекомендацiи кого нибудь изъ его знакомыхъ. Но, не смотря на свою, такъ сказать, разгульную жизнь, онъ не переставалъ ѣздить въ свѣтъ, бывалъ, по обычаю, на поклонахъ у нѣкоторыхъ старухъ, пользовавшихся этимъ почетомъ съ незапамятныхъ временъ, и поддерживалъ связи, не только не утратившiя своего значенiя, а, напротивъ, сдѣлавшiяся еще крѣпче въ томъ вниманiи, что онъ, какъ завидный женихъ, могъ составить блестящую партiю и засидѣвшимся дѣвамъ, и молоденькимъ невѣстамъ изъ избраннаго круга. Но, какъ мы уже сказали выше, матримонiальныя соображенiя не входили еще въ программу его жизни, и онъ всегда ловко отдѣлывался отъ какой нибудь влiятельной старушки, которая, называя его по старой памяти Лешею, развивала передъ нимъ всѣ прелести супружеской жизни съ тою или другою наслѣдницею громкаго имени. Понятно, что

князю Алексѣю разставлялись видимыя и невидимыя сѣти для уловленія такого выгоднаго жениха. Это обстоятельство въ значительной степени умѣряло въ немъ желаніе учащать въ гостинныя большаго свѣта, хотя сердобольныя маменьки и не отступались отъ своихъ замысловъ. Балы, спектакли, дамы полусвѣта, ужины, оргіи, пикники — все это условія, конечно, достаточныя для развлеченія молодаго человѣка, обладающаго и нетронутымъ еще запасомъ силъ, и огромными матеріальными средствами; но, разумѣется, необходимы же были отдыхи, и время этихъ-то отдыховъ и нужно было чѣмъ нибудь наполнить. Другаго закала молодой человѣкъ, даже любящій разгулъ, нашелъ бы себѣ занятіе; но князь Алексѣй, при всемъ своемъ диллетантизмѣ въ искусствахъ, едва бренчалъ на фортепіано, едва умѣлъ нарисовать неправильный глазъ или носъ — и потому считалъ немыслимымъ изучать съ азбуки музыку или живопись. Правда, у него оставалась любимая политическая экономія, — но тутъ онъ считалъ себя спеціалистомъ, исчерпавшимъ всю глубину премудрости. Оставалась игра, которой сладость онъ и отвѣдалъ за границею. По возвращеніи изъ послѣдней поѣздки онъ рѣшился на вечерахъ у знакомыхъ составлять партіи виста или преферанса, разсчитывая этимъ способомъ и доставлять себѣ развлеченіе, и выгораживать себя отъ необходимости участвовать въ танцахъ. Но князь Алексѣй скоро разочаровался: во первыхъ, потому что въ коммерческія игры онъ, какъ говорится, плелъ лапти; а во вторыхъ, самый процессъ виста или преферанса въ обществѣ преимущественно старухъ и стариковъ наводилъ на него мертвящее уныніе. За нимъ бѣгали, какъ за желаннымъ партнеромъ, который постоянно проигрывалъ большіе куши; однако это черезъ какой нибудь мѣсяцъ до того надоѣло князю, что онъ предпочелъ являться въ танцовальную залу и пускался въ плясъ, гдѣ всетаки доставляло ему хоть малую долю удовольствія »невинное тѣсное сближеніе съ женщинами«, какъ онъ выражался.

Тѣмъ не менѣе рѣшительно выраженная наклонность князя къ игрѣ подала поводъ кое-кому изъ знакомыхъ князя придти къ соображенію, что »не мѣшало бы разработать подобную Калифорнію«.

И вотъ однажды, послѣ веселаго завтрака у князя, одинъ изъ недавнихъ его пріятелей, лежа на диванѣ съ ароматною регаліею въ рукѣ, обратился къ обязательному хозяину:

— Ты вѣдь, Алекси, кажется, началъ подвизаться на зеленомъ полѣ?

— Началъ и бросилъ, милѣйшій: такая скука въ обществѣ почтенныхъ джентльменовъ, а еще скучнѣе съ сѣдовласыми леди!

— Еще бы! Да вѣдь тебѣ не по характеру методическій, молчаливый вистъ или даже и преферансъ безъ мизеровъ.

— Нѣтъ, ужъ меня больше не посадятъ!

— А мы попробуемъ ландскнехтъ или банкъ въ наши *moments perdus*. Вотъ хоть бы и сегодня: ну, что̀ дѣлать до обѣда? Погода мерзость, ѣхать съ визитами лѣнь, отправиться къ французенкамъ, тогда что̀ же остается предпринять послѣ театра.

— Почему же? я непрочь. Хотя, правду сказать, я не мастеръ въ банкъ или ландскнехтъ.

— Э, братъ, отозвался другой джентльменъ, потягивавшій маленькими глотками портеръ, съ твоими способностями выучиться недолго, а проиграешь нѣсколько тысячъ, посмотришь — какой выйдетъ изъ тебя игрокъ.

— А что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, давайте устраивать.

И онъ позвонилъ.

Явился официантъ.

— Столъ и карты!

— Не такъ, Алекси, надобно сказать: столы и побольше картъ, поправилъ первый джентльменъ, нѣкто Лупановъ. Насъ вѣдь много, и, вѣроятно, всѣ захотятъ участвовать въ игрѣ.

Официантъ стоялъ въ недоумѣніи. Онъ еще не видывалъ въ домѣ картежной игры и не зналъ, имѣлись ли карты у дворецкаго.

— Передай Матвѣичу, отозвался князь, чтобъ въ голубой гостиной поставилъ два или три ломберныхъ стола въ рядъ и приготовилъ побольше картъ.

Официантъ вышелъ.

— А ты, mon cher, продолжалъ князь, обращаясь къ Лупанову, будь добръ, займись организаціею банка или ландскнехта. Я на все согласенъ.

Всѣ почти выразили единодушное одобреніе и изъявили готовность убить время до обѣда.

Черезъ полчаса голубая гостинная, уставленная великолѣпными статуями, была аранжирована: три сдвинутыхъ стола подъ большою люстрою, на которыхъ лежали грудами атласныя карты, ожидали веселую компанію. Всѣ присутствовавшіе усѣлись вокругъ зеленаго поля. Лупановъ объяснилъ князю необходимые пріемы, и началась игра, какъ водится, мѣловая Начали въ ландскнехтъ съ пулькою.

Князь игралъ, очертя голову, рисковалъ направо и налѣво, держалъ кому угодно и сколько угодно, и въ силу непонятнаго счастія, которое какъ бы оправдывало пословицу, что »новичкамъ всегда везетъ«, записалъ на всѣхъ солидные куши. Какъ политико-экономъ, онъ пожелалъ справиться съ итогомъ и увидѣлъ, что выигралъ около двухъ тысячъ. И вотъ ему вдругъ пришла фантазія забастовать, тѣмъ болѣе, что дворецкій освѣдомлялся уже — не пора ли подавать кушать, ибо время подходило къ урочному сроку.

Напрасно многіе партнеры просили еще одинъ или два удара, — князь смѣялся и слушать ничего не хотѣлъ. По неволѣ пришлось разсчитываться. Какъ бы по командѣ, всѣ вынули бумажники, всѣ начали рыться въ нихъ, но иные положили ихъ обратно въ карманъ и, извинившись, что не располагали играть, остались должны, а другіе, кто проигралъ немного, заплатили. Князь получилъ наличными всего рублей четыреста и былъ въ восторгѣ отъ своего перваго дебюта.

— Ничего-съ, говорилъ онъ, потирая руки: мы скоро научимся, мы вѣдь тоже понимаемъ суть.

— Да ты словно родился на зеленомъ полѣ!

— Чортъ знаетъ, какъ онъ счастливъ!

— Видали виды, любезнѣйшій, срывали банки въ Гамбургѣ и Висбаденѣ.

— Что же ты прикидыватшься такимъ невиннымъ агнцемъ и тянешь канитель въ вистъ?

— Система, любезнѣйшій: сперва коммерческія, а потомъ уже азартныя.

— На первый разъ двѣ тысячи и по маленькой! говорилъ Перелетовъ, прищуривая глаза: кушъ солидный... Однако идемъ обѣдать, чтобы не опоздать въ театръ.

Первый этотъ дебютъ, однако-жъ, послужилъ для князя источникомъ ежедневнаго почтеннаго проигрыша: Лупановъ убѣдился, что Калифорнія открыта, и смѣло составилъ планъ самой выгодной эксплуатаціи, такъ какъ онъ негласно принадлежалъ къ категоріи тѣхъ моншеровъ, которые технически называются золотыми руками.

Съ этихъ поръ князь Алекси, какъ его называли, не прибавляя фамиліи, въ свѣтѣ, — что нѣкоторымъ образомъ придаетъ особый оттѣнокъ извѣстности, — втянулся въ игру и почувствовалъ къ ней влеченіе. Разумѣется, женщины были преобладающею страстью князя, но независимо отъ этого, если какой-нибудь день онъ не игралъ, ему уже чего-то недоста-

вало, ибо ему казалось, что время за картами проходило увлекательнѣе, нежели въ, какой бы то ни было, оргіи. И вотъ, въ древнемъ домѣ князей Перелетовыхъ, гдѣ при старикѣ велась чинная игра, и то на званыхъ вечерахъ, появилась въ полномъ смыслѣ слова картежъ со всею обстановкою игорныхъ домовъ и со всѣми ихъ послѣдствіями. Попеременно являлись на сцену ландскнехтъ и банкъ, и общество значительно увеличилось личностями, которыхъ Перелетовъ никогда не встрѣчалъ въ свѣтѣ. Впрочемъ, за этихъ господъ преимущественно ручался Лупановъ, самъ игравшій въ довольно скромную игру, и то большею частью въ долѣ съ княземъ. Перелетовъ, однако-жъ, несмотря на всѣ изобрѣтенныя имъ системы, былъ въ постоянномъ и значительномъ проигрышѣ, а если иногда слѣпая фортуна и благопріятствовала ему, то всегда почти оставались ему должны его свѣтскіе пріятели, которые не считали обязанностью платить, когда бы то ни было и пользовались деликатностью князя, не напоминавшаго о выигранныхъ суммахъ, такъ какъ онъ считалъ это неприличнымъ его положенію въ обществѣ. Онъ былъ еще новичекъ и въ этомъ случаѣ пропитанъ преданіями своего рода.

Лупановъ, знакомый ему чуть не съ дѣтства, человѣкъ безъ всякихъ почти средствъ, но богатый связями, давно уже пробавлялся картежнымъ искусствомъ, и хотя былъ по этой части весьма ловокъ, однако нигдѣ не прилагалъ своего мастерства въ широкихъ размѣрахъ. Какъ умный малый, онъ разсчиталъ, что хотя выиграть сразу у Перелетова пять-шесть тысячъ и ничего не значило, однако подобный ударъ могъ неблагопріятно подѣйствовать на будущее, и потому рѣшился работать медленно и вѣрно, разумѣется, при помощи негласныхъ дольщиковъ. Для этой цѣли онъ ввелъ въ домъ князя одного своего компаньона, полуитальянца-полуфранцуза Филожена, который въ качествѣ хорошаго піаниста, носившаго иностранную фамилію, не шокировалъ своимъ присутствіемъ, какъ веселый болтунъ острякъ — забавлялъ компанію, а какъ смѣлый рискованный игрокъ, расплачивавшійся наличными, вездѣ могъ быть желаннымъ партнеромъ на зеленомъ полѣ. Господинъ этотъ съ Лупановымъ и были настоящими воротилами, обыгрывая навѣрное князя и его гостей, изъ которыхъ ни одинъ не принадлежалъ къ числу шулеровъ. Попадались хлыщи, умѣвшіе немного плутовать въ коммерческія игры, и то больше по части приписки; но князь не садился съ ними, и ихъ замыслы не вели ни къ чему. Филоженъ былъ, какъ говорится,

мастеръ на всѣ руки и поставленъ въ такое благопріятное положеніе, что школу картежнаго мошенничества изучалъ въ Вильнѣ, гдѣ на первыхъ порахъ и попадался въ скандалахъ и гдѣ подвизался на шулерскомъ поприщѣ; но по пріѣздѣ въ Петербургъ принялъ другую профессію, музыку, отложивъ »музыку метки и передержекъ« до благопріятнаго случая. Филоженъ осторожно высматривалъ и, такъ сказать, вынюхивалъ себѣ подходящую карьеру, будучи непрочь войти въ короткія сношенія и съ какою-нибудь богатою старухою, ибо считалъ неблагоразумнымъ и неосторожнымъ пускаться въ незнакомомъ Петербургѣ на картежное поприще безъ предварительной и тщательной рекогносцировки. Его слишкомъ сильно поколотили послѣдній разъ въ Вильнѣ, не смотря на безукоризненную технику, вслѣдствіе измѣны одного изъ дольщиковъ, обсчитанныхъ при раздѣлѣ, и Филоженъ далъ себѣ слово соблюдать крайнюю осмотрительность. Въ числѣ петербургскихъ шулеровъ было довольно поляковъ, и даже изъ Вильны, къ которымъ Филоженъ имѣлъ и рекомендательныя письма; но онъ не пошелъ сразу въ картежные вертепы, успѣвъ втереться въ аристократическіе дома въ качествѣ артиста. Какъ-то молодежь завезла его къ одной француженкѣ, у которой велась картежная игра, и Филоженъ сошелся тамъ съ Лупановымъ, который не принадлежалъ къ компаніи двухъ шулеровъ, заправлявшихъ тамъ банкомъ, и, поссорившись съ ними за что-то, вывелъ ихъ на чистую воду, обнаруживъ гостямъ ихъ плутни, вслѣдствіе чего были побиты не только эти мошенники, но и сама хозяйка дома, которая напрасно протестовала. Филоженъ намоталъ себѣ на усъ это обстоятельство и сошелся съ Лупановымъ. Проэкзаменовавъ другъ друга по части вольтовъ, подтасовокъ и всяческихъ пріемовъ въ дѣлѣ картежнаго плутовства, эти молодые люди заключили союзъ, и Лупановъ взялся ввести новаго сотоварища въ хорошіе дома, зарекомендовавъ его въ качествѣ отличнаго музыканта, но больше съ цѣлью эксплуатировать по возможности публику.

Вотъ какимъ образомъ Филоженъ попалъ къ князю Перелетову, который и сдѣлался жертвою стакнувшихся картежниковъ. Сперва дѣло шло довольно легко, ибо вся публика состояла, по техническому выраженію, изъ »гусей лапчатыхъ«; но когда мало по малу разнеслась молва между шулерами, что Перелетовъ пустился въ игру, къ нему начали подъѣзжать нѣкоторые рыцари зеленаго поля изъ болѣе вліятельныхъ и, конечно, помѣшали первоначальнымъ эксплуататорамъ. Князю

отъ этого было, разумѣется, не легче, но только Филоженъ и Лупановъ лишились значительной части дохода, будучи принуждены принять еще двухъ господъ, безъ чего могли быть выведены на чистую воду.

Перелетовъ все еще не догадывался и только въ интимныхъ бесѣдахъ съ Лупановымъ заявлялъ удивленіе, что съ нѣкоторыхъ поръ положительно не зналъ выигрыша. Лупановъ пожималъ плечами и сознался, что года два тому назадъ, подъ вліяніемъ такой несчастной полосы, самъ проигралъ почти все свое состояніе и утѣшалъ князя тѣмъ, что не могло же несчастіе продолжаться постоянно, и совѣтовалъ не унывать или вовсе прекратить игру.

Такъ шло дѣло, пока одинъ случай не прекратилъ на нѣкоторое время эксплуатаціи Перелетова, къ величайшему прискорбію мелкихъ плутовъ, которые располагали уже безвозбранно ограбить колоссальную фортуну молодаго неопытнаго аристократа.

VIII.

Большой театръ былъ освѣщенъ a giorno, и въ немъ, какъ говорится, негдѣ было упасть яблоку, потому что не только всѣ мѣста были заняты, но многія личности еще стояли въ разныхъ проходахъ, и стояли за большія деньги, заплаченныя за это право, конечно, не въ кассу дирекціи. Это было въ бенефисъ Тамберлика. Ложи, унизанныя зрителями и преимущественно зрительницами, пестрѣли отъ изящныхъ нарядовъ и сверкали драгоцѣнными камнями, изъ которыхъ, конечно, не всѣ были безукоризненны, а партеръ сверху представлялъ сплошную массу плѣшивыхъ и неплѣшивыхъ головъ въ перемежку съ разноцвѣтными элегантными дамскими шляпками. Дива пѣла очаровательно, опера шла превосходно, оркестръ исполнялъ свое дѣло художественно, плохая вентиляція дѣйствовала не совсѣмъ удачно — отчего въ залѣ господствовала тропическая атмосфера; громкіе аплодисменты и неистовыя восклицанія оглушали непривычное ухо и какъ-то рѣзко расходились съ прочею чинною обстановкою извѣстнаго абонемента. Издали можно было подумать, что вы очутились на одномъ изъ тѣхъ представленій, гдѣ многіе отчаянные поклонники Терпсихоры, забывъ человѣческое достоинство, и ржутъ, и ревутъ, и гогочутъ, яростно плещутъ въ ладоши и топаютъ ногами, выражая свой восторгъ сообразно съ увлеченіемъ животными инстинктами своей натуры.

Въ разныхъ рядахъ креселъ, какъ водится, во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, сидѣли, однако-жъ, личности, которыя хотя и поддавались всеобщему настроенію, кричали и хлопали, однако наводили свои бинокли болѣе по ложамъ и для поверхностнаго наблюдателя могли казаться джентльменами, которые предпочитаютъ пѣнію дивы какую-нибудь болѣе могучую страсть къ обаятельнымъ прелестямъ дамы сердца, но которые въ сущности уступали движеніямъ далеко не поэтическимъ. Это были представители зеленаго поля разныхъ оттѣнковъ, отъ рыцаря до простаго конюха, такъ сказать аспиранта этого благороднаго занятія. Тутъ были игроки всѣхъ классовъ, исключая, конечно, трактирныхъ героевъ или того сорта, который не знаетъ другаго театра, кромѣ Александринки.

Всѣ эти господа, между которыми было, впрочемъ, очень мало честныхъ игроковъ, считали обязанностью имѣть кресло въ оперѣ, хотя положительно развѣ десятый изъ нихъ наслаждался пѣніемъ и музыкою — во первыхъ, изъ самолюбія, что какой-нибудь Кармандержи или Размоловъ ѣздитъ въ итальянскую оперу, а во вторыхъ, изъ разсчета завязать при случаѣ сношенія съ богатенькими пріѣзжими провинціалами, которые обыкновенно на первое же знакомство любятъ иногда разбалтывать о себѣ всю подноготную. Въ сущности говоря, кресло стоитъ три или четыре рубля, а шулеръ, подцѣпивъ инаго господина, можетъ нагрѣть его въ тотъ же вечеръ на нѣсколько сотъ, а пожалуй — и на тысячу. А между тѣмъ и безъ этой ловитвы онъ не теряетъ ничего, ибо ихъ профессія продолжается по игорнымъ домамъ цѣлую ночь, слѣдовательно, послѣ театра всегда еще можно успѣть обработать какую-нибудь жертву, если она подвернется. Игроки высшей сферы, между которыми, наоборотъ, не такъ много шулеровъ, ѣздятъ въ оперу и для личнаго наслажденія, и въ силу своего положенія въ обществѣ, и, наконецъ, тоже съ цѣлью поохотиться за свѣжею дичью, которая въ зимній сезонъ всегда прилетаетъ изъ провинціи.

Во время антракта игроки помоложе обращали вниманіе на представительницъ прекраснаго пола и разсматривали въ бинокли какъ туземныхъ, такъ и заѣзжихъ красавицъ, а тертые калачи посматривали по сторонамъ выискивая подходящій сюжетецъ и стараясь заводить знакомство съ лицами, по ихъ мнѣнію, расположенными *заняться дѣломъ*, разумѣется, на зеленомъ полѣ.

Въ описываемый вечеръ было довольно хорошенькихъ женщинъ, но бинокли въ особенности устремлялись на двѣ ложи

на противоположныхъ сторонахъ залы, изъ которыхъ одна была въ бенуарѣ, а другая во второмъ ярусѣ. Въ бенуарѣ рядомъ съ пожилою дамою и впереди почтенной наружности старика сидѣла дѣвушка ослѣпительной красоты, въ полномъ блескѣ молодости и того обаянія, которое нераздѣльно съ художественною натурою, украшенною при этомъ яркимъ ореоломъ невинности, принимая это слово не въ юридическомъ или медицинскомъ смыслѣ, но въ высоконравственномъ, что само собою обусловливаетъ и тотъ вульгарный смыслъ, который вообще придается этому слову. Лицо дѣвушки, можетъ быть, и не отличалось безукоризненною правильностью каждой черты, взятой отдѣльно, но въ общемъ дышало такою гармоніею, такъ обаятельно смотрѣло своими сафировыми глазами, сіявшими изъ подъ длинныхъ густыхъ рѣсницъ, а легкая улыбка, изрѣдка пробѣгавшая по изящно обрисованнымъ губамъ, способна была умиротворить всякое горе. Но больше всего ей придавала прелести та завидная безмятежность, то неуловимое, но искреннее выраженіе, которое доказывало, что эта молодая особа не сознавала еще своего неотразимаго впечатлѣнія на смертныхъ и его неизбѣжныхъ послѣдствій. Но въ эту сторону преимущественно смотрѣли пылкіе юноши, легко воспламеняющіеся и еще не утратившіе инстинктивнаго восторга при видѣ чистой красоты, да многіе старцы съ распущеннымъ воображеніемъ, которое рисовало имъ картины, какія обыкновенно оно рисуетъ этимъ личностямъ въ присутствіи молоденькаго прелестнаго существа съ граціозными формами. Иные изъ полуотжившихъ ловеласовъ представляли себѣ ее въ коротенькомъ съ газовыми волнами тюникѣ танцовщицы. Зрители перешептывались, стараясь узнать — кто эта очаровательница, но положительнаго отвѣта не существовало, потому что даже въ кассѣ свѣдѣній не имѣлось. »Какое-то пріѣзжее семейство«.

На противоположной сторонѣ залы, во 2-мъ ярусѣ, сидѣла не менѣе, если не болѣе прекрасная особа, только совершенно въ другомъ родѣ. Это была брюнетка лѣтъ двадцати двухъ-трехъ, волосы, какъ говорится, съ отливомъ воронова крыла, бѣлизна которой была слегка лишь тронута—не скажемъ смуглотою, но тѣмъ едва уловимымъ оттѣнкомъ, который у европейской женщины въ средней или сѣверной полосѣ какъ бы умѣряетъ бѣлизну, подернутую нѣжнымъ румянцемъ. Черты лица у нея были рѣзче, нежели у описанной выше блондинки, но рѣзкость эта не впадала въ строгій типъ античной красавицы, а придавала только болѣе опредѣленности ея физіономіи, ко-

торая при жгучихъ черныхъ глазахъ дышала роскошною нѣгою. Особа эта съ развитыми, но изящными формами, съ красивыми, словно изъ мрамора выточенными руками, которыя порою приподымали бѣлый бинокль, видимо сознавала могущество своей красоты; а по ея движеніямъ, туалету, манерамъ нельзя было заподозрить ее въ принадлежности къ мѣщанскому классу. Съ нею рядомъ сидѣла высокая худощавая женщина, одѣтая безукоризненно и уже не первой молодости; по ихъ взаимнымъ пріемамъ — между ними существовали родство или короткія отношенія. Кто была эта красавица — тоже въ кассѣ не могли сообщить свѣдѣній. Однако ложа ея служила цѣлью большаго количества биноклей многихъ юношей и старцевъ, но преимущественно среднихъ лѣтъ джентльменовъ, обладающихъ хорошими матеріальными средствами.

Появленіе такихъ двухъ разнородныхъ, совершенно неизвѣстныхъ красавицъ сдѣлало послѣ втораго же акта до такой степени замѣтный переворотъ въ залѣ, что мастерское пѣніе дивы словно внезапно утратило часть своего очарованія, ибо ревѣли и ржали болѣе записные меломаны, а такъ сказать частные диллетанты нерѣдко переносили свои бинокли со сцены — кто на бенуаръ, кто на ложу втораго яруса, находя наслажденіе взоровъ равносильнымъ наслажденію слуха и отдавая легкое преимущество природѣ предъ искусствомъ.

— Славная женщина! сказалъ Кармандержи, который, не смотря на свою обезьяныю физіономію, былъ увѣренъ, что онъ неотразимъ.

— Вы говорите отъ этой смуглянкѣ? спросилъ его сосѣдъ съ хамскою физіономіею, но съ плутовскими глазами.

— Конечно, о комъ же?

— А по мнѣ Каролина Ивановна лучше, ха-ха-ха!

— Оттого что вы глупы или, лучше сказать, мужиковаты, Вася: вы не можете понять истинной красоты.

— Много ли вы понимаете?

— Тсъ! перестаньте, сказалъ, понизивъ голосъ, Кармандержи, забываете, гдѣ вы. Ужъ если вы такъ равнодушны къ очаровательной незнакомкѣ, то лучше разсматривали бы — нѣтъ ли какого пижона, пошли бы въ буфетъ, познакомились. Помните, что намъ надо отыграть три тысячи, которыя мы изъ любезности продули у генерала.

— Все это вы съ братцемъ.

— Нельзя же, Вася, надобно соображаться, въ какомъ сидишь обществѣ.

— А мнѣ наплевать на общество!

— Однако посмотрите, какъ наводятъ бинокли на ложу брюнетки.

— Баба ничего!

— Ахъ какъ вы грубы, Вася!

— Однако смотрите, какимъ бариномъ держитъ себя Ѳедя; онъ тоже смотритъ на хорошенькихъ, но разговариваетъ съ какимъ-то толстякомъ... Позвольте, чуть ли это не тотъ купецъ, о которомъ говорилъ Линейкинъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, молвилъ Кармандержи, направляя бинокль направо, повидимому, долженъ быть онъ. Говорятъ, денегъ куча, но кромѣ трынки ни во что не играетъ.

— Что-жъ, и трынка дѣло недурное. А вотъ что худо, если намъ тутъ ничего не достанется.

— На первыхъ порахъ, конечно. А вы не зѣвайте, надо пріискивать новые источники.

— Эхъ, забраться бы въ Москву!

— Вы глупы, мой почтенный другъ, или, лучше сказать, не имѣете соображенія: да развѣ же въ Москвѣ нѣтъ своихъ мастеровъ? Однако подымается занавѣсъ.

И шулера усѣлись по мѣстамъ.

Ложа князя Перелетова была буквально набита зрителями, чѣмъ очень оскорблялось его аристократическое чувство собственнаго достоинства, и онъ, будучи слабъ, чтобы поставить многихъ хлыщей въ границы благопристойности, отказывалъ себѣ въ комфортѣ и сидѣлъ въ креслѣ, жертвуя ложею для паразитной братіи.

Онъ тоже, блуждая биноклемъ по привычкѣ, увидѣлъ во второмъ ярусѣ брюнетку и не отрывалъ отъ нея глазъ; но когда одинъ поэтъ указалъ ему на блондинку въ бенуарѣ, Перелетовъ просто растерялся.

— Видали вы подобную прелесть? спросилъ онъ у поэта, который видѣлъ обѣихъ красавицъ.

— Одну изъ нихъ можно сравнить съ Авророю, а другую — съ палящимъ солнцемъ, отвѣчалъ поэтъ, и я думаю, князь, вы еще не рѣшились, на комъ остановиться.

— Знаете ли, въ дѣйствительности, нечасто встрѣчаются подобные прелестные контрасты. Но кто онѣ?

— Покрыто мракомъ неизвѣстности. Впрочемъ, ошибиться нельзя: Аврора недоступна, а жгучее солнце, я полагаю, непрочь удѣлить своихъ лучей.

— Вы думаете?

— Дерзаю, князь, и, мнѣ кажется, я видѣлъ ее гдѣ-то за границею.

— Могли ошибиться...

— Homo sum et nihil humani...

— Типъ какъ будто не европейскій, перебилъ Перелетовъ, не сводя бинокля съ брюнетки.

— Но и черты какъ-то мягче, нежели у восточныхъ женщинъ.

— А вотъ послѣ театра узнаемъ.

Въ слѣдующемъ же антрактѣ князь поручилъ Лупанову развѣдать о двухъ незнакомкахъ.

Между тѣмъ обаяніе двухъ красавицъ было такъ сильно, что Перелетовъ смотрѣлъ не столько на сцену, сколько на извѣстныя ложи, и притомъ съ одинаковымъ вниманіемъ и наслажденіемъ. Имъ постепенно овладѣвало чувство, присущее людямъ, не испытывавшимъ преградъ въ своихъ желаніяхъ, которое доходитъ иногда до жгучаго нетерпѣнія; если князь удерживался отъ какой нибудь внезапной выходки, то собственно потому, что вмѣсто одной у него было двѣ цѣли, изъ которыхъ ни та, ни другая не имѣли опредѣленнаго перевѣса. Удовольствіе ухаживать за блондинкою, хотя бы то и въ видахъ отвлеченныхъ, представлялось ему въ заманчивомъ свѣтѣ, имѣя пока въ перспективѣ лишь легкое рукопожатіе въ танцахъ и потомъ, можетъ быть, полупризнанія... Наконецъ, что-жъ дальше? Но въ знакомствѣ съ брюнеткою онъ предвидѣлъ болѣе положительную развязку, и эта надежда, хотя и неглубоко задѣвала его духовную сторону, однако излила наслажденіе, предвкушая которое, онъ ощущалъ уже какой-то трепетъ. Какъ опытный человѣкъ въ дѣлѣ волокитства, онъ зорко слѣдилъ — не войдетъ ли кто въ ложу къ брюнеткѣ, не обмѣняется ли она поклономъ съ кѣмъ нибудь въ залѣ, что подало бы ему возможность вывести болѣе безошибочное заключеніе; однако, не смотря на то, что десятки биноклей устремлялись на нее, никто не подавалъ ни малѣйшаго признака, какихъ бы то ни было, отношеній. Въ ложу бенуара въ антрактѣ заходилъ одинъ почтенный старичекъ, котораго князь встрѣчалъ гдѣ-то, хотя и позабылъ его фамилію. Появленіе послѣдняго навело, однако-жъ, его на мысль, что блондинка принадлежала къ порядочному семейству, и утвердило его во мнѣніи, что за дѣвушкою можно было ухаживать только съ соблюденіемъ свѣтскихъ приличій.

Въ предпослѣднемъ антрактѣ брюнетка вдругъ вышла изъ ложи, и обстоятельство это произвело въ партерѣ своего рода

революцію. Многіе ловеласы съ большею противъ обыкновеннаго поспѣшностью кинулись къ выходу и, устремившись въ коридоръ, запруживали движеніе. И вотъ вся эта ватага пустилась въ фойе, куда незнакомка граціозною походкою пошла прохладиться немного отъ невыносимо душной зальной атмосферы. Она взяла подъ руку свою некрасивую спутницу и пошла медленно прохаживаться въ длинной боковой комнатѣ, окидывая по временамъ спокойнымъ, но проницательнымъ взоромъ толпу франтовъ, окружавшихъ ее на благородномъ, впрочемъ, разстояніи.

Перелетовъ съ Лупановымъ находились тутъ же, но, конечно, вели себя приличнѣе всѣхъ, и если подобно другимъ пожирали глазами стройную молодую особу, то въ ихъ манерахъ не замѣчалось наглости, отъ которой не могутъ отрѣшиться многіе такъ называемые образованные молодые люди.

Въ числѣ франтовъ, нахлынувшихъ въ фойе, были и Кармандержи съ Размоловымъ. Первый, очутясь въ толпѣ преимущественно свѣтской молодежи, еще кое-какъ держался; но сотоварищъ его, хотя во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, однако съ такимъ успѣхомъ изображалъ фигуру половаго изъ мелкаго трактира, что невольно обращалъ на себя вниманіе не только дамъ, но и мужчинъ, занимавшихся созерцаніемъ незнакомой красавицы.

— Чортъ бы ее побралъ, сказалъ онъ своему пріятелю: вблизи она лучше.

Кармандержи ущипнулъ его за руку.

— Нельзя ли тише.

— Ей Богу, продолжалъ Размоловъ, понизивъ тонъ: издали она мнѣ показалась не такою. Смотрите, какія круглыя плечи у подлой.

— Вы меня компрометируете, Вася; лучше любуйтесь молча.

— Да развѣ кто можетъ мнѣ запретить? Вѣдь не ругаю же я ее.

— Какіе глаза!

— У! баба, что называется, съ сокомъ.

Но другія бѣглыя отрывистыя фразы въ разныхъ группахъ произносились на чистомъ французскомъ языкѣ, который во время представленій итальянской оперы преобладаетъ среди публики Большаго театра.

Сколько можно было разслушать, незнакомка говорила со своею спутницею по нѣмецки, изъ чего многіе заключили, что она нѣмка или еврейка. *).

*) Здѣсь конецъ рукописи.

ДОМИНИКАНЦЫ.

КЛУБНЫЕ ОЧЕРКИ.

революцію. Многіе ловеласы съ большею противъ обыкновеннаго поспѣшностью кинулись къ выходу и, устремившись въ коридоръ, запруживали движеніе. И вотъ вся эта ватага пустилась въ фойе, куда незнакомка граціозною походкою пошла прохладиться немного отъ невыносимо душной зальной атмосферы. Она взяла подъ руку свою некрасивую спутницу и пошла медленно прохаживаться въ длинной боковой комнатѣ, окидывая по временамъ спокойнымъ, но проницательнымъ взоромъ толпу франтовъ, окружавшихъ ее на благородномъ, впрочемъ, разстояніи.

Перелетовъ съ Лупановымъ находились тутъ же, но, конечно, вели себя приличнѣе всѣхъ, и если подобно другимъ пожирали глазами стройную молодую особу, то въ ихъ манерахъ не замѣчалось наглости, отъ которой не могутъ отрѣшиться многіе такъ называемые образованные молодые люди.

Въ числѣ франтовъ, нахлынувшихъ въ фойе, были и Кармандержи съ Размоловымъ. Первый, очутясь въ толпѣ преимущественно свѣтской молодежи, еще кое-какъ держался; но сотоварищъ его, хотя во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, однако съ такимъ успѣхомъ изображалъ фигуру половаго изъ мелкаго трактира, что невольно обращалъ на себя вниманіе не только дамъ, но и мужчинъ, занимавшихся созерцаніемъ незнакомой красавицы.

— Чортъ бы ее побралъ, сказалъ онъ своему пріятелю: вблизи она лучше.

Кармандержи ущипнулъ его за руку.

— Нельзя ли тише.

— Ей Богу, продолжалъ Размоловъ, понизивъ тонъ: издали она мнѣ показалась не такою. Смотрите, какія круглыя плечи у подлой.

— Вы меня компрометируете, Вася; лучше любуйтесь молча.

— Да развѣ кто можетъ мнѣ запретить? Вѣдь не ругаю же я ее.

— Какіе глаза!

— У! баба, что называется, съ сокомъ.

Но другія бѣглыя отрывистыя фразы въ разныхъ группахъ произносились на чистомъ французскомъ языкѣ, который во время представленій итальянской оперы преобладаетъ среди публики Большаго театра.

Сколько можно было разслушать, незнакомка говорила со своею спутницею по нѣмецки, изъ чего многіе заключили, что она нѣмка или еврейка. *).

*) Здѣсь конецъ рукописи.

ДОМИНИКАНЦЫ.

КЛУБНЫЕ ОЧЕРКИ.

5*

ДОМИНИКАНЦЫ.

КЛУБНЫЕ ОЧЕРКИ.

I.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ я приготовилъ нѣсколько очерковъ, и надѣюсь, что коротенькіе разсказы мои, если не изобилуютъ поэтическими красотами, то, по крайней мѣрѣ, и современны *) и вѣрны съ дѣйствительностью. Авторъ этихъ очерковъ посвятилъ много времени на изученіе своихъ типовъ, и нельзя сказать, чтобъ дешевой цѣной купилъ близкое знакомство съ петербургскими доминиканцами, которыхъ прибываетъ съ каждымъ днемъ, и которые необыкновенно ревностно служатъ своему дѣлу. Но прежде всего позвольте васъ посвятить въ тайну предлагаемаго названія. Встрѣчая слово »доминиканецъ«, вы не думайте, что рѣчь идетъ о католическомъ монашескомъ орденѣ: во первыхъ, подобный предметъ слишкомъ серьозенъ, и во вторыхъ, пожалуй, еще можетъ всполошить иныхъ клерикаловъ, видящихъ во всемъ различныя посягательства, о которыхъ автору и въ голову не приходило. Доминиканцами въ Петербургѣ называются прежніе лотисты или лотоманы, и мы постараемся вкратцѣ изложить причину этого названія.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ запрещена была въ публичныхъ мѣстахъ игра въ лото, признанная тогда разорительною и вредною. Закрытіе состоялось, — лотисты, для пользы которыхъ послѣдовало запрещеніе, принялись проигрывать свои деньги въ карты, на бильярдѣ и вообще во всевозможныя игры, потому что человѣку, преданному игрѣ изъ желанія ли прибыли, изъ любви-ль къ искусству, средства безразличны, лишь бы вели къ цѣли. Конечно, одна игра имѣетъ больше другой разорительныхъ элементовъ, но дѣло не въ этомъ, и мы

*) Напечатано въ 1864 г.

не станемъ заниматься теоріей картъ или костей, которыя для многихъ сдѣлались необходимой принадлежностью существованія. Изъ лотистовъ осталось, однако-же, изрядное количество ревностныхъ приверженцевъ лото, сохранившихъ непоколебимую вѣрность этой игрѣ и съ каждымъ годомъ надѣявшихся, что она будетъ дозволена. Проходили годы, въ клубахъ выросло новое поколѣніе людей, всей душой преданныхъ преферансу, ералашу, пикету, палкамъ; самыя лотошныя машины пришли въ ветхость и негодность гдѣ то на чердакахъ, между разнымъ непотребнымъ хламомъ... Наконецъ, оставалось уже лишь небольшая кучка послѣднихъ могиканъ изъ лотистовъ, которые подъ часъ собирались другъ у друга по вечерамъ, поочередно выкрикивали нумера и вспоминали о добромъ старомъ времени, когда въ клубахъ вокругъ столовъ посѣтители тѣснились густыми толпами. Но вотъ кому-то изъ этихъ могиканъ блеснула счастливая мысль, и не успѣла она обойти небольшой кружокъ страстныхъ лотистовъ, какъ сердца ихъ наполнились неописаннымъ блаженствомъ. Виновницей этой неожиданной радости была игра въ домино, которая никогда не подвергалась запрещенію, и хоть она не имѣла много адептовъ, однако при счастливыхъ комбинаціяхъ могла замѣнить лото, столь горько оплаканное и, повидимому, навсегда похороненное. Озаренные блестящею мыслью, лотисты не дремали, и вскорѣ изъ невинныхъ косточекъ домино вышло нѣчто въ родѣ лотошныхъ картъ, сперва по три косточки связанныхъ вмѣстѣ проволокою, а въ настоящее время по пяти; въ клубахъ снова явились прежнія машины, и человѣчество снова принялось проигрывать деньги, съ тою только разницею, что вмѣсто бумажныхъ картъ употребляются костяныя и вмѣсто постоянныхъ цѣлыхъ числъ явились двойныя, конечно для того, чтобъ не походить уже явно на игру, подвергнувшуюся запрещенію. Преобразованное лото получило названіе домино, а вслѣдствіе этого и лотисты начали именоваться »доминиканцами«, о которыхъ мы и говоримъ т. е. представляемъ нѣсколько очерковъ, списанныхъ нами во время продолжительныхъ наблюденій по различнымъ клубамъ. Какъ ни мала, повидимому, сфера, избранная мною для настоящихъ очерковъ, однако въ этой сферѣ есть надъ чѣмъ поработать, такъ какъ индивидуумы, меня занимающіе, подраздѣляются на нѣсколько категорій. Разумѣется, каждый клубъ имѣетъ свои оттѣнки; но я уже не буду касаться этихъ подробностей, что̀ заставило бы меня написать весьма обширное сочиненіе, а ограничусь легкими очерками типовъ, болѣе

или менѣе попадающихся во всѣхъ клубахъ, само собою, гдѣ играютъ въ лото-домино. Въ заключеніе этого краткаго обзора, я, насколько мнѣ удалось подмѣтить различіе между играющими, могу раздѣлить ихъ на слѣдующія категоріи: доминиканцы-либералы, консерваторы, умѣренные, аферисты, доминиканцы до мозга костей, и случайные или, какъ говорится, доминиканцы-»съ вѣтру«. Всѣ эти личности, по виду не отличающіяся другъ отъ друга, въ дѣйствительности не имѣютъ ничего общаго, и нерѣдко за однимъ и тѣмъ же столомъ собираются представители всѣхъ поименованныхъ категорій.

Когда вы входите въ залы клубовъ, особенно въ дни, такъ называемыхъ, семейныхъ вечеровъ, когда играютъ и дамы и дѣвицы, и при томъ, если вы сами еще очень мало упражнялись въ этомъ привлекательномъ занятіи, вы не подмѣтите ровно ничего особеннаго, и вамъ даже покажется, что эти люди сошлись собственно для препровожденія времени. И дѣйствительно, на подобныхъ собраніяхъ трудно видѣть лото въ сго полномъ характеристическомъ развитіи, потому что даже самыя крайнія категоріи доминиканцевъ какъ-то стушевываются въ этомъ говорѣ и лепетѣ прекраснаго пола, который, не смотря иной разъ на громкія шиканья (призывъ къ молчанію), продолжаетъ вести свои интимные разговоры, чего страхъ какъ не любятъ доминиканцы. Однимъ словомъ, на семейныхъ вечерахъ я вамъ не совѣтую наблюдать описываемые мною нравы и обычаи, хотя вамъ представится случай присмотрѣться къ прелестнымъ и не прелестнымъ доминиканкамъ. Повѣрьте, семейные вечера въ клубахъ, въ особенности концерты, — сущее наказанье для истыхъ доминиканцевъ, которымъ необходимъ просторъ и, наконецъ, извѣстное мѣсто, обставленное разными благопріятными и неблагопріятными примѣтами. Конечно, и между послѣдними прорываются селадоны, предпочитающіе болтовню съ барынями монотоннымъ возгласамъ крикуна, стоящаго у машины, но подобные индивидуумы попадаются или въ категоріи случайныхъ доминиканцевъ, или вообще между людьми пожилыми, потому что молодежь настоящаго времени — въ лото и въ карты играетъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Добрыя старыя времена, завѣщавшія намъ нѣсколько quasi-рыцарскихъ преданій, не оказываютъ уже никакого вліянія на современное поколеніе, которое, или, по крайней мѣрѣ, большинство, выражается такимъ образомъ: »пріятно поболтать и полюбезничать съ хорошенькой женщиной, но пріятнѣе выиграть этакъ двадцать пять цѣлковыхъ«. И молодежь прежняго вре-

мени думала тоже самое, только объ этомъ не говорила, потому что въ старину считалось неприличнымъ явное предпочтенiе матерьяльнаго возвышенному. Ужъ почему разговоръ съ женщиной считался возвышеннымъ, я незнаю, но такъ было принято, и многiе старички и теперь еще почитаютъ какъ бы непремѣнной обязанностью, въ присутствiи каждой особы женскаго пола, если она, впрочемъ, изъ сословiя благородныхъ, употреблять кудреватыя и подъ часъ даже нелѣпыя выраженiя. Но возвратимся къ доминиканцамъ. Чтобъ имѣть понятiе объ ихъ нравахъ и обычаяхъ, необходимо посвящать по нѣсколько дней сряду на хожденiе по клубамъ и самому сидѣть по цѣлымъ вечерамъ за лото, если можно въ одной и той же комнатѣ. Только такимъ путемъ вы успѣете присмотрѣться ко всѣмъ незнакомымъ вамъ физiономiямъ, и, когда вы сами освоитесь нѣсколько съ общепринятыми терминами и правилами игры, тогда и для васъ, изъ этой огромной массы играющаго человѣчества, начнутъ выдѣляться типы, обрисовывая свои оригинальныя стороны. Намъ кажется, что именно теперь настала пора взглянуть поближе на доминиканцевъ, потому что игра въ лото видимо вытѣсняетъ всѣ прочiя игры и, безъ сомнѣнiя, въ скорости овладѣетъ значительнымъ большинствомъ посѣтителей благороднаго, обоихъ купеческихъ и нѣмецкихъ собранiй.

Надобно замѣтить, что въ настоящее время употребляется лото двухъ родовъ: большое требующее нѣсколько десятковъ человѣкъ, и маленькое, для котораго достаточно десяти играющихъ. Первое напоминаетъ о запрещенномъ лото, а второе принадлежитъ уже къ усовершенствованному виду и, кажется, останется господствующимъ, потому что представляетъ болѣе шансовъ для выигрыша. Но мы не будемъ спецiально разбирать преимущества и недостатки того и другаго вида игры въ кости, а посмотримъ собственно на ея приверженцевъ и даже героевъ, такъ какъ въ каждомъ клубѣ есть личности, пользующiяся благосклонностiю фортуны — эти баловни счастья, которымъ везетъ въ ущербъ многимъ несчастливцамъ. И дѣйствительно, чтобъ остаться въ выигрышѣ въ лото, необходимъ огромный запасъ счастья, въ чемъ не трудно убѣдиться, прибѣгнувъ къ самой легкой помощи ариѳметики. Представте себѣ десять человѣкъ, играющихъ за однимъ столомъ и, положимъ, по самой умѣренной цѣнѣ — по рублю ставка. Среднимъ числомъ въ часъ можно сыграть 15 партiй, значитъ — втеченiе этого времени общiй оборотъ суммы, переходящей изъ рукъ въ руки будетъ 150 рублей, но изъ этой суммы уйдетъ уже 1 р.

50 к. за биксу т. е. возмется по тридцати копѣекъ отъ каждыхъ трехъ партій въ пользу клуба *). Если, наконецъ, могло бы случиться, что никто изъ партнеровъ не остался бы въ выигрышѣ, то каждый уже внесетъ извѣстную подать, а именно, въ теченіе пяти часовъ — срокъ весьма обыкновенный — десять посѣтителей, въ выигрышѣ ли кто или въ проигрышѣ, — неизбѣжно заплатятъ клубу 7 р. 50 к., которыхъ возвратить нѣтъ никакой возможности. Разсчитайте же, если эти десять человѣкъ играютъ постоянно цѣлый мѣсяцъ только по пяти часовъ ежедневно и заплатятъ за биксу 225 рублей, то многіе ли изъ постоянныхъ и ревностныхъ доминиканцевъ могутъ надѣяться на выигрышъ въ игру, требующую непремѣнно наличнаго капитала. Бываютъ вечера, что иной доминиканецъ, засѣдающій за рублевымъ столомъ, унесетъ домой цѣлковыхъ двадцать лишнихъ, но вѣдь выбираются и такія полосы, впродолженіи которыхъ не берутъ ни одной партіи, а лото вещь такого рода, что въ нее проиграть большую сумму гораздо легче, нежели выиграть маленькую. Слова нѣтъ, что игра эта не требуетъ ни знанія, ни соображенія, достаточно умѣть только различать цифры, вслѣдствіе чего она доступна каждому; скажу болѣе: въ лото при нынѣшней системѣ невозможно даже прозѣвать партію, какъ это случалось при прежнемъ способѣ; но нельзя не согласиться, что лото игра чрезвычайно разорительная. Мнѣніе это я основываю на двухъ важныхъ обстоятельствахъ: во первыхъ, я принимаю въ разсчетъ значительную дань за биксу, извлекающую суммы изъ кармановъ играющихъ, и во вторыхъ, игра въ лото чрезвычайно увлекаетъ людей, даже и не совсѣмъ слабаго характера. Проигравъ очень быстро, положимъ, девять рублей, вы невольно вынимаете еще три въ надеждѣ отыграться, и, бываетъ, спускаете ихъ, не успѣвъ оглянуться. Вы издержали всѣ свои деньги, но это васъ не останавливаетъ, потому что вы встрѣтили многихъ знакомыхъ, у которыхъ всегда можете достать небольшую сумму. Вы дѣйствительно и берете взаймы рублей шесть, и снова ихъ проигрываете, потому что вамъ не везетъ, и давно слѣдовало бы уже бросить лото, или даже удалиться изъ клуба. Выиграть въ лото можетъ лишь человѣкъ, который съумѣетъ нѣсколько удержать себя т. е. прекратить игру, когда не везетъ и довольствоваться малымъ въ случаѣ удачи. Но такихъ благоразумныхъ не очень много, а большинство, не

*) Это — норма биксы Благороднаго Собранія.

смотря ни на какіе шансы, продолжаетъ заниматься косточками, пока хватаетъ возможности. Подобнымъ образомъ играютъ только доминиканцы-консерваторы, и надобно сказать правду, что ихъ наименьшее число между всѣми клубистами. Въ слѣдующихъ очеркахъ я постараюсь показать различіе всѣхъ, поименованныхъ въ началѣ, категорій.

II.

Доминиканцы-либералы принадлежатъ къ болѣе или менѣе зажиточному классу, они или служатъ, спустя рукава, или ничего не дѣлаютъ въ отставкѣ, или занимаются, какимъ бы то не было, дѣломъ, безъ особаго рвенія и заботы, и нечувствительно пріобрѣтаютъ страсть, или, лучше сказать, привычку къ лото, къ которому такъ и тянетъ ихъ въ клубъ едва не каждодневно. Страсть эта у доминиканца-либерала, однако-же, не преобладающая: онъ дѣйствительно не можетъ обойтись безъ лото, ему необходимо сыграть партій какихъ-нибудь пятнадцать, но онъ приходитъ въ клубъ попозже и если встрѣчается съ знакомыми или пріятелями, которые, не участвуя въ игрѣ, разговариваютъ, онъ подойдетъ къ нимъ и, пожалуй, посидитъ съ ними минутъ двадцать. Доминиканецъ-либералъ садится по чемъ угодно, даже и по двугривенному, и, усѣвшись за столъ, тотчасъ же выказываетъ свою либеральную натуру. Давайте ему, какую хотите, марку, хотя бы и не ту, которая слѣдуетъ по очереди, предлагайте пари на номеръ,—либералъ на все согласенъ, и самый проигрышъ его нисколько не смущаетъ. Не успѣетъ какой нибудь рьяный доминиканецъ пожаловаться на несчастное мѣсто, либералъ самъ предлагаетъ перемѣниться мѣстами, марками, однимъ словомъ, — это самый пріятный игрокъ изъ всѣхъ категорій. Доминиканцевъ-либераловъ весьма немного и при томъ ихъ рѣдко встрѣтишь тамъ, гдѣ играютъ по двугривенному. Этихъ господъ надо искать повыше, тамъ, гдѣ по рукамъ ходятъ четвертныя, сѣрыя и даже радужныя, и гдѣ раздается веселый громкій смѣхъ, возбуждающій иногда неудовольствіе въ партнерахъ. Доминиканецъ-либералъ можетъ быть терпимъ только доминиканцами-умѣренными, но остальныя категоріи его не жалуютъ, за исключеніемъ развѣ новичковъ, которые или не вникаютъ въ игру или смотрятъ на все равнодушно. Либералъ играетъ просто, закрываетъ марки по способу, какой ему вздумается, не избирая для этого опредѣленной системы, усвоиваемой обыкновенно консерваторами, не изъявляетъ никакого нетерпѣнія, не кричитъ вертунамъ, чтобъ

мѣшали номера въ машинѣ, и вообще ведетъ себя съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Типъ этотъ вообще представляетъ нѣчто утѣшительное въ сонмѣ играющихъ.

Доминиканецъ-консерваторъ тоже довольно спокоенъ, но далеко не похожъ на своего собрата-либерала. Онъ появляется за различными столами, отъ двугривеннаго до десяти рублей, но играетъ только опредѣленное число партій; при выигрышѣ продолжаетъ игру, но откладывая извѣстную долю прибыли, а если проигрываетъ, то ограничивается предположенной цыфрой и никогда не выйдетъ изъ назначеннаго бюджета. Доминиканецъ-консерваторъ замѣтенъ по необыкновенной точности: если уже онъ избралъ мѣсто, такъ ни за что его не перемѣнитъ, будетъ протестовать при малѣйшей неакуратности въ раздачѣ шариковъ, раза по два и по три пересчитываетъ деньги, если ему приходится собирать ставку, ни идетъ ни на какія пари, ни на какія аферы и играетъ по однажды усвоенной системѣ, строго исполняя малѣйшія ея подробности, имъ же самимъ придуманныя. Если онъ привыкъ закрывать номера монетами, положимъ, гривенниками, то уже ни за что не закроетъ пятіалтыннымъ или двугривеннымъ, приготовляя штукъ пять гривенниковъ дома или вымѣнивая ихъ у кассира; когда же отмѣчаетъ мѣломъ, то всегда въ одномъ и томъ порядкѣ. Иной держитъ постоянно марку вверхъ ногами, и, на какомъ бы столѣ подобный господинъ не игралъ, вы смѣло можете ручаться, что своей марки онъ не положитъ другимъ образомъ. Консерваторъ тоже старается садиться на одинъ и тотъ же номеръ, если столы номерованы, и всегда успѣваетъ въ этомъ потому, что приходитъ довольно рано и кладетъ на избранное мѣсто деньги,—что, по клубнымъ обычаямъ, не даетъ уже никому другому права занимать это мѣсто.

Доминиканецъ-умѣренный—нѣчто среднее, или, лучше сказать, переходное отъ либерала къ консерватору и vice versa, такъ что легко можетъ сдѣлаться и тѣмъ и другимъ, и можетъ постоянно оставаться въ сферѣ своего типа. Классъ этотъ довольно многочисленный, потому что обновляется безпрерывно, такъ какъ въ него очень часто переходятъ и либералы, и консерваторы.

Умѣренный доминиканецъ не преданъ игрѣ до страсти, онъ, пожалуй, сядетъ и въ карты, но принадлежитъ къ числу тѣхъ индивидуумовъ, которымъ необходимо провести вечеръ въ клубѣ — къ чему онъ привыкъ и безъ чего обойтись не можетъ. За домино онъ садится порою оттого, что ему скучно

бездѣйствіе, порой для компаніи пріятелямъ, а иной разъ и по собственному влеченію, такъ какъ соблазнительныя косточки имѣютъ свое обаяніе. Умѣренный отличается особенной мягкостью характера, что замѣтно при столкновеніи его съ новичками, которымъ онъ охотно подаетъ совѣты, показывая разные пріемы игры, что дѣлаютъ неохотно представители другихъ категорій. Еще либералъ не стѣсняется пособить новичку, но консерваторъ или доминиканецъ »до мозга костей« не любятъ, чтобъ къ нимъ во время игры адресовались съ разспросами. Умѣренный, въ которомъ преобладаетъ элементъ консервативный, дѣлается самымъ строгимъ консерваторомъ, но если въ немъ есть наклонность къ либерализму, то онъ становится не слишкомъ рьянымъ либераломъ, а болѣе или менѣе удерживается въ предѣлахъ умѣренности.

Доминиканецъ-аферистъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ предшествующими типами. Это нѣчто даже, если хотите, отталкивающее, можетъ быть, потому, что подобный господинъ приходитъ въ клубъ съ цѣлью выиграть, во что бы то ни стало, и слѣдовательно съ посягательствомъ на ваши деньги. Хотя, конечно, въ силу подобнаго поползновенія, вы должны бы чувствовать нерасположеніе къ каждому, потому что всякій партнеръ можетъ у васъ выиграть; однако никто не поселяетъ въ васъ такого непріятнаго ощущенія какъ аферисты, которые суетятся, переходятъ отъ стола къ столу, предлагаютъ пари, мѣняются марками, приглашаютъ васъ въ половинщики, знакомы вы или незнакомы, разумѣется, съ тѣмъ, чтобъ распорядиться общей кассой, и своею суетою, своими пріемами возбуждаютъ неудовольствіе въ окружающихъ. Случается, что за столомъ, за которымъ сидятъ десять игроковъ, при сборѣ денегъ на ставку, аферисты подымаютъ свою возню, мѣну марками, шариками, мѣстами и т. п., и, вслѣдствіе этой возни, на блюдечкѣ не оказывается одной, а случалось хоть и рѣдко, что и двухъ ставокъ. Въ рублевомъ, напримѣръ, лото попадаются иногда круглые клубные двадцатикопѣечные жетоны одинаковой величины и формы съ рублевыми жетонами *). Конечно, сверху очень явственно написана цифра, выражающая ихъ номинальную цѣну, но легко можно принять одни за другіе. Попадаются же двадцатикопѣечные жетоны вслѣдствіе того, что служитель, взимая изъ кассы пошлину за биксу, размѣниваетъ рублевую марку на полтинную и двадцатико-

*) Въ настоящее время рублевые жетоны уничтожены.

пѣчную. При счетѣ кассы иногда вдругъ оказывается вмѣсто рубля двугривенный, который, конечно, попалъ неизвѣстно отъ кого изъ играющихъ, такъ какъ платили кто деньгами, кто жетонами. Впрочемъ, въ двугривенномъ лото недочеты встрѣчаются чаще. Разумѣется, сборщикъ не имѣетъ возможности повѣрить, кто именно не отдалъ, и дополняетъ изъ своего кармана, но причина все таки суета и возня аферистовъ. Типъ этотъ можно бы подраздѣлить на нѣсколько оттѣнковъ, но я только скажу, что индивидуумы, его составляющіе, вообще народъ подвижной и не старый и въ высшей степени предпріимчивый. Доминиканцы-аферисты вступаютъ въ сдѣлки на многихъ столахъ и пользуются малѣйшею возможностью пріобрѣсть хоть что нибудь. Такъ напримѣръ, какой нибудь аферистъ, закрывшій четыре номера, замѣтивъ, что и вы сдѣлали тоже самое, тотчасъ же предлагаетъ вамъ аферу на ставку. Положимъ, вы не желаете и произносите свой отказъ не такъ громко, чтобъ всѣ слышали. Если вы выиграете, аферистъ привяжется къ вамъ и начнетъ требовать ставку, а какъ сосѣди не слыхали вашего отказа, то вы и принуждены заплатить спекулянту. Ко мнѣ однажды какой-то господинъ адресовался съ подобнымъ предложеніемъ, и я имѣлъ неосторожность выразить свой отказъ фразой: »покорно благодарю«. Вслѣдъ за этимъ я выигралъ—и аферистъ, сидѣвшій со мной по сосѣдству, торжественно потребовалъ у меня деньги, увѣряя, что фраза, сказанная мною, выражала согласіе. Пари на ставку предлагаютъ и не аферисты, но въ послѣднемъ случаѣ не бываетъ никакихъ недоразумѣній.

Доминиканцы »до мозга костей« народъ преимущественно старый, возымѣвшій страсть къ игрѣ по большей части еще во время существованія прежняго лото и предающійся этой забавѣ не вслѣдствіе жажды выигрыша, но потому, что лото сдѣлалось для нихъ такою потребностью, какъ воздухъ, рюмка водки и пища. Къ этой категоріи принадлежатъ старики, чиновники, отставные военные, купцы, управляющіе домами, пожилые ремесленники и вообще всякій людъ, имѣющій доступъ въ подлежащіе клубы, но достигшій, по крайней мѣрѣ, пятидесятилѣтняго возраста. Внѣ клуба доминиканцы »до мозга костей« занимаются усердно своими дѣлами и вообще не обнаруживаютъ своихъ доминиканскихъ инстинктовъ до послѣобѣденнаго сна; но, выспавшись послѣ обѣда, не думаютъ уже ни о чемъ другомъ кромѣ своего любезнаго домино. Они выходятъ изъ дому за долго еще до открытія клубовъ и направ-

ляются по тѣмъ улицамъ и по той сторонѣ панели, по которымъ шли во время послѣдняго выигрыша. Доминиканецъ »до мозга костей« замѣчаетъ малѣйшія подробности своего входа и выхода, и если онъ нечаянно споткнулся на какой нибудь ступенькѣ лѣстницы и послѣ этого выигралъ, то долго будетъ нарочно спотыкаться на той же самой ступенькѣ. У него въ карманѣ постоянно нѣсколько клубныхъ жетоновъ разныхъ достоинствъ, съ которыми онъ и не разстается, или, по крайней мѣрѣ, очень долго ихъ не перемѣняетъ. Доминиканецъ »до мозга костей« приходитъ въ клубъ непремѣнно одинъ изъ первыхъ и весело ходитъ между столами, избравъ заранѣе себѣ мѣсто; онъ съ любовью поглядываетъ на машину и зорко смотритъ, не валяется ли какой номеръ на полу, потому что случается порою не слышать во весь вечеръ иного номера, и бывали примѣры, что шарикъ не обрѣтался въ машинѣ. Онъ знаетъ по именамъ всѣхъ крикуновъ, дружелюбно разговариваетъ съ ними и за отсутствіемъ знакомыхъ повѣряетъ имъ свои вчерашнія похожденія. Доминиканецъ »до мозга костей« первый садится за столъ и уходитъ лишь въ моментъ взиманія штрафа, не пропускаетъ ни одного тиража и по большей части находится въ проигрышѣ, хотя и небольшомъ, а именно столько, сколько приходится платить за биксу. Опытомъ дознано, что, играя постоянно въ лото каждый вечеръ, не горячась и не увеличивая куша, можно быть въ незначительномъ проигрышѣ, работая собственно въ пользу машины. Преимущественно индивидуумы этой же категоріи ведутъ статистическія таблицы выигравшимъ маркамъ и случается, что извѣстные статистики, сидящіе за разными столами, поспорятъ между собою о какой нибудь ошибкѣ въ числовыхъ данныхъ, потому что, по свѣдѣніямъ одного статистика, больше всѣхъ выигрывали тузы, по таблицамъ другаго — семерка.

Доминиканцы случайные, или, какъ говорится »съ вѣтру« это преимущественно гости, попадающіе въ клубъ по какой нибудь причинѣ, или даже заѣзжіе провинціалы, которые тотчасъ же замѣтны по неумѣнью распоряжаться игрою и по своимъ пріемамъ, доказывающимъ, что индивидуумы эти садятся первый разъ за домино. Случайные доминиканцы попадаютъ за различные столы и служатъ предметомъ увеселенія для играющихъ, особенно, если большинство послѣднихъ состоитъ изъ либераловъ и аферистовъ, потому что либералы объ игрѣ мало заботятся, аферисты же находятъ присутствіе новичка для себя выгоднымъ. Случайные составляютъ иногда порядоч-

ное количество и увеличиваютъ массу обращающихся денегъ, потому что играютъ очень долго, конечно, находя въ этомъ удовольствіе.

Можно бы немного поговорить и объ игрокахъ прекраснаго пола, появляющихся на семейныхъ вечерахъ, ибо и они подходятъ подъ нѣкоторыя категоріи, очеркнутыя нами, но это было бы повтореніемъ того, что еще недавно сказалъ я о мужчинахъ. Впрочемъ, когда вы смотрите на игру иныхъ дамъ, то по ихъ пріемамъ и выраженіямъ тотчасъ замѣтите, съ какимъ изъ типовъ онѣ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, хотя большинство барынь слѣдуетъ относить къ категоріи случайныхъ или умѣренныхъ. Правда, и я знаю не одну доминиканку, которая готова просидѣть за лото до разсвѣта, но это уже будетъ исключеніе, а я для своихъ разсказовъ не беру исключеній. Доминиканцы »до мозга костей« не любятъ, впрочемъ, присутствія въ клубахъ прекраснаго пола, и многіе изъ нихъ совсѣмъ не появляются во время семейныхъ вечеровъ, а потому барыни, рѣдко встрѣчая представителей этого типа, не принимаютъ ни ихъ манеры, ни характера. Незамѣтно также между дамами и аферистокъ, и это я говорю не для того, чтобы польстить доминиканкамъ. Жажда корысти сродна человѣчеству вообще какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, и тѣ, и другія употребляютъ всякія средства для пріобрѣтенія; но такъ какъ барыни играютъ не болѣе раза въ недѣлю, то имъ и нѣтъ возможности вникнуть поглубже въ игру и пускаться въ тонкія соображенія. Случается видѣть и молодыхъ дѣвицъ, упражняющихся въ лото и даже въ то время, когда ихъ подруги усердно отплясываютъ въ бальной залѣ, и хотя это, можетъ быть, бываетъ не собственно отъ пристрастія къ игрѣ, а по многимъ уважительнымъ причинамъ, однако я обязанъ занести и этотъ фактъ въ свои очерки. Теперь я приведу нѣсколько сценъ изъ быта доминиканцевъ.

III.

На улицѣ дождь, вьюга, слякоть; грязь покрываетъ мостовыя и тротуары въ свое удовольствіе; вѣтеръ разыгрываетъ роль необузданнаго самодура и дуетъ откуда и куда ему вздумается, такъ что бѣдный прохожій не знаетъ, какъ запахнуть мѣховой воротникъ (если есть таковой), и едва можетъ справиться съ зонтикомъ (если обладаетъ симъ необходимымъ инструментомъ). Однимъ словомъ, погода, что называется, мерзо-

пакостная, не только мѣшающая выйти со двора но и наводящая унынiе. Газовые фонари едва мерцаютъ, облѣпленные снѣгомъ, который тутъ же таетъ и плыветъ по стекламъ грязными полосами, а свѣтъ! свѣтъ! свѣтъ! Шандора изъ Америки; такъ просто едва мелькаетъ, ровно ничего не освѣщая.

А въ клубахъ такъ свѣтло, такъ тепло, такъ уютно. Тамъ человѣчество находитъ и всевозможный комфортъ, какого у многихъ не имѣется дома, и свободу дѣлать что угодно внѣ всякаго контроля домашнихъ, и хорошiй буфетъ, и порядочный ужинъ, а главное можетъ предаваться игрѣ въ карты, въ кости, на бильярдѣ, къ чему кто имѣетъ склонность и призванiе. Зайдемъ же, читатель, въ одинъ изъ клубовъ, разумѣется, выбравши день, въ который входъ прекрасному полу возбраняется, и посмотримъ на огромную толпу играющихъ, собравшуюся пораньше, по случаю дурной погоды. И, знаете ли, отправимся прямо во владѣнiе доминиканцевъ, которые, умножаясь не по днямъ, а по часамъ, грозятъ вытѣснить ералашистовъ, преферансистовъ, пикетистовъ, палочниковъ и проч. Огромная комната заставлена столами, за которыми засѣдаетъ по десяти человѣкъ доминиканцевъ, а вокругъ еще ходитъ нѣсколько сирыхъ и тоскующихъ, за неимѣнiемъ мѣста. Здѣсь игра маленькая, но это ничего не значитъ, потому что ставка вещь относительная, и для инаго выиграть рубль также интересно, какъ для другаго двадцать. За этими столами вы можете сдѣлать много наблюденiй. Огляните всѣхъ доминиканцевъ. Какiя характерныя группы, освѣщенныя парою стеариновыхъ свѣчей съ абажурами. Вы видите много типичныхъ фигуръ и физiономiй, которыя, склонясь надъ марками, дѣйствуютъ сообразно съ принятой системой. Сдѣлаемъ сперва общее обозрѣнiе. Въ залѣ человѣкъ до ста, большинство составляютъ доминиканцы среднихъ лѣтъ, за ними слѣдуютъ пожилые и потомъ уже молодежь, которая любитъ болѣе пытать счастье въ игрѣ покрупнѣе. Но и здѣсь вы увидите юношей, слѣпо прикованныхъ къ одному мѣсту и перебѣгающихъ отъ стола къ столу въ какомъ-то лихорадочномъ состоянiи. Здѣсь собраны типы разныхъ нацiональностей — и великоруссы, и украинцы, и поляки, и нѣмцы, и шведы, и финны, однимъ словомъ, едва не двадесять языковъ, сошедшихъ прiумножать капиталы клуба для его дальнѣйшаго процвѣтанiя. А костюмовъ, какихъ костюмовъ не увидите вы, начиная отъ пальто, покроя сороковыхъ годовъ, до новѣйшаго пиджака, и отъ ленточки, обхватывающей шею, до тѣхъ уже исчезнувшихъ въ продажѣ гал-

стуховъ, которые похожи на хомутъ и на шлею, и на то, и на другое вмѣстѣ. Вы увидите еще нѣсколько индивидуумовъ, которые, вооружась длинными чубуками, орудіемъ неизвѣстнымъ новому поколѣнію, покуриваютъ вакштафъ Жукова, тоже скоро имѣющій сдѣлаться анахронизмомъ. Не помню гдѣ-то, въ какомъ-то фельетонѣ, я читалъ довольно мѣткое сравненіе чубука съ дышломъ. И дѣйствительно, господинъ, вооруженный длиннымъ чубукомъ, носитъ этотъ инструментъ точно дышло, которое, между прочимъ, дымится съ обоихъ концовъ, устилая облаками дыма окружающихъ. Особенно курильщики Жукова, да еще курящіе всласть, у которыхъ не вычищены чубуки, дымятъ свой вакштафъ съ какимъ-то хрипѣніемъ и еще подсмѣиваются надъ папиросками: »Это-де чортъ знаетъ что — табакъ съ бумагой!«

За всѣми столами, послѣ каждыхъ трехъ партій, пока разберутъ марки и дѣлается нѣкоторый отдыхъ, доминиканцы услаждаются разговорами, преимущественно относящимися до игры, и справляются у статистика, имѣющагося почти за всякимъ столомъ, сколько разъ взяли тузы, двойки, семерки и т. п. Тутъ же сообщаются результаты игры, но почти всегда невѣрные, потому что лишь доминиканецъ-либералъ говоритъ въ этомъ случаѣ правду, а прочіе прибавляютъ проигрышъ и убавляютъ выигрышъ. У доминиканцевъ, постоянно играющихъ вмѣстѣ, рѣдко происходятъ споры, но у тѣхъ, которые сталкиваются не часто или случайно, подымаются иной разъ громкія пренія, по случаю невѣрно собранныхъ денегъ, по случаю марокъ, взятыхъ не по очереди и т. п. Подойдемъ вотъ къ этому столу посрединѣ и посмотримъ во время антракта, когда доминиканцамъ немного свободнѣе. За этимъ столомъ, какъ и за прочими, сидятъ десять человѣкъ. Видите этого толстаго господина съ румяными щеками, гладко выбритаго и съ приличною лысиною. Онъ сидитъ на углу, развалившись и расположившись комфортабельно, предъ нимъ бутылка пива и папиросница, это доминиканецъ-либералъ. Его марки лежатъ наискось — и, конечно, безъ намѣренія, жетоны разбросаны, и онъ меньше обращаетъ вниманія на игру, нежели на своего сосѣда справа, котораго любитъ поддразнивать при каждомъ удобномъ случаѣ. Этотъ сосѣдъ, одинъ изъ тѣхъ доминиканцевъ »до мозга костей«, для которыхъ въ жизни нѣтъ ничего выше лото, и каждое слово, сказанное вами во время партіи, все равно, что ножъ въ сердце. Посмотрите, всѣ игроки болѣе или менѣе въ движеніи: кто размѣниваетъ жетонъ, кто проситъ передать пепельницу, иной сообщаетъ статистическіе выводы, другой при-

глашаетъ на пари, а доминиканецъ »до мозга костей«, получивъ свою марку и перевернувъ ее вверхъ ногами, сидитъ неподвижно и только по временамъ непривѣтливо посматриваетъ на машину, проклиная въ душѣ медленность клубной прислуги. Лишняя минута, проведенная внѣ игры, кажется ему вѣчностью. Немного дальше, опрятно одѣтый молодой человѣкъ, привставъ съ мѣста, быстрымъ взоромъ окидываетъ жетоны, лежащіе передъ партнерами, справляется, какая марка больше въ ходу, и предлагаетъ на право и на лѣво разныя условія, это аферистъ; передъ нимъ немного жетоновъ, значитъ, ему не везетъ, и надобно пускаться на какія нибудь спекуляціи. Еще дальше сидятъ рядомъ два консерватора: одинъ въ какомъ-то допотопномъ пальто, другой въ сюртукѣ, застегнутомъ на двѣ пуговицы, и безпрестанно кашляетъ громкимъ, рѣзкимъ кашлемъ, съ трудомъ высасывая дымъ изъ своей туго свернутой сигары. Но вотъ крикнули по срединѣ магическое слово: »номеръ!« Машина застучала, вертунъ началъ работать колесомъ, крикунъ взошелъ на ступеньку и, обведя вокругъ глазами, прогнусилъ непріятнымъ голосомъ:

— Номеръ!

— А! это фофанъ! проговорилъ либералъ.

Многіе молча кивнули головами въ знакъ согласія и устремили взоры на марки.

— Четыре — шесть! раздалось у машины.

— Первый! лихорадочнымъ голосомъ кричитъ аферистъ, и къ нему летитъ жестянка *).

— Тузъ — восемь! Два — семь! выкрикиваетъ крикунъ, но вездѣ молчаніе.

*) Считаютъ обязанностью для непосвященныхъ въ тайны домино-лото сдѣлать небольшое примѣчаніе. Игра въ круглое лото устроена такимъ образомъ, что партнеръ, у котораго первый выйдетъ на маркѣ номеръ, получаетъ полставки или цѣлую ставку, смотря по условію; у кого прежде другихъ выйдетъ два номера, тотъ беретъ больше, у кого закроется три, тотъ получаетъ еще больше, наконецъ, закрывшій четыре беретъ 1/5 всего выигрыша. Въ большую игру бываютъ разныя условія, но при игрѣ по двугривенному въ настоящее время принятъ слѣдующій разсчетъ: первый № — 20 к., второй 20, третій 20, а четвертый 40 к.

Марки называются по той цифрѣ, которая обозначена въ нихъ первою съ лѣвой стороны: 1/1 называются „тузы“ 1 „тузъ, 2 „двойка“, 3 „тройка“ и т. д. Отчего эта единица называется тузомъ, мнѣ одинъ опытный доминиканецъ-консерваторъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ: крикуну неудобно выкрикивать „одинъ“ или „единица, а гораздо легче говорить на распѣвъ „тузъ“! тузы! тузъ — пять, тузъ — восемь“ и проч.

Въ иныхъ мѣстахъ говорятъ номера просто: одинъ и одинъ, четыре и четыре — и надо правду сказать — это чрезвычайно непріятно для слуха. Стоитъ пойти, напримѣръ, изъ Благороднаго собранія въ Общество взаимнаго вспоможенія, чтобы легко убѣдиться въ разницѣ.

— По четыре!

— Второй! пробасилъ одинъ изъ консерваторовъ и схватилъ налету двадцатикопѣечникъ.

У доминиканца »до мозга костей« нѣтъ ни одного номера. Онъ ожесточенно повернулъ марку и положилъ ее на изнанку.

— Что, батюшка, *не везé па* говоритъ ему либералъ.

— Не мѣшайте.

— Вотъ же у меня будетъ скорѣе васъ третій.

— Типунъ бы вамъ на языкъ!

— Два — восемь! раздается у машины.

— Третій! говоритъ, смѣясь, либералъ: видите, я предсказывалъ.

— Чортъ бы тебя побралъ съ твоими предсказаніями! шепчетъ доминиканецъ »до мозга костей« и отодвигается направо.

Вотъ у либерала и кватерна. Многіе посматриваютъ на него недружелюбно, но онъ не обращаетъ на это вниманія и съ невозмутимимъ хладнокровіемъ предлагаетъ сосѣду ставку, хотя у того закрытъ всего одинъ номеръ. Доминиканецъ »до мозга костей« приходитъ въ ярость и шепчетъ, что онъ перемѣнитъ мѣсто.

У афериста въ это время тоже составилась кватерна, и не успѣлъ онъ еще закрыть номеръ, а уже кричитъ.

— На ставку! кому угодно, господа, на ставку! у меня недостаетъ три-пять.

Желающихъ не оказывается. Либералъ, однако, сжалился, и принимаетъ предложеніе.

— Два — восемь!

— Довольно! кричитъ аферистъ, захватываетъ выигрышъ и собирается улизнуть.

— А ставка-то? говоритъ ему либералъ.

— Вы вѣдь не изъявили согласія; по крайней мѣрѣ, я не слышалъ, отвѣчаетъ спекулянтъ и, пробираясь на другой конецъ залы, исчезаетъ между играющими.

Кто-то протестуетъ, но либералъ прекращаетъ исторію, махнувъ рукой и закуривъ папироску.

Подойдемъ еще къ другому столу. Здѣсь довольно веселая компанія знакомыхъ между собою либераловъ, умѣренныхъ и случайныхъ, и хотя между ними возсѣдаетъ одинъ консерваторъ, однако и онъ поддается общему настроенію. Вы спросите, чего они же смѣются во время такого серьезнаго занятія? А вотъ посмотрите: на углу сидитъ довольно пожилой господинъ, который что ни розинетъ ротъ, такъ ужъ непремѣнно возбудитъ, если не хохотъ, то по крайней мѣрѣ, продолжитель-

ный смѣхъ. Можетъ быть, желаете поближе взглянуть на человѣка, умѣющаго постоянно смѣшить окружающихъ. Физіономія его весьма обыкновенна, даже незамѣтно присутствія особеннаго ума, какъ въ чертахъ лица, такъ и въ сѣроватыхъ глазахъ, полузакрытыхъ кустистыми бровями. А между тѣмъ этотъ человѣкъ разъ или два въ недѣлю является въ клубъ и, садясь за столъ, думаетъ объ одномъ: какъ бы потѣшить почтенную публику. Разумѣется, всѣ его остроты вертятся на разныхъ атрибутахъ лото и давно уже всѣмъ извѣстны, но тѣмъ не менѣе, каждый словно считаетъ обязанностью захохотать при его выходкахъ и повторять его фразы. Подобные авторитеты попадаются, впрочемъ, и не при одной игрѣ въ домино.

— У васъ кварта? спрашиваетъ его кто нибудь?

— Кварта, отвѣчаетъ острякъ, и уже многіе приготовились разсмѣяться.

— А чего вамъ недостаетъ? отзывается другой доминиканецъ.

— Вотъ мчится тройка удалая! говоритъ добродушно бонмотистъ, и всѣ преусердно хохочутъ.

Восьмерку онъ называетъ »насморкомъ«, девятку — »дитяткой«, единицу — »палкой«, четвертку »чертовкой« и т. д. Онъ переименовалъ также по своему крикуновъ и ничуть немѣтко, но поговорки его слышатся отъ многихъ и пріобрѣли ему извѣстность необыкновенно остроумнаго человѣка. Одного крикуна онъ назвалъ »треской рыбой«, названье, неимѣющее никакого смысла, а между тѣмъ стоитъ произнести это слово — трехъ, четырехъ партнеровъ начинаетъ уже разбирать смѣхъ, такъ, что скажи онъ еще какую нибудь чушь, и всѣ непремѣнно захохочутъ. Мало этого, въ тѣ дни, когда острякъ не является, потому что, какъ мы уже сказали, онъ доминиканецъ случайный, а вокругъ какого нибудь стола усядутся его знакомые, то между послѣдними слышится непритворное сожалѣніе объ отсутствіи такого незамѣнимаго потѣшника. Но вѣдь каждый, во первыхъ, давно знаетъ всѣ его остроты и выходки, а, во вторыхъ, можетъ сочинить хоть дюжину представленныхъ выше плоскостей. Такова уже, впрочемъ, натура большинства, которое невольно поддается авторитетамъ и не даетъ себѣ труда вдуматься въ дѣйствительное содержаніе этихъ авторитетовъ.

Хотя и въ маленькой игрѣ можно подмѣтить всѣ страсти, волнующія доминиканцевъ, однако мы пойдемъ еще туда, гдѣ гуляютъ синія, красныя, коричневыя, сѣрыя и радужныя ассигнаціи.

IV.

Огромная зала, установленная круглыми столами, почти утопаетъ во мракѣ, потому что парадныя люстры не зажжены, а свѣчи съ абажурами весь свой свѣтъ бросаютъ лишь на игорныя марки, да на фигуры доминиканцевъ. Здѣсь также нѣтъ порожняго мѣста, а надъ залой виситъ глухой гулъ, словно жужжаніе пчелъ, такъ какъ игроки стараются говорить во время партіи вполголоса, и только у машины раздаются монотонные возгласы крикуна, да у столовъ слышатся извѣстные термины »первый«, »второй« и т. п. Здѣсь уже игра отъ рубля до десяти за ставку и выше, но порядки и категоріи партнеровъ тѣ-же, что и въ предъидущей. Здѣшнихъ доминиканцевъ можно, однако-жъ, раздѣлить еще на три разряда: на играющихъ по рублю и по два, потомъ по три и по пяти и, наконецъ, по десяти и выше. Есть лица, принадлежащія къ категоріи консерваторовъ, которые постоянно держатся одной цѣны, но либералы, новички и въ особенности аферисты, нерѣдко переходятъ отъ одного стола къ другому и пробуютъ счастья на разные манеры, то вступая съ кѣмъ нибудь въ долю, то играя самостоятельно.

При болѣе внимательномъ обозрѣніи вы тотчасъ подмѣтите разные типы доминиканцевъ, съ которыми уже нѣсколько ознакомились. Здѣсь та »же смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній;« порой увидите также господина, сосущаго чубукъ и наполняющаго залу дымомъ неблаговоннаго вакштафа; но за то вокругъ столовъ слышны рѣдко тѣ споры, какіе возникаютъ у доминиканцевъ, играющихъ по маленькой. Хотя и послѣдніе переходятъ въ эту залу попытать счастья за рублевымъ лото, однако отрѣшаются отъ тѣхъ возгласовъ, которые раздаются порою въ предъидущей комнатѣ, и если иногда заводятъ легкую исторію, то одно или два »тсъ! тсъ!« съ сосѣднихъ столовъ, приводятъ ихъ въ нормальное положеніе. Правда, въ рублевомъ лото по временамъ слышится фраза: »это не рублевая марка, а двугривенный« и происходятъ коекакія объясненія, но они углаживаются очень скоро. Иногда, дѣйствительно, происходятъ живыя сцены, но онѣ ведутся въ сторонкѣ, обыкновенно подальше, а иногда и въ другой комнатѣ. Сцены эти случаются между доминиканцами, которые, составивъ капиталъ на акціяхъ, вручаютъ кому нибудь одному сумму для игры повыше, а сами, не желая оставаться праздными, садятся за лото болѣе умѣренное. Въ подобныхъ слу-

чаяхъ играютъ роль преимущественно аферисты, за дѣятельностью которыхъ постоянно слѣдятъ дольщики, потому что ничего нѣтъ труднѣе, какъ усчитать уполномоченнаго. Изъ нѣсколькихъ тиражей онъ можетъ не взять ни одной партіи и показать проигрышъ, между тѣмъ какъ въ то же время возьметъ много отдѣльныхъ номеровъ, — и не только не проиграетъ складочныхъ денегъ, а, напротивъ, пріобрѣтетъ порядочную сумму. Вотъ по какому случаю затѣваются полугласныя схватки, особенно, если дольщиками бываютъ опытные аферисты, которые иной разъ весьма издалека отличаютъ голосъ своего товарища, объявляющаго выигравшій номеръ.

Здѣсь вы встрѣтите гораздо больше гостей, нежели членовъ, потому что послѣдніе не въ состояніи выдерживать постоянно большую игру, а доминиканцы — гости, любители лото, нерѣдко составляютъ двѣ трети наличнаго общества. Заплатить нѣсколько гривенниковъ за входъ не составляетъ ничего, и есть такіе господа, которые въ одинъ и тотъ же вечеръ побываютъ въ различныхъ клубахъ, разумѣется, это доминиканцы-либералы или аферисты. Оттого-то за большимъ лото вы часто встрѣтите совершенно незнакомыя физіономіи, но по пріемамъ этихъ непостоянныхъ посѣтителей сейчасъ замѣтите, что это не неопытные доминиканцы.

Подойдемте на выдержку къ какому нибудь столу, вотъ хоть къ этому, который стоитъ у самыхъ машинъ. На немъ большими буквами написано мѣломъ: по 3 рубля. Мы попали, значитъ, къ среднимъ доминиканцамъ, которые не дерзаютъ играть по 5 или 10 рублей, и съ достаточнымъ презрѣніемъ смотрятъ на игру по цѣлковому. Воспользовавшись нѣсколькими минутами антракта, мы взглянемъ на игроковъ и прислушаемся къ ихъ разговорамъ.

— Нѣтъ, что ни говорите, господа, сказалъ высокій господинъ изъ умѣренныхъ, передъ которымъ написана мѣломъ длинная таблица выигравшихъ марокъ, а четверка сегодня доказываетъ непостижимыя вещи: въ продолженіе четырехъ тиражей она взяла три сквозника, двѣ партіи и множество камней.

— Случайность — и больше ничего, молвилъ недовольнымъ тономъ пожилой доминиканецъ-консерваторъ.

— Пусть и случай, отозвался статистикъ, качая головой, а въ этой адской машинѣ есть какой-то свой непостижимый порядокъ.

— Да чего вамъ лучше, замѣтилъ молодой доминиканецъ

изъ аферистовъ; я ходилъ справляться къ антиподамъ, и тамъ сегодня четверка дѣлаетъ чудеса.

Антиподами у игроковъ высшаго калибра называются доминиканцы, играющіе по самой маленькой.

Но вотъ приступаютъ къ раздачѣ марокъ, и каждый съ удвоеннымъ нетерпѣніемъ желаетъ схватить вожделѣнную четверку; иной даже долго возится въ мѣшкѣ, разсчитывая на тонкость осязанія пальцевъ. Многіе изъ получившихъ другія марки, выражаютъ неудовольствіе, наконецъ, отыскался счастливецъ, одинъ либералъ, которому четверка выпала на долю.

— Хотите играть пополамъ? адресуется къ нему бѣлокурый аферистъ; мнѣ тоже везетъ — я взялъ недавно на двойкѣ.

— Не угодно ли, я промѣняюсь съ вами?

— Въ самомъ дѣлѣ? но вы потребуете...

— Ничего не потребую. Угодно?

Къ аферисту подошелъ и наклонился какой-то приземистый человѣкъ, глаза котораго такъ и бѣгаютъ въ разныя стороны.

— Мѣняйся! шепнулъ онъ ему: у пятирублевиковъ идутъ большія пари на четверку.

— Такъ позвольте помѣняться, если вы не шутите, говоритъ аферистъ либералу заискивающимъ голосомъ.

— На все согласенъ, отвѣчаетъ съ улыбкой либералъ, обмѣнявшись марками: только я увѣренъ, что на этотъ разъ вы ошиблись въ разсчетѣ.

— Ну, кто знаетъ? Господа! кому угодно на первый камень? громко спрашиваетъ аферистъ: предлагаю по рублику.

Два, три человѣка изъявили согласіе.

Но застучала машина, и крикунъ произнесъ магическое и предупредительное слово:

— Номеръ!

Шумъ смолкъ, уступивъ мѣсто напряженному вниманію, и у машины раздалось громкое, протяжное: »тузы!«

Аферистъ сконфузился, потому что первый номеръ выпалъ на долю его сосѣда, который шелъ на первый камень. Не прошло и двухъ минутъ, и партію выиграла девятка, а двойка получила четвертый номеръ. Либералъ поблагодарилъ афериста, а послѣдній слегка покраснѣлъ отъ досады.

— Странно! замѣтилъ статистикъ. Впрочемъ, и то надо сказать, что иная рутерка будто нарочно отдыхаетъ и не беретъ ни одного камня.

— Оттого я охотно помѣнялся, замѣчаетъ либералъ, а все-таки заработалъ двѣ ставки.

— Господа! кому угодно на первый камень? обращается къ партнерамъ аферистъ взволнованнымъ голосомъ.

Человѣкъ пять изъявили согласіе, но и на этотъ разъ четверка измѣнила.

Къ разнымъ столамъ подходятъ зрители; это по большей части ожидающіе очереди, но попадаются между ними и многіе изъ доминиканцевъ-консерваторовъ, которые, высидѣвъ предположенное количество партій, не могутъ еще разстаться съ обаятельною для нихъ обстановкой. Иные изъ послѣднихъ, мысленно избравъ марку, слѣдятъ на какомъ нибудь столѣ, за ея движеніемъ, и случается, что подобный доминиканецъ, забывшись, не можетъ удержаться, чтобъ не проговорить: »первый! второй!« и т. д. и это служитъ предметомъ смѣха для играющихъ. Другіе аматеры, оставившіе игру, держатся у машины и съ какимъ-то особеннымъ умиленіемъ созерцаютъ эту раздавательницу доминиканскихъ благъ и въ то же время опустошительницу доминиканскихъ кармановъ.

Вотъ встрѣчаются два господина, одинъ прекратилъ на время игру, чтобъ поразмять ноги, а другой, посадивъ за себя пріятеля, доѣдаетъ пирожокъ.

— Ну, что, Петръ Ивановичъ, каковы дѣлишки?

— Ничего, Иванъ Петровичъ, держусь кое-какъ: изъ шести тиражей не взялъ ни одной партіи, а пока не въ накладѣ.

— Значитъ, идутъ камни.

— Отлично! каждую почти партію беру хоть ставку, а иногда случается и двѣ.

— А я, батюшка мой, просто въ подмазкѣ, молвилъ Иванъ Петровичъ, пробираясь къ своему мѣсту.

— И все вретъ, отозвался высокій мужчина въ форменномъ сюртукѣ: съ нимъ случается, что беретъ по два сквозника почти рядомъ, а вѣчно поетъ лазаря. Вотъ я такъ продулся.

— Вѣрно, по три?

— Какое по три! Чортъ дернулъ по пяти, и мигомъ спустилъ рубликовъ сорокъ съ хвостикомъ.

— Ничего, выдержите.

Джентльмены расходятся, на смѣну имъ появляются другіе.

— А я васъ ищу, говоритъ вертлявый господинъ обросшему рощею бакенбардъ другому господину.

— Что же скажете?

— Нельзя ли перехватить рублишекъ десять? продулся.

— Нашли къ кому обращаться! я самъ продулся на порядкахъ и думаю улепетывать домой.

— Какъ же быть-то! Мнѣ крайне надобно: осталось всего два рубля, а хотѣлось бы рискнуть на десять партій.

— Поищите Американцева, онъ беретъ только двѣ копѣйки въ мѣсяцъ проценту.

— Да вѣдь онъ не въ этомъ клубѣ!

— Правда. Ну, все равно, Текушкинъ снабжаетъ за умѣренные проценты!

Вертлявый господинъ уходитъ нѣсколько смущенный, а знакомый его, ощупавъ свой боковой карманъ, съ улыбкой пробирается между столами къ болѣе крупному домино. Подойдемъ и мы къ десяти-рублевому лото. Здѣсь засѣдаетъ, такъ сказать, цвѣтъ доминиканцевъ, и партнеры состоятъ изъ всѣхъ категорій, рѣже всего, однако же, встрѣчаются аферисты, которые, съигравъ нѣсколько удачныхъ партій въ двухъ и трехъ-рублевомъ, идутъ испытывать фортуну среди вельможъ доминиканскихъ. Посмотрите на этого осанистаго господина, одѣтаго съ изумительною пестротою. Онъ рѣдко появляется за десяти-рублевымъ лото, а ведетъ гораздо меньшую игру, и только по временамъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ цѣлой артели аферистовъ, садится на столь почетное мѣсто. Здѣсь человѣка четыре либераловъ, нѣсколько умѣренныхъ и консерваторовъ. Всѣ они играютъ обыкновенно, иногда перекидываются фразами, разумѣется, вполголоса, но аферистъ — ни секунды не посидитъ спокойно на мѣстѣ. Глаза послѣдняго хоть и устремлены на марку, однако быстро бѣгаютъ по маркамъ сосѣдей и, замѣчайте, съ какой поспѣшностью онъ закрываетъ вызванный номеръ, словно боится, что кто нибудь начнетъ у него оспаривать право. Постоянные партнеры смотрятъ на него не слишкомъ привѣтливо, потому что онъ и проигрываетъ, и выигрываютъ съ какими-то отталкивающими манерами и не можетъ ни удержать восторга при счастьи, ни терпѣливо перенести невзгоды. После сквозника аферистъ этотъ обыкновенно исчезаетъ. Сквозникомъ называется партія, въ которой одна и та же марка беретъ и всѣ отдѣльные номера, и ставку. Рядомъ сидитъ замѣчательная личность; игрокъ изъ умѣренныхъ, онъ довольно основательно ведетъ игру, но если проигрываетъ, а за нимъ стоитъ кто нибудь изъ постороннихъ, то такъ грозно посмотритъ на непрошеннаго сосѣда, что тотъ непремѣнно отойдетъ подальше. Рядомъ помѣщается пожилой господинъ, либералъ самый крайній и это одинъ изъ пріятнѣйшихъ доминиканцевъ. Онъ играетъ, какъ вамъ угодно; выдумайте самое неудобное правило и предложите

ему, онъ согласится, ни мало не задумавшись, и если соберется веселая пріятельская компанія, онъ готовъ просидѣть до разсвѣта и заплатить огромный штрафъ. Ему порой везетъ, иногда очень не везетъ; но онъ успѣлъ полюбить косточки, которыя, по его словамъ, »стучатъ, бестіи, такъ апетитно«. Закуривъ гаванскую сигару, онъ обыкновенно садится партій на пятнадцать и больше потому, что для него проиграть рублей сто, полтораста, не составляетъ разсчета, а значительная часть игроковъ перемѣняются довольно часто, такъ какъ немногіе имѣютъ достаточный запасъ наличнаго капитала. Немного дальше возсѣдаетъ господинъ въ форменномъ сюртукѣ — это изъ умѣренныхъ; онъ не прочь выиграть, но страхъ какъ не любитъ проигрывать, и въ тотъ вечеръ, когда къ нему не приходитъ ни одного номера, онъ мало того что проклинаетъ судьбу и громко жалуется, но каждому знакомому и незнакомому разсказываетъ о своей неудачѣ, подробно описывая образцовое несчастье. Черезъ одного партнера сидитъ приземистый доминиканецъ, который при удачѣ или при неудачѣ бормочетъ себѣ подъ носъ одному ему извѣстную фразу; но если вы подойдете ближе и прислушаетесь, то узнаете, что господинъ этотъ вызываетъ номеръ, котораго ему нужно. Такая уже у него привычка. Онъ когда-то велъ большую игру, но проигрался, и теперь лишь разъ въ мѣсяцъ позволяетъ себѣ это удовольствіе.

По моему мнѣнію десяти-рублевое лото самая скучная вещь, потому что здѣсь большая натянутость, и еслибы либералы не разнообразили партій своимъ присутствіемъ, то оно походило бы на какую нибудь тяжелую работу. Здѣсь, впрочемъ, интересны попадающіеся по временамъ аферисты, на лицахъ которыхъ можно читать волненіе различныхъ страстей, особенно если кто изъ нихъ проигрываетъ.

Занимательно смотрѣть на фигуры доминиканцевъ во время самой игры, но я люблю также порой этакъ далеко за полночь стоять и наблюдать у входной двери. Иногда какой нибудь мрачный господинъ со всклоченными волосами, по физіономіи котораго видно, что онъ сильно проигрался, выходитъ невѣрными шагами въ другую комнату, но вотъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, походка становится тише; господинъ какъ бы раздумываетъ, описываетъ полукругъ и снова возвращается въ залу — проиграть послѣднія свои деньги. Другіе отправляются отыскивать знакомыхъ — прихватить капиталовъ, третьи выходятъ съ сіяющими лицами...

МЕЛЬНИЦА

БЛИЗЪ СЕЛА ВОРОШИЛОВА.

МЕЛЬНИЦА БЛИЗЪ СЕЛА ВОРОШИЛОВА.

ПРОСТОНАРОДНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

Посвящ. графу Григорію Александровичу Кушелеву-Безбородко.

I.

Недалеко отъ большаго села, перейдя на широкое поле, въ березовой рощѣ надъ узкой, но глубокой рѣчкой стояла водяная мельница. Тутъ же рядомъ построена была просторная, свѣтлая изба съ узорчатыми окнами; а сверху, между двумя рѣзными столбиками, помѣщалась хорошенькая свѣтелка. Изба и мельница стояли на краю большаго лѣса, который тянулся вправо и влѣво на нѣсколько десятковъ верстъ, почитай до самой губерніи. Мимо этой мельницы пролегала проѣзжая дорога изъ села, перебѣгала черезъ плотину и въ лѣсу уже расходилась въ разныя стороны.

На мельницѣ жилъ старикъ, не старикъ, а уже не молодой человѣкъ, крестьянинъ Иванъ Терентьевъ Вырезубовъ, съ хозяйкой Матвѣевной и красавицей дочкой Малашей. Опричь семьи, держалъ Терентьичъ двухъ работниковъ и работницу. Надо вамъ сказать, что Вырезубовъ былъ оченно богатъ, къ тому отличный мельникъ, такъ что всегда у него было человѣкъ пять пріѣзжихъ изъ далекихъ деревень для помолу; но главное — онъ въ ротъ не бралъ хмѣльнаго и не любилъ, чтобъ и въ домѣ была эта поведенція.

Разно баяли въ деревнѣ, отчего разбогатѣлъ Терентьичъ: одни говорили, что онъ нашелъ кладъ; другіе, что какой то старикъ принесъ ему полное лукошко цѣлковыхъ, а самъ пропалъ; третьи разсказывали, что дѣло должно быть не чисто: одначе настояще-то никто не зналъ, а Терентьичъ жилъ, да Бога хвалилъ, да наживалъ копѣйку. Всѣ же эти, кто на де-

ревнѣ переливалъ изъ пустаго въ порожнее, не только ни въ чемъ не могли укорить Терентьича, а первые бѣжали къ нему, если встрѣчалась какая нужда. У него никогда и никому не было отказу, лишь бы попросилъ чего отъ нужды, да былъ бы, что называется, человѣкъ. А сохрани Богъ, приключится кому несчастье: сгоритъ ли у кого дворъ, останутся ли гдѣ безпомощныя сироты, аль прилучится другая какая бѣда (а бѣда какъ лебеда, — растетъ гдѣ и не посѣешь), Терентьичъ самъ явится и пособитъ, и отъ его легкой руки — горемыкѣ пойдетъ все какъ по маслу. Одначе онъ не любилъ и, Боже мой! какъ не терпѣлъ того, кто придерживался чарочки. Ужь ты его и не проси, если знаетъ, что учащаешь подъ елку, развѣ уже будетъ человѣкъ пропадать съ голоду, такъ поможетъ, да и то не самъ, а пошлетъ жену или дочку. Ужь такой былъ нравъ у человѣка. Зато же во всей деревнѣ не было никого и набожнѣе Терентьича; онъ былъ къ тому грамотный и по вечерамъ любилъ читать духовныя книги. Старики не припоминали, чтобы когда онъ первый затѣялъ ссору и въ молодыхъ лѣтахъ: ну, а когда, говорятъ, бывало, кто его больно затронетъ, такъ не прогнѣвайся. Онъ былъ сынъ бѣднаго отца, но трезвый, расторопный, красивый, день и ночь на работѣ и по всей деревнѣ слылъ первымъ парнемъ, хоть было много богаче его и лучшаго рода. Богъ послалъ счастье Терентьичу: за него выдалъ свою дочь мельникъ и оставилъ ему все имѣніе. Матвѣевна души въ немъ не слышала и каждое слово мужа считала закономъ. Вотъ, живучи въ такомъ согласіи, они трудились, богатѣли, помогали бѣднымъ и утѣшались дочкой Малашей, которая и была у нихъ только одна: другихъ дѣтей не посылалъ Богъ Терентьичу. Хотѣлось ему сынишка, да видно такъ ужъ было на роду написано, и Терентьичъ, сидючи иной разъ на лавочкѣ у мельницы, подумывалъ: кому-то достанется все его имѣніе и денежки, которыя удалось ему собрать трудомъ и бережливостью.

Малаша была уже, что называется, дѣвка на порѣ, почитай, по семнадцатому году. Высокая, румяная, глазенки темные синіе, а русая коса едва не до земли; только и порока, что дѣвка была немного тонковата. Ну, да молодой дѣвкѣ тонина не больно вредитъ, коли сама-то раскрасавица, да еще дочь такого богатаго крестьянина, какимъ былъ Терентьичъ. Отецъ и мать по родительски держали Малашу, т. е. въ повиновеніи, а любили, что называется, какъ душу и рядили, словно куколку. Сарафановъ у нея, повязокъ, платочковъ — не за-

бралъ бы на большую телѣгу, и если бывало одѣнется въ праздникъ и пойдетъ къ обѣднѣ, то ужъ, кажется, въ селѣ Ворошиловѣ не считать стать бывалыхъ людей, а и тѣ говорили, что нигдѣ не видывали ни такой распрекрасной дѣвушки, ни такой богатой одежи. Значитъ, и парней-то, парней увивалось за Малашей! И первые богачи хозяйскіе сыновья выступали козыремъ передъ нею, и молодые голыши охорашивались, и даже сельскій писарь, малый красивый и большой грамотѣй — сымалъ передъ ней шапку и кланялся чуть ли не пониже, чѣмъ самому головѣ Вавилычу. Дѣвку это утѣшало; со всѣми она была привѣтлива, ласкова, съ каждымъ, пожалуй, постоитъ, побалагуритъ; ну, а коли который, пріободрясь, подумаетъ, что пришелся ей по нраву, да попробуетъ обнять, такъ Малаша бывало отвѣситъ такого тумака, что инда искры изъ глазъ посыплются, даромъ что худощавая. — Рукамъ, молъ, воли не давай, любезный.

Съ дѣвушками со всѣми жила дружно Малаша, потому что была веселая, говорливая, а пѣсни пѣвала разотлично и плясать была большая мастерица. На деревнѣ же всѣ ее любили, — а паче дѣти. У Терентьича былъ обычай: въ каждый большой праздникъ сдѣлать доброе дѣло. Можетъ быть, разъ десять въ году хозяйка его съ дочкой и работницей напекутъ бывало хлѣбовъ, калачей и разныхъ разностей, навалятъ телѣгу, запрягутъ добрую лошадь, и Малаша одна изволь отправляться въ Ворошилово и развозить гостинцы убогимъ крестьянамъ. Извѣстное дѣло, Малаша знала куда ей ѣхать, и передъ той избой убогаго, въ которой есть дѣти, она останавливала Савраску. Да Савраска и самъ зналъ свое дѣло, гдѣ у какихъ воротъ останавливаться: станетъ бы вало и поворотитъ голову къ своей хозяйкѣ, словно говоритъ глазами, что неча тпрукать, я, молъ, не первый разъ. Въ большіе праздники, дѣти съ разсвѣта ожидали Малашу и, завидѣвши Савраску, кричали и хлопали въ ладоши: бѣдняжки знали, что не только будетъ у нихъ коврига хлѣба, а что мельникова дочка привезла имъ по калачику или по какому нибудь другому гостинцу.

Умный священникъ, который всегда ставилъ въ примѣръ Терентьича, бывало и говоритъ народу, когда Малаша покажется на Савраскѣ:

— Вотъ, братцы, тотъ кладъ, отъ котораго богатѣетъ мельникъ: дѣлитесь съ бѣдными достаткомъ, живите честно, трезво, будете трудолюбивы, и вамъ Господь Богъ пошлетъ и счастье, и богатство.

Вотъ такъ то, лѣтъ пять тому назадъ, жила, да поживала семья Терентьича на своей мельницѣ, недалеко отъ села Ворошилова.

II.

Святая только что отошла. По вечерамъ въ деревнѣ начали собираться веселые хороводы: извѣстное дѣло, молодежь тѣшилась пѣснями, пляской и затѣвала разныя игры.

Терентьичъ съ женою охотно отпускали Малашу въ село.

— Зачѣмъ дѣвку держать взаперти, говаривалъ мельникъ: пусть себѣ тѣшится и веселится на здоровье. Она у меня дочка добрая и разумная: сызмалу я научилъ ее любить Бога, слушаться отца, матери, почитать старшихъ; она у меня не дуритъ, не балуетъ: отъ чего же ей перечить! Только помни одно, Малаша, что душу твою я вижу насквозь, и если ты не только сдѣлаешь что нибудь непригодное, а подумаешь, то я за версту, здѣсь на мельницѣ, узнаю объ этомъ. И ужъ тогда, голубушка, не моги подходить ко мнѣ, не смѣй смотрѣть въ глаза честному отцу, — а проваливай, и вотъ-те дорога на всѣ на четыре стороны. Такой у меня законъ. Хочешь жить весело, тѣшиться съ парнями и подругами, веселись, сколько душенькѣ угодно: пой хоть до хрипоты, пляши хоть до упаду, стой и говори съ кѣмъ хочешь, только чтобы на другой день мнѣ все пересказала, а я буду знать — говоришь ли ты правду. Коли что сдѣлаешь по неопытности, я научу тебя, что это-де негодится, а коли кто обидитъ тебя, то отецъ и защитить съумѣетъ.

Вотъ Малаша и поступала по отцовской заповѣди. Бывало возвратится съ хоровода и все перескажетъ отцу и матери: тотъ, молъ, парень говорилъ такія рѣчи, энтотъ такія, а писарь Петрушка хотѣлъ, молъ, поцѣловать, такъ я угостила его затрещиной.

Отецъ поглаживаетъ только бороду и усмѣхается, Матвѣевна весело смотритъ на дочку, а Малаша, словно малиновка, щебечетъ имъ все, что только видѣла или слышала въ хороводѣ. Хоть дѣвка была и на порѣ, а знать никто еще не приходился ей по сердцу. Раза три никакъ и сваха подъѣзжала къ Матвѣевнѣ и сватала, почитай, все молодцовъ, хозяйскихъ сыновей, — одного никакъ очень богатаго изъ сосѣдняго села, да Малаша и слушатъ не хотѣла. Знаешь, любо было молодой дѣвченкѣ, что всѣ парни, сколько ихъ ни на есть, льнутъ къ ней будто мухи къ меду, а она, знай себѣ, весело балагуритъ съ ними, да отшучивается. Прочія дѣвушки

завидовали ей, да какъ Малаша была ни чуть не спѣсива, а парней съ ума не сводила, не обѣщала имъ никогда ничего, со всѣми была одинакова, то и дѣвушки не серчали на нее и выходили себѣ замужъ по добру по здорову. Больше всѣхъ увивался за нею сельскій писарь. Дѣтина былъ важный, степенный не по лѣтамъ, и всякія книжныя дѣла произошелъ, а, почитай, каждое воскресенье бесѣдовалъ съ самимъ священникомъ, да не приходился по нраву нашей Маланьѣ Ивановнѣ. А насильно милымъ не будешь. Мать иногда спрашивала ее:

— Отчего, молъ, Петрушка Толобовъ тебѣ не нравится?

— Да не умѣю сказать, матушка: инда сердце отъ него отворачивается.

— Вѣдь онъ парень тово, скажетъ бывало Матвѣевна: и разумный и трезвый, и въ большомъ почетѣ.

— Христосъ его вѣдаетъ, отчего мнѣ съ нимъ становится скучно.

— Вѣдь онъ же учливо съ тобою обходится?

— И какъ еще учливо!

— Чѣмъ же не любъ-то?

— Скупенекъ больно, родная. Денегъ куры не клюютъ, а никогда не положитъ въ складчину ни пятака, а надысь подавалъ нищему грошъ, что ужъ стыдно стало не подать при товарищахъ, и то копѣечку сдачи потребовалъ у слѣпаго!

— Вотъ оно что!

И такъ бывало въ каждомъ парнѣ Малаша найдетъ прицѣпку: тотъ глуповатъ, этотъ ругается при дѣвушкахъ непристойными словами, третій любитъ зелено вино, а писарь, видите ли, скупъ. Поди ты съ ней! Вѣстимо, что не пришелся еще малый по сердцу, а то, небось, не стала бы примѣчать разныхъ разностей. Такая уже дѣвичья натура. Да и что Малашѣ была за неволя торопиться замужествомъ? Пила, ѣла вкусно, одѣвалась словно кукла, хотѣла работать — работала, не хотѣла — сиди хоть цѣлый день, сложа руки. Только надо сказать правду, Малаша не любила бездѣльничать, и лишь по праздникамъ не принималясь за работу; рукодѣльница же изъ нея была на удивленіе. Лѣтомъ, или лучше сказать, съ весны, сажала цвѣты подъ окнами, и любила иногда сидѣть въ своемъ садикѣ. Рѣдкостная была дѣвушка. А ужъ какъ запоетъ пѣсню, да еще заунывную, и чистый, звонкій голосъ ея понесется по рощѣ, — такъ, право, инда слезы тебя прошибутъ, и ты только удивляешься, откуда у человѣка берется голосъ, что словно разсказываетъ тебѣ и то, что снилось, когда

Bayerische Staats-Bibliothek München

ты былъ дитею, и то, что роилось въ головѣ, когда былъ молодъ, и Богъ его знаетъ, чего только не поразскажетъ! Ужъ истинно голосокъ не только малиновый, а какой-то серебряный, что вотъ такъ и льется и льется прямехонько въ душу. Самъ Терентьичъ, на что человѣкъ степенный, бывало, какъ заслушается ея пѣсни, сидя у мельницы на лавкѣ, покачаетъ головою и проговоритъ:

— Ахъ, ты пташка моя голосистая! Да въ кого же ты уродилась? Я, почитай, отъ роду не съумѣлъ спѣть ни одной пѣсни, а Матвѣевна, отродясь, была словно безъ голосу.

Надо сказать, братцы, что дѣвка эта была предиковинная: примѣромъ по семнадцатому году; съ парнями, пожалуй, простоитъ цѣлый вечеръ и пробалагуритъ; давно замужъ пора, а, почитай, настоящій ребенокъ. Сойдется въ рощѣ съ маленькими дѣвчонками, — давай играть съ ними, бѣгать взапуски, и не то что для утѣхи дѣтей, а бѣгаетъ до того, что покраснѣетъ словно вишня. Аль дома! На верху у нея была чудесная свѣтелка — чисто на чисто вымытая, на окнахъ занавѣски и цвѣты, столикъ застланъ узорчатой салфеткой, а кроватка подъ ситцевымъ одѣяльцемъ, которое сама она сшила изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Печка у нея была съ лежанкой, и на этой лежанкѣ, въ уголку, всегда лежалъ или сидѣлъ большой сѣрый котъ Васька. Это былъ ея любимый баловникъ и утѣшникъ, а ужъ что она съ нимъ выдѣлывала, такъ развѣ только малому ребенку придутъ въ голову такія оказіи. Бестія этотъ Васька былъ ужасный лѣнивецъ и плутъ, какихъ мало: почитай, и ѣлъ лежа, а ужъ что ѣсть ему бывало вдоволь — объ этомъ и говорить нечего. Вотъ лежитъ Васька, будто и зажмурясь, а самъ въ полглаза посматриваетъ на свою хозяюшку. Когда Малаша весела и распѣваетъ пѣсни, ему и дѣла нѣтъ, знай только поворачивается со стороны на сторону; а чуть задумалась надъ работой, надъ шитьемъ или чулкомъ, Васька сейчасъ что нибудь придумаетъ. Вѣдь говорилъ уже я, что онъ былъ лѣнтяй, — но тутъ приподымется, спустится осторожно съ лежанки, подкрадется къ Малашѣ, да цапъ за клубокъ, и давай съ нимъ кататься по полу. Малаша взглянетъ разсмѣется и начнетъ возиться съ Васькой. Тогда она его уже заставляла служить, прыгать черезъ руки, и Васька доказывалъ всѣ мастерства, какія только зналъ. Матвѣевна какъ-то разсказывала кумѣ и побожилась, что правда.

— Вхожу, говоритъ, лѣтось въ свѣтелку, — дверь не плотно притворена, и слышу смѣхъ, словно собралось нѣсколько дѣ-

вушекъ. Вотъ, говоритъ, я и заглянула. Что же? Малаша лежитъ на полу, а Васька сидитъ возлѣ нея и служитъ, свѣсивши голову немного на сторону. »Васька, протяни лапку!« приказываетъ ему Малаша. Котъ, бестія, подумалъ, подумалъ, да и протянулъ. Она взяла кусочекъ говядины, надѣла ему на когти и говоритъ: »кушай, Васинька, на здоровье!« Васька согнулъ лапу, поднесъ къ мордѣ, взялъ, право слово, зубами говядину, потрясъ головой и съѣлъ, озорникъ, все-таки сидючи на заднихъ лапахъ. Малаша заливается хохотомъ, а котъ хоть бы тебѣ усомъ моргнулъ. »Протяни, Васька, другую лапку!« приказываетъ дочка. Котъ ни шелохнется. »Протяни, голубчикъ!« Котъ и не думаетъ. Она его по лапѣ, а онъ какъ фыркнетъ, да прыгъ на лежанку и заворчалъ: видно не полюбилось бестіи. »Кысъ! кысъ! манитъ Малаша: поди сюда, Васинька, бить больше не стану и налью тебѣ молочка«. Васька и замяукалъ. »Не буду, не буду, Васька! Кысъ! Кысъ!« Васька подошелъ къ Малашѣ и давай кувыркаться передъ нею, да такъ смѣшно, что я, на старости, расхохоталась, какъ шальная. Малаша, увидѣвши меня, вскочила, застыдилась и принялась за работу.

Энтакая проказница была Малаша и жила у отца и матери, какъ словно въ раю за дверью, однако приходилось иногда, что бывало задумается и пригорюнится въ своей свѣтелкѣ, смотритъ въ окно на рощу ли, на небо ли, Богъ ее вѣдаетъ, и ни Васька ее не утѣшитъ, ни пѣсенька на умъ нейдетъ. Знать, годы брали свое, и, должно быть, ей грезился удалой дѣтина, что она его отродясь и не видывала, а припоминала, какъ словно давно знакомаго. Это, какъ бы не солгать, случалось всего раза три съ Малашей, да и то послѣ того уже, какъ ее сватали. По очередно ей приходили на умъ всѣ парни изъ села Ворошилова, которые увивались за нею, да вѣдь я уже вамъ сказывалъ, что въ каждомъ находила она какую нибудь прицѣпку: все, видишь, не отыскивался по душѣ.

III.

Вотъ одинъ разъ въ праздникъ, только что солнышко встало и туманъ началъ улетать съ земли легкими облачками, Малаша выѣхала съ мельницы на своемъ Савраскѣ развести бѣднымъ хлѣбы и гостинцы. Отецъ, стоя въ воротахъ, перекрестилъ ее по обычаю, а мать пожелала счастливой дороги. Обогнувши уголъ рощи, Малаша встала съ телѣги, положила

вожжи и пустила Савраску по дорогѣ, а сама шла по сторонѣ мимо рва, на гребнѣ котораго росли желтые и голубые цвѣтки. Богъ ее знаетъ, о чемъ она думала, и шла молча, потому что никогда не пѣвала, пока не выходили изъ обѣдни. Въ полѣ, знаете, утромъ такъ славно: жаворонки поютъ, по обѣимъ сторонамъ дороги рожь въ колѣно и шумитъ молодой травкой и сгибается въ ту сторону, куда ее наклоняетъ вѣтеръ, а росинки на ней горятъ отъ солнца и сверкаютъ по всему полю.

— Здравствуйте! наше вамъ почтеніе, Маланья Ивановна! сказалъ ей кто-то громкимъ голосомъ.

— Ахти, батюшки свѣты, какъ испугалъ! проговорила она — Петрушкѣ Толобову: экъ, орешь во все горло-то!

— Вотъ и разсердилась, Малаша! какая ты, ей Богу, причудливая!

— Я и не думала сердиться, — а говорю, что испугалъ. Ну, здорово, Петруша.

— Съ праздникомъ-съ.

— Спасибо. Куда это такъ спозаранку, Петръ Харитонычъ?

— Такъ, молъ, съ нашимъ къ вамъ почтеніемъ.

— На мельницу къ тятенькѣ, что ли?

— И на мельницу и не на мельницу, Маланья Ивановна, говорилъ писарь, идучи рядышкомъ съ Малашей.

— Ты, Петрушка, иногда говоришь такія мудренныя рѣчи, что и впрямь не разберешь тебя: больно, знать, по книжному.

— Кажись, оченно просто.

— Гдѣ же тутъ простота: и на мельницу, и не на мельницу!

— Тоись, прошелъ бы на мельницу, еслибы тебя не встрѣтилъ.

— А, вотъ оно что! Стало, ко мнѣ на встрѣчу... Но, Савраска, но! что уши-то развѣсилъ? не твое дѣло подслушивать чужія рѣчи! сказала Малаша Савраскѣ, а сказала больше для того, что ей стало немножко моркотно.

— Ужъ вѣстимо на встрѣчу тебѣ, зоренька ты моя.

— Благодарствуемъ! Проводить меня хочешь, что ли, боишься, чтобъ не сбилась съ дороги? и на томъ спасибо!

— Эхъ, Малаша! проговорилъ писарь, почесавши затылокъ и надвинувши шапку на правое ухо: тебѣ все шутки на умѣ, да смѣшки...

— Чего же мнѣ горевать-то?

— Тебѣ-то чего горевать? вѣстимо нечего...

Малаша прибавила шагу и подошла къ телѣгѣ.

— Малаша! Маланья Ивановна!

— Ась?

— Вы никакъ ѣхать хотите?

— Нѣтъ, не хочу, а вотъ чуть не вывалилась коврига.

— Я думаю, тебѣ эта коврига дороже меня.

— Какъ такъ?

— Да такъ! ты никогда не хочешь толкомъ поговорить со мною.

— Кажись, идемъ вмѣстѣ по дорогѣ и разговариваемъ.

— Нѣтъ, Малаша! Не могу дольше терпѣть! Голубушка, лебедушка, послушай меня и не смѣйся.

Малаша прибавила шагу и опустила глаза.

— Послушаешь?

— Говори.

— Ты вѣдь знаешь, какъ я люблю тебя.

— Почемъ мнѣ знать!

— Нѣтъ, знаешь, Маланья Ивановна, только притворяешься... Эхъ, Малаша! такъ люблю, что значитъ — жить безъ тебя не могу, только печаль за сердце сосетъ, что ты отъ меня отворачиваешься. Аль я не любъ тебѣ, Малаша? Вишь ты, молчишь, словно воды въ ротъ набрала. Можетъ быть, ты все ждала, чтобы я прямо сказалъ тебѣ? я все не смѣлъ, Малаша; а теперь вышелъ на встрѣчу именно поразсказать... Маланья Ивановна, присылать ли мнѣ сватовъ?

Малаша шла впереди красная, красная, на глазахъ слезы, а сердце такъ и стучитъ, словно готово разбить дѣвичью грудь въ дребезги. Ей и жаль стало Петрушку, и парень-то онъ дородный, красивый, разумный; она, можетъ быть, и долго разговаривала бы съ нимъ обиняками... Да онъ заговорилъ прямо, стало быть и отвѣтъ надо было дать прямо. Петрушка подошелъ и взялъ ее за руку, а самъ тоже какъ въ лихорадкѣ.

— Что-жъ, Малаша, сватовъ-то присылать, что ли?

— Я не хочу еще замужъ, голубчикъ! проговорила тихо Малаша.

Петрушка чуть не заплакалъ.

— Боже ты мой! За что же мнѣ несчастье? Аль я не такой какъ люди? аль пороки за мной какіе?

— Петрушка! сказала дѣвка сквозь слезы: видитъ Богъ, не могу быть твоею женою, — а больше меня не спрашивай!

И она пошла къ телѣгѣ.

— Малаша! Да что же это такое? стало быть, ты любишь другаго?

— И другаго не люблю.

— Нѣтъ, любишь! теперь я все вижу.

— Ничего не видишь! Хочешь, побожусь?

— Что мнѣ въ твоей божьбѣ? А я, дурачина, думалъ, что ты пойдешь за меня... Ну, Малаша, узнаю твоего дружка сердечнаго: ужъ задамъ ему перцу. Никогда ни съ кѣмъ не затѣвалъ ссоры, — а ужъ энтого лѣшаго!..

И Петрушка расходился.

Малаша повеселѣла, сидючи на телѣгѣ, а повеселѣла оттого, что у Петрушки на глазахъ высохли слезы.

— Кого-жъ ты собираешься отколотить, Петръ Харитонычъ? спросила она.

— Ужъ я знаю кого!

— Ну, да примѣромъ?

— Ты думаешь, я не замѣчаю, какъ ты любишь балагурить съ Алешкой Живѣевымъ.

— Экася! Алешка Живѣевъ! Да ужли я дура такая, чтобы выбрала безмозглую башку изо всей деревни!

— Башка башкою, а парень красавецъ.

— Мало чего нѣтъ. Не бери ужъ, Петрушка, грѣха на душу: Алешка вѣдь дуракъ непошитый.

— Ну, такъ Мишка Смолкинъ.

— Ха, ха, ха! Рыло этакое! Да вѣдь Мишка ухаживаетъ за Машей!

— Да ужъ я дознаюсь.

— Сдѣлай милость!

— Малаша! сказалъ писарь, перемѣняючи голосъ: Маланья Ивановна, голубушка! перестань сердиться!

— Чего мнѣ сердиться! Вотъ уже деревня не далече. Прощай, Петрушка!

— Какъ, ужели на вѣки?

— Зачѣмъ на вѣки! Сегодня-жъ увидимся въ хороводѣ.

И Малаша тронула Савраску возжами, и Савраска пустился рысцой и скоро въѣхалъ въ околицу.

Писарь, словно ошеломленный, долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, потомъ снялъ шапку, почесался, надѣлъ опять ее на бекрень и тихо пошелъ по дорогѣ къ деревнѣ.

Малаша, какъ слѣдовало, развезла хлѣбы, калачи и прочіе гостинцы, побаловала съ дѣтьми, заѣхала къ ткачу Семену, гдѣ всегда оставляла лошадь, пока отойдетъ обѣдня и пошла

въ церковь, потому что начали благовѣстить. Мельникъ съ мельничихой были уже на паперти и скоро пришелъ священникъ. Малаша, по обыкновенію, молилась очень усердно, но на этотъ разъ на душѣ у нея было какъ-то неспокойно: ей все думалось, не согрѣшила ли она передъ Богомъ и не разгнѣваются ли на нее отецъ съ матерью. Одначе молитва разогнала такія мысли, и, къ концу обѣдни, Малаша стала весела попрежнему. По выходѣ изъ церкви, на паперти окружили ее парни и дѣвки; а пріятельница ея Параша, поздоровавшись съ мельникомъ и мельничихой, выпросила у нихъ, чтобы отпустили дочку къ ней обѣдать и на цѣлый день, потому что погода была хорошая, такъ молодежь собиралась повеселиться.

Терентьичъ согласился и даже оставилъ дочкѣ Савраску, а самъ съ хозяйкой поохотился пройтись на мельницу пѣшечкомъ.

Ну, послѣ обѣда молодежь собралась на площади и затѣяла свои игры. Сначала пѣли пѣсни, потомъ плясали, наконецъ, всѣ усѣлись на пригоркѣ. Много парней весело увивались за Малашей, только писарь былъ нахмуривши, и Малашѣ, почитай, немного стало жаль его. Одначе Петрушка поразвернулся, взялъ балалайку и наигрывалъ плясовую такъ, что инда струны трещали, и подсѣлъ онъ къ хорошенькой дѣвчонкѣ Матрешѣ, и что-то, знай, съ ней шушукаетъ. Малаша, увидѣвши это, усмѣхнулась и давай, попрежнему, хохотать и балагурить со всѣми парнями. Ей, видишь, стало радостно, что Петрушка скоро утѣшился и не будетъ больше приставать къ ней со своими сладкими рѣчами. Ей очень хотѣлось поразсказать Парашѣ о своей встрѣчѣ съ Петрушкой; да она какъ-то пріудержалась и ожидала, что выйдетъ изъ его шушуканья съ Матрешей. Надо, одначе, сказать правду, Малаша какъ-то пристальнѣе вглядывалась въ парней и думала: »Аль впрямь который нибудь изъ нихъ мнѣ слюбится?« Всѣ они ластились къ ней и говорили то же, что ономнясь — значитъ, и завтра и послѣ завтра скажутъ то же самое; иные, мало нужды, что получали тумаки, пробовали обнять ее, а ни одинъ не расшевеливалъ дѣвичьяго сердечка. Всетаки Петрушка былъ лучше всѣхъ,— да тотъ уже и не приступалъ къ ней послѣ давишняго.

Дѣвичья натура такъ уже устроена, что любитъ дѣлать все наперекоръ. Утромъ Малаша, по чистой совѣсти, какъ честная дѣвушка, не хотѣла обмануть парня и сказала напрямки, что не любитъ его; недавно еще въ хороводѣ утѣшалась, что онъ ластится къ другой; а когда Петрушка пересталъ смотрѣть на нее, и, знай, балагурилъ и хохоталъ въ сторонкѣ

съ хорошенькой дѣвушкой, Малашѣ вдругъ стало досадно. Подвернись къ ней въ то время Петрушка со слезами на глазахъ, скажи, что все это дѣлалъ нарочно для шутки, что онъ любитъ ее попрежнему, Малаша можетъ и подалась бы. Одначе вышло не такъ, и подскочилъ такой случай, что Малаша никогда уже больше не думала о Петрушкѣ.

Было дѣло вотъ какое. Молодежь, какъ я сказалъ уже, разсѣлась на пригоркѣ; иные ребята съ дѣвушками попарно, а человѣкъ семь возлѣ Малаши и Параши. Кто почтивалъ дѣвушекъ орѣхами, кто изюмомъ, кто пряниками, одинъ только писарь угощалъ свою Матрешу балалайкой, потому что малый былъ скуповатый. Вотъ какъ молодежь балагурила себѣ и собиралась затѣять какую-то новую игру, подошла къ пригорку старушка нищая и, кланяючись въ поясъ, просила милостины. Дѣвушки и парни подали, кто что могъ, а одна сиротка-дѣвчонка чуть не сквозь слезы сказала, что у нея нѣтъ ничего. Малаша положила за нее и крѣпко приказала старухѣ зайти на мельницу, гдѣ обѣщала ей и хлѣбца ковригу. Старушка благодарила и молилась за добрыя души; а увидѣвши въ сторонкѣ писаря, подошла и къ нему. Всѣ оборотились въ ту сторону и смотрѣли, какъ отличится Петрушка. Матреша сказала, что у нея нѣтъ денегъ.

— Ничего, молвилъ Петрушка: положимъ и за тебя. Нутка, беззубая бабушка, вынимай мошну и получай деньги.

Старуха поклонилась и ожидаетъ. Писарь вынулъ кожаный кошелекъ и высыпалъ на ладонь мелкимъ серебромъ цѣлковыхъ полтора, да мѣдными, почитай, около полтинника. Долго онъ искалъ, копался, наконецъ, вынулъ самую истертую копѣйку серебра.

— Ну, старушка, сказалъ онъ: ищи-тко грошикъ сдачи, неравно понадобится.

Старушка отыскала, поблагодарила и пошла своею дорогою.

— Смотри же, беззубая, кричалъ ей вслѣдъ Петрушка: не заходить въ кабакъ, а не то велю посадить въ темную. Да ты никакъ работать горазда! Экая шатущая!

Всѣ, знаешь, опустили глаза: имъ стало немного стыдно. Ужъ лучше не давать милостины, чѣмъ обижать нищую калѣку.

У Малаши на сердцѣ какъ рукой сняло всякую жалость къ Петрушкѣ, и она сдѣлалась вдвое веселѣе. Возвратившись вечеромъ домой, она все пересказала отцу и матери: какъ писарь встрѣтилъ ее на дорогѣ утромъ, что говорилъ, какъ между ними происходило и что было послѣ въ хороводѣ. Отецъ не

сказалъ ни слова, только бороду поглаживалъ, а когда начала она разсказывать о нищей старухѣ, онъ только спросилъ:

— А велѣла ты ей, Малаша, придти на мельницу?

— Какъ же, батюшка, крѣпко наказывала.

— Ну, хорошо сдѣлала.

Съ этого дня, когда бывало Малаша пойдетъ или поѣдетъ въ Ворошилово и встрѣтится съ Петрушкой, всегда поздоровается учтиво, а ужъ сама не зацѣпитъ никакимъ словомъ. Писарь нѣсколько разъ подъѣзжалъ къ ней, разсыпался мелкимъ бѣсомъ, говорилъ даже, что за Матрешей увивался съ сердцовъ, — да Малаша всегда бывало сведетъ на что нибудь другое. Петрушку взяла злость, онъ разругался съ нею и впрямь задружилъ съ Матрешей. Нашей дѣвкѣ это и на руку, да и парнямъ, что за нею увивались, тоже стало веселѣе, хоть правду сказать, ни одному изъ нихъ не говорила сладкихъ рѣчей Малаша.

IV.

Скоро сказка сказывается, да не скоро на свѣтѣ дѣлается. Лѣто стояло теплое, погодное. Отошли Петровки. Народъ собирался уже косить луга, а тутъ и хлѣба выметали колосья. Соловьи умолкли, кукушки тоже перестали куковать, и поспѣвали разныя ягоды.

На мельницѣ у Терентьича пройти нельзя было за народомъ. Знаешь, настало безвѣтріе, въ вѣтряныхъ мельницахъ молоть нельзя: такъ народъ изо всѣхъ мѣстъ повалилъ къ Вырезубову, и многіе давали за помолъ дороже, лишь бы смолоть поскорѣе, да Терентьичъ былъ человѣкъ совѣстливый и наблюдалъ очередь.

— Мнѣ лишку вашего не нужно, говорилъ онъ: а кто прежде пріѣхалъ, тотъ прежде и мели. Такой порядокъ.

На мельницѣ была настоящая ярмарка. Не только на дворѣ у Терентьича, но и передъ дворомъ тѣснились телѣги; у мельницы народъ сидѣлъ цѣлую ночь, за плотиной горѣлъ костеръ, гдѣ многіе готовили себѣ пищу, а вблизи по лѣсу парни пасли лошадей, распѣваючи пѣсни.

Однимъ днемъ, подъ вечеръ, когда еще солнышко не сѣло, но закатилось уже за рощу, и на дворѣ сдѣлалось отлично прохладно, мельникова семья усѣлась на крылечкѣ ужинать. Терентьичъ пригласилъ двухъ, трехъ знакомыхъ мужиковъ, и начали они балагурить. Вдругъ послышался колокольчикъ въ лѣсу и звонкая молодецкая пѣсня. Колокольчикъ гремѣлъ такъ,

какъ гремитъ онъ, когда тройка несется во всю прыть, а пѣсня раздавалась по лѣсу какая-то заунывная, словно въ этомъ голосѣ дрожало какое-то горе. Малаша невольно вздрогнула и стала смотрѣть на плотину.

— Ну, да и валяетъ же во всѣ лопатки! сказалъ одинъ крестьянинъ, положивши ложку, и тоже сталъ смотрѣть на плотину, откуда должна была показаться тройка.

— Это какой нибудь вольный ямщикъ взялся доставить на часы, отозвался другой крестьянинъ и продолжалъ уписывать щи.

— Я думаю, молвилъ Терентьичъ, что это изъ Ладунихи; тамъ вотъ какіе ямщики, а стали они ѣздить сюда съ тѣхъ поръ, какъ въ Духовщинѣ перестраиваютъ плотину.

— Ну, ужъ Иванъ Терентьевичъ, вѣстимо правда, что бойкіе. Да какъ и не быть бойкимъ: дорога, почитай, никогда не спитъ, вѣдь черезъ Ладуниху три проѣзжіе тракта; такъ стало быть и ремесло-то прибыльное.

— Кто-жъ бы это въ Ворошилово?

— А Господь его знаетъ, сказалъ мельникъ: вѣдь многіе сворачиваютъ сюда съ почтовой дороги, и на вольныхъ выкидываютъ крюку верстъ шестьдесятъ до Калуги.

— Ну, а кони же каковы?

— А вотъ увидишь.

Въ это время колокольчикъ зазвенѣлъ очень громко, и на плотинѣ показалась тройка сѣрыхъ, вся въ мылѣ. На телѣгѣ сидѣлъ офицеръ, а на облучкѣ молодой дѣтина, въ новой шляпѣ съ павлиньимъ перомъ, кнутъ за поясомъ, и малый только поводилъ рукою надъ сѣрыми, да приговаривалъ. Тройка мчалась, какъ только могла выскочить, и нужды нѣтъ, что плотина была больно узка, молодецъ ямщикъ держалъ серединкой, словно по шнуру, и какъ разглядѣлъ Малашу, которая наклонилась впередъ, чтобы лучше видѣть: онъ гаркнулъ, свистнулъ, поворотился лицомъ къ дѣвушкѣ... Вдругъ гдѣ ни возьмись изъ-за куста корова: выбѣжала, какъ шальная, начала ревѣть къ теленку, лошади шарахнулись, поворотили круто влѣво, взбѣжали на косогоръ, и, почитай, у самой избы телѣга опрокинулась. Офицеръ вылетѣлъ, но тотчасъ же всталъ невредимый, а ямщикъ попалъ подъ телѣгу, лошади его протащили сажень пять и остановились, зацѣпившись объ уголъ. Всѣ бросили ужинъ и поспѣшили на помощь, а изъ мельницы тоже народъ повыбѣжалъ. Терентьичъ подошелъ къ офицеру спросить, не ушибся ли его благородіе.

— Нѣтъ, любезный, а вотъ мой ямщикъ-то...

Ямщика въ это время высвободили изъ-подъ телѣги и несли три человѣка. Бѣдняга не дышалъ, и лѣвая нога болталась переломленная. Поднялась суматоха. Офицеръ просилъ довезть его до Ворошилова, а узнавши гдѣ хозяинъ, вынулъ цѣлковый и хотѣлъ отдать ему.

— Это зачѣмъ, батюшка, ваше благородіе?

— Ужъ вы, любезный, похлопочите о моемъ ямщикѣ.

— И, ваше благородіе! да кто же за это деньги беретъ-то? Развѣ же русскій человѣкъ помогаетъ въ нуждѣ изъ платы? Извините, ваше благородіе, а вы, должно быть, не изъ нашихъ.

— Напротивъ, любезный, очень изъ нашихъ, даже здѣшней губерніи; да вѣдь я знаю, что ямщикъ-то мой сирота, работникъ...

— А, это другое дѣло: вы хотите, чтобъ я передалъ ему отъ васъ на чай! Извините, баринъ, моему глупому слову! Съ нашимъ удовольствіемъ. Богъ не оставитъ васъ, сударь, за то, что думаете о бѣднякахъ.

Офицеръ вынулъ еще рубль и подалъ Терентьичу пару цѣлковыхъ на чай ямщику, а самъ осмотрѣлъ больнаго, покачалъ головою, сѣлъ на тройку и, съ однимъ изъ работниковъ Вырезубова, покатилъ въ Ворошилово.

Ямщика внесли въ избу, Матвѣевна съ работницей постлали ему постель въ переднемъ углу; но не знали какъ быть и положили пока на лавкѣ. Терентьичъ мигомъ снарядилъ телѣгу и послалъ за три версты въ волость, гдѣ былъ казенный фершелъ, наказавши работнику не жалѣть лошади.

— Здѣсь, говоритъ, дѣло идетъ о душѣ христіанской: поспѣшай, какъ можешь, да скажи Семенычу, чтобъ захватилъ все снадобье.

Работникъ послушался хозяина, конь былъ добрый, и не успѣли привести больнаго въ чувствіе, какъ пріѣхалъ фершелъ и привезъ инструментъ, мазь, пластыри. Фершелъ началъ съ того, что повыгналъ лишній народъ, оставивши себѣ для помощи Терентьича и работницу. Больной очнулся совсѣмъ тогда только, когда фершелъ, осмотрѣвши ногу, повынулъ раздробленныя косточки и обматывалъ ее въ лубокъ. Бѣдный парень больно кричалъ сначала, но опосля утихъ и попросилъ пить. Фершелъ далъ ему немного воды и сказалъ, что парень-де молодъ. Богъ дастъ, пролежитъ недолго, и остался переночевать у Терентьича.

Всѣ повышли на крылечко доужинать и напиться чаю, по-

тому что для фершела поставленъ былъ самоваръ. Малаша сдѣлалась блѣдная, блѣдная и, почитай, отъ нея нельзя было добиться слова.

— Малаша! сказалъ отецъ: снеси-ко чашку больному, да выбери калачикъ помягче. Можно, Семенычъ, а?

— Дляче нельзя, Терентьичъ, только врядъ-ли малый пить станетъ.

— Какъ такъ?

— У него жаръ страшный, и мнѣ думается, что у него начинается горячка.

Малаша пошла, одначе, въ избу и тотчасъ вышла со слезами на глазахъ.

— Онъ стонетъ и не отвѣчаетъ ни слова.

— Знать, больно сердечному. Ну, оставь его!

— Да что это вы, Маланья Ивановна, никакъ плачете? спросилъ фершелъ.

— Да ужъ есть тутъ маленько и ея причина, сказалъ мельникъ, допивая чашку: колибъ молодая дѣвка не сидѣла на крылечкѣ, небось, парень смотрѣлъ бы на дорогу и не опрокинулся.

Малаша пуще заплакала.

— Какъ это случилось? отозвался фершелъ.

— А какъ? Я же говорю, парень увидѣлъ дѣвку, подбоченился, гаркнулъ на тройку, что и безъ того неслась, какъ бѣшеная, а тутъ, на бѣду, изъ-за куста корова! испугала лошадей, малый спохватился, да поздно, наѣхалъ на косогоръ, вотъ те и вся недолга.

Въ это время къ крыльцу подъѣхала телѣга, и съ нея соскочили мельниковъ работникъ и Ворошиловскій ямщикъ Митюха, что гонялъ три тройки и имѣлъ хорошій достатокъ.

— Ивану Терентьичу и всей честной компаніи наше почтеніе! сказалъ онъ, снимаючи шапку и перекрестившись по обычаю.

— А, Митрій Ѳедорычъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ.

— Чай да сахаръ вашей милости!

— Просимъ покорно. Матвѣевна, поворачивайся.

— Благодарствуемъ! Чашечку можно. Да я и за дѣломъ, говорилъ Митюха, усаживаясь на лавкѣ и повѣсивши шапку на колышкѣ. Съ Ладунихинскимъ ямщикомъ несчастье, такъ я пріѣхалъ взять его въ Ворошилово.

— Что ты, Митрій Ѳедорычъ! сказалъ мельникъ, поставивши блюдечко, что держалъ въ правой рукѣ: аль у Ивана

Терентьева нѣтъ угла, аль парень перележитъ у меня лавку, объѣстъ меня, что ли?

— Не въ томъ дѣло, почтенный, а у насъ такой порядокъ: съ ямщикомъ случилось несчастье, своя братья и должна помогать.

— Порядокъ отличный, Митюха, да вѣдь и Вырезубовъ христіанинъ.

— Кто и говоритъ про тебя! Спасибо, Терентьичъ, ты душа добрая. Да почемъ мы знали, что захочешь держать у себя больнаго?

— Вѣстимо, буду держать.

— Ну, а что каковъ онъ, Семенычъ? спросилъ Митюха у фершела.

— Плохъ, Митрій Ѳедорычъ: вѣрно, горячка будетъ, а правая нога пополамъ.

— Ишь ты! надо посмотрѣть.

— Нѣтъ ужъ не ходи, голубчикъ, отозвалась Матвѣевна: попей лучше чайку. Бѣдняга уснулъ, кажись.

— Да какой онъ такой? спросилъ Терентьичъ.

— Андрюха Голышъ изъ Ладунихи, не кто, потому что хозяинъ никому другому не повѣритъ сѣрыхъ. Эхъ, бойкіе кони, шутъ ихъ побери!

— Да, бойкіе. Офицеръ говорилъ, что онъ сирота, ямщикъ-то.

— Сирота и не сирота, Терентьичъ. Да ты, чай, долженъ знать, скрыпача, Яшку Одноглазаго?

— Какъ?

— Да такъ! Это его сынишко.

— Что ты говоришь?

— Ужъ, вѣстимо, знаю, что говорю.

Терентьичъ всталъ, перекрестился и сказалъ:

— Ну, теперь хоть осыпай меня золотомъ, не выпущу Андрюхи отъ себя, пока не вылечу. Сынъ Яшки Одноглазаго! Да знаете ли вы, что мы съ Яшей, ребятишками, вмѣстѣ телятъ гоняли, что это мой закадышный пріятель? Эхъ, Яшка, Яшка безталанный, до чего тебя довела водочка! Поди ты! У меня въ избѣ лежитъ сынъ Яшки Одноглазаго! Да онъ ли это полно?

— А впрямь надоть посмотрѣть, сказалъ Митюха и пошелъ въ избу.

— Ну что? спросилъ Терентьичъ, когда Митюха показался на порогѣ.

— Да вѣдь я знаю, что на сѣрыхъ поѣдетъ аль самъ хозяинъ, аль Андрюха Голышъ! Онъ и есть. Никакъ, уснулъ.

— Ну, Семенычъ! сказалъ мельникъ: вылечи мнѣ Андрюху, вотъ тебѣ, при добрыхъ людяхъ, обѣщаю куль муки къ Спасу-Преображенью.

— На все Божія воля, Терентьичъ, отвѣчалъ фершелъ. И я надѣюсь, малый выздоровѣетъ, потому что молодъ и сложенъ крѣпко; а въ томъ кто его знаетъ: приходилось мнѣ видѣть на вѣку, что старикъ выздоравливалъ, а парень умиралъ отъ одинаковой болѣзни.

— Что и говорить, Семенычъ, Его же святая воля!

— Ну, спасибо, Терентьичъ, и вамъ, Матвѣевна, что похлопотали о парнишкѣ, говорилъ Митюха: ему у васъ будетъ пригоднѣе. У меня, знаете, ребятишекъ съ полдесятка, не давали бы спокою, а здѣсь ему какъ ужъ лучше быть не надо. Завтра самъ сведу сѣрыхъ въ Ладуниху и поразскажу Дубнякову о вашей добродѣтели.

— Вотъ что, любезный, молвилъ Терентьичъ: не узнаешь ли, гдѣ Яшка Одноглазый—послать бы его навѣстить сынишку.

— Захотѣлъ искать вѣтра въ полѣ! Развѣ ты не знаешь, что Яшка забродитъ иногда въ Нижній и поигрываетъ на Макарьевской ярмаркѣ. Вѣдь балясникъ-то какой: почитай, все московское купечество объ немъ извѣстно, и дарятъ его отлично.

— Небось, все относитъ подъ елку? молвилъ Терентьичъ.

— Надо быть подъ елку, потому что часто видали его безъ рубахи.

— Погибшая голова, что и говорить! сказалъ Терентьичъ. Вотъ ужъ годовъ двадцать, какъ онъ рѣшился имѣньишка и шляется по свѣту. Я не зналъ, одначе, что сынишко живъ; мнѣ сказывали, померъ.

— Баютъ, что покойная жена Яшки отнесла ребенка къ отцу, а тотъ какъ померъ, такъ малаго некому уже было присматривать.

— И ты говоришь, — Андрюха парень вышелъ бойкій?

— Вотъ какой парень! Работаетъ за четверыхъ, хозяйское добро бережетъ пуще глаза, одинъ только недостатокъ...

— А что, пошелъ знать въ отца, того?

— Нѣтъ, Терентьичъ, не того, и Боже сохрани, въ ротъ не беретъ; а ужъ попадись въ руки копѣйка — не удержится.

— Какъ такъ?

— Щеголеватъ больно, и хотя прозываютъ его Андрюхой Голышемъ, одначе врядъ ли и хозяйскій сынъ ходитъ такимъ хватомъ; ну, да и тароватъ больно.

— Стало, если не пошелъ, то пойдетъ по отцу: ужъ не

даромъ говорятъ: яблочко недалеко откатится отъ яблоньки, вмѣшался одинъ крестьянинъ.

— Про то еще Богъ знаетъ, сказалъ Терентьичъ.

— Ну, благодаримъ покорно, Терентьичъ, и вамъ, Матвѣевна, молвилъ Митюха: прощенія просимъ. Пора въ деревню: я приказывалъ не поить безъ себя сѣрыхъ, а самъ позасидѣлся маленько. Дѣлать нечего, надо завтра съ разсвѣтомъ ѣхать въ Ладуниху.

— И хорошо дѣлаешь, Митюха: неровенъ часъ, съ твоими лошадками что ни на есть случится, такъ и тебѣ помогутъ добрые люди. Ну, съ Богомъ!

Митюха уѣхалъ, а мельникова семья скоро разошлась. Фершелъ легъ въ избѣ, чтобы ночью быть ближе къ больному, въ случаѣ понадобилось бы присмотрѣть за Андрюхой.

V.

Весь этотъ вечеръ Малаша была сама не своя, а когда переступила порогъ свѣтелки, ей стало такъ скучно, что инда сердце готово было выскочить изъ груди. Прежде бывало, войдя въ свѣтлицу, она тотчасъ принимается тормошить лѣниваго Ваську, заставляетъ его служить или кувыркаться, а теперь даже и не взглянула на лежанку. Котъ приподнялъ голову, въ полглаза посмотрѣлъ на свою хозяйку, свернулся клубкомъ, мурлыкнулъ и залегъ спать во всю ивановскую, видно доволенъ, что его не трогали.

Малаша зажгла передъ образомъ лампадку, стала на колѣни и долго молилась со слезами. Отцовскія слова глубоко запали ей на душу. Она сама какъ бы догадывалась, что Андрюша опрокинулся именно отъ того, что захотѣлось показаться передъ нею молодцомъ, и смотрѣлъ на нее, а не на дорогу. И тѣмъ жалостнѣе было дѣвкѣ, что парень-атъ сиротинка, сынъ нищаго музыканта... И что съ нимъ будетъ, если, выздоровѣвши, останется калѣкой? Ужъ какъ она просила Господа Милосерднаго помиловать бѣднягу, и когда послѣдній разъ перекрестилась и встала съ колѣнъ, ей почудилось, что Богъ услышалъ ея молитву, потому что на душѣ у нея сдѣлалось такъ свѣтло, какъ въ то время, когда она была еще маленькимъ ребенкомъ.

Задувши лампадку, Малаша прилегла на постель, долго не могла уснуть: ей все хотѣлось припомнить лицо Андрюши, которое видѣла она только мелькомъ, и то лишь тогда, когда

переносили парня въ избу. Она замѣтила, что волосы у него черные, что усъ едва началъ пробиваться, но такъ какъ малый лежалъ съ закрытыми глазами, то она и не могла разсмотрѣть его хорошенько. Больше же всего нравился ей въ Андрюшѣ голосъ: она не могла забыть, что съ нею дѣлалось, когда она впервые услыхала его звонкую, заунывную пѣсню... Ну, такъ и чудилось ей, что парень сиротинка выливалъ свою душу и словно говорилъ: »Полюби меня, красная дѣвица, полюби безталаннаго! Я одинъ, какъ былинка на всемъ бѣломъ свѣтѣ,—а ужъ какъ я за это тебя отблагодарствую«. Почитай, до разсвѣта дѣвка не смыкала глазъ и уснула тогда только, когда уже на небѣ засѣрѣлась разсвѣтная полоска и вокругъ въ рощѣ зачиликали мелкія пташки.

На другой день у Андрюши открылась сильная горячка. Фершелъ сказалъ, какъ ходить за больнымъ, и уѣхалъ, обѣщавши навѣдываться какъ можно чаще, — а, говоритъ, если лѣкарь пріѣдетъ, то и его высокоблагородіе попрошу взглянуть на больнаго.

Такъ и случилось: на третій день Семенычъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ окружнымъ лѣкаремъ. Лѣкарь посмотрѣлъ и сказалъ, что, дескать, молодъ, перенесетъ, только просилъ Терентьича, чтобы при Андрюшѣ безпрестанно кто нибудь находился, чтобъ, метаючись въ жару, малый не повредилъ себѣ сломанной ноги. Терентьичъ тотчасъ же завелъ очередь между Матвѣевной, Малашей и работницей. Всѣ онѣ охотно взялись беречь больнаго, а Малаша, бывало, упроситъ мать и просидитъ надъ нимъ двѣ очереди.

Вотъ на девятый день, день самый трудный, пріѣхалъ Семенычъ и остался ночевать при Андрюшѣ. На утро Малаша ранешько вошла въ избу. Смотритъ,—а больной открывши глаза и разговариваетъ съ фершеломъ.

— Вотъ и очнулся нашъ больной, Маланья Ивановна, сказалъ Семенычъ.

Малаша весело подошла къ Андрюшѣ.

— Ну что, голубчикъ, какъ ты себѣ можешь? спросила она не смѣло.

— Слава Богу, родная! проснулся будто послѣ тяжелаго сна. Благодарствую, мои кормильцы, что не дали погибнуть парню среди дороги.

— Благодари Бога, Андрюша. А нога-то?

— Нога-то болитъ шибко, да Семенычъ говоритъ, что и нога заживетъ.

— Одначе, любезный вмѣшался Семенычъ: говори пока поменьше. А вы, Маланья Ивановна, сбѣгайте-ка пока къ батюшкѣ, да скажите, молъ, что больной очнулся, и заварите чайку.

— Сейчасъ, сейчасъ! побѣгу поставлю самоваръ и слетаю къ батюшкѣ на мельницу.

У Андрюши на глазахъ показались слезы.

— Экая дѣвка важная! проговорилъ онъ, покачавши головою.

— И какая важная! молвилъ Семенычъ: не только что ворошиловскіе парни сходятъ отъ нея съ ума, а и у насъ по деревнѣ не одинъ въ нее врѣзамши!

— Вотъ оно что! И не диковина! Правду сказать, дядя, не будь она, можетъ, и я не засмотрѣлся бы и своротилъ бы какъ нибудь тройку на дорогу.

— Да ужъ это замѣтилъ и Иванъ Терентьичъ.

— Ой ли?

— Право слово.

— Ишь ты!

— Одначе ты забываешь, что нельзя много рззговаривать.

— Да я совсѣмъ здоровъ, только слабъ маленько.

— Лежи смирно! Помни, что ворочаючись, можешь повредить ногу, а она вѣдь только что начала сростаться.

— Не буду дядя, не буду.

Въ это время вошелъ Терентьичъ, помолился на образа и приступилъ къ больному.

— Здорово, Андрюха!

— Здравствуйте, мой кормилецъ, мой благодѣтель, сказалъ Андрюша, а слезы такъ и покатились по лицу.

— Э, полно плакать-то, Андрюша! Слава Богу, что выдержалъ.

— Да какъ же не плакать-то! Какъ мнѣ не благодарить, говорилъ парень, всхлипываючи: вѣдь безъ васъ умеръ бы среди дороги или остался калѣкой.

— Э, братъ, не я, кто нибудь другой подобралъ бы; да и Митюха Ворошиловскій въ тотъ же день пріѣзжалъ за тобою.

— Ой ли?

— Хотѣлъ взять тебя къ себѣ въ избу. Онъ же самъ на другой день отвелъ лошадокъ въ Ладуниху.

Больной перекрестился.

— Ну, слава Богу, сказалъ онъ, что самъ отвелъ: кони отличные, да злые—упаси Господи. Ну, а сѣдокъ мой ничего?

— Всталъ, какъ встрепанный и тотчасъ же укатилъ изъ Ворошилова. Ахъ да, братъ, я и позабылъ: онъ оставилъ тебѣ на чай.

И Терентьичъ досталъ изъ кожанаго кошелька два цѣлковыхъ.

— Какъ, дядя, два цѣлковыхъ?

— Ну да! Вотъ получай деньги.

— Ишь добрый баринъ! знать, пожалѣлъ, что я окалѣчился: за ѣзду столько бы не пожаловалъ, хоть и мчалъ я его, словно вѣтеръ. Дядя Семенычъ, вотъ вамъ цѣлковенькій за труды.

— Къ чему? говорилъ фершелъ: мы и такъ довольны.

— Не отказывайся, братъ Семенычъ, отозвался хозяинъ, вѣдь это твой хлѣбъ. А ты, Андрюша, хорошо дѣлаешь, что благодарствуешь. Другой-атъ спрячь — пригодится.

— А вотъ что, дядя, я попрошу хозяюшку снести его въ деревню и отслужить молебенъ.

— Доброе ты дитя, Андрюша! Кто помнитъ Бога, тотъ всегда будетъ счастливъ. А вотъ что еще я разскажу тебѣ...

— Иванъ Терентьичъ, тово! отозвался фершелъ, больному-то говорить много не приходится: ему надо собрать силы.

— Дѣло, дѣло! Ну, Андрюха, не хочешь ли чего?

— Кваску бы испить, дядя.

— Можно, Семенычъ?

— Нѣтъ, не можно, сказалъ, вставаючи, фершелъ, и думать не моги о квасѣ. Коли милость твоя, Терентьичъ, такъ чайку бы ему чашечку.

— Чего душа пожелаетъ, ни въ чемъ отказу нѣту-ти. Малаша тамъ уже готовитъ самоварчикъ. Ну, Андрюха, вылеживайся, а я пойду на мельницу. Поправишься, будетъ намъ о чемъ побалагурить.

Терентьичъ вышелъ, а Малаша внесла на подносѣ двѣ чашки и, закраснѣвшись, какъ маковъ цвѣтъ, поставила на столѣ.

— Какъ ты любишь, Андрюша: въ прикуску или въ накладку? спросила она.

— Ишь ты какая добрая! Какъ нальешь, такъ и пить станемъ.

— Можетъ быть, тебѣ нехорошо, лежа, пить въ прикуску?

— Ну, положь сахаръ въ чашку, родная.

И Андрюша такъ взглянулъ на Малашу, что она чуть не пролила чаю.

— У васъ нонича руки трясутся, сказалъ ей, улыбнувшись Семенычъ.

— Сама не знаю отчего, молвила она и еще пуще покраснѣла.

— Ну, братъ Андрей, говорилъ Семенычъ, наливаючи въ блюдечко чай, молодая хозяюшка чуть ли не скорѣе тебя вылѣчитъ, чѣмъ всѣ мои лѣкарства.

— Ахъ, что вы это, Семенычъ, сказала Малаша, закрываючись рукавомъ.

Андрюша молчалъ, только украдкой посматривалъ на хозяюшку. Ему было такъ хорошо, что, еслибъ не сломанная нога, онъ тотчасъ бы, кажется, всталъ съ постели.

Въ тотъ день больной очень рано уснулъ и проспалъ до поздняго утра; когда же проснулся, то не было у него ни тяжести въ головѣ, ни слабости въ спинѣ: только онъ не смѣлъ вставать, чтобы не развередить ноги. Вечеромъ у него долго сидѣлъ Терентьичъ и поразсказалъ, какіе они были пріятели съ его отцомъ, Яшкой Одноглазымъ. Андрюшу это очень обрадовало. Сердечный крѣпко любилъ отца, да только не зналъ, гдѣ онъ обрѣтается.

Съ каждымъ днемъ больному становилось лучше, и чтобъ ему не было скучно, женщины всегда въ избѣ что нибудь работали; а случалось дѣло на дворѣ, — то Малаша сидѣла возлѣ парня, шила что нибудь и съ нимъ разговаривала; по вечерамъ Терентьичъ балагурилъ съ нимъ долгонько.

VI.

Вотъ одинъ разъ послѣ обѣда Матвѣевна улеглась на сѣновалѣ, Терентьичъ на вышкѣ въ своей мельницѣ, потому что нигдѣ онъ не сыпáлъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ подъ грохотъ жерноновъ, а Малаша съ работой усѣлась возлѣ больнаго. Дверь въ сѣни была отворимши, и вѣтерокъ повѣвалъ съ поля. Андрюша уже былъ совсѣмъ здоровъ, опричь ноги, что еще не срослась, и, стало быть, парню волей неволей надо было лежать на лавкѣ. Да и правду сказать, у кого на глазахъ находилась такая сидѣлка, какъ Малаша, такъ вѣрно тому боль была не слишкомъ подъ нужду. Ну, балагурили они, балагурили, да разомъ и замолчали. Малаша смотритъ на шитье очень пристально, а иголкой хватаетъ совсѣмъ не туда, куда слѣдъ; Андрюша же не спускаетъ глазъ съ Малаши и тоже ни слова. Онъ уже и кашлянулъ два раза, видно набирался смѣлости, — да на томъ и кончилъ. Малаша быстро взглянула на парня, да какъ увидѣла, что глаза его прямо уста-

вились на нее и горятъ, словно угли, еще пуще начала присматриваться къ шитью, — а у самой сердце инда выпрыгнуть хочетъ. Андрюша тяжело вздохнулъ. Дѣвка подняла на него свои глазенки.

— Что, родной, не больно ли тебѣ опять?

— Эхъ, Малаша, мнѣ ни чуть не больно, а грусть злодѣйка подступаетъ къ сердцу.

— Аль наскучило у насъ? проговорила она не смѣло.

— Что? И тебѣ не грѣшно говорить такія рѣчи? Мнѣ встосковалось о томъ, что, неровенъ часъ, не надоѣлъ ли я вамъ пуще горькой рѣдьки.

— Богъ съ тобой, Андрюша! отколева такая напраслина? И батюшка, и матушка такъ любятъ тебя — словно роднаго.

— Благодаримъ ихъ покорно; они мои истинные благодѣтели. Да вотъ мнѣ жаль чего: ты, бѣдная, должна сидѣть возлѣ больнаго и совсѣмъ позабыла Ворошиловскіе хороводы.

— Что мнѣ въ хороводахъ!

— Э, полно! А помнишь онамедни, ямщикъ Митюхинъ заѣзжалъ меня провѣдать и говорилъ мнѣ, что всѣ парни носы повѣсили, а больше, говоритъ, сельскій писарь.

— Велика птица писарь! А вотъ ямщикъ говорилъ тебѣ, что въ Ладунихѣ дѣвки за тобою скучаютъ, а больше всѣхъ, говоритъ, хозяйская дочка, помнишь?

Андрюха приподнялся.

— Хозяйская дочка! сказалъ онъ: эхъ, Малаша, да еслибы ты увидала ее; ну вотъ рябая и косая, а росту — хоть пѣшкомъ подъ лавку ходить. Что мнѣ въ хозяйской дочкѣ! Я тебѣ ужъ всю правду матку скажу: была въ Ладунихѣ дѣвка вотъ какая! — да была и сплыла.

— Тоись какъ?

— Досталась добрымъ людямъ...

— А ты крѣпко любилъ ее? спросила Малаша, не смѣючи посмотрѣть на парня.

— Аль въ заправду сказать?

— Говори по совѣсти.

Андрюша ударилъ кулакомъ по столу.

— Такъ любилъ, что чуть не повѣсился, какъ вышла замужъ! сказалъ онъ.

У Малаши навернулись на глазахъ слезы.

— А теперь? спросила она несмѣло.

— Что грѣха таить: какъ рукой сняло!

— Стало быть, грѣшно?

— И грѣшно, да и...

Андрюха махнулъ рукою.

— Знать ссора вышла?

— Видишь ты, заважничала! Когда только еще просватали за головина сына, такъ больно плакала и говорила мнѣ, что умретъ съ печали; а вышла замужъ, другое запѣла.

— Вотъ оно что.

— Да какъ же? Богачка сдѣлалась. Я, почитай, мѣсяца три ее не видѣлъ, даже къ обѣдни ходилъ въ другое село, чтобъ не задавать сердцу жалости. Вотъ одинъ разъ нелегкая дернула назваться самому съѣздить за дровами, когда хозяинъ посылалъ товарища. Запрегъ я лошадь и поѣхалъ, — знаешь, свѣтъ не милъ: все бы куда нибудь въ трущобу, въ захолустье... Дрова наши надъ озеромъ, версты три отъ деревни. Пріѣхалъ я и набираю. Дорожка, знаешь, маленькая, рѣдко кто ѣздитъ, я и положилъ оглобли поперекъ, чтобы наваливать телѣгу сподручнѣе. Наклонился я, беру дрова, вдругъ позади слышу голосъ: »Что за увалень такой, перегородилъ дорогу? Добрымъ людямъ и проѣхать некуда«. У меня словно душа поворотилась. Оглядываюсь: Степанида ѣдетъ въ телѣгѣ одна и везетъ что-то, покрытое платкомъ. Признаться я не вытерпѣлъ, подбѣжалъ и говорю: — Здравствуй, Степанидушка! Она, знаешь, застыдилась немного, ну и говоритъ: »Здравствуй, Андрюша! Какъ живешь, какъ можешь?« — Слава Богу, отвѣчаю: а ты каково? »Я, говоритъ, въ холѣ и въ добрѣ: мужъ, говоритъ, души во мнѣ не слышитъ«. Ну, я ничего, почесалъ только затылокъ. Куда-жъ Богъ несетъ? спрашиваю, — а самъ сталъ отворачивать оглобли. »Да, говоритъ, къ батюшкѣ на пчельникъ пироги везу. Теперь, говоритъ, я живу, Андрюша, въ роскоши и благодарю Бога, что вышла за своего хозяина. Ну, что бы мы дѣлали, говоритъ, вдвоемъ съ тобою? Рубашки бы не было!« Да какъ засмѣется!.. Меня, знаешь, злость взяла. — Съ Богомъ, говорю: оглобли не мѣшаютъ. Счастливой дороги! »Экъ, говоритъ, серчаетъ! Аль неправда? Небось, много заработалъ?« — Не тебѣ, говорю, считать: проваливай! »Экъ, говоритъ, расхарахорился! фря какая! Андрюха Голышъ, и больше ничего! Аль родомъ, говоритъ, величаешься, что отецъ ходитъ съ сумой подъ окнами!« И Степанида снова захохотала. Я повернулся въ сторону, а слезы, Малаша, полились въ три ручья. Съ тѣхъ поръ я разлюбилъ ее. Ей ли корить меня и чѣмъ-же? что не богатъ родился? Добро бы сама была, вотъ какъ ты, Малаша, одна дочь у отца, ну, укорила бы — Богъ

съ тобою... А то, бывало, трудовую копѣйку сколачиваешь, купишь ей сарафанъ, аль платочекъ; самъ не съѣшь гостинца, а ей привезешь... Э, да что толковать объ этомъ!

Малаша слушала уже какъ-то веселѣе, но послѣ задумалась и свѣсила головку.

— Что это, родные, сказала входя Матвѣевна: одинъ уставилъ глаза въ потолокъ, а другая молчитъ надъ работой?

— Ничего, матушка, отозвалась Малаша: Андрюша сказку сказываетъ, да какъ-то жалостливо кончается: вотъ я и задумалась.

— Поди, пожалуй! Ну, что-жъ тебѣ, за дѣло, если сказка жалостно кончается: вѣдь сказка пустяки, дитя мое!

— Вѣстимо, пустяки, а все какъ-то моркотно.

— Ну, такъ надо веселыя сказки сказывать. Эхъ, вы молодежь, и того не умѣете. Подь-ка, Малаша, поставь самоваръ: батюшка проснулся, говоритъ, очинно жарко, надо бы, говоритъ, чайкомъ прохладиться.

— Сейчасъ, а вы ужъ посидите съ Андрюшей.

— Стало, посижу; да и намъ нальешь по чашкѣ, родная.

Согрѣмши самоваръ и еще пуще раскраснѣмшись, Малаша весело побѣжала на мельницу кликнуть батюшку. Возлѣ мельницы стояла отличная вороная лошадь, запряженная въ росхошную купеческую телѣжку, а на лавкѣ, въ тѣни надъ водой сидѣлъ Терентьичъ и разговаривалъ съ какимъ-то пріѣзжимъ, котораго Малаша видывала ли когда — не могла припомнить.

— Батюшка, самоваръ готовъ, сказала она, смотря въ землю.

— Дѣло, моя хозяюшка. Вотъ, батюшка Артамонъ Петровичъ, моя дочка. Подойди же, Малаша, да пониже поклонись именитому гостю. Вѣдь это Артамонъ Петровичъ Колозовъ, нашъ первѣющій купецъ въ уѣздѣ.

Малаша поклонилась гостю въ поясъ.

— Наше вамъ наиглубочайшее, проговорилъ басомъ пріѣзжій: просимъ любить, да жаловать. Какія вы, матушка, красненькія! Хе, хе, хе!

— Вѣстимо, дѣвичье, дѣло, отозвался мельникъ: бѣгала гдѣ ни на есть, да самоваръ раздувала, а молодая-то кровь, стало быть, и разыгралась.

— Ничего, ничего, матушка: тѣшьтесь, покелеча есть время, а выдете замужъ, надо будетъ похлопотать возлѣ муженька. Такъ ли, Иванъ Терентьичъ? спросилъ купецъ, подмигивая мельнику.

— О, она у меня будетъ хорошая хозяйка.

— А что, не во гнѣвъ вашей чести, отозвался купецъ къ Малашѣ: чай, тово, хотѣлось бы уже замужъ?

— Полноте, что вы это? говорила Малаша, горя, словно отъ огня и переминаючи въ рукахъ передникъ.

— Да ужъ, стало быть, не прочь, сказалъ весело Терентьичъ: лишь бы подвернулся лихой дѣтина. Худо только одно, Артамонъ Петровичъ: она у меня больно переборчива.

— Хе, хе, хе! Да ужъ, если правду молвить, такъ этакой красной ягодкѣ и хвата надо, что называется съ моимъ почтеніемъ...

Малаша, одначе-жъ, не дослушала, сказала, что надо чай заваривать и убѣжала въ избу.

Старики засмѣялись.

— Очень молода еще, проговорилъ мельникъ: пуглива.

— Обойдется, сказалъ Колозовъ, поглаживаючи бороду. Дѣвка, что твоя молодая лошадь. У! какъ бьетъ и дичится, когда запряжешь первый разъ въ оглобли, а освоилась, и ничего.

— Такъ, такъ, Артамонъ Петровичъ. Ну, пойдемкась чайкомъ прохлажаться: больно жарко сегодня.

И мельникъ повелъ своего гостя въ избу, гдѣ и усѣлись они на крылечкѣ подъ навѣсомъ и пили чай, да балагурили. Купецъ подарилъ Малашѣ изюму и орѣховъ, а она, извѣстное дѣло, поблагодарила его: ей не въ первой были эти подарки. Купцы частенько пріѣзжали по своимъ дѣламъ къ Терентьичу и всегда возили ей гостинцы. Когда уѣхалъ гость, всѣ собрались возлѣ Андрюши, а онъ какъ былъ большой мастеръ сказки сказывать, такъ забавлялъ всѣхъ, почитай, до вечера.

— Да ты никакъ долженъ быть грамотный! сказалъ ему Терентьичъ.

— Маракуемъ маленько.

— То-то видно, что разсказываешь по книжкамъ.

Въ тотъ вечеръ Малаша ушла раньше въ свою горенку, и какъ-то выбралось такое времячко, что она все пѣла любимыя свои пѣсеньки. Ночь была теплая. Андрюшѣ тоже не спалось, онъ отворилъ окно и прислушивался. Зазнобила ему сердечко мельникова дочка. Парню давно уже приходило въ голову сказать объ этомъ Малашѣ, да все боялся — не прогнѣвить бы ее, дочь такого богатаго хозяина. Онъ успѣлъ уже хорошенько узнать ее, а какъ подумаетъ, бывало, лежа на лавкѣ, что еслибы ему Богъ послалъ такую жену — то-то бы зажилъ... а какъ послѣ поразсудитъ, что не бывать этому —

инда слезы прошибутъ... А тутъ, смотри, какъ нарочно войдетъ Малаша и учнетъ разспрашивать: »О чемъ, молъ, плачешь, Андрюша? вѣрно скучаешь у насъ!« Бѣдный парень вотъ такъ бы и взялъ ее за руки, прижалъ къ сердцу и разсказалъ всю тоску-кручину, да смѣлости не хватало. Подчасъ ему чудилось, что и Малаша смотритъ на него, какъ бы говоритъ словами: »что де и я тебя люблю, Андрюша!« Анъ развѣ всегда можно вѣрить дѣвичьему взгляду! И кто знаетъ, она, можетъ, жалѣла его только потому, что онъ больной, а выздоровѣетъ, такъ эта-жъ самая Малаша и не узнаетъ Андрюхи Голыша! Всяко бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. А слюбилась ему мельникова дочка: ужъ на что любилъ онъ Степаниду, казалось, готовъ былъ за нее душу отдать — а Малашу полюбилъ крѣпче и съ радостью вытерпѣлъ бы за нее всякія муки. Да вѣдь Андрюха былъ парень съ умомъ и какъ, почитай, выросъ въ чужихъ людяхъ, такъ зналъ уже какъ водиться съ людьми. Онъ, сердечный, крѣпился и обѣщалъ себѣ, что, какъ только сможетъ выходить хоть на костылѣ, — пойдетъ поскорѣе въ Ладуниху къ прежнему хозяину. По всему онъ видѣлъ, что Малаша ему не пара... Все это думалъ и передумывалъ онъ, лежа на лавкѣ у открытаго окна, а сверху лились такія пѣсни, что сводили съ ума бѣднаго малаго, и душа молодецкая не могла выдержать...

— Эхъ, поетъ-то! говорилъ онъ самъ себѣ, ворочаясь съ боку на бокъ: словно по соловьиному. Вѣдь, отродясь, не слыхивалъ! И, небось, поетъ все заунывное: — знать, и у нея не весело на душенькѣ. Не впрямь ли тоскуетъ за какимъ нибудь ворошиловскимъ парнемъ! Эхъ, досадно, если достанется другому. Ужъ хоть бы мнѣ скорѣе вырваться отсюда!

Долго не могъ сомкнуть глазъ Андрюша, и только въ то время, когда утихли на верху пѣсни, ему удалось какъ-то уснуть подъ шумъ березъ и воды, которая бѣжала подъ мельничныя колеса.

VII.

Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Кажись, время и быстро идетъ на свѣтѣ, то и дѣло, что день за днемъ спѣшатъ собираться въ недѣли и мѣсяцы, а поди ты, стань дожидать чего нибудь: время ни дать ни взять ползетъ словно черепаха. Дождись же только того, чего ждалъ, да пожелай, чтобы время ползло черепахою, анъ и ошибся: полетитъ тебѣ будто стрѣла и, вѣстимо, не воротится.

Вотъ оканчивался и Спасовъ постъ. Андрюша ужъ могъ выходить на костылѣ, а на мельницу ходилъ даже, ступаючи прямо на больную ногу, только немножко прихрамывалъ. Вся мельникова семья полюбила его какъ роднаго, а Терентьичъ не отпускалъ, пока совсѣмъ не выздоровѣетъ. Андрюшѣ это было немножко и на руку, онъ радъ бы цѣлый вѣкъ оставаться возлѣ Малаши; да какъ подумаетъ, бывало, что дѣло его путемъ не кончится, то вотъ такъ и рвется въ Ладуниху. За это время навѣстилъ его хозяинъ, пріѣзжалъ нарочно провѣдать парня и сказалъ, что подъ Смоленскомъ видѣлъ Яшку Одноглазаго. Старикъ-атъ, говоритъ, наигрываетъ на скрыпкѣ, а какъ узналъ, что съ сыномъ несчастье случилось, обѣщалъ, говоритъ, прибыть какъ можно скорѣе. Андрюшу это обрадовало. Малый твердо намѣрился выдержать себя и ни слова не говорить о томъ, что творилось у него на душѣ; но подчасъ бѣдному парню приходилось жутко. Оно бы Андрюша, какъ разумный дѣтина, можетъ быть, и до конца бы выдержалъ, потому что сталъ беречься и не давалъ воли не только рѣчамъ, но и глазамъ своимъ, одначе Малаша сама какъ-то начала льнуть къ нему.

Въ Спасовъ же постъ купецъ Колозовъ пріѣзжалъ на мельницу съ своимъ сыномъ, долговязымъ верзилой, что ни слова путнаго сказать, ни, почитай, сѣсть, какъ слѣдъ, не умѣлъ, да вишь смыслилъ по торговлѣ и одинъ правилъ отцовскимъ лабазомъ. Терентьичъ принялъ ихъ съ почетомъ и заставилъ Малашу кланяться гостямъ въ поясъ. Молодой-атъ, Дороѳей Артамонычъ, то и дѣла, что глазѣлъ на Малашу и, знай только потряхивалъ кудрями, которыя насалилъ такъ, что всѣ мухи садились ему на голову. Одѣтъ Дороѳей былъ извѣстно богато по купечески, но сидѣлъ прямо, словно аршинъ проглотилъ. Вотъ погостили до вечера, уѣхали и ничего. Только работница и шепнула Малашѣ, что де женихъ пріѣзжалъ, что старики объ этомъ толковали на мельницѣ, да молъ, Маланья Ивановна, не выдавай и тятенькѣ объ этомъ не сказывай.

Малаша цѣлую ночь проплакала въ своей свѣтелкѣ. До тѣхъ поръ она любила Андрюшу какъ брата и ничего на предки не думала. Извѣстно, дѣвичье дѣло: ей было весело балагурить съ красивымъ парнемъ, можетъ, и подмѣчала, какъ онъ на нее посматривалъ. А когда работница намекнула, что Дороѳей Артамонычъ пріѣзжалъ не спроста, что вотъ, вотъ осенью пришлетъ сватовъ и надо будетъ за него выходить замужъ, потому что тятенька этого хочетъ: сердечко ёкнуло, и

до разсвѣта не шелъ у нея съ ума Андрюша. Дороѳей такой неуклюжій, съ насаленой головой, чуйка по пяты; сидитъ, молча, да пялитъ глаза, а скажетъ слово, инда всѣ переглянутся, такую чепуху сморозитъ, что называется, ни къ селу, ни къ городу; безпрестанно потряхиваетъ кудрями, а когда пьетъ чай, такъ блюдечко, почитай, за версту держитъ: однимъ словомъ, не знаетъ никакого учтивства. Вотъ Андрюша другое дѣло: собой красавчикъ, молодчина; заговоритъ, такъ заслушаешься, споетъ ли пѣсню, слезы тебя прошибутъ, накинетъ ли кафтанъ на плечи и заломитъ на бекрень шапку, такъ нужды нѣтъ, что на костылѣ ходитъ; ворошиловскія дѣвки говорили, что такого парня еще не видывали. Малаша, хоть сейчасъ вышла бы за Андрюшу, не подумавши. Да что скажетъ батюшка? Кого ему приваднѣе въ зятья принять: богатаго купчину, аль сироту голыша, сына нищаго музыканта! Малашѣ теперь показалось, что и отецъ на нее посматривалъ какъ-то пристальнѣе: не прослѣдилъ ли ея потайной думушки? Дѣвка-то вѣдь давно ничего не разсказывала Терентьичу, а онъ, по обычаю, ни о чемъ не разспрашивалъ. Да и Андрюша чего-то хмурился и день-деньской бродилъ по лѣсу, чего добраго, можетъ, тосковалъ за своей Степанидой.

Это было на третій день Преображенія, и, почитай, съ тѣхъ поръ какъ-то не удавалось ей остаться самъ-на-самъ съ Андрюшей. Терентьичъ звалъ его всегда сидѣть на мельницу, толковалъ съ нимъ и, смѣючись, училъ мельничному дѣлу.

— Что знаешь, молъ, — за плечами не носить; а надоѣстъ въ ямщикахъ, приходи, молъ, приму въ работники.

Андрюша и самъ былъ малый не лѣнтяй; ему хотѣлось чѣмъ нибудь отблагодарить Терентьича, и онъ помогалъ ему работать, какъ умѣлъ и какъ могъ съ своей ногою. Съ мельницы Андрюша уходилъ въ лѣсъ и, Богъ его знаетъ, гдѣ пропадалъ и что дѣлалъ, а за обѣдомъ даже мало смотрѣлъ на Малашу. Правда, что иногда украдкой какъ взглянетъ, такъ по ней словно мурашки пробѣгутъ, да и она сама боялась пристально посмотрѣть на него. Послѣ обѣда старики улягутся спать, а Андрюша идетъ на мельницу хозяйничать. Малаша раза два приходила къ нему; бывало, сядетъ возлѣ, балагуритъ себѣ, и ничего. Знаешь, безпрестанно чужіе люди, свои работники, нельзя ни о чемъ ни выспросить, ни поразговориться. Другое и то, что парень не начинаетъ даже изъ далека, а дѣвкѣ самой негоже навязываться. Малаша не могла и ума приложить, чтобы это значило.

А я вотъ поразскажу, что значило. Когда уѣхалъ купецъ, Терентьичъ кликнулъ Андрюшу съ собой на мельницу и кончивши дѣло и усѣвшись на лавкѣ надъ водою, повелъ съ нимъ рѣчь о томъ, о семъ и намекнулъ, что де Дороѳей Артамоновичъ парень трезвый, хорошій, и что отецъ ищетъ ему невѣсту. Терентьичъ не сказалъ ни слова больше, да парень-атъ не промахъ: смѣкнулъ дѣломъ, куда все это клонится. Вотъ съ того же дня началъ пуще проситься въ Ладуниху и бѣгалъ, чтобы не встрѣтиться самъ-на-самъ съ Малашей: сердечный боялся, что не выдержитъ и хоть на прощанье скажетъ дѣвкѣ — какъ больно, какъ не кстати полюбилъ ее. Такъ-то велось дѣло на мельницѣ.

На Успенье всѣ были въ обѣдни. Андрюша видѣлъ, какъ дѣвушки и парни обступили Малашу, какъ съ ней разговаривали и разспрашивали, зачѣмъ, дескать, рѣдко ходишь въ хороводы. Съ Андрюшей тоже всѣ обошлись пріятельски, только писарь искоса на него посматривалъ. Андрюша былъ какъ будто веселъ, балагурилъ съ парнями, шутилъ съ дѣвушками, а послѣ разомъ отошелъ, отыскалъ Терентьича и снова сталъ проситься въ Ладуниху.

— Благодарю покорно за хлѣбъ, за соль, вѣкъ буду у васъ въ долгу, — да пора мнѣ за работу. Можетъ быть, сегодня же будетъ ѣзда въ Ладуниху, — меня и свезли бы ребята.

— Нѣтъ, Андрюша, такъ не годится! отвѣчалъ мельникъ: одно, что ты не совсѣмъ выходился, другое что выѣдешь изъ моего дому, а не изъ чужаго. Матвѣевна испечетъ тебѣ хлѣбъ, я поблагословлю, и съ Богомъ! Сегодня же такой день, что надо всѣмъ вмѣстѣ разговѣться.

Андрюшѣ было говорить нечего, и онъ пріѣхалъ на мельницу. Послѣ обѣда ушелъ онъ въ рощу. Старики легли отдыхать, на мельницѣ народъ тоже уснулъ, опричь одного работника.

Малаша поднялась въ свою свѣтелку, сѣла у столика, склонила голову на руки и не слыхала, какъ слезы бѣжали у нее между пальцами. Долгонько она такъ просидѣла. Васька видѣлъ все это, и хоть уже онъ привыкъ, что хозяйка давно съ нимъ не баловала, одначе все таки слѣзъ съ лежанки и давай заигрывать съ подоломъ сарафана. Ужъ онъ ворочался, бралъ сарафанъ въ ротъ, схватывалъ его передними лапами, — ничто не помогало. Умный былъ, бестія, какъ увидѣлъ, что это не беретъ, сѣлъ на заднія лапы, да какъ замяучитъ, — инда Малаша вздрогнула. Подняла она голову и, увидѣвши

кота, что сидитъ свѣсимши лапки, сначала усмѣхнулась, а послѣ начала плакать и посадила Ваську къ себѣ на колѣни.

— Бѣдный, Васька, говорила она: не кому поласкать и покормить тебя! Я, сердечная, словно Боже сохрани, съ ума спятила, ни о чемъ не думаю, а ты, бѣдный котикъ, скучаешь. Охъ и мнѣ не весело.

И, вставши, Малаша сошла въ низъ, принесла молока, кусокъ говядины и поставила все это на лежанкѣ. Васька только этого и дожидался: знай, локчетъ молоко, положимши правую лапу на говядину — видишь, чтобы кто не отнялъ. Ужъ стало кошачья натура! Самъ, небось, дашь хоть говядину, — а послѣ попробуй взять, — такъ поглядитко, что онъ запоетъ тебѣ же. Малаша подошла къ окну. Ей была видна мельница, за мельницей плотина, за плотиной желтѣла въ молодомъ березникѣ дорога, и по этой по дорогѣ полетѣла ея думушка, словно сирота кукушка, у которой нѣтъ гнѣздышка. По этой по дорожкѣ Андрюша пріѣхалъ и по ней же уѣдетъ въ свою Ладуниху, и Богъ вѣсть, скоро ли появится, да и появится ли когда нибудь снова на мельницѣ. Малаша вдругъ отошла отъ окна, посмотрѣлась въ зеркальце и, увидѣмши, что глаза заплаканы, умылась холодной водой, накинула розовый шелковый платочекъ и сошла въ сѣни. День былъ жаркій, ни облачка, только самый легкій вѣтерокъ чуть-чуть наклонялъ вѣтки развѣсистыхъ березъ и слегка шумѣлъ широкими листьями тростника по берегу. Малаша поравнялась съ мельницей. У двери сидѣлъ работникъ.

— Не грибковъ ли собирать, Маланья Ивановна? сказалъ онъ.

— Можетъ быть. и грибковъ найду. Скучно, Алеха! всѣ спятъ, работать грѣшно: хочется пройтись по рощѣ.

— Дѣло. Не увидишь ли гдѣ Андрюхи, пошли, пожалуйста, поскорѣича; пусть бы за меня покараулилъ, — мнѣ смерть спать хочется.

— Гдѣ же его искать-то! а коли встрѣчу, пришлю безпремѣнно.

Перейдя плотину, Малаша запѣла свою любимую пѣсню: »Не одна во полѣ дороженька!« и наудачу пошла налѣво по берегу. Когда уже она была довольно далеко ушедши отъ мельницы, остановилась, перестала пѣть и начала прислушиваться. Кругомъ тихо, ни листъ не шелохнетъ, одни лишь кузнечики чиликаютъ въ травѣ, да пчела жужжитъ, перепар-

хиваючи съ цвѣтка на цвѣтокъ. »Ну, думаетъ Малаша: дойду до зеленаго холмика, что на перекресткѣ и ворочусь«. Такъ и дсѣлала, дошла, куда думала. У этого зеленаго холмика, стоялъ старый дуплистый кленъ, а вокругъ розросся густой орѣшникъ. Малаша взошла на холмъ, посмотрѣла вокругъ — ни живой души. На кленѣ, одначе, сорока скрежечетъ, то подлетаючи на самый верхъ, то спускаючись на нижнія вѣтки. »Должно быть, что нибудь есть въ орѣшникѣ«, подумала Малаша, заглянула въ кустъ, и остановилась. На зеленой травкѣ, разметавшись, лежалъ Андрюша подъ тѣнью развѣсистаго клена. Солнце, пробираючись кое-гдѣ между листьевъ, ложилось полосами на траву и упало ему на разстегнутый воротъ рубашки. Лицо же все было въ тѣни, и печальное, печальное, словно Андрюшѣ грезился какой жалостный сонъ, такъ что и смотрѣть-то на него было больно. Малашѣ сдѣлалось неловко. Ей и хотѣлось бы разбудить парня и вмѣстѣ она боялась затронуть его: »пускай, думаетъ, не проснется ли самъ какъ нибудь!« Одначе Андрюша спалъ, какъ убитый. Двѣ ночи, почитай, глазъ не смыкалъ, такъ и не диво, что сердечнаго одолѣлъ сонъ въ лѣсу на прохладѣ. Подождала Малаша маленько, а послѣ сорвала нѣсколько кленовыхъ листьевъ и подойдя къ сонному, начала опускать на лицо парню. Андрюша, не раскрываючи глазъ, отмахивался словно отъ мухъ, а Малаша усмѣхалась. Вотъ она сорвала еще нѣсколько листковъ и бросила на Андрюшу. Парень разомъ открылъ глаза.

— Малаша! вскрикнулъ онъ, поднялся быстро на ноги — въ тотъ день ужъ онъ ходилъ безъ костыля — осмотрѣлся вокругъ, застегнулъ воротъ у рубашки и сказалъ:

— Экъ, заснулъ я богатырски!

Малаша опустила глаза.

— Тебя спрашивалъ Алеха, говоритъ она ему: и просилъ, коли тебя встрѣчу,— посылать поскорѣича на мельницу.

— Иду.

— Какъ? Такъ таки и пойдешь?

— Стало быть, меня нужно...

— Алеха проситъ покараулить за него: соснуть, говоритъ, захотѣлось.

— Ну, что-жъ, покараулимъ!

— Андрюша!

И у Малаши словно голосу дальше не хватило, а на глазахъ навернулись слезы.

— Ась? отозвался парень.

Она посмотрѣла на него. Малый былъ блѣдный, что твоя стѣна.

— Андрюша, ты ни какъ серчаешь на меня?

— Я на тебя серчаю?

И Андрюша махнулъ рукою.

— Стало быть, серчаешь! подумай самъ — отколева не хочешь говорить со мною. Аль я тебѣ что сдѣлала?

— Нѣтъ, родная, ты ничего мнѣ не сдѣлала, — да, видно, Богъ такъ велѣлъ, Малашенька!

— Что велѣлъ?

— Вѣстимо, что! Эхъ, видно доля моя такая!

— Андрюша, почему не разсказать путемъ? несмѣло проговорила Малаша.

— Да что путемъ толковать, коли небывать пути!

— Ты, знать, хочешь уходить отъ насъ.

Парня сжало за сердце.

— А что жъ? ты думаешь, мнѣ весело оставаться, коли каждый день, того и гляди, что Дороѳей прїѣдетъ тебя сватать.

Малаша тожъ поблѣднѣла.

— А ты не хотѣлъ бы этого, Андрюша?

— Ишь ты! Да что толковать!..

— Андрюша!

И дѣвка такъ вглянула, что инда у парня колѣни подкосились. Онъ подошелъ къ ней и взялъ за руку. А она какъ зарыдаетъ!

— Голубушка, Малашенька! ужъ какъ я тебя люблю. Видитъ Богъ.

— Да и я тебя люблю, какъ душу.

Парень не выдержалъ и обнялъ ее.

— Зоренька моя ненаглядная! Что-жъ будетъ изъ нашей любови-то?

— А что Богъ дастъ! проговорила дѣвка, отерла слезы и весело усмѣхнулась.

— Вотъ-те Богъ свидѣтель, сказалъ Андрюша: что будь ты въ одной рубашкѣ, будь ты сирота бездомная, взялъ бы за себя, не подумавши... А вѣдь ты, поди, какая богатая! Терентьичъ убьетъ меня, если заикнусь со сватовствомъ...

— Я думала уже объ этомъ, Андрюша! Да, знаешь ли, батюшка очень любитъ тебя, не нахвалится, онъ любитъ и меня... Авось!

— Авоська изстари мошенникъ: на немъ далеко не уѣдешь. Нѣтъ, Малаша, мнѣ чудится, что и говоримъ-то мы въ по-

слѣдній разъ. Сядемъ-ка, жизненочекъ: разскажу все, что на душѣ, — а тамъ...

Андрюша махнулъ рукою. Вотъ сѣли они подъ кленомъ обнявшись, а Малаша прижалась къ своему милому.

— Видишь ли, Малашенька, — Терентьичъ мнѣ только что въ ротъ не положилъ, что хочетъ отдать тебя за долговязаго купчину.

— Да я не хочу, Андрюша.

— Мало чего нѣтъ! Куры не хотятъ на базаръ, да ихъ въ мѣшкѣ везутъ! Противъ отцовской воли идти нельзя.

— Я упаду въ ноги батюшкѣ.

— Только пуще разгнѣваешь.

— Да что-жъ дѣлать-то?

— Ума не приложу.

— Какъ хочешь, голубчикъ, а поговори съ тятенькой...

— Экъ выдумала! Да развѣ у меня языкъ поворотится! Андрюха Голышъ, что одинъ кафтанъ на плечахъ и ни копѣйки за душою, — полѣзетъ не въ свои сани, чтобъ Терентьичъ накостылялъ шею!

— Такъ, стало, это былъ сонъ...

— Кабы только сонъ.

— Знаешь что, Андрюша, теперь я какъ-то и сама ничего не могу придумать: обѣщай мнѣ одно!

— Ну?

— Останься у насъ денька три, а тамъ, что Богъ дастъ, увидимъ, да только чуръ не бѣгать меня.

— Охъ, родная, во вѣки не отошелъ бы отъ тебя... Ну, изволь, нешто, останусь. Только послѣ намъ будетъ еще труднѣе...

— Станемъ молиться Богу.

Въ это время недалеко раздались по лѣсу громкія пѣсни: знать ворошиловскія дѣвки пришли въ лѣсъ за грибами. Малаша вскочила первая, за нею Андрюша, молча, они обнялись, и парень поплелся орѣшникомъ на мельницу, а дѣвка вышла на холмъ и начала громко аукаться, вѣстимо, чтобы прикликать подругъ.

VIII.

Пройдя на мельницу, Андрюша сѣлъ на мѣсто Алехи караулить, а этотъ полѣзъ на вышку соснуть хоть маленько, пока придетъ хозяинъ. Бѣдный парень не могъ разобрать, что у него творилось на сердцѣ: то становилось весело подумать,

что Малаша любитъ его, то опять находила смертельная тоска, знаючи, что милая достанется другому. Терентьичу онъ опасывался даже намекнуть объ этомъ, да не хотѣлось ему, чтобы мельникъ и самъ смѣкнулъ въ чемъ дѣло. »Нужды нѣтъ, думалъ Андрюша, что Терентьичъ взросъ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, и хоча онъ человѣкъ добрый и богобоязливый, одначе, вѣрно угостилъ бы затрещиной, еслибы я только заикнулся о Малашѣ. Шутка сказать — такая богачка! А вѣдь дѣвка-то, дѣвка! Кровь съ молокомъ, работящая, пѣвунья, веселая, жалостливая... То-то раздолье долговязому Дороѳею.«

Этакъ сидючи и думаючи, Андрюша и не замѣтилъ, какъ солнышко начало склоняться къ вечеру; только, знай, подсыпалъ зерно, да выгребалъ муку. Алеха же въ это время на вышкѣ такъ храпѣлъ богатырски, что инда шумъ жерноховъ и колесъ не мѣшалъ его слышать.

— Ну что, дорогой мой мельникъ? спросилъ Андрюшу Терентьичъ, ударивши его по плечу: ты никакъ служишь службу за другаго?

— Посидѣлъ маленько за Алеху, Иванъ Терентьичъ.

— Что-жъ не идешь къ дѣвушкамъ въ рощу: слышь, какъ звонко распѣваютъ!

— Пусть распѣваютъ на здоровье. Я, признаться, и былъ въ рощѣ, и соснулъ маленько, да Маланья Ивановна разбудила: говоритъ, Алеха проситъ покараулить.

— А гдѣ же Алеха?

— Прилегъ вздремнуть.

— Ну, ступай теперь, да зови Малашу, скажи, молъ, тятенька чаю хочетъ.

— Изволь, дядя, сказалъ Андрюха, и, надѣвши кафтанъ въ одинъ рукавъ, пошелъ за плотину.

Одначе дѣвушки ему встрѣтились, почитай, тутъ же. Малаша вела двухъ подругъ къ себѣ, и скоро онѣ поравнялись съ мельницей.

— Вотъ умница, Малаша, что ведешь гостей! сказалъ Терентьичъ, поздоровавшись съ дѣвушками. Приготовь-ко чайку, поразопьемъ вмѣстѣ, авось и мнѣ старику повеселѣе будетъ съ молодежью. Да что же Андрюху-то не подождете: видите, какъ отсталъ бѣдняга!

— Гдѣ же мнѣ, дядя, поспѣть за ними! отозвался парень.

— Ну, ну, не ударь лицомъ въ грязь, займи ихъ сказочкой, присказкой, аль спой имъ пѣсеньку; а я скоро приду — вотъ только маленько управлюсь.

Когда дѣвушки вошли въ сѣни, Матвѣевна уже хлопотала возлѣ самовара и, по обычаю, ласково приняла Малашиныхъ подругъ. Обѣ эти подруги были дѣвки бойкія, веселыя, Малаша тоже чего-то развеселилась, и у нихъ зашли шутки, прибаутки; къ нимъ присосѣдился Андрюша, и, смотри, въ четверомъ — вотъ какую заиграли пѣсню! Извѣстное дѣло, пѣли себѣ да пѣли, а тутъ пришелъ Терентьичъ, и Малаша должна уже была отстать, потому что мельникъ иначе не пилъ чаю, какъ чтобъ непремѣнно дочка наливала ему чашку за чашкой. Вотъ такъ просидѣли до вечера, а вечеромъ дѣвушки, поблагодаривши Терентьича и Матвѣевну за угощеніе, собрались въ путь. Малаша хотѣла ихъ провожать, да отецъ сказалъ, что она ему будетъ надобна.

— Пусть, говоритъ, Андрюха проводитъ немного, коли нога не болитъ.

— Да вѣдь мнѣ и привыкать пора, отозвался Андрюша, надѣлъ кафтанъ, заломилъ на бекрень шапку и пошелъ тихой ходой вслѣдъ за дѣвушками по ворошиловской дорогѣ.

Малаша вструхнула немного, когда отецъ не позволилъ ей провожать дѣвушекъ, и не успѣли онѣ поворотить за уголъ, какъ Терентьичъ, погладимши бороду, подозвалъ ее къ себѣ.

— Ну, Маланья Ивановна, сказалъ онъ: сегодня мнѣ надо поговорить съ тобою.

— Что прикажете, батюшка, отвѣчала она, потупивши глаза, — а у самой сердце такъ и стучитъ въ груди, что даже слышно.

— Прежде всего скажи мнѣ: сохранила ли ты мою заповѣдь?

Малаша молчала. Терентьичъ слегка ударилъ кулакомъ по столу.

— Ты знаешь, я не люблю неправды!

— Тятенька! проговорила, дрожа, Малаша: да вѣдь некогда было и сказать вамъ ничего, потому что только сегодня...

— Что сегодня?

Тутъ Малаша со слезами разсказала отцу все до ниточки, и стояла, ожидаючи, чтò онъ отвѣтитъ.

— Вона! И все это правда? спросилъ мельникъ.

— Какъ передъ Богомъ.

— Молодецъ Андрюха! Я и не ожидалъ иначе: стало, еслибы не ты сама, сударыня, повисла ему на шею, сердечный додержалъ бы до конца... Ну, прощаю тебя, разъ за то, что во всемъ повинилась отцу, въ другорядь за то, что при-

знались одинъ другому, какъ честные люди, и на томъ кончили. Я давно замѣтилъ, что парень-атъ тебѣ по сердцу; замѣтилъ и то, что Андрюша умный малый и смѣкаетъ, что де не по Сенькѣ шапка; да все ждалъ, что признаешься мнѣ. Я тотчасъ сказалъ бы тебѣ, что этой свадьбѣ не бывать!

Малаша зарыдала.

— Теперь не время и тебѣ не растолкуешь, почему эта линія не приходится. Ступай съ Богомъ въ свѣтелку, помолись усердно, а послѣ поговоримъ объ этомъ.

Малаша знала, что съ отцомъ спорить нельзя, что если онъ сказалъ слово, то оно крѣпко и нерушимо, и, стало быть, поклонившись ему въ поясъ, тихо побрела въ свою горенку.

Скоро возвратился Андрюша, и когда Матвѣевна собрала ужинать, то захлопотала о Малашѣ.

— Не тревожь ее, сказалъ Терентьичъ, у нее голова заболѣла. Поужинамши, снесешь ей перекусить чего нибудь, а теперь, можетъ быть, она уснула.

Андрюша подивился, что дѣвка недавно была здорова и весела, а тутъ вдругъ голова заболѣла.

»Что-то неспроста!« подумалъ онъ, — и хочь какъ былъ проголодамши, одначе разомъ ѣсть перехотѣлось.

Вотъ, помоляся Богу, мельникъ отдалъ приказъ работникамъ тотчасъ ложиться спать и сказалъ, что самъ съ Андрюшей побудетъ на мельницѣ, — а позоветъ ихъ только къ полуночи. Матвѣевна ушла къ дочкѣ, а Терентьичъ кликнулъ Андрюшу на мельницу. Ночь налегла на землю-матушку и только звѣзды сіяли по небу.

Усѣвшись на своей любимой лавкѣ, мельникъ отозвался къ Андрюшѣ.

— Некогда, братъ, намъ толковать долго, молвилъ онъ: а скажу только, что Малаша мнѣ во всемъ призналась.

Парень какъ услыхалъ это, чуть не грохнулся о землю, зашатался и прислонился къ притолокѣ.

— Ты, одначе, не пугайся, Андрюха! Ты думаешь, я давно не замѣчалъ, что между вами творится; да я вѣдь зналъ, что ты разумный парень. Дочка мнѣ во всемъ повинилась и пересказала всѣ твои рѣчи. Ты поступилъ, какъ слѣдъ честному парню, и оно было бы лучше, еслибы выдержалъ до конца, — ну, что-жъ дѣлать: не смогъ совладать съ собою. Сказать дѣвкѣ, что любишь ее, и обнять — небольшая важность, особо, коли дѣвка, почитай, сама начала. Вотъ только худо, что ты думалъ, ужъ будто я тебя поколочу за это.

Андрюха не говорилъ ни слова.

— Жаль мнѣ тебя сердечнаго: ты и парень молодецъ, и знаю, что Малаша жила бы съ тобою вотъ какъ... да дѣло то не подходяще.

— А ужъ люблю то я, люблю ее! говорилъ, всхлипывая Андрюша.

— Э, Андрей, подвернется другая, такъ и позабудешь. А мнѣ ни какъ нельзя. Ну, разсуди самъ: Иванъ Терентьевъ человѣкъ богатый; Ивана Терентьева знаютъ всѣ, самъ окружной ѣдетъ мимо мельницы — всегда поздоровается, — и у Терентьича одна однимъ дочь, какъ перстъ. Лелѣялъ я ее, выростилъ, выхолилъ — и мнѣ, братъ, не приходится отдавать ее за кого зря. А за кѣмъ, спросятъ, дочка Ивана Терентьева Вырезубова? Что-жъ мнѣ сказать: за сынкомъ Яшки Одноглазаго, а?..

Терентьичъ замолчалъ, и, видно было, самого прошибла жалость.

— Такъ, дядя, вижу, что не приходится, сказалъ тихо Андрюша, утираючи рукавомъ слезы.

— О чемъ же и плакать-то?

— Ну, ужъ это мнѣ знать, дядя!

— Видитъ Богъ, я полюбилъ тебя, какъ сына, и будь ты еще круглый сирота, не знаю... да вѣдь у тебя...

— Будетъ, Иванъ Терентьичъ! Не кори меня отцомъ! Онъ не виноватъ, ему злые люди такъ сдѣлали... Благодаримъ покорно за хлѣбъ-соль и за ласки, за то, что не дали погибнуть на дорогѣ. Дай вамъ Богъ всякаго благополучія, благословите, и прощенія просимъ! я сейчасъ иду въ Ладуниху.

— Да, Андрюша, ужъ теперь удерживать не стану. Только погоди, не отпущу безъ хлѣба и соли на дорогу.

Терентьичъ пошелъ поскорѣича въ избу и услыхамши наверху въ горенкѣ плачь, схватилъ хлѣбъ и вернулся на мельницу.

— Я уже и Матвѣевнѣ не сказывалъ, молвилъ онъ Андрюшѣ: знаешь, бабы подымутъ вой, тебѣ же будетъ тяжело. Вотъ хлѣбъ, а вотъ тебѣ на хозяйство.

И Терентьичъ вынулъ бумажку въ три цѣлковыхъ.

— Благодарствуемъ за хлѣбушку, сказалъ парень, а этого мнѣ не надо. Деньгами, дядя, не залѣчишь того, что разорвалось въ сердцѣ...

— Андрюха! возьми, братъ!

— Ни, ни! Я себѣ заработаю... Довольно и того, что отецъ

беретъ милостину, а мнѣ и стыдно, и не надо... Ну, Иванъ Терентьичъ, благослови!

Андрюша сталъ на колѣни, мельникъ благословилъ его, и когда парень всталъ и хотѣлъ поцѣловаться съ Терентьичемъ, тотъ и другой заплакали, но не сказали ни слова.

Сердечный дѣтина посмотрѣлъ на свѣтелку, перекрестился, вздохнулъ, поклонился мельнику и пошелъ на плотину. Терентьичъ провожалъ его до перекрестка.

— Андрюша! сказалъ онъ ему на прощанье: помни, что если бѣда какая постигнетъ тебя, аль калѣчество, аль болѣсть какая: для тебя у Вырезубова всегда есть уголъ и отцовскій кусокъ хлѣба.

— Благодарствуемъ, дядя! Можетъ быть, Господь Богъ помилуетъ, а въ томъ Его святая воля: не бѣда, если и приберетъ поскорѣича... Кому я нуженъ... сирота, сынъ Яшки Одноглазаго?..

— Андрюша!..

Но Андрюша не слыхалъ уже, поворотилъ въ лѣсъ и поплелся по дорогѣ къ Ладунихѣ, едва смѣючи ступать на больную ногу.

IX.

Возвратимшись на мельницу, Терентьичъ долго сидѣлъ на лавкѣ и чуть, было, не прозѣвалъ насыпать зерна: такъ одолѣли его разныя мысли. Ему жаль стало и парня, и дѣвку. Извѣстно дѣло, вспомнилъ мельникъ и свою молодость; вспомнилъ, какъ онъ самъ былъ бобылемъ, работникомъ и полюбилъ хозяйскую дочку — теперешнюю свою супружницу, и какъ она любила его, и какъ покойный тесть отколотилъ Матвѣевну, узнавши ихъ шуры-муры, и выгналъ Терентьича съ этой же самой мельницы. Пришло ему на мысль разставанье, и Терентьичъ, знай, только поглаживаетъ бороду. Два года онъ работалъ у другаго хозяина верстъ за пятнадцать и, бывало, подъ праздникъ выпросится въ Ворошилово и хоть часокъ побалагуритъ съ Матвѣевной. За нее сватались богатые женихи, — она ни за кого не хотѣла замужъ. И вотъ отецъ ея заболѣлъ, увидѣлъ какой-то сонъ и послалъ лошадь за Терентьичемъ, а чрезъ день Вырезубовъ уже былъ обвѣнчанъ съ Матвѣевной и сталъ полнымъ хозяиномъ всего ея имѣнія. Все это навязывалось ему на память, да такъ ясно, что словно сдѣлалось вчера не далѣе. И стало немножко неловко на совѣсти у Терентьича. »Что жъ дѣлать! сказалъ онъ самъ себѣ:

я вѣдь, почитай, далъ слово Артамону Колозову, и не сегодня, завтра явятся сваты, — нельзя же мнѣ на попятный дворъ! Дороѳей тожъ парень молодой, и хоча бѣдняга неуклюжъ, да человѣкъ добрый, — авось Малашѣ слюбится. Дѣвка-то, можетъ быть, и блажитъ, ей кажется, что врѣзамшись въ Андрюшу, а тамъ, смотри, и запоетъ другое. Дѣвичья натура, что твоя весенняя погода — перемѣнчива. Да и какъ можно принять въ зятья Андрюшу! Сирота и голышъ — нужды нѣтъ! былъ бы моимъ зятемъ, — нашелъ бы отца и мать и имѣніе; да вѣдь онъ сынъ Яшки Одноглазаго, скрыпача нищаго, что протягиваетъ руку за подаяніемъ... Вотъ она штука-то въ чемъ! Сватушко съ сумой, сватушко скоморохъ — вотъ дѣло-то и неповадное... А отучить Яшку отъ чарки, да отъ бродяжничества и думать нечего; притомъ же, его вездѣ знаютъ. Ну, да и Дороѳей нами обнадеженъ. Дѣлать нечего: слова назадъ не возьму, потому что никто еще не корилъ меня неправдою.«

И, помолившись Богу, мельникъ разбудилъ работника, а самъ залегъ спать на своей вышкѣ, — только не могъ уснуть до разсвѣта.

Въ свѣтелкѣ дѣлалось совсѣмъ другое. Когда Матвѣевна понесла дочкѣ ужинать, Малаша бросилась ей на шею и, рыдаючи, разсказала все, все до капли: и какъ любила парня, и что говорили они, и что отецъ ей сказывалъ, и какъ запретилъ думать объ Андрюшѣ. Мать, вѣстимо, какъ мать, вмѣсто того, чтобъ уговаривать дочку, аль осерчать на нее, сама расплакалась, потому что вспомнила и про свою молодость. Матвѣевна крѣпко любила мужа, да боялась ему перечить и въ пустякахъ: стало, нечего думать было пособить горю, и она только прижимала дочку къ себѣ, ласкала ее, и заливалась слезами. Одначе Малашѣ немного полегче стало, какъ увидѣла, что матушка такъ убивается за нею. Вѣдь какое ни на есть горе тебя одолѣетъ, а если раздѣлишь его съ кѣмъ нибудь, все не такъ тяжело на сердцѣ. Матвѣевна тоже вспомнила тотъ день, когда отецъ выгналъ Терентьича изъ дому, вспомнила, что она уже подошла къ самому глубокому мѣсту въ рѣкѣ и хотѣла утопиться, да Богъ спасъ, пославши какого-то добраго человѣка... И вотъ Матвѣевна не пошла спать на свое мѣсто, а осталась съ дочкой въ свѣтлицѣ, гдѣ обѣ прогоревали, почитай, тоже до бѣла свѣта.

На другой день всѣ встали очень рано, Малаша подала самоваръ, и всѣ усѣлись на крылечкѣ, какъ ни въ чемъ не бывало; только никто и не намекнулъ объ Андрюшѣ, словно

онъ тутъ никогда и не бывалъ. Малаша, правда, ожидала, что онъ появится, но его и слѣдъ простылъ, и дѣвкѣ стало такъ скучно, такъ скучно, что хоть живая полѣзай въ могилу.

Долго было бы разсказывать, да и вамъ слушать-то, чай, не весело, какъ убивалась дѣвка, какъ плакала. Матвѣевна видѣла это, осмѣлилась и разъ намекнула Терентьичу. Мельникъ поморщился и приказалъ ей молчать: стало быть, бѣдной матери нечего уже было заступаться.

Дня черезъ три пріѣхали сваты отъ Артамона Петровича, и Малаша сдѣлалась невѣстою долговязаго Дороѳея. Посмотрѣли бы вы на жениха, какъ онъ въ ту пору расходился! Батюшки свѣты!

— Ничего, молъ, не пожалѣю для Маланьи Ивановны! Шелковыхъ платьевъ, аль платковъ дорогихъ, аль чулочекъ бумажныхъ — все съ полнымъ удовольствіемъ.

Это, знаешь, было послѣ обѣда.

— Хочу, молъ, цѣлый вечеръ веселиться! Музыку подавай, самъ стану плясать до полуночи.

Терентьичу тоже показалось, что музыку надо: ему хотѣлось развеселить Малашу, что блѣдная, какъ полотно, и съ заплаканными глазами сидѣла на почетѣ и на сговоръ смотрѣла, какъ на похороны.

Послали въ Ворошилово, да оба музыканта ушли на свадьбы въ сосѣднія села. Дѣлать нечего, одинъ парень съѣздилъ за балалайкой. Плясали и подъ балалайку, а пуще всѣхъ Дороѳей выкидывалъ колѣнца, такъ что полы чуйки, почитай, заворачивались ему на голову. Артамонъ Петровичъ говорилъ, что никогда не видывалъ за сыномъ такой удали.

Вотъ передъ вечеркомъ всѣ поприсѣли отдохнуть, да и парень, что отжаривалъ на балалайкѣ, усталъ на порядкахъ. Матвѣевна съ работницей прирядили два самовара, потому что у мельника съ поконъ вѣку водился обычай: коли угощать, такъ угощать на чистоту, и если собрались добрые люди, то сквалыжничать нечего.

Парни усѣлись въ сторонѣ и начали балагурить, что де вотъ многіе увивались за Малашей, а она, поди ты, выбрала такого купчину, что богатъ, какъ жидъ, да еще весельчакъ и плясунъ этакой. Дѣвушки говорили совсѣмъ другое; онѣ примѣтили, что Малаша плачетъ, не оттого только, что невѣстѣ надо плакать, а потому, что должно быть женихъ ей не любъ, а идетъ она за него, слушаючись батюшкина приказа.

Старики толковали свое, а Дороѳей подсѣлъ къ Малашѣ и началъ подсыпаться, знаешь, самымъ мелкимъ бѣсомъ.

Вдругъ по Ворошиловской дорогѣ послышалось, что кто-то лихо наигрываетъ на скрипкѣ, и хоча голосъ едва доносился на мельницу, одначе музыкантъ выдѣлывалъ такія колѣнца, что у молодежи поджилки задрожали.

— Экъ откалываетъ! проговорилъ одинъ парень и собрался встать и заглянуть за уголъ, но дѣвушки опередили его, побѣжали и остановились, закрываючи рукою глаза отъ солнца, чтобы разглядѣть половчѣе.

— Кого Богъ несетъ? спросилъ Терентьичъ.

— Изъ ржи мелькаетъ только голова въ картузѣ, а больше ничего не видно.

— Стало не ворошиловскіе?

— Да у насъ никто не умѣетъ играть такъ забористо.

— Знаю, знаю кто, вскрикнула одна дѣвушка: Яшка Одноглазый!

— Яшка Одноглазый! проговорили всѣ, и всѣ повыбѣжали на встрѣчу бродячему музыканту; даже Малаша, покинувши жениха, вышла на дорогу.

— Ну, Дороѳей Артамонычъ, теперь натанцуетесь въ свое удовольствіе! сказалъ одинъ парень: ужъ коли Яшка Одноглазый играетъ, такъ вытерпитъ развѣ только безногій.

— А что, играетъ кудревато? спросилъ Дороѳей.

— И шутъ его знаетъ, какъ хитро перебираетъ пальцами, а въ смычкѣ, словно самъ лѣшій сидитъ.

— Вотъ оно что! Ну, дѣло, а ужъ я не положу охулки на руку.

Терентьичъ, одначе, немного нахмурился.

Скоро показался и Яшка Одноглазый. Это былъ старикъ высокаго роста, объ одномъ глазѣ, худощавъ словно щепка, борода и усы выбриты; кафтанъ въ заплаткахъ, на головѣ кожаный картузъ, а за плечами котомка. Завидя честную компанію, Яшка урѣзалъ такую плясовую, что сама Матвѣевна подбоченилась; послѣ онъ протянулъ по одной струнѣ во весь смычекъ, подошелъ, снялъ картузъ и сказалъ:

— Здорово, Иванъ Терентьевичъ, кормилецъ ты мой и душа предобрѣйшая.

— Здравствуй, братъ Яковъ, отозвался мельникъ и вставши съ лавки, подошелъ къ музыканту.

— Благодарствуемъ за то, что приберегъ Андрюху: Богъ наградитъ тебя и на этомъ, и на томъ свѣтѣ. А гдѣ же мой сынишко-то?

— Слава Богу, поправился и гоняетъ тройку у прежняго хозяина.

— Ну, слава Богу! А вотъ я и поблагодарствую. А съ чѣмъ бишь поздравить?

— Дочку просваталъ, братъ Яша: вотъ и женихъ съ невѣстой на лицо.

Яша взглянулъ на Малашу, а она, сердечная, закрыла платкомъ глаза и глотала слезы.

— Ну, дай Богъ всякаго благополучія. Э! да и музыкантовъ нѣтъ! Вотъ, видите ли, я и пригодился. Парни! дѣвки! живо! Яшка Одноглазый принимается за дѣло.

— Погоди маленечко, Яша, сказалъ Терентьичъ: съ дороги вѣдь не худо бы подкрѣпиться.

— Не худо-то не худо, а чѣмъ угостишь?

— А чего душа пожелаетъ?

— Нешто не знаешь, чего желаетъ Яшкина душа? Эхма!

И Яшка махнулъ смычкомъ.

— Знаю, знаю... Ну, да на радостяхъ можно. Малаша! поднеси ко винца гостю: это вѣдь отецъ Андрюхинъ.

Малаша встала, пошла въ избу и вынесла на подносѣ стаканъ вина. Поклонимшись въ поясъ музыканту, она его попотчивала.

— Ахъ, ты, лебедушка моя! Да какая раскрасавица! Не хорошо только, что глазенки заплаканы. Ну, ваше здравіе, Маланья Ивановна и вашего жениха. Охъ, горько! проговорилъ вдругъ Яша, омочивши губы въ стаканѣ. Горько! крикнулъ онъ во весь голосъ.

— Малаша! поцалуйся же съ Дороѳеемъ Артамонычемъ! сказалъ мельникъ: видишь, Яшѣ горько.

Волей неволей Малаша поцаловалась съ женихомъ, а музыкантъ выпилъ вино и принялся настраивать скрипку. Парни вынесли ему кадушку, онъ оборотилъ ее дномъ вверхъ, усѣлся, да какъ рѣзнулъ комаринскую: такъ всѣ и всполошились. Дороѳей, одначе, опередилъ всѣхъ, растолкалъ парней и пошелъ откалывать! Ну, ужъ распотѣшилъ. Яша валяетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, а Дороѳей и того пуще; Яша пилитъ на одной струнѣ, а Дороѳей на одной ногѣ отмачиваетъ; Яша хватилъ по всѣмъ четыремъ, Дороѳей шапку въ руки и пошелъ въ присядку, такъ что самому отличному танцору, чай, и во снѣ не грезилось.

Когда утомился Дороѳей, пустились парни въ пляску; а когда переморились и эти, тогда Яшка сыгралъ дѣвушкамъ

совсѣмъ другимъ калиберомъ. Гдѣ у него силы брались! Только, знай, послѣ каждаго танца сыметъ картузъ, оботретъ лобъ и крикнетъ:

— Терентьичъ! Пить хочу!

Извѣстное дѣло, мельникъ зналъ, чего желаетъ душа Яшки Одноглазаго, и хоча Терентьичъ, какъ мы уже знаемъ, не любилъ попойки, одначе, просватамши дочку, нечего уже было морщиться, а, стало быть, надо угощать чѣмъ слѣдъ.

Терентьичъ все время, почитай, былъ самъ не свой. Сдѣланнаго не воротишь: онъ просваталъ дочку, порѣшилъ какъ слѣдъ дѣло съ Артамономъ какъ чему быть; а все, одначе, коли взглянетъ на Яшку Одноглазаго, который весело поигрываетъ на скрыпкѣ: ему и придетъ на мысль, что-де отецъ играетъ на сговорѣ, а сынъ, можетъ, умывается горючими слезами. Онъ раза два порывался разсказать Яшкѣ обо всемъ, да не хватало духу, и чтобъ не такъ было совѣстно, — мельникъ самъ наливалъ вино музыканту.

О Малашѣ и говорить нечего: каждый разъ, что Яшка съ присвистомъ и притопываньемъ наигрывалъ плясовую, у нея сердце поворачивалось, а дѣлать было нечего. По приказу отца она согласилась выйти за Дороѳея: стало, надо было попридержать кручинушку и не слишкомъ давать волю слезамъ. Скрѣпимши сердце, и она раза два протанцовала, и каждый разъ Терентьичъ обнималъ ее и цѣловалъ въ голову.

— Умница, Малаша! говорилъ онъ ей потихоньку: все перемелется, мука будетъ.

Такъ тѣшились до поздняго вечера, а поужинамши, Артамонъ съ сыномъ уѣхали въ городъ; парни и дѣвки ушли въ Ворошилово; Яшка же Одноглазый переночевалъ на мельницѣ и съ разсвѣтомъ поплелся въ Ладуниху навѣстить своего сынишку и разсказать о сговорѣ Малаши.

X.

Прошло нѣсколько дней, и на мельницѣ начали уже приготовляться къ свадьбѣ. Малаша и сама торопилась. »Чѣмъ скорѣе, говоритъ, тѣмъ лучше, — авось, принявши законъ, позабуду дѣвичью кручинушку.« Такъ говорила она самой себѣ, а когда, бывало, придетъ въ свою свѣтелку, плачетъ, сердечная, возьметъ къ себѣ Ваську на колѣни и разсказываетъ ему о своей печали, словно, знаешь, котъ понимаетъ въ чемъ дѣло.

Вечеромъ сдѣлалась вдругъ жара нестерпимая. Тучи обло-

жили все небо, о вѣтеркѣ нѣтъ и помину. Терентьичъ говорилъ, что должно быть будетъ ливень и страшная гроза, потому что и коровы мычали какъ-то странно и вернулись раньше съ поля, и птицы хлопотливо летали, да и тишь и жара были не къ добру; одначе и ужинъ прошелъ, а дождика не слышно, только издали началъ долетать громъ, да молонья, словно змѣйка, пробѣгала надъ Ворошиловымъ.

Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Малаша зажгла у себя лампадку и долго молилась, стоючи на колѣнахъ передъ иконой Божіей Матери. Слезы не переставали течь изъ глазъ, и дѣвкѣ чудилось, что съ этими слезами кручина отливается отъ сердца, и на душѣ становится какъ-то спокойнѣе. Помолимшись, посидѣла она еще у окна и смотрѣла, — какъ молонья сверкаетъ иногда, освѣтитъ разомъ лѣсъ и все поле, а послѣ вдругъ сдѣлается страшная темень и громъ раскатывается по всему небу. И вотъ зашумѣлъ вѣтеръ и такой гулъ пошелъ по лѣсу, что, почитай, не слышно было стука жерноповъ на мельницѣ, и Малаша улеглась въ постель. Долго она ворочалась съ боку на бокъ, и чего въ это время не придумала! Ей какъ-то не спалось. Къ полуночи гроза сдѣлалась сильнѣе, и вдругъ Малаша показалось, что ударило у нея надъ головою. Она приподнялась съ постели. Слышитъ внизу шумъ, крикъ,— въ окнахъ стало свѣтло. Она испугалась маленько и поскорѣе одѣваться. Не успѣла накинуть сарафанъ, какъ дымъ началъ валить въ свѣтелку, и Матвѣевна крикнула снизу:

— Малаша! Малаша! Изба горитъ!

Дѣвка перепугалась пуще и не знала — что спасать поскорѣе: схватила въ одну руку полотенце и подушку, а другою захватила Ваську и сбѣжала внизъ по лѣсенкѣ. Изба уже крѣпко горѣла съ угла. Всѣ, кто былъ на мельницѣ, бросились помогать и тушить; но поднялся сильный вѣтеръ и такъ началъ раздувать огонь, что погасить было нельзя, и народъ уже хлопоталъ, какъ бы спасать вещи. Бросился, было, одинъ работникъ въ свѣтелку, да уже тамъ горѣлъ потолокъ, и полна горница дыму; онъ только и успѣлъ вынести одѣяло и небольшой сундучокъ. А въ это время изъ избы вытаскивали, что было можно, на дорогу. Извѣстное дѣло, народу мало, все это перепугалось, таскали безъ толку и все валили на поле черезъ дорогу. Крикъ, шумъ, суета, бабы начали плакать и только мѣшали мужикамъ. Одинъ Иванъ Терентьичъ не суетился, а таскалъ, что подороже... Вдругъ обрушилась крыша, а вѣтеръ схватилъ горящую солому и перебросилъ на мель-

ницу. Пока осмотрѣлись, крыша на мельницѣ запылала. Тогда вструхнулъ и Терентьичъ. Бросимши избу, всѣ опрометью побѣжали на мельницу, и хоча она стояла надъ водою, одначе только и успѣли вытащить немного муки и мѣшковъ съ зерномъ; къ остальному нельзя было и доступиться. Мельницу же спасать нечего, затѣмъ, что трудно, — да и загорались уже сараи. Мужики и бабы спѣшили выводить лошадей, выгонять коровъ. Въ Ворошиловѣ ударили въ набатъ, и скоро прискакало человѣкъ восемь конныхъ крестьянъ, да ямщикъ Мироха привезъ на своей тройкѣ человѣкъ восемь, — а тамъ повалили и пѣшіе. Одначе, при такомъ сильномъ вѣтрѣ, ничего не могли пособить добрые люди, и мельницы съ избой какъ не бывало. Дворъ догорѣлъ до половины, крестьяне бросились отстаивать баню, что стояла въ углу; но тутъ вдругъ полилъ такой ливень, что мигомъ затушилъ пожаръ, и скоро стало такъ темно, какъ въ погребѣ.

Ну, послѣ этого Ворошиловцы отправились въ село, а пріѣзжіе крестьяне — кто успѣлъ спасти свою муку и зерно, сложили все это на телѣги, подкатили подъ уцѣлѣвшій уголъ сарая, помогли Терентьичу убрать вещи и снесть кое-что въ баню, и ушли отдыхать послѣ тяжелой работы.

Оставшись въ банѣ только съ своей семьею, мельникъ осмотрѣлъ, что успѣли спасти, положилъ кое-какія вещи на полки, уставилъ столъ, — все не говоря ни слова. Потомъ выглянулъ онъ на дворъ. Ливень пересталъ, небо прочистилось, и мѣсяцъ ясно свѣтилъ на пожарище.

— За мною! сказалъ онъ женѣ и дочери.

Матвѣевна и Малаша вышли за Терентьичемъ.

— Прежде всего надо помолиться и поблагодарить Бога, что оставилъ намъ хоша какое нибудь пристанище. Я знаю, за что Онъ наказалъ меня. Станемъ же на колѣни и помолимся.

Терентьичъ прочиталъ всѣ молитвы, какія только зналъ безъ книги. Всѣ молились усердно.

— Ну, теперь, сказалъ мельникъ, ударимши дочь по плечу: поживѣе, Малаша, самоварчикъ; смерть хочется испить чайку, а за угольемъ-то не стать ходить далеко. А ты, жена, полно рюмить-то! Богъ далъ, Богъ и взялъ. Утро вечера мудренѣе.

Малашѣ сдѣлалось какъ-то веселѣе, когда увидѣла, что отецъ не унываетъ, и она поспѣшила исполнить отцовскій приказъ, — да и ей самой, устамши, хотѣлось выпить чашечку,

другую: вѣдь, почитай, дѣло было къ разсвѣту. Тѣмъ временемъ Терентьичъ еще разъ обошелъ пожарище, на которомъ кое-гдѣ дымились обгорѣлые столбы, даромъ что ливень-атъ былъ какъ изъ ведра. Вотъ пришелъ онъ въ баню, перекрестился и сѣлъ.

— Ну, Малаша, чайку, да горячаго!

— Сейчасъ, батюшка!

— Да, что ты, кормилецъ, тѣшишься-то? отозвалась Матвѣевна, всхлипывая: мельница сгорѣла, изба сгорѣла, а ему и горюшка мало...

— Этъ ты, баба! ужъ и рюмить! Что-жъ? развѣ намъ сожгли это злые люди, аль недосмотръ нашъ былъ, а? Вѣдь Богу такъ угодно: Онъ послалъ наказаніе — знать, Его прогнѣвали, — какъ же смѣть хныкать? Господь вразумляетъ человѣка, а я знаю, въ чемъ согрѣшилъ передъ Нимъ.

И Терентьичъ привсталъ и набожно перекрестился.

— Не рюми, жена! Богъ наказываетъ, Богъ и помилуетъ. Мельницу выстроимъ новую, избу поставимъ...

— Да когда это будетъ!..

— Что и толковать съ бабой? А ты, Малаша, спасла что нибудь?

— Ужъ она спасла! сказала Матвѣевна: чѣмъ бы взять что получше, — снесла, небось, кота.

— Что-жъ, и Васька Божіе твореніе, и его не надо оставлять на видимую смерть: блаженъ, иже и скоты милуетъ. Хорошо, что добрые люди повывели лошадей и коровъ, а то вѣдь скотина сгоритъ, а не съумѣетъ спастись. Дряни же этой сарафановъ и платочковъ накупимъ, какъ Богъ дастъ.

— Что же ты сдѣлалъ такое? въ чемъ согрѣшилъ, Терентьичъ, спросила Матвѣевна: что Господь покаралъ насъ?

— Про то я ужъ вѣдаю, Матвѣевна, и буду молиться Ему съ покаяніемъ: Онъ благъ и, вѣрно, помилуетъ.

— Твоя воля родимый, коли не хочешь сказать сожительницѣ.

— Придетъ время и разскажемъ. Одначе пора спать. Вы съ дочкой ложитесь въ банѣ, а я постелю тулупъ въ сѣняхъ: мнѣ надо встать очень рано, осмотрѣть все по хозяйски; да и вы не долго засыпайтесь. Ну, добрая ночь.

Терентьичъ взялъ свой тулупъ, подушку, смастерилъ себѣ въ сѣняхъ постель, но долго еще молился Богу, стоячи на колѣнкахъ.

Матвѣевна и Малаша, истомившись во время пожара, скоро уснули на полкахъ; только одинъ Васька, не привыкши на новой фатерѣ, расхаживалъ по банѣ и осматривалъ и обнюхивалъ кажиный уголъ.

XI.

Не успѣло солнце подняться и обогрѣть хорошенько землю, какъ мельникъ былъ уже на ногахъ и разбудилъ обоихъ работниковъ. Давши имъ время позавтракать, онъ выслалъ одного пѣшкомъ въ Ворошилово и растолковалъ къ кому зайти и что сказать, а другаго отправилъ верхомъ въ городъ къ свату Артамону Петровичу объявить, что, молъ, такъ и такъ случилось на мельницѣ, и что Терентьичъ проситъ сейчасъ прiѣхать поговорить о спѣшномъ дѣлѣ. Прежде всего Терентьичъ пошелъ на мѣсто, гдѣ была мельница, и покачалъ головою. Одни обгорѣлые столбы торчали по угламъ, внутри же ничего не было: что сгорѣло, что обвалилось въ рѣку. Терентьичъ подумалъ, подумалъ и возвратился къ избѣ. Тамъ тоже оставались стѣны, да торчала почернѣвшая труба. Вокругъ валялись головни; половины сараевъ какъ не бывало; вблизи воротъ уцѣлѣлъ передокъ новой кибитки, которую не успѣли или позабыли оттащитъ на сторону. Слава Богу, одначе, мучной амбаръ остался цѣлехонекъ, и вотъ почему Терентьичъ и не унывалъ уже слишкомъ: вѣдь этого товару каждому требуется. Увидѣвши все хозяйскимъ глазомъ, Терентьичъ уже разсчиталъ, какъ и что ему дѣлать сначала, и пошелъ будить жену и дочку, что пора де и перехватить немножко. Бабы мигомъ начали стряпать, а работникъ уже возвратился изъ Ворошилова и съ нимъ пришло человѣкъ восемь съ топорами. Работникъ принесъ также и полведра вина. Далъ мельникъ ребятамъ по чаркѣ, по куску хлѣба и повелъ ихъ въ лѣсъ за плотину; а когда возвратился въ баню, по лицу и узнать было не можно, что не дальше какъ вчера сгорѣло у него полъимѣнія. Не успѣлъ онъ выпить второй чашки, какъ по лѣсу раздались пѣсни, стукъ топоровъ, и скоро послышалось, какъ съ шумомъ валилися деревья.

Послѣ чаю, Матвѣевна съ Малашей и работницей стали давать порядокъ всему, что было набросано въ кучу, и начали разбирать посуду, одежду и разныя снадобья; а Терентьичъ съ работникомъ взяли топоры и принялись прежде всего обирать на мельницѣ уцѣлѣвшія бревна и очищать

мѣсто. Пріѣзжіе мужики тоже встали. Всѣ они жалѣли мельника и просили Бога, чтобы Онъ помогъ ему какъ можно скорѣе выстроить мельницу.

— Мы, говорилъ одинъ изъ нихъ: такъ привыкли къ тебѣ, Иванъ Терентьевичъ, что на другую мельницу, почитай, ѣхать не хочется. Ты все дѣлаешь по Божьему: очередь наблюдаешь, мелешь отлично, и мы знаемъ, если кто въ нуждѣ, такъ и уступишь.

— А я, сказалъ другой: съ нашимъ удовольствіемъ, дядя, отвезши муку, если хочешь, приду, пожалуй, съ топоромъ на недѣльку. Насъ семья большая и безъ меня рожь сымутъ.

— Приходи, любезный, благодарствуемъ: мнѣ теперича руки нужны, а я тебѣ заплачу, аль отслужу.

— Платы не надо-ть, а отмелешь опосля. Такъ приходить, что ли?

— Стало быть.

И крестьяне уѣхали.

Терентьичъ до самаго обѣда просидѣлъ въ лѣсу, гдѣ ребята свалили уже штукъ двадцать деревьевъ. Обѣдали всѣ подъ навѣсомъ, и только успѣли перекреститься поѣмши, какъ снова принялись за работу. Одинъ только парень, что на пожарѣ повредилъ немного руку, попросился отдохнуть маленько; самъ же мельникъ, даромъ что, почитай, не спалъ ночью, и думать позабылъ объ отдыхѣ. Велѣлъ онъ работнику запречь телѣгу и послалъ его верстъ за восемь въ село Поплесково за старымъ мастеромъ, который на весь уѣздъ былъ первый знатокъ въ мельничномъ дѣлѣ; а самъ присѣлъ на завалинкѣ и началъ что-то прикидывать на счетахъ.

Какъ вотъ къ пожарищу подъѣхалъ конный работникъ, что ѣздилъ въ городъ, а за нимъ подкатила и телѣжка Артамона Петровича. Старикъ-атъ пріѣхалъ одинъ и тихо слѣзши съ повозки, подошелъ къ Терентьичу.

— Наше нижайшее-съ, проговорилъ онъ.

— А! сватушка! добро пожаловать! милости просимъ!

Колозовъ сѣлъ рядышкомъ съ мельникомъ.

— Большое несчастье постигло тебя, Иванъ Терентьичъ, сказалъ онъ.

— Да, Господь Богъ наказалъ за прегрѣшенія.

— Что-жъ дѣлать? Его святая воля. Одначе примѣромъ, какъ вижу, удалось кое-что спасти.

— Кое-что спасли, да худо, что мельница сгорѣла.

— Видѣли, почтенный! Ну, а того, сказалъ тихимъ голо-

сомъ Артамонъ Петровичъ, наклоняясь къ мельнику: деньжонки-то, чай, цѣлы?

— Охъ, нѣтъ, сватушка: то-то и худо, что въ конецъ раззорился.

— Ой ли?

— Да ужъ какъ худо, родимый! Знаешь, все лежали ассигнаціями, а держалъ я ихъ въ своемъ маленькомъ сарайчикѣ въ сундучишкѣ. Какъ случилось несчастье, я спалъ на мельницѣ, а когда проснулся и прибѣжалъ сюда, сарайчикъ былъ уже въ огнѣ. Пока я отперъ дверь, поломье уже разгуливало внутри и нельзя было ничего спасти, окромѣ вытащили коечто изъ одежи.

— Ну, плохо дѣло, Терентьичъ.

— Только и осталось, что было при себѣ серебреца и мелкихъ ассигнацій.

— А теперь куда какъ трудно на деньги, Иванъ Терентьичъ, сказакъ Колозовъ, отодвигаючись немного: вѣришь ли ты, примѣромъ, по купечеству, что, кажись, и всегда готовая копѣйка, а иной разъ не знаешь, какъ быть-то.

Терентьичъ пристально посмотрѣлъ на свата, а тотъ потупилъ глаза.

— А я вотъ, любезный сватъ, Артамонъ Петровичъ, признаться и послалъ за тобою, чтобъ посовѣтоваться, да попросить сотеньки три цѣлковыхъ на разживу; а тамъ, Богъ дастъ, свои люди — сочтемся.

— Эвто какъ же-съ?

— Пожалуй, и расписочку дамъ.

— Нѣтъ, то есть, на счетъ денегъ-то...

— Ась?

— Стало быть, какъ же эвто примѣромъ: у меня взаймы просишь?

— Вѣстимо, сватушка, взаймы, хошь проценту положь тамъ, сколько знаешь, по Божьему...

— Радъ бы, Иванъ Терентьичъ, да теперь; ей Богу, не могу! Знаешь, наше дѣло купеческое, заподрядились мы выставить муки 500 кулей, — надо купить...

— Значитъ, ты мнѣ пособить не можешь?

— Право слово, не могу; я самъ хотѣлъ вчера послать къ тебѣ Дороѳея и просить, чтобы ты далъ ему впередъ тысячу изъ приданаго, а онъ бы искупилъ хлѣбъ...

— Какое теперь приданое, Артамонъ Петровичъ! Не поставлю мельницы къ осени, почитай, ѣсть будетъ нечего, — ты вѣдь знаешь, что мы хлѣбопашествомъ не занимаемся.

— Такъ, такъ! Самъ, братъ, виноватъ: денегъ никто не держитъ дома, а отсылаютъ въ приказъ; а коли держатъ, то гдѣ ни на есть при себѣ, чтобы всегда были подъ рукою.

— Истинно такъ! А вотъ я, олухъ неотесанный, сколотилъ за весь вѣкъ тысяченки три, четыре сребреца, да и загордился, думалъ, что богаче меня нѣтъ и на свѣтѣ, и туда же потянулся за купцами! За купца просваталъ дочку, и вотъ пришло разсужденіе, что и самъ-то я важная птица. А Господь Богъ сейчасъ и послалъ наказаніе.

— Такая уже доля твоя, Иванъ Терентьичъ! Всѣ мы ходимъ подъ Богомъ. Вотъ, примѣромъ, у насъ въ городѣ, чай, знаешь Антипова? Разбогатѣлъ, пиры задавалъ, всѣхъ угощалъ винами заморскими, въ коляскѣ ѣздилъ, — а смотри — теперь остался, почитай, безъ гроша.

— Что и говорить! Одначе, сватъ, любезный, нельзя ли какъ нибудь промыслить бы мнѣ сотняги три?

— Вѣдь я побожился, что нельзя: времена-то, любезный, нонеча трудныя. Самъ посуди...

— Судить нечего, а извѣстное дѣло — на нѣтъ и суда нѣтъ. Ну, да хоть на свадьбу-то Дороѳееву распояшься, сватушка, — а тамъ — что Богъ дастъ, увидимъ.

— Оно, то есть, можно бы распоясаться, да вѣдь самъ ты, Иванъ Терентьичъ, умная голова: подумай, что за дочкой ты обѣщалъ Дороѳею три тысячи чистагану...

— Обѣщать-то обѣщалъ и, стало быть, сдержалъ бы слово, — да какъ же теперь быть-то? гдѣ же мнѣ взять денегъ?

— Вѣстимо, взять не откуда, да малому тоже не приходится брать жену безъ приданаго.

— То есть, какъ?

— Примѣромъ, за Маланьей Ивановной теперь что же будетъ?

— Какъ что будетъ? Земли маленько, мельница...

— Да вѣдь мельницу-то прежде надо еще выстроить.

— Выстроимъ.

— Ну, а у насъ по купечеству, окромя мельницы, не мѣшаетъ и тысячка, другая.

— Значитъ, сватушка, ты на попятный дворъ...

— Не то что на попятный, зачѣмъ на попятный? Не то! Ты вотъ и серчаешь.

— Боже меня сохрани! Я только говорю дѣло.

— Да вотъ какое дѣло! Примѣромъ, обанкрутился бы я

сегодня, а завтра Дороѳей пріѣхалъ къ тебѣ и просилъ поскорѣича сыграть свадьбу? Ась?

— Не доведи Богъ до этого. Одначе, какъ же мнѣ смѣкать-то; стало быть, мы, сватушка, отложимъ, что-ль, свадебку?

— Да что откладывать-то! Дороѳею жениться надобно, а твоя дочка тоже на порѣ: неравно случится добрый человѣкъ — зачѣмъ упускать?

— А, разумѣю! Такъ бы и давно! Ну, я не серчаю, Артамонъ Петровичъ: видно Богу не угодно, чтобы мы съ тобой няньчили вмѣстѣ внучатъ.

— Такая дѣвка, какъ твоя дочка — недолго засидится.

— Твоими бы устами медъ пить. А что же скажетъ Дороѳей Артамонычъ?

— А что скажетъ? То что и я. Да вотъ онъ никакъ и на тройкѣ катитъ на наемной; я велѣлъ ему заѣхать: намъ надобно по дѣлу къ Саввѣ Саввичу на пчельникъ, знаешь, медкомъ хотимъ призаняться.

— А у него кстати и дочка раскрасавица.

— Ништо!

Дороѳей подкатилъ на ухорской тройкѣ, разрядимшись, какъ былъ на сговорѣ. Слѣзъ онъ съ телѣги и поздоровался.

— Ну, гости дорогіе, сказалъ мельникъ: хоча вамъ и некогда, одначе чашечку чайку выпить не мѣшаетъ. Эй, Малаша?

Малаша, почитай, слышала весь разговоръ стариковъ и вышла веселая и раскраснѣвшись. Колозовы привстали и ей поклонились.

— Чайку, Малаша!

Дѣвка опрометью побѣжала хлопотать, а самоваръ-то у нея былъ готовъ.

— Ну, что, Дороѳей Артамонычъ, молвилъ мельникъ: мы съ батюшкой потолковали, какъ слѣдъ. Мнѣ случилось несчастье: стало быть, по нашему дѣлу линія не приходится.

— Дѣвка важная, отозвался Дороѳей: жаль мнѣ и васъ Иванъ Терентьичъ, — да намъ съ батюшкой нужны деньжонки.

— Такъ, такъ! Милости просимъ посидѣть, одначе, сейчасъ чайку: я васъ не задержу — поспѣете къ Саввѣ Саввичу.

— Я, Иванъ Терентьичъ, съ моимъ бы удовольствіемъ, вотъ какъ, женился бы на Маланьѣ Ивановнѣ, — да теперь времена трудныя.

— Что и говорить! Ну, Артамонъ Петровичъ, возвращаю тебѣ твое слово, а ты возврати мнѣ мое.

— На все Божья воля, Иванъ Терентьичъ! разойдемся: намъ, значитъ, тово, не рука. А напредки просимъ любить и жаловать.

— И вашу милость просимъ насъ не оставлять: какъ выстроимъ мельницу, готовы всегда съ нашимъ почтеніемъ.

Мельникъ повеселѣлъ.

— И вотъ еще что, Терентьичъ, сказалъ старикъ Колозовъ: я не могу ссудить тебѣ деньжонокъ, сколько просишь, а если не побрезгаешь на разживу цѣлковенькихъ пятнадцать...

— Нѣтъ, благодаримъ покорно! очепно благодаримъ, намъ этого не нужно: обойдемся, Артамонъ Петровичъ.

— Мое дѣло сторона.

Въ это время послышалась за плотиной скрипка.

— Вона! Яшка Одноглазый напиливаетъ! сказалъ Терентьичъ: видно не знаетъ, что у меня за праздникъ.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! говорилъ Яшка издалека, завидя честную компанію.

— Иди, иди, Яша! Я тебѣ всегда радъ.

— Спасибо, Ванюха! Эхе, хе, какъ тебя поджарило! Здравствуйте, Артамонъ Петровичъ, Дороѳей Артамонычъ! Вотъ это люблю, это по христіански: сватъ погорѣлъ, а вы пріѣхали помочь ему. Видно неправда, что баютъ въ городѣ, будто вы съ сынкомъ дрожите надъ кажинной копѣйкой.

Оба Колозовы потупили глаза; а мельникъ показывалъ знаками Яшкѣ, чтобы онъ замолчалъ.

— Нѣтъ, братъ, Яша, сказалъ онъ: Артамонъ Петровичъ переговорилъ уже на счетъ энтаго дѣла: дѣвка моя теперь ихъ чести не подъ стать.

— Ой ли?

Никто не отвѣчалъ ни слова. Яшка покачалъ головою, снялъ шапку и, присѣмши на лавку, сталъ смотрѣть своимъ глазомъ на Артамона, какъ бы желаючи дознаться истинной правды: онъ думалъ, что Терентьичъ подшучиваетъ. Мельникъ, должно быть, догадался и говоритъ:

— Тебѣ не вѣиится, Яша: спроси у Дороѳея Артамоныча.

— У насъ вѣдь по купечеству, началъ парень: стало быть, энтакъ, вы уже знаете, примѣрно, соблюдается маленько, тово...

— Эхъ, ваша честь такъ мудрено говоритъ, что и въ толкъ не возьмешь, сказалъ Яша. Махни рукой, братъ, Терентьичъ, да надѣйся на Бога.

— Мы и надѣемся на Его святую волю. Малаша, а Малаша! принеси-ко чашечку и для Яшки: онъ у тебя на свадьбѣ вотъ какъ заиграетъ!

— Здравствуй, дядя! сказала Малаша, вынося чашки на подносѣ и подаваючи гостямъ: какъ Богъ милуетъ?

— Слава Богу...

— Кликни-ко мать сюда! сказалъ мельникъ дочкѣ.

Матвѣевна вошла и поклонилась гостямъ въ поясъ.

— Ну, жена, сказалъ Терентьичъ: доля наша видно такая, что вчера сгорѣло имѣніе, а сегодня и женихъ отказывается.

— Какъ, батюшко, начала, было, Матвѣевна.

— Молчи жена и слушай: дѣло выходитъ не пустячное. Я просилъ свата пріѣхать и думалъ, что онъ мнѣ поможетъ деньжонками; а онъ сказалъ, что нельзя и что-де теперь и сыну его не слѣдъ жениться на нашей дочери. Такъ ли, Артамонъ Петровичъ?

— Дѣло житейское, Иванъ Терентьичъ, молвилъ старикъ Колозовъ.

Малаша покраснѣла.

— Теперь, жена, ты знаешь, что изъ нашей семьи никто не виноватъ, сказалъ мельникъ: не мы взяли назадъ слово; — стало, дочки нашей корить никто не посмѣетъ.

— Кто же посмѣетъ корить ее? отозвался Яшка: и за что корить-то? А вотъ послушай, Терентьичъ, Ваня любезный! Есть люди, что горюютъ о твоей бѣдѣ. Мой Андрюха какъ узналъ отъ ямщиковъ о твоемъ пожарѣ, прибѣжалъ ко мнѣ и говоритъ: »Батюшка! моя очередная, самому нельзя мнѣ идти на мельницу. Иди, голубчикъ, тятенька, къ дядѣ Терентьичу и скажи, что, молъ, Андрюха Голышъ, коли потребуется, будетъ служить (тоись у тебя Ваня) въ работникахъ и безъ жалованья, за то, молъ, что ты присмотрѣлъ его. А это, говоритъ, я взялъ у хозяина жалованье, почитай, за годъ, отдай, молъ, Терентьичу, можетъ, ему нужно бѣднягѣ, а спроможется, молъ, отдастъ; мнѣ же, говоритъ, деньги теперь не надобны. Вотъ я съ однимъ добрымъ человѣкомъ и доѣхалъ до лѣсу, — а это и денежки.

И Яша выложилъ двѣнадцать цѣлковыхъ.

Мельникъ поставилъ чашку на столъ, а на глазахъ его на-

вернулись слезы. Малаша посмотрѣла на мать, а та закрыла лицо руками.

— Ну, Яша, молодецъ у тебя сынъ, ей Богу молодецъ! сказалъ Терентьичъ. Я беру деньги и спрячу, а какъ придетъ онъ ко мнѣ, — отдамъ бѣднягѣ въ цѣлости. Не надо мнѣ денегъ, братцы: меня еще Богъ помиловалъ. Ну, слушайте-жъ теперь и не пророните слова, а больше слушай ты, Дороѳей Артамонычъ — ты молодъ, будутъ дѣти — стало, моя наука можетъ пригодиться. Росли мы вмѣстѣ съ Яшей, онъ былъ богатаго отца сынъ, я бѣднякъ — онъ про это знаетъ. Былъ я работникомъ у отца Матвѣевны здѣсь на мельницѣ, и Богъ помогъ мнѣ жениться на хозяйской дочкѣ и получить за нею все имѣніе по смерти старика. Я и не гордился и помогалъ бѣднымъ, а все знаете, подумывалъ уже, что я человѣкъ не простой. Когда съ Яшинымъ Андрюхой случилось несчастье, я принялъ малаго какъ сына, да мнѣ и не вдомекъ, что у меня дочка молодая. Они и полюбились. Не стыдись, Малаша: Артамонъ Петровичъ и Дороѳей Артамонычъ извѣстны объ этомъ.

Оба Колозовы махнули головами.

— Жаль мнѣ было, говорилъ мельникъ: разлучать парня съ дѣвкой, да Артамонъ Петровичъ уговорилъ, а надо правду сказать, я и самъ подумалъ, что пригожѣе породниться съ богатымъ купцомъ, чѣмъ, — прости, Яша! съ сыномъ...

— Бродяги! договорилъ Яша, подмигиваючи однимъ своимъ глазомъ.

— Ну, да, сказалъ Терентьичъ. Дороѳей Артамонычъ мнѣ сказалъ, что любитъ Малашу пуще жизни: ну, думаю, будетъ она съ нимъ счастлива. И взялъ я грѣхъ на душу: почитай, что выгналъ Андрюшу, не далъ сердечному даже попрощаться съ Малашей. Вотъ Богъ и наказалъ меня, какъ бы наставляя тѣмъ на путь истины. И вотъ теперь какое выходитъ дѣло: Дороѳей Артамонычъ, узнамши, что у меня деньги сгорѣли, имѣнія тоже не уцѣлѣло и половины, — разлюбилъ Малашу и, почитай, сегодня ѣдетъ свататься въ другое мѣсто; а Андрюша забылъ обиду и идетъ ко мнѣ служить въ работники безъ жалованья, да еще присылаетъ, голубчикъ, кровныхъ трудовыхъ двѣнадцать цѣлковыхъ. Ну, разсужденіе такое, что Андрюша точно любитъ Малашу, а не ея приданое. Теперь Яша, уже я стану самъ сватать твоего сына за свою дочку: они вѣдь теперь ровня.

— Я согласенъ, сказалъ Яша и выпрямился.

— А ты, Малаша?

Малаша вся поалѣла.

— Ну, а ты, Матвѣевна?

— Я съ дорогою душою; я и тогда была не прочь.

Артамонъ привсталъ и мигнулъ на сына, что пора-де убираться.

— Желаю вамъ счастья и всякаго благополучія, сказалъ онъ: просимъ не поминать лихомъ.

— Еще по чашечкѣ! молвилъ имъ Терентьичъ.

— Нѣтъ, благодаримъ покорно, оченно довольны.

— Вы вѣдь грамотны, Артамонъ Петровичъ? спросилъ мельникъ.

— Маракуемъ маленько.

— Пожалуйста, прочтите намъ эти бумажки.

И мельникъ, разстегнувши кафтанъ, снялъ съ шеи кожаный бумажникъ, вынулъ оттуда четыре одинаковыхъ бумажки и разложилъ ихъ передъ Колозовымъ.

— Господи милосердый! Это билеты изъ Приказа на четыре тысячи цѣлковыхъ, Иванъ Терентьичъ!

— А ты, небось, думалъ, я простофиля этакая, стану держать деньги при себѣ безъ пользы! А для чего же учредилъ государь батюшка Приказы по губерніямъ, какъ не для того, чтобъ въ нихъ сохранялись деньги! Вѣдь кажинный годъ на тысячу наростаетъ сорокъ цѣлковыхъ.

— Такъ ты обманулъ насъ, Терентьичъ! сказалъ старикъ Колозовъ: это не честно.

— А развѣ честно — женить сына на деньгахъ и безчестить дѣвушку, отказываючись отъ нея въ ту пору, когда отцу ея бѣда приключилась? Ась?

Яша подпрыгнулъ.

— Хватъ, Ванюха, ей Богу!

— Да вы шутите-съ! говорилъ, ухмыляючись, Дороѳей и подошелъ къ Терентьичу: тоись, мы теперича съ нашимъ удовольствіемъ: вѣдь давеча при всѣхъ я говорилъ, что Маланья Ивановна дѣвушка тово-съ.

— Нѣтъ, братъ, знаемъ мы.

— Право-съ! говорилъ Дороѳей, цѣлуя мельника въ плечо: ужъ вы лучше снова по рукамъ. Батюшка просите же!

— Примѣромъ... началъ, было, Артамонъ.

— А вотъ что, примѣромъ, перебилъ его мельникъ: васъ ждетъ Савва Саввичъ, а мы тоже дочку просватали.

Дѣлать нечего, Колозовы уѣхали.

Боже мой, какая поднялась радость на пожарищѣ! Яшка Одноглазый заплакалъ и сталъ молиться Богу, что сыну его случается такое счастье, и обѣщалъ при всѣхъ: бродить до тѣхъ только поръ со скрыпкой, пока не родится внучекъ, а послѣ уже станетъ сидѣть дома и тѣшить внучка или внучку, что тамъ Богъ пошлетъ. Матвѣевна такъ развеселилась, что хоть въ пляску: она любила Андрюшу, какъ сына, и не посмотрѣла бы на богатство Дороѳея и выдала бы дочку за бѣднаго парня, да спорить нельзя было съ Терентьичемъ. Мельникъ усмѣхался, а о Малашѣ и говорить нечего. Даже котъ Васька вышелъ изъ бани и у всѣхъ терся около ногъ, виляючи хвостомъ и мурлыча, словно и тотъ догадывался, что его хозяюшкѣ выпало счастье на долю.

Яша хотѣлъ тотъ же часъ идти за сыномъ въ Ладуниху, да Терентьичъ уговорилъ, что, дескать, Андрюша въ гону, стало, сегодня врядъ ли и прибудетъ; а совѣтовалъ Яшѣ переночевать и завтра утречкомъ, запрегши телѣгу, съѣздить за сыномъ.

А тутъ прибылъ и мельничный мастеръ сѣдой Потапычъ, старинный пріятель Терентьича, и привезъ весь инструментъ и взялъ еще съ собой подмастерья.

Яша остался съ Матвѣевной и будущей снохой и помогалъ имъ около дому, а мельникъ съ Потапычемъ сперва пошли въ лѣсъ, а послѣ осматривали до поздняго вечера остатки мельницы и выбирали, что было тамъ годнаго.

Ну, на другой день пріѣхалъ Андрюша; изъ Ворошилова сошлись парни и дѣвки, и на этотъ разъ сговоръ походилъ именно на сговоръ, а не на похороны, какъ тогдашній. Женихъ съ невѣстой не могли наговориться, пѣли и плясали дружно; а ужъ какъ игралъ Яшка Одноглазый, то врядъ ли онъ игрывалъ когда нибудь въ жизни съ такимъ усердіемъ.

Съ того же дня Андрюша поселился на мельницѣ, и не было у Терентьича усерднѣе работника. Нужды нѣтъ, что цѣлый вѣкъ зналъ онъ возжи да кнутъ, а какъ пришлось работать съ топоромъ, такъ, почитай, всѣхъ заткнулъ за поясъ.

Когда готова была изба и мельница, а это случилось мѣсяца черезъ два послѣ пожара, Терентьичъ сыгралъ Малашину свадьбу и позвалъ чуть ли не все село Ворошилово. Такого пира не припоминали и старики. Всѣ радовались, глядя на молодую пару, а писарь только облизывался. Играли же пять музыкантовъ, а Яшка и не дотрогивался до скрыпки. Зудили у него иногда руки, если который музыкантъ плохо

наигрывалъ, Яшка вотъ такъ бы и рѣзнулъ, да, знаешь, не пригоже было отцу молодаго играть на свадьбѣ у сына. Ему справили отличную одежду, и онъ сидѣлъ, какъ слѣдъ, между стариками, да разсказывалъ имъ такія побасенки, что старики, знай, катаются со смѣху.

Терентьичъ при всѣхъ разсказывалъ и каялся въ томъ, какъ, было, попуталъ его лукавый польститься на богатство, и какъ Господь Богъ вскорѣ вразумилъ его и наставилъ на путь истинный.

Всѣ хвалили Терентьича, что онъ не забывалъ того, какъ самъ былъ бѣднякомъ, и что дочку выдавалъ за работящаго, честнаго сироту, котораго, вѣрно, Богъ не оставитъ своею милостію, и всѣ надѣялись, что Андрюша будетъ послушнымъ зятемъ, а жену станетъ любить, какъ законъ велитъ.

— Онъ вѣдь не зналъ, что у Малаши осталось какое ни на есть имѣніе, молвилъ одинъ старикъ: онъ даже не зналъ, что женихъ отказался отъ нея; а безплатно шелъ въ работники къ Ивану Терентьичу и прислалъ ему на разживу кровное свое жалованье.

Ну, послѣ свадьбы молодая парочка зажила припѣваючи. Старики не могли натѣшиться дѣтками, а Яшка сдержалъ свое слово: ушелъ, Богъ вѣсть, куда со своей скрыпкой и вернулся уже тогда, какъ у Малаши родился сынишко Ваня. Съ тѣхъ поръ онъ отъ дѣтей ни шагу,—и теперь на мельницѣ видимое Божіе благословеніе. Всѣ живутъ въ мирѣ и согласіи, пріѣзжаго народу тма тмущая, денегъ — хоть лопатой загребай, и, по старому обыкновенію, въ каждый большой праздникъ, Малаша, наложивши полную телѣгу хлѣбовъ и калачей, отправляется въ Ворошилово. Только уже Савраски нѣтъ, и она ѣздитъ на Сѣромъ и ѣздитъ не одна, потому что на колѣнахъ у нея сидитъ въ армячкѣ и ямщицкой шапочкѣ Ваня и почмокиваетъ на лошадь, а когда пріѣдутъ въ село, мальчуганъ своими ручками раздаетъ дѣтямъ гостинцы.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОХОТНИКА.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ОХОТНИКА.

I.

Между Мглиномъ и Рославлемъ, вдоль почтовой дороги, тянутся большіе сплошные лѣса, въ которыхъ, какъ мнѣ сказывали, водится порядочное количество медвѣдей. Проѣзжая въ 1853 году по этой мѣстности и остановясь на нѣкоторое время на одной изъ почтовыхъ станцій, я отыскалъ въ деревнѣ охотника, который согласился сводить меня на мѣста, изобильныя дичью. Проводникъ мой былъ среднихъ лѣтъ крестьянинъ, довольно худощавый, хотя и коренастый; клинообразная бородка его торчала какъ то немного на сторону и придавала лицу комическое выраженіе. Довольно поношенный зипунъ, старая войлочная шапка и не совсѣмъ новые лапти — составляли весь костюмъ его, который, по моему все таки былъ, во всѣхъ отношеніяхъ, исправнѣе ружья, перекинутаго черезъ плечо. Я пишу не повѣсть, а разсказываю истиное происшествіе изъ моихъ охотничьихъ похожденій — слѣдовательно, нечего было бы и вдаваться въ излишнія подробности, но не могу пройдти молчаніемъ оригинальности ружья моего приземистаго чичероне. Это была какая-то странная смѣсь желѣза, дерева и веревочныхъ обрывковъ. Конечно, нельзя было не отличить ствола отъ ложи, но требовалось большаго труда разсмотрѣть замокъ, потому что онъ буквально былъ обвитъ веревками различной толщины и, кажется, не соединялся съ ложей ни однимъ винтикомъ. Стволъ тоже веревочками прикрѣплялся къ ложѣ, которая на концѣ скорѣе походила на лопатку. И между этимъ старымъ желѣзомъ и грубо обтесаннымъ деревомъ, новенькій кремень, тщательно привинченный и обложенный свинцовымъ листикомъ, невольно бросался въ глаза.

Не безъ нѣкоторой гордости снялъ я съ плеча свое ле-

гонькое ружье и, прежде приступленія къ заряду, началъ разспрашивать проводника о сортахъ дичи, водящейся въ окрестности. Въ пантронташѣ моемъ находились разнообразные снаряды — отъ мелкаго бекасинника до пуль, отлитыхъ по калибру.

— Какъ тебя зовутъ, любезный? спросилъ я у проводника, вступая въ лѣсъ, опушка котораго поросла мелкимъ кустарникомъ.

— Павломъ, батюшка.

— Ну, братъ, Павелъ, — что, по твоему, можемъ мы скорѣе встрѣтить?

— А прахъ его вѣдае, баринъ: не то вутку, не то медвѣдя.

Я невольно расхохотался. Мнѣ пришла на мысль поговорка, которою дразнятъ Пинчуковъ (жителей Пинскаго уѣзда), что будто бы одинъ изъ нихъ, на вопросъ: чей слѣдъ виденъ по снѣгу? отвѣчалъ: не то медвѣдь, не то куропатка.

— Такъ чѣмъ заряжать ружье?

— А чѣмъ хочешь.

— Значитъ, одинъ стволъ дробью, другой пулею?

— Какъ знаешь, баринъ?

— Ты же свое чѣмъ зарядилъ?

— Я то?

— Да.

Павелъ почесалъ затылокъ, посмотрѣлъ на меня и улыбнулся.

— Кулькой зарядилъ, отвѣчалъ онъ.

Я, въ свою очередь, посмотрѣлъ на Павла, на его оригинальное ружье.

— Ты хорошій стрѣлокъ? сказалъ я.

— Нешто.

— Жаль только, ружье твое дрянь.

— Мое-то?

— Ну, да.

Павелъ захохоталъ какимъ-то разсыпчатомъ смѣхомъ и проговорилъ.

— На твое, баринъ, не промѣняю.

— Будто бы?

— Стало, не промѣняю.

Изъ любопытства я взялъ разсмотрѣть ружье своего проводника и замѣтилъ, что, въ самомъ дѣлѣ, стволъ былъ очень хорошъ.

— Посмотри теперь мое, сказалъ я, подавая Павлу двустволку.

— Да, что смотрѣть? ружьецо легкое и красивое да намъ несподручно. Изломается что нибудь, — кому починить его, да покупать колпачки, пригонять кульки.

— За то вѣрно.

— Мы и изъ своего не промахнемся.

Считая безполезнымъ заводить споръ о преимуществѣ ударныхъ ружей предъ кремневыми, я замолчалъ. Мы углубились въ чащу и дошли до мѣста, откуда тропинки расходилсь въ разныя стороны.

— Хочешь, баринъ, вутку, — пойдемъ налѣво, тутъ и бекасы бываютъ; хочешь тетерекъ — пойдемъ направо.

— А если прямо?

— А прямо дорога сама по себѣ, може косой попадется, аль и мишутко повстрѣчается.

— Съ мишкой долго возиться, а мнѣ времени осталось немного.

— Какъ знаешь! Пойдемъ и на вутокъ. Мишу тоже вездѣ можно встрѣтить.

— И ты не боишься осѣчки?

— Чего бояться.

— Да вѣдь у тебя ни ножа, ни рогатины.

— Эка штука!

— Ну, молодецъ ты, Павелъ.

— Привыкли, баринъ.

Мы поворотили налѣво. Дойдя до одной сосны, Павелъ остановился.

— Вотъ здѣсь, на прошлой недѣлѣ, со мною былъ случай, сказалъ онъ. Вышелъ я на разсвѣтѣ нарубить валежника. Утро, знаешь, холодное — я и надѣлъ шубу. Дѣло было спѣшное, и я не знаю, какъ позабылъ захватить ружьишко. Рублю дрова и слышу, что вверху что-то трещитъ. Гляжу, на соснѣ сидитъ Мишутка и искоса на меня поглядываетъ. Выходитъ оно глупо, того, что ружьеца не захватилъ, думаю себѣ, а можно бы косолапаго отъучить чужихъ пчелъ драть. Надо тебѣ знать, баринъ, что мишка-то, хоть и дюжъ и какъ разъ задеретъ человѣка, — но, коли виноватъ, то старается уйти, если не слишкомъ ужъ разсердится. Вотъ мнѣ и пришло на мысль сдѣлать одну штуку, о которой слыхать-слыхалъ, а видать самому не приходилось. Я, знаешь, снялъ съ себя шубенку, да подкрался къ дереву и завязалъ ее рукавами вокругъ сосны, отъ земли въ ростъ человѣка. Завязамши, отползъ подальше, взялъ въ руки топоръ на всякій случай,

сталъ за толстымъ деревомъ и ожидаю, что будетъ. Мишка оглядѣлся во всѣ стороны и давай опускаться. Какъ долѣзъ до шубы, вдругъ заревѣлъ и спѣшно потащился снова вверхъ: видишь, онъ подумалъ, что я стою у дерева. Вотъ посидѣлъ, посидѣлъ и снова началъ опускаться. Я, знаешь, вижу все это и усмѣхаюсь. Онъ опять прилѣзъ къ шубѣ, попробовалъ лапой и опять съ ревомъ поползъ къ верху. Ну, думаю себѣ,— теперь ты мой! Вотъ я побѣжалъ въ село, схватилъ ружье, кликнулъ сосѣда и мы, возвратясь, нашли мишутку на самой верхушкѣ. Сидитъ себѣ и пчелъ уже не трогаетъ, только искоса поглядываетъ. Я угораздилъ его въ лобъ и онъ грохнулся на землю. Медвѣдище вышелъ пребольшущій.

Я посмѣялся немного надъ этимъ разсказомъ, нисколько не подозрѣвая въ хвастовствѣ моего проводника, и просилъ его вести меня къ обѣщанному болоту.

— А вотъ оно не далече, отвѣчалъ онъ.

И въ самомъ дѣлѣ, черезъ четверть часа мы вышли на полянку, на которой межъ болотныхъ травъ и небольшаго тростника блестѣла кое-гдѣ вода.

— Теперь не время, сказалъ Павелъ: птица вся въ полѣ, а, можетъ быть, на твое, баринъ, счастье и попадетъ какая нибудь вутица.

— Плохое же утѣшеніе, отвѣчалъ я, однако все-таки началъ подходить осторожно и пристально всматриваться.

Въ это время Павелъ толкнулъ меня. Я оборотился.

— Пора! шепнулъ онъ, указывая клинообразной бородкой направленіе, въ которомъ я долженъ былъ искать ожидаемой дичи.

Въ самомъ дѣлѣ, между жиденькимъ тростникомъ мелькнула пара утиныхъ головокъ. Недолго думая, я прицѣлился и спустилъ курокъ: одна утка осталась на мѣстѣ, другая быстро взвилась на воздухъ. Я снова прицѣлился и, долженъ признаться, далъ чистѣйшій промахъ... Позади меня раздался выстрѣлъ, и шагахъ въ двадцати, на сушѣ, упала утка безъ головы: Павелъ пулею перерѣзалъ ей шею.

Послѣ этого приземистая фигура моего спутника выпрямилась, онъ съ нѣкоторою гордостью надвинулъ на правое ухо бѣлую войлочную шапку и, какъ казалось мнѣ, съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на мое красивое ружье.

— Ну, Павелъ, сказалъ я: ты отличный стрѣлокъ, только напрасно смѣешься надъ моимъ ружьемъ. Не оно причиной промаха.

— А кто же!

— Конечно я. Вѣдь ты видѣлъ, что лѣвый стволъ заряженъ пулею, а я не умѣю бить пулями птицъ на лету.

— А нашъ становой умѣе!

— Честь ему и слава.

— Ну, заряжай же, баринъ, снова ружье, а я подберу добычу.

Снявъ верхнюю одежду и приподнявъ нижнюю такъ, чтобы ловчѣе было бродить по болоту, Павелъ отправился за убитой мною уткой, которую досталъ безъ особенныхъ усилій, и, возвратясь ко мнѣ, началъ, какъ говорится, переминаться. Я понялъ въ чемъ дѣло.

— Ты отличный стрѣлокъ, Павелъ, сказалъ я: но у тебя не достаетъ зарядовъ. За то, что пошелъ со мною на охоту— получишь рубль по уговору; за твою же ловкость въ стрѣльбѣ — подарю тебѣ пороху и дроби.

— Ой ли!

— Вотъ тебѣ три патрона сейчасъ, а придемъ на станцію, я отсыплю тебѣ запасу.

— Ну благодарствую! Вотъ молодецъ баринъ! И кулекъ дашь?

— Пожалуй, и кулекъ дамъ.

— Заряжай же ружье: я поведу тебя прямо на мишутку. Вотъ какой здоровенный есть недалече.

— Да какъ же, Павелъ?

— А что, небось, баринъ, струхнулъ маленько?

Признаюсь откровенно, что я не принадлежу къ закоренѣлымъ страстнымъ охотникамъ, которымъ жизнь копѣйка предъ удовольствіемъ схватиться съ медвѣдемъ; при томъ же я очень рѣдко бывалъ на медвѣжьей охотѣ, и то всегда въ большомъ обществѣ. Идти вдвоемъ съ Павломъ на огромнаго медвѣдя, не зная пріемовъ этой охоты, было мнѣ какъ-то неловко. Но стыдъ показаться трусомъ въ глазахъ моего проводника одержалъ верхъ, и я, зарядивъ оба ствола пулями, приготовился къ импровизированной охотѣ. Утки были уложены въ ягташъ, папироса закурена,—и маршъ впередъ. Пройдя съ полчаса лѣсными тропинками, мы очутились въ дремучемъ бору. Мой проводникъ остановился и началъ осматривать мѣстность. Въ это время брызнули крупныя капли дождя, зашумѣлъ лѣсъ и вдали послышались глухіе раскаты грома. Павелъ снялъ шапку и набожно перекрестился.

— Не ладно дѣло, баринъ, сказалъ онъ.

— Какъ?

— Да гроза начинается.

— Что же?

— Воля твоя, стрѣлять не стану.

— Гдѣ же медвѣдь?

— Близко.

Гроза приближалась. Порывистый вѣтеръ набѣгалъ шкваломъ и огромныя сосны скрипѣли со всѣхъ сторонъ. Молнія начала сверкать, и ливень шумѣлъ недалеко. Павелъ толкнулъ меня. Въ двадцати не болѣе шагахъ огромный медвѣдь, съежившись, пробирался подъ деревьями. Я машинально прицѣлился, но спутникъ удержалъ меня за руку.

— Не моги стрѣлять, баринъ, сказалъ онъ.

— Почему же?

— Видишь, что Господь гнѣвается. Мишка звѣрь большой и сильный, а, смотри, какъ съежился, словно заяцъ.

— Теперь-то и стрѣлять.

— Нѣтъ, какъ хочешь, я тебѣ не товарищъ.

Въ самомъ дѣлѣ, медвѣдь замѣтилъ насъ и не только не оказывалъ враждебныхъ намѣреній, а, напротивъ, уходилъ въ чащу.

Саженяхъ въ пятнадцати молнія зажгла сосну. Насъ оглушило. Когда же мы опомнились, медвѣдь скрылся, а мы съ Павломъ возвратились домой, измокшіе до послѣдней нитки. Мнѣ было немного досадно, что импровизированная охота кончилась такимъ образомъ, и мнѣ не удалось выстрѣлить по медвѣдю. Но сдѣланнаго не воротишь. Вручивъ Павлу обѣщанное, я съ нимъ распрощался и началъ приготовляться въ дорогу. Охотникъ былъ въ восторгѣ и, пожелавъ мнѣ счастливаго пути, вышелъ изъ станціонной комнаты. Черезъ минуту онъ, однако же, возвратился.

— Что скажешь? спросилъ я.

— А я теперь знаю, баринъ, отчего не удалась намъ охота.

— А отчего?

— Теперь только вспомнилъ... Когда мы выходили изъ деревни,—косая Агафья перешла намъ дорогу съ пустыми ведрами.

1855.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ОХОТНИКА.

II.

Проведя большую часть жизни въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дозволено жить евреямъ, я какъ-то невольно и безсознательно изучилъ это племя и смотрю на него съ другой точки зрѣнія, нежели люди, первый разъ или очень рѣдко встрѣчающіеся съ потомками Израиля. Извѣстно, что племя это надѣлено чрезвычайно быстрыми способностями и что у него въ особенности развито качество корыстолюбія, а потому, встрѣчая евреевъ, каждый полагаетъ, что карману его угрожаетъ опасность. Оно отчасти и справедливо, потому что жидъ, предлагая вамъ товары или услуги, непремѣнно имѣетъ въ виду пользоваться отъ васъ чѣмъ нибудь; но стоитъ только принять мѣры предосторожности, т. е. торговаться до нельзя, и вы не будете обмануты. Я нисколько не боюсь имѣть дѣла съ евреемъ и нахожу, что племя это даже необходимо для пріѣзжаго въ городахъ Бѣлорусскихъ, Малороссійскихъ и западныхъ губерній. Тамъ для пріѣзжаго еврей-факторъ необходимость: съ помощью его вы достанете все, что вамъ угодно, безъ этой же помощи будете нуждаться рѣшительно во всемъ. Притомъ еврей-факторъ стоитъ такъ недорого, что самому разсчетливому человѣку ничуть не накладно держать его даже посуточно. Въ городахъ западныхъ губерній пріѣзжіе преимущественно останавливаются въ еврейскихъ заѣздныхъ домахъ, прислуга которыхъ содержится на весьма оригинальномъ положеніи. Хозяинъ заѣзднаго дома, въ особенности хорошаго, имѣющаго достаточно особыхъ комнатъ, пользуется услугами двухъ, трехъ человѣкъ, не только не платя имъ ничего, а еще съ каждаго получая по нѣскольку рублей серебромъ въ мѣсяцъ. Оригинальные служители эти — фактора: они исправляютъ въ домѣ всевозможныя обязанности, живутъ, за не-

именіемъ свободнаго для нихъ мѣста, подъ воротами, зазываютъ проѣзжающихъ и служатъ послѣднимъ изо всѣхъ силъ, стараясь съ каждаго извлечь какъ можно болѣе выгоды. Хозяинъ получаетъ деньги за квартиру, за сѣно и овесъ, остальное до него не касается. Покупка для постояльца чего бы то ни было доставляетъ фактору двойной доходъ: во первыхъ, онъ заработаетъ съ пославшаго, во вторыхъ, продавецъ, у котораго онъ купитъ, непремѣнно обязанъ дать ему какое нибудь вознагражденіе. Во время странствій моихъ по краю, я имѣлъ всевозможныя сношенія съ евреями и видѣлъ въ этомъ племени отличныхъ мастеровъ во всѣхъ ремеслахъ, видѣлъ прекрасныхъ музыкантовъ, которые, не зная ни одной ноты, играли по слуху весьма трудныя піесы. Случалось мнѣ даже встрѣчать евреевъ-земледѣльцевъ, хотя, конечно, очень плохихъ, но все-таки обрабатывающихъ поля; только не удавалось видѣть изъ нихъ охотниковъ. Вотъ однажды... Здѣсь я попрошу у читателей позволенія сдѣлать маленькое отступленіе и стану продолжать разсказъ. Такъ какъ я уже упомянулъ о евреяхъ-земледѣльцахъ, то и не могу не сказать нѣсколько словъ о жидовской колоніи. Поселена она въ Екатеринославской губерніи. Домики выстроены хорошенькіе, но евреи не могли не развесть въ своемъ селеніи необходимой своей принадлежности — нечистоты; у каждаго почти дома вы увидите лавочку. Проѣзжихъ очень мало, сосѣдей кругомъ нѣтъ на близкомъ разстояніи: спрашивается, для кого же всѣ почти обитатели открыли торговлю? Вопроса этого рѣшить нельзя. Тѣмъ не менѣе, черезъ домъ, въ лавченкѣ сидитъ старый еврей или еврейка и ожидаетъ покупателей. Положимъ, одинъ или два обывателя продаютъ вещи, необходимыя каждому, но десятки другихъ имѣютъ въ лавкѣ лоскутки, куски мѣлу, старые гвозди, оборванный хомутъ или что нибудь въ родѣ этого. Нѣтъ сомнѣнія, что они занимаются взаимнымъ надуваніемъ. Какъ-то весною случилось мнѣ проѣзжать въ тѣхъ мѣстахъ и довольно далеко за колоніей я встрѣтилъ евреевъ, выѣхавшихъ пахать землю. Старый жидъ сидѣлъ на боченкѣ и, покачиваясь, читалъ, нараспѣвъ, книгу. Мальчишка въ оборванномъ отцовскомъ кафтанѣ, волочившемся по землѣ, сбивалъ кнутикомъ головки молодыхъ будяковъ, которыми усѣяно было поле. Волы дремали. Я остановился. Старикъ поднялъ на меня глаза, заложилъ пальцемъ мѣсто, гдѣ прервалъ чтеніе, и почтительно снялъ шапку.

— Здравствуй, старикъ!

— Здравствуйте, добродію.

— Что это, вы пашете, любезный?

— Какъ зе, панъ, мы земледѣльцы.

— Однако, мало вы сегодня вспахали: вотъ уже десять часовъ, а у васъ только проведено двѣ борозды.

— Сто-зъ дѣлать, панъ, плугъ изломался.

— Ну?

— Я послалъ Абрама въ село нанять музика починить.

— Развѣ сами вы не умѣете?

— А не умѣемъ.

— А село близко?

— Верстовъ восемь.

— Ну, молодцы же вы! сказалъ я, улыбаясь, и подумалъ, что много еще будетъ предстоять евреямъ труда привыкнуть къ обращенію съ земледѣльческими орудіями.

Но возвратимся къ настоящему разсказу. Однажды, въ первыхъ числахъ іюля пріѣхалъ я въ ***. Погода стояла прекрасная и я съ удовольствіемъ осматривалъ превосходныя окрестности этого города, лежащаго надъ рѣкою Тетеревомъ. Виды по берегамъ этой рѣки необыкновенно живописны, и есть мѣста, напоминающія Финляндію своими голыми скалами, выдающимися изъ густой зелени лѣсовъ. Занятіе мое требовало прогулокъ по окрестностямъ и потому я бралъ съ собою ружье съ цѣлью поохотиться. Собаки со мной не было. Не разъ случалось мнѣ убивать что нибудь на охотѣ и послѣ не находить своей добычи, вслѣдствіе чего я и рѣшился прибѣгнуть къ помощи своего фактора, хромоногаго Лейбы.

— Не можешь ли ты, сказалъ я ему однажды, отыскать какого нибудь охотника, который согласился бы ходить со мною.

— Мозно, панъ.

— И хорошій стрѣлокъ?

Лейба пощелкалъ языкомъ.

— Не то сто птицу, муху подстрѣлитъ, такой бравый.

— Кто же онъ?

— Изъ насихъ.

— Какъ? изъ евреевъ?

— Да, съ нѣкоторою гордостью проговорилъ Лейба.

Меня это заняло до крайности. Я не могъ даже представить себѣ еврея съ ружьемъ, да еще съ заряженнымъ.

— Ну, веди поскорѣе своего стрѣлка, только поторгуйся, чтобы онъ не взялъ слишкомъ дорого.

— Помилуйте, я за него отвѣцаю.

Не полагаясь, однако же, безусловно на честность моего фактора, я подтвердилъ ему еще разъ хорошенько поторговаться и съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія любопытнаго охотника. Черезъ полчаса Лейба пришелъ въ сопровожденіи низенькаго жидка, державшаго почти дѣтское ружьецо въ рукахъ. При самомъ незначительномъ ростѣ еврей этотъ имѣлъ довольно окладистую бороду огненнаго цвѣта, а глаза его свѣтились, словно угли, и каждую секунду бѣгали по всѣмъ направленіямъ. Онъ былъ въ какомъ-то свѣтло-коричневомъ пальто и чрезвычайно узкихъ штанахъ, не имѣя никакой еврейской принадлежности, однако, каждая черта моего охотника изобличала его происхожденіе.

— Цесть имѣю рекомендоваться васему превосходительству — Мозесъ Фефенталь.

— Очень радъ познакомиться, только, любезный другъ, я далеко не генералъ.

— Извините, васе сіятельство.

— Я и не сіятельство.

— Ницего, наси паны любятъ, когда ихъ такъ велицаютъ.

— А я терпѣть не могу, и потому зови меня просто по имени и по отечеству.

При этомъ я сказалъ свое имя.

— Но главное не въ титулахъ, продолжалъ я: мнѣ хотѣлось бы обойти мѣста, гдѣ можно встрѣтить побольше дичи.

— Извольте, васе сіят... васе высокоблагородіе, мозно.

— Говори же откровенно, что возьмешь съ меня за цѣлый день.

— Дорого не возьму.

— Однако, лучше назначь цѣну.

— Одинъ рубль серебра, безъ лисняго.

Послѣ небольшой переторжки, Мозесъ согласился на полтинникъ, обмѣнявшись взоромъ съ Лейбой, который вышелъ въ сѣни. Поставивъ ружье въ углу, Мозесъ началъ мнѣ предлагать услуги другаго рода весьма таинственнымъ голосомъ и оглядываясь. Не успѣлъ я ему отвѣтить, какъ внимательное ухо Лейбы подслушало рѣчи предателя, и хромая фигура моего фактора очутилась среди комнаты. Здѣсь между двумя евреями произошелъ довольно жаркій споръ, который окончился бы весьма немиролюбиво безъ моего вмѣшательства; но мнѣ удалось утишить домашнюю бурю.

Собравшись, какъ слѣдовало, для охоты, я вышелъ въ сопровожденіи Мозеса, который въ передней захватилъ какой-то узелъ.

— Что это у тебя, Мозесъ?

— Ницего, это такъ, разный запасъ.

Спустившись подъ гору, мы поворотили влѣво и пошли по живописному берегу Тетерева. Былъ часъ десятый утра. Мы походили довольно долго, пока удалось мнѣ убить дикаго голубя и пару утокъ. Послѣ такого подвига я расположился подъ нависнувшимъ камнемъ немного отдохнуть и позавтракать. Въ торбѣ у меня было кое-что съѣдомое, и я хотѣлъ подѣлиться съ моимъ провожатымъ, но Мозеса не было. На зовъ мой онъ откликнулся гдѣ-то за кустами, но вскорѣ появился съ улыбающейся физіономіей.

— Не хочешь ли позавтракать?

— Не хоцу, я узе пообѣдалъ, — а развѣ дѣткамъ понесу.

Я далъ ему двѣ ватрушки и кусокъ сыру.

— Вамъ скуцно? спросилъ онъ.

— Такъ себѣ.

— Угодно, я развеселю?

— Это какимъ образомъ?

— Приказите, я показу разныя стуки.

— Какія штуки?

— А вотъ увидите. Я зе дорого не возьму: по гривеннику отъ стуки.

Я не понималъ въ чемъ дѣло.

— Ну, показывай!

Разостлавъ передо мной коверчикъ, Мозесъ скрылся на нѣкоторое время и потомъ появился въ костюмѣ балаганнаго паяца. Въ одну секунду онъ сталъ на голову и ногами началъ выписывать въ воздухѣ различные арабески. За тѣмъ слѣдовало кувырканье, хожденіе на рукахъ и т. п. Не успѣлъ я опомниться отъ изумленія, какъ Мозесъ стоялъ уже на ногахъ и, снявъ колпакъ, протянулъ его ко мнѣ съ видимымъ самодовольствіемъ. Хотя это импровизированное представленіе нисколько меня не развеселило, однако я заплатилъ по условію и началъ разспрашивать Мозеса — гдѣ онъ набрался такой премудрости. Оказалось, что онъ служилъ въ труппѣ странствующихъ вольтижеровъ сначала въ качествѣ музыканта, а впослѣдствіи въ должности паяца, изъ чего я заключилъ, — что тамъ же онъ пріобрѣлъ и смѣлость къ обращенію съ

ружьемъ. Бродячіе комедіянты пріучаютъ къ стрѣльбѣ изъ пистолета не только лошадей и собакъ, но даже зайцевъ, слѣдовательно, почему же и Мозесу не научиться владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ. Когда мой проводникъ переодѣлся, и мы углубились дальше въ лѣсъ, мнѣ захотѣлось испытать его способности въ стрѣльбѣ.

— Заряжено у тебя ружье, Мозесъ? спросилъ я.

— Нѣтъ.

— Такъ заряди.

— Нѣту, признаться, запасу.

Я далъ ему зарядъ и, судя по пріемамъ его, сначала уже возъимѣлъ весьма дурное мнѣніе о моемъ охотникѣ, потому что онъ не прибилъ заряда. Шагахъ въ двадцати на деревѣ сидѣла сорока и отчаянно стрекотала, вѣроятно, давая знать какой нибудь другой птицѣ о приближеніи охотника. Желая наказать болтунью и вмѣстѣ испытать своего егеря, я приказалъ ему выстрѣлить по сорокѣ. Мозесъ повиновался. Я рѣшился наблюдать за малѣйшими его движеніями. Приподнявъ ружье, какъ слѣдуетъ, Мозесъ направилъ его на дерево, но вмѣсто того, чтобъ цѣлиться, — отвернулся, зажмурилъ глаза и выстрѣлилъ на удачу. Дымящееся ружье дрожало у него въ рукахъ, и самъ онъ поблѣднѣлъ не на шутку.

— Долзно быть промахъ, проговорилъ онъ, едва переводя дыханіе.

— Да ты и стрѣлять не умѣешь.

— Помилуйте! я всегда бываю съ панами на охотѣ.

— Тебя, вѣроятно, берутъ какъ шута, а не какъ охотника; ты даже боишься выстрѣла.

— Кто? я? ни за сто!

Мнѣ вздумалось сыграть съ нимъ шутку.

— Попади въ цѣль — получишь рубль серебромъ.

У жида засверкали глаза.

— А недалеко будетъ цѣль? спросилъ онъ.

— Не дальше сороки, по которой ты промахнулся.

— А нельзя близе?

— Пожалуй, можно и ближе.

— Извольте.

Повѣсивъ на сучкѣ дерева свою фуражку и самъ зарядивъ ружье, я велѣлъ еврею выстрѣлить. Велико было у него желаніе получить цѣлковый, онъ даже прицѣлился, но въ моментъ выстрѣла отвернулся, зажмуря оба глаза. Разумѣется, фуражка моя осталась невредима. Когда же я нарочно вы-

стрѣлилъ неожиданно на воздухъ, Мозесъ мой бросилъ ружье и, заткнувши уши, упалъ на землю, испуская крики: вай! вай! Тогда я убѣдился, что сопровожденье на охоту было у Мозеса простой ловушкой. Онъ, конечно, былъ храбрѣе своихъ единоплеменниковъ, не боялся носить ружье, съ горемъ пополамъ могъ даже выстрѣлить, но ни за что не смѣлъ сдѣлать этого съ открытыми глазами. Такимъ образомъ, встрѣтивъ одинъ разъ въ жизни еврея-охотника, я лишь нѣсколько часовъ оставался въ этомъ убѣжденіи, найдя въ сущности только ловкаго плута, который, впрочемъ, былъ мнѣ полезенъ какъ проводникъ, потому что отлично зналъ окрестности.

Черезъ нѣсколько дней познакомясь съ двумя помѣщиками, я узналъ, что дѣйствительно Мозеса брали съ собой на охоту въ качествѣ шута, и что за нѣсколько мелкихъ монетъ онъ рѣшался на ужасныя для еврея испытанія. Эти же помѣщики сообщили мнѣ уморительный случай объ одномъ жидѣ, жившемъ недалеко. Двѣ маленькія деревушки раздѣляются большимъ сосновымъ лѣсомъ, въ которомъ водятся медвѣди. Берко и Аронъ, два пріятеля, жили въ этихъ деревушкахъ и занимались однимъ и тѣмъ же промысломъ — приготовленіемъ нюхательнаго табаку. Торговали они отлично, каждый имѣя своихъ кліентовъ. Табакъ приготовлялся просто въ горшкахъ: его растирали обыкновеннымъ деревяннымъ пестомъ (по мѣстному мняло или макогонъ). Горшки были у каждаго изъ пріятелей, — но пестъ, по какому-то случаю, — одинъ общій. Если намоловъ потребное количество табаку, Аронъ отправлялся продавать товаръ, — то Берко шелъ къ нему въ домъ за пестомъ и въ это время занимался отправленіемъ своего ремесла; если же Берку встрѣчалась надобность въ необходимомъ орудіи — онъ приходилъ къ товарищу. Однажды, запасшись пестомъ, Аронъ возвращался домой, черезъ лѣсъ, разсчитывая, вѣроятно, барыши отъ будущей работы. Вдругъ недалеко раздался ревъ. Аронъ вздрогнулъ и увидѣлъ большаго медвѣдя, который на заднихъ лапахъ шелъ прямо на него шагахъ въ пятнадцати. Еврей обомлѣлъ и машинально уставилъ пестъ по направленію къ приближавшемуся звѣрю. Раздался выстрѣлъ — Аронъ упалъ и не скоро рѣшился открыть глаза. Медвѣдь лежалъ убитый и возлѣ него суетился человѣкъ. Въ полной увѣренности, что убилъ медвѣдя, еврей съ ужасомъ бросилъ пестъ въ сторону и проговорилъ охотнику:

— Якій зе Берко дурный: три года мололъ табакъ и не зналъ, сто макогонъ зарязеный!

Нѣсколько разъ случалось мнѣ еще охотиться въ окрестностяхъ *** и брать съ собою Мозеса, но только уже просто въ качествѣ проводника, и онъ сопровождалъ меня не только безъ балаганныхъ принадлежностей, но и безъ ружья, вмѣсто котораго носилъ за мною сумку съ разными съѣстными припасами.

1855.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ОХОТНИКА.

III.

Не смотря на свою древность, охота не получаетъ какъ-то значительнаго развитія, потому ли, что нашъ вѣкъ стремится къ болѣе серьезнымъ требованіямъ, потому ли, что это препровожденіе времени остановилось на той точкѣ, далѣе которой уже нѣтъ хода впередъ. Усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія не подвинуло далеко охоты; еще изобрѣтеніе двухствольныхъ ружей послужило ей въ пользу; но введеніе ударныхъ замковъ, кажется, кромѣ удобства для охотника, не измѣнило въ существѣ ни пріемовъ, ни самаго процесса охоты. А посмотришь, въ наше время, время изумительныхъ открытій, все стремится впередъ, все совершенствуется: хлѣбопашество улучшается, пары замѣняютъ человѣка и переносятъ его самого почти съ быстротою вѣтра съ мѣста на мѣсто, электро-магнитизмъ передаетъ извѣстія почти съ быстротою молніи... все шибко спѣшитъ къ преуспѣянію, одна охота довольствуется почтенными преданіями. И, именно, только старые охотники могутъ смѣло хвалить доброе старое время въ укоръ настоящему, и молодое поколѣніе не имѣетъ права опровергнуть этихъ похвалъ, потому что оно ничего не сдѣлало на поприщѣ ловитвы, ничего не улучшило, а довольствуется тѣми же условіями, какими довольствовались его дѣды и прадѣды. Теперь даже гораздо меньше тѣхъ страстныхъ записныхъ охотниковъ, которые за хорошую борзую готовы были промѣнять жену, а за доброе ружье, не заикнувшись, отдали бы полъ состоянія; да врядъ ли и то, развѣ въ захолустьи, найдется господинъ, который считаетъ охоту первой заботой въ жизни, а на все остальное смотритъ какъ на дѣло второстепенное. По моему, слишкомъ будетъ невеликодушно порицать добрыхъ старыхъ охотниковъ, считав-

шихъ охоту важнѣйшею цѣлью существованія; въ ихъ время понятіе это не было ни дико, ни неразумно, но нельзя же отдать чести и нашему поколѣнію, которое — хотя и предается ловитвѣ, часто даже съ жаромъ, однако смотритъ на нее не болѣе какъ на препровожденіе времени. Не говорю о людяхъ необразованныхъ, объ охотникахъ по ремеслу, которыхъ существованіе и бытъ семействъ зависятъ отъ болѣе или менѣе удачной охоты, а имѣю въ виду классы помѣщиковъ, на обязанности которыхъ лежитъ такъ много условій, кромѣ отъѣзжаго поля.

Я люблю и понимаю охоту, но люблю и понимаю по своему: съ удовольствіемъ поѣду съ борзыми, помчусь ночью на удалой тройкѣ на волковъ, полѣзу въ болото за бекасами, отправлюсь на медвѣдя и кабана, но ни въ одномъ случаѣ не выйду изъ себя, если собака моя не знаетъ своего дѣла, не изломаю ружья, если оно дастъ промахъ два раза сряду, не наговорю непріятностей сосѣду, если онъ дурно выполнитъ назначенную ему обязанность. Мнѣ кажется, что всѣ вышеприведенныя причины несовременны оттого, что каждый порядочный человѣкъ долженъ помнить и себя и свои отношенія къ окружающимъ, и, признаюсь откровенно, мнѣ дѣлается какъ-то неловко, если судьба сведетъ меня съ кругомъ незнакомыхъ охотниковъ. О, я внимательно тогда изучаю физіономіи всѣхъ господъ, участвующихъ въ охотѣ, и какъ-то, по пріемамъ, мнѣ удается иногда узнавать тѣхъ отчаянныхъ охотниковъ, образцы которыхъ оставило намъ доброе старое время. Я берегусь ихъ, словно огня, и съ первыхъ же поръ стараюсь внушить имъ мысль, что если я ѣду съ ними на охоту, то для собственнаго удовольствія, а никакъ не для того, чтобы позволять говорить себѣ дерзости, нетерпимыя въ гостиной, но принятыя у записныхъ героевъ отъѣзжаго поля. Правда, иногда за этотъ образъ мыслей я много теряю въ ихъ мнѣніи, но легче же мнѣ прослыть Богъ знаетъ кѣмъ, нежели выслушать потокъ фразъ, которыя я не рѣшусь высказать моему слугѣ, или, пожалуй, наскочить еще на большую непріятность. Слѣдствіемъ этой моей, можетъ быть, ложной системы, мнѣ почти всегда достаются самыя худшія мѣста на охотѣ; но такъ какъ не постоянно тактика и стратегія старыхъ охотниковъ бываютъ непогрѣшительны, то и на мою долю приходится иногда стоять на посту, которому послѣ всѣ завидуютъ. Не говорю, чтобы я зналъ въ подробности всѣ тонкости охоты, однако, смѣло могу сказать, что нигдѣ не

испорчу назначеннаго плана, хотя мнѣ и приходилось не разъ выслушивать нѣкоторые упреки отъ иныхъ горячихъ охотниковъ.

Недавно случилось мнѣ остановиться на время въ одномъ уѣздномъ городѣ по дѣлу, требовавшему знакомства почти со всѣми уѣздными властями. Городокъ этотъ, на половину Бѣлорусскій, не представлялъ ничего замѣчательнаго, и какъ онъ былъ мнѣ довольно извѣстенъ, то я и не терялъ времени на осмотръ достопримѣчательностей, которыхъ не оказалось бы и при самомъ тщательномъ розыскиваніи. Есть у насъ много городковъ, гдѣ любознательность не въ состояніи отыскать никакой данной, и откуда мыслящій человѣкъ спѣшитъ убираться поскорѣе. Я не могъ выѣхать, не окончивъ дѣла, и обязанъ былъ приступить къ посѣщенію нѣсколькихъ должностныхъ лицъ. Хотя, конечно, въ подобныхъ городкахъ нѣтъ и въ поминѣ извощиковъ, однако, принявъ во вниманіе незначительность разстояній и легкость, съ которою узнаются адресы искомыхъ чиновниковъ, пріѣзжему нечего горевать о необходимости дѣлать визиты пѣшкомъ. Я разумѣю то время, когда жидкая грязь не заливаетъ улицъ, на которыхъ не только нѣтъ мостовой, но зачастую и тротуаровъ, т. е. такой же земляной дороги какъ и улица, только огражденной перилами отъ нашествія колесъ и упряжныхъ животныхъ. Необходимѣе всего было мнѣ видѣться съ исправникомъ. Узнавъ адресъ этого чиновника, я чрезъ нѣсколько сажень отъ почтовой станціи вышелъ на торговую площадь, гдѣ стоялъ нелѣпѣйшій домъ съ острой деревянной крышей и съ необыкновенно высокимъ деревяннымъ шестомъ, на которомъ привѣшена была клѣтка перепела. Это, по указанію, и была квартира исправника. Случилось это въ праздникъ и очень рано, часу въ 8-мъ утра. Возлѣ исправницкой квартиры стояло нѣсколько санокъ и человѣкъ пять съ ружьями, а возлѣ воротъ лежали разными группами гончія собаки. Значитъ, я попалъ на охоту и рискую не кончить своего дѣла, подумалъ я, и поспѣшилъ представиться блюстителю уѣзда. Вхожу въ переднюю. За табачнымъ дымомъ едва можно было разглядѣть толпу лакейства, которое, въ свою очередь, наполняло тѣсную комнату дымомъ изъ своихъ трубокъ и одной сигары, похищенной какимъ нибудь аристократомъ-лакеемъ у своего барина уѣзднаго аристократа. Въ далекихъ мѣстахъ провинціи нѣтъ церемоній доклада, и я, снявъ шинель и калоши, долженъ былъ отыскивать хозяина. Въ довольно большой комнатѣ, за круглымъ столомъ, уставленнымъ сытнымъ завтра-

комъ, толпились охотники въ разнообразныхъ костюмахъ и говорили въ одно время, такъ что невозможно было разслушать ни слова. Раза два долженъ былъ я повторить свой вопросъ о хозяинѣ дома, и, наконецъ, ко мнѣ подошелъ худощавый господинъ среднихъ лѣтъ, вершковъ двѣнадцати росту, съ выгнутыми въ середину ногами. На немъ была бекеша, плотно застегнутая на всѣ пуговицы. Въ одной рукѣ держалъ онъ налитую рюмку, въ другой кусокъ хлѣба съ семгой.

— Что угодно и съ кѣмъ имѣю честь говорить? спросилъ онъ.

— Такой-то. Пріѣхалъ по дѣлу въ здѣшній уѣздъ.

— Очень радъ познакомиться. Позвольте спросить: есть ли у васъ ружье?

— Есть.

— И прекрасно. Не угодно ли съ нами на охоту?

— Съ удовольствіемъ. Но мое дѣло...

— И, батюшка, дѣла не зайцы, — не разбѣгутся, притомъ же сегодня праздникъ.

— Я на короткѣ.

— Ну, ужъ это извините. Гдѣ вы остановились?

— На почтовой станціи.

— Гей, человѣкъ! сходить на станцію и принесть ружье вотъ этого барина, сказалъ исправникъ, указывая на меня вошедшему слугѣ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте ужъ мнѣ самому пойдти, сказалъ я, потому что надо же мнѣ переодѣться.

— Резонъ, подхватилъ одинъ рыжій господинъ: нельзя же ѣхать на охоту въ этомъ, извините, кургузомъ фракѣ.

Всѣ чистосердечно расхохотались, а рыжій господинъ подалъ мнѣ руку и прибавилъ:

— Очень пріятно познакомиться, помѣщикъ здѣшняго уѣзда N. N.

— Ну, милостивый государь, если угодно ѣхать на охоту, то поспѣшите переодѣться, мы обождемъ васъ съ завтракомъ, сказалъ исправникъ.

Разсудивъ, что дѣлать нечего, что надо исполнить желаніе исправника, съ которымъ ѣхали на охоту и другія, нужныя мнѣ, должностныя лица, я поспѣшилъ на станцію; надѣлъ дубленку, подпоясалъ патронташъ и, взявъ ружье, пошелъ въ общество охотниковъ. Радушный хозяинъ не хотѣлъ отпустить меня безъ завтрака и, удовлетворяя наскоро аппетитъ, я старался разглядѣть своихъ будущихъ товарищей. Чиновниковъ

оказалось немного, а гораздо больше было помѣщиковъ, которые и разсказывали мнѣ громко о подвигахъ своихъ собакъ и своихъ собственныхъ удивительныхъ, необыкновенно удачныхъ выстрѣлахъ. Одинъ, впрочемъ, весьма опрятно одѣтый молодой человѣкъ, называя по именамъ разсказчиковъ, доказывалъ имъ, что не всѣ случившіяся съ ними и съ ихъ собаками событія переданы вѣрно дѣйствительности; однако охотники стояли упорно на своемъ, доказывая единодушно, что ученому человѣку трудно судить безошибочно о томъ, чему не учили его въ школѣ. При этомъ со всѣхъ сторонъ слышался смѣхъ. Въ особенности одинъ приземистый господинъ, шепелявившій довольно оригинально, горячо принималъ къ сердцу возраженія молодаго человѣка и увѣрялъ меня, что двѣ его борзыя способны обогнать не только зайца, но даже птицу, и что у него ружье бьетъ безъ промаха, которое, если бы зарядить *комической* пулею, то оно ударило бы, Богъ знаетъ, на какое разстояніе. Сообразивъ, сколько позволяло время, что между импровизированными моими товарищами, немного было горячихъ охотниковъ, я вдругъ увидѣлъ одного, который сказалъ лишь нѣсколько словъ, но съ такимъ азартомъ и съ видомъ такого авторитета, что я тутъ-же рѣшился удаляться отъ этого господина на охотѣ. Я уже оканчивалъ завтракъ, когда онъ подошелъ ко мнѣ.

— Можно посмотрѣть ваше ружье? спросилъ онъ, поклонившись мнѣ слегка.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ я.

Это былъ мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, очень полный, рябоватый и прихрамывавшій на правую ногу. На немъ было пальто темнаго цвѣта и неопредѣленнаго покроя, какіе встрѣчаются на жителяхъ отдаленныхъ отъ столицы губерній. Кожаный кисетъ висѣлъ на поясѣ. Азартный охотникъ внимательно осмотрѣлъ мое ружье.

— И вы надѣетесь, что оно не дастъ промаха? спросилъ онъ значительно.

— Не ручаюсь, отвѣчалъ я.

— Какъ?

— Трудно ручаться: я самъ могу промахнуться, да и мое ружье не изъ знаменитыхъ.

— Нѣтъ чорррть возьми! проговорилъ онъ, возвышая голосъ, если бы мое ррружье пррромахнулось, я рrразбилъ бы его въ дррребезги.

При этомъ азартный господинъ такъ хватилъ кулакомъ

по столу, что пробка съ водочнаго графина слетѣла ко мнѣ на тарелку и обрызгала мою добленку.

— Я ррразбилъ бы его въ дррребезги, повторилъ, горячась, охотникъ и торжественно посмотрѣлъ вокругъ.

Всеобщее одобреніе было ему отвѣтомъ, только молодой человѣкъ, котораго называли ученымъ, улыбнулся насмѣшливо и подошелъ къ исправнику.

— У нашего гостя, сказалъ онъ, нѣтъ экипажа, у васъ всѣ мѣста заняты, я хочу предложить ему ѣхать со мною.

— И прекрасно.

— Да развѣ гость нашъ ученый? отозвался одинъ изъ охотниковъ, у котораго ружье брало бы Богъ знаетъ какъ далеко, если бы зарядить его *комическою* пулею.

— Отчасти ученый, отвѣчалъ я, желая разомъ отдѣлаться отъ всѣхъ будущихъ непріятностей, какія могли мнѣ встрѣтиться на охотѣ.

— Такъ бы и давно сказали, чорррть возьми! проговорилъ азартный охотникъ, махнувъ рукою.

Мы начали собираться. Поѣздъ нашъ, состоявшій изъ осьми санокъ, трехъ верховыхъ, двѣнадцати гончихъ и четырехъ борзыхъ, торжественно отправился за городъ подъ гору къ огромному болоту, поросшему мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ. Утро было прекрасное, морозъ небольшой, дорога чрезвычайно гладкая. Я поразговорился со своимъ собесѣдникомъ и нашелъ въ немъ скромнаго образованнаго молодаго человѣка. Это былъ еще недавній житель того уѣзда, основавшійся въ небольшой деревенькѣ, которая досталась ему по наслѣдству, и оставившій на время службу по ученому вѣдомству для приведенія своихъ дѣлъ въ порядокъ. Молодой человѣкъ любилъ охоту по моему, не предаваясь ей всею душею, и имѣлъ для этого красивые снаряды, что въ свою очередь служило поводомъ къ насмѣшкамъ для прочихъ охотниковъ, которые, почти всѣ безъ исключенія, видѣли во всемъ новомъ неразуміе и хоромъ восхваляли доброе старое время. Настоящихъ стрѣлковъ изо всего общества было только два: самъ исправникъ и еще одинъ молчаливый помѣщикъ; а господа, разсказывавшіе о своихъ подвигахъ, и азартный господинъ частенько давали промахи, и послѣдній только на словахъ разбивалъ ружье въ дребезги послѣ неудачнаго выстрѣла. Я какъ-то предчувствовалъ, однако-жъ, что этотъ азартный охотникъ не обойдется безъ какой нибудь выходки, и заблаговременно намекнулъ объ этомъ своему товарищу.

— Вы правы, отвѣчалъ послѣдній, онъ не можетъ не затѣять какой нибудь исторіи, и до сихъ поръ я былъ цѣлью всѣхъ его продѣлокъ. Да и кромѣ его у насъ нѣкоторые позволяютъ себѣ рѣзкія выраженія.

— Ну, я надѣюсь, что до этого дѣло не дойдетъ, а мы во всякомъ случаѣ будемъ держаться другъ друга.

— Очень вамъ благодаренъ.

Скоро мы пріѣхали на мѣсто. Облава была готова, и одинъ сѣдой мужикъ доложилъ исправнику, что есть и волки, и лисицы. Все общество потирало руки отъ удовольствія, а я съ неудовольствіемъ увидѣлъ, что азартный охотникъ сдѣлался главнымъ распорядителемъ. Рѣшено было поставить тенеты вдоль дороги, а стрѣлкамъ расположиться впереди тенетъ, въ кустахъ, сажень за десять, шагахъ во сто одинъ отъ другаго. У самыхъ тенетъ лежали, какъ водится, люди съ дубинами на случай, если бы звѣрь, прорвавшись сквозь цѣпь стрѣлковъ, вздумалъ пробраться на свободу. Проектъ нашъ съ молодымъ человѣкомъ не удался; насъ разрознили и поставили по флангамъ. Мнѣ пришлось стоять на небольшой тропинкѣ, на которой не въ дальнемъ разстояніи была полянка.

— Вамъ очень выгодное мѣсто, сказалъ мнѣ азартный охотникъ: только не зѣвать, и, Боже сохрани, не стрѣлять прежде времени! Иначе, если испугаете звѣря, то, чорррtъ возьми, отвѣчаете головою!

— Зѣвать я не буду, отвѣчалъ я серьезно, постараюсь не стрѣлять преждевременно, но предваряю васъ, что отвѣчать не намѣренъ не только такъ, какъ вы говорите, но даже не сочту нужнымъ объясняться.

— Какъ, чорррtъ возьми! какъ не отвѣчать?

— Просто никакъ. Я полагаю, если г. исправникъ пригласилъ меня на охоту, то желалъ доставить мнѣ удовольствіе, а не для того, чтобы я заводилъ непріятный разговоръ изъ-за пустяковъ съ господиномъ, котораго первый разъ имѣю честь видѣть.

— Какъ изъ-за пустяковъ? Развѣ у васъ въ Петербургѣ волкъ пустяки, лисица пустяки, испугать звѣря пустяки?

— Повторяю вамъ, что я знаю свое дѣло, и совѣтую идти далѣе и распоряжаться хладнокровнѣе, иначе вы первые нарушите порядокъ.

— Значитъ, вы, сударь, не бывали на охотѣ.

— Позвольте мнѣ рѣшительно и послѣдній разъ спросить у васъ: чего вы отъ меня хотите?

— Какъ, чортъ возьми, чего хочу? хочу, чтобы меня слушались, иначе какая это охота?

Въ это время подошелъ исправникъ.

— Помилуй, Семенъ Семеновичъ, сказалъ онъ, обращаясь къ азартному охотнику: не успѣла еще начаться охота, а ты уже привязываешься къ незнакомому человѣку, который обязалъ насъ своимъ сообществомъ.

— Хорошо обязалъ, въ грошъ меня не ставитъ.

— Нельзя, братецъ, нельзя: мы просто снимемъ съ тебя начальство.

— Посмотрѣлъ бы я, чорртъ возьми!

— Ну, ну, иди дальше.

Азартный господинъ махнулъ рукою, отправился далѣе.

— Извините его, продолжалъ исправникъ: онъ большой хлѣбосолъ и одинъ изъ богатыхъ помѣщиковъ; почти всѣ гончія его, люди въ облавѣ его. Если ему противорѣчить, онъ, пожалуй, готовъ разстроить удовольствіе.

— Мнѣ очень жаль, но, право, странно слушать иныя выраженія.

— И, помилуйте! послѣ охоты онъ готовъ стать на колѣни передъ вами, а во время дѣла, не взыщите, онъ просто ругается. Пожалуйста, не обращайте на него вниманія. Послушали бы вы, какъ онъ честитъ иногда меня или даже самого предводителя: рохля, у него, одно изъ мягкихъ названій... Прошу васъ... прибавилъ исправникъ, протягивая мнѣ руку.

Но люди уже зашли, пустили гончихъ, и на далекое пространство раздавались гамъ, стукъ дубинами о деревья, разнообразные крики и тонкій визгъ и лай собакъ, напавшихъ на горячій звѣриный слѣдъ.

Въ подобной охотѣ есть извѣстныя минуты (когда приближается крикъ облавщиковъ и лай собакъ), въ которыя у самаго равнодушнаго охотника появляется какое-то особенное неизъяснимое чувство, заставляющее васъ позабыть все и устремлять вниманіе на малѣйшій шорохъ впереди. Я часто разсуждалъ объ этомъ и мнѣ хотѣлось анализировать подобное чувство, но каждый разъ на охотѣ я забывалъ свое намѣреніе и съ жадностью прислушивался ко всякому шелесту съ тѣмъ напряженнымъ вниманіемъ, съ какимъ всматриваемся, бывало, въ юности вечеркомъ въ саду, ожидая появленія знакомой фигуры.

Вотъ за полянкой что-то затемнѣло, словно кто наступилъ

на валежникъ. Влѣво, на ближайшемъ притинѣ раздался выстрѣлъ, другой... У меня начало захватывать духъ... оба курка были взведены. Черезъ нѣсколько секундъ изъ-за густаго орѣшника показалась лисья морда и полминуты оставалась въ одномъ положеніи, такъ что стрѣлять было очень трудно, принявъ во вниманіе чрезвычайную густоту кустарника и чрезмѣрную осторожность животнаго. А мнѣ очень хотѣлось не упустить лисицы. Собака приближалась съ громкимъ лаемъ...

Лисица вышла на полянку и остановилась противъ меня бокомъ шагахъ въ пятнадцати. Не успѣлъ я прицѣлиться, какъ сзади меня раздались два выстрѣла, лисица ударилась влѣво, въ чащу, а передо мною очутился азартный охотникъ.

— Какъ, чорррть возьми! крикнулъ онъ, забывая охотничью осторожность, вы смѣете портить охоту и пугаете мнѣ звѣря подъ самымъ носомъ. Вы стоять не умѣете.

Не смотря на все миролюбіе своего характера, я не выдержалъ.

— Подите прочь! отвѣчалъ я ему: если въ двадцати шагахъ вы не умѣли попасть въ лисицу, то вы самый жалкій охотникъ; но если вы рѣшились пользоваться моею добычею, то къ этому названію заслуживаете еще иное.

— Какъ? черррти бы разоррвали мою душу!

— Маршъ назадъ! проговорилъ я довольно серьезно, и не смѣйте показываться мнѣ на глаза. Теперь вамъ есть случай разбить въ дребезги ваше ружье, потому что вы дали самый непростительный промахъ изъ обоихъ стволовъ. Извольте идти прочь!

— Да что вы...

— Не мѣшайте мнѣ.

Азартный охотникъ пробормоталъ что-то, однако же удалился, а я остался на своемъ притинѣ ожидать появленія какого нибудь другаго животнаго. Вскорѣ быстрымъ галопомъ выскочилъ большой волкъ на поляну. Тревожно осмотрѣвшись и, вѣроятно, замѣтивъ меня за деревомъ, волкъ однимъ прыжкомъ очутился въ рѣдкомъ кустарникѣ. Я прицѣлился, спустилъ курокъ ствола, заряженнаго картечью, и животное, подпрыгнувъ, бросилось къ тенетамъ, гдѣ охотники и доконали его.

Азартный господинъ снова не вытерпѣлъ: выскочивъ изъ-за кустовъ, онъ снова подбѣжалъ ко мнѣ съ поднятыми кулаками, но остановился шагахъ въ пяти не ближе.

— Вы рѣшительно портите мнѣ охоту, сказалъ онъ. Какъ смѣли вы стрѣлять въ кусты? Хорошо, что волкъ попалъ въ тенеты, а то вы отвѣчали бы головою, чорррть возьми!

— Оставьте меня и не мѣшайте, отвѣчалъ я ему на этотъ разъ спокойнѣе, бывъ увѣренъ, что азартный господинъ не подойдетъ ко мнѣ ближе.

Я удивлялся только, зачѣмъ онъ такъ взъѣлся на меня, и разсуждалъ: физіономія ли моя не нравится ему до такой степени или ужъ онъ закоснѣлъ въ подобныхъ нелѣпыхъ привычкахъ.

Кто-то кликнулъ его, и онъ, погрозивъ кулакомъ, бросился къ своему притину. На мою полянку волки начали выбѣгать очень часто, но стрѣлять не было никакой возможности, потому что за ними по пятамъ слѣдовали облавщики. Азартный господинъ снова подбѣжалъ ко мнѣ.

— Что же вы не стрѣляете? закричалъ онъ и прицѣлился въ волка, бѣжавшаго мимо.

Но въ одинъ прыжокъ я подскочилъ къ нему и вырвалъ у него ружье, потому что этого волка преслѣдовалъ съ дубиной мальчикъ лѣтъ девятнадцати и въ горячности позабылъ, что охотники могли убить его. Азартный господинъ поблѣднѣлъ, и я не знаю, что было у него на умѣ, только я поставилъ противъ него собственную его винтовку и хладнокровно сказалъ:

— Ни шагу далѣе!

— Такъ вы этакъ поступаете, чорррть возьми, проговорилъ онъ: да еще у меня на охотѣ?

— Я нигдѣ и никого не допущу убить человѣка.

— Да вамъ какое дѣло? Вы здѣсь что, позвольте спросить? Да знаете ли вы, что я сдѣлаю съ вами?

— Вы ровно ничего не сдѣлаете, но я удивляюсь, какъ вамъ позволяютъ брать ружье въ руки: стрѣлять не умѣете, а можете убить или ранить товарища.

Затопавъ ногами, азартный господинъ побѣжалъ назадъ. Налѣво по всей линіи раздавались выстрѣлы, облавщики приблизились, и мы всѣ отправились на сборное мѣсто, гдѣ трубачъ трубилъ аппель. Оказалось, что убито было четыре волка и двѣ лисицы. Исправникъ пришелъ въ восторгъ, прочіе охотники разсказывали о своихъ подвигахъ. Азартный господинъ сидѣлъ на пнѣ и тоже что-то съ жаромъ разсказывалъ, размахивая руками.

Начали совѣщаться о дальнѣйшей охотѣ, но я просилъ позволенія уѣхать въ городъ съ молодымъ человѣкомъ, который съ своей стороны хлопоталъ объ этомъ. Исправникъ воспротивился.

— Да вы всѣхъ насъ обижаете.

Я разсказалъ ему довольно громко о привязчивости азартнаго господина и объявилъ, что не только не привыкъ къ подобнымъ выходкамъ, но удивляюсь даже, какъ можно терпѣть подобнаго господина, кто бы онъ ни былъ. При этомъ я посовѣтовалъ обращать на него вниманіе, потому что легко могло произойти смертоубійство. Не скрою, что послѣдняя фраза, высказанная мною громко, и то обстоятельство, что я ѣхалъ изъ Петербурга, сдѣлали сильное впечатлѣніе на окружающихъ и даже на азартнаго господина, который всталъ съ пня, подошелъ и протянулъ мнѣ руку.

— Извините, проговорилъ онъ, я погорячился и впредь не буду. Оставайтесь съ нами, если не хотите обидѣть меня.

— Если вы даете слово вести себя, какъ слѣдуетъ, почему же и не остаться.

— Браво! Шампанскаго!

Шампанское было подано, и мы охотились очень удачно до самаго вечера. На ночлегъ азартный господинъ пригласилъ къ себѣ, гдѣ мы и провели время чрезвычайно пріятно въ его образованномъ семействѣ.

Возвратясь въ городъ, я окончилъ свое дѣло, къ чести гг. чиновниковъ, очень скоро и поѣхалъ дальше. Разсказанный случай на охотѣ навелъ меня на желаніе высказать свое мнѣніе объ охотникахъ, подобныхъ азартному господину. Они еще водятся, къ сожалѣнію, и ихъ слѣдуетъ избѣгать всячески, потому что иной разъ подобныя столкновенія могутъ повести къ весьма грустнымъ послѣдствіямъ. Описанный мною господинъ былъ у себя въ деревнѣ радушный, гостепріимный хлѣбосолъ, внимательный хозяинъ, но въ отъѣзжемъ полѣ пренесносный человѣкъ, поминутно наскакивавшій на непріятности. Изъ его прицѣпокъ ко мнѣ можно было судить объ его характерѣ и обо всѣхъ выходкахъ, какія могли возникнуть при разныхъ столкновеніяхъ, въ особенности во время встрѣчи съ человѣкомъ вспыльчивымъ. Конечно, между охотниками, людьми образованными, такія вещи не случаются, но какъ въ этомъ сословіи много еще людей стараго покроя, то и слѣдуетъ стараться не приходить съ ними въ непосредственныя

столкновенія. Подобный господинъ непріятенъ и за картами; но тамъ пошумятъ немного и перестанутъ; притомъ же въ игрѣ у васъ въ рукахъ только мѣлокъ и щеточка... въ отъѣзжемъ же полѣ заряженное ружье, значитъ, до грѣха недалеко, потому что есть выраженія, на которыя сгоряча отвѣчаютъ иногда не одними словами.

1856 г. Января 10. Исковци.

ДВА СЛУЧАЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ОХОТНИКА.

Не знаю, справедливо ли, но мнѣ кажется, что нѣтъ мальчика, лѣтъ 15-ти, который за удовольствіе имѣть въ своемъ распоряженіи ружье, не пожертвовалъ бы всѣмъ, чѣмъ только можетъ. Страсть къ охотѣ словно врождена человѣку, въ особенности въ юношескомъ возрастѣ она доходитъ до высшей своей точки, — и какой бы ни былъ закоренѣлый охотникъ въ среднемъ или преклонномъ возрастѣ, но онъ, я увѣренъ, не ощущаетъ тѣхъ поэтическихъ наслажденій, которыя испытываетъ мальчикъ, отправившійся иногда украдкою на охоту. И странно! въ юности, когда всѣ ощущенія живы, когда страданія не только человѣка, но животнаго возбуждаютъ въ немъ такое живое сочувствіе, — именно, въ то время мы болѣе кровожадны, чѣмъ когда нибудь, бѣгаемъ съ ружьемъ и ищемъ убить что нибудь и, подстрѣливъ невинную птичку, равнодушно добиваемъ ее прикладомъ. Мнѣ было лѣтъ 13, когда, утащивъ отцовскій пистолетъ и зарядивъ дробью съ помощью старика Осташки, я украдкой отправился въ лѣсъ и убилъ наповалъ сороку, разумѣется, шагахъ въ десяти... Не знаю, радовался ли я впослѣдствіи, когда имѣлъ истинныя причины радоваться, такъ, какъ въ то время, когда убитая сорока упала къ ногамъ моимъ, и я съ наслажденіемъ разсматривалъ куда попала дробь. Конечно, мнѣ досталось порядкомъ за этотъ подвигъ, тѣмъ не менѣе сорока въ видѣ трофея висѣла въ конюшнѣ, и я не безъ гордости смотрѣлъ на нее каждый разъ, проходя мимо и наводя встрѣчныхъ крестьянъ на разговоръ, что я убилъ эту сороку. Это было началомъ пристрастія моего къ охотѣ, получившаго въ одно время сильное развитіе, такъ что въ возрастѣ, когда я уже могъ серьезно задумываться о своей будущности, мнѣ не разъ приходила боязливая мысль, что

это занятіе въ состояніи поглотить во мнѣ всѣ другія занятія... День, два не побывать на охотѣ для меня становилось лишеніемъ, и по цѣлымъ суткамъ пропадалъ я по лѣсамъ и болотамъ, гоняясь то за утками, то за куликами, или за коварнымъ дикимъ голубемъ, который такъ незамѣтно проводитъ васъ верстъ шесть съ мѣста на мѣсто. Въ особенности этимъ удовольствіемъ пользовался я въ то время вакацій, когда все время принадлежало собственно мнѣ, когда книги и тетради покоились въ пыли на столикѣ, а окрестность, изобиловавшая дичью, представляла необыкновенное разнообразіе. Случалось, однако-же, что стоя гдѣ нибудь на мосту, на перелетѣ дикихъ утокъ, вечеромъ, я невольно забывалъ кровожадную цѣль, садился подъ мирнымъ Слѣпородомъ — и, всматриваясь въ легкія облака, проносившіяся по небу, и вслушиваясь въ звонкій шумъ камышей, уносился мечтами далеко и не видѣлъ и не слышалъ, какъ утки, свистя крыльями, проносились надъ моей головою... И когда со мною не бывало кого нибудь изъ сверстниковъ, дворовыхъ или деревенскихъ, которые иной разъ ходили со мною по десяти верстъ изъ-за того только, чтобы хоть понесть ружье нѣсколько времени, я нерѣдко возвращался домой съ пустымъ ягдташемъ... Но во всякомъ случаѣ охотничьи мои похожденія много мнѣ доставляли удовольствія. Только два раза въ жизни я былъ страшно напуганъ и часто сердечно жалѣлъ о томъ, что умѣлъ стрѣлять изъ ружья. Объ этихъ-то случаяхъ я хочу говорить теперь съ читателемъ. Оба эти происшествія глубоко запали мнѣ въ душу, и если я припомню, какихъ стоили они мнѣ тревогъ, сколько я перенесъ тайныхъ страданій, то иной разъ дѣлался несноснымъ на охотѣ — и истые любители этого занятія смотрѣли на меня иногда съ недоумѣніемъ. Выскочитъ ли на меня заяцъ, вспорхнетъ ли изъ-подъ ногъ бекасъ, я все медлю, а когда посылаю выстрѣлъ, случается, что уже дичь находится совершенно внѣ всякой опасности.

Мнѣ было уже 17 лѣтъ и я былъ во 2-мъ курсѣ —скаго лицея. Бывало, наканунѣ праздника соберемся нѣсколько человѣкъ съ ружьями, вдвое столько же безъ ружей для компаніи, и отправляемся по окрестностямъ пугать воронъ на дорогахъ, а иногда и застрѣлить какую нибудь съѣдомую птицу. У меня было тяжелое неуклюжее ружье, купленное за два съ половиной цѣлковыхъ, но которое, по моему мнѣнію, стоило огромной суммы. Ужъ почему я придавалъ ему

такое достоинство — не знаю, потому что изъ десяти выстрѣловъ вѣрно восемь были промахи, но мнѣ казалось всегда, что въ этомъ случаѣ встрѣчалось какое нибудь тайное препятствіе. Къ себѣ я не могъ относить неудачи, ибо въ самомъ дѣлѣ стрѣлялъ недурно. Какъ теперь помню, въ августѣ мѣсяцѣ, вскорѣ по пріѣздѣ съ вакацій, когда еще свѣжо было воспоминаніе о вольной домашней жизни и о чудныхъ прогулкахъ по берегамъ Сулы и Слѣпорода, — послѣ обѣда, я подбилъ нѣсколькихъ товарищей отправиться на охоту. Сборы наши никогда не бывали долги, и мы въ числѣ пяти товарищей, съ тремя ружьями пустились за городъ вдоль некрасиваго и топкаго болота, въ надеждѣ настрѣлять бекасовъ или, по крайней мѣрѣ, чаекъ, которыя хотя и не вкусны и очень пахнутъ рыбой, однако, тѣмъ не менѣе, называются дичью. Шли мы очень быстро, минуя огороды и табачныя плантаціи, на которыхъ раздавались весьма непоэтическія пѣсни подгородныхъ крестьянъ. Городъ, гдѣ я воспитывался, лежитъ въ Черниговской губерніи, за чертой чистаго малороссійскаго нарѣчія, которое здѣсь является въ искаженномъ видѣ, самыя пѣсни столь гармоническія, еще верстъ за 70 оттуда, получаютъ здѣсь какой-то визгливый характеръ и дѣлаются непріятными для слуха, привыкшаго къ заунывной, но нѣжной украинской мелодіи. Одинъ изъ товарищей, чрезмѣрный любитель прекраснаго пола, вступилъ было въ разговоръ съ одной изъ болтливыхъ крестьянокъ, но мы увлекли его съ собою въ свою импровизированную экспедицію. Любитель прекраснаго пола ворчалъ, однако слѣдовалъ за нами, во первыхъ, потому что былъ съ ружьемъ и считался первымъ стрѣлкомъ, во вторыхъ, передъ выходомъ изъ города мы сдѣлали складчину и купили кое-какихъ припасовъ для легкаго ужина, а въ третьихъ, дали слово не ожидать его, на случай, если бы онъ остался бесѣдовать на огородахъ. Такимъ образомъ, болтая весело обо всемъ, что насъ занимало въ ту пору, мы въ полномъ комплектѣ прибыли на довольно пустынное мѣсто, гдѣ болото, достигнувъ высшей степени своего безобразія, представляло одни топкіе берега, поросшіе мелкимъ тростникомъ, и лежало въ какой-то очень грустной ложбинѣ.

— Здѣсь должны быть бекасы! сказалъ кто-то изъ товарищей, и какъ у насъ не было собаки, то мы и пустились въ разныхъ направленіяхъ сами отыскивать дичь, разойдясь, однако-же, на такое разстояніе, чтобы не ранить другъ друга.

Невороженные товарищи усѣлись по кочкамъ, закурили трубки и обѣщали торжественно не раскрывать сумки, въ которой хранился нашъ ужинъ со своими незатѣйливыми, но тѣмъ не менѣе приманчивыми принадлежностями, продававшимися у жидка Гольфахта или грека Бреуса. Нѣсколько выстрѣловъ раздалось уже на болотѣ, но кромѣ звонкаго смѣха, вторившаго этимъ выстрѣламъ и означавшаго промахи, не слышно было ни одного радостнаго восклицанія удачи. Наконецъ, кто-то изъ насъ убилъ чайку, и во всѣхъ загорѣлось желаніе отличиться. Черезъ нѣсколько времени начали появляться и бекасы, вспархивая въ разныхъ направленіяхъ и описывая извѣстныя извилины своимъ полетомъ. Я подошелъ къ самому узкому мѣсту болота, такъ что шаговъ черезъ пятьдесятъ топи по другой сторонѣ видно было поле, засѣянное коноплею. Вдругъ изъ-подъ ногъ моихъ съ фырканьемъ вылетѣлъ бекасъ и, сдѣлавъ нѣсколько зигзаговъ, началъ опускаться по направленью къ противоположному берегу. Я прицѣлился, ведя конецъ ствола сообразно съ полетомъ птицы и спустилъ курокъ, повидимому, въ самое удобное мгновеніе. Грянулъ выстрѣлъ... Бекасъ выше взвился въ воздухѣ, а на противоположномъ берегу раздался крикъ, — и изъ конопли приподнялся крестьянинъ, держась обѣими руками за шею.

— Охъ, убили же меня, проклятые сорванцы! вопилъ онъ, и кликалъ на помощь какого-то Семена.

У меня опустились руки и въ глазахъ потемнѣло. Сбѣжались товарищи. Но къ намъ черезъ болото спѣшили уже два дюжихъ мужика съ кольями... Мы приняли оборонительное положеніе.

Крестьяне перешли на нашу сторону. Хотя у меня прошло уже головокруженіе, однако я былъ въ ужасѣ отъ мысли, что убилъ человѣка.

— Такъ этому-то васъ учатъ въ гильмазіи? сказалъ одинъ изъ крестьянъ: вы рыскаете по полямъ за тѣмъ, чтобъ убивать людей?

— А гдѣ же раненый? спросилъ я робко.

— А я самый, отвѣчалъ рыжій крестьянинъ: это меня ты искалечилъ на всю жизнь.

Я вздохнулъ свободнѣе.

— Гдѣ же твоя рана? отозвался одинъ изъ товарищей.

— Нѣтъ, прежде поотбираемъ у васъ ружья, сказалъ другой крестьянинъ, да тогда уже начнемъ разговаривать.

— Ну, это дудки! молвилъ Ѳ. Ш., лихой товарищъ, кости котораго уже покоятся по ту сторону Кавказа, — чтобы пять молодыхъ парней позволили двумъ отнять ружья. Показывай рану.

— Смотри — сказалъ мужикъ — и протянулъ толстую шею.

Нѣсколько бекасиныхъ дробинъ точно пробили кожу на затылкѣ и выпустили нѣсколько капель крови.

— Рана пустая, отозвался разсудительный Н. К—ка, — а ты говори, что хочешь за это?

— Подавайте ружья!

— Тебѣ уже сказано, что этому не бывать! мы тебѣ заплатимъ.

— А ты думаешь, мало стоитъ такое увѣчье?

— Говори скорѣе, намъ некогда!

— Давайте сейчасъ шесть *карбованцевъ!*

— Ну, братъ, это много, возразилъ Н. К—ка, — да у насъ и денегъ столько нѣтъ. А вотъ мы потолкуемъ между собою.

Тотчасъ же приступлено было къ совѣщанію, и оказалось, что всей наличности у насъ собралось около трехъ цѣлковыхъ. Сумма эта была предложена раненому. Онъ требовалъ больше. Это вывело Ѳ. Ш. изъ терпѣнія, и онъ объявилъ крестьянамъ, что рана не стоитъ и полтинника, но три цѣлковыхъ даются за испугъ и за нѣсколько дробинъ.

— Если же, прибавилъ онъ, ввернувъ два энергическихъ слова: вы не согласны, то мы васъ поколотимъ, и вы ничего не получите.

Крестьяне потолковали и рѣшились кончить дѣло миролюбиво. Взявъ, однако же, деньги, они объявили, что завтра придутъ жаловаться, и требовали, чтобы мы отдали ружья или сказали бы свои фамиліи. Разумѣется, мы не сдѣлали ни того, ни другаго: во первыхъ, нѣсколько бекасиныхъ дробинокъ были весьма щедро окуплены, а во вторыхъ, мы ясно видѣли, что мужики хотѣли воспользоваться нашимъ легковѣріемъ.

— Ну хорошо, вы отъ насъ не уйдете, сказали они, когда мы поспѣшно собрались въ обратный путь; мы пошли бы слѣдомъ за вами, да нанялись стеречь коноплю и табакъ, а главное приготовились варить кашицу. Завтра мы васъ отыщемъ.

Отойдя очень быстро въ противоположную сторону версты двѣ, мы присѣли въ одномъ овражкѣ и закусили, толкуя о

неожиданномъ происшествіи. Я не могъ скрыть отъ товарищей ужаса, которымъ былъ проникнутъ, пока не объяснилось дѣло и пока я считалъ себя убійцею. Потомъ мы развеселились и весело возвратились въ городъ, дѣлая предположенія на случай, еслибы крестьяне пришли жаловаться директору. На другой день было воскресенье. Идя въ лицейскую церковь къ обѣднѣ, у насъ было обыкновеніе заходить другъ за дружкой, и, такимъ образомъ, вскорѣ собралось наше вчерашнее общество, къ которому присоединилось еще нѣсколько студентовъ. Представьте же нашъ страхъ, когда на лицейскомъ дворѣ мы увидали знакомыхъ крестьянъ, изъ которыхъ одинъ завернулъ шею какой-то грязной тряпкой... Они стояли у директорскаго крыльца, и съ ними съ жаромъ объяснялся нашъ экзекуторъ Сила Ивановичъ Ш.... Директоръ велѣлъ основательно разслѣдовать происшествіе, и Сила Ивановичъ горячо принялся за это дѣло; но когда онъ приказалъ раненому показать шею и увидѣлъ самыя пустыя царапинки, онъ пришелъ въ негодованіе и доложилъ директору, что мужики мошенники. Узнавъ же, что они получили три рубля серебромъ, директоръ велѣлъ признать просьбу ихъ не основательною... Но этимъ дѣло не кончилось. Послѣ обѣда всѣ студенты были созваны, и директоръ нашъ потребовалъ, чтобы виновные выступили впередъ. Я отдѣлился отъ товарищей и подошелъ къ начальнику.

— Кто сообщники? спросилъ онъ отрывисто.

— Я одинъ, отвѣчалъ я.

Но въ это время четыре моихъ товарища очутились рядомъ со мною.

— На годъ ихъ въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду, на мѣсяцъ, на недѣлю, продолжалъ добрякъ, возвышая голосъ, и, еслибы онъ не остановился перевести духъ, я увѣренъ, что заключеніе наше ограничилось бы нѣсколькими часами.

И, такимъ образомъ, въ пятеромъ просидѣли мы недѣлю въ карцерѣ, который въ тѣ блаженныя времена страшенъ былъ по одному только названію, въ сущности же былъ довольно удобной комнатой, сообщавшейся съ канцеляріею правленія.

Другой случай выпалъ мнѣ на долю спустя много лѣтъ, когда мнѣ было уже подъ тридцать, и я сдѣлался болѣе, что называется, записнымъ охотникомъ-наблюдателемъ. Постранствовавъ по Закавказью и побывавъ на разнообразныхъ его охотахъ, о чемъ не премину разсказать въ свое время, я заѣхалъ погостить въ Нижегородскій драгунскій полкъ, который стоялъ

еще тогда въ Кахетіи. Познакомился я со многими офицерами, но постоянными товарищами моими были юнкера, лихіе, отважные молодые люди, соглашавшіеся на всѣ мои прогулки по окрестностямъ и изобрѣтавшіе самыя пріятнѣйшія экспедиціи. Однажды узналъ я, что послѣ Персидской кампаніи, когда А. С. Пушкинъ гостилъ въ полку, онъ часто посѣщалъ развалины Тамарина замка, который высится, словно орлиное гнѣздо, на неприступномъ утесѣ между Царскими колодцами и Караягачемъ. Тотчасъ же предложилъ я юнкерамъ взобраться къ замку, и человѣкъ шесть изъявили свое согласіе. Но первая экспедиція наша была безуспѣшна, потому что мы не могли попасть на настоящую дорогу. Предпріимчивость наша не осталась однако же безъ успѣха. На другой день снова мы пустились въ путь тотчасъ послѣ ученья и, собираясь погостить въ развалинахъ подолѣе, запаслись холодной закуской, кахетинскимъ и самоваромъ со всѣми принадлежностями для чаю. Всѣ мы поочередно разобрали эти предметы и каждый съ ружьемъ въ рукѣ отправился отыскивать проходъ. Послѣ долгихъ исканій, между колючими кустарниками и лозами дикаго виноградника, мы, наконецъ, нашли стѣны полуразрушеннаго зданія, отъ котораго существовала когда-то дорога къ замку. Черезъ четверть часа добились мы до утеса и смѣло начали вскарабкиваться. У каждаго была ноша, слѣдовательно не слишкомъ ловко было лѣзть по камнямъ, однако, мы все преодолѣли и добрались до замка. Все это было разрушено, осыпалось, но кое-какъ можно было взбираться по обвалившимся ступенямъ. Но вотъ на полдорогѣ лѣстница, лѣпящаяся возлѣ скалы и надъ пропастью по крайней мѣрѣ саженъ сто глубиною, совершенно была обрушена сажени на три. Однако, это насъ не остановило, потому что тамъ, гдѣ оканчивались ступени, выросло молодое дерево и вершиною своею касалось тѣхъ ступеней, которыя висѣли вверху. Недолго думая, мы по одиночкѣ взлѣзали на дерево, перепрыгивали на лѣстницу и, такимъ образомъ, добрались до самаго верха... Виды! о нихъ можно только сказать, что превосходнѣе ихъ я не видѣлъ во всей Грузіи, а страна эта, кажется, довольно изобилуетъ живописными мѣстностями. Алозань, долины ея, предгорья Лезгистана и снѣговые исполины Кавказа — все это передъ глазами. Двѣ комнаты замка уцѣлѣли только отъ разрушенія, и то въ сводѣ одной просвѣчивала уже большая трещина. Мнѣ хотѣлось отыскать слѣды пребыванія поэта, но тщетно. Нѣсколько надписей нацарапано на стѣнахъ, но все это имена, извѣст-

ныя лишь какому нибудь тѣсному кружку знакомыхъ. Въ каминѣ сохранились угли и зола, но кто топилъ каминъ, было намъ неизвѣстно. Подкрѣпившись кахетинскимъ и поставивъ самоваръ, мы усѣлись, гдѣ кому было удобнѣе и съ наслажденіемъ начали осматривать окрестность... Вниманіе мое привлекли огромные орлы, довольно низко кружившіеся въ воздухѣ. Я перешелъ на сѣверную сторону и увидѣлъ, что на противоположной сторонѣ пропасти, изъ пещеры и трещинъ, находящихся въ скалѣ, вылетали эти большіе орлы и, описывая круги надъ нашими головами, живо подымались въ пространство... Пернатыхъ этихъ, вѣроятно, изумило появленіе людей вблизи ихъ жилищъ, и они, видимо, тревожились. Юнкера начали стрѣлять и убили пару орловъ, которые съ шумомъ полетѣли въ пропасть, откуда не было никакой возможности достать ихъ. Желая удостовѣриться въ величинѣ этой птицы и сохранить нѣсколько ея перьевъ на память, я рѣшился убить орла парящаго надъ южной или западной стороной замка, чтобы на обратномъ пути можно было найти добычу. Съ этой цѣлью сѣлъ я на оконечности платформы, выходившей на Караягачскую дорогу и, положивъ ружье, заряженное пулями, на колѣни, сталъ выжидать удобной минуты. Всѣ юнкера ушли подъ тѣнь сводовъ и улеглись отдыхать въ ожиданіи чая, который собственно во мнѣ нашелъ неизмѣннаго своего любителя, не смотря на зной, для всѣхъ же прочихъ онъ былъ только сигналомъ къ начатію завтрака. Огромной величины орелъ зашумѣлъ крыльями и на время заслонилъ мнѣ свѣтъ солнца. Я вскинулъ ружье для прицѣла и въ ту минуту какъ хотѣлъ навести стволъ на свою жертву, птица ринулась всей тяжестью отвѣсно внизъ и далеко подъ ногами моими, расправивъ крылья, величественно поплыла надъ дорогой. Прицѣлившись въ спину орла, я спустилъ курокъ, но пистонъ только хлопнулъ... Въ торопяхъ стрѣляю изъ другаго ствола .. орелъ бросился въ сторону, мнѣ показалось, что я ранилъ его... Но въ тотъ же моментъ внизу раздался крикъ, въ кустахъ мелькнули люди... и свѣтъ потемнѣлъ въ глазахъ моихъ... И если я не упалъ со скалы, то причиной тому былъ выдавшійся камень, служившій мнѣ перилами. »Я убійца?« мелькнула у меня мысль, и хоть никто изъ товарищей ничего не видѣлъ и не слышалъ, однако, сознаніе въ такомъ важномъ хоть и неумышленномъ преступленіи было для меня цѣлымъ адомъ... И я долженъ былъ оставаться еще часа два или три въ тяжкой мучительной неизвѣстности. Лицо мое совершенно пере-

мѣнилось, когда я вошелъ къ товарищамъ, они нашли меня блѣднымъ и приписали это утомленію и непривычкѣ смотрѣть съ значительной высоты. Никто ни о чемъ не догадывался, но всѣ удивились, когда я началъ торопить общество въ обратный путь... Наконецъ, мы спустились со скалы и вышли на дорогу. Въ лѣсу пусто, ни души, нигдѣ даже вдали неслышно человѣческаго голоса. Я шелъ позади всѣхъ, преданный самымъ мрачнымъ мыслямъ, тѣмъ болѣе, что по каменистой дорогѣ я замѣтилъ капли какой-то темной жидкости. Мнѣ чудилось уже, что преступленье извѣстно въ полку, что я приду въ Царскіе Колодцы, пойду объявлю обо всемъ... Я заѣзжій... частный путешественникъ. Что со мной будетъ... Юнкера идутъ впереди, хохочутъ и равнодушно ступаютъ въ темныя капли, которыя обозначали слѣдъ вдоль всей дороги... Меня начало бросать въ холодный потъ... Я не могъ долѣе выдержать, остановилъ ближайшаго юнкера и, указывая на дорогу, спросилъ, сколько могъ, хладнокровно:

— Что это за капли по дорогѣ?

Тотъ уставилъ на меня глаза.

— Неужто вы въ первый разъ ихъ видите?

— Какъ?

— Гдѣ проѣдетъ грузинъ на арбѣ, тамъ непремѣнно по слѣду брызжутъ эти капли. Здѣсь мажутъ арбы жидкою нефтью. Недалеко есть большое нефтяное озеро, къ которому намъ надо будетъ съѣздить...

Но я уже ничего не слышалъ: открытіе это сняло съ души моей половину тяжести... Скоро свалилась съ нея и остальная половина. За версту отъ Царскихъ Колодцевъ мы нашли арбу, запряженную парою быковъ, возлѣ которой сидѣлъ грузинъ и курилъ трубку, а на арбѣ лежалъ другой, мертвецки пьяный и по временамъ принимался пѣть раздирательную пѣсню, звуки которой, выходя изъ его горла, точь въ точь походили на стоны умирающаго... Мнѣ сдѣлалось такъ весело, что я отъ удовольствія началъ кружиться по дорогѣ, а спутники мои приняли это за веселость характера. Съ тѣхъ поръ я далъ себѣ слово, не спускать курка, не осмотрѣвшись, нѣтъ ли у меня на цѣли еще кого нибудь, кромѣ птицы или звѣря.

1855 г. Октября 29. С.-Петербургъ.

ОХОТНИЧЬИ ЗАМѢТКИ.

Охота въ Кахетіи, особенно по Алозани, чрезвычайно разнообразна по обилію разнородной дичи и служитъ единственнымъ развлеченіемъ тому, кого судьба занесетъ въ этотъ уголокъ, хотя необыкновенно живописный, но дикій и не представляющій никакихъ удобствъ для болѣе пріятнаго или полезнаго препровожденія времени. Правда, уѣздные городки Сигнахъ и Телавъ лежатъ недалеко одинъ отъ другаго, и въ нихъ можно найти партію преферанса; но вѣдь это такое незавидное удовольствіе, если только можно назвать удовольствіемъ постоянное сидѣніе за зеленымъ столомъ съ одними и тѣми лицами. По крайней мѣрѣ, я во время моего пребыванія въ Кахетіи ни разу не предавался этому глубокомысленному занятію, и, лишенный возможности читать, (тамъ журналы и книги рѣдки, и встрѣчаются развѣ въ полковыхъ библіотекахъ), преимущественно ходилъ съ ружьемъ по окрестностямъ, въ сопровожденіи какого нибудь туземца. Подвиги мои, однако-же, ограничивались весьма ничтожною добычей, такъ что, слыша разсказы охотниковъ о медвѣдяхъ, кабанахъ и даже оленяхъ, приправленные повѣствованіями о страшныхъ событіяхъ и встрѣчахъ иной разъ съ немирнымъ лезгиномъ, казались мнѣ чистой фантазіей Разумѣется, я ихъ относилъ къ области воображенія. Встрѣтить лезгинъ на берегу Алозани — явленіе весьма обыкновенное, и кто знаетъ, подъ оборванной чухой, какого рода азіатецъ — мирный или немирный. Хорошо, говорятъ на Кавказѣ наши солдаты, если вдвоемъ повстрѣчать одного горца; онъ и поклонится, и скажетъ: »моя мирной« и, пожалуй, трубочки покуритъ съ вами; но если ты одинъ, а ихъ двое, то что ты ему не говори, а онъ свое: »моя нѣтъ мирной«! Слыхалъ я и о множествѣ всякаго звѣря по берегамъ Алозани, однако же самому видѣть не приходилось, что

было бы и страшно въ моихъ недалекихъ путешествіяхъ съ какимъ нибудь мальчишкой. Вотъ однажды заѣхалъ я на Царскіе Колодцы къ одному знакомому и прожилъ дня два, что называется, въ свое удовольствіе. Не говорю уже о томъ, что провелъ время не дурно, встрѣтивъ нѣсколько образованныхъ людей, но вдоволь начитался, т. е. просмотрѣлъ послѣдніе нумера двухъ, трехъ журналовъ и познакомился съ тѣмъ, что дѣлалось въ далекомъ, образованномъ мірѣ. Вотъ гдѣ, я вамъ скажу, читается совершенно другимъ образомъ! Заѣхавши въ какую нибудь далекую пустыню — встрѣтить новую книгу — это такой праздникъ для образованнаго человѣка, что его даже понять невозможно, не испытавъ самому. Тамъ даже читается журналистика, не смотря на ея несообразность. Отдѣлъ этотъ мнѣ всегда казался такой странностью, что я недоумѣвалъ, какимъ образомъ просвѣщенные люди — журналисты, рѣшаются печатно высказывать другъ о другѣ иногда весьма жесткія истины. Теперешняго читателя трудно поймать на эту штуку, а что современемъ заговорятъ потомки, это можно предвидѣть. Но я заговорился о литературѣ, когда собрался разсказывать о своихъ охотничьихъ похожденіяхъ, а это немножко неловко.

Накануне моего отъѣзда, радушный и обязательный хозяинъ предложилъ мнѣ поохотиться въ окрестностяхъ Алозани съ нѣсколькими изъ его товарищей и двумя помѣщиками грузинами.

— Только мы поѣдемъ на нѣсколько дней туда, къ горамъ, прибавилъ онъ.

— По мнѣ хоть и за горы, отвѣчалъ я, лишь бы увидѣть что нибудь интересное.

Сборное мѣсто назначено было въ Кара-агачѣ, бывшемъ нѣкогда штабѣ Нижегородскаго драгунскаго полка, гдѣ жилъ нѣкоторое время и знаменитый нашъ А. С. Пушкинъ. Мы выѣхали до разсвѣта. Дорога шла лѣсомъ, подъ горою, на крутомъ поворотѣ которой высились развалины Тамарина замка. Когда мы вышли въ долину, надъ ней уже поднялся туманъ и легкими облачками взвивался кверху, открывая вдали горную цѣпь Лезгистана, великолѣпно освѣщаемую первыми лучами іюльскаго солнца. Въ Карaагачѣ собрались всѣ охотники, и послѣ легкаго завтрака мы поѣхали вверхъ по Алозани къ лѣсистымъ мѣстностямъ. Рядомъ со мною ѣхалъ одинъ грузинъ на добромъ конѣ, увѣшанный азіатскимъ оружіемъ, и по временамъ пускался джигитовать, ловко вынимая

изъ чехла свою сереброструйную винтовку. Нѣсколько разъ просилъ онъ меня полюбоваться этимъ драгоцѣннымъ оружіемъ. Точно винтовка была превосходна и, какъ всѣ увѣряли, несла зарядъ очень вѣрно и очень далеко. Я отдавалъ ей полную справедливость, но увѣрялъ грузина, что не промѣнялъ бы на нее своего двухствольнаго ружья, которое было, можетъ быть, въ четверо дешевле. Тогда у насъ завязывался обычный споръ о превосходствѣ европейскаго оружія предъ азіатскимъ и, какъ водится, нельзя было увѣрить упорнаго противника, что, по крайней мѣрѣ, пистонъ превосходитъ неуклюжій азіатскій замокъ, чуть ли не первообразъ замковъ, изобрѣтенныхъ въ замѣну фитиля. Вдругъ толпа наша остановилась. Кто-то замѣтилъ фазана. Оказалось, что этихъ птицъ было довольно, но мы настрѣляли немного; разумѣется, стрѣляли тѣ, у кого были охотничьи ружья, а не винтовки.

Охота наша была разнокалиберная и состояла изъ нѣсколькихъ паръ гончихъ, штукъ восьми борзыхъ и двухъ лягавыхъ собакъ. Народу собралось человѣкъ десять, изъ которыхъ истинныхъ любителей было едва ли на половину, а одинъ — трусъ преестественный, въ образѣ небольшаго, коренастаго армянина, сопровождавшаго, въ качествѣ слуги, старика грузинскаго помѣщика. Человѣкъ этотъ, носившій имя Саркиса, козыремъ ѣхалъ на лошаденкѣ, въ родѣ тучной блохи, и, по свойственному его племени языкознанію, могъ объясняться въ одно и то же время по грузински, по татарски и даже немного по русски. Онъ мнѣ успѣлъ разсказать, что господинъ его, слывшій извѣстнымъ стрѣлкомъ въ околоткѣ, убилъ 700 кабановъ, да не какихъ нибудь, а такихъ же толстыхъ, какъ самъ и у которыхъ клыки просто у! у! Зная хорошо азіатцевъ, я ему не прекословилъ, и хотя число убитыхъ кабановъ сократилъ въ умѣ значительно, однако, полагая, что подъ этой гигантской ложью скрывалась частичка правды, возымѣлъ высокое мнѣніе объ искусствѣ стараго грузина.

Мы остановились у опушки одного лѣса, и старѣйшины составили планъ охоты, хотя никто изъ насъ не зналъ рѣшительно, какого можно было ожидать звѣря.

— Я ужъ буду возлѣ, сказалъ мнѣ Саркисъ, осматривая свое дрянное ружьишко, не равно дадите промахъ, такъ я... И онъ жестомъ договорилъ свою мысль.

— Пожалуй, мнѣ все равно, отвѣчалъ я. А отчего же ты не хочешь быть возлѣ своего господина.

— О! господинъ больно злой на охотѣ?

Гончія не выгнали, однако, ровно ничего. Истыхъ охотниковъ это начинало бѣсить, потому что день былъ сѣренькій, не душный, что большая рѣдкость за Кавказомъ. Каждый изъ нихъ видѣлъ разныя примѣты, по которымъ признавали того или другаго звѣря; нѣкоторые даже опредѣляли время, когда именно звѣрь прошелъ, однако »таковаго не оказывалось.« Пущены были въ дѣло опытные соглядатаи, забиравшіеся довольно далеко въ чащу, которые слѣдили или предполагали, что слѣдили звѣря; однако на повѣрку выходило, что ничего нѣтъ какъ нѣтъ. Наши русскіе сердились немного, а грузины просто выходили изъ себя и клялись страшно, какъ только можетъ клясться это племя, не прощать съ этихъ поръ ни одному звѣрю, ни птицѣ и даже стрѣлять большихъ насѣкомыхъ за то, что наша охота оказывалась неудачною. Подъѣхали мы еще къ одному мѣсту, запустили гончихъ. Прошло полчаса. Изрѣдка тявкали собаки, но или отъ скуки, или для препрожденія времени, а добыча не показывалась. Но вотъ залилась одна, другая и подняли оглушительный лай довольно близко. У всѣхъ насторожились уши. Саркисъ чуть не приросъ ко мнѣ, такъ что я долженъ былъ прогнать его. Звѣрь не выходилъ. Старый грузинъ отправился въ лѣсъ и выстрѣлилъ, но оказалось, что онъ ранилъ дикую кошку, которая »не долго проживетъ и должна быть гдѣ нибудь близко, бестія«. По крайней мѣрѣ, онъ такъ выразился.

Пообѣдали мы, чѣмъ Богъ послалъ, запивая невкусную трапезу мѣстнымъ, довольно порядочнымъ виномъ и рѣшили со стыдомъ возвратиться во свояси, имѣя всего три пары фазановъ. Передъ отъѣздомъ Саркисъ какъ-то особенно суетился: наконецъ, съ сіяющимъ лицомъ подошелъ къ своему господину и сказалъ ему что-то. Старикъ отправилъ его къ черту. Онъ обратился къ одному изъ русскихъ, тотъ громко послалъ его въ другое мѣсто. Саркисъ, недовольный, бормоталъ что-то про себя и вскочилъ на свою блоху, махнувъ рукою, что означало повидимому: »какъ сами знаете, я исполнилъ мою обязанность«. Мы пустились въ обратный путь ходою, обыкновеннымъ походнымъ аллюромъ Закавказья. Впрочемъ, этимъ шагомъ можно уйти болѣе десяти верстъ въ часъ. Я отсталъ немного. Саркисъ пріудержалъ свою лошадь и, дождавшись меня, поѣхалъ рядомъ со мною.

— Вотъ, ага, какіе упрямцы наши охотники, сказалъ онъ: да они просто дураки, прибавилъ Саркисъ, стегая лошаденку и удерживая ее на мѣстѣ.

— Отчего же такъ?

— Да просто дураки! Вы сами видите, какая скверная охота, а ее можно бы поправить.

— Не думаю.

— Ужъ я вамъ говорю, что можно, такъ нѣтъ! еще ругаются: пошелъ къ черту! или какъ тотъ рыжеусый выругалъ еще лучше.

— Развѣ ты знаешь средство?

— Я? Гм! я не зналъ бы...

И Саркисъ презрительно улыбнулся.

— Какое же средство?

— Да ужъ я для васъ поправлю этимъ собачьимъ отцамъ охоту, хотя они меня и выругали.

— Разскажи же, пожалуйста.

— Не говорите только имъ.

— Мнѣ же какое дѣло.

— Видите ли, когда я былъ въ плѣну у чеченцевъ, я служилъ тогда у господскаго зятя тамъ за горами и попалъ въ плѣнъ, такъ, когда я попалъ къ чеченцамъ, мнѣ было хорошо, потому что я отличный портной.

Саркисъ при этомъ выпрямился и гордо посмотрѣлъ на меня.

— Но гдѣ же тутъ охота? возразилъ я.

— А вотъ погодите. Мой хозяинъ, правду сказать, былъ большой воръ и мошенникъ, но онъ гдѣ-то досталъ собакъ и любилъ охотиться. Года черезъ два я обжился у чеченцевъ, и хозяинъ бралъ меня иногда на охоту. Мнѣ не давали ружья изъ страха, чтобы я ихъ, чертей, не перестрѣлялъ; но я носилъ пищу и кумысъ и помогалъ, если что нужно. Случалось иногда, что ничего не увидимъ въ цѣлый день и возвращаемся домой съ пустыми руками. Тогда, бывало, хозяинъ прикажетъ намъ остановиться, а самъ войдетъ гдѣ нибудь въ лѣсокъ и не велитъ не только идти за собою, но даже и смотрѣть. Когда выйдетъ онъ изъ лѣса, чортъ его знаетъ, откуда и возьмется хоть что нибудь: никогда не приходили домой съ пустыми руками. Вотъ, знаешь, разъ пріѣзжали наши армянскіе купцы. Я хотѣлъ было улизнуть съ ними, такъ бестіи не захотѣли взять: говорятъ, что имъ невыгодно ссориться съ чеченцами. Одинъ собачій отецъ разсказалъ даже хозяину...

— Ну, что же? спросилъ я, видя, что Саркисъ замолчалъ.

— Извѣстно что: влѣпилъ, мошенникъ, тридцать нагаекъ такихъ, что долго я почесывался. Ну, и я не промахъ: за эту штуку я укралъ у купцовъ штучку канаусу и двѣ бутылки рому. Канаусъ отдалъ хозяину, а ромъ припряталъ. Вотъ разъ пошли мы на охоту вдвоемъ. У меня осталось еще полбутылки, и я захватилъ ее съ собою. Сѣли мы отдыхать. Я подумалъ, было, подпоить хозяина да улизнуть, но чортовъ братъ выпилъ почти весь ромъ и только что былъ на веселѣ.

— Ты, говоритъ, Саркисъ, добрый малый и честный человѣкъ: что украдешь — дѣлишься съ хозяиномъ. За это я научу тебя одной штучкѣ...

— А какой? спрашиваю я.

Тутъ онъ и поучилъ меня, что когда нѣтъ удачи въ охотѣ, то надо дѣлать вотъ что: зайти въ лѣсокъ, раздѣться до нага и поклониться на востокъ и на полдень. Вотъ какъ отвѣсишь по поклону на востокъ и на полдень, то западъ и полночь обидятся — разъ, что имъ не поклонился, а другое, что былъ даже къ нимъ невѣжливъ. Они и начнутъ насылать на тебя звѣря съ сердцо̀въ, а ты себѣ пострѣливай. Вотъ оно что! Я давно совѣтывалъ своему господину сдѣлать эту штуку, такъ разъ онъ и побилъ меня.

Я разсмѣялся. Я зналъ много азіатцевъ, т. е. много разноплеменныхъ горцевъ, однако ни отъ одного изъ нихъ не слышалъ подобнаго повѣрья.

Вскорѣ намъ попался на дорогѣ небольшой лѣсокъ. Мы остановились на привалѣ. Старый грузинъ требовалъ трубку, но уже Саркиса не было. Тогда старикъ мигнулъ молодежи, и вся она, схвативъ нагайки, осторожно стала пробираться въ рощицу. Я поспѣшилъ туда же. На небольшой полянкѣ Саркисъ въ натурѣ кланялся двумъ частямъ свѣта. Но тутъ вдругъ посыпались на него удары нагаекъ. Мнѣ стало жаль Саркиса, и я выручилъ его изъ бѣды. Бѣднякъ плакалъ. Послѣ короткаго отдыха мы пустились во свояси и тутъ же должны были распрощаться съ грузинами. Не успѣли допить на прощанье остальнаго кахетинскаго, какъ вблизи въ долинкѣ показался волкъ. Всѣ мы бросились за нимъ въ догонку, но, не смотря на прыть лошадей, звѣрь, почуявъ бѣду неминучую, пустился улепетывать. Борзыя хотя и догоняли его, однако онъ ловко отъ нихъ отдѣлывался. Наконецъ, молодой грузинъ, отвѣсивъ нѣсколько нагаекъ своему карабахцу, поскакалъ за волкомъ, настигъ и, быстро наклонясь, полоснулъ

звѣря шашкой по темени. Волкъ остановился, зашатался, но уже грузинъ былъ на немъ и доканалъ его кинжаломъ. Торжество его было неописано, но Саркисъ приписывалъ все себѣ и всѣхъ насъ обходилъ, подставляя папахъ и просилъ хоть по абазу. Нѣсколько монетъ было ему наградою, по крайней мѣрѣ, за напрасные побои. Мы разстались, и я дня черезъ три выѣхалъ изъ Кахетіи.

1856. Декабря 12. Лубны.

ПЕРСТЕНЬ.

ПЕРСТЕНЬ.

Буйный осенній вѣтеръ уныло шумѣлъ въ саду, окружавшемъ мою квартиру; взметая сухіе листья, онъ, казалось, торжествовалъ побѣду свою надъ осиротѣлой природой. Вечерѣло. На чистомъ западѣ загорѣлась привѣтливая звѣздочка и блестѣла межъ нагихъ вѣтвей липы, колеблемыхъ вѣтромъ. Я сидѣлъ, облокотясь на столъ, и далъ просторъ мыслямъ своимъ. Есть неизъяснимое наслажденіе, особенно для меня, въ осеннихъ сумеркахъ, когда передъ окнами шумятъ высокія деревья, а небо чисто и на закатѣ сіяетъ звѣздочка. Невольно отряхаешь съ себя дѣйствительность; дума за думой, вызванныя изъ глубины души, являются въ памяти, сближаютъ сердце съ утраченнымъ и грустно ли, радостно ли это воспоминаніе, оно дѣйствуетъ одинаково: ради него забываешь все окружающее. Мнѣ налетѣло на память нѣсколько дней, проведенныхъ далеко... на берегу... Но кому интересно знать эти подробности! Все исчезло безъ возврата. Радость мимолетомъ украсила жизнь человѣка; она упорхнула, словно пташка-пѣвунья, пойманная въ клѣтку и скоро освободившаяся изъ плѣна. Быстро унеслось мое воспоминаніе, какъ и дѣйствительность его, и я съ ужасомъ увидѣлъ, сколько прожилъ пустаго и безжизненнаго времени, въ продолженіе котораго я ничего не сдѣлалъ. Равнодушіе черствое, огрубѣлое, прежде мнѣ незнакомое, взяло такую власть надо мною, что, казалось, даже ни одна поэтическая мысль не властна была пересилить его прозаическаго холода. Но этотъ вечеръ расшевелилъ меня, однако-жъ, по старинѣ. И что же? подумалъ я, мнѣ снова скучно. Странно, непостижимо: — цѣлый вѣкъ свой быть жертвой этого тревожнаго томленія. Зачѣмъ же природа такъ создала меня? Я знаю свѣтъ, понимаю людей и ихъ отношенія. Будь я богатъ, я

нашелъ бы себѣ и цѣну, и мѣсто въ обществѣ; теперь я могу только понимать себя и другихъ, а счастіе должно быть вычеркнуто изъ словаря моего: этимъ словомъ не украсится ни одна страница моей бѣдной, скитальческой жизни. До гроба удѣлъ мой — странствовать въ одиночествѣ, смотрѣть на все и ни на что не засматриваться, завидовать другимъ и ничего не желать себѣ; а иногда можно и призадуматься. Но что же выходитъ изъ думъ моихъ? Одинъ выводъ: здѣсь я могъ бы быть счастливъ; но я знаю свѣтъ, знаю людей и ихъ отношенія... плывите же дни мои, безвѣстно и одиноко, проносись же, молодость моя, безъ радостей и безъ желаній: знать, Господь судилъ мнѣ терновый вѣнецъ, — да будетъ Его святая воля! Пусть тебя лелѣетъ судьба, доброе, но жалкое созданіе; живи, наслаждайся жизнью, пока сердце твое чуждо еще мірскихъ замысловъ, пока на свѣтлый умъ твой не пала тѣнь разсчетовъ и притворства. Придетъ время, постепенно обовьютъ твою душу мнѣнія окружающихъ, словно хмѣль молодое растеніе, и тогда настанетъ для тебя тяжкая пора существованія. Теперь еще сердце указываетъ тебѣ человѣка, вѣрный инстинктъ говоритъ въ его пользу; а со временемъ и сама, того не замѣчая, ты будешь искать въ человѣкѣ того, что суетно льститъ самолюбію, чаще корыстолюбивымъ видамъ. Тебя окружаетъ посѣдѣлая опытность, пользующаяся благами, происшедшими отъ тѣхъ условій, которыхъ я не хотѣлъ видѣть въ тебѣ осуществленными. Каждый день тебѣ будутъ напѣвать одну и ту же тему въ безчисленныхъ варіаціяхъ, и ты нечувствительно привыкнешь къ мнѣніямъ, которыя искусно передадутся тебѣ; а тамъ, придя къ цѣли, къ которой съ такимъ разсчетомъ тебя вели, ты равнодушно примешь то, о чемъ прежде помышляла съ ужасомъ. Наконецъ, мало по малу, ты утратишь первобытную чистоту души и станешь женщиной, какъ многія женщины на свѣтѣ, — ты будешь помѣщицей въ полномъ смыслѣ этого слова. У тебя будетъ мужъ непремѣнно вдвое старѣе тебя, непремѣнно богатъ, непремѣнно скупъ; я знаю, эти три условія необходимы для того, кто поведетъ тебя къ алтарю. Подъ брачнымъ вѣнцемъ, рука объ руку съ выбраннымъ, ты уже будешь стоять не прежняя, беззаботная; сердце твое не будетъ биться отъ радости, замирать отъ блаженства, припоподымая таинственные покровы неизвѣданной жизни, изъ очей не канутъ слезы восторга... Слова нѣтъ, — по прежнему будешь хороша ты въ богатомъ подвѣнечномъ уборѣ, но сердце забьется лишь отъ тѣсноты корсета; можетъ быть, упадетъ и

слезинка, другая, выжатая безотчетнымъ чувствомъ, и это будетъ послѣднее, что оставалось въ тебѣ поэтическаго. Послѣ вѣнца, въ супружескомъ поцѣлуѣ не сгоритъ все твое минувшее, это будетъ поцѣлуй почти равнодушный, котораго мужъ потребуетъ у тебя по закону, изъ приличія... И вотъ мнѣ представилась деревня со всею ея идиллическою перспективою помѣщичьихъ наслажденій. Баринъ на гумнѣ, баринъ на конюшнѣ, на скотномъ дворѣ, на винокурномъ заводѣ. Тамъ не такъ вѣютъ хлѣбъ, тамъ пьяны конюхи, тамъ скотъ стоитъ безъ корма, тамъ винокуръ ошибся въ заторѣ; разумѣется, пошли хлопоты, суета, расправа — и отъ этого дурное расположеніе духа. Барыня рѣдко посѣщаетъ свое управленіе, за то разныя домашнія чиновницы докладываютъ ей по своей части, и здѣсь опять суета, хлопоты, расправа...

Такъ мечталъ я и не замѣтилъ, какъ сумерки спустились на землю, а Ванька мой растапливалъ печку, у которой при свѣтѣ огонька по складамъ читалъ какую-то чувствительную книгу. До слуха моего долетѣли четыре стиха, которые онъ прочелъ, вѣроятно, безъ всякой цѣли, но какъ бы въ отвѣтъ на всѣ мечты мои:

Чуденъ въ свѣтѣ человѣкъ!
Суетится цѣлый вѣкъ;
А того лишь онъ не знаетъ,
Что судьба имъ управляетъ.

Давно свѣчи горѣли на столѣ, готовъ былъ самоваръ, а я все не покидалъ своего мѣста у окна. Буря такъ чудно завывала, тучи бѣжали по небу, изрѣдка озаряемыя блѣднымъ свѣтомъ осенняго мѣсяца... Вдругъ послышался конскій топотъ: почтовый уланъ съ сумкой вошелъ въ мою хату, неловко пригнулся, порядкомъ ушибъ себѣ лобъ о притолку, но, не поморщась, проговорилъ обычное:

— Здравія желаю, в. б—іе!

— Здорово, Колпенко. Что, письмо?

— Не могу знать. Онъ мнѣ подалъ свою сумку.

Открываю и вижу нѣсколько пачекъ газетъ, журналовъ и два, три письма. Въ глуши, въ уединеніи это настоящій праздникъ. При всемъ разстройствѣ въ финансахъ я далъ улану двугривенный на чарку, за что мой Ванька нахмурился, однако же, проворно принялся дѣлать чай, зная, что я выпью его больше обыкновеннаго за газетами и журналами.

— В. б—іе, проговорилъ почтовый, недалеко слышится колокольчикъ, а здѣсь нѣтъ дороги никуда кромѣ къ вамъ.

— Не полковникъ-ли?

— Можетъ быть и они.

Я немного встревожился. Полковой командиръ былъ строгъ и рѣдкій пріѣздъ его проходилъ мнѣ даромъ.

Точно, колокольчикъ раздался недалеко и по голосу, который спросилъ Ваньку, выбѣжавшаго за дверь: здѣсь ли стоитъ Чужбинскій? я узналъ въ неожиданномъ гостѣ ротмистра Ильнева, съ которымъ больше года мы не видѣлись. Онъ недавно возвратился изъ командировки на Кавказъ; кабардинская шапка мелькнула въ дверяхъ.

— Александръ!

— Валеріянъ!

И мы обнялись дружески.

— Какъ живешь, какъ можешь?

— Прежде дай чаю, перезябъ; да вели убрать лошадей: онѣ уморились, бѣдняжки!

— Все будетъ исполнено, а между тѣмъ садись, дорогой гость.

Я еще разъ обнялъ добраго товарища, съ которымъ не разъ мы вмѣстѣ горевали.

— Что такъ долго не являлся, Ильневъ?

— Заѣзжалъ домой. За то вчера, пріѣхавъ въ полкъ и, только что успѣвъ явиться, тотчасъ отправился къ тебѣ.

— Спасибо. Однако ты ни мало не перемѣнился.

— Да, я все тотъ же.

— А таинственный перстень?

Ильневъ показалъ мнѣ сердоликъ, съ которымъ всегда былъ неразлученъ.

Но передъ нами стояли полные стаканы чая, въ рукахъ Ваньки дымились двѣ трубки, и мы занялись этимъ необходимымъ препровожденіемъ времени каждаго военнаго человѣка. Слово за словомъ про Кавказъ, про экспедиціи, и мы проговорили часовъ до 11 вечера. Тутъ я замѣтилъ, что въ Ильневѣ недоставало неподдѣльной насмѣшливости, царствовавшей прежде въ его разговорахъ; на него по временамъ находило подозрительное для меня раздумье. Еще проговорили мы часъ, закусили, выкурили по трубкѣ и легли отдохнуть. Ильневъ, казалось, уснулъ на широкой лавкѣ. Я засвѣтилъ лампу и принялся за журналы; пробѣжавъ нѣсколько стихотвореній, я остановился надъ одной пьесой, подписанной таинственнымъ именемъ Гр. Е. Р—ной, и задумался. Какъ высоко должна быть настроена душа этой необыкновенной женщины, какое богатство мыслей, глубина чувства, наконецъ, талантъ, который

такъ неожиданно явился, какъ бы въ замѣну другаго, рано отцвѣтшаго для нашей словесности. У меня странный обычай: читая чье-нибудь твореніе, трогающее мою душу, я стараюсь представлять себѣ черты поэта особенно въ ту минуту, когда онъ развивалъ мысль, сильно поразившую меня. Прочтя стихотвореніе прекрасной писательницы, я началъ припоминать черты ея, видѣнныя одинъ разъ... Близкій вздохъ вывелъ меня изъ задумчивости: на моей кровати сидѣлъ Ильневъ, устремивъ на меня проницательный взоръ, какъ бы изучая мою физіономію.

— Чужбинскій! не правда ли, грѣхъ обманывать друга?

— Самый непростительный.

— Руку! я виноватъ передъ тобою.

И сжавъ мою руку, онъ опустилъ на грудь голову; тихо потомъ приподнявъ ее, онъ нерѣшительно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, еще нерѣшительнѣе снялъ свой перстень и надѣлъ его мнѣ на палецъ.

— Александръ, возьми на память.

— Что съ тобою, Ильневъ?.. Валеріянъ!

— Мнѣ грустно.

Я рѣшительно не понималъ ничего.

— Нѣтъ, сердце желаетъ излиться въ исповѣди: оно переполнено. Носи этотъ перстень и помни, что человѣкъ не властенъ располагать собою, что онъ не смѣетъ произносить обѣтовъ, что вѣроломство разрываетъ клятву. Александръ, ты, можетъ быть, слишкомъ высоко думалъ обо мнѣ; но я самъ разоблачу себя; и ты увидишь, что не доблестное сердце мужчины бьется въ груди моей. Сегодня или никогда!

Удивленный словами товарища, я положилъ книгу, набилъ трубку и приготовился слушать исповѣдь. Ильневъ, казалось, собирался съ силами.

— Всмотрись въ этотъ перстень, сказалъ онъ мнѣ: на немъ арабскія слова, смыслъ ихъ: горе клятвопреступнику! Помнишь, я сплелъ цѣлую исторію, какъ спасъ однажды моловенькую еврейку отъ смерти, бросившись за нею въ Нѣманъ; какъ она подарила мнѣ талисманъ: все это я выдумалъ. Ты знаешь, что, прежде поступленія на службу, я объѣздилъ полсвѣта; но не знаешь цѣли моего путешествія. Прослушавъ курсъ въ московскомъ университетѣ, я поѣхалъ домой отдохнуть среди семейства въ лонѣ деревенской тишины и возвратился изъ Москвы неопытнымъ юношей. По счастью, кто знаетъ, можетъ быть, и по несчастью, я сохранилъ сердце свое чистымъ и непорочнымъ, молодость свѣтлой и безгрѣховной. Наука по-

глощала меня; я жадно изучалъ предметы, я гордился своими успѣхами. Однажды старикъ, отецъ мой, получилъ отъ управителя одной дальней деревни извѣстіе, что пожаръ истребилъ гумно и весь запасъ хлѣба, что буря сломала большую мельницу; однимъ словомъ, описывалъ разстройство имѣнія, въ силу чего и не присылалъ дохода, а еще просилъ денегъ на необходимыя поправки. Старикъ огорчился; ему что-то не вѣрилось во всѣ несчастія. Самъ онъ, страдая подагрой, не могъ выходить изъ комнаты и поручилъ мнѣ съѣздить въ деревню, посмотрѣть безпорядки, и заняться устройствомъ Не скажу чтобы съ неохотой, но и безъ особеннаго удовольствія в зялся за это порученіе и, запасшись книгами и туго-набитымъ бумажникомъ, пустился въ дорогу. Быстро переѣхалъ я 600 верстъ и очутился въ ...ской губерніи. Донесенія управителя были совершенно справедливы, и какъ онъ былъ человѣкъ совѣстливый и опытный, то мнѣ оставалось только облегчить бумажникъ и всѣ хлопоты свалить на добраго человѣка; уѣхать же, не окончивъ построекъ, мнѣ не хотѣлось. Сосѣдей было много, но я не желалъ ни съ кѣмъ знакомиться, да и что за цѣль. Изъ самыхъ необходимыхъ визитовъ я сдѣлалъ только одинъ — пріятелю отца, Сталину. Дочери его, милыя дѣвушки, обласкали меня; но я, вѣроятно, казался имъ сущимъ медвѣдемъ. Съ нѣкоторыхъ поръ я чувствовалъ присутствіе невыразимой тоски, и только, бродя по мрачнымъ лѣсамъ, находилъ какое-то странное разсѣяніе. Изъ оконъ моего кабинета виднѣлось на горѣ какое-то огромное зданіе, и я узналъ, что это былъ домъ генерала Блера, недавно вышедшаго въ отставку. Словоохотный управитель началъ было разсказывать мнѣ о красавицѣ генеральшѣ; но не помню, что помѣшало мнѣ дослушать его. Отъ скуки я занялся садомъ: это былъ паркъ, разросшійся на нѣсколькихъ десятинахъ, дикость и мрачность его пришлись мнѣ по сердцу. Чего уже тамъ не настроила моя фантазія! Больше всего мнѣ нравилась широкая березовая аллея, которая на полверсты тянулась и упиралась въ рѣшетку, отдѣлявшую садъ отъ большой дороги. »По этой аллеѣ ѣздила нѣсколько разъ генеральша верхомъ«, — молвилъ мнѣ управитель и до того надоѣлъ разсказами о красотѣ сосѣдки, что я воображалъ себѣ ее непремѣнно толстой, — условіе, какъ мнѣ казалось, необходимое женщинѣ, чтобы прослыть красавицей у управителя. Одинъ разъ мнѣ подали письмо отъ Сталина, которымъ онъ приглашалъ меня на свадебный балъ старшей дочери. Я поѣхалъ въ назначенное время.

Ильневъ замолчалъ на минуту. Глаза его загорѣлись. Я не прерывалъ его молчанія; онъ продолжалъ.

— Разсвѣтало. Отблески чудесной утренней зари заиграли на широкихъ стеклахъ залы и, смѣшиваясь со свѣтомъ люстръ и свѣчей, обливали какимъ-то очаровательнымъ сіяніемъ танцующія пары. Хорошо, пышно были убраны комнаты; но, взглянувъ за окно, отворенное возлѣ большаго зеркала въ гостиной, можно было позабыть и дивную музыку, и бальное великолѣпіе, и юныхъ красавицъ: такъ роскошно переливался румянецъ юной зари по верхамъ лѣсовъ, вѣнчавшихъ береговыя горы, такъ чудно сверкала роса на деревьяхъ, такъ живописно пестрѣли лѣса и перелѣски.

У этого окна стоялъ офицеръ и взоръ его, устремленный далеко, блиставшій какимъ-то неразгаданнымъ чувствомъ, говорилъ въ пользу мечтателя. Я слѣдилъ малѣйшее его движеніе. Мазурка гремѣла въ самомъ бѣшеномъ разгарѣ. Пары то являлись на сцену, то сходили съ нея, фигуры разнообразились. Женихъ съ невѣстой начинали мазурку и словно сговорились продолжать этотъ танецъ, въ которомъ такъ много поэзіи для влюбленныхъ, такъ много скуки для равнодушныхъ и такъ много мукъ для ревнивыхъ. Меньшая Сталина сидѣла у двери гостиной и, казалось, не слушала приторныхъ любезностей своего кавалера; взоры ея искали кого-то. Наконецъ, дѣвушка взглянула въ окно, перевитое плющемъ, и прелесть разсвѣта очаровала ее. Когда ей напомнили, что пора выбирать кавалера, она порхнула въ гостиную и остановилась близъ офицера, державшаго въ рукѣ черепаховый вѣеръ. Офицеръ оборотился. Краска вспыхнула на лицѣ его; но краску эту можно было принять за отблескъ разсвѣта.

— Вы ужъ кончили мазурку? спросилъ онъ.

— Я пришла выбрать васъ.

— Насилу вспомнили. Чѣмъ я этому обязанъ?

Дѣвушка посмотрѣла на него пристально.

— Странный вопросъ.

— Вы такъ пламенно любите Италію, а вамъ два часа разсказываютъ о ней.

Дѣвушка хотѣла отвѣчать, но увидѣла въ рукахъ офицера вѣеръ, и черты ея выразили холодность.

— Вамъ угодно танцовать со мной, monsieur Рудольскій?

Рудольскій подалъ ей руку и пустился по гладкому паркету. Когда дама его сѣла на свое мѣсто, онъ хотѣлъ что-то сказать ей; но она уже съ привѣтливой улыбкой обратилась

къ своему кавалеру. Рудольскій простоялъ нѣсколько минутъ, потомъ быстро подошелъ къ послѣдней колоннѣ. Тамъ стоялъ высокій полковникъ, а возлѣ него межъ цвѣтовъ, уставленныхъ вдоль стѣны, сидѣла молодая дама. Чудныя очи ея, сверкавшія чувствомъ, соболиная бровь, поэтическій очеркъ лица, станъ, словно изваянный рѣзцомъ Кановы, — все это съ перваго раза бросалось въ глаза и влекло къ ней сердце, но вмѣстѣ эта гордая осанка, эта увѣренность въ красотѣ — отнимали всю смѣлость у того, кто, издали любуясь ею, захотѣлъ бы обратиться къ ней съ дюжинными любезностями. Между тѣмъ она такъ была привѣтлива со всякимъ, такъ ласково подавала руку выбиравшимъ ее кавалерамъ. Взглядъ на эту особу въ одно мгновеніе обновилъ бытіе мое: я чувствовалъ, какъ завѣса спадала съ души... Только къ обѣду она пріѣхала съ мужемъ и когда въ гостиной оборотилась въ ту сторону, гдѣ я стоялъ у небольшаго стола, — перемѣнилась въ лицѣ, пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза, недолго, нѣсколько секундъ; но взоръ этотъ прожегъ мое сердце. Когда же она оправилась послѣ замѣшательства, ни разу не взглянула на меня и ничего не танцовала со мною; казалось, все вниманіе ея было обращено на Рудольскаго, почти жениха меньшей Сталиной. Рудольскій подошелъ къ ней. Я приблизился къ колоннѣ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Передъ мазуркой она танцовала кадриль съ Рудольскимъ и на своемъ стулѣ оставила вѣеръ; но когда опомнилась, вѣера уже не было, Рудольскій машинально взялъ его и во время мазурки стоялъ съ нимъ у открытаго окна, любуясь пробуждающеюся природою.

— Вотъ вашъ вѣеръ, сказалъ полковникъ, обращаясь къ своей дамѣ.

— Гдѣ?

И поднявъ глаза, она увидала вѣеръ въ рукахъ Рудольскаго.

— Merci, monsieur, сказала она, гдѣ вы отыскали?

— Я взялъ его на стулѣ.

Онъ возвратилъ вѣеръ очаровательной его владѣтельницѣ.

Какая-то дѣвушка выбрала въ это время полковника. Рудольскій сѣлъ возлѣ его дамы.

— Вы не раскрывали вѣера?

— Нѣтъ.

— Значитъ, вы не любопытны; впрочемъ, лучше сдѣлали. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ этотъ вѣеръ у меня, никто не

держалъ его въ рукахъ. Но, будьте откровенны, вы не разсматривали его?

— Честное слово!

Полковникъ возвратился. Рудольскій уступилъ ему мѣсто. Я страдалъ, какъ въ пыткѣ: ревность мучила меня.

Красавица эта была генеральша Блеръ. Недавно еще моloденькой дѣвушкой блистала она въ обществахъ столицы, но какъ-то генералъ замѣтилъ ее, сдѣлалъ предложеніе, ей приказали выйти за него, — и вотъ вся исторія. Я не могу себѣ представить иначе этого человѣка, какъ видѣлъ его въ первый разъ за карточнымъ столомъ, держащаго карту съ торжествующей улыбкой, вѣроятно, тринадцатаго козыря. Голова его украшена лысиной, а грудь увѣшена орденами; и лѣтъ, и битвъ много пережилъ онъ, но, видно, мало познакомился съ житейскимъ опытомъ. Зачѣмъ женился онъ на этой живой, очаровательной Магдалинѣ? Да, самыхъ умныхъ людей иногда соблазняютъ лукавые софизмы; самымъ разсудительнымъ людямъ въ преклонныхъ лѣтахъ являются иногда страсти, мгновенно возбуждаемыя какою-то непонятною силой, — такъ трупъ показываетъ признаки насильственной жизни, возбужденный потокомъ гальванизма.

Мѣрная, плавная музыка мазурки смѣнилась какимъ-то бѣшенымъ, быстрымъ громомъ оркестра. Не уловишь ни одной мысли; какая-то кипучая гармонія, словно каскадъ, полилась съ хоровъ залы; порой вырывались нестройные звуки, но это на мгновеніе, — пары закружились. Съ чѣмъ сравнить моментъ умирающаго бала? Несомыя съ деревьевъ осеннимъ вѣтромъ разноцвѣтные листья не такъ разнообразно кружатся въ воздухѣ, какъ мелькали быстрыя пары вальса. Рудольскій подошелъ къ Магдалинѣ. Она подала ему руку, они понеслись, но не исчезли въ толпѣ: они были замѣчены; лучи огней переливались въ брилліантовой ниткѣ Магдалины и стройный станъ Рудольскаго обращалъ на себя взоры. Черезъ нѣсколько времени я подошелъ къ ней, горя отъ сильныхъ внутреннихъ чувствъ. О, какъ забилось мое сердце, когда я обнялъ воздушный станъ красавицы.

Солнце взошло, когда гости начали разъѣзжаться. На ступенькѣ крыльца стояла Магдалина. Генералъ съ слугой хлопотали о каретѣ.

— Вы долго еще пробудете въ нашихъ мѣстахъ? спросила меня Магдалина.

— Не знаю. Я привыкъ ничего не разсчитывать впередъ,

подражая на этотъ разъ судьбѣ своей, которая даритъ меня всегда нечаянностями.

— Въ четвергъ у насъ обѣдъ для молодыхъ; надѣюсь васъ видѣть у себя.

— Благодарю васъ...

— Вы знакомы съ моимъ мужемъ?..

— Не имѣю чести.

— Pierre! Вотъ сосѣдъ нашъ, г. Ильневъ, въ саду котораго мы такъ часто гуляемъ.

— Очень радъ познакомиться. Надѣюсь, вы не откажете въ четвергъ къ намъ отобѣдать.

Я поклонился.

Три дня до четверга я провелъ въ раздумьи, ничѣмъ не занимаясь. Управитель посматривалъ на меня какъ будто съ сожалѣніемъ и сдѣлалъ заключеніе, что я влюбился, только, по его мнѣнію, въ меньшую Сталину.

Обѣдъ для молодыхъ былъ на славу. Гостей съѣхалось множество. Магдалина обращала на меня вниманіе и нѣсколько разъ на мнѣ горѣли молнійные взоры ея. Я получилъ приглашеніе генерала бывать чаще, запросто — и упоенный, очарованный возвратился въ свое уединеніе.

Влѣво отъ моей усадьбы большая дорога спускается въ темный оврагъ и подымается на высокую гору, которая господствуетъ надъ всей окрестностью. На вершинѣ этой возвышенности есть площадка, почти надъ самой дорогой, откуда можно видѣть вдаль верстъ на 40. Довольно рано, когда еще зной не такъ томителенъ, я съ ружьемъ въ рукахъ стоялъ на этой площадкѣ и, далекій отъ того, чтобы любоваться красами природы, приводилъ себѣ на память глаза Магдалины. Послышался лошадиный топотъ; я оглянулся: ко мнѣ на прекрасной англійской лошади подъѣзжала Магдалина въ сопровожденіи жокея.

— Вы, какъ я вижу, мечтатель, сказала она послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Можетъ быть; только въ какомъ смыслѣ принимаете вы это слово? Иногда именемъ этимъ называютъ сумасброда.

— Богъ съ вами!..

— Но ко мнѣ такъ шло бы теперь названіе безумца.

Она устремила на меня испытующій взоръ.

— Почему?

— Повѣсть несчастливца скучна и однообразна!

— И опять вы невыгодно обо мнѣ думаете.

— Нѣтъ, сказалъ я опомнясь, сердце мужчины не должно требовать участія.

— Вы слишкомъ молоды, проговорила она тихимъ голосомъ.

Меня бросило въ краску.

— Вы хотите сказать, что я дитя.

— Да, Ильневъ, вы очень молоды. Нѣтъ такого несчастья, которое могло бы отравить въ цвѣтѣ лѣтъ душу вашу: что бы ни было, все пройдетъ со временемъ.

Она такъ равнодушно говорила...

— Впрочемъ, прибавила она, можетъ быть, природа надѣлила васъ однимъ изъ тѣхъ характеровъ, довольно рѣдкихъ, которые, питая одно чувство, не подчиняются ни времени, ни обстоятельствамъ.

— Вы угадали.

— Въ такомъ случаѣ я жалѣю о васъ.

Кивнувъ головкой, Магдалина поворотила свою лошадь.

— Пріѣзжайте вечеромъ къ чаю, прибавила она, удаляясь.

Посѣщенія мои къ генералу были чаще и чаще. Всматриваясь въ глаза Магдалины, я, наконецъ, осмѣлился думать, что страсть моя замѣчена и, казалось, раздѣляема. А это, другъ мой, не лучшій ли изъ всѣхъ періодовъ любви! Надежда оживляетъ душу, сердце трепещетъ отъ радости, между тѣмъ робость и неувѣренность въ успѣхѣ слегка тревожатъ человѣка. Между страхомъ и надеждой прожилъ я два мѣсяца. Дѣла мои кончились, старикъ звалъ меня къ себѣ, удрученный болѣзнью. Природа взяла свои права надъ моимъ сердцемъ: я пріѣхалъ проститься къ Блеру; генералъ отправился на охоту; я изъяснилъ Магдалинѣ цѣль моего посѣщенія. Другъ! между нами все кончено; но обрати она еще разъ на меня взоръ, устремленный ею тогда при извѣстіи о моемъ отъѣздѣ, я не знаю, что было бы со мною.

— Такъ скоро и неожиданно! сказала она, какъ бы себѣ самой.

Я молчалъ.

— Вамъ наскучили мѣста наши? спросила она, опустивъ глаза, и на очаровательномъ лицѣ ея разлилась непритворная горесть; тихій, но внятный вздохъ поколебалъ грудь ея.

— Обстоятельства...

— Да, вездѣ и во всемъ обстоятельства, Ильневъ!.. Люди существуютъ, нельзя же не существовать и обстоятельствамъ! Жаль намъ лишиться въ васъ пріятеля-собесѣдника: вы ближайшій изъ сосѣдей и человѣкъ, съ которымъ согласны мои мнѣнія.

Искренность дышала въ словахъ Магдалины.

— Съ удовольствіемъ буду вспоминать время, проведенное въ этомъ краѣ, сказалъ я; дай Богъ, чтобы въ свѣтѣ встрѣтилось когда нибудь подобное знакомство.

— Найдете, Ильневъ! Вы такъ молоды, передъ вами еще все... Но есть люди, Валеріанъ Петровичъ, которымъ ничего не осталось въ будущемъ.

Я сѣлъ возлѣ Магдалины; душа моя волновалась.

— Да, Ильневъ, не женитесь никогда по разсчету; не ищите руки той особы, которая, повинуясь родителямъ, выйдетъ за васъ, какъ бы вы ни любили...

Она закрыла глаза руками.

— Магдалина!

Я былъ испуганъ.

Она быстро оборотилась ко мнѣ.

— Магдалина, повторилъ я, взявъ ее за руку, простите безумцу; но я не могу разстаться съ вами, не открывъ сердца: я люблю васъ...

Съ минуту посмотрѣла она на меня, не говоря ни слова, тихо освободила руку и стремительно удалилась изъ гостиной! Не перемѣняя положенія, я сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ; слезы текли изъ глазъ моихъ. Кто-то коснулся моего плеча... я оборотился. Магдалина съ румянцемъ на щекахъ, съ блистающими взорами стояла возлѣ; въ рукахъ ея былъ знакомый мнѣ черепаховый вѣеръ.

— Смотрите, сказала она мнѣ, раскрывая его и на одной ручкѣ въ серединѣ я увидѣлъ искусно вдѣланный миніатюръ... всматриваюсь, узнаю себя!..

Позволь мнѣ умолчать о нѣсколько минутахъ: ихъ не выразитъ смертный, имъ нѣтъ названія.

Давно еще, въ самой первой юности, Магдалина бредила о встрѣчѣ съ человѣкомъ, однажды видѣннымъ во снѣ. Послушная кисть передала ей воображаемыя черты и, взглянувъ на медальонъ, ты сказалъ бы, что онъ писанъ съ меня искуснымъ художникомъ.

Разумѣется, я не уѣхалъ къ отцу и заболѣлъ черезъ двѣ недѣли.

По нѣсколько разъ въ день Магдалина находила случай писать ко мнѣ, и каждая строчка этихъ писемъ была исполнена восторженной любви, высокой преданности; въ послѣднемъ заключалось извѣстіе, что она, во что бы то ни стало, увидится со мною. Я цѣловалъ отрадное посланіе и въ вос-

торгѣ позабылъ положить его въ портфель. Бредъ уже начиналъ развиваться у меня, я скоро впалъ въ жесточайшую горячку. Искусный медикъ возвратилъ мнѣ здоровье. Управитель сказалъ, что генералъ навѣщалъ меня одинъ только разъ во время болѣзни и въ тотъ же день прислалъ письмо на мое имя. Срываю печать и читаю:

»М. Г.! На столикѣ вашемъ, безъ вашего вѣдома я взялъ письмо жены моей, которое вы, вѣроятно, читали, а потому и не упоминаю о содержанiи его. Не смѣю назвать поступокъ вашъ; но если въ васъ есть искра чести, прошу избавить меня отъ вашихъ посѣщенiй.

Генералъ уѣхалъ въ Петербургъ не одинъ, а, разумѣется, съ Магдалиной.

Не буду разсказывать о томъ, какъ я странствовалъ по свѣту, чтобы хоть издали еще одинъ разъ увидѣть ту, по комъ такъ свято билось мое сердце. Весной въ Теплицѣ я узналъ, что Блеръ прiѣхалъ туда на воды. Какъ сильно хотѣлось мнѣ поскорѣй увидѣть Магдалину; но я имѣлъ столько благоразумiя, что не выходилъ никуда: мнѣ не желалось, чтобы генералъ зналъ о моемъ присутствiи. Однажды мимо моихъ оконъ ѣхала блестящая кавалькада. Кто-то отсталъ въ черной амазонкѣ: Боже! Магдалина. Я быстро открылъ окно и тихо назвалъ ее по имени; она поклонилась, дружески взглянула на меня и пустила вскачь коня своего.

Вечеромъ какая-то горничная вручила мнѣ записку и исчезла. Раскрываю. Знакомымъ мнѣ почеркомъ было написано: »Завтра въ 6 часовъ утра, на верху горы, у развалинъ«.

Всю ночь не смыкалъ я глазъ и чуть забрезжилъ разсвѣтъ, я уже бродилъ около развалинъ какого-то стариннаго зданiя. Вотъ легкiе шаги послышались въ сторонѣ... мы свидѣлись послѣ долгой разлуки съ Магдалиной, мы сѣли на камнѣ.

Магдалина не упрекала меня, что я былъ причиной ея несчастiя; она плакала отъ радости. Время летѣло съ неизъяснимой быстротою.

— Валерiанъ, сказала она, сжимая мою руку, мнѣ какъ будто предчувствуется, что мы не свидимся больше на этомъ свѣтѣ. Я вѣрю предчувствiямъ, они никогда не обманывали меня. Я храню одинъ талисманъ, доставшiйся мнѣ по наслѣдству отъ предка, добывшаго его во время крестовыхъ походовъ въ Палестинѣ. Много суевѣрныхъ преданiй связано съ этимъ талисманомъ; не смѣю увѣрять тебя въ справедливости ихъ. Это небольшой сердоликъ, на которомъ вырѣзаны

арабскія слова; смыслъ ихъ: »горе клятвопреступнику«! Одинъ изъ предковъ моихъ нарушилъ клятву свою и погибъ насильственною смертью; больше никакихъ примѣровъ не могу сказать тебѣ. Возьми, Валеріанъ, сердоликъ этотъ, вдѣлай въ кольцо и носи на память. Я вѣрю твоимъ клятвамъ, знаю, что если почему нибудь ты измѣнишь мнѣ, Богъ сохранитъ тебя отъ несчастія; но мнѣ хочется, чтобы каждый день что нибудь напоминало тебѣ о Магдалинѣ. Одно только условіе: если ты полюбишь другую, отдай этотъ перстень кому нибудь изъ друзей своихъ. Мы уже не увидимся, но, можетъ быть, когда нибудь узнавъ его на чужой рукѣ... Она не договорила, но судорожно сжала мою руку...

Мы долго пробыли вмѣстѣ.

— Пора, Валеріанъ, прости! Если мужъ мой не узнаетъ, что ты въ Теплицѣ, мы еще встрѣтимся; въ противномъ случаѣ это будетъ послѣднее свиданіе.

Она заплакала, я съ какимъ-то печальнымъ предчувствіемъ прощался съ нею. Мы пошли внизъ разными путями...

У моей квартиры нечаянно встрѣтился я съ Блеромъ. Пристально посмотрѣлъ онъ на меня, потомъ поклонился и произнесъ тихимъ, но гробовымъ голосомъ:

— Если сію же минуту вы не уѣдете изъ Теплица, Магдалина не будетъ жить на свѣтѣ.

Нимало не ускоряя шаговъ, генералъ пошелъ вдоль по улицѣ.

Вечеромъ я уже былъ въ дорогѣ.

Возвратясь изъ за границы, я опредѣлился въ службу. Александръ! семь лѣтъ я былъ вѣренъ обѣту и ни разу не снималъ кольца съ руки; ты знаешь, какимъ я нелюдимомъ велъ себя.

Такимъ уѣхалъ я и на Кавказъ. Благополучно кончивъ экспедицію, я завернулъ домой. Сестра моя вышла изъ института и подруга навѣстила ее. Понимаешь ли остальное: далекій образъ Магдалины сталъ рѣже появляться въ моей памяти, когда юная, прелестная Софья была предо мною. Молодость взяла свое: я подумалъ, что могу быть счастливымъ съ этой дѣвушкой, она полюбила меня и стала моей невѣстой...

Ильневъ умолкъ и прямо смотрѣлъ въ глаза мнѣ.

— Чужбинскій! ты не презираешь меня?

Я подалъ руку товарищу.

— Развѣ можно повелѣвать сердцемъ? сказалъ я.

Валеріанъ тихо отошелъ и прилегъ на лавкѣ. Цѣлую ночь мнѣ грезилась бѣдная Магдалина.

На утро Ильневъ оставилъ меня; а я по странному характеру, принявъ близко къ сердцу судьбу несчастной женщины, томился цѣлый день, будто мнѣ угрожало какое бѣдствіе.

За двѣ станціи до *** голова моя разболѣлась до того, что я не могъ продолжать пути, хотя имѣлъ много важныхъ причинъ какъ можно скорѣе быть въ этомъ городѣ. Спасибо доброму смотрителю; онъ уступилъ мнѣ кровать въ теплой комнатѣ, и я, пролежавъ полсутокъ, почувствовалъ облегченіе. Первой связной мыслью моей было потребовать лошадей и, не смотря на всѣ убѣжденія смотрителя, что на дворѣ расходилась сильная мятель, я собрался въ дорогу. Дѣло было къ ночи. Признаюсь, когда я вышелъ на крыльцо, дрожь проняла меня. При 25 градусахъ декабрьскаго мороза дулъ такой пронзительный вѣтеръ, что трудно было устоять на ногахъ, а если прибавить къ этому жестокую мятель, то надобно мало дорожить жизнью, чтобы рѣшиться выѣхать въ подобную погоду. Но я былъ слишкомъ молодъ, сердце страдало, глубоко пораженное неблагодарностью; порученіе было особенной важности, и вслѣдствіе этихъ трехъ причинъ, перекрестясь, я сѣлъ въ сани. Хотя ямщикъ исподлобья посмотрѣлъ на меня, однако махнулъ кнутомъ, тройка взвилась, но едва небольшой рысью могла бѣжать по сугробамъ. Пополамъ съ горемъ отъѣхали мы верстъ восемь; слѣдовать дальше не было никакой возможности. Напрасно ямщикъ предлагалъ воротиться, грозное »пошелъ« было ему отвѣтомъ. Мятель хлестала въ лицо мелкимъ и чрезвычайно жесткимъ снѣгомъ, а день быстро стемнѣлъ, какъ нарочно. Еще съ полчаса продолжалось мое путешествіе, какъ вдругъ кони остановились, санки на бокъ, я и унтеръ-офицеръ мой разлетѣлись въ разныя стороны, секунда — и не стало ни саней, ни лошадей; только по звуку колокольчика, раздавшагося внизу, я догадался, что впереди долженъ быть крутой оврагъ. Мятель разсвирѣпѣла до высочайшей степени. Смерть гибельная и неизбѣжная предстояла мнѣ. Я отыскалъ по голосу унтеръ-офицера и мы пошли впередъ, но не успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ полетѣли внизъ и очутились возлѣ ямщика, который дрожалъ отъ холода.

— Гдѣ мы? былъ первый вопросъ мой.

— А Богъ знаетъ, баринъ, извѣстно только, что сбились съ дороги.

— Это оврагъ что ли?

— Должно быть рѣка, в. б—іе!

— Что же намъ дѣлать?

— Что прикажете. Поѣдемъ влѣво, опять доберемся до большой дороги, поѣдемъ вправо — должны быть деревни.

— Ужъ лучше вправо, сказалъ я, садясь въ сани, авось найдемъ ночлегъ гдѣ нибудь; выбравшись же на большую дорогу, опять собьемся.

— И немудрено, баринъ, вѣтеръ билъ бы прямо въ лицо, а теперь съ Божьей помощью какъ нибудь доберемся, да и ѣхать по рѣкѣ безопаснѣе.

Кони быстро понеслись по гладкому льду. Я перезябъ жестоко, но мысль, что, можетъ быть, найду ночлегъ, ободрила меня. Скоро намъ послышался звонъ колокола.

— Деревня, баринъ! крикнулъ ямщикъ и быстрѣе погналъ удалую тройку.

Мятель не утихала; зги не было видно.

Кони уперлись во что-то. Ямщикъ, соскочивъ, объявилъ, что это заборъ господскаго двора. Кое-какъ отыскали мы ворота, я рѣшился заѣхать къ кому бы то ни было, подумавъ, что самому злому врагу грѣхъ отказать въ ночлегѣ въ подобную погоду. Взойдя на крыльцо, я началъ стучать въ дверь; слуга вышелъ.

— Кто тамъ?

— Отворяй, ради Бога, узнаешь послѣ! отвѣчалъ я и вошелъ въ переднюю.

Усердный старикъ помогъ мнѣ раздѣться; обогрѣвшись нѣсколько, я началъ разспросы. Помѣщикъ, къ которому я заѣхалъ, былъ отставной ротмистръ Адамовъ. Доложили о пріѣздѣ незнакомаго офицера и сейчасъ же я былъ приглашенъ въ гостиную. Всѣ комнаты, черезъ которыя проходилъ я, были освѣщены, но такъ лишь, что поражали мрачнымъ великолѣпіемъ. По всему было видно, что хозяинъ дома чрезвычайно богатъ; но во всемъ проявлялся отпечатокъ какой-то мрачности.

Наконецъ, я очутился въ гостиной: то была обширная синяя комната. За большимъ овальнымъ столомъ сидѣла старушка, она что-то вязала, возлѣ нея хорошенькая блондинка читала книгу; у камина сидѣлъ молодой человѣкъ съ трубкой, черты котораго располагали въ его пользу, а за фортепьяно, склонивъ на руку голову, казалось, дремала молодая особа поразительной красоты. Хозяинъ при входѣ моемъ подошелъ ко мнѣ, привѣтливо протянулъ руку, старушка и дѣвушка поклонились; но красавица, сидѣвшая за фортепіано, не обра-

тила никакого вниманія. Въ короткихъ словахъ я разсказалъ, какой неожиданный случай привелъ меня къ нимъ. Старушка приказала приготовить чаю, и я присѣлъ на кресло, придвинутое къ столу предупредительнымъ хозяиномъ.

Какъ водится, началось общими мѣстами; но и здѣсь я отвѣчалъ иногда невпопадъ: меня чрезвычайно интересовала задумчивая красавица. Она вовсе не дремала; какъ показалось мнѣ прежде; напротивъ, большіе прекрасные глаза ея устремились на меня, и я никакъ не могъ согласить ея невнимательности къ незнакомцу съ радушіемъ всего семейства. Однимъ словомъ, я смѣшался. Послѣ я замѣтилъ, что старушка съ сыномъ раздѣляли мое смущеніе и, казалось, не находили средства уничтожить его.

Подали чай; мало-по-малу мы разговорились. Хозяинъ былъ просвѣщенный человѣкъ: онъ обо всемъ судилъ здраво; на многое мы смотрѣли съ одной точки; черезъ часъ мы были съ нимъ будто старые знакомые. Дѣвушка приняла участіе въ нашей бесѣдѣ, и я не замѣтилъ, какъ шло время. Не правда ли, сущій кладъ найти такое общество послѣ увѣренности замерзнуть гдѣ нибудь въ снѣжномъ сугробѣ!

Особа, привлекшая мое вниманіе, вдругъ аккомпанируя себѣ на фортепіано, запѣла голосомъ ангела изъ Furioso:

Raggio d'amor parea.

Сердце самаго равнодушнаго человѣка грустно забилось бы при словахъ:

Ah, vieni l'antico amore!

Кончивъ романсъ свой, она подошла къ столу и раскланялась со мною, какъ будто я только что пріѣхалъ. Чрезъ нѣсколько минутъ она поблѣднѣла, вскрикнула, смотря на меня и полумертвою ее унесли изъ гостиной. Все семейство встревожилось. Дамы не показывались. Мы съ Адамовымъ сидѣли у камина.

— Грустно видѣть близкихъ въ несчастномъ положеніи, сказалъ онъ, а еще грустнѣе не знать чѣмъ пособить горю. Дама, которую вы видѣли, моя кузина; недавно потеряла она мужа и съ тѣхъ поръ мы замѣтили въ ней ужасную перемѣну: она еще не лишилась разсудка, но бываютъ минуты, которыя какъ бы служатъ предвѣстіемъ этому несчастному событію.

Тогда только могъ я изъяснить себѣ ея странное поведеніе.

Съ меня взяли слово не уѣзжать на другой день безъ завтрака.

Утромъ, довольно рано, Адамовъ вошелъ въ мою комнату; лицо его было мрачно.

— Предчувствія мои сбылись, сказалъ онъ, кузина неотступно проситъ васъ въ гостиную; она хочетъ сообщить вамъ что-то. Не явный ли это признакъ помѣшательства? Вы не встрѣчались прежде съ нею?

— Нигдѣ и никогда! отвѣчалъ я; но во мнѣ мелькнуло грустное подозрѣніе.

Я нашелъ въ гостиной очаровательную незнакомку. Пристально посмотрѣла она на меня; но во взглядѣ ея не было и тѣни безумія.

— Бога ради, покажите мнѣ вашъ перстень, сказала она тихимъ, но трогательнымъ голосомъ.

Я исполнилъ ея желаніе. Она долго разсматривала кольцо. Грудь ея волновалась и слеза осталась на таинственномъ камнѣ.

— Ильневъ женатъ! сказала она, сжавъ мою руку.

— Да, отвѣчалъ я.

— Довольно; вы должны быть другомъ его... А знаете, кто я?

— Магдалина...

— Да, обманутая Магдалина.

Я предложилъ ей взять у меня принадлежащій ей перстень.

— Къ чему? носите его и вспомяните когда нибудь обо мнѣ. Еще не все: если у васъ спросятъ наши, о чемъ мы говорили, скажите, что я сама открою имъ. Пора вывесть изъ заблужденія добрыхъ родныхъ: они думаютъ, что я потеряла разсудокъ... о, еслибы это была правда!.. Три мѣсяца, какъ я лишилась мужа и почти столько же, какъ узнала, что Ильневъ измѣнилъ мнѣ...

Она закрыла лицо руками.

Послѣ завтрака я разстался съ семействомъ Адамовыхъ, унося въ душѣ грустную мысль о Магдалинѣ.

Однажды принесли мнѣ съ почты нѣсколько писемъ; одно было надписано рукою Ильнева, другое — четкою, но незнакомою рукою. Ильневъ описывалъ мнѣ свое домашнее счастіе, ангельскій нравъ жены своей, просилъ пріѣхать къ нему когда нибудь въ деревню. Въ концѣ онъ упомянулъ, что Магдалина овдовѣла и больше ни слова о той, которая такъ страстно любила его.

Распечатываю другое письмо; вотъ оно:

»Довольно времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы занесены были къ намъ судьбою, чтобъ увѣрить меня въ томъ,

чему въ старые годы я ни за что бы не повѣрила. Все можно перенесть: твердая воля, терпѣніе и время чего не могутъ сдѣлать съ человѣкомъ; но неблагодарность, незаслуженная неблагодарность тягостнѣй всего въ жизни. Въ Кіевѣ, въ казенномъ саду я встрѣтила Ильнева: онъ велъ подъ руку миловидную даму,—вѣроятно, жену свою; я поклонилась ему, какъ старому знакомому; онъ, посмотрѣвъ мнѣ прямо въ глаза, даже не кивнулъ головой хоть изъ приличія и на вопросъ жены: »кто я?« громко отвѣчалъ: »не знаю,—вѣроятно, эта дама приняла меня за кого нибудь другаго«.

Вы помните данное слово предъ отъѣздомъ отвѣчать мнѣ на письмо; будьте же добры, напишите Ильневу объ этомъ происшествіи; скажите ему, что я презираю его и передайте мнѣ отвѣтъ его, если будетъ«.

М. Б.

Я писалъ Валеріану, но никогда не получалъ отъ него отвѣта.

Товарищъ, быть можетъ, забылъ обо мнѣ; но я благодаренъ ему за перстень, который ношу постоянно. Когда порой я засмотрюсь на стройный станъ, или на прекрасныя очи и мечты начнутъ волновать меня, мнѣ стоитъ только взглянуть на перстень, вспомнить таинственный смыслъ его, и ледяное равнодушіе вступаетъ въ права свои, насмѣхаясь надъ мгновенными впечатлѣніями не разъ обманутаго сердца.

Воронежъ. 1848.

РАННІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

(1838—1841)

СВИНЦОВАЯ ПУЛЯ.

РАЗСКАЗЪ.

(Посвящается Н. И. Маслову.)

Кажется, я тогда былъ представленъ въ поручики, началъ полковникъ Мирскій, да, точно, а мнѣ еще не было и девятнадцати лѣтъ, но мой высокій ростъ, атлетическіе члены и мужественный видъ у всякаго на языкѣ удерживали слово »молокососъ«, которымъ въ ссорахъ такъ часто честятъ юношей. Правда, въ тогдашнемъ расположеніи духа, дерзкій языкъ я припечаталъ бы свинцовою печатью, но, слава Богу, меня никто не выводилъ изъ терпѣнія. Я платилъ дань безумію — былъ на поединкѣ, но поединокъ этотъ адомъ иногда горитъ въ душѣ моей: въ разсказѣ моемъ онъ будетъ занимать почетное мѣсто. Это было въ 18... году. Мы стояли въ Польшѣ, въ —ской губерніи; эскадронъ нашъ находился въ мѣстечкѣ И...., а взводъ мой въ деревнѣ пана Осьмянскаго. Квартира у меня была лихая: двѣ комнаты, небольшой садикъ и въ окна прекрасный видъ; а это пріятное условіе военной кочевой жизни. И она, какъ не говорите, имѣетъ свою поэзію. Сегодня я въ грязи, на дождѣ, подъ бурею и подъ одною буркою на сѣдлѣ, провожу осеннюю ночь, стучу отъ холода зубами и рѣжу острыми зубами и ночь, и бивуаки, и осень, и бурю, и процѣживаю сквозь эти же зубы простую сивуху; а завтра, пользуясь всѣми выгодами офицерской квартиры, въ теплой избѣ, за стаканомъ чаю вспоминаю вчерашнюю невзгоду и умѣю цѣнить настоящія блага; на маршѣ дѣлаю замѣчанія, набрасываю ихъ въ записную книжку, въ кругу товарищей убиваю время, и убиваю какъ мнѣ угодно: или колодою засаленныхъ картъ, на лафетѣ еще теплой отъ выстрѣловъ пушки, или тяжелымъ, походнымъ стаканомъ, въ кото-

ромъ призывно кипитъ ямайскій; или... ну, да вы сами знаете, какъ убиваютъ время, и, рѣшительно, военной службы не промѣняю ни на какіе суды, ни на какія палаты; всѣ эти чернильныя дороги въ храмъ славы мнѣ не по сердцу: шумныя, кровавыя, громкія я предпочитаю охотнѣе. Послѣднимъ, обрызганный кровью, взойду я на ступеньки этого храма... Но я такъ уже распространился и заговорился, что господа статскіе побранятъ меня. Да развѣ мнѣ нельзя высказывать своихъ мнѣній? Будто я не знаю, что и нашего брата честятъ и разбойникомъ, и головорѣзомъ, и куклой, и разными названіями. Но это въ сторону, мирюсь: худой миръ лучше доброй ссоры. Кто знаетъ? можетъ быть и я когда нибудь скину эполеты, и, не зная ни полстрочки юриспруденціи, буду таскаться по судамъ, терпѣть несносныя оболочки и бросать остатки пенсіи. О, я увѣренъ, что тогда не пожалѣютъ меня, не посмотрятъ, что семь тяжелыхъ ранъ купили мнѣ увольненія, что нашъ покойный государь надѣлъ на меня Георгія... Но я помню, на чемъ я остановился: кажется, на томъ, что квартира у меня была лихая, какую рѣдко имѣютъ корнеты, и что изъ оконъ былъ живописный видъ. Можетъ быть, кому и не понравится, что недалеко раскинулось по скату горы кладбище, но для меня оно составляло особенную пріятность. Не забудьте, что мнѣ не было еще девятнадцати лѣтъ: пылкое воображеніе, желаніе безпрестанной новизны и частые удары сердца въ спокойной груди приготовляли меня къ чему-то необыкновенному. На высокой горѣ встрѣчалъ я восходъ солнца, у подножія какой нибудь гробницы встрѣчалъ ночь, и когда она опускалась на землю, на душу мою тяжело ложились темныя предчувствія, перемѣшивались между собою, и часто наводили на меня сонъ. Любилъ я эти сны легкіе, прозрачные; ихъ уже не соберетъ душа моя: они росою мелкозернистою пали на блекнущіе листы жизни. Мнѣ пріятно, невыразимо сладостно припоминать то время, когда, беззаботный, я порхалъ отъ мысли къ мысли, отъ удовольствія къ удовольствію. Горя я не зналъ: оно было мнѣ знакомо по разсказамъ, но я чувствовалъ, что для него приготовлено большое мѣсто въ моемъ сердцѣ. Да, горе неизбѣжно въ жизни: мы съ тѣмъ втолкнуты въ міръ этою мачихой-судьбой, чтобы пить горе; повторю, я еще не зналъ его тогда: еще ни одна слеза не положила ѣдкаго слѣда на щекахъ моихъ, румянившихся юностью, ни одна болѣзнь не повредила естественному ходу моего организма; я былъ почти доволенъ собою... слово »почти« здѣсь

необходимо, потому что, во первыхъ, человѣкъ никогда не можетъ быть совершенно доволенъ, а во вторыхъ, мнѣ чего-то желалось, чего-то искалъ я, самъ не зная чего, однако-жъ, не влюблялся въ дочь эконома, которая часто навязывалась мнѣ съ своею любовью. Мнѣ не нравились ея большіе глаза и странная, не обѣщающая ничего походка. Можетъ быть, я слишкомъ былъ прихотливъ, и оттого велъ жизнь почти прозаическую. Однажды услышалъ я, что панъ Осмянскій пріѣхалъ изъ Варшавы погостить въ своей деревнѣ. Это меня веселило сначала, но послѣ и перестало. Экономъ разсказалъ мнѣ, что между паномъ и его молодою женой никогда не бываетъ мира, что послѣдняя зла, какъ баба-яга, и не терпитъ въ своемъ домѣ чужихъ людей, а особенно русскихъ, и все это подтвердила дочь его. Такъ что же мнѣ было въ такомъ знакомствѣ? Пріятно ли слушать ссоры супруговъ, или видѣть, какъ они будутъ коситься, смотря на мой мундиръ? »Эка невидаль«, думалъ я: »панъ Осмянскій! провались онъ съ женою хоть сквозь землю: моя нога не будетъ у него въ домѣ.« И еще надобно знать, что я терпѣть не могу злыхъ женщинъ: это для меня хуже стиховъ безъ мысли, несноснѣе выдохшихся цвѣтовъ и приторнѣй умствованій какого нибудь школяра. Посмотрите на женщину, когда она бѣсится: я увѣренъ, что невольное отвращеніе повернетъ у васъ и душу, и глаза въ сторону отъ нея. Но Осмянская была молода и зла: это еще больше меня бѣсило. Я никакъ не могъ согласить въ умѣ двухъ мыслей: молодость и злость; это какъ-то не кстати, что-то не вяжется; хорошенькое личико, обезображенное гнѣвомъ, теряетъ всю свою красоту...

Осмянскій пріѣхалъ съ женою изъ Варшавы и привезъ съ собою задушевнаго друга, пана Дзябельскаго, который повелѣвалъ имъ по своей волѣ, и, какъ говорили, этотъ-то Дзябельскій былъ главною причиною ссоры супруговъ.

Это было лѣтомъ. Я сидѣлъ у окна квартиры и любовался потухающимъ днемъ, одною изъ моихъ любимыхъ картинъ. Отъ нечего дѣлать, я самъ чистилъ свои Кухенрейтовскіе пистолеты. Съ дѣтства любилъ я стрѣлять, тогда еще, какъ мнѣ запрещали это, но когда я служилъ, когда мнѣ никто не только не запрещалъ, но еще долгъ службы повелѣвалъ, какъ офицеру, лихо стрѣлять изъ пистолетовъ, я предался любимому занятію, и могу похвастать, что изъ десяти разъ одинъ только давалъ промахъ въ туза на двѣнадцати шагахъ. Я уже вычистилъ и собралъ мои пистолеты, зарядилъ одинъ изъ

нихъ, намѣреваясь шутя выстрѣлить въ воробья: хотѣлось попробовать снизать его на лету пулею, насыпалъ на полку пороху, придавилъ ее, курокъ щелкнулъ... какъ вдругъ постучались въ двери; вслѣдъ за этимъ дверь отворилась настежь, и прекрасная женщина съ растрепанными волосами, въ изорванной одеждѣ вбѣжала въ мою комнату. Я остановился и взорами спрашивалъ ее о причинѣ посѣщенія.

— Спасите, ради Бога! Меня хотятъ убить, сказала она по польски, падая въ изнеможеніи на стулъ.

— Не бойтесь... Что вамъ угрожаетъ? говорилъ я ей, и сердце у меня билось, какъ въ лихорадкѣ. Вы безопасны. Но, кто вы?

— Осмянская... Мой мужъ...

— Ага! она здѣсь, заревѣлъ грубый голосъ у дверей, я тебя вырву изъ рукъ москалей! и звѣрскаго вида мужчина вбѣжалъ въ мою комнату. Изъ-за него выглядывала другая рожа, скверная словно олицетворенное безобразіе. Бюффонъ мой заворчалъ, а я спросилъ довольно скромно:

— Что вамъ угодно?

— Что мнѣ угодно? спросилъ великанъ, мою жену, чтобы наказать ее.

Осмянская бросила на меня умоляющій взоръ. Я давно уже въ мысляхъ примирился съ ней и готовъ былъ за нее отважиться на все.

— Но она подъ моей защитой, и я прошу васъ удержать гнѣвъ свой, сказалъ я.

— Какъ, чортъ возьми! заревѣлъ Осмянскій, моя жена у васъ подъ защитой, и я, господинъ въ селѣ и мужъ этой негодной, не имѣю права убить ее тутъ же? Не храбрись, панъ поручикъ; и не такихъ, какъ ты, подчивали мы малахаями.

Онъ сверкнулъ кинжаломъ.

— Убирайся, негодяй! закричалъ я, жестоко взбѣсившись на его выходку, или и ты, и твой товарищъ не останетесь цѣлы. Вонъ отсюда; не то убью перваго, кто осмѣлится хоть пикнуть.

Я взялъ пистолеты.

— Господинъ офицеръ, мы обидѣли другъ друга какъ благородные люди, и мы раздѣлаемся съ вами; но позвольте же и мнѣ поступить съ женою, какъ мнѣ угодно.

— Я далъ ей слово защищать ее, и ни за что въ свѣтѣ никому не позволю ее обидѣть.

— Но какое вы имѣете право удерживать? запищалъ уродъ.

— А вотъ какое: если только вы не уберетесь отсюда сію же минуту, то я васъ перестрѣляю, какъ воронъ. Пошли вонъ, разбойники! Я прицѣлился; они торопливо побѣжали изъ квартиры, грозясь на меня. Теперь представьте мое положеніе. Молодой человѣкъ, влюбленный уже до-нельзя, наединѣ съ предметомъ любви, и какъ? она была у меня подъ защитой, она обязана мнѣ своимъ спасеніемъ, можетъ быть, жизнью! И неужели, вы думаете, она не благодарила меня? Этотъ долгій, нѣжный, пламенный взоръ напечатлѣлъ на душѣ моей черты вѣчной памяти; и эта блестящая слеза, орадуженная заходящимъ солнцемъ, объалмазила ихъ. Мнѣ не забыть Элеоноры, не отдѣлить отъ нея воспоминанія о счастьи! Къ чему говорить лишнее? я былъ влюбленъ, но не смѣлъ высказать любовь свою Элеонорѣ. Посудите, въ какомъ я былъ положеніи, и что вытерпѣло мое сердце, услышавъ ангельскій голосъ:

— Моихъ словъ недостаетъ, чтобы выразить вамъ благодарность за спасеніе; но вы только начали — окончите же его; ради Бога, не медля отвезите меня къ теткѣ, верстъ за восемь отсюда, въ Б...

— Все, все, что только могу, сдѣлаю, отвѣчалъ я, но у меня нѣтъ здѣсь экипажа.

— Велите скорѣе осѣдлать лошадь, я не боюсь...

И я велѣлъ осѣдлать пару лошадей. Но какъ ни былъ умъ мой отуманенъ парами сердца, однако брызнула въ немъ искра — мысль объ опасности въ пути. Трубачъ недалеко квартировалъ: я сказалъ вѣстовому слово — и зарокотала труба, а черезъ десять минутъ возлѣ моей квартиры, въ полномъ вооруженіи, вился взводъ уланъ, и храбрый вахмистръ Солодченко стоялъ въ комнатѣ, ожидая приказаній. Взглянули бы вы тогда на Элеонору — вы пали бы къ ея ногамъ; но я, волнуемый робостью, только смотрѣлъ на нее, только удивлялся...

Мы уже отъѣхали версты три, уже рысью неслись по березовому лѣсу, какъ лошадь Элеоноры зафыркала, захрапѣла, начала бѣситься.

— Теперь ей шпоры! кричалъ вахмистръ, рисуясь на своемъ гнѣдкѣ; но онъ забылъ, что ею управляла Элеонора.

Я удержалъ лошадь и умолилъ сѣсть со мною вмѣстѣ. Да, ѣхать вмѣстѣ съ той, кого любишь, и еще ѣхать на одной лошади верхомъ, подъ покрываломъ ночи, упоительно! Но она молчала: этотъ день много, много опечалилъ ее; а я могъ ли что нибудь говорить? Я потерялъ всѣ способности, но велѣлъ взводу ѣхать тише, имѣя въ этомъ выгоду быть

долѣе вмѣстѣ съ Элеонорой. Нѣсколько уланъ ѣхали впереди, а остальные, составляя нашу свиту, вмѣстѣ вытягивались и въ арръергардъ. Что со мною было тогда, я не помню; помню только, что, когда распущенные локоны Элеоноры наносились вѣтромъ на мое пылающее лицо, я блаженствовалъ. Вдругъ послышались назади крики, раздался пистолетный выстрѣлъ, и Элеонора, лишившись чувствъ, упала на мои руки. Меня обдало холодомъ: приходилось и приводить въ чувство бѣдную женщину, и распоряжаться при отраженіи нападенія! Кровопролитія я не хотѣлъ, а уже до слуха моего долетали проклятія Осмянскаго. »Маршъ, маршъ!« скомандовалъ я, но пуля оцарапала мнѣ правую руку, которою обвивалъ я талію Элеоноры. Однако все кончилось благополучно; мы домчались до Б..., и, сдавъ теткѣ Элеонору, отпустивъ взводъ, остался я ночевать у пани Свѣчинской. Нѣтъ, тогда я былъ сумасшедшій: ночь напролетъ не смыкалъ глазъ, и ко всякой мысли, о чемъ бы ни была она, присоединялась Элеонора. Золотыя минуты! васъ не переживать дважды; вы летучи, какъ молнія, очаровательны какъ небо, вы сладки какъ взаимность! Кипучимъ жемчугомъ текли мои слезы на измятый шарфъ Элеоноры, забытый ею и лежавшій передо мной. Мнѣ казалось, сильнѣе всѣхъ вздоховъ, которые принялъ онъ во время своего существованія, они выжгли на немъ слово »люблю«. И разумъ, этотъ добрый другъ тогда покинулъ меня, развѣялъ всѣ мысли, оставивъ двѣ только сторожевыя, но и тѣ были: люблю Элеонору. Я мялъ шарфъ, цѣловалъ шарфъ, лилъ слезы на шарфъ, спрашивалъ его о ней; но шарфъ молчалъ, и когда въ растворенное окно залеталъ вѣтеръ, онъ прислонялся къ моей груди, отряхалъ мои слезы; на него лилась и кровь раненой руки, а я того не чувствовалъ... Я, полный блаженства, гналъ отъ очей сонъ, и мысли мои витали надъ спящею Элеонорой и глядѣли въ ея сердце; но тамъ все было покойно, лишь тихонько вливались въ него чувства признательности.

— Вы ранены? спросила на другой день меня Элеонора, увидѣвъ обвязанную чернымъ платкомъ мою руку.

— Немного пошалила пуля, не стоитъ даже, чтобы и думать объ этомъ.

— Я не знаю, что и говорить вамъ. Насилу собралась поблагодарить васъ и, вижу, что вы ранены черезъ меня. Боже мой, выражу ли вамъ все, что чувствую!

— Я сдѣлалъ только то, что долгъ велитъ каждому.

— Нѣтъ, великодушный чужеземецъ, вы сдѣлали больше, и я всю жизнь буду въ долгу у васъ.

Я стоялъ и смотрѣлъ на нее. Не знаю, была ли Венера, по выходѣ изъ морскихъ волнъ, прелестнѣе; свѣтились ли у нея такъ пламенно очи, очи дивныя, какихъ вы не съищете нигдѣ; волненіе Элеоноры высказывалось въ смятенномъ видѣ, въ румянцѣ и въ прерывистомъ колыханіи груди. По мнѣ пробѣгала любовь безумная съ быстротою электричества, но электричество это разрѣжало только организмъ душевный; я былъ тогда далекъ земнаго... Послѣ обѣда я сидѣлъ съ Элеонорою въ гостиной, думая, какъ бы остаться въ Б... подолѣе.

— Я угадала, о чемъ вы думаете.

— Полагаю, что нѣтъ.

— Вы думаете о вчерашнемъ приключеніи и желаете знать причину его.

— Мнѣ любопытно было знать ее, но я думалъ о другомъ.

— О чемъ же?.

— О томъ, что мнѣ надобно поспѣшить въ эскадронъ.

— Поживите у насъ; вы же ранены: грѣхъ вамъ такъ рисковать собою.

— Видите ли что, Элеонора: я обидѣлъ вашего мужа; хотя за это я съ нимъ расквитаюсь, но я вооружалъ своихъ солдатъ, двое изъ нихъ ранены; надобно поговорить съ ротмистромъ; это нехорошо, надобно тушить огонь при началѣ...

Она задумалась на время.

— Такъ вы будете отвѣчать за то, что спасали меня?

— За это я не боюсь ничего въ мірѣ; но на счетъ солдатъ надобно переговорить.

— Когда же вы насъ оставите?

— Хочу сегодня.

— Не ѣздите, Мирскій; пробудьте сегодня съ нами; притомъ же рана ваша...

— Не безпокойтесь о ней.

— Останетесь же сегодня?

— До вечера, а ночью уѣду.

Мы опять замолчали, и мнѣ, признаюсь, нравится этотъ промежутокъ: есть, что-то пріятное въ этомъ молчаніи, оно какой-то проводникъ радости; оно стелется по простору времени, какъ прохладная волна по знойному воздуху. Я разумѣю молчанье, кога любовь окрилена еще надеждами, когда надежды не потеряли еще ни одного перышка изъ крыльевъ своихъ, перелетая преграды, подставляемыя судьбою; мнѣ ка-

залось, въ томъ молчаніи я слышалъ голосъ неба, говорившій тихо, невнятно сердцу. Мнѣ тогда же пришло на мысль: зачѣмъ Элеонору называютъ злою? Неужели это существо, милое, какъ ангелъ, способно быть злымъ? Нѣтъ, нѣтъ, — ложь говорили мнѣ.

— Мирскій! скажите мнѣ, что вы думаете о вчерашнемъ?..

— То, что мужъ вашъ долженъ быть сумасшедшій.

— О, нѣтъ, онъ уменъ; но хитрый, лукавый Дзябельскій, другъ Осмянскаго, довелъ его до этого. Я несчастна и несчастна сильно. Понимаете ли вы обманутую любовь? Она ужасна и губительна. Я вышла замужъ по любви, обольщенная коварствомъ, и узнала, что меня не любили. Безпрестанныя непріятности, наговоры его друга, все удвоивало мою горесть, и, наконецъ, низкая клевета Дзябельскаго довела мужа моего до изступленія. Если бы я не нашла въ васъ защитника, то погибла бы... И что́ чувствовала я, стоя у вашей двери? Какой стыдъ обливалъ меня!.. Но чувство самосохраненія втолкнуло меня въ вашу комнату, и вы оправдали мое довѣріе.

Слезы лились изъ глазъ ея. Нѣтъ, напрасно я вспомнилъ эти былые сны! Мнѣ что-то становится грустно. Воображеніе еще можетъ освѣтить эти горы, заслонившія мракомъ своимъ мое очарованіе. Лучше было бы, когда бы мы ничего не помнили, а то, вспомнишь грустное — грустно, вспомнишь веселое, когда уже мелькнуло оно, — еще грустнѣе. Я сочувствовалъ Элеонорѣ, но не могъ оторвать слезъ отъ сердца: онѣ прикипѣли къ нему, и мнѣ было тяжко; но впереди цвѣтилась радуга, пестрѣли дни, украшенные радостью, — и грусть моя была мгновенна.

— Отъ васъ зависитъ, сказалъ я, расторгнуть оковы: оставьте мужа, хоть не навсегда, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ, почувствовавъ всю гнусность своего поступка, не воротится на прежній путь, и слезами, у ногъ вашихъ, не омоетъ самаго воспоминанія о своемъ безразсудствѣ.

— Нѣтъ, не воротится онъ на прежній путь. Дзябельскій управляетъ имъ по своей волѣ, и обманутая любовь моя уже убита этимъ чудовищемъ. Я любила мужа, но теперь ненавижу его.

— Онъ сто́итъ этого, Элеонора; человѣкъ коварный презрителенъ.

— Я боюсь, чтобы онъ васъ не вызвалъ на поединокъ.

— Это вѣрнѣе всего. Да хотя бы онъ и не вызвалъ, такъ я вызову его.

— Боже мой! Зачѣмъ подвергать опасности свою жизнь? Осмянскій хорошо стрѣляетъ...

— Иначе быть не можетъ. Онъ обидѣлъ меня, и у насъ разсчетъ долженъ быть кровавый.

— Вы такъ молоды. Сохрани Богъ, онъ убьетъ васъ!

— Я военный человѣкъ: жизнь моя всегда подвержена опасности.

— Но я предметъ вашей ссоры...

— Тѣмъ болѣе я хочу отмстить Осмянскому. Я узналъ, что у васъ нѣтъ ни брата, ни даже родственника, который бы научилъ его, какъ обходиться съ вами; такъ позвольте же мнѣ.

— Вы принимаете во мнѣ участіе, добрый Мирскій; но я не хочу быть виновницею вашей смерти.

— Отчего же смерти? Можетъ быть, я останусь живъ, но тогда какъ вы будете смотрѣть на убійцу вашего мужа?

Она такъ посмотрѣла, что я не вытерпѣлъ, поцѣловалъ ея руку и не могъ долѣе оставаться съ нею.

Тихими шагами бродилъ я по террасѣ. Человѣкъ подалъ мнѣ письмо; я сорвалъ печать и не ошибся: то былъ вызовъ Осмянскаго.

Кровь закипѣла въ моихъ жилахъ. Отмстить за Элеонору грубому Осмянскому считалъ я благополучіемъ. »Завтра въ 6 часовъ утра«, писалъ онъ: »въ саду Свѣчинской, у еловой бесѣдки, ожидаю я васъ«. На что же лучше? Я могъ пробыть долѣе въ Б., и наканунѣ смерти мнѣ было весело; я и не думалъ о завтрашнемъ поединкѣ, онъ казался мнѣ шуткою.

Я опять вошелъ въ гостиную; но тамъ уже были двѣ или три сосѣдки съ громкими голосами, съ неистощимымъ запасомъ разныхъ разсказовъ; я не слушалъ ихъ, а глядѣлъ на Элеонору и тихо говорилъ съ нею.

— Вы что-то встревожены, говорила она, смотря мнѣ въ глаза.

— Немного; со мной не случилось ничего; я только получилъ записку отъ вашего мужа.

— Вѣрно вызовъ?

— Вы угадали.

— И вы непремѣнно будете стрѣляться?

— Непремѣнно, Элеонора. Ничто не можетъ удержать меня.

— Ничьи просьбы?

— Ничьи въ мірѣ.

— Для той, кого вы любите, оставьте дуэль.

— Нельзя этого сдѣлать: я послалъ уже отвѣтъ и не хочу быть трусомъ ни въ чьихъ глазахъ.

— Ахъ, Боже мой! Вчера только я познакомилась съ вами, а завтра, черезъ меня, можетъ быть, вы лишитесь жизни.

Она ушла изъ гостиной, оставивъ меня въ жертву злоязычнымъ старухамъ. Я не могъ долѣе терпѣть ихъ любопытныхъ нападеній, »оттакивался и отдакивался«, наконецъ, и самъ ушелъ комнатъ за десять отъ гостиной, и, задумавшись, сѣлъ въ кресло. Я отправлялъ мысли свои въ наѣзды, чтобы уловить милую надежду, скрывавшуюся за завтрашнимъ днемъ; но они возвращались назадъ, также какъ и прежде печальныя, и не приносили мнѣ утѣшенія. Наконецъ, заныло сердце. Какъ не говорите, а все не хочется разставаться съ бѣлымъ свѣтомъ. Хоть я и не зналъ навѣрное, кто падетъ изъ насъ, но предчувствіе кипѣло во мнѣ къ добру. Торопливый шумъ атласнаго платья и поспѣшные, легкіе шаги долетѣли до моего слуха, прежде чѣмъ успѣлъ я оглянуться, Элеонора стояла уже передо мною.

— Мирскій, еще разъ: намѣреніе ваше рѣшительно?

— Неизбѣжно, какъ судьба.

— Простите же меня, я виновата...

Второй разъ я прижалъ къ губамъ милую ручку.

Издали долетѣлъ до насъ колокольный звонъ; мы вздрогнули, но умиленіе пробѣжало по лицу Элеоноры.

— Мирскій, пойдемъ вмѣстѣ молиться: костелъ недалеко.

Мы пошли. Тихій вечеръ былъ очарователенъ. Въ березовой рощѣ стоялъ костелъ. Путь къ нему лежалъ черезъ цвѣточные луга; но колоколъ билъ такъ уныло... Тихій звонъ его медленно плылъ по воздуху вечера, и наводилъ уныніе. Мы вошли въ церковь. Было довольно темно. Элеонора упала на колѣна передъ большею иконою: я сталъ возлѣ нея. Тусклая лампада блѣдно освѣщала лицо этой прелестной женщины. Тутъ я совершенно растерялся; я плакалъ, рыдалъ, смотря на ангела, молившагося за меня... Слыхали-ль вы молитву въ устахъ любимой женщины, когда она молится за васъ со всѣмъ пыломъ умиленія, съ слезами вѣры, искрящимися на длинныхъ рѣсницахъ? Не забудешь ли въ то время и жизнь, и смерть, и все, все кромѣ нея!.. Всѣ мои чувства слились въ святое благоговѣніе... И эта женщина принадле-

жала другому! Я чувствовалъ, что перерождаюсь; я слышалъ, какъ сердце билось въ груди, окриленное любовью... Не помню, что было со мною. Мы вышли изъ церкви и пошли гулять по кладбищу.

— Вотъ здѣсь похоронятъ меня, сказалъ я, указавъ на небольшой холмикъ: и Элеонора придетъ на могилу мою, прольетъ слезу воспоминанія.

— Не говорите этого... Я не хочу объ этомъ думать.

— Это такъ возможно, Элеонора, и, можетъ быть, я здѣсь буду лежать завтра же.

— Мирскій! Я молилась сегодня за васъ, а молитвы несчастныхъ доступны небу.

— О, когда вы молились за меня, я не боюсь ничего.

Она подошла къ одному кресту и облокотилась на него; вѣтеръ заструилъ ея зеленое покрывало... Она была неподвижна, молчалива, и нѣмая сцена наша продолжалась довольно долго. Я подстерегъ не одинъ вздохъ, выпилъ не одинъ сладкій взоръ въ продолженіе нашего молчанія, и взаимность, милая гостья, казалось, готова была посѣтить меня. Сладко пить взаимность еще тайную, когда она только играетъ въ улыбкѣ, свѣтится въ очахъ; и не забудьте, у меня было сердце, до того не знавшее любви; а сердце дорогой сосудъ: счастливъ, кто не прольетъ изъ него тишины; счастливъ и тотъ, кто, наполнивъ любовью, не раскалитъ его въ жару думъ несбыточныхъ. Я чувствовалъ, что сердце мое было полно любви, било вверхъ любовью... Память, память, откажи мнѣ! свѣй свой свитокъ,—нѣтъ, не хочу воспоминать того вечера; а онъ такъ упоителенъ, такъ полонъ нѣги и страсти!.. Онъ уже не возвратится; не хочу-жь и я возвращаться къ нему памятью. Уже было утро; я не могъ сомкнуть глазъ, и тревожимый предчувствіемъ, волнуемый любовью, не помня самъ, что дѣлаю, я вошелъ въ комнату Элеоноры. Она дремала, и я молча любовался этимъ неземнымъ созданіемъ. Лучи утренняго солнца золотомъ разсыпались въ комнатѣ. Распустивъ длинные черные волосы, роскошно лежала Элеонора; прекрасныя формы ея обрисовывались подъ прозрачнымъ покрываломъ, и румянецъ такъ ярко разливался на юномъ лицѣ... Казалось, сладкое сновидѣніе утѣшало ее: она улыбалась; я не вытерпѣлъ, поцѣловалъ малиновыя уста ея, и тамъ же, у ногъ ея, поклялся страшною местью противъ Осмянскаго. Любовь моя была невинна, невинна, какъ душа младенца! Осмотрѣвъ свои писто-

леты, и на всякій случай подпоясавъ саблю, я отправился въ садъ. Недолго искалъ я Осмянскаго; мы сошлись.

— У васъ нѣтъ секунданта, сказалъ онъ: но я позабылъ, что жена моя можетъ служить вамъ.

— Я стрѣляюсь съ вами безъ секунданта и не желаю вовсе говорить по пустому. Дзябельскій отмѣрилъ шаги, мы стали на барьеръ.

— На смерть? сказалъ я.

— На смерть, повторилъ Осмянскій.

Изъ-за куста выбѣжала Элеонора. Осмянскій бросился къ ней и схватилъ ее за прекрасные волосы. Сердце мое вырывалось изъ груди: я выпалилъ изъ пистолета, и, вмѣсто врага, попалъ въ Элеонору; пуля ударила ей въ правую сторону груди... Дикій хохотъ Дзябельскаго вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія; я далъ по немъ изъ другаго пистолета и повергъ его на землю, а къ Осмянскому, забывъ правила чести, бросился съ обнаженною саблею. Это такъ поразило его, что онъ не попалъ въ меня въ двухъ шагахъ. Помню, что я всадилъ весь булатъ въ грудь его и нѣсколько разъ повернулъ въ ранѣ. Я заболѣлъ...

Это было въ 1811 году. Послѣ битвы при Бородинѣ, когда мы переходили опять черезъ Польшу, я заѣхалъ къ Свѣчинской. Элеоноры уже не было: свѣтлая душа ея витала далеко! Старушка только вручила мнѣ отъ нея письмо, писанное передъ смертью, и эту пулю, которую я никогда не забуду. Эта пуля та самая, которая вынута изъ ея груди, и которая выкупалась въ крови Элеоноры. Вотъ почему не отдамъ я ея ни за что въ мірѣ, и лучше соглашусь потерять все, чѣмъ лишиться моей свинцовой пули.

Такъ полковникъ кончилъ разсказъ свой.

Ново-Бѣлгородъ. 1838.

ИЗЪ РОМАНА
„ЧУГУЕВСКІЙ КАЗАКЪ".

Глава V.

Чудный роскошный вечеръ медленно спустилъ свои темные покровы надъ обширнымъ хуторомъ Чайки. Это было 23-го іюня, въ торжественный день Ивана Купала. Еще съ утра дѣвушки опустошали рощи и поля, срывая и голубые колокольчики, и душистый малиновый горошекъ, и полевыя астры. Онѣ сплетали вѣнки — каждая для себя и для своего милаго; въ этихъ вѣнкахъ они должны были, по обычаю, прыгать черезъ огонь въ честь Ивана Купала.

Съ какимъ наслажденіемъ молодежь ожидала веселаго праздника! И вотъ заря потухла на западѣ. Чуть-чуть яснѣло зарево: сумерки вступали въ свое владычество. Шумный день смѣнился тишиною; мракъ прикрылъ все черными крылами; но въ этой тишинѣ и въ этомъ мракѣ скрывалось что-то: всюду было такъ радостно. Надъ прудомъ, въ густыхъ вербахъ, отзвкликнулся соловей, другой отвѣтилъ ему, и въ минуту воздушные пѣвцы наполнили воздухъ очаровательною гармоніей. Вдругъ на широкомъ выгонѣ въ разныхъ мѣстахъ блеснули огни. Мало по малу, пламя, загораясь, освѣщало темныя группы людей, говоръ которыхъ становился слышнѣе съ усиливаньемъ пламени; но когда вспыхнули костры и освѣтили радостныя лица юности въ лучшемъ уборѣ, въ разноцвѣтныхъ вѣнкахъ, голоса послышались явственнѣе: говоръ шумѣлъ; чистосердечный смѣхъ разносился далеко.

Что-то поэтическое было въ этой картинѣ. Молодые казаки и дѣвушки, освѣщаемые огнемъ, толпились вокругъ костровъ, и далѣе въ тѣни, когда огонь вспыхивалъ съ особенной силою, появлялись образы стариковъ и старухъ, собрав-

шихся смотрѣть на веселье молодежи и, можетъ быть, вздохнуть, вспомнивъ свою быстротечную молодость. Все было готово, но, казалось, ждали кого-то. Еще подкинули пищи для пламени, и толпы поминутно осматривались вправо. И вотъ показалась небольшая группа. Дѣвушки разступились, казаки почтительно сняли шапки. Впереди всѣхъ шли въ прихотливо-сплетенныхъ вѣнкахъ Дмитрій и Елена; за ними Марія, Максимъ и лукомскій сотникъ Осика. Чайка свято сохранялъ всѣ предразсудки, всѣ обычаи предковъ, а потому Елена должна была присутствовать на праздникѣ Ивана Купала. Не первый разъ гречанка выполняла это; но никогда съ такимъ удовольствіемъ не ожидала она этого празднества, какъ теперь, потому что Чайка уговорилъ и Дмитрія принять участіе въ торжественномъ обрядѣ. Мало труда стоило уговорить Дмитрія: онъ видѣлъ, что передъ захожденіемъ солнца Елена возвратилась съ дѣвушкой изъ лѣса, обремененная свѣжими, благовонными цвѣтами, и своими нѣжными ручками свила два вѣнка, душистые, созданные ея фантазіею. А когда она украсила чугуевца однимъ изъ нихъ и проговорила, вспыхнувши румянцемъ: »какъ это пристало тебѣ, Дмитрій!« тогда онъ не промѣнялъ бы ни на что этотъ вѣнокъ, простой вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ Украины. Весело взявшись за руки, перепрыгнули Дмитрій и Елена черезъ пылающій костеръ и побѣжали, а руки ихъ не разошлись при этомъ движеніи. Единодушное восклицаніе было имъ наградою. Вслѣдъ за ними понеслись юныя пары; иныя весело бѣжали вслѣдъ за первой парой, другія, у которыхъ расходились руки, грустно опустивши головы, шли въ разныя стороны, угадывая по этому предзнаменованію, что такъ разойдутся и пути ихъ жизни. Но рѣдкіе замѣчали несчастливцевъ: большая часть паръ удачно переносилась черезъ огонь, и обрядныя пѣсни лились звонкою гармоніей.

Дмитрій съ любовью держалъ руку Елены, и она не отнимала ея, потому что ей такъ было хорошо въ этомъ положеніи во мракѣ вечера. Между тѣмъ подкладывали костеръ и ожидали пламени, чтобы снова начать веселый обрядъ въ честь Купала.

— Руки наши не разошлись, сказалъ Дмитрій, знавшій уже всѣ таинства этого вечера: а я боялся, очень боялся *).

*) И до нынѣ сохранился этотъ обрядъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи. По обыкновенію, каждую пару составляютъ юноша и дѣвушка, любящіе другъ друга. Когда пара перепрыгнетъ черезъ костеръ и руки не разойдутся — добрая примѣта; если же разойдутся — будущее готовитъ однѣ тернія для влюбленныхъ. *Прим. автора.*

— Что же тебѣ тутъ страшнаго? спрашивала тихо Елена.

— Что мнѣ страшнаго?

Онъ удивился, зачѣмъ Елена предложила ему подобный вопросъ и не смѣлъ отвѣчать на него. Елена тоже молчала.

Костеръ запылалъ снова, и своей чередой понеслись пары только въ обратномъ порядкѣ. При вспыхнувшемъ пламени Дмитрій видѣлъ смятеніе гречанки, и хотя долго простояли они, пока дошла до нихъ очередь, а ни слова не промолвили другъ другу. Вотъ, наконецъ, и они понеслись рѣзвые, вольные и снова неразрозненные оставили костеръ далеко за собою. Обрядныя пѣсни раздались у потухающаго пламени. Задумчивы, по прежнему, стояли влюбленные. И костеръ потухъ, и снова подложили сухихъ дровъ; прошло довольно времени, пока вспыхнуло пламя. Но ни Дмитрій, ни Елена не прерывали молчанья. Въ этотъ разъ имъ уже надобно было напомнить, что пора начинать. Съ замираніемъ сердца, съ трепетомъ души пустились они въ третій и послѣдній разъ испытать судьбу свою, сжали крѣпче за руку другъ друга и снова не были разрознены. Марія вздохнула, смотря на нихъ; Максимъ нахмурился, а Осика исподлобья смотрѣлъ на статнаго чугуевца. Но счастливы были влюбленные, что даль и мельканье костра отъ прыгающихъ паръ спасли ихъ отъ наблюдательныхъ взоровъ.

Молодежь съ шумомъ и пѣснями расходилась въ мѣста, гдѣ были улицы *). Но многое перемѣнилось въ домѣ Чайки.

Дмитрій совершенно выздоровѣлъ. Отъ Павла Максимъ узналъ, что чугуевскій казакъ былъ сынъ полковника Сулимы; но Дмитрія не радовало это открытіе. Хотя онъ и узналъ, кто были его родные, однако всѣ они погибли мучительною смертью подъ ножами поляковъ. Изъ огромнаго ихъ имѣнія не осталось для него ни клочка; онъ даже не могъ узнать, гдѣ покоились страдальческіе остатки его родителя. Максимъ полюбилъ Дмитрія, какъ удалаго казака, имѣвшаго картинную лошадь, какъ удалаго наѣздника; но когда быстрымъ взоромъ проникъ тайну его сердца, пріязнь эта начала охладѣвать мало по малу. Какъ ни была чужда ему Елена, но все онъ хотѣлъ выдать ее за богатаго земляка, а вручить человѣку безъ рода и племени ни за что не соглашался.

*) Улица — собраніе молодежи обоего пола, куда собираются пѣть пѣсни и проводить весело время. Это одно изъ лѣтнихъ удовольствій, которое зимою замѣняется игрыщемъ. На Ивана Купала улица продолжается очень недолго. *Прим. автора.*

Въ тѣ минуты, когда Чайка думалъ объ этомъ, Осика, снѣдаемый любовью, пріѣхалъ къ нему. Влюбленный, онъ старался уже позабыть благоразумное намѣреніе не домогаться руки Елены иначе, какъ вдохнувъ взаимность въ очаровательную гречанку; онъ позабылъ объ этомъ, вспомня, что ему за пятьдесятъ, и видя счастливаго соперника; ему уже хотѣлось, во что бы то ни стало, жениться на этой дѣвушкѣ, дѣйствуя чрезмѣрнымъ богатствомъ своимъ на людей, отъ которыхъ она зависѣла. Полковникъ не посмотрѣлъ на лѣта Осики, не посмотрѣлъ на его сѣдую голову; но мысленнымъ взоромъ окинулъ маетности его, обѣщалъ руку свояченицы, съ условіемъ, однако-жъ, молчать объ этомъ до поры до времени. Когда онъ уговаривалъ Дмитрія прыгать черезъ костеръ съ Еленою, онъ, будучи отъ природы суевѣренъ, думалъ, что непремѣнно руки ихъ разойдутся; когда же обрядъ кончился счастливо, сомнѣнье и какая-то боязнь запали ему въ душу. Однако же, перемигнувшись съ Осикою при невѣрномъ блескѣ потухающаго костра, онъ далъ замѣтить послѣднему, что удвоитъ свою бдительность.

Ужинъ прошелъ невесело. Ни Дмитрій, не Елена не прикасались къ кушаньямъ: имъ хотѣлось услышать другъ отъ друга то, что такъ краснорѣчиво выражали ихъ пламенныя очи.

Дмитрій измѣнился совершенно. Не такимъ выѣхалъ онъ изъ Чугуева. Увидѣвъ Елену въ Онуфріевской обители, онъ такъ былъ пораженъ этимъ видѣніемъ, что, выходя изъ церкви и не видя больше дѣвушки, считалъ это за обманъ воображенія. Когда же сѣлъ на коня и со вздохомъ поѣхалъ въ путь, попрежнему ропотъ на судьбу изрекало его тоскующее сердце. Но бывъ, неожиданно, больной, завезенъ въ хуторъ Чайки и получивъ облегченіе, онъ уже благословлялъ самую ту судьбу, которую проклиналъ такъ недавно, и, блаженствуя, вѣрилъ, что сбылись пророчества пылкой, своевольной души его. Онъ въ существѣ увидѣлъ тотъ таинственный призракъ, который всюду преслѣдовалъ его; онъ съ восторгомъ видѣлъ тотъ же улыбающійся образъ, тѣ же вдохновенныя, сіяющія очи, ту же стройную, воздушную фигуру. И никогда Елена не была такъ прекрасна, какъ въ присутствіи Дмитрія. Казалось, при немъ только, красота ея принимала всѣ свои совершенства, при немъ одномъ дышала такою роскошью, такъ гармонировала во всѣхъ движеньяхъ.

Пробилъ часъ и для юной гречанки: она вспыхнула любовью.

Дмитрій понялъ свое счастье, и какъ прекрасно забилось его сердце! Не имѣя еще цѣли на счетъ будущаго, отстраняя въ умѣ всѣ препятствія, которыя безсвязно представлялись ему, онъ хотѣлъ слышать отъ самой Елены про свое счастье, хоть разъ прижать къ груди милую.

Въ плѣнительномъ свѣтѣ представлялось ему это мгновеніе, и, чтобы дождаться его, онъ былъ готовъ принесть всѣ возможныя жертвы.

Два серебристые тополя высоко къ небу возносили свои стрѣловидныя вершины въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома Чайки. Нѣжно шептались ихъ широкіе листья, и когда вѣтерокъ пробѣгалъ по нимъ, сквозь вѣтви блестѣли яркія звѣздочки такъ, что деревья можно было считать украшенными безчисленными огоньками. У этихъ тополей лежалъ Дмитрій на мягкой травѣ и думалъ о необычайной суровости Чайки. Цѣлую ночь потомъ промечталъ онъ, смотря на окошко, у котораго покоилась его милая, но покоилась ли она?.. Дмитрій не боялся вѣдьмъ и упырей, которые, по словамъ малороссіянъ, многочисленными толпами гуляютъ въ эту ночь, похищая золу съ костровъ Купала и собираясь въ путь на шабашъ на Лысую-Гору: онъ думалъ о милой. И вотъ запѣли жаворонки. Утренняя звѣзда весело глянула на природу. Прохладный вѣтеръ качнулъ головки цвѣтовъ, и природа начала просыпаться, а вмѣстѣ съ ней и душа Дмитрія пробудилась къ новой жизни. Кто-то мелькнулъ черезъ садъ...

Спустя нѣсколько минутъ, Дмитрій медленными, робкими шагами подходилъ къ явленной иконѣ, гдѣ у криницы *), стоя на колѣняхъ, молилась Елена. Полагая, что никто не видѣлъ ея, она начала смотрѣться въ чистыя струи потока и, разглядывая себя при ясномъ свѣтѣ зари, улыбалась — и какъ улыбалась она! потомъ, распустивъ черные блестящіе волосы, освѣжала лицо свое прозрачною струею.

Дмитрій видѣлъ это и, неподвиженъ, стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Красавица, кончивъ туалетъ свой, покоилась на душистой травкѣ, пощаженной на далекое пространство косой украинца у святой иконы. Елена начала рвать цвѣты и украшать свою головку. Не перемѣняя положенія, она хотѣла достать роскошную вѣтку пахучаго горошка; но цвѣтокъ, какъ бы нарочно колеблемый вѣтеркомъ, уклонялся отъ красавицы. Это занимало Елену. Разумѣется, что она тотчасъ бы могла

*) Источникъ.

сорвать его, еслибы привстала немного; но ей непремѣнно желалось достать его, лежа, не покидая мягкой травы. И всякій разъ, когда она была готова схватить его, пахучій горошекъ отклонялся вѣтромъ и, колеблясь въ сторонѣ малиново-розовыми цвѣтками, дразнилъ красавицу: она отнимала руку, и горошекъ приближался. Но вдругъ онъ исчезъ. Долго ждала Елена появленья его, полагая, что онъ притаился въ густой травѣ, но прошла минута, другая, а его не было. Она удивилась, осмотрѣлась и вскрикнула. Въ двухъ шагахъ отъ нея стоялъ на колѣняхъ Дмитрій и держалъ непослушную вѣточку пахучаго горошка. Не успѣлъ казакъ приподняться, какъ и Елена уже стояла на ногахъ. Они молчали... Молчали они, которые вчера еще были готовы разсказать другъ другу столько сладкихъ рѣчей... Таковъ законъ природы: часъ разлуки значитъ много въ подобныхъ обстоятельствахъ.

— Елена, мнѣ показалось, что ты сердилась на меня вчера послѣ ужина, проговорилъ Дмитрій.

— За что мнѣ на тебя сердиться? отвѣчала она, опуская глаза.

— Да вотъ и теперь ты не хочешь смотрѣть на меня.

— Совсѣмъ нѣтъ.

И стыдливо взглянула она на Дмитрія. Очи ихъ встрѣтились. Таинственно перемѣшался блескъ ихъ взоровъ. Казакъ невольно подступилъ къ любезной.

— Ты для меня сорвалъ этотъ цвѣтокъ?

— Для тебя, моя радость, сказалъ Дмитрій, отдавая горошекъ и схвативъ руку Елены.

Дѣвушка вся горѣла. Неожиданное слово »моя радость« сладостно потревожило слухъ ея.

— Елена, Елена! любишь ли ты меня?

— Ахъ, что ты сказалъ, Дмитрій!

И она не смѣла смотрѣть на него.

— Любишь ли ты меня?

Она рѣшилась взглянуть на милаго и уже послѣ долгаго, страстнаго поцѣлуя скрыла горящее лицо на груди его. Она произнесла роковое слово.

— О моя райская птичка, мой ангелъ небесный! не могу разсказать, какъ я люблю тебя!

— Не забывай же меня! Я умру, когда ты покинешь свою Елену.

— Вотъ святой образъ свидѣтелемъ, что возвращусь къ Преображенью.

— Ахъ какъ долго! Не ѣзди, останься съ нами!

— Нельзя, Елена, я далъ казацкое слово и долженъ вернуться къ атаману.

— Я не переживу этого времени.

— Молись и надѣйся на Бога; а я сегодня же поговорю съ Максимомъ.

Въ это время послышалось ржанье лошади. Влюбленные вздрогнули и увидѣли, что Чайка выѣзжалъ за околицу. Скоро онъ исчезъ, объѣзжая дикаго, степнаго бѣгуна; но любовники по какому-то предчувствію разными дорогами возвратились на хуторъ.

1838.

Глава VI.

Въ тотъ же самый вечеръ, на Ивана Купала, въ Исковцахъ, только что потухли обрядные костры, черезъ площадь осторожно пробирались двѣ женщины. Одна изъ нихъ была въ одной бѣлой рубашкѣ, распустивъ длинные сѣдые волосы; другая убрана богато. Первая наклонялась къ каждому костру и подбирала золу, шепча какія-то непонятныя слова, потомъ останавливалась и долго смотрѣла на звѣзды, которыми было усѣяно прекрасное Украинское небо, и тогда глаза ея, устремленные на лазурь, принимали сатанинское выраженіе; между тѣмъ, какъ другая, на миловидномъ лицѣ которой были написаны страхъ и нетерпѣніе, устремляла боязливо взоры въ глубь лѣса, окружавшаго селеніе. Давно переходили онѣ отъ костра къ костру. Наконецъ, покатилась звѣздочка съ лазури и, описавъ длинную свѣтящуюся полосу, какъ бы разсыпалась надъ Никольскимъ скитомъ.

— Пора! произнесла вѣдьма молчаливой своей спутницѣ, и обѣ онѣ пустились быстро; осторожно перелѣзли черезъ плетень въ садъ пана Славинскаго и исчезли между деревьями.

Посреди Исковецъ, параллельно рѣкѣ Слѣпороду, стоитъ небольшая гора, съ одной стороны покрытая садомъ, съ другой она—голый утесъ, и на утесѣ стоятъ кресты надъ могилами; у подошвы этой горы, отдѣленная рѣкою отъ усадьбы пана Славинскаго, дряхлѣла хижина Аврама Коконенка, нѣкогда храбраго казака; но онъ погибъ давно уже въ Варшавѣ съ несчастнымъ Остраницею. Осталась его жена, но она жила недолго. Въ опустѣлой ихъ хижинѣ поселилась женщина, которую народъ называлъ: баба Совиха. Кто была она? откуда? никто не зналъ, отчего ее называли Совихою? говорили, что фамилія покойнаго мужа была Сова; но что старуха была вѣдьмой, это знали всѣ исковскіе жители.

Народъ боялся ея, миролюбивые монахи не трогали; но чѣмъ проживала она, никто не зналъ. Внутренній засовъ *) всегда былъ задвинутъ въ сѣняхъ; но вечеромъ виднѣлся огонекъ въ окнѣ, и широкимъ столбомъ выносился дымъ изъ

*) Задвижка.

трубы полуразрушенной ея хижины. Недобрая молва ходила про Совиху: говорили, что она доитъ чужихъ коровъ; но какъ это обычное достоянiе вѣдьмъ, единственный доходъ ихъ, то эта молва вызывала одинъ только ропотъ.

Тихо подошла къ своей избушкѣ Совиха въ сопровожденiи молодой женщины и пока послѣдняя не увидитъ огня, не велѣла ей идти за собою. Молодая женщина, дрожа, осталась на дворѣ, а сѣдая вѣдьма проползла въ небольшую дверь. Раздалось унылое мяуканье кошки, и отъ удара кремня въ огниво посыпались искры; скоро вспыхнулъ огонекъ, и молодая женщина была позвана. Робко вступила она въ жилище вѣдьмы, и когда вошла, несмѣло оглянулась. Все было какъ и у людей! только на столѣ лежалъ большой черный пѣтухъ, связанный по ногамъ, да широкiй ножъ блестѣлъ возлѣ. Отвратительно было смотрѣть на полунагую старуху съ сѣдыми волосами, распущенными изъ-подъ темнаго платка! Старое лицо, покрытое морщинами, острый носъ и тусклые безжизненные глаза вселяли какой-то ужасъ къ этому отчужденному существу. Вѣдьма раскрыла нѣсколько маленькихъ горшечковъ, стоящихъ на полицѣ *), и въ каждый всыпала по немногу золы, принесенной съ обрядныхъ костровъ Ивана Купала. Проворно развела она огонь на очагѣ, поставила желѣзный треножникъ и, потушивъ каганецъ **), начала свои таинственныя чары. На треножникѣ клокоталъ горшокъ. Вдругъ гдѣ-то квакнула жаба. Молодая женщина вздрогнула.

— А! по своему заговорила, подколодная! сказала вѣдьма. Еще!..

Кваканье послышалось снова. Вѣдьма вмигъ бросила въ горшокъ огромную черную жабу и сильнѣе раздула огонь.

— Кукуреку! отозвался связанный пѣтухъ.

— И ты запѣлъ пѣсню, красавецъ!

И она широкимъ ножомъ перерѣзала ему горло, и, держа надъ клокочущимъ горшкомъ, смотрѣла, какъ туда капля по каплѣ падала кровь зарѣзанной жертвы; потомъ кинула пѣтуха въ сторону и, приговаривая какiя-то заклинанiя, бросала въ горшокъ сухiя травы, коренья, змѣиную кожу и кости; когда же все это было готово, она отлила часть отвара въ небольшой горшечекъ, влила чего-то туда изъ разныхъ пузырьковъ и поставила на огонь.

*) На полкѣ.
**) Свѣтецъ.

Топотъ коня раздался у избушки. Старуха оглянулась и молча указала молодой женщинѣ пространство за печью, а сама поспѣшила за дверь. Долго разговаривала она съ пріѣзжимъ; наконецъ, привела гостя въ хату.

— Посидите, паночку, сказала она ему, а я поворожу, только пусть закипитъ это зелье.

— А кому это зелье? спросилъ гость.

— Добрымъ людямъ, паночку.

— У тебя есть кто нибудь?

— Никого, далеби *), никого.

Она начала раздувать погасавшій костеръ, и когда пламя вспыхивало, можно было разсмотрѣть гостя: это былъ Лукомскій сотникъ Осика.

Осика въ гостяхъ у вѣдьмы! Что же привело его сюда? зачѣмъ искалъ онъ помощи въ чарахъ?

Угрюмъ и сумраченъ сидѣлъ онъ на лавкѣ и нерѣшительнымъ взоромъ осматривалъ хижину; что-то недоброе было написано на лицѣ его. Дмитрій — этотъ Дмитрій не шелъ у него съ памяти. Осика видѣлъ, какъ румянецъ игралъ на щекахъ Елены, когда ловкій чугуевецъ разговаривалъ съ нею. И не спалось сотнику на мягкой постели на хуторѣ Чайки; вставъ потихоньку, осѣдлалъ онъ своего коня и, зная о могуществѣ исковской Совихи, отправился къ ней, надѣясь непремѣнно получить ожидаемую помощь. Онъ просилъ вѣдьму дать ему такого зелья, отъ котораго бы полюбила его молодая дѣвушка, и Совиха, получивъ червонецъ, все обѣщала ему.

Недолго шла ворожба. Наливъ въ сосудъ чистой воды и заставивъ сотника посмотрѣть туда, вѣдьма сказала, что ему можно получить желаемое, только требовалось особенное мужество: сотнику надобно было отправляться въ заслѣпородскій лѣсъ и ожидать таинственнаго разцвѣта папоротника.

По мнѣнію малороссіянъ, это растеніе цвѣтетъ одинъ только разъ въ году, ровно въ полночь наканунѣ Иванова дня. И счастье человѣку, который увидитъ распускающіеся цвѣтки эти и смѣлою рукою сорветъ хоть одинъ изъ нихъ. Всѣ желанія его тогда сбудутся непремѣнно, и, нося съ собою этотъ талисманъ, онъ будетъ внѣ всякой опасности. Но получить таинственный цвѣтокъ можно не иначе, какъ побѣдивъ всѣ трудности, которыя разставляетъ въ это время лукавый врагъ человѣчества. Сотникъ зналъ все; но любовь его

*) Право, ей-ей; происходитъ отъ польскаго Dalibóg; ей Богу, по истинѣ.

была такъ сильна, что, побѣдивъ въ душѣ невольный страхъ, онъ началъ просить у вѣдьмы совѣта, какъ поступить ему.

— Иди, иди, паночку, говорила она: черезъ Сенькову гребельку, и какъ выйдешь въ большой лѣсъ, повороти на право и все иди, пока не поравняешься съ сухимъ дубомъ, разбитымъ молніею. Тамъ отсчитай десять ступеней *) на восходъ отъ солнца и вступишь въ густой папоротникъ. Возьми этотъ ножъ, и какъ сядешь, то очерти имъ кругъ и, не шевелясь, ожидай, пока не зацвѣтетъ папороть. Много ты увидишь страшилищъ; не бойся, онѣ не посмѣютъ перейти круга, очерченнаго ножемъ; будутъ и такія, которыя начнутъ на тебя указывать пальцами, покажется, что и достаютъ тебя — все не бойся; потомъ послышишь стукъ, крикъ, вой — не бойся; это нечистые пугаютъ только; они не сдѣлаютъ тебѣ вреда; но и ты не шевелись; а подвинешься къ чертѣ, погибель твоя неизбѣжна. Когда же благополучно перождешь все, и запоютъ полуночные пѣтухи, тогда папороть такъ и засіяетъ. Ты рви, сколько хочешь, золотыхъ цвѣтковъ, но, нарвавъ, спѣши домой безъ оглядки. Будутъ тебя просить, чтобъ оглянулся, но и не думай: чуть оглянешься, потеряешь свою драгоцѣнность.

Осика былъ готовъ на все, и получивъ волшебный ножъ, онъ вышелъ отъ вѣдьмы, отвязалъ коня и осторожно отправился, зная хорошо мѣстность Исковецъ, на урочище, назначенное Совихою.

Проведя на дорогу сотника, вѣдьма возвратилась въ хижину. Сперва всхлипыванье поразило слухъ ея, потомъ она услышала плачъ.

— Это ты, доню. **) Спросила она.

— Я, бабусю, да это пройдетъ.

— О чемъ же ты плачешь?

— Сама не знаю.

— А вотъ возьми этотъ слоикъ ***), промолвила она, наполняя скляночку жидкостью, варившеюся въ горшечкѣ; твои слезы высохнутъ, только смотри, постарайся, чтобы влили въ пищу, какъ я приказывала.

— Хорошо! сказала молодая женщина и, положивъ старухѣ нѣсколько серебряныхъ монетъ на столъ, быстро удалилась съ волшебною стклянкою.

*) Шаговъ.
**) Уменьшительное отъ словъ дочка, дочь.
***) Пузырекъ.

Вѣдьма злобно осклабила искривившійся ротъ, и на изсохшія плечи къ ней вспрыгнула черная кошка, ласкаясь и мурлыча.

Съ трепетомъ вступилъ Осика въ назначенный лѣсъ и, привязавъ коня недалеко отъ Сеньковой гребельки, поворотилъ вправо и скоро достигъ до огромнаго сухаго дуба, отъ котораго отсчитавъ на востокъ десять шаговъ, очутился между густымъ папоротникомъ. Невольный страхъ обнялъ все существо его; но сотникъ, очертивъ около себя магическій кругъ ножемъ, сѣлъ ожидать полуночи. Съ часъ просидѣлъ онъ, не перемѣняя положенія; и никто не нарушалъ его спокойствія, лишь вѣтеръ наклонялъ звонкій камышъ на Слѣпородѣ и порой отдаленный крикъ ночныхъ птицъ тревожилъ окрестность. Наконецъ, что-то зашелестѣло. Замеръ духъ у сотника. Тутъ ближе и ближе затрещали сухія вѣтви, и нѣсколько рогатыхъ привидѣній уставило на него свои морды, точь въ точь бычачьи. Недвижимъ былъ Осика, и чудовища не двигались; по прежнему вокругъ торжественная тишина. Черезъ полчаса опять что-то зашелестѣло, изъ за кустовъ показался кто-то въ бѣломъ и остановился недалеко. Рогатыя привидѣнія, было, встревожились, но, увидя неподвижность пришельца, остались на своихъ мѣстахъ. Наконецъ, запѣли полуночные пѣтухи. Осика началъ пристально всматриваться въ папоротникъ, и вдругъ лѣсъ засіялъ... но крикъ, шумъ, вой и плескъ раздались въ воздухѣ, и тучи привидѣній уродливыхъ, отвратительныхъ, махая широкими крыльями, закружились надъ смѣльчакомъ, стараясь не допустить его нарвать чудесныхъ цвѣточковъ. Но храбрый сотникъ восторжествовалъ: цѣлая горсть могущественнаго талисмана была въ рукахъ его. Онъ побѣжалъ безъ оглядки, вспрыгнулъ на коня и во всю скачь понесся къ хутору полковника Чайки.

Сильно билось его сердце, когда онъ прилегъ на свою постель и положилъ подъ подушку волшебнаго зелья: теперь стоило пожелать чего нибудь, и все должно повиноваться. Вотъ и пожелалъ сотникъ, чтобъ передъ нимъ явилась Елена. Не успѣлъ онъ задумать, какъ дверь тихо отворилась, и кто-то подошелъ къ нему. Осика вынулъ одинъ только цвѣтокъ, и засіяла свѣтлица; а передъ нимъ стояла гречанка полураздѣтая, страстная, роскошная, во всей красѣ шестнадцатилѣтней дѣвушки; очи ея искрилась любовью.

Вспыхнулъ старый казакъ и тихо привлекъ къ себѣ красавицу. Она не противилась и, шепча страстныя рѣчи, при-

жала къ груди своей восхищеннаго сотника. Небо растворилось передъ нимъ! Вотъ онъ приблизилъ уста свои къ влажнымъ, трепещущимъ устамъ Елены и проснулся...

Разсвѣло. Вокругъ сотника стояло нѣсколько воловъ, которые глядѣли на него съ обычнымъ, глупымъ любопытствомъ. Шапки на немъ не было. Долго не могъ опомниться Осика. »Такъ это я уснулъ!« сказалъ онъ въ испугѣ, и, по обычаю земляковъ, хотѣлъ было почесаться, но рука, не встрѣтивъ украшенія казака, любимой чупрыны, въ ужасѣ отпрянула назадъ. Онъ схватился еще разъ и, увѣрившись въ тягостной истинѣ, чуть не зарыдалъ, какъ ребенокъ. »Хорошую же штуку удрали со мною черти«! сказалъ онъ, ругая ихъ возможнымъ образомъ. »Не только не дали мнѣ цвѣтовъ, не только обманули лукавымъ сномъ, а еще отрѣзали чупрыну. Постойте же я васъ!... Но вспомнивъ, что чертямъ не только сотникъ и полковникъ Лубенскій, а даже самъ ясновельможный гетманъ не въ состоянін былъ ничего сдѣлать, Осика обратилъ весь гнѣвь свой на Совиху. »Это она, распроклятая баба, надѣлала мнѣ бѣды«! Добравшись до коня, со стыдомъ понесся Осика домой; а черезъ четыре часа сотенный писарь былъ уже въ Исковцахъ и съ казаками велъ Совиху въ большой лѣсъ къ сухому дубу, спаленному молніей. Напрасно бѣдная просила, умоляла, ничто не помогло, и скоро вѣдьма качалась на одномъ суку, повѣшенная по приказанію Лукомскаго сотника. Но была ли виновата Совиха?

Отверженная любовь прозорлива. Одарко видѣла съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе охлаждающуюся нѣжность Осики, начала доискиваться причины, и за золото узнала отъ одного молодаго казака, что частыя поѣздки сотника все направлялись въ одно мѣсто, и это мѣсто было хуторъ полковника Чайки. Съ ужасомъ услышала эту вѣсть покинутая любовница: она видѣла однажды Елену и, зная, какъ прекрасна эта юная дѣвушка, почувствовала всю опасность своего положенія. Осика даже не сказалъ ей, что онъ примирился съ Максимомъ. Любя Андрея, она никакъ не могла думать, что Елена даже не обратитъ вниманія на сѣдаго старика, а напротивъ еще полагала, что гречанка будетъ привлекать его, и, ощутивъ ревность, а ревность малороссіянки ужасна, она рѣшилась извести свою соперницу. Совиха славилась въ окрестности своими чарами, и Одарка, пользуясь отсутствіемъ сотника, не робѣя, одна одинехонька пустилась въ Исковцы.

Каково же было положенiе Одарки, когда, сидя за печкой, она въ пришельцѣ узнала Осику, когда она слышала, какъ сотникъ въ сѣняхъ просилъ у вѣдьмы зелья, чтобы приворожить красавицу? И слезы отчаянiя полились изъ глазъ ея.

Она сыграла штуку съ сѣдымъ любовникомъ. Когда онъ отправился ожидать разцвѣта папоротника, она шла по слѣдамъ его. Сотникъ въ тотъ вечеръ съ горя осушилъ довольно чарочекъ, а потому и уснулъ, сидя на травѣ, окруженный мирными быками, которые паслись неподалеку, и пробираясь по лѣсу, остановились поглядѣть на неподвижнаго человѣка. Одарка притаилась въ нѣсколькихъ шагахъ, желая, какъ бы то ни было, удержать дома любезнаго. Она придумала лишить его лучшаго украшенiя, зная, что Осика постыдится даже выглянуть за порогъ безъ чупрыны; она знала также очень хорошо, что подобный поступокъ могъ стоить ей жизни, но она рѣшилась.

Осторожно отрѣзавъ чупрыну Андрею, она тутъ же бросила ее вмѣстѣ съ шапкою въ Слѣпородъ; а сама поспѣшила на хуторъ, предваривъ прежде домашнихъ, что идетъ въ Александровку къ роднымъ.

Но не бросила Одарка таинственнаго пузырька: она знала, что чупрына выростетъ вновь, что Осика начнетъ опять ѣздить къ Чайкѣ и любоваться гречанкой.

Въ сокровенное мѣсто спрятала она ядъ и ожидала сотника.

Андрей прiѣхалъ сердитый: не поздоровавшись съ нею, онъ осушилъ полу-штофъ вишневки и съ горя залегъ спать, отдавъ приказъ писарю, исполненiе котораго мы видѣли надъ исковской вѣдьмой.

1839 г. Сентября 2 го. Ново-Бѣлгородъ.

Глава X.

Бѣгство и угрозы писаря сильно подѣйствовали на Лукомскаго сотника. Черезъ нѣсколько часовъ Осика посылалъ возвратить Кадькала; но напрасно искали его по всему Лукомью, и уже къ вечеру одинъ старикъ сказалъ, что видѣлъ, какъ онъ на добромъ конѣ скакалъ по Лубенской дорогѣ. Пріунылъ сотникъ, получивъ это извѣстіе, и такъ принялся за »дуливку«, что даже и Одарка испугалась. Такъ прошло три дня, на четвертый посѣтилъ его пріятель, Оржицкій сотникъ Паливода. Съ довольно постною миною вошелъ послѣдній въ комнату Осики и съ какимъ-то участіемъ отдалъ »добры-день«.

— Здорово, здорово, Матвѣй Кирилловичъ! садись, пожалуйста. Чѣмъ занимался, что такъ давно не видно тебя?

— Хозяйничалъ, какъ говорятъ добрые люди.

— А сколько скирдъ поставилъ?

— Да скирдъ сорокъ будетъ.

— Ого! да у васъ видно хороши степи?

— Пожаловаться нельзя. А у тебя?

— У меня скирдъ шестьдесятъ — только сѣно плоховато; перепадали дожди во время уборки. Знаешь таки, и я нездоровъ. Ты, я думаю, слышалъ объ этомъ?

— Слышалъ и, признаться, заѣхалъ навѣстить тебя, какъ говорятъ добрые люди.

— За это спасибо! А что же говорятъ добрые люди?

— Много разсказывать — да нечего слушать.

Осика вздрогнулъ.

— Да, что, напримѣръ?

— Да ты и самъ знаешь, Андрей Семеновичъ!

— Гмъ! самъ знаешь! Да мнѣ хотѣлось бы знать, что говорятъ другіе?

— О тебѣ ходитъ такая »несынитныця«, какъ говорятъ добрые люди, что страшно и вѣрить. Видишь ли, твой писарь Островерхій, Кадькало, принесъ жалобу, что ты хотѣлъ ему всенародно отрѣзать чупрыну за то, что тебѣ самому парубки отрѣзали на улицѣ.

Осика уставилъ глаза на пріятеля.

— Какъ? мнѣ парубки отрѣзали чупрыну? мнѣ? парубки? на улицѣ?

И онъ сорвалъ съ себя феску и нехотя обнаружилъ правду передъ Паливодой.

— Ну, да и гладко-жъ отрѣзана, какъ говорятъ добрые люди! сказалъ Паливода, не могши удержаться отъ восклицанія.

— Я думаю, что гладко, говорилъ съ бѣшенствомъ Осика, когда рѣзали черти адскими ножницами!

И когда вынужденный разсказать все пріятелю, взявъ прежде клятву въ молчаніи, Осика кончилъ, Паливода произнесъ громко: — черти бы не рѣзали, братику, а скорѣй бы отсмалили, какъ говорятъ добрые люди.

— Да гдѣ бы они взяли огня въ лѣсу и еще въ полночь?

— Чортъ, что ни задумаетъ, вся явится.

И молчаніе воцарилось въ комнатѣ; а Одарка заглушала свой смѣхъ, сидя за работой въ свѣтлицѣ.

— И многіе ужъ знаютъ объ этомъ? спросилъ Осика со страхомъ, взглянувъ на Паливоду.

— Мнѣ разсказывалъ Чайка.

— Какъ! уже и тамъ знаютъ?

— Еслибы не знали, такъ и не разсказывали бы.

Тутъ посыпались такія проклятія, какія только могли быть изобрѣтены разгоряченнымъ казакомъ, и еслибы изъ нихъ хоть сотую долю услышалъ Кадькало, то бѣжалъ бы за тридевять земель отъ раздраженнаго сотника. Паливода и не радъ былъ, начавъ этотъ разговоръ.

Осику тѣмъ болѣе бѣсилъ этотъ оборотъ дѣла, что онъ на первыхъ порахъ не поладилъ съ новымъ полковникомъ.

— Гдѣ же теперь эта бестія, головорѣзъ, эта анаѳема Островерхій Кадькало? спросилъ онъ, сверкая глазами

— А вотъ гдѣ: нашъ полковой писарь умеръ, и царство ему небесное, какъ говорятъ добрые люди; а полковникъ хочетъ взять твоего смертельнаго врага на его мѣсто.

— Ты смѣешься надо мною, Матвѣй Кирилловичъ!

— Никогда ни надъ кѣмъ не смѣюсь, тѣмъ болѣе надъ пріятелемъ, какъ говорятъ добрые люди...

— Славная закуска! Что же мнѣ дѣлать?

— Помириться.

— Помириться мнѣ съ Кадькаломъ, не отрѣзавъ ему чуба по самую кожу, слышишь ли, по самую кожу?

— Да какъ же ты отрѣжешь?

— Вырву по волоску.

— И будешь отвѣчать?

— И буду отвѣчать.

— Въ твоей волѣ.

— Кадькало полковымъ писаремъ! Да гдѣ это видно, гдѣ слыхано? Я поѣду къ самому гетману и буду просить суда, требовать удовлетворенія. Смѣть на меня выдумать, что я хожу на улицу, а болѣе, что парубки отрѣзали мнѣ чупрыну!.. Да за что же, по жалобѣ писаря, хлопцы озлились на меня?

— За то, что ты ходилъ къ какой-то дѣвушкѣ... И точно говорятъ многіе, что видѣли тебя того вечера въ Исковцахъ.

— Я же тебѣ разсказывалъ, зачѣмъ ѣздилъ туда.

— Такъ, такъ! и самъ Чайка говорилъ, что ты исчезъ ночью изъ его хутора.

— Стало быть, и Чайка вѣритъ, что я ѣздилъ къ дѣвушкѣ?

— Стало быть, какъ говорятъ добрые люди!

— Такъ это просто чертовщина!

И уже ни проклятій, ни брани не слышно было отъ Осики; молча осушалъ онъ дуливку, и какая-то важная дума занимала его. Съ грустью уѣхалъ отъ него Паливода.

Вечерѣло. Какъ ослѣпительный вѣеръ, лучи заходящаго солнца освѣщали полнеба, и вся степь горѣла золотомъ. Въ раздумьи, съ неизмѣнной бандурой сидѣлъ слѣпецъ Павелъ на кровавой могилѣ. Вѣтерокъ слегка шевелилъ волнующійся ковыль и доносилъ до слуха бандуриста унылый крикъ чаекъ, которыя то подымались, то опускались не вдалекѣ, у небольшаго озера. Павелъ что-то распѣвалъ тихимъ голосомъ, межъ тѣмъ въ душѣ его возникали знакомыя видѣнія, оживало минувшее, и тѣмъ грустнѣе были его мысли, тѣмъ печальнѣе исторгались аккорды изъ послушной бандуры. Горевалъ Павелъ. Съ нѣкоторыхъ поръ Чайка сдѣлался необыкновенно суровъ и угрюмъ, а въ такомъ случаѣ всѣ домашніе подвергались его гнѣву. Бѣдный слѣпецъ также страдалъ отъ суровости пана, и недавно еще нагайка Максима оставила слѣды свои на лысой головѣ бандуриста. Терпѣливо Павелъ сносилъ всѣ оскорбленія, но въ душѣ болѣе и болѣе ненавидѣлъ своего пана. И за что же въ послѣдній разъ подвергся онъ гнѣву Максима? Бѣдный слѣпецъ имѣлъ обыкновеніе въ день смерти своей дочери не принимать пищи и уходить въ степь молиться. Какъ нарочно въ тотъ день съѣхались гости къ Чайкѣ, и пиръ шумѣлъ, какъ разливное море; не доста-

вало бандуры Павла для увеселенія пирующихъ. Мигомъ отыскали слѣпца, но онъ не хотѣлъ явиться, отговариваясь нездоровьемъ; тогда Максимъ, кипя гнѣвомъ, вскочилъ на коня и отыскалъ бандуриста у явленной иконы: не вдали, въ густой травѣ стояла могилка безъ креста, но къ ней была протоптана дорожка — тамъ покоилась дочь Павла, повѣшенная по приказанію Максима. Суровый Чайка не уважилъ просьбы старика и велѣлъ тотчасъ слѣдовать за собою; тотъ упорствовалъ; но нѣсколько ударовъ нагайкою, а болѣе угроза разрыть могилу несчастной дочери и разбросать кости ея по степи, подѣйствовали на бандуриста. И онъ явился на пиръ, и дрожащимъ голосомъ пѣлъ буйныя, неистовыя пѣсни... но въ этихъ пѣсняхъ какъ бы слышалось проклятіе Максиму Чайкѣ. Съ того роковаго пира Павелъ чуждался всѣхъ, не послѣдовалъ въ Лубны за паномъ, который пріѣзжалъ продавать хуторъ, и остался бродить по степи. Кусокъ хлѣба въ каждой избѣ ожидалъ бандуриста, а чего ему было больше надобно? Два мѣста сдѣлались его любимымъ пребываніемъ: гробъ дочери и кровавая могила; на первомъ онъ молился, на послѣдней игралъ и пѣлъ свои заунывныя пѣсни; только степной вѣтеръ внималъ ему, да черный воронъ, пролетая, ронялъ въ отвѣтъ печальный крикъ свой. Онъ жилъ мщеніемъ.

Трудно согласить религіозное направленіе духа съ земной звѣрской страстью; но въ тотъ вѣкъ казачества никто не удивлялся, когда обиженный ставилъ свѣчу святому и молилъ его скорѣе послать ему встрѣчу съ врагомъ, встрѣчу кровавую, необходимую для его существованія. Неудовлетворенное мщеніе, по условіямъ того вѣка, считалось тяжкимъ грѣхомъ, преступленіемъ, противнымъ Небу. Напрасно кроткіе и умные духовные пастыри старались искоренить порокъ этотъ въ воинственномъ народѣ: при всемъ уваженіи къ церкви, при всей своей вѣрѣ, казакъ оставался твердъ въ своемъ мнѣніи, и горе врагу его! Одинъ только чинъ монашескій спасалъ отъ преслѣдованія мстителя; черная ряса и клобукъ примиряли неутолимую вражду, и были примѣры, что монаху каялся въ грѣхахъ своихъ самый закоренѣлый врагъ его, потерявшій на преслѣдованіе его все свое имѣніе.

Подобенъ всѣмъ землякамъ своимъ былъ и Павелъ. Претерпѣвая обиды отъ Чайки, долго мужался и крѣпился онъ, уважая въ немъ сына своего благодѣтеля; но когда Максимъ обольстилъ дочь его и повѣсилъ — о! что претерпѣла тогда

душа слѣпаго безпомощнаго старика! Ивга *) была единственнымъ существомъ, понимавшимъ его, привязывавшимъ его къ жизни. Проходили годы, разсудокъ ослаблялъ месть въ душѣ бандуриста; да и самъ Чайка, казалось, чувствуя вину свою, началъ обходиться ласковѣе съ Павломъ. Послѣднее же оскорбленіе и угроза разрыть могилу дочери раздули пламя, угасавшее въ груди стараго бандуриста: онъ поклялся всѣми силами постараться отомстить Чайкѣ. А Максимъ между тѣмъ совершенно измѣнился; то молчалъ по цѣлымъ часамъ, то вскакивалъ, подобно тигру, слѣдящему добычу, и, какъ бѣшеный, носился на зломъ жеребцѣ по степи. Простолюдины, видя его безъ шапки, летающимъ какъ вихрь, говорили, что онъ скаженый **); тѣ, которые были поумнѣе, догадывались, что всему виною отнятіе у него полка; но никто, даже самъ Максимъ, не зналъ настоящей причины. Его душило что-то во снѣ, ему страшное мерещилось на яву: какъ будто совѣсть пробуждалась въ душѣ его, на которой лежало много тайныхъ, но тяжкихъ грѣховъ. Родина вдругъ стала ненавистна ему. Неизвѣстно, почему онъ боялся проѣзжать вечеромъ лѣса Исковскіе, боялся встрѣчать дѣвочку съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ, а на гробъ у явленной иконы и на кровавую могилу не могъ смотрѣть безъ явнаго ужаса. И вотъ Чайка продалъ свое имѣніе и хотѣлъ удалиться изъ Лубенскаго полка въ другую сторону. Даже Павелъ, знавшій Максима еще дитятею, не могъ придумать причины этого отъѣзда.

Марія трепетала при каждомъ суровомъ словѣ мужа: бѣдняжка догадывалась о многомъ; взгляды, бросаемые Максимомъ на Елену, ужасали ее. Не ревность была причиною этого ужаса: Марія не любила мужа, но мысль о будущности неопытной дѣвушки. Она возставала противъ сватовства Осики, но Максимъ долго настаивалъ; наконецъ, вдругъ рѣшительно отказалъ сотнику, когда тотъ, отростивъ немного чупрыну, вздумалъ показаться въ домѣ Чайки.

Какъ же удивился Осика, когда Максимъ сказалъ, что не отдаетъ за него Елену; но вину онъ сложилъ на жену, которая, будто бы узнавъ о его волокитствѣ за дѣвушками по чужимъ улицамъ, гдѣ парубки сыграли съ нимъ штуку, а болѣе про связь его съ Одаркою, не хочетъ отдавать сестры.

— А я, промолвилъ онъ, могъ бы и принудить, да, любя тебя, самъ не хочу.

*) Евгенія. **) Сумасшедшій.

— А отчего бы такъ, панъ Максимъ? спросилъ Осика.

— А оттого, что Елена — вѣдьма.

Довольно было этого, чтобы суевѣрный сотникъ почувствовалъ вмѣсто любви отвращеніе. Теперь онъ могъ изъяснить себѣ, отъ чего онъ чувствовалъ необыкновенное влеченіе къ гречанкѣ. Разумѣется, отъ того что она волшебница. Съ нѣкоторымъ страхомъ удалялся Осика изъ Лубенъ, и каждую встрѣчавшуюся сороку считалъ превращенной Еленой. Добравшись домой, во всемъ признался онъ Одаркѣ и поклялся вѣкъ не измѣнять ей; а Одарка отъ радости разбила пузырекъ, данный ей покойною Совихой.

Недолго удивлялась Марія отказу Максима, и ни на шагъ не отходила отъ Елены, которая въ невинности своей не видѣла разставленныхъ ей сѣтей и менѣе начала бояться Чайки за то, что онъ избавилъ ее отъ докучливаго сотника.

Четыре дня слѣпецъ скитался по степи; на пятый, при свѣтѣ заходящаго солнца, сидѣлъ онъ на кровавой могилѣ. Отдаленный топотъ, потомъ и голоса стали внятны его тонкому слуху. Положивъ бандуру, онъ началъ прислушиваться.

Два всадника приблизились. Одинъ, еще не старый, въ богатомъ костюмѣ, походилъ на поляка; другой съ длинными пейсиками былъ еврей, содержатель корчмы на Лазарковской дорогѣ.

— Запевне тутъ, говорилъ еврей своему спутнику; я самъ на другой день пріѣзжалъ съ Мовшею и видѣлъ кровь... Такъ и есть, вонъ и тотъ дубъ, вонъ и оврагъ... Тутъ, охъ, тутъ!

— И это навѣрное? спрашивалъ незнакомецъ по польски, и взоры его грустно устремились на кровавую могилу.

Всадники подъѣхали и, поворотивъ лошадей, приближались къ той сторонѣ, гдѣ сидѣлъ Павелъ. Увидѣвъ его, еврей приложилъ палецъ къ губамъ и далъ знакъ поляку остановиться, а самъ подъѣхалъ къ бандуристу.

— Такъ! это Павелъ. Я сейчасъ узналъ его. Здравствуй, старый знакомый! узнаешь ли меня?

— Здравствуй, Берко! Болѣе шести лѣтъ ты не бывалъ въ этой сторонѣ.

— Уфъ! развѣ ты не знаешь, какъ я боялся Максима Петровича. Теперь онъ продалъ этотъ хуторъ новому полковнику, и тотъ занялъ у меня денегъ: видишь, недоставало на уплату...

— Максимъ не любилъ! Да и какой казакъ любилъ васъ, христопродавцевъ, когда вы сосали кровь нашу и безчинствовали въ церквахъ.

— Вай, Павелъ, развѣ я виноватъ?

— Ну! можно сказать, ты хоть и жидъ, а все немного похожъ на человѣка, да и теперь уже казацкая нагайка безъ боязни гуляетъ по вашимъ спинамъ: только и возьмешь, что обмѣришь, да обсчитаешь нашего брата.

— Охъ, круто жить на свѣтѣ честному еврею!

— За то лучше добрымъ людямъ. А куда это и съ кѣмъ ѣдешь?

— Тащусь въ Лукомье.

— Съ кѣмъ?

— Одинъ, ей, одинъ.

— Не ври, Берко: я слышалъ топотъ двухъ лошадей и твои рѣчи съ кѣмъ-то.

— Я бранилъ свою клячу.

— Все-таки брешешь! Товарищъ твой чисто говоритъ по польски, долженъ быть ляхъ и, если не ошибаюсь, остановился ступеняхъ во сто.

— Вай! ты какъ будто видишь; это мой знакомый панъ.

— Къ какому же дьяволу онъ пробирается?

— Не знаю, ей, не знаю!

Сдѣлавъ привѣтствіе, еврей удалился и тихо поѣхалъ возлѣ поляка; но скоро оба они возвратились къ кровавой могилѣ. Долго просидѣлъ полякъ съ Павломъ, между тѣмъ, какъ Берко держалъ въ поводу лошадей и озирался во всѣ стороны. Что говорилъ Павелъ съ ляхомъ — осталось тайною; только, когда они разстались, лицо бандуриста свѣтилось торжественною мыслью, и онъ быстрыми шагами пошелъ на могилу дочери. Долго молился бандуристъ, долго плакалъ онъ тамъ: и сумерки покрыли степь, и мѣсяцъ выглянулъ на чистомъ небѣ, а Павелъ на колѣняхъ стоялъ у гроба дочери. Ночью удалился онъ оттуда, и громко звучала его бандура въ пустынномъ пространствѣ.

Черезъ три дня утромъ едва начала заниматься заря, Максимъ Чайка ѣхалъ изъ Лазарокъ, получивъ отъ полковника послѣднюю тысячу червонныхъ. Онъ приказалъ женѣ укладываться и предполагалъ на другой день выбраться совсѣмъ изъ Лубенскаго полка и поселиться гдѣ нибудь близь Днѣпра, въ полку Переяславльскомъ. Не смотря на то, что Максимъ чувствовалъ угрызеніе совѣсти, новое злодѣйство занимало его. Ему наскучила уже Марія: чудная красота Елены привлекала взоры сластолюбца, и Максимъ бѣсился, что не могъ найти причины избавиться отъ жены, которую нѣкогда

такъ любилъ. Къ этой мысли присоединилась мысль о первой женѣ-красавицѣ. Чайка вспомнилъ свою молодость, вспомнилъ, какъ, бывало, онъ таится межъ густыми пятигорскими вербами, ожидая любимую дѣвушку; какъ ласки ея лелѣяли его душу; вспомнилъ потомъ свою свадьбу, счастье, наконецъ, измѣну жены-красавицы. Онъ сверкнулъ взорами — умирающій полякъ представился ему. Чайка сталъ озирать окрестность. Еще не совершенно разсвѣло; но небо подернулось золотистой тканью; сквозь тонкій утренній паръ виднѣлась блестящая возвышенность: то была кровавая могила, которой ковыль, унизанный росою, блестѣлъ, озаренный разсвѣтомъ. Изъ-за могилы показались три всадника. Чайка удержалъ коня, разсматривая казаковъ; ему показалось, что то были молодые Прутченки, недавно пировавшіе у него. Вотъ почудилось Максиму, что всадники распознали его, и несутся вскачь; Максимъ спокойно ожидалъ веселыхъ знакомцевъ. Но кто опишетъ изумленіе его, когда въ одномъ красивомъ наѣздникѣ онъ узналъ ляха, обольстителя жены своей, зарѣзаннаго имъ здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ. Опустились руки у Максима, онѣмѣли члены, и скоро онъ хрипѣлъ на арканѣ: незнакомцы влекли его къ кровавой могилѣ.

Недолго Чайка былъ безчувственъ; онъ скоро открылъ глаза и увидѣлъ вокругъ себя страшныя лица. Первая мысль его была — броситься бѣжать; но онъ почувствовалъ, что связанъ по рукамъ и по ногамъ. Замерло казацкое сердце, и когда Максимъ разглядѣлъ вблизи стоявшаго бандуриста, страшное проклятіе вырвалось изъ устъ его.

— Звѣрь свирѣпый! сказалъ Максиму ляхъ, поразившій его сходствомъ съ мертвецомъ, ты погубилъ моего брата!

— Я зарѣзалъ его своими руками, на этой могилѣ.

— Вельможный панъ! сказалъ бандуристъ, обращаясь къ ляху, я не измѣнилъ твоей тайнѣ, и злодѣй въ твоихъ рукахъ — дѣлай съ нимъ, что хочешь; но позволь же мнѣ теперь поговорить съ нимъ: пятнадцать лѣтъ я ждалъ этого блага.

И голосъ Павла дѣлался прерывистѣе, когда онъ подступалъ ближе къ связанному Чайкѣ.

— Добрыдень, панъ!

— Здравствуй, старая слѣпая собака!

— Ты видно и въ послѣдній часъ не раскаешься... Нечестивецъ! Сколько зла ты обрушилъ на мою сѣдую голову! Ивга, милая дочь моя! О! теперь косточки твои возвеселятся въ могилѣ.

— Весело ли, панъ, лежать тебѣ?

— Убирайся, вражій сынъ, а не то заплюю слѣпые глаза твои!

— О! ты бы зналъ, панъ, что дѣлать со мною, да связаны руки. Знаешь ли ты, злодѣй, что когда вѣшали мою Ивгу, она прокляла тебя, когда ты рѣзалъ молодаго ляха, и ляхъ проклялъ тебя; знаешь ли, что ты проклятъ и въ могилѣ? Кости твои выкинетъ земля; а твоя душа до конца вѣка будетъ бродить по свѣту...

— Не легче же тебѣ: только стану вампиромъ и высосу изъ тебя послѣднюю кровь.

Старикъ содрогнулся и, отскочивъ прочь, долго смотрѣлъ на свою жертву. Ни малѣйшаго смущенія не было видно на лицѣ Максима; нѣсколько разъ Павелъ ударилъ по лицу Чайки и велѣлъ мучить его. Ни одного стона не слышно было, когда по составамъ рѣзали ноги Максима; сморщилось только высокое чело его, и когда увидѣлъ онъ, что полякъ пьетъ изъ дорожной фляги, онъ слабымъ голосомъ проговорилъ:

— Дай мнѣ хоть напиться, чортово племя!

Полякъ даже и не взглянулъ на него, а только махнулъ рукою хлопцамъ, которые съ кинжалами въ рукахъ работали около Максима, какъ возлѣ убитаго звѣря.

— Нѣтъ, мало ему этой казни! сказалъ ляхъ. Пока онъ не изошелъ кровью, вырвите у него по волоску чубъ и усы.

Слезы полились тогда изъ глазъ Чайки; онъ поворотился къ бандуристу.

— Павелъ! хотя ты и врагъ мой, но ты казакъ Украинскій; не позволь ляхамъ ругаться надо мною: выщипли мнѣ усы и чупрыну своими руками.

Павелъ отвернулся отъ него и устремилъ взоръ на далекую могилу дочери.

Можетъ быть, ляхи и долѣе бы мучили Максима; но занялась заря: могъ кто нибудь пріѣхать — и полякъ-мститель всадилъ ему кинжалъ въ грудь, повернулъ нѣсколько разъ и, бросивъ Павлу кошелекъ съ золотомъ, поспѣшно удалился въ сопровожденіи гайдуковъ своихъ.

Павелъ, отбросивъ золото, простоялъ нѣсколько минутъ на могилѣ и, перекинувъ черезъ плечо бандуру, побрелъ по степи.

1840.

ТЕРМОМЕТРЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Павелъ Алексѣевичъ заѣхалъ однажды къ исправнику.

— Здравствуйте, П. К—чъ!

— Мое почтеніе, Павелъ Алексѣевичъ.

— Каковы морозы? а?

— Да, нечего сказать: въ мартѣ мѣсяцѣ это диковинка у насъ въ Малороссіи.

— А сколько градусовъ?

— Двадцать одинъ.

— Помилуйте, у меня девятнадцать съ половиной.

— Странно! Впрочемъ, гдѣ виситъ вашъ термометръ?

— У окна гостиной: видите ли, чтобы удобнѣе было смотрѣть, когда вздумается.

— Отъ этого-то и морозъ меньше. Окна вашей гостиной выдаются въ садъ, и вѣтеръ не такъ сильно дѣйствуетъ. Мой же термометръ виситъ на воротахъ, на самомъ открытомъ мѣстѣ.

Павелъ Алексѣевичъ взялся за шапку.

— Куда же вы? не угодно ли закусить?

— Благодарю васъ, П. К—чъ.

И Павелъ Алексѣевичъ спѣшилъ въ свою деревню повѣсить термометръ на воротахъ. Всегда онъ дорожилъ общимъ мнѣніемъ — и какъ же допустить толки: у Павла Алексѣевича невѣренъ термометръ! Между тѣмъ какъ никто изъ помѣщиковъ того уѣзда не имѣлъ такого дорогаго.

Напрасно исправникъ удерживалъ гостя, послѣдній уѣхалъ. Черезъ часъ красивый термометръ Реомюра висѣлъ на высокихъ воротахъ Павла Алексѣевича.

Сначала было скучновато любопытному старику идти по гостиной мимо очень знакомаго окна и не взглянуть на тер-

мометръ; но онъ привыкъ; къ тому же мальчикъ, знавшій градусы, очень часто леталъ къ воротамъ и, приставивъ лѣстницу, наблюдалъ дѣйствіе мороза.

Павелъ Алексѣевичъ страдалъ безсонницей и почти цѣлую ночь читалъ книгу и никакъ не могъ побѣдить привычку узнавать погоду. Лѣтомъ мальчишка выбѣгалъ на крыльцо и доносилъ, что дѣлается на дворѣ; зимней ночью со свѣчкой бѣгалъ въ гостиную смотрѣть на термометръ; но теперь, когда Реомюръ висѣлъ на воротахъ, несчастный камердинеръ долженъ былъ нѣсколько разъ въ ночь пробѣгать по двору и при свѣтѣ фонаря считать градусы мороза. Сторожъ, проклиная стужу, ходилъ вокругъ дома и стучалъ въ свою доску. Какъ простой малороссіянинъ, онъ не зналъ, что люди давно уже раздѣлили морозъ на градусы и потому существованіе термометра было для него неизвѣстно. Но, отбывая свою очередь, т. е. карауля господскій дворъ каждую недѣлю черезъ день, онъ видѣлъ, что каждую ночь комнатный мальчишка бѣгаетъ съ фонаремъ къ воротамъ и однажды разговорился съ камердинеромъ, кокоторый, дрожа отъ холода, считалъ градусы.

— Левку, а Левку, що ты робишь?

— Та дывлюсь на морозъ, дядьку.

— Якъ на морозъ? що опце ты?

— Хыбажъ вы не бачыте, що винъ прыбытый на воротяхъ.

— Глянь! а якый же винъ?..

— Звисно нимецькый: бо на всеедній панъ купывъ іого у нимця у Нижыни.

Любопытный сторожъ долѣе продолжалъ бы разговоръ, но мальчикъ, боясь получить наказаніе за медленность, спѣшилъ отдать отвѣтъ барину, тѣмъ болѣе, что мороза прибавилось на полтора градуса.

Было часа два за полночь; морозъ болѣе и болѣе усиливался.

Сторожъ сверхъ тулупа надѣлъ еще тулупъ, и всетаки было холодно; вѣтеръ жестоко дулъ съ сѣвера; а ноги и руки очень зябли у бѣднаго сторожа.

»Трывай лышень«, думалъ онъ: »чы не потепліе.« И улыбнувшись отъ геніальной выдумки, бросилъ свою доску и, выбравъ добрую дубинку, полѣзъ на ворота, прицѣлился и хватилъ по термометру такъ, что стеклянная трубка зазвенѣла и разсыпалась въ дребезги.

Какъ нарочно черезъ часъ утихъ вѣтеръ и хотя морозъ не уменьшился, однако сторожу было гораздо теплѣе.

На утро, проснувшись и помолившись Богу, Павелъ Алексѣевичъ присѣлъ съ женою къ самовару и послалъ узнать, сколько градусовъ мороза. Мальчишка перепуганный возвратился къ барину.

— А? сколько? спросилъ Павелъ Алексѣевичъ, задумавъ число градусовъ и боясь услышать отъ Левки больше или меньше задуманнаго: сколько же? или ты разучился считать?

— Никакъ нѣтъ... Термометръ лопнулъ, или кто нибудь разбилъ его, и Левка показалъ печальные остатки трубочки.

— Врешь, врешь, не лопнулъ, ты самъ разбилъ его.

— Нѣтъ, баринъ, хоть побожусь.

— Ничего знать не хочу, чтобъ мнѣ былъ термометръ! Вонъ!

Бѣдный мальчикъ вышелъ со слезами на глазахъ. Не зная, какъ помочь горю, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, узнать, кто разбилъ термометръ.

Въ обѣденную пору, когда сторожъ выспался, въ кухнѣ вся дворня то и дѣло толковала о важномъ происшествіи, стараясь узнать, кто уничтожилъ барскую потѣху. Сторожъ храбро выступилъ впередъ и сказалъ, что преступникомъ былъ онъ. Его сейчасъ же отвели къ барину. Павелъ Алексѣевичъ разразился гнѣвомъ и, послѣ разныхъ жестокихъ выраженій, спросилъ грознымъ голосомъ:

— А зачѣмъ же ты разбилъ, мерзавецъ?

— Що, хочете, пане, те й робить зо мною, отвѣчалъ сторожъ: ваша воля, ваша й сыла, а що розбывъ, то розбывъ. Тутъ и свій морозъ такъ цубко прытка, ще ледви у двохъ кожухахъ выходышь, а вы щей нимецькый прыбыли на ворохъ; я трохы не змерзъ на викы, а якъ почаствувавъ іого костурою, далебищо потеплило.

Павелъ Алексѣевичъ подумалъ съ минуту, взглянулъ на жену, которая отъ удивленія уронила работу изъ рукъ и, не сказавъ ни слова, махнулъ только рукою острому сторожу.

Сторожъ вышелъ, а Павелъ Алексѣевичъ склонился на руку и погрузился въ думу.

1839.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

РАЗСКАЗЪ.

Посвящается сестрѣ Авдотьѣ Степановнѣ Афанасьевой.

Мечты и существенность — двѣ стихіи, вѣчно враждующія между собою. Какъ вы прекрасны, какъ очаровательны вы, воздушныя гостьи души нашей — легкокрылыя мечтанья; какъ злобна, какъ ехидна ты, неизбѣжная подруга наша — существенность! Мечты поманятъ, полелѣютъ, какъ рѣзвыя дѣвы, и улетятъ прихотливыя; а ты, какъ вѣрная ревнивая жена, то судорожно сжимаешь насъ въ своихъ объятіяхъ, то шепчешь обидныя клеветы на невинныя мечтанія; ты принимаешь ихъ, беззаботныхъ вѣстниковъ радости, но дыханье твое ядовито: заразительной отравой ты напояешь ихъ, а послѣ, проникнувъ къ груди нашей, признаешься въ невозвратномъ преступленіи. Ты пучина, ты бездна, ты поглощаешь все, что такъ отрадно манило насъ въ будущемъ — и, ненасытная, ищешь новыхъ жертвъ, новыхъ злодѣяній. Такія желчныя мысли изобрѣтала голова моя, когда послѣ чудныхъ трехъ часовъ, проведенныхъ мной на балѣ возлѣ прекрасной дѣвушки — на разсвѣтѣ подъѣзжалъ я къ скучной стоянкѣ своей. Золотистыя облачка порхали по небосклону. Я взъѣхалъ на гору, съ которой взорамъ моимъ представилась обширная слобода: прямыя улицы, однообразные домики поселянъ и влѣво мелькнулъ блистающій крестъ приходской церкви, на которую только что упали лучи восходящаго солнца; мало-по-малу заиграли они на замершихъ окнахъ, и широкія сосны оранжеваго яркаго цвѣта постлались далеко по равнинѣ и, перегибаясь черезъ снѣжную гору, сливались съ прозрачной лазурью неба.

Лошади — отъ радости, что скоро отдохнутъ послѣ продолжительнаго пути — подхватили насъ въ гору, и я, балансируя съ одной стороны на другую на маленькихъ санкахъ, быстро скатился въ долину. Нѣсколько минутъ — и я у своей квартиры. Вхожу — пустота, мрачность, печальное однообразіе съ особенной силою поражаютъ меня.

Давно ли я смотрѣлъ на голубые глаза прелестной незнакомки? Еще звуки ея голоса отрадно касаются моего слуха, и это уже одно воспоминаніе; а настоящее бѣдно и безцвѣтно, какъ душа свѣтской красавицы, ничтожно, какъ разговоръ сосѣдней пары, подслушанный мною въ мазуркѣ. И вѣтка сосны любимаго моего дерева, заткнутая за рабочій столикъ, болѣе пожелтѣла въ моемъ отсутствіи, и бумаги мои разбросаны — добрый знакъ — навѣщали товарищи. Вотъ какая-то записка; пробѣгаю: »Александръ! здоровье мое часъ отъ часу угасаетъ, — навести, я въ госпиталѣ. Твой Бронзовъ«. Не успѣлъ я еще положить печальной записки, какъ вахмистръ подалъ мнѣ другую, писанную равнодушною писарскою рукою: »На мѣсто заболѣвшаго корнета наряжаетесь в. б—діе для содержанія караула впредь до приказанія, почему имѣете вступить сего числа дежурнымъ по госпиталю. Полковой адъютантъ поручикъ ***«. Ни мало не медля, одѣваюсь въ походную форму и, не спавъ цѣлую ночь, отправляюсь еще бодрствовать цѣлыя сутки; но это нашему брату не въ диковинку. Да и что же было дѣлать? Служба имѣетъ свои неизмѣнныя условія. Мраченъ мнѣ показался госпитальный корридоръ, болѣзненнѣе стоны страдальцевъ, а равнодушныя лица коммиссаріятскихъ чиновниковъ еще равнодушнѣе. И что за безстрастіе на этихъ лицахъ, что за ледъ въ этихъ взорахъ! Обошедъ палаты нижнихъ чиновъ, я тихо вошелъ въ офицерскія комнаты. Ни звука; все молчитъ. Бронзовъ забылся сномъ, и долго я читалъ на блѣдномъ изможденномъ лицѣ его повѣсть тайнаго горя, которое умѣлъ скрывать онъ отъ участія товарищей; но по прежнему читалъ и не понималъ я этой таинственной драмы. Всѣ мы знали, что онъ жилъ, страдалъ; но гдѣ и какъ жилъ, какъ страдалъ?..

На небольшомъ столикѣ, у кровати больнаго, между стклянками лекарствъ лежали брегетовскіе часы. Стрѣлка стояла на шести и не двигалась, — значитъ — больной позабылъ завесть ихъ. Мнѣ стало грустно; я подумалъ, что и товарищъ мой скоро — подобно этимъ часамъ, замолкнетъ къ жизни, его сердце перестанетъ двигаться, разорванное, можетъ быть,

слишкомъ искусною рукою свѣтскаго коварства. У часовъ блеснуло что-то. Всматриваюсь — кольцо, то кольцо, которое Бронзовъ заботливо берегъ отъ любопытныхъ взоровъ. Тѣсно соединялся золотой перстень двумя отчетливо сдѣланными руками — эмблема вѣчной дружбы... но ироническая улыбка мелькнула на устахъ моихъ. И люди смѣютъ кощунствовать надъ этимъ священнымъ символомъ! Вѣчность и дружба! Дружба и вѣчность, эти двѣ высокія идеи, соединенныя вмѣстѣ, осмѣлиться носить на рукѣ, которая утромъ ласкаетъ брата, а вечеромъ уже обрызгана его кровью; на рукѣ, которая, отогрѣвшись на груди друга, противъ него же, съ этимъ же самымъ перстнемъ кладетъ пальцы на евангеліе!.. Но утишилось минутное негодованіе мое, и я началъ разсматривать кольцо. Бронзовъ былъ достоинъ этого символа, — но тотъ, кто вручилъ ему его, понималъ ли высокую цѣль этого назначенія?

Бронзовъ открылъ глаза и радостно привѣтствовалъ меня; взоры его блеснули угасавшимъ пламенемъ, когда онъ распозналъ въ рукахъ моихъ таинственный перстень. Я сѣлъ возлѣ. Коротка бесѣда наша, но много слезъ исторгла она изъ очей моихъ. Вотъ вамъ печальныя страницы жизни товарища. Богатъ былъ разсвѣтъ весны его, много сулилъ онъ радостей въ будущемъ, и Бронзовъ — баловень фортуны — рвалъ розы наслажденіи на паркетахъ петербургскихъ. Но всему есть своя пора. Бронзову надоѣли столичныя веселости, юная душа запросила чего-то высшаго, прекраснаго...

Нелюдимымъ просиживалъ онъ дни въ своей комнатѣ, — какъ будто злой демонъ снабдилъ его магическимъ микроскопомъ: на что ни смотрѣлъ Бронзовъ, все представлялось ему въ иномъ видѣ. Прежде въ очахъ красавицы онъ видѣлъ одну только любовь, теперь, всматриваясь пристальнѣе въ эти очи, онъ уже видѣлъ одно равнодушное желаніе выдти замужъ поскорѣе; бывало, румянецъ на щечкахъ дѣвушки выражалъ для него чистоту души, неподдѣльную природу; теперь онъ видѣлъ или толстый слой краски, или приливъ крови отъ досады, что нѣкоторыя изъ подругъ приняты въ синклитъ княгини Фуфу; а она, достойнѣе всѣхъ ихъ, не получила приглашенія. Словомъ, онъ началъ испытывать неизбѣжный переходъ изъ дѣтской беззаботности въ тотъ міръ, гдѣ узнаются маски-псевдонимы.

Недолго думалъ Бронзовъ, выпросился въ кавказскій корпусъ и снова ожилъ душою въ шумѣ боевой, неизвѣданной

жизни. Черкеская пуля, пробившая ему грудь навылетъ, не охладила пыла и отваги въ кипучей душѣ юности. Бронзовъ пожиналъ и пожиналъ лавры, какъ вдругъ письмо больной умирающей матери отозвало его на родину. Не засталъ однако онъ въ живыхъ единственную женщину, которую любилъ пылко и безкорыстно, только слезы, безотрадныя слезы сироты-сына омочили свѣжій дернъ ранней могилы ея. Когда въ душѣ его начали утихать порывы первой существенной горести, ему полюбилась тихая деревенская жизнь. Простота и уединеніе находятъ прямой путь въ сердцѣ мечтателя, и Бронзовъ находилъ утѣшеніе въ поляхъ и рощахъ благословенной родины. Недалеко жила старая тетка его, лучшій другъ покойной матери Бронзова. Какъ сквозь сонъ помнилъ онъ привѣты и ласки доброй старушки и, однажды проѣзжая верхомъ мимо красивой усадьбы ея, повернулъ коня на широкій зеленый дворъ и опомнился, когда уже чувствительная старушка обливала его непритворными слезами, выговаривая за отчужденіе отъ друга матери. Но скоро Бронзовъ потерялся: въ дверяхъ мелькнула красавица, будто неуловимая мечта въ распаленномъ воображеніи поэта. Видали ли вы падающій магнитъ въ кучу опилокъ, которые набросаны прихотливой рукой ученаго, видали ли вы, какъ эти желѣзныя пылинки мгновенно собираются въ стройныя массы и прильнутъ къ магниту, привлеченныя таинственной силой его? Такъ и мечты Бронзова мгновенно устремились къ одной мысли, и эта мысль была сначала темная, неясная, — и вдругъ небесный свѣтъ озарилъ ее, и она бросила ослѣпительные лучи на все существо мечтателя. Каждый атомъ его свѣтился этимъ лучистымъ свѣтомъ, и кровь, зажженная неизвѣданнымъ огнемъ, кипучей лавой полилась въ сердце Бронзова. Это была любовь, которую прежде считалъ онъ вспышкой поэтическаго воображенія. Кто же была красавица? Бѣдная родственница его тетки, воспитанная доброю старушкой самымъ блестящимъ образомъ, богато-убранная жертва, приведенная на край пропасти неопытной рукой благодѣянія!..

Почти все время проводилъ Бронзовъ у тетки, восхищаясь Софьей, втайнѣ страдалъ, снѣдаемый любовью къ красавицѣ, и проклиналъ время, летѣвшее для него съ быстротою стрѣлы, которую горецъ пускаетъ на отмщеніе кровавой обиды.

Въ одинъ теплый весенній вечеръ, когда молодыя листья такъ отрадно шепчутся въ душистомъ полумракѣ, когда съ воздухомъ вдыхаешь что-то радостное, Бронзовъ рука объ

руку съ Софьей тихо всходилъ на каменный мостикъ, брошенный черезъ ручей, который пробѣгалъ въ обширномъ саду Звѣниной. Соловей разсыпалъ трели въ ближнихъ кустахъ, зарево отъ мѣсяца, будто далекій пожаръ, обливало тонкимъ серебристымъ флеромъ прозрачное небо межъ двухъ высокихъ горъ. Бронзовъ невольно сжалъ руку очаровательной спутницы. Она вздрогнула и тихо оставила молодаго человѣка. Ипполитъ позабылъ все: въ несвязной рѣчи высказалъ онъ беззавѣтную любовь свою красавицѣ и, потупя очи, ждалъ отвѣта Софьи; но отвѣтомъ ему было грустное молчанье, да чрезъ нѣсколько минутъ трепетный вздохъ, словно братское участье волновало грудь красавицы. Робкое моленье Ипполита, наконецъ, вызвало слова Софьи, и въ словахъ этихъ несмѣло, съ какой-то безотрадной грустью излетѣло признанье въ любви ея къ другому. И долго стояли они на уединенномъ китайскомъ мостикѣ среди сада. Мѣсяцъ сыпалъ серебромъ на журчащія струи потока, звонкія пѣсни переливались по деревнѣ.

— Нѣтъ, Софья, говорилъ Бронзовъ, подавая опять руку смущенной дѣвушкѣ, открывшей ему печальную тайну своего сердца:—мы не разстанемся холодно съ вами: не мнѣ суждено быть избраннымъ вашимъ, отчего же я не могу быть вѣчнымъ, неизмѣннымъ другомъ? Уважаю священную вашу горесть, — вотъ клятва — не тревожить васъ моею любовью. Забудьте этотъ вечеръ, забудьте, что во мнѣ бьется пылкое, любящее сердце; смотрите только въ мою душу.

Дѣвушка пожала руку Бронзова.

Скоро Ипполитъ узналъ, что одинъ молодой человѣкъ, сосѣдъ ихъ, пріѣхавъ изъ-за границы, обворожилъ Софью, и безъ цѣли покоривъ ея неопытное сердце, какъ рѣзвая бабочка, бросился въ вихрь свѣта искать новыхъ наслажденій. Не такова была Софья, она умѣла сохранить память о первенцѣ любви своей, и когда уже и ясно видѣла, что отдала вѣрную, пламенную страсть за одну прихотливую фантазію, но все не могла разучиться тосковать о томъ, кто открылъ ей рай на бѣдной землѣ нашей. Изрѣдка упрекала она судьбу, которая исторгла ее изъ простаго круга, куда просвѣщеніе не бросаетъ сѣмянъ разочарованія; но упреки эти смѣнялись молитвой, и небесной Дѣвѣ-заступницѣ повѣряла земную скорбь свою осиротѣлая Софья. Давно лелѣяла она одну только мысль; мысль эта стремилась въ тѣсную келью, гдѣ незримая вѣстница неба — чистая радость — примиряетъ душу съ міромъ и жизнью, и невидимо сплетаетъ вѣнецъ блаженства на

блѣдномъ челѣ покорной жертвы. Были минуты, когда Софья и отстраняла эту мысль, но сцена на китайскомъ мостикѣ была послѣднимъ звеномъ разорвавшейся цѣпи, которая еще связывала ее съ міромъ страстей, обманувшихъ очарованіе.

Кончился срокъ отпуска Бронзова. Онъ заѣхалъ проститься къ теткѣ. Ипполитъ казался даже веселымъ; но внимательный взоръ Софьи читалъ въ очахъ его, что онъ носитъ отраву въ своемъ прекрасномъ благородномъ сердцѣ. Близкіе и вмѣстѣ далекіе другъ отъ друга, свои и вмѣстѣ чужіе — они еще разъ сошлись наединѣ — за нѣсколько минутъ передъ отъѣздомъ Ипполита.

— Софья, сказалъ онъ:—мы разстаемся на вѣки; дайте мнѣ что нибудь на память дружбы.

Софья боялась взглянуть на него и не рѣшительно сняла перстень съ лѣвой руки.

— Вотъ кольцо, сказала она; не спрашивайте ничего о немъ, но возьмите его и помните, что другъ будетъ всегда молиться о вашемъ счастьи.

— Не употребляйте послѣдняго слова, Софья, мнѣ чужды даже звуки его... Молитесь...

И онъ не договорилъ. Сжалось его сердце и, только выскакавъ на большую дорогу, онъ почувствовалъ радостныя слезы. Черезъ два года онъ получилъ извѣстіе, что Софья у подножія алтаря подъ черной рясою сложила съ своимъ именемъ всѣ земныя воспоминанія.

. .

Кончивъ разсказъ свой, Бронзовъ положилъ мнѣ голову на грудь и зарыдалъ, я отвѣчалъ тѣмъ же...

Просыпаюсь — глаза мои полны слезъ, и я дома былъ въ какой-то нерѣшимости, — ужели въ самомъ дѣлѣ одно сновидѣніе разыгрывало передо мной подобную драму? Все, наконецъ, увѣрило меня, что я проснулся. Я лежалъ въ номерѣ гостинницы. Въ углу Ванька хлопоталъ около самовара, на спинкѣ стула висѣлъ мой мундиръ съ блестящими эполетами, тотъ самый, въ которомъ нѣсколько часовъ назадъ я танцовалъ на балѣ. Соколинъ завивалъ волосы передъ походнымъ зеркальцемъ и, увидя, что я проснулся, началъ мнѣ разсказывать о своемъ блаженствѣ, какъ Вѣра смотрѣла на него пристально, когда увозили ее изъ мазурки.

Дверь отворилась, и Бронзовъ вошелъ къ намъ.

— Бронзовъ! какими судьбами? Пять дней тому назадъ ты еще былъ въ госпиталѣ.

— А теперь, благодаря попеченьямъ Карла Васильевича, выздоровѣлъ и пріѣхалъ веселиться съ вами.

Я быстро взглянулъ на лѣвую его руку и изумился, не видя на ней таинственнаго кольца.

Скоро Соколинъ, расфранченный до nec plus ultra, уѣхалъ вздыхать у ногъ своей возлюбленной. Мы остались вдвоемъ съ Бронзовымъ.

— Ипполитъ, сказалъ я, наливая стаканъ чаю, гдѣ твое кольцо, которое ты берегъ съ такимъ тщаніемъ.

Онъ смѣшался немного.

— Что за фантазія спрашивать меня объ этомъ, Чужбинскій.

— Нѣтъ — скажи, пожалуйста.

— Да ты сдѣлался любопытенъ.

— Меня оно занимало.

— Полно, братецъ.

— Я привыкъ всегда видѣть его у тебя на рукѣ, а безъ кольца будто бы не достаетъ чего-то.

— Что-жъ, попуталъ лукавый, вчера до чиста проигрался, хотѣлъ испытать судьбу, выдернулъ тройку, снялъ перстень; но и тройка легла направо, — и колечко украшаетъ указательный перстъ Митманна.

Я съ упрекомъ взглянулъ на него.

— А оно прежде было дорого тебѣ?

— По привычкѣ: это подарокъ нѣкогда любимой дѣвушки.

— Гдѣ же она?

— Какъ водится, вышла замужъ. Я долго помнилъ объ ней, но теперь можешь судить, что позабылъ совершенно. Кстати — сегодня балъ у Нериныхъ.

— Да! отвѣчалъ я полусердито, думая, по обычаю: мечты и существенность — двѣ стихіи, вѣчно враждующія между собою...

Скоро въ дверяхъ показалась рябая форма Стуса, моего извощика, и это мнѣ напомнило, что пора на службу, и я безъ сожалѣнія уѣхалъ въ свою скучную стоянку, но опоздалъ, задержанный усталостью лошадей, и не сбылся сонъ мой: вмѣсто честнаго дежурства по госпиталю, я прямо попалъ на четыре часа... на гауптвахту.

1839.

НѢМОЙ.

РАЗСКАЗЪ.

Словно изъ лука стрѣла, летѣлъ я на своемъ Ибрагимѣ, боясь не застать уже переведеннаго товарища, который долженъ былъ въ тотъ день проститься съ нами, быть можетъ, навѣки. До штаба оставалось 6 верстъ, но лѣсными дорогами не болѣе какъ въ половину; тропинки извѣстны. Я сдѣлалъ прыжекъ черезъ канаву, и снова помчался по живописному косогору. Влѣво тянулся оврагъ, обрамленный столѣтними дубами; въ перспективѣ его виднѣлась красивая деревня на берегу широкаго пруда — штабъ 4 эскадрона, — передо мной яснѣла чудная поляна. По этой зеленой равнинѣ вилась убитая дорожка между живописными купами различныхъ деревьевъ. Вѣтерокъ порхнулъ, зашептались листья до того спокойные; мнѣ стало легче, я удержалъ немного Ибрагима, и разстегнувъ сюртукъ, ѣхалъ полною рысью, вдыхая бальзамическій воздухъ майскаго вечера. Весна располагаетъ сердце къ мечтаніямъ: я былъ молодъ, и мое кипѣло мечтами; весна невольно располагаетъ сердце къ любви — я любилъ, но большое пространство раздѣляло меня съ предметомъ любви, безжалостное время убивало лучшіе года моей юности въ скучномъ одиночествѣ; самыя воспоминанія мои были грустны, а между тѣмъ я мечталъ и мечталъ безотчетно, — такова молодость! Намъ весело — мы вымыслимъ печали; грустно — мы вымыслимъ невозможныя радости. Одинъ въ пустынѣ на конѣ — майскимъ вечеромъ — я строилъ такіе воздушные замки, что мнѣ казалось, будто счастье готово слетѣть въ мою душу. Я далъ шпоры Ибрагиму; но конь мой разомъ остановился и — ни съ мѣста. Гляжу — передо мною широкій ручей съ утесистыми берегами, а дорога осталась влѣво сажень за двадцать, значитъ, я въ мечтахъ летѣлъ по другому направленію. На бе-

регу бѣлѣлъ платокъ, а возлѣ него разбросаны лѣсные цвѣты. Неодолимое любопытство подстрекнуло меня, я спрыгнулъ съ лошади, и батистовый платокъ былъ въ рукахъ моихъ. Долго я думалъ, разсматривая его и дѣлая предположенія, кому бы принадлежалъ онъ? Но всѣ догадки оставались неразрѣшенными. »Въ прежніе годы, подумалъ я, это служило бы къ интересному знакомству — теперь для меня все равно!« И, положивъ душистый батистъ въ боковой карманъ, я поскакалъ по дорогѣ, и черезъ четверть часа успѣлъ чокнуться прощальнымъ бокаломъ съ отъѣзжающимъ товарищемъ. Слеза блеснула у меня на рѣсницѣ, когда въ послѣдній разъ Намскій протянулъ мнѣ руку. Еще юнкерами сошлись мы съ нимъ, жили душа въ душу, дѣлились радостью и горемъ; теперь... но такова судьба солдата. Зазвенѣлъ колокольчикъ, взвилась сѣрая тройка, и Намскій скоро исчезъ въ переулкахъ небольшаго городка. Счастливый путь! прокричалъ я ему, отдавая вѣстовому Ибрагима. Товарищи окружили меня. Лица всѣхъ выражали непритворную горесть. Невеселъ и я взошелъ въ квартиру ротмистра Безлюдова.

— Что опоздалъ, Чужбинскій? началъ ротмистръ. Намскій ожидалъ тебя.

— Но онъ ускорилъ отъѣздъ свой, по крайней мѣрѣ, двумя часами?

— Ты не ошибся. Впрочемъ, онъ можетъ назваться твоимъ роднымъ братомъ въ этомъ случаѣ? у васъ по семи пятницъ на недѣлѣ. Въ моемъ бюро лежитъ письмо къ тебѣ: Намскій писалъ его за часъ до отъѣзда; только одно условіе — ты долженъ прочесть его не иначе, какъ у себя на квартирѣ.

— Завѣтъ друга долженъ быть святъ: я взялъ письмо и, завернувъ его въ найденный батистовый платокъ, спряталъ въ карманъ. Не знаю отчего, но мнѣ казалось, что, принимая письмо это, я почувствовалъ страшную боль въ сердцѣ.

— Однако, господа, сказалъ Безлюдовъ собравшимся офицерамъ, грустью не возвратимъ Намскаго; вечеръ прекрасный; коляска моя къ вашимъ услугамъ.

— Куда же? спросили многіе.

— Къ Флорскимъ — къ нимъ наѣхало много гостей.

— Согласны.

Шестерня вороныхъ у крыльца, и мы en quatre въ прекрасной вѣнской коляскѣ отправились въ деревню Флорскихъ.

Съ разсвѣтомъ на другой день пріѣхалъ я во взводъ. Крестьянская изба, въ которой квартировалъ я, была окружена цвѣ-

тущимъ садомъ. Двѣ стройныя, тѣнистыя липы прикрывали ее роскошными вѣтвями. Чудное утро! Ванька ожидалъ меня съ самоваромъ.

Разлегшись на коврѣ, я предался задумчивости. Между пріѣхавшими родными Флорскихъ я встрѣтилъ одну особу. Не красавица была она,— но все, что есть обворожительнаго, заключалось въ этомъ созданіи; поговоривъ съ ней полчаса, свободный юноша весь растаялъ бы; но мое сердце хранило другія обязанности — и я поспѣшилъ уѣхать отъ Флорскихъ: я боялся за себя. Еще не успѣлъ я раскланяться со всѣми, а меня уже влекло что-то говорить съ очаровательною незнакомкой. Свобода деревенскаго обращенія скоро доставила мнѣ къ тому случай. Послѣ чаю мы разбрелись по саду. Старшая Флорская рука объ руку съ незнакомкой пошли по дорожкѣ изъ акацій: я догналъ ихъ.

— Отчего вы не были, Александръ Степановичъ, на балѣ у нихъ? спросила меня Флорская.

— Служба мѣшала мнѣ.

— А намъ было очень весело.

— Вѣрю, и тѣмъ вѣрю охотнѣе: вамъ не можетъ быть не весело.

— И я согласна съ вами, сказала незнакомка, я также знаю характеръ моей кузины.

— Ты, ma chère, несправедлива: я много перемѣнилась. Не правда ли, Катенька, я стала менѣе рѣзва?

— Ничуть не перемѣнилась, то же, что и всегда. Впрочемъ, рѣзвость къ лицу тебѣ; ты такъ хороша, когда улыбаешься.

Флорская покраснѣла. Незнакомка улыбнулась.

— Теперь наше Пригорское, начала первая, обращаясь ко мнѣ, сдѣлалось шумно: всѣ почти родные съѣхались къ маменькинымъ именинамъ; не заставитъ ли васъ хоть многолюдное общество посѣщать насъ?

— Всегда я за удовольствіе считалъ проводить свободное время въ Пригорскомъ: виноватъ ли я, что служба отзывала меня далеко.

Скоро поручикъ Ленинъ присоединился къ намъ и началъ разговаривать съ Флорской. Мы молча шли съ Зериной. Я не могъ прибрать кстати ни одного разговора. Наконецъ, мы очутились у рѣшетки сада. Потокъ живописно протекалъ по цвѣтущимъ лугамъ, вдали синѣли лѣсистые холмы, и на одномъ изъ нихъ ярко блестѣлъ шпицъ небольшой часовни.

— Если не ошибаюсь, сказалъ я своей спутницѣ, этотъ

ручей идетъ недалеко отъ большой дороги, и въ одномъ мѣстѣ имѣетъ очаровательные берега, именно тамъ, гдѣ стоитъ большой крестъ надъ тропинкой.

— Хотя я не часто бываю въ этой сторонѣ, однако очень хорошо знаю мѣсто, о которомъ вы говорите — это верстахъ въ трехъ отсюда. Мы съ Машей были тамъ сегодня верхами.

— И, вѣроятно, потеряли что нибудь?

— Ахъ, да! Я, кажется, позабыла платокъ на берегу.

— Я недавно проѣзжалъ тамъ и отыскалъ его.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Въ отвѣтъ я досталъ душистый платочекъ и отдалъ его Зериной. Отъ нея не скрылось, что въ платкѣ было завернуто письмо.

— Это прощальная исповѣдь друга, сказалъ я, кладя пакетъ на прежнее мѣсто. А нѣтъ ничего тяжелѣе разлуки съ друзьями.

— Святая истина, сказала Зерина грустнымъ голосомъ, но опомнилась и стала искать взорами кузину.

Скоро присоединились мы къ гуляющимъ. Я не былъ влюбленъ въ Зерину, но что-то влекло меня къ ней. Цѣлый вечеръ я разговаривалъ съ нею и, очарованный любезностью ея, спѣшилъ уѣхать, боясь потерять и умъ, и сердце.

Утро было безподобно. Я распечаталъ письмо Намскаго, прочелъ, и налитый стаканъ чаю простылъ совершенно, пока я опомнился. Слово въ слово передаю исповѣдь моего друга.

»Прости, Александръ! Я ждалъ тебя, хотѣлъ въ твое сердце перелить тяжкую горесть, которой не зналъ ты доселѣ, но случай заставилъ меня ускорить отъѣздъ; только на бумагѣ могу загладить поступокъ свой — скрытность. Ты съ довѣрчивостью друга передалъ мнѣ всю жизнь свою; я заплатилъ тебѣ ложью, выдумалъ цѣлую исторію, а ты всему повѣрилъ. Незамѣтно пронеслась моя студенческая жизнь въ Дерптѣ. Много бурь пролетало надъ ней, но эти бури миновали безъ особенныхъ происшествій, и хотя товарищи называли меня горячею головою, однако, я велъ себя довольно хорошо; профессора единодушно любили меня. Съ пылкимъ сердцемъ, съ увѣренностью въ себѣ, я на двадцатомъ году кончилъ курсъ и, получивъ дипломъ, считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Изъ товарищей больше всѣхъ пришелъ мнѣ по сердцу Рейновъ, похожій на тебя какъ двѣ капли воды. Не о наружности говорю я; но мечты, образъ жизни, все было у васъ одинаково; одна разница, Анатолій былъ превосходный живописецъ. Свободенъ какъ птица, не имѣя никого родныхъ, обла-

дая множествомъ денегъ, я почелъ первою обязанностью отправиться путешествовать; но прежде я долженъ былъ исполнить слово, данное Рейнову, заѣхать къ нему въ Смоленскую губернію и погостить у него мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ.

Признаюсь, я позавидовалъ Анатолію, когда мы пріѣхали къ его родителямъ. Всѣ домашніе попремѣнно обнимали его, но я былъ вездѣ чужой, вездѣ одинокій.

Радость свиданья была такъ велика, что обо мнѣ позабыли совершенно; Анатолія увели въ другія комнаты; я одинъ ходилъ по огромной готической залѣ. Но вотъ ко мнѣ вышла прекрасная дѣвушка. Краснѣя, извинялась она, что всѣ оставили меня и пригласила въ гостиную. Я не любилъ еще; встрѣча эта была роковая... И, Александръ! образъ ея и до сихъ поръ начертанъ въ моемъ сердцѣ.

Радость лелѣяла меня въ семействѣ Рейнова. Старики любили меня какъ сына; двѣ старшихъ сестры Анатолія обходились со мною, какъ съ братомъ; меньшая же Катинька, которую встрѣтилъ я въ залѣ, наполняла душу мою самою возвышенною любовью. Я видѣлъ ясно, что, она съ удовольствіемъ слушаетъ меня, видѣлъ, что ей пріятно быть вмѣстѣ со мною; но мы были такъ робки другъ съ другомъ, что часто Анатолій шутилъ надъ нами.

Александръ, еще разъ прости, что я обманывалъ тебя. Не закоренѣлая ненависть къ женщинамъ, не презрѣніе къ нимъ, какъ я говаривалъ тебѣ, заставляютъ меня убѣгать общества: нѣтъ, безнадежная любовь и неумолимая совѣсть отучили меня находить удовольствіе въ кругу красавицъ. Я всегда смѣялся надъ тобою, но въ тайнѣ завидовалъ, что, не измѣняя сокровеннымъ думамъ своимъ, ты можешь весело проводить время. Я—другое дѣло! Но ты увидишь самъ, какая горькая причина изгнала веселость изъ сердца твоего товарища.

Однажды Анатолій выпыталъ мою завѣтную тайну. Это было наканунѣ моего отъѣзда, и я взялъ слово съ друга никому не говорить ничего о нашемъ разговорѣ.

Мы сидѣли на террасѣ. Первый еще разъ я осмѣлился сѣсть возлѣ Катеньки. Мнѣ казалось, что она грустила.

Рѣчь склонилась на цвѣты.

Я просилъ ее наименовать любимый цвѣтокъ.

— Бѣлая лилія, сказала она; а вашъ?

— Мой давно отцвѣлъ —голубой лѣсной колокольчикъ.

— Ихъ такъ много у насъ въ саду. Пріѣзжайте въ маѣ мѣсяцѣ.

— Въ маѣ я буду очень далеко отсюда.

— Неужели страсть къ путешествію такъ овладѣла вами?

— Это было лучшей мечтою въ моей жизни. Греція, Италія влекутъ меня таинственной силой къ себѣ.

Я горѣлъ, я готовъ былъ высказать Катенькѣ любовь свою; но старикъ Рейновъ подозвалъ меня полюбоваться на закатъ солнца. Картина была восхитительна; но въ ту минуту я не могъ цѣнить ее: мнѣ было досадно, зачѣмъ прервали разговоръ мой съ подругою сердца. На утро взявъ еще разъ съ Анатолія слово свято хранить мою тайну, я отправился въ свою вотчину. Пустой старинный домъ, необразованные сососѣди и скука ускорили отъѣздъ мой въ чужіе края. Зиму провелъ я въ Италіи. Но ни поэтическая страна, ни пѣсни гондольеровъ, ни жгучія очи итальянокъ не изгладили изъ моего сердца уединенной бѣлой лиліи. Въ послѣднихъ числахъ мая я въѣзжалъ въ Смоленскую губернію. Разлившійся Днѣпръ шумѣлъ между лѣсами, и шумъ этотъ для меня былъ отраднѣе шума волнъ Адріатическаго моря, печальная зелень бора пріятнѣй апельсинныхъ и померанцевыхъ рощъ Италіи. Но что можетъ сравниться съ радостью, когда я увидѣлъ рѣшетку сада Рейновыхъ.

Отправивъ экипажъ дорогою, я быстро бросился въ садъ и съ замираніемъ сердца пробѣгалъ знакомыя тропинки. На поворотѣ одной изъ нихъ стояла Катенька въ простомъ розовомъ платьѣ; на прелестной головкѣ, вмѣсто всѣхъ украшеній, лежалъ вѣнокъ изъ лѣсныхъ голубыхъ колокольчиковъ. О, какъ хороша она была въ это время! Александръ! ты любишь, ты поймешь восторгъ мой. Увидя меня, она зарумянилась словно яркая утренняя заря на бѣлоснѣжныхъ облакахъ, чудные глаза выражали такъ много радости, и отъ избытка этой радости двѣ крупныхъ слезы засіяли на ея рѣсницахъ. Она хотѣла бѣжать ко мнѣ на встрѣчу, но опомнилась и съ небесной улыбкой ожидала моего прихода. Я думалъ, что рука ея сгоритъ отъ моего поцѣлуяНадобно ли описывать, какъ я былъ принятъ въ семействѣ добрыхъ Рейновыхъ? Анатолій уже служилъ въ иностранной коллегіи, но на то время былъ въ домовомъ отпуску. Недѣля пронеслась какъ нѣсколько счастливыхъ часовъ. Каждый день мою комнату убирали голубыми колокольчиками; каждый день я болѣе терялъ ума, смотря на Катеньку. И какъ ни былъ я молодъ, какъ ни пестрѣла перспектива моя въ будущемъ, я все бы промѣнялъ на семейную жизнь въ объятіяхъ милой Катеньки. Послѣ дождика блеснуло солнце, но лучи его заиграли въ крупныхъ капляхъ росы неизобразимыми цвѣтами.

Старики отдыхали; Анатолій рисовалъ въ своемъ кабинетѣ; дѣвицы что-то работали; одна Катенька, открывъ окно въ угловой комнатѣ, задумчиво вдыхала въ себя свѣжій ароматическій воздухъ. Небо было чисто. Мнѣ показалось, что Катенька плакала и еще очень недавно.

— Катерина Андреевна, сказалъ я, если не ошибаюсь, вы плакали?

Она покраснѣла, не отвѣчала ни слова; но взоръ ея какъ будто упрекнулъ меня. Я смѣшался.

— Николай Сергѣевичъ, сказала она, посмотрите, сколько росы на деревьяхъ, и къ вечеру ея не будетъ.

Въ свою очередь я не отвѣчалъ ни слова; но мнѣ хотѣлось знать причину слезъ ея. Въ рукахъ у нея была книга.

— Что вы читали, Катерина Андреевна?

— Рославлева.

— Не это ли причина слезъ вашихъ?

— Вы будете смѣяться, если скажу да. Нѣтъ, я плакала, сама не знаю отчего.

Я сѣлъ возлѣ.

— Будто я насмѣшникъ; мало же вы еще знаете меня.

— О, нѣтъ, я васъ хорошо знаю, но меня за слезы должно назвать ребенкомъ. Можно ли думать, чтобы Рославлевъ, любя такъ Полину, позабылъ ее совершенно и женился на Оленькѣ? Можно ли быть такъ непостояннымъ? Я представила себѣ, что если...

Она замолчала и отвернулась.

— Катерина Андреевна, сказалъ я, взявъ ее за руку, договорите.

И черезъ нѣсколько минутъ мы знали, что любимъ другъ друга. Анатолій былъ нашимъ ходатаемъ у родителей, и на другой день я былъ обрученъ съ любимицей души моей. Бѣлое платье и вѣнокъ изъ лѣсныхъ голубыхъ колокольчиковъ такъ шли къ ней, что всѣ, сколько ни было гостей, были въ восторгѣ отъ моей Катеньки.

Подъ вечеръ я вошелъ въ кабинетъ Анатолія и, полюбовавшись на недоконченную картину, началъ разсматривать дорогое оружіе, которымъ была увѣшена стѣна надъ кроватью. Болѣе всего понравились мнѣ французскіе пистолеты; я снялъ одинъ и началъ разсматривать дорогую отдѣлку.

Обнявъ Катеньку, Анатолій показался у двери и громко хохоталъ.

— Знаешь ли, Николай, сказалъ онъ мнѣ, я выигралъ

у Катеньки закладъ, который состоитъ въ томъ, что она не будетъ сегодня цѣлый день говорить съ тобою, ха, ха, ха!

— Быть не можетъ?

— Увѣряю тебя. Я волочусь за нею цѣлый вечеръ.

— Нѣтъ, братъ, этого не будетъ: я ревнивъ.

— Ревнуй, сколько хочешь.

— Убью, сказалъ я смѣясь, и прицѣливаясь въ него.

— Имѣешь полное право, а все Катенька не должна сегодня говорить съ тобою. Ха, ха, ха!

Я шутя спустилъ курокъ. Раздался выстрѣлъ: пистолетъ былъ заряженъ... Анатолій зашатался и, обрызгавъ кровью все платье сестры, упалъ на землю.

Все было кончено. Не стану тебѣ описывать неутѣшной горести семейства... Александръ! меня не проклинали, меня не изгоняли какъ убійцу. Помню только, что я плакалъ цѣлую ночь близъ трупа Анатолія. Предразсвѣтный вѣтерокъ освѣжилъ меня, я подошелъ къ окну. На востокѣ бѣжали легкія облачка, едва озаряемыя слабымъ отблескомъ разсвѣта. Я упалъ на колѣни и молился. Чьи-то вздохи заставили меня оглянуться, то была Катенька. Послѣ роковаго событія я еще не видалъ ея.

Скрестивъ на груди руки, стояла она близъ усопшаго брата; со слезами въ очахъ, съ молитвой на устахъ она, казалось, сошла съ неба вдохнуть жизнь въ безчувственный трупъ, но мое сердце болѣло при взглядѣ на нее.

— Намскій, сказала она тихимъ, но торжественнымъ голосомъ: выслушайте меня! Не упрекъ принесла я вамъ, не утѣшеніе, но послѣднее прости любящей невѣсты. Отъ нынѣ все кончилось: невинная кровь брата легла межъ нами грозною пропастью. Я готова отдать жизнь за вашу невинность, всѣ согласны въ томъ; но мы не можемъ принадлежать другъ другу. Молитесь Богу, Онъ проститъ васъ, какъ простило все наше семейство, и если вы сохранили свои чувства ко мнѣ, тутъ голосъ ея задрожалъ, бѣгите отсюда и не старайтесь никогда встрѣчаться со мною: это моя послѣдняя просьба.

Она закрыла лицо руками и удалилась.

Меня судили, но великодушный Рейновъ увѣрилъ судей въ моей невинности, и меня отдали на церковное покаяніе; но невинная кровь прожгла мою душу.

Прошло три года, я опредѣлился на службу и узналъ, что Катенька вышла замужъ. Не смѣю упрекать ее въ невѣрности: я самъ разорвалъ наши обѣты. Можетъ быть, другой пришелся

ей по сердцу; но какъ бы то ни было, мое единственное желаніе молиться о ея счастьи. Вѣрный своему слову не видѣться съ нею, я сдержалъ его; но какъ ни велика Россія, все мы могли встрѣтиться гдѣ нибудь и какъ нибудь. Тайно отъ васъ просился я на Кавказъ; просьба моя принята и, прости на всегда, единственный другъ мой, прости и люби меня.

Утромъ, объѣзжая деревню Флорскихъ, я увидѣлъ двухъ дамъ верхами. Другъ мой, три года не изгладили образъ Катеньки изъ моего сердца я узналъ ее... Подкравшись къ тому мѣсту, гдѣ отдыхала она съ какой-то дѣвушкой, я еще разъ взглянулъ на нее, и вотъ причина, ускорившая отъѣздъ мой. Ты, можетъ быть, познакомишься съ нею. Пиши ко мнѣ: не вспомнитъ ли она, хоть когда нибудь, невиннаго убійцу брата. Горько! тяжко! Эта жизнь свинцовымъ бременемъ лежитъ на душѣ моей. Прощай: нѣтъ силъ писать болѣе.«

Я любилъ Намскаго какъ брата, и каково же было мнѣ читать подобную исповѣдь? И вотъ удѣлъ добраго, умнаго, благороднаго человѣка!

Нѣтъ сомнѣнія, Зерина та самая Катенька, и она вѣрно не знаетъ, что Намскій вчера былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, что, можетъ быть, черезъ мѣсяцъ его уже не будетъ на свѣтѣ.

Мнѣ стало грустно.

Скоро вахмистеръ пришелъ съ рапортомъ и напоминалъ, что завтра выступать въ эскадронный штабъ, а оттуда въ полковой для кампамента. Я велѣлъ приготовляться, и послѣ обѣда къ вечеру пѣшкомъ отправился къ Флорскимъ. Веселый говоръ гуляющихъ раздавался по саду; но близь террасы стояли двѣ особы. Присматриваюсь: Маша Флорская и Зерина. Послѣдняя задумалась и смотрѣла въ глубину сада; Машенька, облокотясь о рѣшетку крыльца, любовалась бабочкой!

И точно, бабочка рѣдкой красоты, порхая въ цвѣтникѣ, то присѣдала на головку нарциза и, не покрывъ его, рисовалась на бѣломъ цвѣткѣ, то слетала и кружилась надъ пахучими фіалками; а заходящее солнце, бросая послѣдніе лучи свои, яркими отливами играло на каймахъ ея крылышекъ.

Наконецъ, красавица-летунья порхнула съ вѣтки пахучей фіалки, покружилась надъ ней и присѣла на молодое дерево недалеко отъ Машеньки. Словно бархатъ, покрытый малиновыми цвѣтами, красовались крылья летучей гостьи весны. Заманчивая красота ея прельстила дѣвушку. Маша приблизила осторожно руку къ вѣткѣ, и бѣдная бабочка почувствовала

себя въ неволѣ. Съ этимъ Маша обратилась къ Зериной и начала описывать красоту плѣнницы.

— Покажи!

И Флорская медленно раскрыла руку. Бабочка по прежнему рвалась на свободу; но уже не та, блестящая пыль крылышекъ облетѣла, гармонія красокъ замѣнилась черноватымъ цвѣтомъ, лишь кое-гдѣ уцѣлѣвшее, малиновое или золотое пятнышко свидѣтельствовало о прежней красотѣ ея.

Машенька ахнула и выпустила плѣнницу. Бабочка снова порхнула къ цвѣтамъ; но уже не садилась и бѣлую головку нарциза, не порхала надъ пахучими ночными фіалками, а какъ бы стыдясь, что потеряла красоту свою, медленно полетѣла дальше и дальше, выше и выше, черезъ деревья, унося горе за предѣлы сада; и солнце, бросая по прежнему лучи свои, не играло яркими отливами на измятыхъ каймахъ ея крылышекъ. Будто увядшій осенній листокъ скрылась она по волѣ вѣтра за высокими дубами.

— Что ты сдѣлала? спросила Зерина, проводивъ бабочку грустными взорами.

— Ахъ, Катенька, я ненарочно обидѣла ее.

— И вотъ удѣлъ земнаго счастья, Маша!

Въ это время я подошелъ къ нимъ.

— Еслибъ вы знали, что я сдѣлала! начала Флорская.

— Я все видѣлъ, и не виню васъ.

— Но я никогда не прощу себѣ этого, — бѣдная бабочка умретъ!

Я склонилъ разговоръ на другой предметъ, заведя рѣчь о предстоявшемъ балѣ. Бабочка была забыта.

Когда къ намъ присоединилось нѣсколько дѣвицъ и молодыхъ людей, общество наше оживилось. Ленинъ разлюбезничался съ Машей, и эта рѣзвая пара овладѣла всѣми. Наконецъ, разговоръ о цвѣтахъ, такъ пламенно ожидаемый мною, начался между нами. Каждый по своему судилъ объ этомъ украшеніи природы, наконецъ, Ленинъ спрашивалъ по очереди, кто любитъ какой цвѣтокъ болѣе.

— Насталъ мой часъ! подумалъ я.

— Не буду утверждать рѣшительно, сказалъ я, наклонясь къ Зериной, но могу, смотря на человѣка, опредѣлить любимый цвѣтокъ его.

— Часто ошибетесь, отвѣчала она.

— Не буду спорить, но позвольте мнѣ отвѣчать за васъ Ленину.

— Охотно.

Скоро дошла до нея очередь. Ленинъ подошелъ къ Зериной.

— Я буду отвѣчать за Катерину Андреевну, сказалъ я. Любимый цвѣтокъ ея бѣлая лилія.

Зерина вспыхнула румянцемъ.

— А твой, спросилъ меня Ленинъ?

— Лѣсной голубой колокольчикъ.

Сосѣдка моя поблѣднѣла.

— Отгадалъ ли я вашъ цвѣтокъ, Катерина Андреевна?

— Отгадали.

Долго вопросъ блуждалъ на устахъ ея; наконецъ, съ примѣтнымъ усиліемъ она спросила меня.

— Отчего же вы любите лѣсной колокольчикъ? вѣрно воспоминаніе?

— Да, воспоминаніе, отвѣчалъ я.

Зерина глубоко вздохнула. Для меня было довольно: я понялъ вздохъ этотъ.

Вечеромъ я познакомился съ Зеринымъ. Это былъ умный, говорятъ, добрый молодой человѣкъ, любящій жену, но я не полюбилъ его. Обладать такой особой, какъ Катенька, и быть ледянымъ, холоднымъ, цѣловать руку жены и въ то же время говорить объ агрономіи... Нѣтъ, я не полюбилъ его.

Меня занимала одна мысль: какъ могла Катенька чувствовать любовь къ этому человѣку; но любила-ль она? Можетъ быть, дружба связывала ихъ, можетъ быть, семейству ея угодна была эта жертва? Я терялся въ догадкахъ.

На другой день мы прибыли въ полковой штабъ, и пошла потѣха. Смотръ за смотромъ, ученье за ученьемъ. Тамъ бригадный командиръ, тамъ начальникъ дивизіи. Отбыли, кажется, уже послѣдній смотръ, не тутъ-то было: пріѣдетъ корпусный командиръ. Но ужъ, слава Богу, все кончено, остались одни домашнія ученья, такъ и располагаешь; но не смотрѣлъ еще начальникъ штаба; опять хлопоты, суета. За то, бывало, во время церемоніальнаго марша сколько выѣдетъ колясокъ полюбоваться красивымъ фронтомъ!

Чѣмъ болѣе экипажей, чѣмъ болѣе дамъ въ экипажахъ, тѣмъ несчастнѣе офицерскія лошади. Сколько лишнихъ шпоръ достанется иному скакуну, чтобы порисовался молодцомъ, сколько лишнихъ прыжковъ галопа между колясками! Ибрагимъ мой заболѣлъ, какъ разъ передъ кампаментомъ; я ѣздилъ на строевой, а кто на строевой, тотъ не галопируетъ возлѣ красавицъ: лошадь казенная, испортишь, въ другой разъ пѣшкомъ придется передъ взводомъ. И такъ, я не слиш-

комъ гарцовалъ возлѣ экипажей. Подъѣдешь бывало самымъ совѣстнымъ галопомъ, да и то, когда заговорится полковникъ, раскланяешься съ знакомыми, а когда скомандуютъ: смирно! рысью ѣдешь къ своему мѣсту.

Кончились всѣ ожидаемые и неожиданные смотры, оставались одни боевые порядки, да послѣднiй церемонiалъ, это было около 27 мая, какъ вдругъ въ полкъ полученъ былъ цѣлый пакетъ раскрашенныхъ билетовъ: Флорскiе цѣлый полкъ звали къ себѣ на балъ.

Разумѣется, что много охотниковъ нашлось на балъ: всѣ билеты розданы, и молодежь съ нетерпѣньемъ ждала пышнаго праздника. Гостей съѣхалось очень много. Были красавицы, но, по моему, лучше всѣхъ была Зерина. Сколько выраженiя въ лицѣ, сколько прелести въ движенiяхъ! Машенька Флорская смѣялась надо мною, что я серьезенъ, я отшучивался, но спросилъ ее, танцуетъ ли Катерина Андреевна?

— Нѣтъ, отвѣчала она, не думаете ли и вы потанцовать?

— Я серьезно не могу.

— Хорошо же! И она упорхнула.

Балъ былъ, какъ и вездѣ бываютъ балы. Отъ души я посмѣялся надъ нѣсколькими оригиналами, надъ нѣсколькими записными кокетками и волокитами и вышелъ на крыльцо. Вечеръ былъ теплый, тихiй. Звѣзды убрали роскошно голубой сводъ неба. Широкiя полосы свѣта отъ оконъ падали на крыльцо. Дѣвицы, которыя не хотѣли танцовать мазурку, и тѣ, кому не доставало кавалеровъ, усѣлись на открытомъ воздухѣ. Далѣе, на небольшой софѣ у рѣшетки сидѣла Зерина съ мужемъ. Послѣднiй тихо говорилъ ей: — И ты не будешь сегодня плакать, другъ мой, — да?

— Да, прошептала она.

Зеринъ отправился искать виста, взявъ у жены руку на счастье.

Казалось, Зерина долго была подъ влiянiемъ воспоминанiя, наконецъ, вздохнула, облокотилась головкой на руку и спросила:

— Вы не танцуете, Александръ Степановичъ?

— Что-то не расположенъ, Катерина Андреевна.

— Сколько дѣвицъ не имѣютъ кавалеровъ, сказала она тише, отчего бы не сдѣлать имъ удовольствiя.

— Во всякое время готовъ, только не въ этотъ день, сказалъ я, догадываясь, какой это былъ день для Зериной.

Она быстро посмотрѣла на меня.

— Вѣрно опять воспоминаніе?

— Да воспоминаніе, отвѣчалъ я, садясь возлѣ нея.

— Странно! проговорила она въ забытьи.

Я молчалъ.

— Можетъ быть, будете удивляться моему любопытству, мы такъ мало знакомы: но отвѣчайте откровенно на вопросъ мой одно только слово: что лежитъ сегодня на вашей памяти?

— Кровь.

Зерина вздрогнула.

— Непостижимый человѣкъ!

Какъ будто въ помѣшательствѣ проговорила она еще: бѣлая лилія! лѣсной голубой колокольчикъ и въ этотъ самый день кровь на памяти!

Мнѣ показалось, что она страдаетъ; я удалился. И когда послѣ мы встрѣтились въ залѣ, она долго и пристально смотрѣла на меня; но передъ ужиномъ скрылась и я уже не видалъ ее въ тотъ день.

Распустили насъ опять по эскадронамъ, и пошла прежняя жизнь. Цѣлые дни бродилъ я съ ружьемъ, вечера занимался. Меня что-то тянуло къ Флорскимъ; но я поѣхалъ и, правду сказать, боялся за свое сердце. Впрочемъ, не скажу, чтобы я сулюбилъ Зерину, нѣтъ, мнѣ было грустно смотрѣть на это существо, достойное обожанія и сломленное бурею въ самомъ цвѣту; мнѣ было горько, видя ее, вспоминать бѣднаго Намскаго.

Въ одно воскресенье я былъ у Флорскихъ. Всѣ почти родные ихъ разъѣхались, вмѣсто шума царствовала тишина; только рѣзвая Маша не измѣняла своей веселости.

Въ гостиной собралось все семейство. Зерины еще оставались. Мнѣ пеняли, что не часто жалую.

Зерина предложила прогулку. Она то убѣгала меня, то старалась быть вмѣстѣ со мною. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ самолюбіе, можетъ быть, шептало бы мнѣ сладкія рѣчи; но я говорилъ съ ней послѣдній разъ слишкомъ ясно, чтобы не изъяснить себѣ ея поведенія.

— Александръ Степановичъ, сказала она, родные такъ много мнѣ говорили объ васъ, да и я, сколько могу судить о людяхъ, нашла въ васъ много, что говоритъ въ вашу пользу...

Тутъ она замолчала.

Я вѣжливо поклонился.

— Можетъ быть, мое поведеніе въ продолженіе знакомства съ вами могло показаться вамъ страннымъ: не судите по

наружности. Мы завтра ѣдемъ; мнѣ бы не хотѣлось оставить въ васъ воспоминаніе о моихъ странностяхъ.

— Оставьте же языкъ гостиныхъ, Катерина Андреевна, и будемъ говорить прямо. Уважаю вашу таинственную грусть, потому что знаю ея причину.

— Вы знаете, Чужбинскій?.. Вы!.. Нѣтъ, этого быть не можетъ, о нѣтъ!

— Неужели бѣлая лилія и голубой колокольчикъ были произнесены случайно?

Она такъ нѣжно посмотрѣла на меня. Но въ это время Заринъ подошелъ и, взявъ жену подъ руку, просилъ ее приготовиться къ отъѣзду завтра очень рано. И я уже болѣе не говорилъ наединѣ съ Зариной; она сама искала къ тому случая, но кто нибудь мѣшалъ намъ, и мы разстались.

Намскій не былъ забытъ ею, это я видѣлъ; онъ даже былъ любимъ несчастною женщиною.

Дома грустилъ я по отъѣздѣ Зариной; но промчалось время, а чего не уноситъ время. Сколько не писалъ я къ Намскому, всѣ мои письма оставались безъ отвѣта: онъ служилъ на Кавказѣ, что-жъ мудренаго, что и убитъ.

Мы перешли въ ***скую губернію.

Небольшое, но избранное общество собралось у графини Лейеръ. Часа два мы провели въ пріятныхъ разговорахъ. Вошелъ графъ.

— Ma chère, сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ, къ тебѣ есть письмо съ Кавказа отъ брата.

— Отъ Владиміра! вскрикнула она, обрадовавшись. Гдѣ оно? И графиня бросилась въ залу.

Черезъ четверть часа возвратилась она въ гостиную.

За ней вошелъ незнакомецъ. Благородная физіономія его рѣзко бросалась въ глаза, на ней ясно выражалась неконченная поэма; очи сіяли умомъ и чувствомъ, каждый взглядъ выражалъ мысль. Онъ одѣтъ былъ въ черный фракъ, застегнутый отъ верху до низу; георгіевскій крестъ бѣлѣлъ въ петлицѣ, и межъ черными кудрями ярко отражалась половина серебрянаго черепа... Лицо что-то знакомо... И не смотря на то, что широкія раны искрестили это лицо, я, наконецъ, узналъ его.

— Намскій! вскричалъ я, и сжалъ его руку.

Быстро онъ взглянулъ на меня и въ глазахъ навернулись слезы.

— Какими судьбами? сказалъ я.

Намскій въ отвѣтъ вынулъ небольшую черную дощечку

и написалъ мнѣ: »годъ какъ я нѣмъ: черкесская пуля лишила меня употребленія языка«. Я чуть не заплакалъ. Давъ свой адресъ Намскому, я просилъ его заѣзжать ко мнѣ, а самъ стремглавъ бросился на квартиру. Мнѣ было тяжко. Отъ природы у меня странный характеръ. Видя близкихъ въ горести, я до того сочувствую, что будто бы и самъ страдаю съ ними, а Намскаго я любилъ, какъ никого не любилъ.

Бѣдный Николай недѣли двѣ прожилъ у меня, квартира моя отъ утра до вечера была полна офицерами, и мы только по ночамъ бесѣдовали съ Намскимъ, по нѣсколько большихъ листовъ исписывалъ онъ. Николай ѣхалъ домой продать имѣніе и навсегда поселиться въ Петербургѣ; онъ располагалъ каждое лѣто ѣздить въ чужіе края, а зиму проводить въ столицѣ, зарывшись въ книгахъ: другаго способа не могъ прибрать для своего существованія злополучный страдалецъ.

Наконецъ, отпускъ мой вышелъ; намъ было по дорогѣ съ Намскимъ, я сѣлъ въ его коляску, и мы полетѣли по чудной зимней дорогѣ. Морозы были ужасные. Изо всего я замѣчалъ, что Намскому еще разъ хотѣлось взглянуть на Зерину, хотя онъ и не говорилъ мнѣ объ этомъ. Нѣсколько дней провели мы въ дорогѣ; намъ еще одну станцію оставалось ѣхать вмѣстѣ: тамъ онъ долженъ былъ поворотить на Москву, я въ Малороссію. Мятель бушевала, морозъ крѣпчалъ и крѣпчалъ. На одной станціи мы уже часа три ожидали лошадей; впрочемъ, ожиданіе это было не изъ самыхъ скучныхъ: во первыхъ, потому, что мятель съ неслыханною силой крутилась на дворѣ, во вторыхъ, что черезъ двадцать верстъ намъ должно было разстаться, можетъ быть, навѣки. Нѣсколько листовъ бумаги, исписанныхъ Намскимъ, уже сгорѣли въ печкѣ; было поздно. Раздался колокольчикъ; человѣкъ весь въ снѣгу взошелъ и требовалъ лошадей; староста отвѣчалъ, что выкормятся, между тѣмъ взглянулъ въ подорожную и, отдавая ее человѣку, промолвилъ: черезъ часъ будутъ лошади, а барину не угодно ли обогрѣться?

Въ избу вошелъ мужчина, за нимъ слѣдовала дама. Въ немъ узналъ я Зерина; дама была закутана и скрывала лицо подъ вуалемъ; но я узналъ въ ней жену его.

Зеринъ осмотрѣлся и весело привѣтствовалъ меня; она откинула вуаль.

— Здравствуйте, Александръ Степановичъ!

— Вотъ неожиданная встрѣча!

Я боялся взглянуть на бѣднаго Намскаго: звуки этого голоса были слишкомъ знакомы ему.

Черезъ четверть часа Катерина Андреевна закрылась вуалемъ и сѣла въ углу, жалуясь на головную боль, Намскій сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ безъ движенія, только румянецъ и блѣдность смѣнялись на лицѣ его. Самъ я сидѣлъ, какъ на иголкахъ, и на тихій вопросъ Зерина: »кто мой спутникъ«? отвѣчалъ громко, такъ чтобы слышала и жена его: что это мой товарищъ возвращается съ Кавказа раненый; описалъ я, какъ могъ, его несчастное положеніе—потерять употребленіе языка въ молодыхъ лѣтахъ!

Зерина подняла вуаль: полные слезъ глаза устремила она на моего бѣднаго друга, который только что началъ приходить въ себя.

Признаюсь, мнѣ стало легче, когда я услышалъ звонъ колокольчиковъ. Зерина что-то чертила на столѣ остріемъ булавки.

Когда они уѣхали, Намскій бросился къ столу и долго со слезами цѣловалъ мѣсто, на которомъ лежала рука милой. Я подошелъ къ нему, просилъ успокоиться и прочелъ написанное Зериной. То были три слова: »еще разъ прости«!

Намъ были готовы лошади. Намскій изрѣзалъ ножемъ мѣсто, гдѣ были написаны прощальныя слова и мраченъ сѣлъ въ экипажъ.

На слѣдующей станціи мы разстались: я поѣхалъ домой, онъ еще долженъ былъ починять экипажъ.

На возвратномъ пути, пока перепрягали лошадей на станціи, гдѣ мы разстались съ Намскимъ, я началъ перелистывать книгу, чтобы вспомнить число, въ которое мы видѣлись съ нимъ въ послѣдній разъ, и не отыскалъ подорожной Намскаго; зову писаря и спрашиваю: не помнитъ ли онъ, долго ли пробылъ здѣсь тотъ раненый офицеръ, съ которымъ мѣсяцъ назадъ мы проѣзжали вмѣстѣ и у котораго изломалась коляска?

— Нѣмой, В. Б—іе?

— Да, братецъ.

— Упокой его душу, Господи! три дня поболѣлъ и померъ.

О, какъ тяжко мнѣ было слушать подробности его смерти. На станціи, всѣмъ чужой, лишенный употребленія языка, можетъ быть, безъ всякой помощи, кончилъ онъ дни свои...

Нѣтъ, я не могъ выдержать долѣе. Хотъ стыдно плакать солдату, но, признаюсь, слеза за слезою покатилась на замерзлые усы мои.

1839 г. Апрѣля 12. Исковцы.

БЫЛЬ.

(Отрывокъ изъ моего дневника).

По небольшому протяженію безъимянной рѣчки — виднѣются нѣсколько помѣщичьихъ усадьбъ. Сосѣди живутъ дружно между собою; сосѣдки перебраниваются изрѣдка; паны дѣлаютъ визиты въ архалукахъ, дамы на безрессорныхъ дрожкахъ — всѣ, вообще, одѣты какъ нибудь; но отъ 1-го апрѣля по 1-е октября включительно всѣ въ бѣлыхъ вуаляхъ, именуемыхъ »увалями«. Въ томъ околодкѣ много борзыхъ собакъ, много шпанскихъ овецъ, въ каждомъ домѣ сонникъ и оракулъ, кое-гдѣ вистикъ, иногда штосикъ, много наливокъ, но ни одного журнала, развѣ изрѣдка кочующій варягъ заноситъ разрозненный романъ сѣраго издѣлія. Разговариваютъ тамъ и о политикѣ, когда кто изъ помѣщиковъ возвратится изъ уѣзднаго города; а въ уѣздномъ городѣ царствуетъ просвѣщеніе: тамъ есть и журналы, и газеты, и судья величайшій политикъ. Премудрость его разливается по всему уѣзду, но особенно отдаютъ ему преимущество въ описываемомъ околодкѣ. Что сказалъ Илья Николаевичъ, такъ тому и быть. »Эта *кныга* никуда не годится«, говоритъ онъ, и судъ произнесенъ, никто уже не рѣшится заглянуть въ оцѣненную книгу; и если прибавитъ: »въ ней просто чортъ знаетъ что!« всѣ будутъ бѣгать отъ нея, какъ отъ моровой язвы. Но болѣе всего почтенному судьѣ не нравятся эпиграфы. »Къ чему эти сочинители приплетаютъ по нѣсколько строчекъ стиховъ — просто ни къ селу, ни городу, добро бы еще по русски, а то изволятъ хвастать и лѣпятъ французчину... да и названіе — Евграфъ!« Завидѣвъ книгу, онъ начинаетъ перелистывать ее, и бѣда автору, у котораго есть эпиграфы.

Я стоялъ со взводомъ въ благословенномъ этомъ краю, и первый, съ кѣмъ познакомился я — былъ Иванъ Лукьяновичъ

Горобець, подписывающійся для большей важности Горобцовъ. Онъ между многими похвальными привычками имѣетъ одну въ особенности: если увидитъ пѣгую лошадь, сходитъ съ ума отъ бѣшенства, проклинаетъ не только того, кто купилъ такую лошадь, но и кузнеца, который подковалъ ее. Домикъ его, выстроенный какъ и всѣ дома въ —ской губерніи, стоитъ надъ небольшой рѣчкою; садикъ окружаетъ его, а на дворѣ въ равномъ разстояніи отъ воротъ стоятъ двѣ высокихъ голубятни; черезъ дорогу красуется овечій заводъ и гумно.

Пять лѣтъ уже какъ овдовѣлъ Иванъ Лукьяновичъ, а ни разу еще мысль о новомъ супружествѣ не приходила ему въ голову; двѣ противоположности, повидимому, только обитали въ сердцѣ Ивана Лукьяновича: любовь къ единственной дочери и нелюбовь ко всѣмъ пѣгимъ лошадямъ на свѣтѣ.

Отъ нечего дѣлать, желая какъ нибудь сократить скучное время, я въ свободные часы странствовалъ по всему протяженію рѣки и думалъ, авось не отыщу ли пріятной бесѣды; можетъ быть, судьба сжалится надъ моимъ грустнымъ одиночествомъ. Вхожу къ Ивану Лукьяновичу. Оборванный мальчишка сидитъ въ передней, привязанный за ногу, и деретъ перья: на глазахъ его еще не совсѣмъ высохли слезы, вѣроятно, послѣ наказанія.

— Дома баринъ?

— Дома — только почиваютъ.

— Какъ? вѣдь уже давно утро!

— Они спятъ послѣ обѣда.

Я удивился: еще былъ только одиннадцатый часъ.

Мальчишка съ испугомъ смотрѣлъ на меня, потому что въ томъ краю рѣдко показывались военные. Я снялъ шинель и рѣшился ожидать пробужденія Ивана Лукьяновича.

— За что же, дружокъ, тебя привязали?

— За ногу, сударь, отвѣчалъ простодушный мальчикъ.

— Не то! за какую вину?

— Когда накрывалъ на столъ, то откусилъ огурца — вотъ столько, и преступникъ показалъ мнѣ кончикъ мизинца, баринъ увидѣли, выдрали мнѣ больно уши и привязали къ стулу.

Въ это время послышалось громкое и протяжное:

— Гей!

Мальчикъ не шевелился и прилежнѣе началъ заниматься своей работой.

— Это баринъ проснулся?

— Баринъ.

Я отворилъ дверь и вошелъ въ залу. Все было чисто. Огромные часы стояли въ углу, и при моемъ входѣ изъ нихъ выскочила кукушка и прокуковала 11.

— Гей вы, канальи, раздалось изъ внутреннихъ комнатъ, и кто-то сильно постучалъ кулакомъ въ стѣну.

— Въ передней только я, пропищалъ привязанный мальчикъ.

— Развяжись, каналья, позови дармоѣда Гаврюшку — да смотри мнѣ, опять привяжись!

Изъ корридора выглянула небольшая дѣвочка, но, увидя меня, вскрикнула и исчезла.

Скоро я подслушалъ разговоръ.

— Папенька, гости!

— Въ самомъ дѣлѣ? Кто?

— Офицеръ, что ли?

— А на какихъ лошадяхъ пріѣхалъ?

— На гнѣдыхъ, я думала — Кириллъ Тимофеевичъ.

— И ни одной пѣгой?

— Ни одной.

— Вели же подавать *казуху*; а я сейчасъ.

И черезъ пять минутъ изъ корридора человѣкъ вынесъ на подносѣ два графина и двѣ рюмки, а изъ гостиной вышла огромная двѣнадцати вершковая фигура — въ старой дамской кацавейкѣ, въ желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ и съ привѣтливою улыбкой.

— Милости просимъ! съ кѣмъ имѣю честь видѣться?

— Корнетъ Чужбинскій.

— Очень радъ! очень радъ! прошу въ гостиную. Не прикажéте ли *казухи*. Этимъ именемъ Иванъ Лукьяновичъ называлъ водку, какъ я узналъ впослѣдствіи.

— Благодарю васъ — я не пью.

— Какъ? Уланы не пьютъ водки? Это на что похоже? да у насъ бывало и въ пѣхотѣ не увидишь этакого сраму!

— Не могу.

— Полно церемониться, можетъ быть, рюмки малы?

— Серьезно, я не пью.

— Гмъ! промычалъ Иванъ Лукьяновичъ съ иронической улыбкой, и пропустилъ рюмку оранжевой настойки въ неизмѣримую пасть свою.

— Не знаю, сказалъ онъ, утираясь рукавомъ, еслибы у меня въ ротѣ осмѣлился кто нибудь не пить *казухи*... но что прошло, то въ воду кануло. Ваше имя и отечество?

— Александръ Степановичъ!

— Прошу чаще жаловать, Александръ Степановичъ! я очень люблю военныхъ: вы хоть и кавалеристъ, а посмотрю на вашъ красный воротникъ — сейчасъ припомню старину.

И Горобецъ уперся въ бокъ лѣвою рукою, а правою налилъ еще рюмочку.

— Жаль, что вы ничего не пьете! однако, вы, вѣрно, обѣдали?

Нечего было дѣлать, и я сказалъ:

— Да.

— Прекрасно! а то вамъ бы пришлось голодать у меня: мнѣ пришелъ славный аппетитъ, и я все переѣлъ, что было, а сготовить некому, кухарка отправилась жать.

Мнѣ не такъ-то было пріятно слушать подобныя вещи, но я утѣшалъ себя тѣмъ, что еще рано, и что найду же гдѣ нибудь обѣдъ по протяженію рѣчки.

— У насъ, вообще, обѣдаютъ въ одно время, сказалъ Иванъ Лукьяновичъ, только и есть одна московская барыня, но то не нашего поля .ягода, изволитъ кушать въ два часа — видишь, важная персона! нигдѣ почти не бываетъ. Дочка у нея нечего сказать — раскрасавица — на *фортопьяны* наигрываетъ и дѣвушка хоть куда — да матушки не люблю.

»Ну, слава Богу, подумалъ я, будетъ обѣдъ!«

Посидѣвъ съ полчаса, я взялъ фуражку.

— Куда же вы?

— Хочу еще сдѣлать визиты: мнѣ очень пріятно познакомиться со всѣми вашими сосѣдями.

— Посидите.

— Право не могу — теперь свободное время — такъ хочется у всѣхъ побывать.

— Прошу же почаще! а на дорогу, молвилъ Иванъ Лукьяновичъ, наливая рюмку?

— Извините меня.

— Ну, такъ я за васъ.

И разставшись съ Иваномъ Лукьяновичемъ, я отправился къ сосѣднему помѣщику. Вхожу въ переднюю и слышу стукъ ножей и вилокъ.

— Дома господа?

— Дома — кушаютъ. Пожалуйте.

Не успѣлъ я снять шинели, какъ уже лакей отворилъ дверь — и я увидѣлъ за столомъ все семейство. Всѣ, кто сидѣлъ, бросились въ разныя стороны. Я успѣлъ только за-

мѣтить, что хозяйка была безъ чулокъ, а хозяинъ безъ сюртука; двѣ дѣвушки въ ужасномъ неглиже.

Скоро, однако же, всѣ явились. На столѣ стояло жаркое уже въ половину уничтоженное, слѣдовательно, на вопросъ, обѣдали-ль? я съ прискорбіемъ отвѣчалъ: »обѣдалъ«. Хозяинъ испытывалъ меня въ земледѣліи и смѣялся надъ моимъ невѣжествомъ; хозяйка, пришептывая, разсказывала, какъ тяжело имѣть взрослыхъ дочерей, а дочери, опустивъ глаза, кушали жаркое. Послѣ обѣда я выпилъ чашку чего-то въ родѣ кофею и съѣлъ ложечку варенья. У Синскихъ мнѣ показалось очень скучно, и я отправился къ московской барынѣ, минуя два или три помѣщичьихъ дома. Черезъ полчаса подъѣхалъ я къ красивому домику, но здѣсь все было въ другомъ видѣ. Чистый зеленый дворъ, окруженный рѣшеткою, изъ-за которой виднѣлся обширный садъ и на отворенныхъ окнахъ цвѣты— были пріятны моимъ взорамъ. Въ передней встрѣтилъ меня порядочно одѣтый человѣкъ и ловко снялъ съ меня шинель.

— Дома барыня?

— Дома, только ушли въ садъ. Не угодно ли пожаловать въ гостиную, я сейчасъ доложу.

Я вошелъ въ гостинную. Простая, но со вкусомъ сдѣланная мебель, нѣсколько хорошихъ эстамповъ, на столѣ только что полученные журналы, еще неразрѣзанные — пріятно поразили меня. »Здѣсь живутъ люди«, подумалъ я и отошелъ къ окну. Огромные вязы росли у самаго дома, дальше липовая аллея; тамъ и сямъ куртины, усѣянныя цвѣтами; двѣ, три бесѣдки, чистыя дорожки — все это рекомендовало мнѣ хозяйку, которая не замедлила войти въ гостиную. Это была женщина лѣтъ подъ сорокъ, нѣкогда прекрасная; по всему видно было съ перваго раза, что она провела большую часть жизни въ лучшемъ обществѣ. Радушно привѣтствовала она меня, и мы полчаса проговорили о разныхъ разностяхъ.

— Я очень рада, m-r Чужбинскій, познакомиться съ вами, и мнѣ очень пріятно слышать, что вы со взводомъ стоите недалеко: въ этой глуши собесѣдникъ — рѣдкій гость.

Я раскланялся.

— Надѣюсь, вы останетесь откушать?

Я разсказалъ откровенно ей свои похожденія у помѣщиковъ.

— О, здѣсь странныя обыкновенія; но никакъ не могу имъ подчиниться, хотя и много терплю отъ этого. Однако скоро часъ, а Вѣрочки нѣтъ еще. Я отпустила свою дочь

къ сосѣдямъ, и она обѣщала возвратиться къ обѣду; вѣроятно, ее удержали.

Марья Львовна велѣла давать обѣдать, и я съ большимъ аппетитомъ ѣлъ вкусныя блюда.

Часу въ четвертомъ пріѣхала Вѣрочка, милая, румяная, въ небольшой голубой шляпкѣ, въ темномъ платьѣ. Много было видно дѣтской простоты въ этомъ красивомъ юномъ личикѣ.

Мы познакомились. Вѣрочка была свѣдуща во многихъ предметахъ, прекрасно играла на фортепьяно, любила литературу — чего же больше, чтобы пріятно провесть время молодому человѣку? Послѣ этого лишнимъ будетъ разсказывать, что я часто бывалъ у Марьи Львовны. Многіе изъ тамошнихъ »паничей« интересовались Вѣрочкой, и эти многіе были извѣстны, потому что не скрывали чувствъ своихъ, но былъ одинъ, горѣвшій втайнѣ сильною страстью, и кто бы могъ угадать въ тайномъ обожателѣ этомъ Ивана Лукьяновича Горобца. Всегда онъ говорилъ, что Марья Львовна была »и то, и се«, стараясь подлаживаться подъ тонъ своихъ сосѣдей, но думалъ совсѣмъ другое. Рѣдкій праздникъ не отправлялся онъ въ Калиновку, въ новомъ сюртукѣ, на безсмертныхъ своихъ дрожкахъ; всегда съ подобострастьемъ цѣловалъ руку Марьи Львовны, съ чувствомъ ручку Вѣры; съ охоты завозилъ лучшаго русака, или присылалъ жирнѣйшихъ бекасовъ; только въ Калиновкѣ думали о немъ, какъ о добромъ сосѣдѣ, никому и въ голову не приходило, что Иванъ Лукьяновичъ горитъ страстью самой пламенной.

Здѣсь надобно сказать нѣсколько словъ о себѣ. Два мѣсяца простоялъ я уже въ тѣхъ мѣстахъ, изрѣдка бывалъ у помѣщиковъ, чаще у Марьи Львовны; но сердце мое оставалось спокойнымъ и равнодушнымъ. Черные глаза Вѣры не дѣлали на меня впечатлѣнія — я не влюбился; волочиться же для препровожденія времени и не могу, и не умѣю; да и что за цѣль въ этомъ волокитствѣ, гдѣ не участвуетъ сердце? что за мысль добиваться взаимности, о которой думаешь безъ трепета души, безъ восторга. Вѣра тоже любила меня какъ добраго знакомаго, частаго собесѣдника, даже обходилась дружески со мною; но когда мы оставались и наединѣ — взоры наши, встрѣчаясь, не горѣли тѣмъ огнемъ, который измѣнялъ бы обоюдной тайнѣ; руки наши, встрѣчаясь, не трепетали предательскимъ трепетомъ; а гуляя, порою, вдвоемъ — мы всегда находили предметъ для разговора, шутили, смѣялись и мол-

чанье—спутникъ любви, не прерывало веселой бесѣды. Скоро сдѣлался я какъ бы домашнимъ у Марьи Львовны, меня принимали безъ церемоніи, и, бывало, Вѣра, желая сдѣлать мнѣ сюрпризъ — сейчасъ послѣ обѣда велить просить въ диванную. Вхожу и вижу самоваръ, на столѣ бѣлую бумагу, перо и чернильницу. Не знаю, гдѣ и когда привыкъ я пить чай во время занятій, и если случается, что въ дневникѣ моемъ не бываютъ отмѣчены дни — значитъ, у меня по *какимъ нибудь обстоятельствамъ* не было стакана чаю. Такъ-то проводилъ я время на новыхъ стоянкахъ. Почти всѣ офицеры наши устремлялись на другую сторону штабъ-квартиры, сюда же ни одинъ и не заглядывалъ; напрасно я говорилъ, что въ Калиновкѣ можно пріятно провести время. Мы выступали въ осенній кампаментъ. Я заѣхалъ проститься къ Марьѣ Львовнѣ. Это было въ воскресенье; послѣ обѣдни явился и Иванъ Лукьяновичъ. Надобно знать — онъ очень не жаловалъ меня съ нѣкоторыхъ поръ, а я въ простотѣ сердца и не подозрѣвалъ, что это изъ ревности. Къ завтраку подали ватрушки съ свѣжимъ творогомъ и сметаною — объяденье. Вѣра, какъ внимательная хозяйка, положила на тарелку ватрушку и поднесла мнѣ, а про Ивана Лукьяновича и позабыла; тотъ нахмурился и съ досады положилъ себѣ нѣсколько. Не лишнимъ будетъ сказать, что Иванъ Лукьяновичъ, при необыкновенной чернотѣ, рябъ и носитъ огромные усы и бакенбарды; и когда, всетаки съ досады, ѣлъ ватрушки, сметана въ изобиліи осталась на губахъ, усахъ и бакенбардахъ. Онъ все прислушивался о чемъ мы разговаривали съ Вѣрой — и позабылъ утереться. Вѣра взглянула на него и захохотала; онъ замѣтилъ это и еще болѣе нахмурился; когда же взглянулъ въ зеркало и увидѣлъ себя, переконфузился и уѣхалъ. Только что мы возвратились изъ кампамента, однажды, въ сѣрый осенній день, на дворъ ко мнѣ вбѣжало нѣсколько борзыхъ собакъ и вслѣдъ за ними прискакалъ Иванъ Лукьяновичъ въ архалукѣ, подбитомъ мелкимъ смушкомъ и въ такомъ же бѣломъ картузѣ съ краснымъ околышемъ.

— Здравствуйте!

— Добрый день, Иванъ Лукьяновичъ! какъ я радъ.

— Ну ужъ ради не ради, а велите подать казухи!

— Сію минуту.

И я велѣлъ подать водки.

— Что это у васъ за бумаги? видно слѣдствіе производите — а?

Я хотѣлъ остаться добрымъ человѣкомъ во мнѣніи Ивана Лукьяновича, потому и не объявилъ ему, что занимаюсь литературою, впрочемъ, сомнѣваюсь, чтобы онъ понялъ, что значитъ литература.

— Это школьныя тетради; сегодня захотѣлось посмотрѣть старину.

— Не можетъ же быть, чтобы столько рапортовъ; я былъ и батальоннымъ адъютантомъ, а у меня не было столько бумагъ. Школьныя тетради! дѣло другое, понимаю! Что же это за книги и книжечки? полковыя ученья? аль и романчиками отъ скуки занимаетесь; кажись, получаете »Вѣстникъ Европы« и другія вѣдомости?

Я тоже не смѣлъ разувѣрять добраго сосѣда, который не зналъ, что »Вѣстникъ Европы« давно уже не существуетъ.

— Да, сказалъ я, иногда читаю.

— Конечно, когда нѣтъ товарищей, молодому человѣку иногда не грѣхъ взяться за книгу: вотъ нашъ братъ...

И онъ выразительно махнулъ рукою.

— Я къ вамъ, впрочемъ, по дѣлу, Александръ Степановичъ.

— Что угодно?..

Колоссальная фигура Ивана Лукьяновича вытянулась передо мною.

— О, злодѣй, произнесъ онъ съ улыбкой полушутливой, полусерьезной.

— Я не понимаю.

— Скажите откровенно: вы влюблены въ Вѣру Дмитревну?

— Нѣтъ.

— Уфъ! какъ гора съ плечъ! только правда ли?

— Совершенная правда. А что?

— Да такъ! Надоѣла холостая жизнь... Велите-ка подать казухи.

— Пожалуйста, безъ церемоніи.

И я началъ думать: неужели этотъ нравственный уродъ смѣетъ помыслить о Вѣрочкѣ? Женщины иногда очень прихотливы, мелькнуло у меня въ умѣ, но, признаюсь, выбрать въ супруги Ивана Лукьяновича не рѣшилась бы ни одна дѣвушка, которая, хоть сколько нибудь видѣла свѣтъ.

— Но ты, злодѣй, можетъ быть шутишь?

— Нимало, отвѣчалъ я и, вынувъ изъ ящика журнальную картинку, показалъ Горобцу. Если не вѣрите, вотъ портретъ моей невѣсты.

— А! это дѣло другое. Теперь, дружище, я помирился съ

вами, а то вы какъ бѣльмо на глазу сидѣли у меня: мнѣ казалось, Вѣрочка влюблена въ васъ.

— Напрасно вы такъ думали.

Еще раза два Иванъ Лукьяновичъ принимался за казуху, и, довольный своимъ посѣщеніемъ, возвратился въ обществѣ борзыхъ во свояси; я велѣлъ закладывать и отправился въ Калиновку. Меня приняли какъ и всегда, и разумѣется, я сейчасъ же разсказалъ цѣль посѣщенія Горобца; мы всѣ отъ души посмѣялись.

На другой день подъ вечеръ Вѣрочка вбѣжала въ гостиную, гдѣ мы разговаривали съ Марьей Львовной, и показала письмо. Четкой рукой было написано на конвертѣ: »ея высокоблагородію, милостивой государынѣ, Вѣрѣ Дмитріевнѣ Тесьминой, въ Калиновку, въ собственныя руки.«

Какъ водится, распечатали, прочли, еще разъ, еще разъ, похохотали, наконецъ. снова перечитывали и ничего не могли разобрать, такая смѣсь аллегоріи съ чепухою. Я вышелъ и за цѣлковый узналъ отъ посланнаго, что письмо сочинялъ не самъ Иванъ Лукьяновичъ, а какой-то семинаристъ, выгнанный изъ бурсы, что училъ дѣтей у помѣщика Бурильки, и разумѣется, слылъ за ученаго человѣка. Письмо это стоило 20 аршинъ холста и двухъ борзыхъ щенковъ. Марья Львовна велѣла сказать посланному, что она проситъ пожаловать самого Ивана Лукьяновича для объясненія его желаній, потому что дочь ея ничего не поняла изъ письма. Я выпросилъ у Вѣры это посланіе, и вотъ оно слово въ слово безъ малѣйшей перемѣны.

Достопочтеннѣйшая богиня!

Достопочтенный Аполлонъ влюбился въ васъ.

Послѣдуя чувствамъ истинной признательности, которую произвели въ душѣ моей вы, я не могу болѣе безъ того, чтобы таковое не открыть. Слѣдуя побужденіямъ пламенно горящаго сердца, которое воспалено искрою вашего добродушія, теперь только осмѣливаюсь просить воззрѣть на глубочайшее почтеніе и позвольте узнать стоите ли вы моей любви, чтобы сердце мое горѣло къ вамъ такою тучею и заревомъ, каково было 21 сентября; а если вы не видѣли такого метеора, то совѣтую посмотрѣть на мое сердце, желаю, чтобы вы ограничили его вашимъ, а въ случаѣ вы не въ состояніи и ваше сердце холоднѣе моего, то желаю, чтобы вы погасили огнь, палящій меня, и впустили въ мое сердце ваши метеоры, которые и разогрѣютъ ваше сердце силою своей атмосферы. А если вы

не имѣете души, которой вдохнуть и не въ силахъ, а какъ христіанину не должно быть врагомъ ближняго, то подобной твари, какъ вы, желаю, чтобы небесный Творецъ въ гнѣвѣ своемъ не дѣлалъ для васъ худаго конца. И такъ надѣюсь, что вы осчастливите меня вашимъ драгоцѣннѣйшимъ рукодательствомъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть.

Вашъ
Покорный слуга
Иванъ Горобцовъ.

18.. сентября 30.

Трудно повѣрить, чтобы въ нашемъ вѣкѣ выражались подобнымъ образомъ, но невѣрующимъ предлагаю побывать въ какомъ нибудь глухомъ отдаленномъ уголкѣ провинціи, и наблюденія покажутъ, что тутъ есть и похожее на правду. Иванъ Лукьяновичъ былъ въ полной увѣренности, что письмо, сочиненное семинаристомъ, произведетъ желаемое дѣйствіе, и. разсчитавъ по часамъ, когда посланный долженъ былъ возвратиться, вышелъ на крыльцо, сѣлъ и закурилъ трубку. Мальчишка, котораго часто привязывали за ногу, стоялъ тутъ же.

— Бѣсенокъ! а бѣсенокъ! посмотри, это Кондратъ ѣдетъ?

— Кондратъ, баринъ.

— Врешь! не можетъ быть, это какая-то каналья на пѣгой лошади.

Мальчикъ замолчалъ, не смѣлъ возражать барину.

Кондратъ спѣшилъ съ отвѣтомъ, но, завидя на крыльцѣ Ивана Лукьяновича, быстро поворотилъ по за гумномъ и исчезъ. Горобецъ выходилъ изъ себя, и только Кондратъ, снявъ шапку, входилъ на дворъ, Иванъ Лукьяновичъ закричалъ:

— А на какой ты лошади ѣздилъ, мошенникъ?

— Право, баринъ, моя заболѣла, я взялъ у Дороша.

— Такъ ты, анцыхристъ, осмѣлился ѣздить на пѣгой, да еще съ такимъ важнымъ письмомъ? Развѣ ты не знаешь, что я терпѣть не могу этой масти, что я бѣшусь, когда увижу пѣгую лошадь, а ты ѣздилъ!...

— Простите.

— Становись, мошенникъ, на колѣни среди двора и бей три часа поклоны. Слышишь?

— Слушаю.

— А прежде всетаки подай письмо.

— Какое, баринъ?

— Развѣ потерялъ?..

— Я же отдалъ барышнѣ.

— Мое, а отъ барышни?

Письма не было.

— Ты потерялъ бездѣльникъ!

— Ей Богу его не было. Велѣли только сказать, что не разобрали письма и просили, чтобы вы сами пожаловали.

— Не разобрали? Видишь, анцыхристъ, еслибы ты ѣздилъ не на пѣгой лошади, все было бы не то!.. Не разобрали!.. Становись же на колѣни и бей поклоны.

Кондратъ повиновался; а Иванъ Лукьяновичъ вышелъ въ свою комнату, выпилъ *казухи* и легъ спать отъ нетерпѣнія. Никогда не забуду пріѣзда его въ Калиновку на другой день. Какъ теперь помню Ивана Лукьяновича преважно въѣзжающаго на зеленый дворъ Марьи Львовны. На всей тройкѣ вороныхъ были новые хомуты, на кучерѣ армякъ изъ старой барской шинели; мальчишка, сидѣвшій на козлахъ, граціозно держалъ въ рукахъ деревянную трубку. Войдя въ гостиную, Горобецъ чинно раскланялся, но на лицѣ его было замѣтно волненіе.

— Представьте, сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія, я узналъ, что Вѣра Дмитріевна не разобрали моего письма, я почти готовъ сказать отчего? Этотъ анцыхристъ Кондратъ ѣздилъ на пѣгой лошади. Но теперь я самъ на лицо и могу сказать чего не поняли.

— Дочь моя рѣшительно ничего не поняла. Не угодно ли садиться и разсказать намъ.

Иванъ Лукьяновичъ поглядѣлъ на меня: я догадался и вышелъ въ залу: но мнѣ все было слышно.

— Я... я просилъ руки Вѣры Дмитріевны.

Вѣра не вытерпѣла и выбѣжала, вся раскраснѣвшись, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Не смѣю сказать ни да, ни нѣтъ; пусть Вѣра сама рѣшитъ вамъ, отвѣчала Марья Львовна.

Позвали Вѣру, и она объявила, что еще не располагаетъ выходить замужъ. Скоро Иванъ Лукьяновичъ съ горемъ и печалью уѣхалъ изъ Калиновки. Я боялся, что Вѣра заболѣетъ отъ смѣха.

На весну мы перемѣнили квартиры. Два года минуло съ тѣхъ поръ, и я позабылъ и общество помѣщиковъ на безъимянной рѣчкѣ, и Вѣру, и Ивана Лукьяновича. Жизнь моя шла, не скажу однообразно, но и на душѣ у меня не было особеннаго веселья.

»Тотъ женится, та выходитъ замужъ«, только и слышалъ я въ продолженіе этого времени. Другихъ занимали эти свадьбы, но меня признаюсь, бѣсили нѣкоторыя изъ нихъ, потому что я зналъ, отчего *тотъ* женится, отчего *та* выходитъ замужъ. N. задумалъ поправить состояніе, и бездушный волокита повелъ къ алтарю богатаго урода; М., хорошенькая кукла, захотѣла быть княжной и принесла въ жертву старому беззубому обжорѣ и невозвратную молодость, и счастье будущности, и привязанность пылкаго благороднаго человѣка, который отъ души любилъ ее. Нѣсколько свадебныхъ билетовъ разныхъ формъ и цвѣтовъ лежало у меня на рабочемъ столикѣ, на каждомъ изъ нихъ я дѣлалъ свои замѣчанія въ нѣсколькихъ словахъ и, оставляя ихъ на виду, строго приказывалъ Ванькѣ цѣлый годъ не раскуривать ими трубку. У меня странное обыкновеніе: я храню ровно годъ свадебные билеты и повѣряю справедливость своихъ предположеній, впослѣдствіи уже и не безпокоюсь о нихъ, а иногда и улыбаюсь, когда Ванька розовой атласистой бумажкой зажигаетъ мою любимую стамбулку.

Возвратясь изъ манежа, я захотѣлъ понѣжиться, т. е. понѣжиться по своему: велѣлъ сдѣлать чай, послалъ въ полковую канцелярію къ старшему писарю очинить пару перьевъ,— этотъ писарь необыкновенно хорошо чинитъ перья,— вынулъ изъ портфеля тетрадку бѣлой бумаги и, когда былъ готовъ чай, когда принесли перья, присѣлъ къ столику.

Мнѣ хотѣлось бросить на бумагу хоть слабый очеркъ мѣстныхъ сплетней, которымъ позавидовали бы записные сплетники и сплетницы губернскихъ городовъ; уѣздныя вѣстовщицы и самыя злыя *трещотки* (этимъ именемъ у насъ называются дамы извѣстнаго возраста, которыя, выйдя замужъ послѣ 35 лѣтъ, не могутъ удержать въ границахъ языка своего, получившаго безконечную дѣятельность во время долгаго дѣвичества). Я не могъ безъ смѣха вспомнить одного событія, совершившагося въ моихъ глазахъ, событія, конечно, не внесеннаго ни въ одну лѣтопись, но которое до слезъ разсмѣшило очень многихъ. Тогдашнія стоянки наши были расположены въ **ской губерніи. Въ городкѣ, гдѣ стоялъ полковой штабъ считалось до 12 дворянскихъ домовъ, и тамъ-то мы, кочевые труженики, иногда убивали время. Изъ дамъ говорливостью и умѣньемъ вывертываться изъ непріятностей особенно отличались Лукерья Семеновна Безглазова и Матрена Григорьевна Раздобудькина. Мужъ послѣдней, Максимъ Савельевичъ, отли-

чался необыкновенною длиною ушей и особенною формою лба, на которомъ, по странной прихоти природы, выросла *шишка* зеленоватаго цвѣта, точь въ точь шпанская муха. Это былъ добрый человѣкъ; когда пріѣзжали къ намъ гости, онъ зналъ два дѣла: безпрестанно сморкался и внимательно снималъ со свѣчей, даже въ передней опытный глазъ его находилъ нагорѣвшую свѣтильню. Безглазова и Раздобудькина назывались кумушками и пять лѣтъ дѣйствовали за одно: клеветали безъ разбору, бывали всюду, принимали всѣхъ и одѣвались на славу. У Лукерьи Семеновны поваръ могъ поспорить хоть съ губернаторскимъ. Я бывалъ у Лукерьи Семеновны; у Матрены Григорьевны подавали хорошее варенье и чудесный чай — я бывалъ и у Матрены Григорьевны. Проживая года съ полтора на новыхъ стоянкахъ, я очень хорошо разгадалъ немногочисленное общество и такъ примѣнился къ членамъ его, что если выходили сплетни, я могъ отчетливо разсказать, когда и гдѣ получили онѣ свое начало. На рождественскихъ святкахъ обѣды и вечера, какъ водится, были разобраны. Въ то время дѣвушекъ оклеветали до nec plus ultra, и многія изъ послѣднихъ не рѣшались показаться въ обществѣ: разумѣется, все это было дѣломъ кумушекъ.

У насъ въ полку служилъ ротмистръ Шпилькинъ, удалая голова; онъ ожидалъ отставки, и, желая оставить что нибудь на память товарищамъ, далъ слово, во что бы то ни стало, поссорить кумушекъ. Долго были безполезны всѣ его усилія; но вотъ въ одно утро онъ влетаетъ ко мнѣ.

— Кончено! воскликнулъ Шпилькинъ, принявъ трагическую позу, я разрѣшаю задачу!

Понимая очень хорошо о какой задачѣ говоритъ ротмистръ — я только спросилъ: что же ты употребишь?

— Лучше спроси, что употребилъ?... ха, ха, ха! отгадай!

— Довольно трудно.

— Сплетни! другаго средства не было; впрочемъ, надобно же отомстить этимъ злоязычницамъ за бѣдныхъ дѣвушекъ. Я сейчасъ отъ Безглазовой и иду къ Раздобудькиной. Шпилькинъ разсказалъ мнѣ все. Лукерьѣ Семеновнѣ онъ передалъ по секрету, будто Матрена Григорьевна говорила, что у Лукерьи Семеновны пирожное было изъ горькаго миндалю, потому что мужъ послѣдней, засѣдатель, вымучилъ подарокъ у купца бакалейной лавки, а купецъ по ошибкѣ, или можетъ быть и нарочно — вмѣсто сладкаго миндаля прислалъ горькаго. Въ то же время, когда Шпилькинъ разсказывалъ это

Лукерьѣ Семеновнѣ — человѣкъ ротмистра, подпоивъ ея повара, подмѣнилъ въ самомъ дѣлѣ миндаль: взявъ съ собой совсѣмъ уже приготовленнаго горькаго, онъ сдѣлалъ искусно свое дѣло, не тронувъ пробнаго, который всегда долженъ былъ находиться на тарелкѣ. Маневръ удался отлично, такъ что когда, по уходѣ ротмистра, барыня послала на кухню взять приготовленнаго миндалю — ей принесли — сладкаго. Раздобудькину же ротмистръ увѣрилъ, будто Безглазова говоритъ, что у Матрены Григорьевны сливки всегда разведены водою и что нѣтъ возможности употреблять ихъ. Очень хорошо зная прислугу Раздобудькиной, Шпилькинъ не сомнѣвался, что стоитъ дать десятирублевую ассигнацію — и сливки будутъ разведены, и штука его останется въ тайнѣ.

Я почти первый явился къ обѣду Безглазовыхъ. Лукерья Семеновна холодно привѣтствовала кумушку, но онѣ не подтрунивали другъ надъ другомъ. Обѣдъ былъ на славу, и хозяйка не могла скрыть своего восторга. Послѣ жаркого Лукерья Семеновна обратилась къ одной изъ почетныхъ старушекъ и громко молвила: »иныя говорятъ, что у меня пирожное изъ горькаго миндалю, что мужъ мой беретъ взятки съ купцовъ — такъ тѣ вмѣсто сладкаго отдѣлываются горькимъ: то вы уже, Мароа Сергѣевна, извините«. Вслѣдъ за этимъ человѣкъ внесъ полное блюдо красивыхъ миндальныхъ вѣнчиковъ; гости разобрали, какъ водится; но слыша предисловіе хозяйки, каждый и каждая старались отвѣдать поскорѣе. И что же? кое-кто ѣлъ пирожное, т. е. друзья дома; многіе, отвѣдавъ, положили на тарелки, но что дѣлалось съ хозяйкой и какой страшной, насмѣшливой улыбкой искривился ротъ Матрены Григорьевны. Я смѣялся внутренно; Шпилькинъ любезничалъ съ сосѣдками. Безглазова и Раздобудькина взглянули другъ на друга, какъ двѣ тигрицы, готовыя царапаться до смерти; но послѣ обѣда онѣ еще по прежнему ходили, взявшись за руки!

На вечеръ всѣ мы собрались къ Раздобудькинымъ. Насъ потчивали прекраснымъ вареньемъ; мы шутили, смѣялись. И вотъ въ сосѣдней комнатѣ застучали чайныя ложечки. Хозяйка сама нѣсколько разъ выбѣгала туда, или высылала мужа съ шпанской мухой на лбу; скоро растворились двери и человѣкъ явился съ огромнымъ подносомъ установленнымъ чашками и стаканами. Комната наполнилась ароматомъ, потому что чай былъ самый лучшій, какой только можно отыскать въ губернскомъ городѣ. Хозяйка скрылась, но черезъ

минуту показалась веселая, радостная и почти вслѣдъ за нею вышла босая горничная съ красивымъ молочникомъ. Матрена Григорьевна сказала громозвучно: »*иныя* говорятъ, что у меня сливки разведены водою, то прошу, господа, не прогнѣваться«! Всѣ мы обратили вниманіе на это предисловіе. Двѣ, три барыни и нѣсколько офицеровъ налили понемногу сливокъ, улыбаясь; но вотъ Лукерья Семеновна торжественно подошла къ хозяйкѣ, неся молочникъ въ рукѣ.

— Скажите, милая кумушка, начала она, гдѣ это вы пріобрѣли секретъ приготовлять такія густыя сливки?

И набравъ ложечкой сливокъ, показала ихъ Раздобудкиной. Та попробовала и поблѣднѣла; а злая улыбка мелькнула на толстыхъ губахъ Безглазовой. Но Матрена Григорьевна опомнилась, побагровѣла и въ ослѣпленіи, вѣроятно, желая излить гнѣвъ свой на босую горничную, опрокинула молочникъ на голову милой кумушки.

Кумушка вскрикнула, уронила чашку и со слезами смотрѣла, какъ струи жидкаго молока текли по ея пунцовой шали. Раздобудько подбѣжалъ было; но дражайшая половина дала ему такой щелчокъ, какъ разъ по шпанской мухѣ, что бѣдный Максимъ Савельичъ чихнулъ и, улыбнувшись сквозь слезы, отправился въ дальный уголъ и снялъ нагаръ съ одной нагорѣвшей свѣчи, что немного утѣшило его. Поднялась суматоха; многіе разъѣхались, а я хохоталъ, какъ давно не хохоталъ уже. Такъ началась кровавая брань между кумушками, которыя развили столько сплетней и очернили десятка два самыхъ лучшихъ репутацій.

Только что я собрался описать всѣ эти происшествія, колокольчикъ громко зазвенѣлъ у меня подъ окнами, и на дворъ въѣхала большая кибитка. Поручикъ Линштейнъ вошелъ въ мою квартиру.

— Чужбинскій! ты можешь ли уѣхать этакъ дней на пять?

— Безъ сомнѣнія: что-то сдѣлалось съ полковникомъ — представь, онъ меня спрашивалъ, отчего я никуда не ѣзжу? притомъ же офицеровъ столько въ полку, что у меня даже нѣтъ взвода...

— Тѣмъ лучше — я тебя познакомлю съ однимъ домомъ, гдѣ бываетъ всегда многочисленное общество. Ѣдемъ на балъ. Однако, до свиданья — я еще заѣду къ твоему эскадронному командиру; черезъ полчаса будь готовъ, надобно поторопиться: сто верстъ ѣзды.

И на другой день подъ вечеръ мы подъѣзжали къ огромному барскому дому; все здѣсь показывало богатство помѣщика; а когда я вошелъ въ великолѣпную залу, то позабылъ, что я въ деревнѣ. Линштейнъ подвелъ меня и отрекомендовалъ хозяину. Я остолбенѣлъ: передо мной стоялъ вылитый Иванъ Лукьяновичъ Горобецъ — давній мой знакомый; тотъ же ротъ, то же смуглое рябое лицо, тѣ же щетинистые усы и бакенбарды.

— Это графъ Звоновъ, шепнулъ мнѣ товарищъ, рекомендую, графъ, корнетъ Чужбинскій.

— Что-съ? проговорила колоссальная фигура, потчуя табакомъ Линштейна. Тотъ, не смутясь, повторилъ свою фразу, я смѣшался немного.

— Да-съ — изволите видѣть — очень радъ познакомиться. Неугодно ли въ гостиную.

Мы вошли въ прелестно-меблированную комнату. На богатомъ диванѣ въ кругу гостей — сидѣла юная хозяйка. Раскланиваюсь и не вѣрю глазамъ своимъ: передо мной была Вѣрочка Тесьмина.

— Вотъ уже совершенно неожиданно, Чужбинскій, но какъ я рада, какъ бы рада была маменька видѣть васъ, но она уѣхала недѣлю тому назадъ въ свое имѣніе.

Мнѣ самому очень пріятно было встрѣтить Вѣрочку, но, признаюсь, и жаль вмѣстѣ, когда я вспомнилъ, что она принадлежала двойнику Ивана Лукьяновича.

Вечеромъ я сѣлъ близь Вѣры на маленькомъ диванѣ.

— Вы познакомились съ моимъ мужемъ? спросила она меня, немного смутившись.

— Да.

— И не будете смѣяться надо мною: я очень боюсь вашихъ насмѣшекъ.

— Напрасно думаете...

— Видя его, нельзя же сравнить...

— Съ однимъ изъ пламенныхъ вашихъ обожателей?

— Вы угадали.

— Вѣра Дмитріевна, будьте откровенны со мной по прежнему — мнѣ васъ жаль — что заставило васъ выйти за графа?

Вѣра потупила глазки.

— Много разсказывать... да и къ чему? Все прошло, все кончилось для меня, а мы. женщины, говорятъ, загадки: пусть же я буду для васъ загадкой.

— И для меня?

— И для васъ.

— Отгадать немудрено: вы любили.

— Можетъ быть.

— Желанья ваши не сбылись, и вы пожертвовали собой желаньямъ маменьки.

— Не вините этого ангела! можетъ быть, я сама продала себя.

Я долго смотрѣлъ на нее.

— Да, проговорила она, удерживая вздохъ, иногда поэзія рано покидаетъ молодое неопытное сердце: насъ пріучаютъ съ малолѣтства — считать любовь бредомъ — и вотъ въ силу этого правила я графиня Звонова, у мужа моего 3000 душъ, блестящія связи, и притомъ онъ добрый человѣкъ. Чего же вы такъ странно смотрите на меня?.. Добрый Александръ Степановичъ, не правда ли, вы не ожидали подобныхъ рѣчей отъ мечтательницы Вѣры?.. Разочаруйтесь! всѣ мы таковы, всѣ люди таковы.

— По крайней мѣрѣ, читаетъ ли что нибудь графъ?

— Ничего.

— И вы счастливы?

— Не умѣю отвѣчать; — впрочемъ, зная ваше понятіе о счастьѣ, не могу сказать утвердительно: по мнѣнію же свѣта — счастлива.

— Не говорите же хоть этого...

— Мечтатель, мечтатель! придетъ время, разочаруетесь и вы: не то не бывать вамъ счастливымъ. Однако, вопросъ: вы во всемъ постоянны?

— Постояненъ...

— Значитъ, и теперь любите пить чай по старому на свободѣ? Я велю подать вамъ все въ мраморную комнату, туда не заглянетъ любопытство; тамъ вы найдете бумагу и можете написать цѣлую повѣсть. Не смотрите же такъ угрюмо.

Скоро я былъ въ мраморной комнатѣ. Туда принесли самоваръ и письменный приборъ. Я хотѣлъ писать, но ни одна мысль не шла на умъ: мнѣ было грустно.

Во время бала графъ разговаривалъ со мной.

— Жена сказывала, что вы занимаетесь словесностью, молвилъ онъ, потчивая меня табакомъ изъ черепаховой табакерки.

— Иногда, графъ.

— Чего-съ? Дѣло недурное. И печатаете?

— Изрѣдка.

— Да-съ, и графъ отошелъ въ сторону.

Не знаю отчего, но мнѣ было скучно на этомъ балѣ, не смотря на дружеское вниманіе хорошенькой хозяйки, не смотря на то, что нѣсколько красавицъ было въ числѣ дѣвушекъ; участь Вѣры, этой доброй, милой Вѣры — наполняла сердце мое какой-то жалостью.

Лѣтомъ меня командировали въ В. по дѣламъ службы. Какъ нарочно судьба привела меня въ тѣ мѣста, гдѣ было имѣнье Тесьминой; но, къ сожалѣнію, Марья Львовна въ это время куда-то выѣхала. Я вспомнилъ своихъ старыхъ знакомыхъ и завернулъ къ Ивану Лукьяновичу. Вхожу въ переднюю. На столѣ лежатъ яблоки, груши и никого нѣтъ; вхожу въ залу — на столѣ и на стульяхъ лежатъ груши и яблоки, и всетаки никого нѣтъ. Знакомая кукушка на часахъ прокуковала 10, значитъ, можетъ быть, еще не обѣдали. Но вотъ кто-то свищетъ: »ихавъ козакъ за Дунай« —вѣрно, Иванъ Лукьяновичъ — и я не ошибся: онъ самъ вышелъ ко мнѣ, но уже не въ старой дамской кацавейкѣ, а въ одномъ жилетѣ.

Онъ взглянулъ на меня и удивился.

— Ты ли это дружище? а? здорово! Гей! *казухи*!

— Что тамъ за казуха, пропищалъ голосъ изъ внутреннихъ комнатъ, вотъ я тебѣ дамъ казухи!

Иванъ Лукьяновичъ приставилъ палецъ къ губамъ, на цыпочкахъ отошелъ къ окну и присѣлъ за мною.

А въ это время вбѣжала въ залу дородная дама, повязанная краснымъ платкомъ, въ одной рукѣ съ вязанкой рѣзанныхъ яблокъ, въ другой съ иголкой и ниткой, но увидѣла меня и сконфузилась.

— Охъ, батечку, я и не знала... Иванъ Лукьяновичъ, да полно вамъ прятаться.

— Иванъ Лукьяновичъ вышелъ.

— Рекомендую жену мою, а вамъ, серденько, Александра Степановича — это старинный мой пріятель.

— Извините, извините, просимъ въ гостиную.

— Да велите, серденько, подать *казухи*...

— Сейчасъ! извините пожалуйста, повторяла, обращаясь ко мнѣ, супруга Ивана Лукьяновича.

И я услышалъ бряцанье ключей, хлопанье дверей и полунеясныя приказанья: — сдѣлать хоть варениковъ къ обѣду.

Когда я сѣлъ, Иванъ Лукьяновичъ разсказалъ мнѣ, какъ

онъ долго страдалъ по Вѣрочкѣ; какъ потомъ умеръ протопопъ, и вдова покойнаго сдѣлала на него впечатлѣніе и главное тѣмъ, что по смерти мужа велѣла продать всѣхъ пѣгихъ лошадей: какъ онъ на ней женился.

— Но, прибавилъ Горобецъ, проклятая баба прибрала меня со всѣмъ къ рукамъ: не даетъ мнѣ пить *казухи*, когда мнѣ хочется и бьетъ иногда борзыхъ собакъ; за то хозяйка, анцыхристъ ее знаетъ: всякое дѣло такъ и горитъ.

Я обѣдалъ у Ивана Лукьяновича. Когда подавали арбузы, Горобецъ самъ разрѣзывалъ ихъ и чуть не красный — долой его: и супруга обратилась ко мнѣ и произнесла на родимомъ дыцця, нарѣчіи слѣдующую фразу:

— О, Иванъ Лукьяновичъ жырно кушае, чоловика десять кавунивъ *) спортыть, покы зъисть одного: трохы **) негодыцця за разъ на перемину.

Послѣ обѣда я уѣхалъ. Кочуя съ мѣста на мѣсто, никогда уже болѣе не встрѣчалъ я ни Вѣрочки, ни Ивана Лукьяновича.

1840 г. Марта 27. Чугуевъ.

*) Кавунъ — арбузъ. **) Трохы — немного.

ВСТРѢЧА.

Я былъ дежурнымъ на сѣнокосѣ. Быть можетъ, страннымъ покажется для многихъ, кто не служилъ въ поселеніи, что уланскій офицеръ дежуритъ на сѣнокосѣ; но дѣло вотъ въ чемъ: по распоряженію начальства — нѣсколько солдатъ изъ каждаго эскадрона — отправляются косить траву, прикомандированные къ поселянамъ, — и для порядка между уланами, для того, чтобы смотрѣть за здоровьемъ послѣднихъ, — наряжаются, по очереди, офицеры. Соскучившись въ эскадронѣ, я выпросился на нѣсколько очередей въ степь. Оставался еще день свободнаго времени. Верстъ за пять, черезъ Донецъ — балъ у добраго знакомаго: какъ не воспользоваться случаемъ? Я отправился, и, какъ водится, до разсвѣта мы танцовали. Не скажу, чтобы танцы доставили мнѣ пріятныя минуты; но въ бесѣдѣ съ умными, добрыми людьми быстро пронеслось время, чего давно не испытывалъ я на скучной стоянкѣ своей. Послѣ бала отправился я въ таборъ косарей и принялъ дежурство.

Предо мною, за мною, вокругъ меня чистая, вольная степь: какое раздолье для души, взлелѣянной мечтами на степяхъ родины! Дѣтство милое, очаровательное откликнулось въ душѣ моей со всѣми утраченными прелестями. Разнообразіе цвѣтовъ, пѣнье жаворонковъ, вечеромъ пылающіе костры и веселый говоръ народа — все это напомнило мнѣ отдаленное время, когда, ребенкомъ, выѣзжалъ я съ отцомъ на сѣнокосъ и, какъ водится, избавлялся отъ несносной ариѳметики и ужасныхъ вокабуловъ: дѣтской душѣ моей предоставлена была полная свобода предаваться любимымъ мечтамъ о знаменитыхъ герояхъ древности; создавать дивныя фантастическія поэмы

безъ цѣли, безъ связи, но которыя имѣли для меня неизъяснимую прелесть, — чудный свѣтъ разливался на нихъ, и я блаженствовалъ.

Уютный балаганъ служилъ для меня квартирой; я запасся всѣмъ, что было нужно, да и знакомые не забывали меня; добрая графиня Г—ва присылала мнѣ самыхъ вкусныхъ пироговъ, какіе иногда нашему брату, за скромнымъ обѣдомъ, — достается ѣсть вмѣсто пирожнаго; словомъ сказать, я былъ обезпеченъ продовольствіемъ и считалъ себя счастливымъ. Нѣсколько книжекъ разныхъ журналовъ русскихъ и французскихъ были лекарствомъ отъ скуки — въ случаѣ эта незванная гостья вздумала бы посѣтить меня. Чего же больше? Кочевье наше, раскинутое какъ разъ надъ большой дорогой, походило на таборъ цыганъ, описанныхъ вдохновеннымъ поэтомъ.

Ясное вечернее небо раскинулось надо мною высокимъ куполомъ; тамъ и сямъ носились облака, разцвѣченныя заходящимъ солнцемъ; въ выси звенѣлъ жаворонокъ; издали доносились заунывныя украинскія пѣсни. Я лежалъ на курганѣ и погрузился въ мечтанія. Куда не летала моя фантазія? Тамъ гдѣ-то на очаровательныхъ холмахъ раскинулись Исковцы; — тамъ въ Острѣ смотрятся шпицы церквей Нѣжинскихъ и незабвенный лицей бѣлѣетъ на берегу... Какъ будто я снова бродилъ въ темныхъ корридорахъ его, мечталъ въ душистыхъ липовыхъ аллеяхъ, гдѣ все говорило, что здѣсь недавно Кукольникъ мечталъ о своемъ Тассѣ, Гоголь о вечерахъ на хуторѣ, Гребенка перекладывалъ Полтаву Пушкина; гдѣ-то далеко межъ Днѣпромъ и Сулою красуется деревня, куда часто летаетъ мечта моя... Я позабылъ, гдѣ я кто я; позабылъ, что я не пылкое дитя, не задумчивый студентъ, а корнетъ Б—го У—го полка, и мечтамъ моимъ не было ни конца, ни начала, ни цѣли; это была какая-то безконечная гамма, нестройная, но порою гармоническая. Долго предавался я волѣ воображенія; все внѣшнее будто исчезло для меня; но душа не можетъ быть долго подъ вліяніемъ восторга, и, мало по малу, я началъ опускаться на землю, и первымъ моимъ земнымъ движеніемъ было закурить неизмѣнную трубку. Задымился благовонный табакъ и понесся легкими облаками по воздуху. Вечерѣло. Ко мнѣ донеслись дальные звуки колокольчика; вѣрно товарищъ ѣхалъ куда нибудь изъ эскадрона въ эскадронъ, потому что почта не ходитъ по этой дорогѣ. Я началъ осматриваться. Невдали нашъ таборъ сталъ освѣщаться кострами, и я распозналъ свой балаганъ, у котораго

стоялъ Ибрагимъ, вмѣсто позабытой попоны, покрытый старымъ вальтрапомъ; никого не видно оттуда. Оборачиваю голову въ противоположную сторону и вижу: медленно приближается какой-то экипажъ. Я сейчасъ взглянулъ на свой костюмъ и, увидѣвъ, что одѣтъ пристойно, остался на курганѣ, близь котораго пролегала дорога. Карета остановилась недалеко. Отворили дверцы, изъ нихъ вышла стройная женщина, и при помощи слуги вынули изъ кареты старика, какъ мнѣ показалось, изнуреннаго болѣзнью; горничная принесла подушку, и вотъ на разостланномъ плащѣ легъ изнуренный старикъ; всѣ засуетились около него. Чье бы ни было страданіе исторгаетъ невольно у насъ участіе. Я быстро приблизился къ незнакомцамъ и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ: святотатствомъ было бы нарушить покой дряхлаго старика и молитву ангела. Молодая дѣвушка стояла на колѣнахъ и молилась со слезами. Нѣсколько минутъ прошло въ этомъ священномъ молчаніи; наконецъ, старикъ слабымъ голосомъ попросилъ пить, и, когда утолилъ жажду, казалось, силы возвратились къ нему: онъ подозвалъ дочь и взялъ ее за руку. Много было чувствъ въ этомъ безмолвномъ пожатіи. Черезъ нѣсколько минутъ замѣтили мое присутствіе. Мы размѣнялись привѣтствіями. Старикъ сидѣлъ уже въ каретѣ, обложенный по прежнему подушками; а дочь спросила меня — проѣдутъ ли они этой дорогой на Чугуевъ? Они сбились съ настоящей дороги; но я разсказалъ имъ куда ѣхать и, зная, что старикъ необыкновенно слабъ, предложилъ проводить ихъ до постоялаго двора, который находился верстахъ въ двухъ отъ нашего кочевья. Я охотно предложилъ бы путешественникамъ свой балаганъ, но, сообразивъ неудобство подобнаго ночлега, и не предлагалъ даже. Незнакомка изъявила желаніе прогуляться пѣшкомъ, пользуясь прекраснымъ вечеромъ, и прибавила съ милою улыбкой:

— Вы, вѣрно, не откажете дать намъ проводника?

— Если только будетъ угодно, я самъ провожу васъ, отвѣчалъ я. Легкое наклоненіе головы сказало мнѣ, что предложеніе мое принято. Поравнявшись съ таборомъ, я велѣлъ унтеръ-офицеру Сѣрому живо осѣдлать Ибрагима, и скоро незнакомка моя сѣла въ карету, а я на коня, и мы отправились.

Въ опрятной, чистой комнатѣ постоялаго двора, на подушкахъ лежалъ старикъ; дочь его за столикомъ приготовляла чай и, со всею заботливостью ангельскаго сердца, посматривала на больнаго. Это былъ отставной капитанъ-лейте-

нантъ, помѣщикъ —ской губерніи. Издавна страдая ужаснымъ ревматизмомъ, онъ посѣщалъ и Кавказъ, и заграничные минеральные источники, но только на время получалъ облегченіе: обычная болѣзнь со всѣми ужасными припадками возвращалась къ нему.

Узнавъ, что въ Славянскѣ открылись воды, бѣдный морякъ думалъ, не помогутъ ли хоть эти? однако надежда и здѣсь обманула его: ему сдѣлалось хуже, и по совѣту медиковъ, онъ долженъ былъ отправиться въ Харьковъ для пользованія. Отославъ свой обозъ впередъ, путешественники сбились съ настоящей дороги и принуждены были остановиться ночевать на постояломъ дворѣ, недалеко отъ моего балагана.

Старикъ успокоился и разговаривалъ со мною, по обычаю всѣхъ больныхъ, о своей болѣзни; но, какъ ни однообразны были эти разговоры, я могъ, однако же, замѣтить, что морякъ былъ просвѣщенный человѣкъ, который много видѣлъ на своемъ вѣку и читалъ многое. Почти имена всѣхъ современныхъ знаменитостей срывались у него съ языка: съ тѣмъ онъ былъ знакомъ, того видѣлъ, о томъ слышалъ.

Но вниманіе мое было обращено на дѣвушку. Чѣмъ болѣе смотрѣлъ я на нее, тѣмъ сильнѣе волновалось мое сердце; наконецъ, я увѣрился, что это была не мечта, а дѣвушка, какъ двѣ капли воды, походила на ту, о комъ я думалъ всегда, кѣмъ жилъ, кто, какъ ангелъ-хранитель, небесной улыбкой отводилъ отъ меня злыя помышленія: тѣ же глаза большіе, полные жизни, тѣ же волосы, то же грустное, задумчивое выраженіе лица. Я не сводилъ глазъ съ очаровательной незнакомки. Она замѣтила это, и рѣже останавливались на мнѣ выразительныя очи ея. А я любовался ею. Неожиданнымъ блаженствомъ была для меня встрѣча эта: какая кисть могла лучше изобразить незабвенныя черты? а мечта на одно мгновеніе только представляетъ мнѣ образъ очаровательницы. Какъ благодатный сонъ неслось для меня время; я забывался. Нѣтъ, это не была любовь, а тихое чувство наслажденія. Я вспомнилъ цвѣтущій садъ, вспомнилъ душистый, прохладный вечеръ далеко, далеко... и очаровательный взоръ, со всею поэзіей устремленный на меня, и небесный образъ красавицы, и многое, многое отразилось на моей памяти.

Меня подозвали къ столику, мнѣ предложили чаю. Волею и неволею я близъ незнакомки. Сходство еще болѣе поразило меня. Я вздохнулъ отъ полноты чувства. Ожидалъ ли я, отправляясь въ степь на дежурство, увидѣть живое изображеніе

той, кого я, можетъ быть, уже болѣе не увижу въ этой жизни. Мы разговаривали. Я могъ показаться ей безумцемъ: такъ безсвязны были мои отвѣты, такъ странны были вопросы мои. Вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ, незнакомка вздрогнула. Скоро отворилась дверь и высокаго роста артиллеристъ вошелъ въ комнату. Глаза его сверкали, дикое выраженіе лица не предвѣщало ничего добраго.

— Софья, сказалъ онъ, обращаясь къ незнакомкѣ, живѣе чаю! что батюшка?

— Ему лучше, отвѣчала робко Софья.

Артиллеристъ посмотрѣлъ на нее, потомъ на меня и, казалось, взорами спрашивалъ: какъ я попалъ сюда?

— Это г. офицеръ, не имѣю чести знать имени, который былъ такъ добръ, что проводилъ насъ, когда мы сбились съ дороги.

— Очень радъ знакомству. А вы, сударыня, не могли подождать мужа и заставили меня искать васъ по степи — это куда какъ пріятно!

Онъ подошелъ къ старику. Слеза повисла на длинной, пушистой рѣсницѣ незнакомки. Можетъ быть, мнѣ показалось, но Софья такъ выразительно посмотрѣла на меня и на мою фуражку, что я черезъ минуту раскланялся, пожелалъ выздоровленія старику и вышелъ на крыльцо. Небо сверкало звѣздами; но ярче, но отраднѣе межъ ними сіяла вечерняя звѣзда. Я устремилъ на нее взоры, послалъ привѣтъ незабвенной; а черезъ нѣсколько секундъ въ чистой степи раздавался топотъ копытъ моего Ибрагима. Замелькали костры, послышался говоръ: я былъ въ своемъ таборѣ.

Далеко за полночь писалъ я; сонъ не шелъ мнѣ на мысли; на памяти ясно отпечатлѣлась послѣдняя сцена! »И такое созданіе, подумалъ я, досталось грубому, холодному существу! Не такъ ли всегда судьба располагаетъ нашею участью? Рѣдко двѣ родныя души сойдутся на пути этой жизни, чаще голубка достанется хищному коршуну, душистый цвѣтокъ вянетъ подъ тѣнью колючаго репейника«.

Грустно, тяжко мнѣ было. Давно ли такъ отрадно, такъ роскошно мечталъ я на курганѣ? Давно ли, будто по мановенію волшебника, любовался живымъ изображеніемъ той, кого любилъ болѣе жизни? и вотъ уже въ душистый, красивый вѣнокъ моихъ мечтаній вплелись вѣтки терновника.

Я вышелъ побродить по степи; но тучи заволокли сводъ неба, и крупныя капли дождя доносились вѣтромъ: я возвра-

тился. Скоро поднялась буря: въ шалашѣ моемъ сдѣлалось холодно; вѣтеръ съ силою проникалъ сквозь крышу и стѣны— только небольшой коверъ, повѣшенный по срединѣ, мѣшалъ ему затушить свѣчу; громъ рокоталъ въ отдаленіи. Бѣдный Ибрагимъ мой ржалъ, предчувствуя грозовую ночь. Не скоро уснулъ я, прислушиваясь къ рѣзкому завыванію бури, которая, не встрѣчая преградъ въ чистой степи, на широкихъ крылахъ носилась по необъятному пространству.

ОЧЕРКИ ОХОТЫ ВЪ МАЛОРОССІИ.

ОЧЕРКИ ОХОТЫ ВЪ МАЛОРОССІИ.

I.

Охота неминуемо была первымъ промысломъ человѣка въ то время, когда люди не умѣли еще заниматься земледѣліемъ, а между тѣмъ должны были добывать себѣ пищу. Дикіе народы и по нынѣ продолжаютъ кормиться звѣриной и рыбной ловлей, и охота одинъ изъ тѣхъ промысловъ, который сохранилъ еще почти всю допотопную патріархальность какъ пріемовъ, такъ и употребительныхъ снарядовъ, если исключить огнестрѣльное оружіе. Въ самомъ дѣлѣ, многія ли изъ охотничьихъ принадлежностей не были извѣстны даже во времена до историческія! Сѣти, капканы, стрѣлы, ямы — все это было знакомо вскорѣ послѣ сотворенія міра, и если, какъ я сказалъ выше, исключить введеніе въ охоту огнестрѣльнаго оружія, то увидимъ, что современные охотники немного подвинулись впередъ со времени первой птицы, убитой на лету стрѣлою. А между тѣмъ ничего нѣтъ проще изъясненія этого, повидимому, страннаго застоя въ промыслѣ, принадлежащемъ къ первымъ потребностямъ многихъ милліоновъ народа, составляющемъ въ высшемъ и самомъ образованномъ классѣ предметъ удовольствія и дѣлающемся даже иногда неизлечимою страстью самаго развитаго человѣка. Дѣло въ томъ, что какъ ни совершенствуется родъ человѣческій, какихъ ни дѣлаетъ успѣховъ на поприщѣ просвѣщенія, а птицы и звѣри остаются въ своемъ первобытномъ состояніи; значитъ, что придумалъ умъ человѣка въ первыя времена для овладѣнія звѣремъ или птицею, то и сдѣлалось главнымъ, основнымъ закономъ охоты. и развѣ изрѣдка иной охотникъ придумаетъ какую нибудь новую варіацію на давно извѣстную тему. Наконецъ, самые дикіе народы, не имѣющіе никакого понятія о раціональной охотѣ, признаются доселѣ лучшими въ мірѣ охотниками,

хотя орудія ихъ совершенно допотопныя и требуютъ необыкновеннаго умѣнья и ловкости. Здѣсь невольно представляется другое обстоятельство, что для успѣшной охоты нужно не только умѣнье владѣть оружіемъ, или ловко употреблять извѣстные пріемы, но необходимо также знать въ совершенствѣ нравы и обычаи птицъ и животныхъ, что дикари и постигли какъ нельзя лучше. Вотъ первое условіе, и оно то и составляетъ отличительное качество хорошаго охотника. Самый лучшій стрѣлокъ, обладающій отличнымъ ружьемъ, имѣетъ только то преимущество, что не дастъ промаха; но если онъ не знаетъ нрава преслѣдуемой птицы или звѣря, то, проходивъ цѣлый день, не отыщетъ себѣ добычи.

Мнѣ хочется разсказать объ охотѣ малороссіанъ и привести нѣсколько происшествій изъ охотничьяго быта двухъ нашихъ южныхъ губерній. Охота не составляетъ собственно принадлежности жителей Малороссіи, но или служитъ забавой для помѣщиковъ, или доставляетъ средства наживать небольшія деньги для весьма малаго количества крестьянъ. Преимущественно изъ послѣднихъ охотятся жители многолюдныхъ городовъ, имѣя вѣрный сбытъ дичи и звѣриныхъ шкуръ, хотя послѣднимъ промысломъ занимаются нѣкоторые охотники, живущіе и въ отдаленныхъ селахъ. Но звѣрей, доставляющихъ прибыль, весьма не много въ Малороссіи, потому что она, за исключеніемъ сѣверной части черниговской губерніи, не изобилуетъ лѣсами. Волкъ, лиса, заяцъ, сурокъ, еврашка и отчасти бѣлка — вотъ звѣри, доставляющіе шкуру; а медвѣди водятся только въ нѣсколькихъ уѣздахъ черниговской губерніи, куда забѣгаютъ также иногда и дикія козы. За то птицъ изобиліе: драхва, стрепетъ, журавль, дикіе гуси, болѣе десяти видовъ дикой утки, тетеревъ (довольно рѣдокъ впрочемъ), бекасы, кулики разныхъ сортовъ, дикій голубь, перепелка и куропатка водятся въ большомъ количествѣ.

У помѣщиковъ есть большія охоты, состоящія изъ борзыхъ и гончихъ собакъ; многіе содержатъ довольно стрѣлковъ; нѣкоторые имѣютъ запасъ тенетъ, капкановъ; но во всемъ этомъ нѣтъ правильнаго устройства. Конечно это потому, что, какъ замѣчено выше, въ Малороссіи нѣтъ, такъ называемаго, краснаго звѣря. Самая важная охота — ловля волковъ, которыхъ по большей части загоняютъ облавой въ тенета, и рѣдко преслѣдуютъ въ полѣ съ собаками.

Такъ какъ медвѣди (*видмедь*) водятся въ одномъ только небольшомъ уголкѣ Малороссіи, то я и упомяну вскользь, что

ихъ убиваютъ или изъ ружей, или рогатинами; а начнемъ съ волка, какъ болѣе важнаго звѣря въ нашей безлѣсной сторонѣ, изобилующей, однако-же, частыми рощами (*гаи*), и въ которой берега почти всѣхъ рѣкъ и рѣчекъ покрыты небольшимъ лѣсами.

Описывать волка значитъ по пусту тратить время и пускаться въ излишнее многословіе. Звѣрь этотъ, по малоросійски *вовкъ* или *звиръ*, плодится въ степяхъ или въ лѣсахъ, избирая для этого рытвины или ямы (*вовкивня*). Онъ отличается отъ сѣвернаго волка величиною и неустрашимостью; степные волки, въ особенности въ извѣстное время течки, бываютъ очень злы, предпріимчивы и нападаютъ на человѣка. Бывали примѣры, что они загрызали людей, слѣдовавшихъ при обозахъ, въ числѣ двухъ, трехъ человѣкъ. Въ харьковской губерніи, которую тоже можно назвать Малороссіей, гдѣ стоялъ я съ полкомъ, разсказывали мнѣ достовѣрные люди, что въ двадцатыхъ годахъ съѣденъ былъ волками возлѣ селенія Масловки (зміевскаго уѣзда) почтовый уланъ, слѣдовавшій изъ Чугуева въ слободу Печенѣги. Мѣстность тамъ глухая и дорога пролегаетъ по песчанымъ буграмъ, идущимъ по правую сторону Сѣвернаго-Донца. На полѣ нашли только оружіе, шапку и сапоги, въ которыхъ сохранились ноги погибшаго, но не осталось и слѣда костей ни его, ни лошади. Значитъ, волки были въ большомъ количествѣ, потому что нельзя же не предположить защиты со стороны улана, у котораго были пика и сабля.

Однако, сохраняя присутствіе духа, можно спастись отъ стаи волковъ самыхъ разъяренныхъ: для этого нужно только броситься на землю и притвориться мертвымъ, т. е. не только не дѣлать никакихъ движеній, но, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько первыхъ минутъ притаить дыханіе. Волки въ Малороссіи начинаютъ рыскать стаями около 9-го декабря и продолжаютъ недѣли три или четыре, а собираются иногда штукъ по двадцати и болѣе. Хотя, конечно, подобныя многочисленныя сборища встрѣчаются довольно рѣдко, однако среднимъ числомъ можно положить въ стаѣ десятокъ волковъ, количество, весьма достаточное для того чтобы напасть на двухъ, трехъ человѣкъ, и если не загрызть ихъ, то, по крайней мѣрѣ, испугать или поранить. Впрочемъ, благодаря Бога, несчастные случаи съ людьми не часты, а страдаютъ болѣе рогатый скотъ, овцы и лошади, попадающіеся волкамъ въ полѣ. Обыкновенно въ стаѣ бываетъ одна волчица, за кото-

рою слѣдуютъ самцы, подобно собакамъ, и на походѣ очень часто грызутся между собою, что не мѣшаетъ имъ, однако-же, кончать ссоры и соединяться при видѣ добычи. Указывая дорогу, волчица бѣжитъ впереди; два три самца бѣгутъ возлѣ, оскаливая зубы другъ на друга; а прочіе слѣдуютъ немного позади. Что бы самка ни дѣлала, самцы слѣпо исполняютъ всѣ ея маневры: остановится ли она и, поднявъ вверхъ морду, начинаетъ выть, волки ей подражаютъ; примется ли она обнюхивать кустъ, или слѣдъ какой нибудь, самцы поочередно дѣлаютъ то же самое; ложится ли она на землю и начинаетъ лапами разгребать снѣгъ, а потомъ кататься по полю, волки непремѣнно подражаютъ ея маневрамъ, словно неисполнившій этого лишается надежды на дальнѣйшую ея благосклонность. Однимъ словомъ, отъ самки зависятъ дѣйствія всей стаи, такъ что самцы въ это время теряютъ свою индивидуальную волю и безусловно покоряются инстинкту волчицы.

Есть много очевидцевъ поведенія волковъ, когда они бѣгаютъ стаями, и нѣкоторые изъ нихъ разсказывали различныя подробности, подмѣченныя ими среди самой стаи волковъ, во власти которыхъ быть доводилось разсказчикамъ.

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, полтавской губерніи, лубенскаго уѣзда, въ селѣ Исковцахъ жилъ портной Елисей — человѣкъ маленькій, смирный, который даже подъ хмѣлькомъ никогда не обнаруживалъ признаковъ храбрости. Передъ Рождествомъ получилъ онъ заказъ отъ пономаря села Хорошковъ — сшить жилетъ, и какъ у него было много работы, то онъ и не успѣлъ окончить заказа раньше, какъ наканунѣ Новаго года. 31-е декабря въ Малороссіи день очень веселый, и въ каждомъ домѣ приготовляется самый роскошный ужинъ, состоящій изъ множества блюдъ и заключающійся *узваромъ* и *кутіею*. Вечеръ этотъ называется *богатымъ вечеромъ*, въ продолженіе котораго дѣти, молодежь, а иногда и пожилые люди поютъ подъ окнами хатъ пѣсни, называемыя *щедровками*. Можетъ быть, Елисей имѣлъ и это въ виду и безъ сомнѣнія разсчиталъ, что если на богатый вечеръ отнесетъ жилетъ пономарю и попадетъ на ужинъ, то не останется въ накладѣ. Надо знать, что Хорошки, отстоящія отъ Исковецъ версты на три, лежатъ на болотистой рѣчкѣ Слѣпородѣ, заросшей камышами и густымъ мелкимъ лѣсомъ. Лѣтняя дорога идетъ полемъ по горѣ, но зимняя пролегаетъ по льду черезъ деревню Пулинцы и представляетъ болѣе удобствъ во время мятели. Завернувъ жилетъ

въ платокъ и, по обычаю, воткнувъ въ полу свитки пару иголокъ, Елисей надѣлъ тулупъ, надвинулъ шапку, взялъ небольшую палочку въ руку и подъ вечеръ весело отправился въ Хорошки, имѣя въ виду заработанныя двѣ гривны мѣдью и роскошный ужинъ у пономаря, который славился гостепріимствомъ и достаткомъ. За Пулинцами смерклось Елисею, но почти тотчасъ же изъ-за горы, на которой стоитъ исковская церковь, показался мѣсяцъ, освѣтивъ лѣса и камыши, убранные инеемъ, и полянку, черезъ которую надо было переходить портному и вступить въ лѣсъ, прилегавшій къ хорошковскимъ огородамъ. Согрѣвшись отъ поспѣшной ходьбы, Елисей остановился, разстегнулъ тулупъ, досталъ изъ-за голенища рожокъ, понюхалъ табаку, и пустился по укатанной дорогѣ. Нечего и говорить, что онъ внимательно посматривалъ по сторонамъ. Вдругъ въ чащѣ лѣса замелькали огоньки.

»Неужели Хорошки такъ близко?« подумалъ онъ, »вѣроятно, это свѣтится въ избахъ!« и прибавилъ шагу.

Но чрезъ минуту огни значительно приблизились, и не успѣлъ портной опомниться, какъ стая волковъ была отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ. Елисей рухнулся на снѣгъ, но не лишился чувствъ, и ожидалъ своей участи. Впереди была огромная волчица; за нею прибѣжали штукъ пятнадцать волковъ, разинувъ пасти и сверкая глазами. Подойдя шага на два къ Елисею, самка припала на корточки и начала махать хвостомъ. Самцы сдѣлали то же самое. Волчица приподнялась и страшно завыла; волки ту же минуту послѣдовали ея примѣру и завыли такимъ усерднымъ образомъ, что у Елисея волосы поднялись дыбомъ, и онъ чувствовалъ, какъ шапка сама слѣзала у него съ головы. Но портной оставался безъ движенія, не подавая ни малѣйшаго признака жизни. Волчица долго не рѣшилась подходить къ нему, забѣгала съ разныхъ сторонъ, выжидая, не пошевелится ли человѣкъ; но соскучивъ ждать, въ одинъ прыжокъ очутилась возлѣ полумертваго Елисея. Обнюхавъ его съ ногъ до головы, она отошла прочь и сѣла на заднія лапы. Самцы поочередно подходили къ портному, обнюхивали его еще внимательнѣе и тоже отходили и садились позади волчицы. Портной, ни живъ, ни мертвъ, оставался въ прежнемъ положеніи. Подойдя къ нему снова, самка лапой раскрыла тулупъ и начала обнюхивать лицо Елисея, обдавая его горячимъ своимъ дыханіемъ. Волки были очень близко. Самка вдругъ оборотилась, защел

кала на нихъ зубами, и они почтительно отошли на нѣсколько шаговъ; тогда она шагомъ удалилась въ кусты. За нею и всѣ самцы. Когда послѣднiй самецъ удалился на значительное разстоянiе, Елисей совершенно раскрылъ глаза, но не бывъ увѣренъ въ безопасности, оставался въ прежнемъ положенiи, изъ боязни, чтобы волки не возвратились, а онъ не достался бы имъ на ужинъ. Такъ лежалъ онъ около получаса, пока Пулинскiе парни и дѣвушки, веселою толпою спѣшившiе щедровать въ Хорошки, не набрели на него и не взяли съ собою.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ *), происшествiе гораздо интереснѣйшее случилось въ одномъ изъ лѣсистыхъ уѣздовъ Черниговской губернiи. Коммиссаръ М. (тогда исправники въ Малороссiи назывались коммиссарами) славился своею неустрашимостью, любезностью, веселостью и страстью къ музыкѣ. Онъ игралъ на флейтѣ и вездѣ возилъ этотъ инструментъ съ собою. Маршалъ (предводитель) того уѣзда выписалъ изъ Москвы столовые часы съ музыкой, которые въ числѣ прочихъ пьесъ, играли одну веселую арiю, понравившуюся М и коммиссаръ выучилъ ее на флейтѣ. Возвращаясь однажды. отъ одного изъ помѣщиковъ въ городъ, по должности, М. спѣшилъ тѣмъ болѣе, что ожидали какого-то ревизора. Хотя ночь и была лунная и хотя М. ѣхалъ съ колокольчикомъ, однако, зная, что дорога шла лѣсами, коммиссаръ взялъ двухъ конныхъ проводниковъ и ничего уже не боялся. Знатно выпивши и закусивши, ѣдетъ себѣ онъ, да насвистываетъ арiю, которую играли часы у маршала, насвистываетъ и жалѣетъ, что нельзя повторить ее на флейтѣ. И коммиссаръ началъ разсуждать: »Куда какъ непрiятно должно быть играть на морозѣ! Еслибы я былъ простой музыкантъ, вѣдь могло бы случиться, что въ свадебномъ поѣздѣ меня заставили бы кутилы играть на морозѣ, и я игралъ бы безъ перчатокъ!.. А меня кто же можетъ заставить«? И коммиссаръ улыбнулся при мысли, что его никто не могъ заставить сдѣлать ни одной ноты на флейтѣ.

Вдругъ примчался передовой вершникъ.

— Пропалы, добродiю! сказалъ онъ.

— Что такое?

— Вовкивъ, выдымо, невыдымо.

— Неужели?

*) Писано въ 1855 году.

Другой вершникъ прискакалъ съ тѣмъ же извѣстіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, вблизи послышался страшный вой.

— Поворачивай живѣе и, что есть силы, катай назадъ! закричалъ коммиссаръ.

Кучеръ поворотилъ круто, санки опрокинулись, кони понесли... а бѣдный М. одинъ одинешенекъ остался среди лѣса.

Вскочивъ на ноги, коммиссаръ началъ кричать. Никто не откликается, а вой все ближе и ближе, и уже показались огоньки: засвѣтили волки глазами. Дѣлать нечего, коммиссаръ началъ взбираться на сосну, шуба мѣшаетъ немного; но какъ-то удалось ему схватиться за толстый сукъ, и М. благополучно добрался до средины. Не прошло двухъ минутъ, какъ цѣлая стая волковъ окружила сосну, на которой сидѣлъ коммиссаръ, и звѣри воемъ, казалось, упрекали свою природу за то, что она не назначила ихъ лазить по деревьямъ. Скоро они подняли такой вой, отъ котораго М. пришелъ въ содроганіе. Ужъ онъ и ругалъ ихъ, и грозилъ всѣхъ перевѣшать, ничего не помогало.

— Не попробовать-ли! сказалъ онъ самъ себѣ, и счастливая мысль приведена была въ исполненіе. М. вынулъ изъ кармана флейту и дрожащими отъ холода пальцами сдѣлалъ нѣсколько прелюдій. Услыхавъ неизвѣстные имъ дотолѣ звуки, волки, умолкли. Это обрадовало коммиссара. Забывая холодъ, онъ принялся прелюдировать; — волки молчали; зафантазировавшись, онъ началъ припоминать арію, которую играли часы у маршала, да взялъ самыми высокими нотами, вдругъ вой поднялся со всѣхъ сторонъ. М. опять началъ бѣситься; но чуть перемѣнялъ арію, волки слушали съ удовольствіемъ до того, что онъ расхохотался. Довольно долго продолжалась эта исторія. Чуть коммиссаръ пряталъ флейту и отогрѣвалъ руки, внизу поднималась музыка другаго рода; если же онъ бралъ флейту снова и игралъ что нибудь, волки умолкали. Но странно! едва начиналъ М. арію, которую играли часы у маршала, волки принимались аккомпанировать ему самымъ усерднымъ образомъ. Такъ тѣшился бѣдный коммиссаръ въ продолженіе цѣлой ночи. Волки расположились вокругъ сосны: иные лежали, иные сидѣли, а, вѣроятно, самые записные диллетанты сидѣли и слушали. Уже передъ свѣтомъ поднялась мятель. Коммиссаръ спряталъ флейту и закутался въ шубу. Вдругъ послышалось пѣніе, раздался скрипъ полозьевъ. Волки всполошились, а когда показался обозъ, они шарахнулись и

побѣжали въ сторону. Тогда М. спустился съ дерева, и благополучно доѣхалъ до города.

Можно бы привести десятки подобныхъ анекдотовъ, еслибы я не боялся наскучить читателямъ.

Въ прочее время волки не бѣгаютъ стадами и не такъ злы, но тѣмъ не менѣе вредятъ они жителямъ, таская и умерщвляя домашнихъ животныхъ. На пастбищахъ, въ то время, когда пасутся овцы, свиньи и рогатый скотъ, по большей части подъ надзоромъ дѣтей, волки, въ особенности гдѣ ихъ множество, часто поживляются добычей; но случается, что пастухи, съ помощью собакъ, отбиваютъ животное, которое было уже во власти волка. Нападенія эти дѣлаютъ волки на животныхъ тогда, когда послѣднія разрознены; и то преслѣдуютъ они овецъ или телятъ; но рогатая скотина нелегко имъ достается, а иногда волкъ платится жизнью, если неосторожно попадетъ на сердитую корову, а въ особенности на быка. Свиньи тоже вооружаются противъ хищнаго непріятеля. Обыкновенно, завидѣвъ волка, онѣ собираютъ поросятъ въ кучу и окружаютъ ихъ, становясь рылами въ поле. Тогда волкъ не въ состояніи ничего сдѣлать. Боровы же и кабаны не боятся волка и въ одиночку, который невсегда вступаетъ въ единоборство съ животнымъ, вооруженнымъ огромными клыками. Есть даже въ народѣ повѣрье, что волкъ, котораго свинья запѣнитъ, дѣлается жертвою товарищей: что будто бы они раздираютъ его. Не знаю, въ какой степени достовѣрно это повѣрье, только оно повсемѣстно.

Пользуясь темными и туманными ночами, волки забираются въ деревни, и тутъ уже на ихъ сторонѣ гораздо болѣе удачи. Обыковенно они сходятся по нѣсколько штукъ вмѣстѣ и дѣйствуютъ заодно, словно сговорившись, и съ большою хитростью: одинъ или два молодые волка отправляются по вѣтру къ деревнѣ; ближайшія собаки чуютъ ихъ издали и поднимаютъ особый лай, въ родѣ тревоги, который сзываетъ почти всѣхъ собакъ къ тому мѣсту; молодые волки нарочно начинаютъ выть, какъ бы въ доказательство, что собаки не обманулись; въ это время другіе волки, подошедшіе къ деревнѣ противъ вѣтра, смѣло подходятъ къ избамъ и избираютъ преимущественно овечьи хлѣва, въ которыхъ, если нѣтъ прохода, проламываютъ плетеныя стѣны и оттуда таскаютъ овецъ. Впрочемъ, если .волки нападутъ и на гусей, то не брезгаютъ и гусями; а со свиньями въ темнотѣ управ-

ляются гораздо легче, чѣмъ днемъ. Занимательнѣе всего, какъ иногда они ведутъ свинью, если имъ придетъ фантазія взять ее непремѣнно живою. Вытащивъ свинью изъ хлѣва, волки берутъ ее зубами за уши и тащатъ одинъ справа, другой слѣва. Разумѣется, что бѣдное животное визжитъ, сопротивляется, упрямится; тогда волки подгоняютъ его сзади хвостами, ведя къ тому мѣсту, гдѣ рѣшились пировать. Случается, что кто нибудь услышитъ крикъ животныхъ, люди проснутся, сбѣгаются и нерѣдко убиваютъ волковъ, но по большей части ночные воры уходятъ безнаказанно. По окончаніи дѣла и, отойдя на порядочное разстояніе, волки поднимаютъ вой, давая знать товарищамъ, что все кончено, и что пора приступать къ раздѣлу добычи. Дерзость волковъ (впрочемъ, голодныхъ) доходитъ иногда до такой степени, что они и днемъ рыщутъ возлѣ деревень и подстерегаютъ какое нибудь одинокое домашнее животное.

II.

Если вѣрить Боплану, то еще въ XVII столѣтіи въ Малороссіи водилось много буйволовъ, дикихъ лошадей, сайгаковъ и тому подобныхъ, несуществующихъ нынѣ животныхъ. Но, пользуясь этимъ источникомъ при изученіи края, я пришелъ къ заключенію, что и Бопланъ, подобно нынѣшнимъ землякамъ своимъ, часто пускалъ въ ходъ воображеніе. Онъ отчасти принадлежитъ къ числу тѣхъ путешественниковъ и составителей путевыхъ записокъ, которые берутъ лишь кое-что изъ дѣйствительности, а остальное дополняютъ сочиненіемъ, не зная ни языка страны, ни ея нравовъ и обычаевъ. Это невольно напоминало мнѣ другаго иностранца, посѣщавшаго Малороссію около того же времени. Въ одной деревнѣ, увидя большое число игравшихъ взрослыхъ мальчиковъ, путешественникъ спросилъ: Что это за народъ? Ему отвѣчали: Такъ соби, хлопци (такъ себѣ, ребятишки). Путешественникъ и занесъ въ свои записки слѣдующую фразу: In parva Russia vivunt homines, qui non crescunt, non senescunt et nominantur: »tak-sobi chlopci«. (Въ Малороссіи живутъ люди, которые не растутъ, не старѣютъ и называются: такъ соби хлопци.) Я опущу свидѣтельство иностранцевъ о древней Малороссіи, но смѣло скажу, что волкъ искони обиталъ въ степяхъ этого края. Кромѣ непреложнаго убѣжденія, что волкъ существовалъ тутъ отъ сотворенія міра, какъ звѣрь, помѣщенный по волѣ Со-

здателя на извѣстной мѣстности, намекъ о немъ встрѣчается и въ Словѣ о Полку Игоря: »Боянъ бо вѣщій аще кому хотяще пѣснь творити, растекашется мыслію по древу, сѣрымъ влкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы«, и наконецъ, въ старинныхъ пѣсняхъ малороссійскихъ онъ также не забытъ кобзарями, потомками того же знаменитаго Бояна:

„Вовки сироманци набигали,
Тило казацькее рвали,
По тернахъ, по балкахъ жовту кисть жвакували,
Жалибненько квилили, проквиляли:
То жъ воны козацькіи похороны одправляли.“
(Дума: „Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова“).

Какъ мы уже видѣли, волкъ одно изъ самыхъ хищныхъ и вредныхъ животныхъ въ Малороссіи, а потому противъ него и вооружаются, сколько можно, тамошніе охотники. Впрочемъ, простонародье вообще не слишкомъ предается страсти къ охотѣ; но занятіе это принадлежитъ исключительно помѣщикамъ да небольшому количеству горожанъ, имѣющихъ для этого коекакія средства. Мы займемся преимущественно помѣщичьей охотой. Никто не занимается собственно ловлей волковъ, но охотникъ держитъ собакъ различныхъ породъ, и, смотря по времени года, по случаю надобности или по собственому расположенію духа, выѣзжаетъ съ гончими или съ борзыми. Волковъ загоняютъ обыкновенно въ тенета облавой, съ гончими, или роютъ волчьи ямы, ставятъ капканы, или, наконецъ, удалые охотники ѣздятъ ночью съ поросенкомъ.

Иногда волки надѣлаютъ много вреда въ окрестности, и вотъ ближайшій охотникъ, узнавъ объ этомъ, приглашаетъ сосѣдей, сзываетъ крестьянъ своихъ и другихъ помѣщичьихъ, казенныхъ и казаковъ и объявляетъ войну дикимъ обитателямъ степи и окрестныхъ прибрежныхъ лѣсовъ. Въ прежнія времена подобныя облавы представляли непрерывный рядъ охоты и пиршествъ, переходя отъ одного помѣщика къ другому; теперь начало выводиться это обыкновеніе, хотя, конечно, встрѣчаются мѣстности, гдѣ оно сохранилось еще во всей патріархальной простотѣ своей. По первому приглашенію каждый изъ сосѣдей, у кого есть собаки, беретъ ихъ съ собою; у кого нѣтъ, тотъ запасается ружьемъ, и отправляются къ сборному мѣсту, обыкновенно въ имѣніе главнаго распорядителя охоты: дальніе сосѣди наканунѣ, а ближніе на зарѣ передъ разсвѣтомъ. Господскій дворъ представляетъ тогда оживленную картину: сотни собакъ лаютъ и визжатъ отъ нетер-

пѣнія, лошади стоятъ непокойно, ловчіе, стремянные, тенетчики и псари бѣгаютъ и суетятся. На заднемъ крыльцѣ идутъ хлопоты своего рода: тамъ женская и мужская прислуга носитъ различные съѣстные припасы въ фургоны или телѣги. Разумѣется, что при этомъ не позабыты различныхъ формъ бутылки и штофы, заключающіе въ себѣ порядочное количество винъ, водокъ и наливокъ. Наконецъ, осеннее солнце взошло на чистомъ небѣ и обѣщаетъ чудный погодный день, что́ невольно проясняетъ лица охотниковъ, которые, напившись на скоро чаю, спѣшатъ одѣваться и выходятъ на крыльцо въ разнообразныхъ и часто иногда нигдѣ невиданныхъ костюмахъ. Экипажи поданы, для молодежи подведены верховыя лошади, и весь отрядъ отправляется шагомъ къ извѣстному лѣсу или острову. Излишнимъ будетъ изъяснять, что слово островъ на охотничьемъ языкѣ не выражаетъ того понятія, какое выражаетъ оно въ географіи. Пока гончія со своею свитою шествуютъ очень медленно къ мѣсту назначенія, многіе изъ охотниковъ, по выѣздѣ изъ деревни, отправляются съ борзыми (хортъ) за зайцами. Но въ такомъ случаѣ заячья охота не составляетъ уже исключительнаго занятія, а дѣлается болѣе для препровожденія времени и не увлекаетъ охотниковъ далеко отъ прямаго пути къ предположенной цѣли. Удастся затравить русака — хорошо, не удастся — никто не горюетъ, потому что русаковъ много по степи, да и много впереди времени, когда соберутся охотники собственно за зайцами. Наконецъ, тому, кто выѣхалъ на волковъ, заяцъ кажется уже слишкомъ ничтожнымъ и нестоющимъ вниманія.

Если извѣстно мѣстопребываніе волковъ, то охота направляется къ тому мѣсту; если же выѣзжаютъ на удачу, тогда идутъ забросить тенета по предположенію опытныхъ охотниковъ. Всегда, однако же, избираютъ прибережные лѣса, въ которыхъ волки скрываются днемъ преимущественно потому, во первыхъ, что лѣса эти ростутъ по берегамъ болотистыхъ рѣкъ, гдѣ волка никто не потревожитъ, а во вторыхъ, потому, что обыкновенно близко находятся селенія, куда вечеромъ звѣрь отправляется на добычу. Только въ чисто степныхъ мѣстахъ, не имѣющихъ рѣчекъ, охотники окружаютъ рощи (гаи), одиноко стоящія въ полѣ, или рыскаютъ съ собаками по степи, отыскивая хищнаго непріятеля. Само собою разумѣется, что въ послѣднемъ случаѣ травятъ волковъ собаками. Но я опишу, какимъ образомъ ловятъ волковъ тенетами.

Прежде всего располагается по опушкѣ лѣса, гдѣ нибудь въ сторонѣ, таборъ, въ которомъ повара или поваръ, не заботясь объ охотѣ, принимаются готовить завтракъ, разстилаютъ ковры, ставятъ самоваръ и вообще предаются мирнымъ занятіямъ, соблюдая самый строгій нейтралитетъ. Бывали, впрочемъ, случаи, что поварчуки, одержимые духомъ храбрости, бросали кострюли, схватывали ружья, принимали участіе въ охотѣ и достигали двойной цѣли: не приготовляли во время завтрака или обѣда и пугали звѣря своими весьма немѣткими выстрѣлами. Вѣроятно, вслѣдствіе подобныхъ происшествій, поварамъ строго воспрещается носить оружіе, но вмѣняется въ непремѣнную обязанность смотрѣть за кострюлями и вообще сидѣть спокойно въ таборѣ.

Случается, что нѣкоторые изъ охотниковъ, по какимъ нибудь причинамъ, возвращаются въ таборъ, послѣ весьма кратковременнаго пребыванія въ лѣсу, и навѣдываются въ погребецъ, или отвѣдываютъ кушанья. Иной почувствуетъ боль гдѣ нибудь, другой позабудетъ пороховницу, третій идетъ въ таборъ, потому что хотя въ комнатахъ и еще въ дорогѣ храбрился, однако въ лѣсу показалось страшно. Да и мало ли бываетъ причинъ! Притомъ же иной отецъ семейства, отправившійся на охоту болѣе ради того, что у сосѣда соберутся гости и вечеромъ будутъ играть въ карты, не считаетъ необходимостью пробыть цѣлый день въ трущобѣ, да къ тому же какъ-то живо припомнитъ нѣжныя увѣщанія супруги — не подвергать жизни своей опасности, и предпочитаетъ мирное сидѣнье съ трубкой или сигарой на коврѣ — тревожному и опасному нахожденію въ линіи стрѣлковъ. Вотъ почему въ таборѣ всегда собирается свое общество. Обозъ, какъ я сказалъ уже, помѣщается гдѣ нибудь въ сторонѣ, а охотники, сдѣлавъ предварительно рекогносцировку, протягиваютъ тенета преимущественно гдѣ нибудь по извилинамъ лѣсной дороги, какъ въ мѣстѣ, болѣе удобномъ для разставленія сѣти. За тенетами, почти у самой сѣти, засѣдаютъ или залегаютъ тенетчики съ дубинами, а переднюю цѣпь шагахъ въ 15 или 20 составляютъ стрѣлками, на порядочномъ другъ отъ друга разстояніи, — тоже гдѣ нибудь подъ кустомъ или подъ деревомъ. Съ противоположнаго конца лѣса заходятъ люди, составляющіе облаву, и гончія собаки. Какъ только начнется крикъ облавщиковъ или гончихъ, стрѣлокъ долженъ весь превратиться въ слухъ и зрѣніе. Крикъ и лай приближаются.

Обыкновенно, прежде всего раздается шорохъ листьевъ, и

зайцы въ испугѣ во всю прыть несутся къ тенетамъ въ разныхъ направленіяхъ. Стрѣлокъ даже не взглянетъ, въ какую сторону побѣжалъ косой трусишка: во первыхъ, потому, что не стоитъ стрѣлять по немъ, во вторыхъ, выстрѣлъ испугаетъ краснаго звѣря, а въ третьихъ — заяцъ самъ по себѣ запутается въ тенета, а уйдетъ — его счастье: не для него собрались охотники.

Между тѣмъ голоса облавы — ближе и ближе. Стрѣлки удвоиваютъ вниманіе. Когда пробѣгутъ зайцы — а они начинаютъ уходить при первомъ крикѣ — тогда черезъ нѣсколько минутъ впереди цѣпи слышится осторожный шелестъ листьевъ, и изъ-за кустовъ показываются тамъ и сямъ лисьи морды, но такъ искусно, что не успѣетъ охотникъ приложиться, а уже лисица юркнула въ кустъ, и пробирается по другому направленію. Лисица проходитъ въ интервалахъ между охотниками, но, увидя тенета, прокрадывается снова назадъ, скрывается въ глубину, и очень часто прорывается въ поле сквозь цѣпь облавы. Конечно, попадается и она впросакъ, однако, зачастую ухитряется проползти незамѣтнымъ образомъ въ густотѣ и избѣгаетъ опасности.

Вслѣдъ за лисицами появляются уже волки, рысью, поднявъ рыла кверху и обнюхивая мѣстность. Чуя издали присутствіе человѣка, они инстинктивно предугадываютъ грозящую гибель; но идутъ впередъ, потому что позади несомнѣнно уже присутствіе непріятеля. Волкъ въ это время имѣетъ испуганный видъ, но идетъ прямо; и тутъ-то раздаются выстрѣлы. Рѣдко, однако-же, случается, чтобы волкъ былъ убитъ наповалъ, потому что ружья заряжены картечью, а иногда просто дробью. Выстрѣлы увеличиваютъ тревогу, и волки прямо бросаются къ тенетамъ, стараясь прорвать сѣть. Тенетчики спѣшатъ съ дубинами, и нерѣдко убиваютъ нераненыхъ волковъ, но случается, что звѣрь, пробившись, уноситъ на себѣ часть тенетъ, послѣ выпутывается и уходитъ.

Не смотря на свою силу и смѣлость, волкъ на охотѣ съ гончими всегда оказывается трусомъ, и не только не бросается на тенетчика, а напротивъ спѣшитъ убраться подальше отъ него, и вообще утрачиваетъ свирѣпость, съ которою въ стаѣ нападаетъ на человѣка ночью, при другихъ обстоятельствахъ. Не разъ бывалъ я свидѣтелемъ, какъ, добѣжавъ до сѣти, испуганный волкъ бросался на тенета, сбивалъ съ ногъ не менѣе испуганнаго тенетчика, и какъ оба они, валяясь на травѣ и желая, какъ можно скорѣе избавиться другъ отъ

друга, — дѣлали всевозможныя усилія и кончали иногда тѣмъ, что волкъ успѣвалъ разорвать сѣти и уходилъ здоровъ и невредимъ, а тенетчикъ, все еще воображая себя въ сосѣдствѣ непріятеля, барахтался и кликалъ на помощь.

Когда облава подошла къ тенетамъ, первый пріемъ охоты конченъ. Собираютъ добычу, несутъ ее къ табору, гдѣ завтракъ ожидаетъ всѣхъ какъ господъ, такъ и крестьянъ, и, смотря по гостепріимству главнаго распорядителя, поднимается иногда пиръ подъ открытымъ небомъ, продолжающійся часа два, три, пока не подкрѣпятся силы. Ничего не можетъ быть занимательнѣе охотничьихъ разсказовъ во время этой нецеремонной и всегда вкусной для всѣхъ трапезы.

Переливаются рѣчи, точно такъ же, какъ и разноцвѣтная жидкость изъ разнообразныхъ бутылокъ въ стаканы, и можно здѣсь подслушать и небывалые подвиги, и истинное удальство, и преинтересные анекдоты. Послѣ завтрака, служащаго почти всегда вмѣстѣ и обѣдомъ, таборъ иногда переходитъ версты за двѣ, а иногда остается тутъ же, и начинается второй пріемъ охоты описаннымъ способомъ. Вечеромъ все кончается, а сосѣди спѣшатъ къ амфитріону, въ домѣ котораго ожидаютъ ихъ накрытый чайный столъ и раскрытые зеленые столики, безъ которыхъ не обходится у насъ ни одинъ съѣздъ помѣщиковъ.

Не такъ еще давно, именно въ двадцатыхъ годахъ, было у насъ много истинныхъ охотниковъ, которые всѣ свои доходы употребляли на содержаніе огромнѣйшей псарни, большаго количества верховыхъ лошадей, нѣсколькихъ десятковъ охотниковъ, и составленіе богатыхъ запасовъ огнестрѣльнаго оружія и всѣхъ охотничьихъ принадлежностей. Теперь намъ остались лишь преданія объ этихъ знаменитыхъ герояхъ охоты, которые, выѣзжая изъ дому въ началѣ осени, странствовали по нѣсколькимъ губерніямъ, разбивали себѣ лагерь въ отъѣзжемъ полѣ, жили въ палаткахъ, и мѣсяца три предавались любимому занятію. Разумѣется, подобныхъ людей было немного, однако, охотничьи ихъ подвиги свѣжо сохранились въ памяти сосѣдей. Разсказываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ жизненныхъ припасовъ, удовлетворявшихъ самый изысканный вкусъ гастронома, имѣли даже у себѣ цѣлый хоръ роговой музыки, составленный изъ ловчихъ, стремянныхъ, доѣзжачихъ и т. п., и тѣшились на бивакахъ. Разумѣется, что подобный господинъ имѣлъ вліяніе на всѣхъ охотниковъ далеко въ окрестности, и не ѣздилъ въ отъѣзжее

поле одинъ безъ товарищей, а слава о его громкихъ подвигахъ гремѣла въ пограничныхъ губерніяхъ, гдѣ также онъ имѣлъ друзей и почитателей. Въ настоящее время подобные охотники у насъ не существуютъ, потому что говоря словами поэта:

„Иные дни, иные нравы!"

Конечно, любовь къ охотѣ — страсть весьма извинительная и даже нѣкоторымъ образомъ сродная человѣку; почему же помѣщику, обладающему средствами, не держать берзыхъ и гончихъ; — если хотите, охотникъ приноситъ и пользу, истребляя хищныхъ звѣрей; но исключительно предаваться этому занятію и употреблять на него все свое состояніе было бы какъ-то дико въ наше время. Вотъ почему теперь нѣтъ этихъ закоренѣлыхъ охотниковъ, хотя весьма много самыхъ достойныхъ людей держатъ псарни и посвящаютъ свободное время этому пріятному занятію.

Кромѣ описаннаго способа, волковъ травятъ еще собаками въ чистомъ полѣ; но для этого требуются собаки особенной породы, именуемые волкодавами. Здѣсь охотники имѣютъ возможность выказывать и удальство, и отвагу, потому что имъ приходится иной разъ, настигнувъ верхомъ волка, перевѣдываться съ нимъ самъ-на-самъ, если собаки погнались за другимъ; а застигнутый звѣрь не всегда, въ минуту опасности, продаетъ дешево жизнь свою. Этотъ способъ весьма простъ и не требуетъ описанія.

Гораздо занимательнѣе охота на волка съ поросенкомъ. Она производится обыкновенно зимою, и непремѣнно ночью. Сговорившись, нѣсколько сосѣдей, разумѣется, которые похрабрѣе, велятъ заложить тройку въ большія сани, заряжаютъ ружья пулями, кладутъ въ сани живаго поросенка, а сзади саней на длинной веревкѣ привязываютъ куль соломы или сѣна, и отправляются въ лѣсъ или въ чистое поле. По ночамъ съ декабря, какъ уже я говорилъ въ первой главѣ, волки имѣютъ обыкновеніе рыскать стаями вблизи деревень, въ надеждѣ захватить какое нибудь животное. Въ лѣсу ли, въ чистомъ ли полѣ, въ этой охотѣ есть своя поэзія. Кони мчатся и, чуя издали присутствіе звѣря, тревожно поглядываютъ по сторонамъ; вѣтеръ свищетъ, полозья скрипятъ, небо заволоклось снѣжными облаками; нависнувшія деревья шумятъ, и отъ этого шума раздается по лѣсу протяжный гулъ какими-то заунывными переливами. Охотники невольно жмутся другъ

къ другу, не весьма равнодушно посматривая на дорогу. Надо замѣтить, что они сидятъ спиною къ кучеру и держатъ ружья на готовѣ. Отъѣхавъ на извѣстное разстояніе, начинаютъ дергать поросенка за хвостъ или за уши, стараясь причинить ему боль, чтобы онъ визжалъ громко и постоянно. Визгъ этотъ привлекаетъ вниманіе волковъ, которые рыскаютъ непремѣнно гдѣ нибудь въ окрестности, и, разумѣется, спѣшатъ овладѣть лакомой добычей. Случается, что гдѣ нибудь вблизи бродитъ одинъ только волкъ, но чаще появляется ихъ нѣсколько, и слыша поросячій крикъ, принимаютъ за поросенка куль сѣна или соломы, привязанный къ санямъ и влекущійся въ нѣсколькихъ саженяхъ. Присутствіе людей удерживаетъ звѣря на нѣсколько времени въ благородномъ разстояніи, но вскорѣ волки, замѣчая неподвижность охотниковъ и не слыша человѣческаго голоса, становятся отважнѣе, и дерзко приближаются къ добычѣ. Охотники только и дожидаются этого и, не допуская волковъ до куля, чтобы не дать имъ замѣтить обманъ, прицѣливаются и стрѣляютъ. Рѣдко охота эта бываетъ безуспѣшна, во первыхъ, потому, что разстояніе очень невелико, во вторыхъ и потому, что на подобную охоту выѣзжаютъ стрѣлки, посылающіе пули безъ промаха. Случалось, однако-же, что три охотника, съ двуствольнымъ ружьемъ каждый, не смѣли стрѣлять по волкамъ, потому что звѣри набѣгали большою стаею, и было бы неблагоразумно подвергать жизнь свою опасности.

Такъ случилось со мной въ первый дебютъ моей ночной охоты за волками. Я только что надѣлъ эполеты и както попалъ въ кругъ самыхъ отчаянныхъ охотниковъ. Не стану распространяться о своемъ искусствѣ въ стрѣльбѣ изъ ружья, но скажу, что я стрѣляю недурно, и могъ въ пятнадцати шагахъ не дать промаха по волку. Помѣщикъ З., у котораго гостилъ я и къ которому на другой день собирался большой съѣздъ, вздумалъ вечеромъ поохотиться. Пригласивъ меня и одного сосѣда, приказалъ онъ заложить тройку вятокъ въ пошевни, и мы отправились въ обществѣ крикливаго поросенка, который еще при выѣздѣ со двора, никѣмъ нетревожимый, завелъ своею однообразную, плачевную пѣсню.

Имѣніе знакомаго моего было степное, даже небольшаго лѣса не имѣлось вблизи, но деревня стояла надъ обширной болотистой рѣчкой, заросшей камышами, въ которыхъ скрывались зайцы, волки и лисицы. Выѣхавъ изъ деревни по укатанной дорогѣ, мы отправились прямо въ степь, въ на-

деждѣ непремѣнно встрѣтить поживу. Морозъ крѣпчалъ, и безчисленныя звѣзды ярко сверкали на безоблачномъ небѣ; а вокругъ насъ бѣлѣла снѣговая степь, на которой торчали кое гдѣ высокія сорныя травы, опушенныя инеемъ. Версты двѣ пронеслись мы безъ всякихъ приключеній, и мнѣ уже становилось досадно отъ бездѣйствія, какъ вдругъ при въѣздѣ въ небольшую ложбину увидѣлъ я вправо нѣсколько свѣтящихся точекъ. Не успѣлъ я сообщить этого открытія товарищамъ, какъ одинъ изъ нихъ придавилъ сильнѣе поросенка, который и закричалъ благимъ матомъ. Скоро къ кулю сѣна, привязанному на веревкѣ, подбѣжало штукъ пять волковъ... я прицѣлился...

— Боже сохрани выстрѣлить! сказалъ вдругъ З. и началъ закутывать голову поросенка, чтобы не было слышно визга: мы попали на огромную стаю волковъ и теперь нечего уже думать объ охотѣ.

Въ самомъ дѣлѣ не прошло двухъ, трехъ минутъ, какъ мы увидѣли, по крайней мѣрѣ, двадцать волковъ, которые держались еще на выстрѣлъ, но два или три обнюхивали уже набѣгу обманчивое сѣно.

Какъ опытный охотникъ, З. приказалъ кучеру сдержать лошадей, поворотить какъ можно осторожнѣе, нѣкоторое время ѣхать тихой рысью и, только приблизясь къ деревнѣ, пустить въ карьеръ. Кучеръ не заставилъ повторить приказанія, и тоже опытный не менѣе барина, ловко исполнилъ указанный маневръ, хотя и трудно было ему сдерживать лошадей, которыя рвались и фыркали, завидѣвъ непріятеля. Казалось, волки были изумлены нашимъ поступкомъ и на нѣсколько секундъ остановились; тѣ же, которые гнались за кулемъ сѣна, отскочили при нашемъ поворотѣ въ сторону. Но когда сани, скрипя полозьями, описали параболу, и мы рысью поѣхали назадъ, они побѣжали вслѣдъ за нами, приблизились на полвыстрѣла и нѣкоторые изъ нихъ, посмѣлѣе, забѣгали съ обѣихъ сторонъ, держась чрезвычайно близко. У меня чесались руки выстрѣлить, но оба охотника, какъ бы предугадывая мое намѣреніе, безпрерывно повторяли, что выстрѣлъ можетъ сгубить насъ, что, положимъ, мы и убьемъ нѣсколькихъ волковъ, но остальные разорвутъ насъ на мелкіе куски. Дѣлать было нечего, надо было повиноваться. Съ каждымъ шагомъ впередъ, волки становились болѣе дерзкими, и не успѣли мы отъѣхать полверсты, какъ уже всѣ они бѣжали отъ насъ на разстояніи сажени, такъ что видны были въ

разверзтыхъ ртахъ бѣлые зубы. Ближе всѣхъ къ намъ бѣжала, должно быть, волчица, потому что едва взяла она въ ротъ куль сѣна и бросила его, какъ въ секунду куль былъ оторванъ и съ воемъ и ворчаньемъ разбросанъ стаей по дорогѣ. Отъѣхавъ еще съ полверсты и не бывъ въ состоянiи удерживать лошадей, кучеръ пустилъ ихъ маршъ-маршемъ. Волки съ воемъ устремились насъ преслѣдовать, и мы непремѣнно сдѣлались бы ихъ жертвами, еслибы не перемчались остальную версту въ продолженiе какихъ нибудь трехъ, четырехъ минутъ. Подъѣзжая къ околицѣ, мы дали залпъ по своимъ преслѣдователямъ и, не зная о результатахъ этого залпа, вскочили въ деревню. Народъ, знавшiй о нашемъ отъѣздѣ, повыбѣжалъ изъ избъ, собаки сбѣжались и волки ушли. Черезъ полчаса намъ принесли двухъ убитыхъ волковъ. Изъ шести пуль, посланныхъ въ упоръ, только двѣ достигли цѣли; одна пуля ранила звѣря, какъ узнали мы на другой день: значитъ, нельзя полагаться на вѣрность руки и глаза, въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились. Но не всѣ же ночныя поѣздки неудачны подобно описанной; такая встрѣча съ огромной стаей повторяется, можетъ быть, одинъ разъ изъ двадцати.

Волчьи ямы роютъ обыкновенно въ лѣсахъ или въ полѣ, близь деревень. Яма эта роется такимъ образомъ, чтобы отверстiе было уже кверху, а пустота представляла бы видъ кувшина. Вырывъ такимъ образомъ яму, глубиною сажени въ полторы, отверстiе (не болѣе аршина въ поперечникѣ) застилаютъ тростникомъ или мелкими прутьями и присыпаютъ сверху землею, а зимою снѣгомъ и кладутъ посрединѣ кусокъ падали. Почуявъ запахъ лакомаго кушанья, волки приближаются къ приманкѣ, и который бросится на добычу, непремѣнно проламываетъ тростникъ или хворостъ и попадаетъ въ западню. Внутри иногда ставятъ острые колья, но разумные охотники этого не дѣлаютъ, во избѣжанiе несчастныхъ случаевъ. Бывали примѣры, что въ эти ямы попадали домашнiя животныя и даже люди. Разсказываютъ, что въ лохвицкомъ уѣздѣ, гдѣ-то въ волчью яму, по неосторожности провалился человѣкъ и очутился въ сосѣдствѣ волка, который прежде него попалъ туда же. Звѣрь до того былъ испуганъ безвыходнымъ положенiемъ, что не только не бросился на сосѣда, а напротивъ жался къ стѣнкѣ и находился какъ бы въ оборонительномъ положенiи. Утромъ явились охотники и пришли въ затрудненiе — какъ выручить человѣка: они боялись,

чтобы волкъ, въ минуту рѣшительной опасности, не бросился на него. Однако, все кончилось благополучно: неосторожный былъ вытащенъ по веревкѣ, а волкъ подвергся обыкновенной участи. Случается, что кромѣ волка попадаетъ въ яму какое нибудь домашнее животное, которое иной разъ послужитъ ужиномъ голодному звѣрю; но бывали и такіе случаи, что волкъ не трогалъ безоружнаго товарища своего заключенія.

Капканы употребляются довольно рѣдко, или вѣрнѣе сказать, выводятся изъ употребленія въ Малороссіи, да они какъ-то и не свойственны степной мѣстности, а болѣе употребляются въ окрестностяхъ лѣсистыхъ. Въ уѣздахъ черниговской губерніи, изобилующихъ лѣсами, и въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ мѣстахъ полтавской губерніи ихъ еще ставятъ иногда; но, вообще, преимущественно на волка принята охота съ гончими, какъ болѣе дѣйствительная и вмѣстѣ доставляющая охотникамъ удовольствіе.

III.

Въ народѣ ходитъ много преданій о волкѣ; есть цѣлыя сказки, въ которыхъ волкъ играетъ, если не главную, то довольно важную роль; однако, тѣ и другія не представляютъ особенной занимательности. Впрочемъ, это относится къ волку въ его естественномъ положеніи, а не къ вовкулаку (оборотню), который ни въ какомъ случаѣ не можетъ входить въ мои охотничьи очерки.

Не то съ лисицей, какъ въ сказкахъ, такъ и въ природѣ. Небольшой звѣрь этотъ (по малороссійски лысыця), водящійся повсемѣстно въ Малороссіи, пользуется славой самаго хитрѣйшаго, ехиднѣйшаго и вмѣстѣ вреднѣйшаго животнаго. Въ сказкахъ лисица играетъ комическія роли, подъ именемъ лысычки-сестрычки или кумушки, ведетъ интригу, помогаетъ тѣмъ, въ комъ имѣетъ надобность, и вездѣ пользуется чѣмъ возможно; въ дѣйствительности же она играетъ роль всегда трагическую, проливая кровь маленькихъ звѣрковъ, въ особенности домашнихъ птицъ, и поступаетъ гораздо хитрѣе и осторожнѣе, чѣмъ въ сказкахъ.

Водится она преимущественно въ мѣстахъ непроходимыхъ: въ густотѣ заросшихъ овраговъ, въ болотахъ, или въ степи въ глубокихъ норахъ, имѣющихъ два, а иногда и нѣсколько выходовъ, расположенныхъ въ значительномъ одинъ отъ другаго разстояніи. Бывъ отъ природы прожорлива, лисица об-

ладаетъ, однако же, вкусомъ и не станетъ питаться падалью, а непремѣнно отыскиваетъ свѣжую пищу. Днемъ ей мало представляется случаевъ къ удовлетворенію аппетита, хотя она днемъ и рыскаетъ вблизи деревень; ночью она отправляется въ села и никогда не возвращается безъ добычи. Разумѣется, если есть у нея подъ рукою какой-нибудь соня-заяцъ, который не соблюдетъ обычной заячьей осторожности, или неосмотрительный дикій голубь, низко намостившій гнѣздо въ прибережномъ лѣсу, полагая мѣсто непроходимымъ, — лисица непремѣнно подкараулитъ того и другаго и притащитъ ихъ въ нору, на ужинъ. Но преимущественно поиски ея устремляются за курами, гусями, утками, а иногда и индѣйками. Не пропуститъ она, при случаѣ, и маленькаго ягненка, или поросенка, хотя предпочитаетъ пернатыхъ.

Какъ бы ни былъ плотно выстроенъ птичникъ и запертъ на замокъ, лисица не задумается и не остановится передъ подобной преградой: если нельзя отворить двери или прорвать плетневой стѣны, она подроется подъ основаніе; если же предположить (чего, впрочемъ, и не случается), что фундаментъ глубокъ, — лисица взлѣзетъ на крышу, проберется внутрь и ужъ непремѣнно похозяйничаетъ въ птичникѣ. Притомъ же въ деревняхъ у крестьянъ какіе птичники? Это обыкновенно хлѣвъ, по большей части необмазанный и зачастую пристроенный къ чему нибудь, съ дверцей, сплетенной изъ хвороста же и запирающійся не для того, чтобы не вошло въ него хищное животное, а для того, чтобы птица не выходила самовольно. Куры же собственно почти никогда не имѣютъ птичника, а садятся подъ навѣсами или гдѣ имъ вздумается. Значитъ, лисицѣ предоставлена полная свобода дѣйствовать и для нея существуетъ единственная только преграда — это чуткость собакъ. Впрочемъ, если и нельзя сказать, чтобы лисица не боялась собакъ, то можно утверждать смѣло, что она издѣвается надъ ними, и всегда проходитъ между нихъ здрава и невредима. Въ этомъ случаѣ ей помогаетъ много то обстоятельство, что по ночамъ собаки преимущественно оберегаются волковъ и на нихъ устремляютъ все свое вниманіе, такъ что если въ какомъ нибудь углу поднялась собачья тревога о приближеніи волка, — всѣ псы, сколько ихъ есть, только уже и заняты ожиданіемъ страшнаго непріятеля. У собакъ тоже своя тактика: онѣ словно распредѣляютъ обязанности между собою, и занимаютъ всѣ притины, какъ бы разставляя цѣпь караульныхъ. У дворовъ

остается весьма малое число собакъ, да и тѣ стараются выбѣгать на улицу или къ границѣ задняго двора, и громкимъ лаемъ даютъ знать прочимъ товарищамъ, что бодрствуютъ.

Въ это время непріятель, не менѣе волка вредный, прокрадывается въ тѣни подъ заборами, гдѣ ползкомъ, гдѣ прыжками, и, постоянно бросая взгляды во всѣ стороны и обнюхивая мѣстность, прямо пробирается къ птичнику, конечно, знакомому. Если же лисица и первый разъ отправляется на поиски, то присутствіе птичника распознаетъ она по нѣкоторымъ птичьимъ крикамъ, раздающимся съ просонья. Въ особенности гуси любятъ ночью поболтать безъ всякой надобности: стоитъ одному крикнуть по какому бы то ни было случаю, непремѣнно другой отвѣтитъ, въ минуту просыпается весь птичникъ, и гуси болтаютъ по крайней мѣрѣ четверть часа безъ умолку.

Какъ звѣрь до крайней степени осторожный и не желающій тратить напрасно времени, лисица обходитъ птичникъ вокругъ, прислушивается и прямо пытается войти въ дверь, пробуя для этого ея крѣпкость лапами, а часто и всѣмъ корпусомъ. Попытка эта почти всегда удается лисицѣ. Если же, сверхъ ожиданія, дверь заперта накрѣпко, лисица ищетъ въ стѣнахъ прохода, который вѣрно гдѣ нибудь существуетъ, потому что для лисицы не нужно большаго отверстія; наконецъ, если нѣтъ и этого, она влѣзетъ на крышу, проберетъ солому и очутится въ птичникѣ. Здѣсь безъ разбора бросается она на гусей, утокъ, куръ, индѣекъ, однимъ словомъ, что ближе, и удушитъ сразу нѣсколько штукъ, не обращая вниманія на страшный крикъ, поднимаемый испуганными и беззащитными жертвами. Рѣдко, однако же, случается, чтобы лисица задушила больше того количества, которое ей нужно по ея соображенію, что волки дѣлаютъ постоянно, изъ удовлетворенія своей кровожадной алчности: она словно разсчитываетъ, что ей придется и въ другой разъ понавѣдаться за продовольствіемъ. Приготовивъ добычу, лисица принимается таскать ее такъ же спокойно и съ тѣмъ же присутствіемъ духа, съ какимъ вошла; складываетъ птицъ въ одно мѣсто, обыкновенно гдѣ нибудь въ сторонкѣ, если можно подъ солому или подъ кучу дровъ, изъ боязни, чтобы ея пріобрѣтеніе не сдѣлалось добычей другаго звѣрька и, наконецъ, чтобы въ случаѣ неожиданной тревоги можно было скрыться съ увѣренностью— захватить черезъ часъ свою собственность. Лисица ничего не дѣлаетъ безсознательно. Сложивъ такимъ образомъ добычу въ

безопасномъ мѣстѣ, лисица отправляется дозоромъ подъ плетнями, наблюдаетъ положеніе собакъ и разсматриваетъ — свободны ли выходы. Если угрожаетъ опасность, она садится гдѣ нибудь въ сторонѣ и ожидаетъ; если же опасности не предвидится, лисица идетъ къ своему складу и навьючиваетъ на себя драгоцѣнную ношу. Обыкновенно, взявъ въ ротъ голову задушенной птицы, она вскидываетъ туловище себѣ на шею, и такимъ образомъ забираетъ нѣсколько штукъ гусей, куръ и утокъ. Навьючившись, какъ слѣдуетъ, лисица шагомъ, осторожно крадется подъ плетнями, или выбираетъ преимущественно дорогу огородами, между высокими сорными травами, которыхъ вездѣ изобиліе. Выбравшись въ лѣсъ, или въ поле, лисица пускается бѣгать во всю моготу къ своей норѣ, и тамъ уже, утомленная бѣгомъ и ношей, отдыхаетъ на своихъ кровавыхъ трофеяхъ. Но бываютъ иногда случаи, что лисица, навьюченная добычей и уже выбѣжавшая въ поле, встрѣчается съ голоднымъ волкомъ, вышедшимъ съ цѣлью поужинать, во что бы то ни стало. Видя невозможность избѣжать непріятеля, въ особенности въ открытомъ мѣстѣ, лисица пускается на хитрости и, избирая изъ двухъ золъ меньшее, бросаетъ волку что есть у нея хуже, а сама опять бѣжитъ во всѣ лопатки. Голодный волкъ, обрадовавшись неожиданному подкрѣпленію, остается доволенъ, ѣстъ съ жадностью брошенное и уже не преслѣдуетъ бѣглянку, потому что она въ это время успѣла убѣжать довольно далеко. Не то бываетъ при встрѣчѣ двухъ лисицъ, иногда даже при выходѣ со двора. Обремененная добычею лиса разсчитываетъ и разсматриваетъ: выгоднѣе ли вступить въ бой и силой отстоять добычу, или кончить дѣло дружелюбно. Послѣднее обстоятельство случается чаще. Обнюхавшись, какъ пристойно порядочнымъ лисицамъ, та изъ нихъ, которая возвращается домой, складываетъ добычу, ведетъ вновь прибывшую къ птичнику, указываетъ ей дорогу, а сама спѣшитъ за своей ношей и отправляется по добру, по здорову. При подобной встрѣчѣ въ полѣ дѣло не обходится безъ драки, послѣ которой, однако же, лисицы дѣлятся самымъ аккуратнымъ образомъ, такъ что если задушенныхъ птицъ нечетное число, то онѣ раздираютъ одну пополамъ и расходятся.

Прирѣчныя лисицы, кромѣ описаннаго способа доставать себѣ пропитаніе, занимаются также иногда освидѣтельствованіемъ рыбачьихъ вершъ, стоящихъ поближе къ берегу, а иной разъ и сами предаются рыболовству, употребляя для

этого весьма искусные пріемы, конечно, ни у кого не перенятые, а изобрѣтенные собственнымъ инстинктомъ. Примѣтивъ, что рыба величины значительной играетъ у берега, въ особенности въ водѣ очень прозрачной, — лисица избираетъ густой кустъ и садится у берега. Надо видѣть, какую корчитъ она беззаботную физіономію, какъ посматриваетъ вездѣ по сторонамъ, будто не глядитъ на воду, и занимается чисткой морды или другой части тѣла. Въ это время она болѣе, чѣмъ когда нибудь смотритъ въ воду и наблюдаетъ рыбу, безпечно плавающую близь поверхности. Когда лисица удостовѣрится, что добыча не ускользнетъ, тотчасъ же крѣпко цѣпляется задней лапой за кустъ, а сама, выждавъ удобное мгновеніе, бросается въ воду, схватываетъ рыбу и вытаскиваетъ на берегъ. Впрочемъ, она преимущественнѣе зимою занимается рыболовствомъ. Рыбаки въ это время, особенно въ большіе холода, прорубаютъ во льду отверстія и набрасываютъ сверху снѣгомъ. Почувствовавъ тотчасъ прикосновеніе свѣжаго воздуха, рыба устремляется къ этимъ отверстіямъ и собирается близъ нихъ большими кучами. Рыбаки берутъ ее изъ этихъ прорубей просто руками. Почему это обстоятельство извѣстно лисицамъ — не берусь объяснить; но что онѣ разгребаютъ снѣгъ надъ подобными прорубями и ловко таскаютъ рыбу — я это видѣлъ собственными глазами на рѣкѣ Сѣверномъ Донцѣ, въ одномъ изъ его заливовъ, идущихъ къ с. Безилѣевкѣ. Выбѣжавъ изъ тростника и обнюхавъ мѣстность, лисица быстро устремилась къ кучѣ снѣга, разгребла ее лапами, проворно вынула двѣ щуки, схватила ихъ зубами и понесла въ тростникъ. До тѣхъ поръ я даже не зналъ, что лисицы употребляютъ рыбу въ пищу, — потому что рыболовство ихъ въ водѣ съ берега удалось мнѣ видѣть гораздо позже, въ Кіевской губерніи.

Вотъ вамъ нѣкоторыя черты изъ жизни звѣря, пользующагося славою самаго умнѣйшаго и хитрѣйшаго животнаго. Охотятся на нее съ борзыми и гончими, но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, охотнику предстоитъ много трудовъ, пока онъ овладѣетъ лисицей.

Съ борзыми выѣзжаютъ, начиная съ осени и продолжая до весны; съ гончими охотятся почти круглый годъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ охотникъ не обязанъ гоняться за звѣремъ по полямъ, засѣяннымъ хлѣбами. Бывъ поднята борзыми въ полѣ, лисица не старается уйти отъ ихъ преслѣдованія, куда глаза глядятъ, какъ это дѣлаетъ заяцъ; но ту же

минуту, сообразивъ мѣстность и избравъ удобнѣйшій путь, она пускается такимъ образомъ, чтобы сбить собакъ съ толку. Видя приближеніе упрямой собаки, лисица пріостанавливается, и такъ ловко дѣлаетъ движеніе хвостомъ въ одну сторону, что собака изъ всѣхъ силъ бѣжитъ по тому направленію, между тѣмъ какъ лисица несется стрѣлой въ противоположную сторону и часто выигрываетъ десятокъ саженъ этимъ маневромъ. Каждая ложбинка, каждый овражекъ, не говоря уже о кустарникахъ,— служатъ ей средствомъ къ спасенію, и она всегда умѣетъ обмануть собакъ такимъ образомъ, что имѣетъ постоянно впереди значительное разстояніе. Нѣсколько разъ или даже хотя одинъ разъ травленная лисица не скоро дается борзымъ, въ особенности если имѣетъ дѣло съ неопытными собаками. Тѣмъ болѣе трудно поймать ее по черной порошѣ: въ поляхъ множество норъ, и она знаетъ ихъ, хотя бы онѣ были и не лисьи, и вскакиваетъ въ нихъ, къ отчаянію собакъ и охотниковъ. Любо смотрѣть на ея разсчитанныя уловки, когда за нею мчится цѣлая стая борзыхъ, а она, попрыгивая, ведетъ ихъ къ какому нибудь мѣсту, гдѣ знаетъ присутствіе убѣжища, или, по крайней мѣрѣ, предвидитъ возможность обмануть хоть на нѣсколько минутъ своихъ преслѣдователей. Молодыя собаки горячатся сначала, летятъ во весь опоръ, сбиваются съ толку, утомляются, и, высунувъ языкъ, отстаютъ понемногу; но собаки опытныя даютъ сначала лисицѣ ходъ и, такъ сказать, вникаютъ въ ея маневры, а, понявъ ея намѣреніе, прибавляютъ бѣгу, и случается, что послѣ одной, двухъ угонокъ настигаютъ лисицу. Попадаются, однако же, лисицы, въ особенности самцы, которыя, проводивъ цѣлую стаю по полю и словно посмѣявшись надъ ея усиліями, скрываются въ ближайшій лѣсъ, или уходятъ въ какую нибудь знакомую имъ нору. За то также бываетъ, что собаки, утомленныя долговременнымъ преслѣдованіемъ, до того остервеняются, что, настигнувъ лисицу, бросаются на нее съ яростью, и большаго иногда труда стоитъ доѣзжачимъ вырвать у собакъ добычу съ неиспорченной шкурой.

Охота на лисицу съ гончими ничѣмъ не отличается отъ охоты на волковъ, съ тою только разницею, что тенета употребляются гораздо рѣже. Обыкновенно стрѣлки размѣщаются по опушкѣ, притаясь въ кустахъ или за деревьями, и выжидаютъ добычу. Однако, лисица необыкновенно осторожно подходитъ къ опушкѣ, и если только замѣтитъ стрѣлка, то быстро бросается въ глубину лѣса и ищетъ уже средства

пробиться сквозь цѣпь гончихъ, но въ другой разъ не подойдетъ къ опушкѣ. По этому-то стрѣлкамъ вмѣняется въ обязанность строжайшая осторожность: не дозволяется даже курить трубку или сигару, оттого что дымъ, пробирающійся между древесныхъ листьевъ, служитъ лисицѣ указаніемъ присутствія человѣка. Это я знаю по опыту: одинъ старый и горячій охотникъ въ пирятинскомъ уѣздѣ чуть не выстрѣлилъ въ меня за то, что, не зная этого правила, я беззаботно курилъ, стоя на своемъ посту и этимъ испугалъ двухъ лисицъ, выскакивавшихъ изъ лѣсу на мой притонъ. Самое лучшее, когда кто можетъ: лежать, держа ружье на готовѣ: тогда лисица, не разсмотрѣвъ охотника, легко подойдетъ на самое близкое разстояніе, и какъ она идетъ почти шагомъ и безпрестанно останавливается, то ее чрезвычайно легко убить изъ засады. За то уже лежать или стоять должно совершенно неподвижно, потому что малѣйшее движеніе, малѣйшій шорохъ со стороны охотника — далеко слышны лисьему уху. Въ этомъ случаѣ лисицамъ, какъ и вообще всякой дичи, находящейся въ опасности, много помогаютъ сороки. Птица эта, зловредная для охотника, увидя стрѣлка, подкрадывающагося или стоящаго неподвижно, имѣетъ обыкновеніе, взлетѣвъ на ближайшее дерево, поднимать такой стрекотъ, перепрыгивая по вѣтвямъ, что преслѣдуемый звѣрь или птица понимаютъ опасность, которой хотя и не видятъ, однако, отъ которой считаютъ за лучшее удалиться. Лисица же, кажется, болѣе другаго животнаго понимаетъ неумолкаемый крикъ противной трещетки и ни за что не пойдетъ по тому направленію, въ которомъ, какъ говоритъ одинъ мой знакомый охотникъ, »разоряется сорока«. И точно много надо силы воли, чтобы не разрядить ружья въ эту бѣлобокую трещетку, которая, словно зная, что охотникъ не смѣетъ по ней выстрѣлить, издѣвается надъ нимъ въ свое удовольствіе. У меня былъ пріятель, который, послѣ каждой охоты съ гончими, считалъ обязанностью стрѣлять всѣхъ сорокъ, попадавшихся по дорогѣ, въ наказаніе за тѣ минуты безсильной злобы, которыя испытывалъ онъ, сидя въ лѣсу на своемъ притонѣ.

Лисицъ ловятъ также и тенетами, но это въ то время, когда охотятся на волковъ. Ставятъ на нихъ и капканы; однако, лисица не такъ проста, чтобы броситься на приманку, видя при этомъ какое-то странное орудіе. Она подходитъ къ капкану, обнюхиваетъ его, и нерѣдко случается, что, отыскавъ палку, хитро подкрадывается къ капкану, суетъ ее къ

приманкѣ, и когда капканъ сдѣлаетъ свое дѣло и схватитъ палку, тогда лисица пользуется кускомъ мяса. Впрочемъ, попадаются онѣ и въ капканы, попадаются и въ птичникахъ, на мѣстѣ преступленія; а по большей части занимаются воровствомъ безнаказанно, и если повадятся гдѣ душить куръ или гусей, то можно быть увѣрену, что передушатъ ихъ большое количество и поретаскаютъ въ свои норы. Иныя лисицы и вѣроятно очень опытныя, простираютъ дерзость до того, что ощипываютъ перья птицъ тутъ же возлѣ птичника и, унося мясо, оставляютъ хозяйкѣ перья, какъ бы въ вознагражденіе за убытокъ.

IV.

Заяцъ самый невинный, самый простодушный звѣрекъ, который, если и причиняетъ вредъ жителямъ, то развѣ тѣмъ, что съѣстъ нѣсколько головокъ капусты, до которой онъ большой охотникъ, или сгложетъ зимою въ саду нѣсколько молодыхъ побѣговъ; въ другихъ, болѣе важныхъ преступленіяхъ онъ неповиненъ. Будучи отъ природы робокъ, чему служитъ доказательствомъ пословица, оканчивающаяся фразой: »трусливъ, какъ заяцъ«, звѣрекъ этотъ не имѣетъ никакихъ средствъ къ защитѣ, и потому все свое спасеніе полагаетъ въ быстротѣ бѣга, которою одарила его природа. Въ этомъ отношеніи заяцъ такъ счастливо устроенъ, что онъ можетъ съ равной быстротой бѣжать и подъ гору, и на гору, чему способствуютъ его заднія ноги, значительно болѣе длинныя переднихъ.

Зайцы плодятся въ поляхъ и лѣсахъ и отличаются необыкновеннымъ миролюбіемъ, потому что рѣшительно не ведутъ войны ни съ однимъ изъ животныхъ, а пугливы до того, что даже древесный листокъ, слетающій съ шумомъ на землю, можетъ испугать зайца, сидящаго гдѣ нибудь по близости. Сами же они дѣлаются жертвами не только плотоядныхъ четвероногихъ, но попадаются въ когти и орлу, отъ котораго спасаются, убѣгая въ лѣсъ, а въ открытомъ полѣ, въ минуту крайней опасности, ложатся на спину и отбиваются нѣсколько секундъ лапками. Конечно, такого рода защита не весьма дѣйствительна и доказываетъ только, что чувство самосохраненія сродно всему живущему. Бывали примѣры, что кошки душили зайцевъ, которыхъ, поймавъ живыми, хозяева запирали гдѣ нибудь въ сараѣ или въ ком-

натѣ. Дѣтеныши-зайцы легко дѣлаются ручными, словно комнатныя собачки, только довольно безпокойны, потому что имѣютъ привычку по ночамъ барабанить лапками гдѣ имъ придетъ фантазія. Не смотря, однако-жъ, на этотъ миролюбивый характеръ, на безвредность этого невиннаго звѣрка, охотники всѣхъ вообще классовъ преслѣдуютъ его самымъ усерднымъ образомъ, оттого, во первыхъ, что охота за нимъ самая легкая и удобная во всякое время года, во вторыхъ, шкура его покупается, а въ третьихъ, потому что мясо его вкусно и питательно. Зайца не убиваетъ только тотъ, кто не хочетъ, и случается, что бѣдное животное это дѣлается жертвою своей смѣлости, если заберется неосторожно въ деревню: какая нибудь дворняжка прекращаетъ его существованіе.

На зайца охотятся съ тенетами, съ борзыми, съ гончими, съ ружьями и даже просто ставятъ на него силки. Охота съ тенетами не требуетъ описанія, потому что употребляются тѣ же самые пріемы, какъ и съ волкомъ и лисицей, исключая того, что не соблюдаютъ тѣхъ предосторожностей и того усиленнаго вниманія, какія необходимы при охотѣ на поименованныхъ звѣрей. Помѣщики предпочитаютъ охотиться съ борзыми, какъ потому, что это представляетъ возможность провести пріятно время въ чистомъ полѣ, на конѣ, такъ и потому, что здѣсь можно полюбоваться своими собаками и показать ихъ достоинства сосѣдямъ и любителямъ.

Борзыя (хортъ) дѣйствительно иногда бываютъ чудо въ своемъ родѣ: при необыкновенной граціозности и красотѣ тѣлосложенія, иныя обладаютъ такою быстротою бѣга, что самый опытный и бывавшій въ передѣлкѣ русакъ не можетъ уйти отъ нихъ въ полѣ, если ему только не поспособствуетъ къ спасенію лѣсистая или болотистая мѣстность. Подобныя собаки цѣнятся довольно дорого, и приплодъ отъ нихъ можно добыть развѣ искреннему пріятелю и при томъ знатоку, а чаще щенки, дѣти извѣстныхъ борзыхъ не уступаются ни за какую цѣну. На хорошихъ псарняхъ, у настоящихъ любителей, ведутся родословныя замѣчательныхъ собакъ, и опытные охотники твердо помнятъ генеалогію своихъ знаменитостей. Украсть подобную собаку даже не считается преступленіемъ, чего, конечно, не сдѣлаетъ ни близкій сосѣдъ, ни короткій знакомый, потому что этимъ нарушились бы пріятельскія отношенія, да и собака могла быть вытребована обратно; а иной пламенный охотникъ дальняго околотка не всегда задумается совершить эту кражу, которая нѣкоторымъ образомъ считается удаль-

ствомъ своего рода. Были примѣры важныхъ ссоръ изъ-за собакъ. Я помню очень хорошо, какъ незаконное пріобрѣтеніе одной борзой было причиной грустной разлуки двухъ любящихся сердецъ и никакія просьбы, никакія убѣжденія посредниковъ не въ состояніи были помочь горю.

Въ уголкѣ Малороссіи, не скажу гдѣ именно, довольно, впрочемъ, давно жилъ извѣстный охотникъ, который при самыхъ маленькихъ средствахъ содержалъ отличную псарню и всѣ доходы имѣньица употреблялъ на содержаніе и улучшеніе охоты, которая была для него единственнымъ наслажденіемъ въ мірѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ закоренѣлыхъ оригиналовъ-охотниковъ, число которыхъ рѣдѣетъ постепенно, что, надо правду сказать, дѣлаетъ честь нашему времени, потому что человѣкъ, въ особенности отецъ семейства, предающійся исключительно какому бы то ни было роду эгоистическаго удовольствія, не думающій болѣе ни о чемъ, какъ объ удовлетвореніи собственной страсти, обращаетъ уже на себя вниманіе противоположное тому, какое обращалъ лѣтъ тридцать, сорокъ назадъ. Описываемый мною охотникъ былъ вдовъ и постоянно возилъ съ собою въ отъѣзжее поле обоихъ сыновей, изъ которыхъ старшему было не болѣе 14 лѣтъ; а о двухъ дочеряхъ совсѣмъ не заботился, такъ что еслибы родственники не взяли дѣвочекъ на свое попеченіе, онѣ остались бы въ состояніи совершеннаго невѣжества. А между тѣмъ это былъ добрѣйшій сосѣдъ, радушный хлѣбосолъ и человѣкъ не безъ нѣкотораго образованія. Благодаря добросовѣстному прикащику и примѣрнымъ крестьянамъ, хозяйство его шло весьма удовлетворительно, но стояло на одной точкѣ, потому что господинъ не истрачивалъ ни копѣйки на улучшеніе имѣнія, а весь доходъ употреблялъ, какъ сказано, на содержаніе рѣдкой охоты. Какъ-то за большую цѣну досталъ онъ борзую молодую суку, бѣлую съ кофейными пятнами и такую граціозную, что хоть въ дамскій будуаръ валяться по мягкимъ коврамъ. Кромѣ красивой наружности, собака эта эта обладала необыкновенною быстротою бѣга, и не было примѣра, чтобы отъ нея ушли какой нибудь заяцъ или самая опытная лисица. Охотникъ нашъ до того привязался къ этой собакѣ, что ѣлъ съ нею изъ одной тарелки и велѣлъ для нея стлать постель у себя въ кабинетѣ. Пріобрѣтя подобное сокровище, онъ какъ бы возъимѣлъ лучшее мнѣніе о самомъ себѣ и около года хлопоталъ, какъ бы найти ей достойнаго самца и хлопоталъ съ такимъ рвеніемъ, что можно было по-

думать, нейдетъ ли дѣло о какомъ нибудь серьезномъ важномъ обстоятельствѣ.

Верстахъ въ шестидесяти или восьмидесяти къ сѣверу жилъ другой охотникъ, очень богатый человѣкъ, который тоже любилъ собакъ и очень много на нихъ издерживалъ; но какъ у него были большіе доходы, то ему оставалось еще много денегъ и для другихъ потребностей. Этотъ уже не такъ радушно принималъ сосѣдей, или лучше сказать, не принималъ ихъ безъ разбора, а болѣе обращалъ вниманіе на богатость и связи; даже отчаянныхъ охотниковъ трактовалъ согласно съ ихъ общественнымъ положеніемъ, отчего и не пользовался особенною любовью сосѣдей и знакомыхъ. Казалось, онъ больше любилъ тщеславиться своей охотой, и часто по недѣлямъ не выѣзжалъ въ чистое поле, потому что былъ лѣнивъ необыкновенно. Вотъ однажды и прослышалъ онъ о бѣлой сукѣ съ кофейными пятнами; а вскорѣ всѣ прожужжали ему уши о необыкновенныхъ подвигахъ этой рѣдкой собаки. Это его раззадорило, и онъ захотѣлъ увидѣть подобную знаменитость, хотя у самого были тоже довольно рѣдкія собаки. Одинъ услужливый господинъ взялся уладить это дѣло и пригласилъ къ себѣ на охоту того и другаго. Богатый привелъ шесть отличныхъ борзыхъ, а бѣдный привелъ всего только пару и то одну собаку взялъ только для того, чтобы, какъ говорилъ онъ, не было скучно Бѣляночкѣ. Выѣхали на охоту и въ продолженіе двухъ часовъ Бѣлянка не только что уничтожила славу всѣхъ собакъ, но даже ни разу не позволила имъ приблизиться къ двумъ зайцамъ или одной лисицѣ, которыхъ въ тотъ день подняли охотники. Богачъ пришелъ въ неподдѣльный восторгъ и тутъ же пожелалъ пріобрѣсть Бѣлянку, во что бы то ни стало. Бѣднякъ отказалъ на отрѣзъ и объявилъ, что не уступитъ ее, хотя бы его осыпали золотомъ. Богачу это показалось оскорбленіемъ его достоинства, и онъ наговорилъ неразумному, по его мнѣнію, охотнику нѣсколько грубостей. Тѣмъ дѣло и кончилось. Но богачъ до того разсердился, что отказался отъ обѣда и уѣхалъ домой, сказавъ бѣдняку, что, не смотря ни на какія препятствія, овладѣетъ Бѣлянкою.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого обладателю Бѣлянки случилось охотиться верстахъ въ двадцати отъ дому. Онъ позабылъ уже о размолвкѣ съ богатымъ охотникомъ и наслаждался въ кругу двухъ, трехъ пріятелей своимъ любимымъ удовольствіемъ. Вотъ они подняли огромнаго матераго русака, который съ

первыхъ же минутъ показалъ, что сладить съ нимъ нелегко и повелъ далеко въ чистое поле не только всѣхъ борзыхъ, но и знаменитую Бѣлянку, которая, противъ обыкновенія, не могла сразу догнать зайца и пустилась, словно изъ лука стрѣла, за нимъ въ погоню черезъ маленькій оврагъ и дальше, въ глубину степи. Охотники поскакали, и пока объѣзжали оврагъ, заяцъ и Бѣлянка скрылись изъ виду и какъ тотъ, такъ и другая пропали, будто бы провалились сквозь землю. Что ни дѣлалъ злополучный охотникъ, куда ни разсылалъ людей, Бѣлянки и слѣдъ простылъ. Черезъ два уже дня онъ догадался, что это за штука и пустился къ богатому охотнику. Того не было дома, а люди сказали, что онъ недѣли двѣ какъ выѣхалъ въ саратовское имѣніе. Огорченный охотникъ черезъ мѣсяцъ очутился въ Саратовской губерніи, но богачъ уже успѣлъ переѣхать на цѣлую зиму въ подмосковную и, разумѣется, взялъ охоту съ собою. Однимъ словомъ, Бѣлянка погибла, хотя прежній владѣлецъ ея и узналъ достовѣрно, что она находится во власти коварнаго охотника.

А между тѣмъ въ это самое время происходило дѣло другаго рода между двумя враждующими семействами. Сынъ богача, молодой кавалерійскій офицеръ квартировалъ съ эскадрономъ въ деревнѣ у помѣщика, у котораго воспитывалась старшая дочь прежняго обладателя Бѣлянки. Молодые люди понравились другъ другу и, наконецъ, почувствовали такую неодолимую любовь, что офицеръ рѣшился просить благословенія у отца, и какъ былъ самый любимый сынъ и притомъ баловень, то послѣ довольно сильныхъ противорѣчій отца, получилъ благословеніе и позволеніе искать руки любимой дѣвицы. Родственникъ, у котораго сиротка была на воспитаніи, поспѣшилъ поѣхать къ отцу послѣдней и объявилъ, что дочери его представляется прекрасная партія. Охотникъ былъ очень радъ, но когда узналъ фамилію жениха и разспросилъ чей онъ сынъ, негодованію его не было мѣры.

— Скорѣе отдамъ дочь за послѣдняго псаря, сказалъ онъ, чѣмъ за сына человѣка, оскорбившаго меня смертельно.

И не смотря ни на какія увѣщанія, на слезы и просьбы дочери, на раскаяніе богача, который обѣщалъ возвратить собаку, отчаянный охотникъ отказалъ на отрѣзъ и подалъ формальную жалобу. Но онъ не дождался окончанія процесса, потому что вскорѣ умеръ послѣ этого событія.

Помѣщики выѣзжаютъ за зайцами обыкновенно нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, и охотникъ выѣзжаетъ одинъ въ чистое

поле въ такомъ только случаѣ, если уже никто изъ сосѣдей не можетъ пріѣхать, по какимъ нибудь обстоятельствамъ. По черной порошѣ для охоты избираются вспаханныя поля, по снѣгу и пахотѣ, и луга, и каждый изъ охотниковъ, держа на сворѣ собакъ, ѣдетъ тамъ, гдѣ ему кажется долженъ лежать заяцъ. За частую бываетъ, что заяцъ выпрыгиваетъ изъ-подъ ногъ лошади; случается, что вскакиваетъ довольно далеко; только въ обоихъ случаяхъ охотникъ спускаетъ собакъ и скачетъ вслѣдъ за ними. Иногда въ то время, когда собаки поднимаютъ одного, тутъ же по пути схватывается другой заяцъ или лисица, и стая раздѣляется, а ближайшій охотникъ спускаетъ свою свору — и пошла потѣха. Иной заяцъ погибаетъ тутъ же на мѣстѣ; но есть русаки необыкновенно прыткіе, которые выходятъ изъ борьбы побѣдителями, поводивъ стаю и потомъ скрывшись куда нибудь въ болото или въ кустарникъ. Самые мелкіе кусты уже служатъ зайцу надежной защитой, потому что онъ, вскочивъ въ кустарникъ, такъ ловко умѣетъ лавировать, что собьетъ съ толку самыхъ опытныхъ собакъ, и, притаясь гдѣ нибудь, даетъ время стаѣ промчаться дальше, а самъ пользуется этимъ обстоятельствомъ и скрывается отъ преслѣдованія. Затравленнаго зайца обыкновенно докалываютъ ножемъ, чтобы не запеклась кровь.

Какъ, однако-жъ, ни завлекательно это рысканье по полямъ, однако же, если разобрать строго, то въ немъ нѣтъ собственно охотничьей поэзіи, во первыхъ, потому, что заяцъ твореніе беззащитное и ловъ его не представляетъ никакой опасности, а, во вторыхъ — что же за утѣха охотнику, когда десять, пятнадцать собакъ, вооруженныхъ зубами, устремляются за несчастнымъ звѣркомъ, котораго все спасеніе въ быстротѣ бѣга! Гораздо занимательнѣе охота съ гончими. Здѣсь есть удальство своего рода — застрѣлить зайца на всемъ бѣгу, и есть шансы послѣднему избѣжать смертоноснаго заряда. По крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ животное въ непосредственной борьбѣ только съ искусствомъ человѣка. Наконецъ, этотъ родъ охоты интереснѣе уже тѣмъ, что обыкновенно осеннимъ днемъ запускаютъ гончихъ гдѣ нибудь въ лѣсъ, а охотники становятся по опушкѣ и ожидаютъ добычи, стоя гдѣ нибудь на прекрасномъ мѣстѣ, не будучи обязаны летать, сломя голову, по пахати, для того чтобы присутствовать на зрѣлищѣ, гдѣ десятокъ собакъ терзаютъ одного зайца. Я этимъ нисколько не нападаю на охоту съ борзыми: у каждаго свой вкусъ; но высказываю только личное свое мнѣніе

и полагаю, что гораздо пріятнѣе застрѣлить зайца на всемъ его скаку, чѣмъ радоваться тому, что его поймаютъ собаки. Конечно, имѣть борзыхъ, превосходящихъ въ быстротѣ зайца, удовольствіе своего рода; однако, честь охоты въ этомъ случаѣ не принадлежитъ собственно человѣку. Знаю, что многіе станутъ мнѣ возражать, а я отвѣчу на это, что не выдаю своего мнѣнія за авторитетъ, и скажу, что каждому предоставлено право смотрѣть на предметъ съ свой точки зрѣнія.

Съ гончими охотятся тоже собравшись нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, и по большей части берутъ съ собою изобильный завтракъ, располагаясь таборомъ, какъ и на охотѣ за волками. Здѣсь, однако же, стрѣлкамъ предоставлено больше свободы, чѣмъ на охотѣ собственно за краснымъ звѣремъ, и вы можете смѣло стрѣлять по дикимъ голубямъ и куропаткамъ, не рискуя получить за это выговоръ. Бываютъ, впрочемъ, примѣры, что горячіе охотники и здѣсь находятъ случай придраться къ чему нибудь; но на охотѣ за зайцами какъ то это кажется страннымъ, тѣмъ болѣе что животныхъ этихъ вездѣ изобиліе, и однимъ зайцемъ больше, однимъ меньше — не дѣлаетъ никакой разницы. Иные охотники берутъ также и пары двѣ борзыхъ, на всякій случай; но какъ здѣсь играютъ главную роль не борзыя, то послѣднимъ немного торжества выпадаетъ на долю. Охота съ гончими интересна и для посторонняго человѣка, то есть для не весьма страстнаго охотника. Какъ бы человѣкъ ни былъ грубъ, однако, все-таки въ немъ существуетъ чувство изящнаго, хотя безсознательно; тѣмъ болѣе человѣкъ образованный всегда какъ-то невольно платитъ дань красотамъ природы, разумѣется, если въ немъ нѣтъ преобладающей страсти, которая поглощала бы все, что только внѣ ея сферы. И хотя осень, вообще, немного представляетъ для зрѣнія, однако, малороссійская осень еще и въ октябрѣ несовершенно обнажаетъ деревья, и кое-гдѣ въ лѣсу краснѣютъ широкіе лапчатые листы клена, или шелестятъ пурпуровые и палевые листья дикой груши. О дубахъ, такъ называемыхъ глухихъ, и говорить нечего: они до будущей весны не роняютъ своей кудрявой, роскошной листвы, которая хотя пожелтѣетъ и засохнетъ, однако, все-таки остается на деревѣ. Конечно, de gustibus non disputandum est, (о вкусахъ не спорятъ) но я не знаю, гдѣ болѣе пріятности: скакать ли по неровной рыхлой пахати, съ борзыми, или стоять на зеленой травѣ, между деревьями, и ожидать появленія

зайца, а потомъ, употребивъ искусство, поразить добычу, которая сама несется почти что съ быстротою пули.

Охотники простолюдины ходятъ за зайцами по лѣсу очень часто въ одиночку, съ плохимъ ружьишкомъ, замокъ котораго нерѣдко привязанъ веревочкою и, надѣясь на авось, иногда поднимаютъ зайцевъ и бьютъ ихъ точно также, какъ и изъ дорогихъ ружей, потому что простолюдинъ-охотникъ стрѣляетъ хорошо и не любитъ тратить зарядъ понапрасну. Мнѣ случалось видѣть подобныхъ стрѣлковъ, у которыхъ, за неимѣніемъ дроби, водилось нѣсколько неровныхъ кусочковъ олова или свинца, — а между тѣмъ у нихъ черезъ плечо висѣло по два, по три зайца, убитыхъ или въ бокъ или въ голову. Чаще же всего крестьяне охотятся зимою съ тенетами. Это уже довольно грустная охота, которою, конечно, никто и не занимается, кромѣ крестьянъ, во первыхъ, потому что она не представляетъ удовольствія; а, во вторыхъ, еще и оттого, что охотнику должно оставаться въ бездѣйствіи, если онъ не желаетъ исполнять обязанность гончей или не хочетъ убивать палкой беззащитнаго звѣрька, издающаго самые жалобные крики, въ родѣ плача ребенка. На зайцевъ разставляютъ также и силки; но эта охота также принадлежитъ крестьянамъ, и то почти всегда ребятишкамъ. Она очень проста. Замѣтивъ, что зайцы навѣдываются гдѣ нибудь на гумно хозяина, живущаго на краю деревни, мальчики ставятъ одинъ или два снопа овса, а вокругъ разстилаютъ ряды силковъ, сплетенныхъ изъ конскаго волоса. Лакомка заяцъ, завидѣвъ овесъ, конечно не смотритъ подъ ноги, спѣшитъ на приманку и, прыгая неосторожно, попадаетъ въ силокъ, отъ котораго ему уже мудрено избавиться, потому что разорвать витку изъ конскаго волоса у него не достанетъ силы, а распутаться бѣдняжка не съумѣетъ. Такимъ образомъ на утро ребятишки берутъ косаго, и смотря по обстоятельствамъ, продаютъ его живьемъ или отдаютъ матерямъ для обѣда.

Заячьи шкурки сбываются въ городахъ, а также и на мѣстѣ покупаютъ ихъ евреи, торгующіе рѣшительно всѣмъ.

Изъ четвероногихъ остаются еще намъ сурки (бабакъ) и суслики (оврашекъ), изъ которыхъ первые довольно рѣдки, а послѣдніе въ огромномъ количествѣ населяютъ малороссійскія степи и портятъ хлѣба, истребляя ихъ и изрывая почву безчисленными своими норами. Собственно охоты за сурками почти нѣтъ, а ловятъ ихъ или убиваютъ при случаѣ, потому что, какъ я замѣтилъ выше, это животное довольно рѣдко;

и хотя бываютъ случаи, что на иныхъ мѣстностяхъ сурки попадаются въ числѣ болѣе или менѣе значительномъ, однако, это уже исключеніе. За то въ степныхъ уѣздахъ оврашки плодятся милліонами. Уѣзды: константиноградскій, полтавскій, кобелякскій, кременчугскій, хорольскій, золотоношскій, а отчасти пирятинскій и лубенскій, изобилуютъ этими вредными животными. Многіе помѣщики платятъ крестьянамъ за каждаго пойманнаго оврашка и нѣкоторымъ образомъ избавляютъ поля отъ опустошенія. Оврашекъ, — животное немного больше крысы, буровато-желтаго цвѣта, иногда съ небольшими темными крапинами; шкурка его довольно красива и употребляется на легкія шубки, на теплые халаты и т. п. На ловлю оврашковъ обыкновенно выѣзжаетъ одинъ взрослый, управляющій парою воловъ, везущихъ бочку воды, и съ нимъ нѣсколько ребятишекъ. Оврашки разсыпаны по дорогѣ или по полю, близъ своихъ норъ; нѣкоторые стоятъ на заднихъ лапкахъ, и завидя приближеніе человѣка, даютъ объ этомъ знать товарищамъ пронзительнымъ свистомъ, вслѣдъ за которымъ звѣрьки стремительно бросаются въ норы. Норы эти сначала почти вертикальны, а подъ землею уже идутъ рукава въ стороны, — но выходъ только одинъ. Замѣтивъ нору, въ которую скрылось животное, охотники наливаютъ въ нее около ведра воды и, оврашекъ по неволѣ всплываетъ наружу, гдѣ его схватываютъ и умерщвляютъ. Такимъ образомъ, отправивъ нѣсколько бочекъ воды въ степь, можно въ одинъ день поймать большое количество оврашковъ, что̀ и дѣлается въ благоустроенныхъ имѣніяхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаются выдры, но это такъ рѣдко, что даже не считаю себя въ правѣ говорить объ этомъ, тѣмъ болѣе, что ловля этихъ животныхъ совершенно случайная.

Бѣлки водятся только въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, и тоже не служатъ предметомъ промысла.

V.

Описавъ охоту за четвероногими, я приступлю къ птичьей охотѣ.

Птицъ, живущихъ круглый годъ въ Малороссіи, очень мало, но большая часть, или, лучше сказать, всѣ сколько нибудь интересныя, прилетаютъ съ открытіемъ весны изъ теплыхъ странъ, совершая свой полетъ періодически въ извѣст-

ное время. Около половины марта, даже въ первыхъ числахъ этого мѣсяца, длинныя вереницы воздушныхъ путешественниковъ тянутся съ юга, и ведомыя своими вожаками избираютъ мѣсто для временнаго своего пребыванія. Въ прежніе годы это было самое удобное время для охоты, — но необыкновенно полезное запрещеніе не начинать охоты отъ 1-го марта по 29-е іюня положило конецъ истребленію перелетныхъ птицъ и тѣмъ самымъ дало возможность разумнымъ охотникамъ цѣлое лѣто и осень пользоваться удовольствіемъ — охотиться въ лѣсахъ и степяхъ. И въ самомъ дѣлѣ. Прежде уничтожали огромное количество птицъ во время ихъ перелета, не давъ имъ возможности исполнить свое назначеніе — вывести птенцовъ, и неразумно уничтожали дичь въ то время, когда, послѣ дальнаго перелета, она не отличается особымъ вкусомъ, бывъ истощена и лишена возможности находить необходимую пищу. Нерѣдко позднее вскрытіе весны, не предвидѣнное дичью, ставитъ ее въ затруднительное положеніе, и тысячи дикихъ утокъ и гусей ходятъ по замершимъ рѣкамъ и озерамъ, наполняя воздухъ печальными криками.

Теперь же, вслѣдствіе упомянутаго запрещенія, дичь имѣетъ возможность безъ помѣхи вывести птенцовъ, и когда, около первыхъ чиселъ іюля, молодыя поколѣнія выростутъ, охотнику предоставляется обильное поприще.

Самая вкусная, крупная дичь въ Малороссіи и вмѣстѣ самая трудная для овладѣнія — это драхва и стрепетъ. Водясь и существуя постоянно въ большихъ степяхъ, драхва необыкновенно осторожна, такъ что подойти къ ней на выстрѣлъ почти невозможно. Рѣдко и то случайно встрѣчается убить драхву или стрепета, не употребивъ какой нибудь хитрости, изобрѣтенной мѣстными охотниками. Бывъ тяжела на подъемъ драхва, прежде чѣмъ подымется на крылья, обыкновенно пробѣгаетъ нѣсколько саженъ, и потому, какъ бы предчувствуя свою слабость, она не подпуститъ охотника уже на довольно значительное разстояніе. Бродя по степи стадами, драхвы чрезвычайно зорко осматриваютъ окрестность, и, завидя приближеніе человѣка, спѣшатъ перелетѣть на другое, болѣе безопасное мѣсто. Но если они замѣтятъ, что за ними слѣдуютъ, то удаляются за нѣсколько верстъ, и если во время полета встрѣчаютъ другія стаи драхвъ, такъ и тѣмъ даютъ знать о приближающейся опасности. Впрочемъ, птицы эти, въ особенности привыкнувшія къ извѣстной мѣстности, по инстинкту, не слишкомъ пугаются земледѣльцевъ — и пасутся

очень часто вблизи пахарей и сѣяльщиковъ, какъ бы зная, что у послѣднихъ нѣтъ огнестрѣльнаго оружія.

Основываясь на этомъ обстоятельствѣ, многіе охотники пользуются храбростью драхвъ, и, скрывшись въ телѣгу поселянина, приближаются къ стаду. Мужикъ ѣдетъ тихимъ, ровнымъ шагомъ на своихъ быкахъ, а драхвы, хотя и подымаютъ головы при его приближеніи, однако не пугаются и ожидаютъ, пока онъ ихъ минуетъ. Поровнявшись со стадомъ, отъ котораго иногда ѣдетъ саженяхъ въ пятидесяти, мужикъ извѣстнымъ возгласомъ останавливаетъ быковъ, а въ это время охотникъ, выставившій изъ телѣги дуло ружья или винтовки, прицѣливается и непремѣнно поражаетъ одну или двѣ жертвы.

Другой способъ, болѣе замысловатый. Берутъ переднюю ось повозки съ колесами и на верхней сторонѣ ея просверливаютъ нѣсколько отверстій, въ которыя втыкаютъ вѣтви деревъ, или преимущественнѣе степныя сорныя травы, которыя бываютъ иногда очень велики и кустисты. Дѣлать это стараются такимъ образомъ, чтобы скрыть самое присутствіе колесъ. Вѣтви или сорныя травы втыкаются густо и образуютъ щитъ въ ростъ человѣка. Запасшись подобною подвижною крѣпостью, охотники отправляются въ степь, гдѣ непремѣнно пасутся стада дрохвъ, иногда въ большомъ количествѣ. Примѣтя гдѣ ходятъ птицы, которыя, по своей величинѣ, виднѣются на большомъ разстояніи, охотники становятся за импровизированнымъ укрѣпленіемъ и подъ этой защитой медленно подвигаются къ дрохвамъ. Обыкновенно крестьянинъ, или даже мальчишка, катитъ впередъ эту простую машину. Драхвы сначала не обращаютъ никакого вниманія на приближеніе куста, но по мѣрѣ, какъ онъ подается впередъ, нѣкоторыя изъ нихъ обнаруживаютъ безпокойство, хотя, недоумѣвая, что такое приближается, онѣ остаются на прежнемъ мѣстѣ. Охотники между тѣмъ стараются дать щиту такое направленіе, чтобы онъ не приближался къ драхвамъ прямо, но катился наискось, постепенно выигрывая разстояніе. Этимъ способомъ къ драхвамъ приближаются иногда шаговъ на сто, и тутъ уже, конечно, не бываетъ промаховъ, тѣмъ болѣе, что ружья заряжаются крупною дробью (лётками).

Нѣкоторые охотники стрѣляютъ драхвъ еще инымъ способомъ: садятся на быструю скаковую лошадь и обманувъ птицъ направленіемъ, т. е. проѣхавъ на большомъ разстояніи ихъ и будто не обращая на нихъ вниманія, мало по малу

придерживаютъ къ нимъ и сажень за шестьдесятъ поворачиваютъ на нихъ лошадь, несясь въ карьеръ. Въ первыя нѣсколько секундъ, пока драхвы догадаются въ чемъ дѣло и потомъ пока онѣ разбѣгутся, чтобы подняться на крылья, ловкій охотникъ останавливаетъ пріученнаго коня и съ сѣдла убиваетъ одну или двѣ драхвы, смотря потому съ одноствольнымъ или двуствольнымъ ружьемъ выѣхалъ въ поле.

Но бываетъ пора, когда и не вооруженный крестьянинъ овладѣваетъ этими птицами. Это случается уже позднею осенью, когда начинаетъ идти мелкая изморозь. Крылья птицы, промокшія отъ дождя и покрытыя сверху изморозью, тяжелѣютъ и дѣлаются неудобными для летанія, и драхва становится почти пѣшею, какъ выражаются простолюдины. Пахари и пастухи, съ помощью простой палки, овладѣваютъ драхвою, если только, пользуясь туманной погодой, подкрадутся къ ней на близкое разстояніе.

Точно также охотятся и за журавлями. Журавль (по малороссійски *журавель*), выводится преимущественно въ непроходимыхъ болотахъ, или пустынныхъ заливахъ рѣкъ, но все время проводятъ въ степяхъ, улетая лишь къ рѣкамъ для ночлега; во время же созрѣванія проса, они и ночи проводятъ въ полѣ. Журавль птица не только осторожная, но и умная: нѣкоторые обычаи этихъ пернатыхъ заставляютъ предполагать, что инстинктъ ихъ развитъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у многихъ птичьихъ породъ. Такъ напримѣръ, никогда журавлиное стадо не располагается на просяной нивѣ для трапезы, или просто въ степи для отдыха, не принявъ всѣхъ мѣръ предосторожности. Шагахъ въ пятидесяти отъ стада становятся часовые, иногда довольно густою цѣпью, на обязанности которыхъ лежитъ охранять товарищей, и эти часовые, словно солдаты, тщательно исполняютъ свою обязанность. Хотя, конечно, ихъ соблазняетъ близость просяной нивы, однако, они даже и не оборачиваются въ ту сторону, гдѣ товарищи ихъ, увѣренные въ бдительности своихъ ведетовъ, пожираютъ просо, а зорко всматриваются въ даль и при появленіи человѣка, подаютъ сигналъ осторожности. По этому сигналу журавли подымаютъ головы, обозрѣваютъ окрестность, но все еще продолжаютъ клевать просо: но по второму сигналу, означающему тревогу, часовые летятъ къ стаду, и все стадо подымается на крылья. Иногда въ жаркій полдень журавли, подкрѣпившіеся просомъ, смѣняютъ часовыхъ, которые спѣшатъ на ниву, и, вступивъ въ исправленіе новой обязанности, гордо расхаживаютъ по

линіи. Жаръ и начавшійся процессъ пищеваренія, располагаютъ иногда часовыхъ ко сну, но въ такомъ случаѣ часовые прибѣгаютъ къ довольно занимательной хитрости. Захвативъ въ одну лапу комъ земли, журавль стоитъ на другой и посматриваетъ на окрестность; чуть его одолѣваетъ дремота, онъ роняетъ землю и мгновенно пробуждается.

У журавлей существуетъ также какой-то особый родъ празднества, котораго смысла я не понимаю и не знаю, въ какомъ случаѣ они отправляютъ его, но которое видѣлъ я нѣсколько разъ собственными глазами. Разставивъ, какъ водится часовыхъ, журавли собираются въ кучу, среди которой становится, вѣроятно, нѣсколько музыкантовъ, при курлыканьи которыхъ вся честная компанія ходитъ кругомъ, нѣсколько размѣренной поступью, точь въ точь какъ танцы нѣкоторыхъ народовъ.

На журавлей охотятся еще однимъ способомъ. Замѣтивъ журавлиное стадо, охотники отдѣляютъ одного или двухъ стрѣлковъ, вооруженныхъ винтовками, и отправляютъ ихъ въ обходъ, положимъ съ сѣвера, а остальные, вооруженные ружьями, ложатся съ юга на землю, одинъ за однимъ въ порядочномъ разстояніи, стараясь занять порядочное пространство. Этихъ охотниковъ журавли даже не замѣчаютъ, потому что засада дѣлается саженяхъ въ полутораста. Отправившіеся въ обходъ охотники стрѣляютъ по журавлямъ изъ винтовокъ и, разумѣется, убиваютъ хоть одного, если стрѣлки хороши и разстояніе позволяетъ. Но дѣло не въ этомъ. Журавли бывъ испуганы выстрѣлами и видя павшаго товарища, опрометью бросаются въ противуположную сторону, пробѣгая, подобно драхвамъ, извѣстное разстояніе прежде чѣмъ подымутся на крылья. На первыхъ порахъ они держатся довольно низко отъ земли и налетаютъ на засаду. При ихъ приближеніи охотники быстро подымаются и цѣлятъ на выборъ. Въ это время птицы улетаютъ выше и выше, стараясь унестись внѣ выстрѣловъ, и нерѣдко случается, что стадо уже улетѣло вверхъ саженъ до 300, а, оттуда описывая круги, опускается раненый журавль и мертвый падаетъ къ ногамъ побѣдителей.

Дикіе гуси тоже необыкновенно осторожны, но такъ какъ они преимущественно плаваютъ по водѣ, то охотнику много предстоитъ случаевъ употребить ту или другую охотничью уловку для овладѣнія своей жертвой.

На утокъ охота весьма обыкновенная, съ собакой или на лодкѣ. Первый родъ охоты даже не требуетъ описанія, также

какъ и второй, гдѣ все искусство заключается въ томъ, чтобы подойти къ птицѣ на выстрѣлъ; но есть еще одинъ способъ, или лучше сказать разбойничья война противъ этихъ пернатыхъ. Выстроивъ шалашъ на берегу озера или широкаго разлива рѣки, гдѣ преимущественно садятся утки, охотникъ на разсвѣтѣ или въ сумерки садится въ шалашъ и ожидаетъ. Куда бы утки не летѣли: въ поле за кормомъ, или съ поля къ гнѣздамъ, онѣ не могутъ видѣть воду безъ того, чтобы въ ней покупаться. Свистя крыльями и прокричавъ что имъ нужно, смотря по усмотрѣнію, онѣ опускаются на воду. Выждавъ время, пока ихъ соберется порядочное количество, охотникъ, прицѣлясь противъ зарева, однимъ выстрѣломъ поражаетъ нѣсколько штукъ и оставляетъ ихъ на мѣстѣ. Черезъ нѣсколько минутъ прилетаетъ другая партія и, видя убитыхъ птицъ, сплывается въ кучу, стараясь разсмотрѣть трупы. Охотникъ стрѣляетъ снова и такимъ образомъ за нѣсколько часовъ убиваетъ десятка три, четыре утокъ.

Куропатокъ очень много въ Малороссіи, и охотники-помѣщики стрѣляютъ ихъ изъ ружей, а крестьяне ловятъ силками или сѣтью. Послѣдній способъ доказываетъ, какъ глупа куропатка. Разостлавъ сѣть по снѣгу, крестьянинъ пѣшкомъ или въ саняхъ старается направить на нее стадо куропатокъ, которыя, не слыша выстрѣла, лѣнятся летѣть, а предпочитаютъ бѣжать по снѣгу. Этимъ весьма простымъ способомъ ихъ загоняютъ въ сѣть и послѣ берутъ руками.

На куликовъ, бекасовъ, дупелей и вальдшнеповъ охотятся обыкновеннымъ образомъ, уже одни диллетанты, потому что охота эта требуетъ, во первыхъ, много времени, а во вторыхъ и пожива-то изъ маленькой птицы не весьма интересна для крестьянина. Развѣ уже крестьянинъ-охотникъ, живущій въ сосѣдствѣ большаго города, находитъ выгоду, продавая дичь на рынкѣ.

Дикій голубь живетъ одиноко, и развѣ осенью близъ значительныхъ лѣсовъ собирается стадами гдѣ нибудь на только что засѣянной нивѣ. Мясо его довольно вкусно.

VI.

Въ заключеніе моихъ очерковъ не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о рыбной ловлѣ, какъ о предметѣ, имѣющемъ самое ,близкое отношеніе къ охотѣ и, подобно послѣдней,

увлекающемъ человѣка до пристрастія. Есть такіе закоренѣлые рыболовы, которые всю свою жизнь проводятъ съ рыбачьими снарядами и въ любви къ своему занятію не только не уступаютъ псовымъ и другимъ охотникамъ, а чуть ли еще не превосходятъ ихъ. Безспорно, что въ высшемъ классѣ весьма немного рыболововъ, и что занятіе это преимущественно принадлежитъ простолюдинамъ; однако, если встрѣчается рыболовъ-помѣщикъ или чиновникъ, то вы можете быть смѣло увѣрены, что человѣкъ этотъ преданъ душою своему предмету и скорѣе упуститъ что нибудь по хозяйству, скорѣе подвергнетъ себя упреку жены, но не прозѣваетъ удобнаго времени отправиться на рыбную ловлю. Ужъ таковы страсти вообще, такова страсть къ охотѣ въ особенности. Если простолюдинъ любитъ свой промыселъ, то понятно, что здѣсь главную роль играютъ матеріальныя выгоды, съ которыми сопряжены и довольство, и нерѣдко домашнее благосостояніе; но человѣкъ высшаго класса охотникъ или рыболовъ, увлекается собственно процессомъ охоты или ловли не только не получаетъ выгодъ, но часто несетъ довольно большія потери.

Рыболовы въ сравненіи съ охотниками вообще болѣе миролюбиваго характера, во первыхъ, потому что, имѣя дѣло съ неопасными и весьма нехитрыми противниками, они не приходятъ въ ожесточеніе; во вторыхъ, почти не употребляютъ никакого оружія и не окружены стаями собакъ, этихъ свирѣпыхъ преслѣдователей животнаго. Конечно, и рыболовъ умерщвляетъ, но весьма рѣдко, что нѣкоторымъ образомъ не придаетъ его промыслу дикаго колорита, наложеннаго вообще на всѣ охотничьи сцены.

Въ рѣкахъ и прудахъ Малороссіи водится разнаго рода рыба, отъ осетра до самой мелкой плотички, именуемой *мильковою*. Рыболовствомъ преимущественно занимаются прирѣчные жители, которые, по большей части, скотоводство и хлѣбопашество считаютъ второстепеннымъ дѣломъ и хотя въ промыслѣ своемъ употребляютъ весьма древніе снаряды и пріемы, однако, во многихъ мѣстахъ ведутъ довольно выгодную торговлю.

Днѣпръ, Десна, Сула, Удай, Омельникъ, Ворскла и множество мелкихъ рѣкъ наполнены рыбою, и, разумѣется, всѣ прибрежные жители занимаются рыболовствомъ и сбываютъ товаръ въ близь лежащихъ городахъ и торговыхъ мѣстечкахъ. Но вся эта рыба потребляется въ краю и не вывозится въ

другія губерніи. Села, славящіяся своими рыболовами, извѣстны въ окрестности, и каждый день, въ особенности во время постовъ, пріѣзжаютъ туда покупатели, часто привозя съ собою муку, крупу, пшено, даже готовый хлѣбъ, за которые вымѣниваютъ потребное количество рыбы и раковъ.

Не упоминая о диллетантахъ рыбной ловли, которые развѣ бываютъ замѣчательны своею личностію, я постараюсь сказать нѣсколько словъ о простолюдинахъ, занимающихся этимъ промысломъ. Малороссійскіе рыболовы (рыбалка) раздѣляются на постоянныхъ, образующихъ какъ бы особое сословіе, роды которыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе занимаются ловлею рыбы, и просто охотниковъ до этого занятія, которые промышляютъ рыбу не постоянно и лишь для собственнаго обихода.

У рыбаковъ-спеціалистовъ, основательно знающихъ свой промыселъ и получающихъ отъ него средства къ жизни, всѣ снаряды содержатся въ большомъ порядкѣ и значительномъ количествѣ. У хорошаго рыбака есть своя лодка, а иногда двѣ и три, невода, крючки для ловли сомовъ и большихъ щукъ, и подобный промышленникъ не станетъ употреблять ни времени, ни труда для ловли рыбы другими снарядами. Это продавецъ оптовый, разъѣзжающій съ работниками по рѣкѣ и ловящій рыбу въ большомъ количествѣ. Такой промышленникъ и живетъ хорошо, потому что сбытъ товара постояненъ и вѣренъ, а неудачи улова ему опасаться нечего. Бываетъ время, когда рыба не ловится, но время это не продолжительно, да и подобное обстоятельство случается лишь съ тѣми, кто выѣзжаетъ на ловлю на авось, попробуетъ разъ, два и возвращается съ пустыми руками. Истинный рыбалка не унываетъ: зная превосходно мѣстность рѣки, онъ поѣдетъ за 10, за 15 верстъ, закинетъ неводъ нѣсколько разъ и все-таки припасетъ свѣжаго товара для продажи. Подобный рыболовъ, нѣкоторымъ образомъ торговецъ, живетъ прекрасно, не стѣсняется неимѣньемъ денегъ, и вся семья его душой и тѣломъ предана любимому промыслу. Но этихъ рыбаковъ не такъ много.

Непостоянные рыболовы, т. е. прирѣчные жители, занимающіеся рыболовствомъ между прочими занятіями, не имѣютъ неводовъ, а ставятъ верши и вентери (*ятирь*), ловятъ рыбу бредням (*вôлокъ*), *саками* и *подсаками*. Конечно, они и продаютъ кое-что изъ улова, но болѣе промышляютъ для домашняго обихода. У этихъ рыбалокъ снаряды и орудія сдѣланы

какъ нибудь, содержатся кое-какъ, но почти у каждаго имѣется челнокъ, выдолбленный изъ вербы или осины и на большихъ рѣкахъ, извѣстный подъ именемъ душегубки. Есть еще классъ рыболововъ, неимѣющихъ никакого рыбачьяго снаряда, но которые, выпросивъ у сосѣда бредень или сакъ, отправляются на рѣку и добываютъ себѣ десятокъ щучекъ или другой мелкой рыбы. Это дѣлаетъ почти каждый въ селеніи, если тамъ есть рѣчка или прудъ, въ которыхъ не запрещается рыбная ловля.

На большихъ тоняхъ рыбу сваливаютъ въ бочки и продаютъ пудами, кучами или просто, какъ говорится, гуртомъ, на базары же вывозятъ по большей части нанизанную на лозовый прутъ безъ опредѣленнаго количества. Раки и мелкую рыбу продаютъ ведрами, мѣшками, ушатами, однимъ словомъ, какъ случится и гдѣ какъ принято.

Въ Малороссіи самою вкусною рыбою, за исключеніемъ осетра, водящагося въ Днѣпрѣ и то въ небольшомъ количествѣ,—почитаются окуни и караси. Лучшіе караси водятся, однако же, въ прудахъ и, вообще, въ болотныхъ рѣчкахъ, гдѣ они достигаютъ иногда очень большихъ размѣровъ. Рыба эта идетъ на разныя кушанья,—но въ особенности вкусна—если жарятъ ее на сковородѣ въ сметанѣ. Изъ сушенныхъ карасей приготовляется очень хорошій борщъ, но подаютъ ихъ и просто къ закускѣ. Щука, язь (вьязь), лещъ (лящъ), линь (лынъ) и сула преимущественно обращаются въ оптовой торговлѣ, а сомъ, хотя и большая рыба, и сбывается на рынкахъ, однако, простой народъ не жалуетъ какъ-то его, говоря, что голова у него походитъ на лягушечью, и что онъ будто бы хватаетъ маленькихъ дѣтей, входящихъ съ берега въ рѣку. Разумѣется, послѣднее обстоятельство несправедливо, однако, тѣмъ не менѣе, сомъ считается рыбою нечистою. По большей части употребляютъ его въ пищу евреи.

Въ иныхъ мѣстностяхъ, гдѣ рѣки текутъ въ крутыхъ берегахъ, имѣющихъ подводныя пещеры, попадаются и миноги (минёкъ), но ихъ покупаютъ лишь помѣщики; многочисленнѣе же всего водятся въ рѣчкахъ вьюны (овьюнъ, уюнъ), ловля которыхъ весьма не хитра, и раки, которыхъ иной разъ просто берутъ руками.

Во время неурожая прирѣчные жители, можно сказать, исключительно питаются раками и вьюнами, и нѣтъ крестьянина, который неумѣлъ бы ловить тѣхъ и другихъ, но больше этимъ занимаются женщины и даже дѣти.

Сколько мнѣ удавалось замѣтить, между рыболовами соперничество почти никогда не принимаетъ враждебныхъ формъ, и они живутъ себѣ мирно и дружелюбно, какъ живутъ земледѣльцы, уважая чужую собственность и не предпринимая ничего во вредъ ближнему. Конечно, безъ ссоръ не обходится и между ними, но ссоры эти вытекаютъ уже вслѣдствіе разныхъ житейскихъ причинъ, возникающихъ во всѣхъ сословіяхъ. Рыбаки могутъ быть заклятыми врагами, пожалуй, послѣ лишней чарки, готовы вцѣпиться въ чубы другъ другу, но никогда ни одинъ изъ нихъ не покусится испортить у врага рыбачьихъ снарядовъ, опустошить поставленные вентеря и верши, и мѣшать другъ другу какимъ бы то ни было образомъ въ отправленіи промысла. Свободная рѣка у нихъ разграничена, и границы эти освящаются преданіемъ; но на рѣкахъ большихъ, гдѣ рыбаки появляются во множествѣ, ловля охраняется извѣстными условіями, въ силу которыхъ, занявшій мѣсто прежде, — можетъ быть увѣренъ, что ему никто не помѣшаетъ. Преступившій по какому нибудь случаю эти стародавніе законы, наказывается у рыбалокъ своимъ судомъ тутъ же на мѣстѣ преступленія, и не бывало еще примѣра, чтобы наказанный пожаловался. На маленькихъ рѣкахъ и болотахъ, гдѣ у каждаго есть собственная *сагà* (заливъ), или мѣсто, случается иногда споръ о границѣ, но и это обстоятельство разрѣшается стариками, избираемыми съ обѣихъ сторонъ въ посредники.

Сомы ловятся неводомъ или большими крючьями, на которые надѣваютъ какую нибудь наживу: кусокъ мяса, рыбку, или даже лягушку. Сомы бываютъ огромной величины и попадаются весьма старые, обросшіе чѣмъ-то наподобіе мха; мясо ихъ, вообще, не вкусно. Они обитаютъ преимущественно въ глубинѣ, и если подплываютъ къ поверхности, то для того, чтобы схватить гусенка или утенка, беззаботно плавающихъ стадами. Не знаю уже откуда взято приведенное выше повѣрье, что сомы хватаютъ дѣтей, но оно повсемѣстно и вездѣ вы услышите подобные разсказы, хотя никто никогда не былъ свидѣтелемъ такого происшествія. Щуки тоже бываютъ огромны и водятся во всякихъ водахъ. Рыба эта алчна, прожорлива и истребляетъ большое количество мелкой рыбы. Ловятъ ее разными снарядами, но если употребляютъ крючки, то привязываютъ не прямо къ шнурку, а прежде къ проволокѣ, потому что щука можетъ перекусить шнуръ своими чрезвычайно острыми зубами. Лещь, язь, сула, линъ, окунь,

карась, плотва и ершъ, бубыръ попадаютъ какъ въ огромные невода, такъ и въ самый ничтожный вентерь или даже въ неуклюжую вершу, ставимую въ мелководныхъ протокахъ.

Зимою рыбаки прорубаютъ во льду отверстія (духъ) и прикрываютъ ихъ снѣгомъ. Во время большихъ морозовъ, когда ледъ становится необыкновенно толстъ, и на неглубокихъ мѣстахъ подъ водою остается мало пространства, рыба спѣшитъ къ этимъ отдушинамъ подышать свѣжимъ воздухомъ, и собирается въ большемъ количествѣ. Здѣсь рыбаки берутъ ее руками, снова засыпаютъ снѣгомъ отверстія, и на другой день опять приходятъ за добычей.

Раки водятся въ текущихъ водахъ и по заливамъ; есть мѣста, гдѣ ихъ такое изобиліе, что, проѣзжая въ лодкѣ, можно видѣть ихъ на днѣ неглубокаго залива тысячами ползающихъ въ тинѣ; и здѣсь небольшаго труда стоитъ ловить ихъ. Конечно, все таки надо имѣть нѣкоторый навыкъ при ловлѣ этого животнаго, потому что ракъ больно впивается своими клещами и нерѣдко прорѣзаетъ до кости пальцы неосторожныхъ. Впрочемъ, какъ подумаешькакой ужасной смерти подвергается ракъ, то поневолѣ простишь ему эту единственную защиту, употребляемую имъ для собственнаго спасенія. Рыбу, по крайней мѣрѣ, потрошатъ и все-таки ускоряютъ ея кончину; но ракъ осужденъ на мученія самыя варварскія. Ихъ обыкновенно кладутъ въ котелъ или горшокъ, наливаютъ водою и ставятъ на огонь, гдѣ и предстоитъ раку погибнуть медленною смертью. Мясо ихъ очень вкусно, хотя они питаются не всегда чистою пищею. Говорятъ, что раки отличаются особеннымъ вкусомъ въ тѣ мѣсяцы, въ которыхъ нѣтъ буквы р, т. е. въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ и августѣ. Само собою, что буква р не играетъ здѣсь никакой роли, но именно лѣтомъ они сочны и жирны.

Помѣщики-рыболовы весьма рѣдки, я разумѣю людей, которые сами занимались бы этимъ промысломъ; но у многихъ есть прекрасные пруды, наполненные хорошею рыбою. У нихъ водятся и сазаны (карпы), которыхъ, разумѣется, ловятъ въ торжественныхъ случаяхъ. Бываетъ, что помѣщики сами выѣзжаютъ на рыбную ловлю, однако, это дѣлается для того, чтобы собраться вмѣстѣ и поиграть въ карты. Ловля эта преимущественно бываетъ въ то время, когда запрещено охотиться. Удочки по большей части употребляются въ городахъ, но въ деревняхъ занимаются этимъ мальчишки.

Не смотря, однако же, на изобиліе въ краю рыбы, кото-

рая распложается въ самыхъ мелкихъ рѣченкахъ и въ большомъ количествѣ продается на рынкахъ городовъ и на базарахъ мѣстечекъ, торговыхъ селъ и во всѣхъ прирѣчныхъ деревняхъ, — малороссы вывозятъ еще огромные запасы вяленой рыбы съ Дону, и вся она потребляется безъ остатка. Во всемъ краю большое пристрастіе къ рыбѣ. Случается, что чумакъ, привезшій на ярмарку нѣсколько возовъ тарани, помѣстится возлѣ крестьянина, который пріѣхалъ продать свѣжую рыбу. Чумакъ подумаетъ, какъ бы хорошо было сварить борщу съ свѣжими карасями, а крестьянинъ мечтаетъ о томъ, что недурно бы отварить жирной тарани и съѣсть ее съ лукомъ: земляки знакомятся, здороваются, вступаютъ въ переговоры и мѣняются товаромъ.

Хотя Малороссія страна вообще малопромышленная, однако же, существуютъ въ ней собственно рыбные торговцы, которые пріѣзжаютъ въ прирѣчныя села, славящіяся своими рыболовами, откупаютъ у нихъ тони или пріобрѣтаютъ уловъ оптомъ, солятъ рыбу на мѣстѣ и доставляютъ туда, гдѣ нельзя обойтись безъ подвоза этой живности.

Плетеньемъ неводовъ и сѣтей занимаются по большей части семейства рыболововъ, но мелкіе снаряды, какъ-то: бредни, саки, подсаки, вентеря плетутся всѣми въ прирѣчныхъ селахъ, у кого есть свободное время и, вообще, кто не привыкъ сидѣть сложа руки. Сплесть какой нибудь бредень дѣло немудреное, матеріалу пойдетъ весьма немного, а между тѣмъ за него на ярмаркѣ можно взять чистыя деньги, всегда необходимыя въ быту крестьянскомъ.

1855.

ЛѢТО ВЪ МАЛОРОССІИ.

ЛѢТО ВЪ МАЛОРОССІИ.

Малорусская природа, не представляя взору путешественника ничего грандіознаго, ничего поразительнаго, тѣмъ не менѣе производитъ на душу какое-то мягкое, успокоивающее впечатлѣніе. Ея темносинее небо, ея широкія поля, на многихъ мѣстностяхъ именуемыя степями, ея рощи и перелѣски, постоянно живописныя рѣки, окаймленныя деревьями, наконецъ, ея оригинальныя села и деревни, лежащія по большей части на красивыхъ мѣстностяхъ, — незамѣтно дѣйствуютъ даже на человѣка, туго поддающагося вліянію окружающей природы. Но да не подумаютъ читатели, что я начну, пользуясь этимъ случаемъ, описывать до мельчайшихъ подробностей красоту моей родины, и въ припадкѣ естественнаго лиризма, ударюсь въ панегирикъ, который займетъ нѣсколько страницъ, въ ущербъ настоящему разсказу. Дѣйствительно, мы, малоруссы, привязаны къ родинѣ; дѣйствительно, при воспоминаніи о ней, особенно, когда живешь вдали отъ нея, невольно въ душѣ возникаютъ разнообразныя картины, близкія сердцу, и желаніе обрисовать ихъ овладѣваетъ человѣкомъ. Но вѣдь давно уже прошла пора безсознательныхъ увлеченій, а отъ писателя вообще, — я здѣсь не касаюсь степени таланта, — не требуютъ описанія прелестей природы, что въ старину было непремѣннымъ условіемъ. Я только попрошу немного снисходительности и нѣсколько минутъ поговорю о малорусскомъ племени, которое даже и въ послѣднее время, когда у насъ начали заниматься этнографіей, — почти что незнакомо большинству читателей. Многіе называютъ малорусса лѣнивымъ, простоватымъ, потѣшаются надъ его языкомъ, воображая (впрочемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми учеными), что языкъ этотъ испорченный русскій, и разсказываютъ про малорусса разные забавные и незабавные анекдоты. При словѣ

хохолъ и хохляндія у многихъ уже появляется улыбка, и, если кто-нибудь, исковеркавъ до уродливости малорусскія слова, произнесетъ одну только фразу, то все общество готово разразиться смѣхомъ. Такое же у насъ настроеніе; но этого никому не должно ставить въ вину, потому что малорусское племя, повторяю, извѣстно весьма немного. Разумѣется, въ предлагаемомъ небольшомъ разсказѣ или, вѣрнѣе, въ коротенькомъ предисловіи къ этому разсказу я не могу показать въ настоящемъ свѣтѣ не только полной картины малорусскаго быта, но даже не имѣю средствъ набросать удовлетворительнаго очерка. Мнѣ хочется только хоть слегка вывести большинство читателей изъ тѣхъ понятій, усвоенныхъ у насъ о хохлѣ и хохляндіи, которыя привились въ обществѣ, благодаря незнанію многихъ частей нашей имперіи, благодаря неумѣстному юмору нѣкоторыхъ писателей, и, наконецъ, вслѣдствіе свойственной великоруссу насмѣшливости надъ всѣмъ, что несходно съ его нравами и обычаями. Для подкрѣпленія послѣдней мысли есть въ лѣтописи Конисскаго одно весьма характеристичное мѣсто. Послѣ присоединенія Малороссіи, когда московское войско сошлось для взаимнаго дѣйствія съ украинцами, — великоруссы начали смѣяться надъ прической малоруссовъ и прозвали ихъ хохлами. А сами то, прибавляетъ наивно лѣтописецъ, не видѣли того, что пришли въ лаптяхъ. Надобно сказать, что этотъ родъ обуви неупотребителенъ въ Малороссіи и постояно возбуждаетъ въ народѣ насмѣшки. Возьмите, наконецъ, въ литературѣ — вездѣ гдѣ только нужно привести уродливо-смѣшное и смѣшное собственно для людей, не близко знакомыхъ съ малорусскимъ племенемъ, тамъ выводится какой-нибудь невозможный въ дѣйствительности малоруссъ и какимъ-то непостижимымъ языкомъ несетъ околесную, отъ которой потѣшается почтеннѣйшая публика. Г. Тургеневъ также не избѣжалъ этой погрѣшности и въ Рудинѣ весьма неловко тѣшился надъ хохлами. Только Гоголь въ юношескихъ своихъ созданіяхъ нашелъ теплое слово для своихъ земляковъ, да въ послѣднее время Марко Вовчокъ довольно рельефно представилъ бытъ малорусскаго крестьянина, хоть у послѣдняго писателя вездѣ звучитъ одна и та же струна, что рѣшительно ослабляетъ впечатлѣніе, если вы прочли нѣсколько его, впрочемъ, живыхъ и поэтическихъ разскозовъ. Коснувшись, однако же, литературы, я могу зайдти далеко, — и невольно не сдержу обѣщанія говорить, не увлекаясь.

Малорусскій народъ, собственно простонародье, о высшихъ классахъ я умалчиваю, потому что высшіе классы почти не принадлежатъ къ упомянутому племени, ведетъ свой оригинальный образъ жизни, и нравы его, обычаи, языкъ, пѣсни, обряды, — все это еще носитъ на себѣ печать старины, отдаленность которой хоть уже и оспариваютъ нѣкоторые писатели, однако всѣ натяжки этихъ мужей, quand même, становятся въ высшей степени жалки въ водахъ каждаго образованнаго и честнаго человѣка. Я не хочу именовать этихъ господъ, они сами себя хорошо именуютъ, но не могу, при удобномъ случаѣ, не спросить у тѣхъ изъ господъ пишущихъ, которые желали бы увѣрять всѣхъ и каждаго, что малоруссъ очень легко пойметъ по великорусски, — въ которомъ изъ этихъ двухъ племенъ сохранилось больше старославянскихъ словъ, — и въ складѣ какой рѣчи, сѣверной или южной, осталось больше старинныхъ оборотовъ? Наконецъ, гдѣ больше, въ великой или малой Россіи, замѣтно древнихъ обрядовъ, унаслѣдованныхъ отъ язычества, а съ обрядами, разумѣется, и пѣсень, которыя забываются съ каждымъ новѣйшимъ поколѣніемъ. Но здѣсь, мнѣ кажется, умѣстнѣе всего вспомнить извѣстные два стиха Лермонтова:

„Все это было бы смѣшно,

Когда-бы не было такъ грустно“.

Малоруссъ, дѣйствительно, лѣнивъ, насколько лѣнивъ каждый житель юга, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ поля Малороссіи лежали пустынями или чтобъ жители ея находились въ бѣдности. Напротивъ, каждая малорусская деревушка, съ чистыми бѣлыми хатами, отличающимися и внутри сравнительною опрятностью, доказываетъ, что жители ея не находятся въ бѣдственномъ положеніи. Я не говорю, что бѣдность незнакома въ Малороссіи, но хочу сказать, что если тутъ и встрѣчаются бѣдняки, то вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, что и въ другихъ мѣстахъ, и никакъ не вслѣдствіе повальной лѣности. Малоруссъ, дѣйствительно, не предпріимчивъ, не умѣетъ сколотить копѣйки разными спекуляціями, не способенъ заниматься торгашествомъ и маклачествомъ, но не сидитъ же, сложа руки, въ рабочую пору. Онъ по преимуществу земледѣлецъ, и такъ какъ почва повсемѣстно въ Малороссіи (за исключеніемъ сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губ.), благодарная, то и нѣтъ ему надобности къ ея удобренію, что составляетъ главную заботу великорусскаго земледѣльца.

Правда, земледѣліе въ Малороссіи у простаго народа производится, можно сказать, допотопнымъ способомъ, но гдѣ же у насъ крестьяне, въ какихъ губерніяхъ пользуются усовершенствованными земледѣльческими орудіями.

Трудно представить себѣ что нибудь пріятнѣе малорусскаго лѣта, напримѣръ въ полтавской губерніи, не исключая даже южныхъ или такъ называемыхъ степныхъ ея уѣздовъ. Съ іюня оно уже вступаетъ въ свои права, потому что съ 20 числа этого мѣсяца начинается одна изъ тяжелыхъ, но вмѣстѣ и самыхъ пріятныхъ полевыхъ работъ, *косовыця*, т. е. уборка сѣна. Каждый землевладѣлецъ, а въ Малороссіи, всѣ государственные крестьяне, сохранившіе и до сихъ поръ названіе казаковъ, — землевладѣльцы, заранѣе заботятся о пріисканіи себѣ косарей (косцевъ) и прежде чѣмъ отправляться въ степь, высылаетъ туда предварительно фуру или двѣ разныхъ припасовъ. Уборка сѣна по большей части приходится во время Петрова поста, и потому главный предметъ провизіи составляетъ сушеная тарань, любимая рыба малороссовъ, за которою постоянно *чумаки* (извощики-промышленники) отправляются на Донъ. Таборы косарей обыкновенно живутъ въ степи до половины іюля и чрезъ нѣсколько дней послѣ открытія работъ увеличиваются присоединеніемъ гребцовъ, т. е. парней, подростковъ, женщинъ и дѣвушекъ. Всѣ окрестныя степи кипятъ работой и веселой жизнью, и какъ бы днемъ ни былъ тяжелъ трудъ отъ зари до зари, — а вечеромъ у каждаго куреня (шалаша) раздаются звуки доморощенной музыки, слышатся хоровыя пѣсни, и молодежь по временамъ затѣваетъ и танцы. Есть мѣстности, гдѣ въ теплый іюньскій вечеръ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, видны сплошные огни у куреней — и заунывныя, но мелодическія пѣсни какъ бы висятъ надъ вами въ воздухѣ. Роскошныя травы, особенно на нѣсколько низменныхъ мѣстностяхъ (байракъ), устланныя душистыми цвѣтами, наполняютъ воздухъ тонкимъ ароматомъ, а множество огней и звонкіе голоса пѣвцовъ и пѣвицъ — придаютъ степи особый колоритъ, который смѣло можно назвать поэтическимъ. И не только простонародье, но не такъ еще давно и не богатые помѣщики выѣзжали на время уборки сѣна въ степь и жили въ шалашахъ въ этомъ бальзамическомъ воздухѣ, о которомъ не только житель столицы, но и малаго городка не можетъ имѣть ни малѣйшаго понятія.

Уборка сѣна на поемныхъ лугахъ возлѣ деревень не

имѣетъ уже ни той прелести, ни той обстановки, здѣсь уже вечеромъ значительное большинство расходится по домамъ, тогда какъ въ степи все это вмѣстѣ. Косари нанимаются и изъ окрестныхъ селъ, и потому то интересны ихъ собранія во время отдыха, особенно послѣ ужина, когда пойдутъ разсказы бывальцевъ, т. е. людей чумаковавшихъ долгое время или ходившихъ къ морю (Черному или Азовскому) на заработки. Въ разсказахъ малорусса чрезвычайно много юмору, и кто знаетъ мѣстный языкъ, нельзя не заслушаться иногда разсказчика. Есть цѣлый отдѣлъ пѣсень такъ называемыхъ косарскихъ и гребецкихъ, которыя и поются только во время этихъ работъ, что никакъ однако же не составляетъ непремѣннаго репертуара, потому что народъ поетъ безпрерывно и во время самой работы. Сколько я могъ замѣтить, то косарскія и гребецкія пѣсни положены какъ бы закономъ — при выходѣ изъ села въ степь и при возвращеніи изъ степи: Вотъ одна косарская пѣсня, въ которой однако же преобладаетъ юморъ.

Ой ходылы косарі,
Траву тялы по горі,
Траву постыналы,
Косы поламалы.
Ой що маемъ робыты,
Нічымъ, брацця косыты,
Хыба грабли въ рукы,
Та иты на лукы.
Будежъ сміху на селі
Мінять косу на граблі!
Косы поломалы,
Славы не втерялы.
Нехай, брацця, будей й такъ,
Накосылысь собі въ смакъ.
Робота не жарты,
Выпьемъ по півкварты.
Ой, чому-бъ намъ не пыты,
Такъ нізащо купыты,
Шынкарь и хорошій,
Такъ недасть безъ грошей.

Кромѣ заинтересованнаго въ дѣлѣ народа, съ іюня въ степи появляется множество немолодыхъ женщихъ и дѣтей обоего пола для собиранія *полуныцъ* (клубники) и *червеца* (малорусской кошенили). Клубника потребляется тутъ же на мѣстѣ какъ собирателями, такъ и въ таборахъ родными и зна-

комыми, а червецъ служитъ предметомъ промышленности и даже нѣкотораго рода торговли, — потому что имѣетъ цѣнность какъ хорошій красильный матеріалъ. Вещество это не что иное, какъ яички одного насѣкомаго, находимыя постоянно въ корняхъ извѣстной травы (*червышныкъ*), знакомой всѣмъ и каждому. Стоитъ только запастись ножемъ и какимъ-нибудь сосудомъ — и можно смѣло приступить къ собиранію мѣстной кошенили. Яички эти иногда попадаются въ изобиліи, смотря по лѣту, такъ что находятся подъ каждымъ корешкомъ, а въ иной годъ чрезвычайно рѣдко. Но во всякомъ случаѣ для собиранія червеца есть свой періодъ времени, а именно между 10 и 20 іюля, когда яички выполняются, созрѣваютъ и даютъ наилучшее красильное вещество. Кошениль эта величиною съ конопляное сѣмя и такого же цвѣта его наружная оболочка, но если вы его раздавите, получается алая жидкость, немногимъ уступающая привозной кошенили. Собранный червецъ обыкновенно раскидываютъ по мискѣ и ставятъ на вольный духъ въ печку, гдѣ онъ высыхаетъ и сохраняется потомъ для употребленія. Имъ красятъ обыкновенно шерсть для поясовъ, составляющихъ необходимую принадлежность наряда у обоихъ половъ. Красильщицы собираютъ это вещество для своего употребленія, а посторонніе для продажи какъ мѣстнымъ ремесленницамъ, такъ и приходящимъ великорусскимъ коробейникамъ, которые разносятъ его и въ дальнія окрестности. Мнѣ случилось говорить о разведеніи этой травы со многими помѣщиками; но послѣдніе смотрѣли на это какъ на шутку, т. е. какъ на всякое нововведеніе, не представляющее сразу большихъ выгодъ и требующее прилежныхъ занятій. Послѣ 20 іюля, по мѣстнымъ наблюденіямъ, изъ яичекъ червеца выползаютъ уже насѣкомыя, и потому спеціалистки спѣшатъ заготовиться красильнымъ матеріаломъ, особенно въ сухое лѣто, еще за нѣсколько дней до 20, потому что во время жаровъ насѣкомыя выползаютъ и ранѣе этого срока.

Не успѣетъ окончиться уборка сѣна, а уже на поляхъ созрѣваетъ ячмень и одновременно жито (рожь), и повсемѣстно начинаются жнывà (жатва). Рожь, впрочемъ, созрѣваетъ иногда раньше, потому что во многихъ селеніяхъ на Петра и Павла святятъ первые снопы жита, и около этого времени радушныя хозяйки любятъ угощать новымъ хлѣбомъ. Но рожь можетъ оставаться на корнѣ безъ всякаго ущерба, а ячмень необходимо захватывать во время, ибо растеніе это имѣетъ

свойство склонять свои колосья до земли, перестоявъ свою пору и представляетъ жнецамъ большое затрудненіе. По малорусски говорятъ ячмінъ *уклякъ*, и эта фраза звучитъ непріятно для хозяина. Потомъ послѣдовательно уже поспѣваютъ пшеница, овесъ, конопля, ленъ, просо, гречиха, и жатва продолжается иной разъ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Независимо отъ этихъ полевыхъ работъ приспѣваетъ и собираніе плодовъ и овощей, изобиліемъ которыхъ Малороссія можетъ похвалиться. Главную работу составляютъ здѣсь баштаны, а по русски бакши, хотя оба эти слова татарскаго происхожденія. Баштаномъ называется поле, засѣянное арбузами (кавунъ), дынями, огурцами, тыквами (гарбузъ), кукурузой (пшінка), картофелемъ. Все это произрастаетъ и вызрѣваетъ съ первыхъ чиселъ мая до послѣднихъ іюля, и въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ, впрочемъ, немногихъ мѣстностяхъ, служатъ предметомъ торговли. Въ полтавской губ., напримѣръ, славятся величиною, цвѣтомъ и вкусомъ арбузы кишинскіе и савенскіе, хотя и въ другихъ селеніяхъ плоды эти обладаютъ такими же качествами. Но дѣло въ томъ, что жители означенныхъ деревень развозятъ свои продукты и устремляются обыкновенно или къ большимъ центрамъ потребленія, какъ Кіевъ, Полтава и Кременчугъ, или въ сѣверные уѣзды Черниговской губерніи, гдѣ арбузы и дыни уже не вызрѣваютъ. Способъ ухода за этими плодами самый допотопный. Еще помѣщики стараются объ улучшеніи породъ и выписываютъ хорошія сѣмяна, но они сѣютъ бакши для собственнаго употребленія, а простой народъ довольствуется тѣми сортами, какіе производитъ мѣстная почва. Въ деревняхъ цѣны на эти продукты до того низки, что если вы, проѣзжая мимо, остановитесь у бакши купить себѣ арбузъ или дыню, то хозяинъ затрудняется назначить цѣну и зачастую предлагаетъ вамъ скушать на здоровье безъ всякой платы.

Начиная съ 20 іюня въ садахъ ужъ поспѣваютъ первые плоды, а именно черешни и *ягоды* (вишни), а потомъ слѣдуютъ по порядку сливы, абрикосы, морели, шелковица, яблоки, груши, изъ которыхъ послѣднія (зимныці и опорты) сымаются только глубокою осенью.

Садоводство въ Малороссіи тоже не имѣетъ никакой системы и ведется самымъ патріархальнымъ способомъ. Хотя малоруссъ и любитъ, чтобы вокругъ его хаты или вблизи ея былъ какой нибудь садикъ, однако, рѣдко самъ объ этомъ позаботится, а любитъ садъ готовый, доставшійся по наслѣд-

ству. Изъ многихъ данныхъ можно заключить, что въ прежнее время въ Малороссіи жители съ большей любовью занимались садами, и, если я не ошибаюсь, то причина этого, разумѣется, за исключеніемъ садоводовъ по страсти, были многочисленные монастыри, упраздненные во время Екатерины II. И теперь еще *) садоводствомъ отличаются именно тѣ селенія, въ которыхъ или возлѣ которыхъ находились монастыри, мимо приписныхъ крестьянъ, разводившіе сады въ большихъ размѣрахъ и заботившіеся объ улучшеніи плодовыхъ деревьевъ. Кромѣ того, на лѣсистыхъ мѣстностяхъ, само собою, въ числѣ прочихъ древесныхъ породъ, произрастаютъ и фруктовыя, а жители, приложивъ только немного труда, а часто и безъ всякаго труда, извлекаютъ изъ садовъ кое-какія выгоды. При урожаяхъ плоды имѣютъ какую нибудь цѣнность лишь въ городахъ, но въ селеніяхъ доставляютъ выгоду весьма небольшую.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, извѣстныхъ своими садами, хозяева отдаютъ свои сады на откупъ извѣстнымъ съемщикамъ, которые появляются вскорѣ послѣ цвѣтенія деревьевъ и по нѣкоторымъ примѣтамъ судятъ объ урожайности или неурожайности года, что и служитъ причиною пониженія или повышенія арендной платы. Разумѣется, арендаторы подвергаются значительному риску, ибо за цѣлое лѣто созрѣваніе плода можетъ подвергаться разнымъ случайностямъ, однако же промышленники предпринимаютъ наемъ садовъ, потому что въ случаѣ урожая пользуются хорошими процентами. Подобные съемщики прежде всего пріобрѣтаютъ себѣ мѣсто сбыта, именно тамъ, гдѣ плоды рѣже и, слѣдовательно, дороже. Но вообще такихъ садовъ или, лучше сказать, мѣстностей немного, а въ большинствѣ селеній, крестьянскій садъ, даже порядочный (я разумѣю пространство) служитъ лишь предметомъ лакомства для семьи, для знакомыхъ и для постороннихъ дѣтей, которыя всегда ухитряются добывать фрукты незаконнымъ образомъ. Выгода, получаемая владѣльцемъ сада, весьма незначительна. Еще богатый крестьянинъ, владѣлецъ сада, оберегаетъ свои фрукты отъ расхищенія, нанявъ сторожа или двухъ, но у человѣка бѣднаго, у котораго въ семьѣ нѣтъ старика или старухи, которые постоянно стерегли бы фрукты, урожая хватаетъ лишь для собственнаго употребленія. Здѣсь мимоходомъ можно замѣтить, что въ настоящее время въ Малороссіи, собственно въ деревняхъ, лежащихъ вдали отъ

*) Писано въ 1864 году.

городовъ и проѣзжихъ трактовъ, воровство считается преступленіемъ, и на него смотрятъ крестьяне слишкомъ строго. Доказательствомъ тому, что воровство не въ нравахъ малорусскаго племени, служитъ самая постройка крестьянскихъ дворовъ, доступныхъ со всѣхъ сторонъ, и вы найдете на половину избъ, въ которыхъ нѣтъ внутреннихъ затворовъ. Но что касается до фруктовъ, то ихъ крадутъ повсемѣстно, и кража эта не только не считается преступленіемъ, а напротивъ, производится открыто цѣлыми толпами мальчишекъ и взрослыхъ, и чѣмъ ловче произведено воровство, тѣмъ большимъ одобреніемъ пользуется виновникъ его. Конечно, если *злóдій* (воръ) попадается на мѣстѣ преступленія, то съ нимъ церемониться не будутъ: кромѣ неудачныхъ побоевъ, иной разъ доводящихъ до увѣчья, съ него обыкновенно снимаютъ одежду, за которую впослѣдствіи самъ воръ или его семья, если онъ несовершеннолѣтній, принесетъ выкупъ, присуждаемый по условію ли, или съ согласія громады. Но подобныя воровства попадаются рѣдко, а чаще владѣлецъ сада терпитъ постоянные убытки. Только въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ у каждаго хозяина есть свой садикъ, кража плодовъ не имѣетъ мѣста. Впрочемъ, на это и нельзя смотрѣть строго, принимая во вниманіе неразвитость крестьянина, который въ плодѣ никакъ не видитъ чужой собственности, а просто даръ Божій, созданный для всеобщаго употребленія, когда и въ высшемъ, образованномъ классѣ есть вещи, кража которыхъ не считается воровствомъ, а пользуется значительной долей снисхожденія. Зачитать чужую книгу и похитить чужую собаку ровно не значитъ ничего для инаго господина, который готовъ застрѣлить всѣхъ за одно только подозрѣніе въ кражѣ какой нибудь вещи и который, дѣйствительно, самъ считаетъ воровство гнуснѣйшимъ преступленіемъ.

Малорусскіе крестьянскіе сады, какъ я уже сказалъ, остаются на попеченіи наемныхъ сторожей, или стариковъ и старухъ изъ семейства, или, наконецъ, предоставляются на изволъ судьбы, въ надеждѣ, что добрые люди оставятъ же наконецъ, хоть какую нибудь малость хозяину. Заборы тутъ ничего не значатъ, да малоруссъ вообще и не охотникъ до крѣпкихъ заборовъ; сторожа тоже, по врожденной человѣку слабости, и не прочь соснуть, да и горазды выпить, слѣдовательно и эта статья не всегда гарантируетъ фруктовый садъ отъ значительнаго расхищенія. Самая дѣйствительная мѣра, которая и употребляется съ успѣхомъ нѣкоторыми владѣль-

цами хорошихъ садовъ, это смышленныя и злыя собаки, днемъ ходящія на привязи, а по ночамъ отпускаемыя на свободу.

И вотъ какой нибудь одинъ хилый дѣдъ, который не въ состояніи поймать мальчишку, съ помощью двухъ, трехъ собакъ иногда удачно караулитъ садъ во все лѣто, а если у него для помощи внукъ или внучка, онъ можетъ сберечь значительную часть изъ урожая своего сада. Такой старикъ обыкновенно устраиваетъ гдѣ нибудь въ центрѣ *курінь* (шалашъ) подъ лучшей яблоней или грушей, и оттуда и наблюдаетъ за своими владѣніями. Но сторожъ и его помощникъ отъ зари и до зари находятся въ постоянномъ движеніи: то ходятъ они отгонять скворцовъ и воробьевъ, которые иногда буквально укрываютъ черешневыя и вишневыя деревья, то собираютъ упавшія груши и яблоки, свалившіяся вслѣдствіе тяжести или отъ дѣйствія вѣтра, то побѣжатъ въ дальній уголъ сада, гдѣ лаетъ собака посмотрѣть не влѣзъ ли кто на заборъ и не похищаетъ ли плодовъ посредствомъ какого нибудь ухищренія. Такой дѣдъ, по большей части добродушный старикъ, пользуется въ деревнѣ огромной популярностью, и къ нему въ садъ толпами приходятъ ребятишки подъ видомъ простаго посѣщенія и съ просьбой разсказать сказку. Дѣдъ обыкновенно приметъ своихъ гостей и, по свойственной простонародью хорошей памяти, при несложномъ и простомъ образѣ жизни легко переносится за нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ и очень хорошо понимаетъ, что посѣтителей привлекло въ садъ не одно желаніе видѣть его и послушать сказку. Онъ тотчасъ обдѣлитъ всю *дітвору* плодами и при этомъ непремѣнно замѣтитъ, чтобъ не крали, и тогда уже, смотря по расположенію духа, угощаетъ ихъ сказкой.

У него въ куренѣ есть все необходимое, и тутъ же онъ стряпаетъ свой обѣдъ и ужинъ, ограничиваясь кулешикомъ (кашицей) и рыбой, если нѣтъ свѣжей, то сушеной.

Если въ селеніи садовъ немного, то къ такому дѣду обыкновенно въ праздникъ еще съ утра являются покупатели или лучше сказать, пріобрѣтатели фруктовъ. Дѣдъ знаетъ это. Онъ рано на зарѣ выбрѣетъ бороду, надѣнетъ чистое бѣлье, закуритъ свою *люльку* (трубку) и ожидаетъ посѣтителей. Для большаго удобства всѣ лучшіе фрукты у него на лицо, снаружи прикрыты соломою,— и тутъ же лежитъ возлѣ него особаго рода деревянный стаканчикъ съ разрѣзанными краями, на длинномъ шестѣ, для сыманія яблокъ съ дерева, такъ называемая *лыбка* (съемка). Мало по малу начинаютъ стекаться

покупатели и покупательницы, какъ изъ своего села, такъ и изъ ближайшихъ окрестностей, — и нерѣдко вокругъ дѣда собирается значительное количество женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей обоего пола, — но только смѣло можно сказать, что ни одна личность изъ этой толпы не является съ деньгами. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно идетъ мѣновая торговля. Приносятъ, кто что можетъ, изъ предметовъ хозяйства. Иная женщина кладетъ передъ старикомъ связанную курицу и десятокъ яицъ и простилаетъ большой платокъ, разумѣется, послѣ предварительнаго поклона. Дѣдъ спроситъ какихъ плодовъ требуется и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, взвѣситъ прежде на рукахъ курицу, погладитъ ее, иногда промолвитъ, что худощавая, а иной разъ и похвалитъ, потомъ пересчитаетъ яйца и, молча, приподнимаетъ солому, подъ которой краснѣютъ, желтѣютъ и испускаютъ пріятный запахъ спѣлыя груши и яблоки. Набирая полными горстями плоды, онъ ихъ не считаетъ, а кладетъ въ платокъ, пока образуется изрядная куча и потомъ съ улыбкой обращается къ покупательницѣ съ вопросомъ: »чы донесешь?« — Та донесу, хочь ще положыте, колы ваша ласка, отвѣчаетъ посѣтительница. »Ну, на тобі и ще«, молвитъ старикъ и прибавляетъ десятка два, тоже безъ счету. Какая нибудь молодая дѣвушка, раскраснѣвшись, кладетъ передъ дѣдомъ торбочку пшена и заявляетъ свое требованіе. Дѣдъ серьезно осмотритъ пшено, насыплетъ его на ладонь, потрясетъ и, высыпавъ содержаніе торбы въ какую нибудь кадушку, наложитъ въ торбу грушъ и яблокъ, но видя, что въ торбу вошло мало, по его соображенію, фруктовъ, требуетъ еще платка. Если у дѣвушки есть платокъ, она разстелетъ его, если же нѣтъ, то еще болѣе раскраснѣетъ. »Ну беры за пазуху, або у пелену (подолъ), беры сама, та тількы небогато«. И не обращая вниманія, сколько дѣвушка беретъ фруктовъ, дѣдъ оборачивается къ прочимъ посѣтителямъ. Дѣвочка подаетъ ему пару цыплятъ, мальчикъ принесъ нѣсколько штукъ паляницъ (прѣсный хлѣбъ особой формы). Однимъ словомъ, нѣтъ того хозяйственнаго продукта, котораго не принесли бы дѣду мѣнять на яблоки. Не говоря уже о кувшинахъ съ молокомъ, о связкахъ рыбы, о мискѣ сотовъ, но случается, что какой нибудь охотникъ до фруктовъ принесетъ въ мѣшкѣ и поросенка. На чемъ ужъ дѣдъ основываетъ свои разсчеты, объяснять не берусь, но только всѣ уходятъ довольны, наговорившись какъ со старикомъ, такъ и другъ съ

другомъ. Бываетъ, что въ то же время остановится возлѣ сада и какой нибудь нищій и, пройдя въ курінь, попроситъ »Христа ради«. Дѣдъ, кромѣ куска хлѣба, насыпаетъ въ суму плодовъ, приговаривая свое обычное: »іжъ на здоровье«. Въ праздничный день дѣду нѣтъ покоя до вечера, — за то онъ насобираетъ столько разныхъ матеріаловъ, что сортировка ихъ служитъ ему на долго предметомъ для занятія.

Но вотъ, малу по малу, плоды отходятъ, остаются лишь такъ называемыя зімныці, яблоки и груши, сохраняющіяся зимою, за которыми дѣдъ уже не слишкомъ наблюдаетъ, такъ какъ эти фрукты только вкусны лишь по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ зимою, и частенько покидаетъ уже свой курінь для теплой печки, на которой любитъ согрѣвать свои старыя кости. Лѣто еще не совсѣмъ прошло, однако, сады опустѣли, — и только въ поляхъ еще кипитъ работа, гдѣ поспѣшаютъ уборкой проса и гречихи, и гдѣ уже посѣяли новые озимы, которые съ половины августа начинаютъ зеленѣть словно весною. Небо чисто, въ воздухѣ прохлада; деревья еще зелены, но вокругъ хатъ подымаются золотистые стоги хлѣба; вереницы дикихъ гусей, утокъ, лебедей тянутся дальше къ югу, и по вечерамъ въ селахъ дружнѣе и звонче раздаются пѣсни, которыя было пріутихли въ страдную пору.

ГОЛЫЙ СЛУГА.

МАЛОРОССІЙСКАЯ СКАЗКА.

ГОЛЫЙ СЛУГА.

МАЛОРОССІЙСКАЯ СКАЗКА.

Бувъ собі царь та царыця и сплодылы сынка. Отъ царыця й умерла. Вінъ собі узявъ другу. Вона й каже:

— Якъ хочъ, де хочъ дінь свою дытину, а то не буду зъ тобою жыты.

Отъ вінъ подумавъ, подумавъ, никуды дітысь, — треба завезты. Запрігъ коня и поіхавъ у степъ. Е надъ моремъ высока могыла. На тій могілі ходыть воронъ.

— Подывысь, сынку, яка онъ птыця! Побіжы— піймаешъ.

Дытына и полізла на ту могылу, а царь поіхавъ до дому. Прыіздыть. Царыця й пыта́:

— Де ты іого дівъ?

— А де, каже, покынувъ у полі.

— Поідь же знайды, та убый, або завісь, або утопы, а то зновъ прыйде до дому.

Послухавсь царь, поіхавъ. Той хлопецъ побачывъ що батько іде, та хамиль, хамиль надъ море и лігъ надъ обрывою. Бурунъ нагнало и унесло хлопчыка водою, а щука підплыла, узяла та іого й прогленула. Якъ узявъ вінъ жыть, якъ узявъ жыть, тай выживъ дванадцять годъ. Вона кашку плодыть, а вінъ есть; дожывсь до того що щука пропала. Отъ бурунъ и выкотывъ еі на сухе. Воронъ сівъ на неи, узявъ черово й продовбавъ. Той хлопецъ и вылізъ — такъ голый. Отъ и пішовъ вінъ за трыдевьять земель на десяте царство у инше осударство. Иде та йде, утомывсь и лігъ на дорозі одпочивать. Іде панъ, угледівъ та й каже погоняйлові:

— Піды спытай, що воно таке лежытъ.

Погоняйло, уставъ и пішовъ.

— Драстуй!
— Драстуй!
— Що ты таке?
— Я Голый.
— Та се мы бачымъ. А якъ тебѣ зовуть?
— Голый.
— А прозываютъ?
— Голый.

Прыходыть поганяйло до пана. Панъ и пытается:
— Ну, що воно таке?
— Голый.
— Та я й відсіль бачу. А якъ зовуть и прозывають?
— Голый.
— Підыжъ скажы — нехай идѐ до мене, я самъ роспытаю.

Погоняйло пішовъ знову.
— Иды до пана.
— Скажы своему панові, колы іому треба, нехай идѐ самъ и роспыта̀.

Погоняйло такъ и одказавъ. Нічого робыть, панъ идѐ.
— Драстуй!
— Драстуйте.
— Хто ты такій?
— Голый.
— Бачу. А якъ тебе зовуть?
— Голый.
— А прозываютъ?
— Голый.
— Иды жъ ты жыть до мене.
— Якъ дасы, пане, кращу одежу ніжъ на тобі, такъ піду.

Панъ узявъ вынявъ найкращу одежу, та й оддавъ Голому. Сей убравсь, сівъ у рыдванъ и ідуть собі у двохъ. Голый сидівъ, сидівъ, та й засміявсь.
— Чого ты, Голый, сміесся?
— Я того сміюсь, що кобыла біжыть за діломъ, а лоша безъ діла.
— На те у іого тутъ маты.
— Такъ.

Ідуть та ідутъ, ажъ Голый зновъ засміявсь.
— Чого ты, Голый, сміесся?
— Я того сміюсь: яке задне колесо велике, та за малымъ переднімъ женетця, тай не дожене.
— Такъ воно зроблено.

— Авжежъ.

Ідуть та ідуть на трыдевьять земель, на десяте царство, у инше осударство. Голый упьять засміявсь.

— Чого ты, Голый, сміессе?

— Бо знаю, куды ты, панычу, ідешъ, та безъ мене не поможетця.

— А куды я іду?

— Ты ідешъ до змія дочку сватать, та безъ мене не посватаэсся. У того змія кіллямъ двіръ оббытый и на кажному кілку людська голова, а на одному й нема: то якъ поідешъ, то тамъ буде й твоя.

— Ну будь же ты мыні, Голый, братомъ старшимъ.

— Ні я не хочу старшымъ, а меншымъ. Прыідешъ до змія, то не зовы мене братомъ, а Голымъ слугою. И що буде тебе змій заставлять, то ты здавайся на мене; — колы буде мыні годытьця, той тобі. Безъ мене ужъ тобі не пырхуть, тамъ и амінь, а якъ я озьмусь, то зъорудую.

Прыіздять. Дывлятьця. Двірь оббытый кіллямъ и на кажному людська голова, тількы й нема на одному кілку.

— Оттакъ же якъ я казавъ, брате, що на іому булабъ твоя.

Увійшлы у будынкы дочку сватать. Отъ змій и загадуе:

— Пыді сядь отъ на ту выхалку, якъ повыхаесся — оддамъ дочку, а не повыхаесся, то мій мечъ, а твоя голова зъ плечъ.

Отъ вінъ и гука.

— Голый слуго!

— Чого?

— А піды подывись на выхалку, чы можна мыні выхатьця.

— Заразъ.

Пішовъ Голый, якъ сівъ, заразъ и поламавъ надрібъязокъ. Паныч и пытà:

— А що Голый?

— Шкода, негодытьця.

Тоді змій и загадуе панычеві:

— Ну, піды жъ изсядь на того коня, що моя дочка іздыть: якъ на іому поідешъ — будешъ зятемъ, а не поідешъ — мій мечъ, а твоя голова зъ плечъ.

Выводять коня дванадьцять чоловіка. Панычъ и каже:

— Голый слуго!

— Чого?

— А піды подывись на коня — чы годытця.

— Заразъ.

Пішовъ, якъ узявъ за хвістъ за грыву, — кісткы розсыпалысь, и шкуру волоче. Прыходыть и каже:

— Шкода! негодытся: ледві узявъ за хвістъ, за грыву, — кісткы разсыпались озъдечкы шкура.

Отъ почалы пыть та гулять весілля. У вечері Голый и каже:

— Ужежъ, брате, якъ идтымете спать, то ты нейды, а я піду.

Идуть молоді. Панычъ оставсь, а Голый пішовъ. Почала вона шутковать. Якъ узяла за палецъ Голого, якъ здавыла, такъ у іого ажъ искры посыпалысь. Якъ прыдавывъ же и Голый за палецъ, такъ у неі й поломья показалось.

— Першый и останній разъ шуткую зъ тобою — більшъ не буду.

Переночувалы. На другый день молоді поіхалы до дому. Голый зъ нымы. Прыіздять. Вона й занедужала. Що не робылы, ніякымъ родомъ не можно вылічыть. Отъ вона й каже чоловікові:

— Якъ бы такы одрубавъ Голому ногы, та я наварыла юшкы, тобъ очуняла.

Голый почувъ, узявъ сокиру, поодрубавъ собі обыдві ногы и кынувъ ій.

— На іжъ, каже.

А самъ и полізъ. Лізе та лізе на трыдевьять земель, на десяте царство, у инше осударство. Стоіть дубъ.

— Колыбъ мыни підъ той дубъ підлізты, тамъ одпочыну, дума Голый.

Ажъ у тому дубові швыдкый Марко руками убытый, а ногы висять. Голый прылазыть, а Марко и каже:

— Здоровъ!

— Здоровъ.

— Хто ты такый?

— Голый. А ты хто?

— Швыдкый Марко. Чы не змігъ бы ты мене одірвать?

— Що жъ, я тебѣ одірву, такъ рукы у дубі застанутця.

— Сілкысь! Хочъ рукъ не буде, такъ ногы будуть.

Напьявсь Голый, ухватывъ и одірвавъ.

— Що я надумавъ, Голый.

— А що, Марку Швыдкій?

— У тебѣ рукы е?

— Е.

— А у мене ногы е. Ось изробы возикъ, то я тебе по мыру возытыму, и будемо харчытысь.

Той заходывсь и зробывъ, накынувъ на Швыдкого шлею и куды здумають — ідуть, збірають милостыну. Отъ піджылысь и зробылы собі землянку.

— Знаешъ що, Голый?

— А що, Марку Швыдкый?

— Якъ бы намъ разстаратця хочъ малу дівчынку на хозяйство: хату бъ підмела, вытопила, наносыла воды, усе бъ легшъ було.

— Дежъ еі узять! якъ бы хоть у мене сестра була, підмовывъ бы.

— А знаешъ що, Голый! Сіогодні у нашему селі храмъ, отъ мы й поідемъ. Стоятимемо біля цвынтаря и прохатымемо милостыни. Якъ подыйде моя сестра, то я тобі и моргну: ты заразъ хапай, а я уже утечу.

Такъ и зробылы, прыіхалы у село и сталы коло церкви. Підходыть сестрычка Швыдкаго, вінъ и моргнувъ. Голый ухопывъ та на возыкъ, а Марко бувъ тай нема. Уже й погонь за ными посылалы такъ не доженуть. Прыіхалы до землянкы. Живуть. Дівчинка підмете хату, вытопить, принесе воды и усе імъ легшъ. Выросла сестрычка, така славна дівчина стала. Отъ чогось вона и похуділа.

— Знаешъ що, Голый.

— А що, Марку Швыдкій?

— Чы ты бачишъ якъ сестра похуділа?

— А вжежъ бачу!

— Чы не учащаешъ лышень ты до неі?

— И вже? де мыні безногому учащать до дівчыны!

— Такъ хто-жъ?

— А хто іого зна.

— Такъ засядьмо.

— Добре.

Отъ разъ воны й засілы. У саму глупу нічь у землянці щось стукотыть.

— Спышъ, Голый?

— Ни, Марку Швыдкій.

— Шось у землянці стукотыть.

— А щожъ іого робыты?

— Ты тількы держись, а я ускочу: якъ наша сыла, то озьмемо, а не наша — такъ я ускочу и выскочу.

Такъ и зробылы, ускочылы у землянку, а тамъ баба ту дівку товче у залізній ступі.

— А що, Голый?

— А що, Марку Швыдкій?

— У тебе е рукы, а у мене ногы: беры уражу бабу, а я товктыму.

Якъ узялы товкты ту бабу, якъ узялы товкты, вона й почала просытця.

— Сынкы мої любі, не товчіть же мене; я вамъ таку воду знайду цілющу та жывущу, що у того будутъ рукы, а у того ногы.

— Що-жъ, Голый! беры бабу на візъ изъ ступою.

Узялы. Швыдкый везе, баба росказуе дорогу и привела до крыныці. Голый узявъ одломывъ гильку одъ яблуні, умочывъ у крыныцю, — вона й осмагла, не та вода.

— А що, Голый?

— А що, Марку?

— Беры уражу бабу, клады у ступу, а я товктыму.

Якъ узялы товкты, якъ узялы товкты, баба й стала просытьця:

— Сынкы мої любі, сынкы мої милі! не товчить же мене, я уже поведу васъ до теї крыныці.

Пересталы товкты, положылы еі на визъ изъ ступою и повезлы. Везуть та везуть, вона показуе дорогу и прывела до крыныці. Голый узявъ головешку зъ огныща, умочивъ у ту крыныцю, вона й роспускалась. Тоді вінъ помазавъ себе де булы ногы, — выpéслы ногы, помазавъ Маркові підъ плечыма, — у того выpослы рукы.

— Що, Голый?

— А що, Марку?

— У тебе ногы е?

— Е.

— А у мене рукы е. Затовчімъ шельмыну бабу, щобъ не знущалась надъ людьмы.

Узялы й затовклы. Пропала баба.

— Ну, теперь, Голый, иды куда Богъ давъ, а я до дому зъ сестрою.

Отъ и розійшлысь. Голый и собі потягъ до дому. Иде степомъ и бачытъ, що братъ, його, котрый ожинывсь на зміівні, свыни пасе.

— Здоровъ, брате!

— Здоровъ пане.

— На щожъ ты мене зовешъ паномъ? Я-жъ твій меншый братъ, Голый слуго.

— Ні не можна, добродію, щобъ вы булы Голымъ: бо мій Голый безъ нігъ.

— Я жъ тобі кажу, що я Голый.

А у того старшого брата борода по поясъ, а самъ у жиночій свытыни и у постоляхъ.

— Давай брате, я тобі бороду обголю, та піды до своеі панеі, а я свыни попасу, якъ то вона буде обіходытысь.

Отъ узявъ бороду обголывъ, убрання свое оддавъ, а самъ одягсь у свыту, обувсь у постолы и пасе свыні.

— Що жъ, брате Голый, що ты свыні попасешъ, такъ оттеі уражоі старшой свыні не заженешъ: и сама не піде, и другыхъ не пустыть.

— Чому?

— Така проклята, що покы ты еі підъ хвістъ не поцілуешъ, то и у хлівъ не пиде.

— Що жъ я й поцілую.

— Пішовъ той старшый братъ паномъ до жінкы. Ажъ ось не забаромъ и Голый занявъ свыней до дому.

Пані угледіла и зубами скрыгоче, що чого такъ рано жене.

— Може іому мало хліба даете, каже панъ.

— Ні я хліба даю доволі.

— Може не даете пшона?

— И пшона даю.

А якый бісъ: вона іого голодомъ морыла.

Узявъ Голый прыгнавъ. Проклята свыня стала, сама нейде и другыхъ не пуска. Голый підходыть, узявъ еі за хвість, якъ уріже батогомъ, — вона й вывернулась.

Пані якъ схопытця та до іого. Ухватыла за чубъ, а вінъ якъ обернетця, та еі батогомъ разъ и у друге, и ще замірывсь...

— Э, Голый слуго, не бый хоть у трете! стала вона просытця: я любытыму чоловіка и тебе за меншого брата почытатыму.

Ну, теперь воны живуть, хлібъ жують и постоломъ по застоломъ, черевыкомъ до порога добро возять *).

1858.

*) Сказка эта взята изъ предполагавшагося изданія А. С. Афанасьева: „Пѣсни и сказки, собранныя надъ Днѣстромъ и Днѣпромъ“.

СТАРИННЫЯ
МАЛОРУССКІЯ ДУМЫ.

СТАРИННЫЯ МАЛОРУССКІЯ ДУМЫ.

I. Про Ивана Коновченка.

На славний Украйни, у славному городи у Корсуни, кликне, покликне Хвилоненко корсуньскій полковникъ: »Годѣ вамъ, панове-молодци домувати, по рилляхъ, спотыкати за плугомъ спины ламати, жовтаго сапьяну каляти, чорного іёдаману пыломъ набиваты! идйть зо мною на Черкень долину гуляти, славы лыцарьства козацькому вийську добувати, за вѣру христіяньську одностойно стати«!

Ой тогдѣ по городахъ не музыки выгравали, а осаулы войськовій походжали, листи читали, козакòвъ у походъ выкликали, по улицяхъ пробѣгали, до винникòвъ до лазникòвъ — словами промовлялы... Вы грубники, вы лазники, вы браварники, вы винныки! годѣ вамъ у винницахъ горѣлокъ курити, по броварняхъ пивъ варити, по лазняхъ лазень топити, по грубахъ валяти, товстимъ видомъ мухъ годувати, сажи вытирати, ходймъ зъ нами на Черкень долину гуляти!« Оттакъ воны выкликали; а хто буде панъ-отцевого, промовляли, недѣлишніёго обѣду дожидати, той буде Хвилоненка, корсуньсьского полковника у шести миляхъ здоганяти«!

У городѣ у Черкасѣ жила удова-стаpенька, мàла собѣ сына Ивася Удовыченка Коновченка; изъ малку кохала, у чужй руки не давала, при старости славы, памьятку сподѣвала. Вона перше іёго тее зачувала, до госпòды, найскорѣше прибувала, усѣ кони зъ господы позсылала, усе орудіе у кòмнату замыкала до церкви, до Божого дому поспѣшала.

То Ивась одъ сна прочинае, по хатѣ поглядае, ажъ нй одной шаблй булатной пищалй семипьядной на стѣнѣ не мае! Устайню уходжае, а на стайнѣ ни одного коня вороного!

То винъ келепомъ комнату одбиваю, усе орудіе забирае, свою неньку стареньку біля церквы здоганяе, словами промовляе:

— Не добре, ты, мати, згадала, що усѣ кони зъ господы позсылала, усе орудіе у кòмнату замыкала! а луччебъ ты, мати, зробила, до города Крылова одъѣздила, сто злотыхъ жидовй олондареви давала, у наряди доброго коня купувала, мене молодого у походъ знаряджала!

— Маешъ ты чотыри волы чабаныи, два кони батьковськи вороный; лучче жъ тими волами хлѣбъ орати, козаковъ на хлѣбъ на соль закликати: будуть тебе козаки и безъ лыцарства знати!

— Що минѣ зъ того, що я буду добре поживати, що будуть мене козаки за хлѣбъ, за соль поважати! тилько будуть мене, мати, на пòдпытку гречкосѣемъ, домонтаремъ величати, коня мого приблудою прозывати! И уже минѣ не подоба по рòлляхъ спотыкати, жовтыхъ чоботъ каляти, дорогій сукнй пыломъ набивати, а хочеться минѣ, мати, пйти пòдъ городъ Тягиню гуляти, славу лыцарьства добувати!

То Ивась шаблю булатну у руки бере; пищаль семыпьядну на плече кладе, за войськомъ пѣшки йде. Войсько йде, якъ бджолы гуде.

Удова старая зъ церкви Божого дому поспѣшала, помежъ войськомъ поглядала, сына свого Ивася не познала! Лаяла, проклинала, до небесъ руки подыймала... »Господи милосердный! бодай мого сына на первой потребѣ первая куля не минула«! У Господу прибувала, зновъ одъ великого сердца одходжала, обѣдати не сѣдала, словами промовляла: »Господи милосердный, колибъ мене те слово стару на лòжку споткало, що я на свого сына, на Ивася нарѣкала!« Тогда чотыри волы чабаный у городъ Крыловъ до жыда-олондаря одганяла, ще й пьятдесятъ злотыхъ грòшми доплатила, коня на славу козацькую купила, що Ивасева душа козацькая молодецкая дуже злюбила. Ажъ ось козака стрѣваю, три копы и коня до рукъ даваю, вѣрнымъ другомъ величаю.

— Ой, козаче, — вѣрный друже! ты мого сына наздогонишъ, да іого человѣкомъ пастановишъ! Нехай мой сынъ Ивась Коновченко степу ногами не змѣряе, живота не врывае, матери старенькой не лае, не проклинае!

Козакъ три копы й коня дорогого узявъ, за городомъ Брайловымъ у шести миляхъ войсько здогнавъ. Межъ войська выѣзджае, кругомъ поглядае, Ивася Коновченка не познае.

Скоро Ивась Коновченко коня уздрѣвъ, барзо зомлѣвъ, до коня прибувае, за поводы хапае.

— Я, каже, думавъ, що моя мати мене лае, да проклинае, ажъ вона объ минѣ стараніе мае! колибъ минѣ Богъ да помогъ сіею дорогою у потребу сходити: не пошлабъ моя мати по чужихъ дворахъ спотыкати, хлѣба да соли позычати, чужй ложки помывати, чужйхъ дѣтей колыхати! могъ бы еи при собѣ до вѣку держати!

Не ясенъ сокȯлъ на долинѣ по табуру гуляе, не бѣлая лебедь спѣвае, полковникъ Хвилоненко походжае, словами промовляе:

— Который то, панове-молодцй козакъ дородный, ще й конь подъ нимъ воздобный, поде зо мною на Черкень долину гуляти, славы лыцарьства козацькому вȯйську доставати?

То Ивась Коновченко тее зачувавъ, попередъ усѣхъ благословення бравъ.

— Ой, Ивасю Коновченку! ты ще дитына молода! ни на полѣ, ни на морѣ не бувало, смерти бйля себе не видало: якъ уздришъ кровъ на мечѣ, то злякаешъ? Якъ звычай козацькій познаешь, нехай лучче тогдѣ погуляешъ!

— Не усѣ старй птици высоко литають, не усѣ старй щуки карасивъ хапають: трапляються, батьку, що крячя малее ловить рыбку лучче, нѐжъ старее!

То Ивась промовлявъ, до коня прибувавъ, великую радость мавъ. Попруги потужче подтягае, по межъ войськомъ повертае; старого козака зустрѣчае, за родного батька поважае, молодого зустрѣчае, за родного брата повожае. То Ивась Коновченко зъ полковникомъ выѣзджавъ, дванадцять татаръ передъ мечъ принявъ, шесть на арканъ звъязавъ. То полковникъ бусурмановъ пріймае, Ивася Коновченка бйля себе саджае, славу іого выхваляе. То Ивась великую радость мае, словами промовляе:

— Благослови минѣ, батьку, оковитой напиться! я незакаюсь зъ бусурменами ще лучче побиться.

— Не велю я тобѣ, сыну, оковитой напивати, да йти зъ бусурменами на долину гуляти! Колыжъ уже хочешъ еи напивати, то велю умоѐмъ наметѣ лягти спочивати!

— Сей минѣ хмѣль не буде зиваджати, а буде моёму серцю козацькому, молодецькому смѣлости додавати!

Десь полковникъ одгодився, а Ивась Коновченко горѣлки напився. Изъ намету выступае; на коня ссѣдае, помежъ войськомъ проѣзджае, старого козака зустрѣчае, гордымъ

словомъ зневажае, — молодого зустрѣчае, опрощення не примае, старимъ и молодимъ кашу вывертае, стременемъ у груды торкае...

То не вихорь по Черкень долинѣ гуляе, то не сизый орелъ яструбовъ ганяе: Удовиченко Коновченко на вороно̀мъ конѣ розъѣзджае; мечемъ своимъ, якъ блискавка сяе; трехъ татаръ-янычаръ зъ коней збивае. Тогдѣ шаблю булатну опускае козакамъ лыцарства свое выхваляе, безпечно по долинѣ розъѣзджае, бусурменовъ на смѣхъ подоймае.

То безбожніи бусурмены тее зачували, напилого козака заразъ на герцѣ познавали, бо̀льшъ іому, поля гуляты попускали; одъ табура козацького одбивали, гнѣвомъ-Божимъ — сараною на козака налѣтали, молодого Коновченка постреляли, парубали, зъ коня збивали; тольки коня козацького не поймали.

То добрый конь до табура прибѣгае, по куреняхъ гуляе, гострыми копытами землю копае, ирже якъ словомъ промовляе, смутно ржучи козака свого выкликае.

То у недѣлю у полуденну годину, самъ Хвылоненко корсуньскій полковникъ изъ намету выступае, на табуръ поглядае, що конь козацькій полемъ гуляе, — во̀нъ до козаковъ словами промовляе:

— Отце вы, братця, не до̀бре зробили, що напилого козака гуляти пустили, мовъ вы самі іого зъ свѣта згубили! Добре выдбайте, бусурменовъ одъ тѣла козацького одбивайте! Бо уже не дурно козацькій конь по табуру гуляе: мабудь Ивася Коновченка на свѣтѣ не мае!

То козаки тее зачували, на долину найскорѣше поспѣшали, бусурмени въ одъ тѣла козацького одбивали, шаблями надѣлками суходолъ копали, шапками триполами персть выбирали, Ивасю Коновченку могилу насипали, у семипьядні пищали гремали, у суремки жалобно выгравали, славу козацьку выхваляли...

То у суботу проти недѣли приснився удовѣ сонъ дивнесенькій на прочудъ. То вона одъ сна прочинала, на базарь выходжала, котори старі сусѣды зустрѣвала, свой сонъ повѣдала... Хочь старіи сусѣды сей сонъ добре знали, удовѣ правды не казали.

— Ты, удова, не плачъ, не журися, бо уже твой сынъ Ивась одружився: понявъ себѣ дѣвку Туркеню, у зеленой сукнѣ у золотому очепку. Богъ іому допомогъ, гораздъ живе, поживаю, подати не дае, хлѣба не присѣвае, — ни хто іого не зачѣпае.

Тогдѣ удова до господы прибувала, словами промолвляла:

— Хвалю тебе, Господи и благодарю! Хоча мой сынъ, буде по войськамъ ходити: буде минѣ зъ кимъ у господѣ слово заговорити, зъ невѣсткою тугу раздѣлити!

Скоро после того стали козаки табуръ знимати, у городы христіяньски уступати. Скоро тее стара удова зачувала, великую радость мала, цеберъ меду й конву горѣлки наточила, у брамѣ стала, сына свого выглядала, старого козака й молодого о своемъ сыну пытала. Первая и другая сотня наступае, удова сына не выдае. Третя сотня подъ полковою корогвою — самъ хоружій по переду йде, удовинаго коня за поводъ гостинця веде.

То удова коня уздрѣла, уся обимлѣла. Ударилась крижемъ о сырую землю, до небесъ руки подоймала, лаяла проклинала:

— Ой, Хвилоненку, бодай ты собѣ ни щастя, ни долй не мавъ, якъ ты мого сына зъ межъ войська, мовъ мизиный палецъ утерявъ!

Тогдѣ самъ Хвилоненко Корсуньскій полковникъ зъ коня уставае, удову подъ плечи хапае, словами промовляе:

— Стой, удово! не плачъ, не журися, мене козака молодого не лай, не проклинай! бо я твого сына на герець гуляты не посылавъ: вонъ самъ казацькую охоту мавъ!

Тогдѣ удова — не убого ся мала: три сотни войська до себѣ на хлѣбъ на соль закликала: заразомъ похороны й веселля Ивасеви одбувала, полковникови козацького коня дарувала, старшимъ шаблй й пищали Ивасевы роздавала.

Полягла козацька молодецька голова,
Якъ одъ вѣтру на степу трава;
Слава не вмре, не поляже,
Лыцарство козацьке усякому роскаже!

ПЕРЕВОДЪ.

На славной Украйнѣ, въ славномъ городѣ Корсунѣ, восклицаетъ Филоненко, полковникъ корсунскій:

— Довольно вамъ, ребята, сидѣть по домамъ, спотыкаться по пахатямъ, ломать спину за плугомъ, желтый сафьянъ (сапоговъ) пачкать, черное сукно пылью набивать: пойдемъ со мной гулять на Черкень долину, славы рыцарской доставать войску казацкому, постоять единодушно за вѣру христіанскую.

Тогда по городамъ не музыка играла, расхаживали вой-

сковые эсаулы, бумаги читали, вызывали казаковъ въ походъ, пробѣгали по улицамъ, говорили винокурамъ и банщикамъ:

— Гей, вы истопники, банщики, пивовары, винокуры! довольно вамъ въ винокурняхъ гнать водку, въ пивоварняхъ варить пиво, въ баняхъ топить, на печкахъ валяться, жирными лицами мухъ кормить, сажу вытирать, идемъ съ нами на Черкень долину гулять! вотъ такъ они вызывали: а кто будетъ, прибавляли, батюшкина воскреснаго обѣда ожидать, тотъ будетъ Филоненка Корсунскаго полковника догонять за шесть миль!

Въ городѣ Черкасѣ жила вдова старушка, у нея былъ сынъ Иванъ Коновченко. Лелѣя его съ дѣтства и не отдавая въ чужія руки, она, подъ старость, ожидала отъ него славы и воспоминанія. Услышавъ, прежде сына, возваніе эсауловъ, она спѣшила домой, всѣхъ лошадей отослала со двора, все оружіе заперла въ кладовую и поспѣшила въ храмъ Божій.

Просыпается Иванъ, посматриваетъ по комнатѣ и не видитъ на стѣнѣ ни одной сабли булатной, ни одной семичетвертной пищали! Входитъ въ конюшню,—а въ стойлахъ—ни одного коня воронаго!

Тогда онъ, отбивъ *келепомъ* кладовую, забираетъ оружіе, и, догнавъ возлѣ церкви мать старушку, говоритъ ей:

— Не хорошо ты, матушка, вздумала отослать всѣхъ лошадей со двора и все оружіе запереть въ кладовую. Лучше бы ты, матушка, сдѣлала, поѣхала бы въ городъ Крыловъ, дала жиду-арендатору сто злотыхъ, купила мнѣ добраго коня и меня молодаго въ походъ снарядила!

— Есть у тебя двѣ пары воловъ выхоленныхъ, пара коней вороныхъ отцовскихъ, лучше же этими волами землю пахать и приглашать къ себѣ козаковъ на хлѣбъ на соль: будутъ тебя казаки знать и безъ рыцарства.

— Что мнѣ изъ того, что буду хорошо поживать, что будутъ меня казаки уважать за хлѣбъ, за соль! Но сами же козаки, матушка, будутъ меня на веселѣ гречкосѣемъ, домосѣдомъ называть, коня моего честить бродягой! Нѣтъ, не пристало мнѣ спотыкаться по пахати, пачкать желтые сапоги, запыливать дорогое платье! а хочется, мнѣ, матушка, пойти погулять подъ городъ Тягиню, достать славы рыцарской.

И вотъ Иванъ беретъ въ руки булатную саблю, кладетъ на плечо семичетвертную пищаль и идетъ пѣшкомъ за войскомъ. А войско идетъ и жужжитъ (гудитъ) подобно пчеламъ.

Спѣша изъ храма Божьяго домой, старушка посматривала

межъ войскомъ, но не узнала своего сына Ивана. Бранила, проклинала она его, подымая руки къ небу.

— Господи милосердый! чтобъ сына моего не миновала первая пуля въ первой стычкѣ!

Потомъ, придя домой, перестала сердиться не сѣла обѣдать и говорила:

— Господи милосердый! Еслибы слово, которое выговорила я на сына своего Ивана, встрѣтило меня старуху на постели!

Тогда отогнавъ въ Крыловъ жиду-арендатору четыре выхоленные вола и доплативъ 50 злотыхъ, она купила на славу коня, того, котораго полюбила Иванова казацкая молодецкая душа. И вотъ встрѣтивъ одного казака, она отдала ему въ руки три полтины и коня:

— Гей, казакъ, вѣрный другъ! ты догонишь моего сына и сдѣлаешь его человѣкомъ! пусть сынъ мой Иванъ Коновченко не измѣряетъ ногами степи, не сокращаетъ себѣ жизни, не бранитъ, не проклинаетъ матери старухи!

Козакъ взялъ три полтины и лошадь и догналъ козацкое войско въ шести миляхъ за Браиловымъ. Въѣзжаетъ въ средину, посматриваетъ кругомъ и не узнаетъ Ивана Коновченка.

Но едва завидѣвъ лошадь, Иванъ Коновченко чуть не лишился чувствъ; подбѣгаетъ къ ней и хватаетъ за поводья.

— Я думалъ, говоритъ онъ, что моя мать бранитъ меня, проклинаетъ, а она заботится обо мнѣ! Еслибы Господь помогъ мнѣ окончить благополучно войну: не пошла бы моя мать спотыкаться по чужимъ дворамъ, брать въ займы хлѣба и соли, мыть чужія ложки, качать чужихъ дѣтей! я могъ бы содержать ее до конца жизни!

Не ясный соколъ гуляетъ по табору, не бѣлая лебедь поетъ, полковникъ Филоненко расхаживаетъ и говоритъ:

— Кто изъ васъ, братцы, лихой козакъ на борзомъ конѣ поѣдетъ со мной на Черкень-долину погулять, доставать рыцарской славы войску казацкому.

Услыхавъ это, прежде всѣхъ явился за благословеніемъ Иванъ Коновченко.

— Ой, Иванъ Коновченко! ты еще молодой неопытный малый! ты не бывалъ ни въ полѣ, ни на морѣ; не видалъ возлѣ себя смерти: какъ увидишь кровь на саблѣ, то испугаешься! Пусть лучше погуляешь тогда, когда узнаешь козацкіе обычаи!

— Не всѣ старыя птицы высоко летаютъ, не всѣ старыя

щуки хватаютъ карасей: случается, отецъ, что маленькая мартышка (птица-рыболовъ) ловитъ рыбку лучше, чѣмъ старая!

Проговоривъ это, Иванъ радостно подошелъ къ лошади, покрѣпче подтянулъ подпруги и вьется между козаками: стараго козака встрѣчаетъ — роднымъ отцомъ почитаетъ, молодаго встрѣчаетъ — уважаетъ за роднаго брата. И вотъ выѣзжаетъ онъ за полковникомъ, рубитъ двѣнадцать татаръ, шестерыхъ вяжетъ на арканъ. Полковникъ принимаетъ бусурмановъ, сажаетъ Ивана Коновченка рука объ руку и восхваляетъ его славу. Иванъ очень веселъ и говоритъ:

— Благослови мнѣ, отецъ, выпить водки! я не отказываюсь еще лучше биться съ басурманомъ!

— Не разрѣшаю тебѣ, сынъ мой, пить водку и идти на долину перевѣдаться съ басурманомъ! Если-жъ ты уже хочешь выпить, то совѣтую лечь отдыхать въ моемъ наметѣ.

— Хмѣль мнѣ не помѣшаетъ, а придастъ еще отваги, моему сердцу казацкому молодецкому.

Полковникъ куда-то отлучился, а Иванъ Коновченко напился водки, выходитъ изъ палатки, садится на коня, проѣзжаетъ межъ войскомъ: стараго казака встрѣчаетъ — оскорбляетъ гордымъ словомъ, молодаго встрѣчаетъ — не прощается, старымъ и молодымъ кашу опрокидываетъ, всѣхъ въ грудь толкаетъ стременемъ...

Не вихорь гуляетъ по Черкень долинѣ, не сизый орелъ гоняетъ ястребовъ: то Иванъ Коновченко разъѣзжаетъ на ворономъ конѣ: блеститъ мечемъ словно молнія: троихъ татаръ-янычаръ сбиваетъ съ коней. И опустивъ булатную саблю, выхваляетъ казакамъ свое молодечество, безпечно разъѣзжаетъ по долинѣ, подымаетъ на смѣхъ басурмановъ.

Безбожные басурманы это слышали, сейчасъ узнавали на гарцовкѣ хмѣльнаго казака и пускали ему больше поля; отбивали отъ казацкаго табора, и налетѣвъ гнѣвомъ Божіимъ саранчой на молодаго Коновченка, постреляли, изрубили его, сбили съ лошади; только казацкаго коня не поймали.

И вотъ добрый конь подбѣгаетъ къ табору, мчится по полкамъ, роетъ острыми копытами землю, ржетъ, словно говоритъ словами, и смутнымъ ржаньемъ вызываетъ казака своего.

Это было въ воскресенье въ полдень. Самъ Филоненко, корсунскій полковникъ, выходитъ изъ палатки, посматриваетъ на таборъ, и видя, что конь гуляетъ безъ сѣдока, говоритъ казакамъ:

— Не хорошо вы, братцы, сдѣлали, пустивъ гулять хмѣльнаго казака: словно вы сами его погубили. Постарайтесь же! отбейте басурмановъ отъ тѣла казацкаго. Не даромъ казачій конь бѣгаетъ по табору: вѣроятно, нѣтъ на свѣтѣ Ивана Коновченка.

Услышавъ это, казаки поскорѣе выѣзжали на долину, отбивали басурмановъ отъ тѣла казацкаго: саблями, поочередно, копали сухую землю, шапками, концами полъ выбирали землю, насыпали могилу Ивану Коновченку, гремѣли въ семичетвертныя пищали, грустно играли на трубахъ,— восхваляли казацкую славу...

Вотъ въ субботу на воскресенье приснился вдовѣ удивительно-странный сонъ. Проснувшись, вышла она на базаръ и разсказывала свой сонъ старымъ сосѣдкамъ. Хотя старыя сосѣдки очень хорошо поняли сонъ, однако, вдовѣ не сказали правды.

— Ты не плачъ, вдова и не горюй, потому что сынъ твой женился: взялъ себѣ турчанку въ зеленомъ платьѣ, въ золотомъ чепцѣ. Богъ помогъ ему, онъ живетъ прекрасно, податей не платитъ, хлѣба не сѣетъ, и никто его не трогаетъ.

Вдова спѣшила домой и говорила:

— Благодарю тебя, Господи! Теперь хоть сынъ мой будетъ и по походамъ ходить: будетъ мнѣ съ кѣмъ дома слово промолвить, и раздѣлить печаль съ невѣсткой.

Скоро послѣ этого начали казаки сымать лагерь и вступать въ христіанскіе города. Чуть только вдова это заслышала, сильно обрадовалась, налила по ушату меду и водки, стала у городскихъ воротъ, высматривала сына, и каждаго казака о немъ спрашивала...

Проходитъ первая и вторая сотня, — не видитъ вдова сына. Но вотъ третья съ полковымъ знаменемъ,—самъ хорунжій идетъ впереди и ведетъ на гостинецъ вдовиннаго коня за поводъ.

Какъ только вдова увидала коня, почти лишилась чувствъ. Ударилась она о землю, къ небу руки подымала, бранила, проклинала:

— О, Филоненко! чтобъ тебѣ не было ни счастья, ни доли, какъ ты моего сына изъ среди войска потерялъ, словно мизиный палецъ!

Тогда самъ Филоненко, полковникъ корсунскій, встаетъ съ лошади, беретъ подъ руки вдову и говоритъ ей:

— Стой, вдова! не плачь, не горюй, не брани, не про-

клинай меня молодаго! потому что я твоего сына не посылалъ на гарцовку! онъ самъ пустился на казацкую охоту.

Тогда вдова, — а была она не бѣдна — три сотни войска пригласила къ себѣ на хлѣбъ на соль, праздновала вмѣстѣ свадьбу и похороны своего сына, полковнику подарила казацкаго коня, — раздала старшинамъ Ивановы сабли и пищали.

Слегла въ бою казачья голова
Какъ на степи подъ бурею трава;
Но слава не умретъ, не сляжетъ,
Казачью доблесть каждому разскажетъ!

II. Про Самойла Кушку.

Ой зъ города Трапезонта выступала галера, трёма цвѣтами процвѣтана, малёвана. Ой первымъ цвѣтомъ процвѣтана — злотосиними киндяками побивана; а другимъ цвѣтомъ процвѣтана — гарматами орештована; третимъ цвѣтомъ процвѣтана — турецькою бѣлою габою, покровена.

То ў той галерѣ, Алканъ-паша, трапезоньське княже гуляе; мае собѣ выбраного люду! сѐмсотъ турковъ, янычаровъ чотыриста, да бѣдного невольника повчвартаста, безъ старшины войськовой. Первый старшій межъ ними пробувае Кушка Самойло, гетьманъ запорозьській, другій — Марко Рудый, суддя войськовый; третій — Мусѣй Грачъ, войськовый сурмачь; чевертый — ляхъ Бутурлакъ, клюшникъ галерській, сотникъ Переясловській, недовѣрокъ християньській, — що бувъ тридцятъ годъ у неволѣ, двадцать чотыри, якъ ставъ на волѣ; потурчывся, побусурменывся, за для панства великого!

У тòй галери одъ пристаний далеко одпускали, Чорнымъ моремъ далеко гуляли; проты Кехвы города приставали, тамъ собй великій довгій опочинокъ мали.

Отъ и приснився Алкану-паши трапезоньському княжятѣ, молодому панятѣ, сонъ дивенъ, барзо дивенъ на прочудъ. То Алканъ-паша трапезоньське княжя, на туркòвъ, янычаровъ, на бйдныхъ невольниковъ покликае: »турки, янычаре и вы бѣдніи невольники! который бы змогъ турчинъ, янычаръ сей сонъ угадати, я змогъ бы ёму три городы турецькіи дарувати; а который бы змогъ бѣдный невольникъ угадати, я змогъ бы ёму листы возволенни писати, щобъ не смѣвъ его нихто нигде зачепати!«

Сее турки зачували, ничого не сказали; бѣдніи невольники, хочъ добре знали, собѣ промовчали. Только обôзветься межъ турковъ ляхъ Бутурлакъ, клюшникъ галерській, сотникъ переясловській, недовѣрокъ христіяньській: »Якъ же, каже, Алкане-пашо, твой сонъ угадати, коли ты не зможешъ намъ розсказати.«

— Такой минѣ, небожато, сонъ приснився, бодай николи не явився: сниться моя галера цвѣткована, малёвана, стала уся обôдрана, на пожаръ испускана; а мои турки, янычаре стали усѣ у пень порубани, мои бѣдни невольники, котори були у неволѣ, то усѣ стали на волѣ; а гетьманъ Кушка меня на три части растявъ, у Чорнее море пометавъ...«

То скоро тее ляхъ Бутурлакъ завувавъ, до ёго словами промовлявъ: »Алкане-пашо, трапезоньське княжа, молодее паня! сей тоби сонъ не буде ни мало зачепати, скажи минѣ получее бѣдного невольника доглядати зъ ряду до ряду саджати, по два, по три старіи и нôвіи кайданы справляти, на руки, на ноги надѣвати; чорвонои таволги по два дубци, брати, по шіяхъ затинати, кровъ христіаньску на землю проливати!«

Скоро то сее зачували, одъ пристани галеру далеко одпускали: до города до Козлова, до дѣвки Санджаковны на залеты поспишали.

Отъ до города до Козлова прибували. Дѣвка Санджаковна на зустрѣчъ выходжае, Алкана-пашу у городъ Козловъ зъ усѣмъ войськомъ закликае. Алкана-пашу за бѣлу руку брала, у свѣтлици камъяницы зазывала, на бѣлу скамью саджала, дорогими напитками наповала, а войсько середъ рынку саджала.

То Алканъ-паша, трапезоньське княжа, не барзо дорогіи напитки уживае; а до галеры двохъ турковъ на подслухи посылае: щобъ не змогъ ляхъ Бутурлакъ, Кушки Самойла одмыкати, упоручъ себе саджати! То тіи турки скоро до галеры прибували.

Одъ Кушка Самойло, гетьманъ Запорозьскій словами промовляе:

— Ой, Ляше Бутурлаче, брате старесенькій! Колись ты бувъ у такой неволѣ якъ мы тепера: добро намъ учини, хочь насъ старшну одомкни: хай бы и мы у городѣ побували, паньске весéлья добре знали.

Каже Ляхъ Бутурлакъ:

— Ой Кушко Самойлу, гетьмане Запорозьскый, батьку

козацькый! добро ты учини: вѣру христіяньску подъ ноги подтопчи, хрестъ на собѣ поламни! а ще будешь вѣру христіаньску подъ ноги топтати, будешъ у нашого пана молодого за рȯднаго брата пробувати.

То скоро Ку̑шко Самойло тее зачувавъ, словами промолвлявъ:

— Ой, Ляше Бутурлаче, сотнику Переясловськый, недовѣрку христіаньскій! бодай же ты не дождавъ, щобъ я вѣру христіяньську подъ ноги топтавъ! Хочъ буду до смерти бѣду да неволю пріймати, а буду у землѣ козацький голову покладати! Ваша вѣра погана, земля проклята!

Скоро Ляхъ Бутурлакъ тее зачувае, Кушку Самойла у щеку запинае.

— Ой, каже, Кушко Самойлу, гетьмане Запорозьській! будешъ ты мене у вѣрѣ христіяньськйй укоряти, буду тебѣ паче усѣхъ невольникȯвъ доглядати, старіи и новіи кайданы справляти, лонцюгами за поперекъ утрое буду тебѣ брати!

То ти два Турки тее зачували, до Алкана-паши прибували:

— Алкане-пашо, Трапезоньське княже! безпечно гуляй, доброго и вѣрного клюшника маешъ: Кушку Самойлу у щоку затынае, у Турецьку вѣру увертаю!

То Алканъ-паша, Трапезоньске княжя, великую радость мае: на двѣ части дорогіи напитки раздѣляе, половину на галеру одсылае, половину зъ дѣвкою Санджакȯвною уживае.

Ставъ Ляхъ Бутурлакъ дорогіи напитки пити-попивати, стали помыслы козацьки голову клюшникови разбивати.

— Господи! есть у мене що пити и у чёмъ ходити, тольки нѣ съ кимъ объ вѣрѣ христіяньской разговорити!

До Кушкы Самойла прибувае, поручъ себѣ саджае, дорогого напитка по два, по три кубки у руки наливае.

То Самойло Кушка по два, по три кубки у руки бравъ, у рукава, у пазуху, крозь хустку до долу выпускавъ. Ляхъ Бутурлакъ по одному выпывавъ: то такъ напився що зъ ногъ звалився.

То Кушка Самойло да угагавъ: Ляха Бутурлака до лȯжка за мѣсць дитины спати клавъ; самъ восемдесятъ чотире ключи зъ подъ головъ выймавъ, на пьяти чоловѣкъ по ключу дававъ:

— Казаки-панове! добре майте, одинъ другаго одмыкайте, кайданȯвъ зъ ногъ и зъ рукъ не скидайте, повночной годины дожидайте!

Тогдѣ казаки одинъ другого одмыкали; кайдановъ зъ ногъ и зъ рукъ не скидали, повночной годины дожидали. А Кушка

Самийло чогось догадавъ, за бѣдного невольника утрое себѣ ланцюгами принявъ, пивночной годины дожидавъ.

Стала по́вночная година наступати, ставъ Алканъ-паша зъ вийськомъ до галеры прибувати. То до галеры прибувавъ, словами промовлявъ:

— Вы Турки яничаре, по маленьку ячи́те, мого вѣрнаго клюшника не збуди́те! Сами жъ добре по межъ рядами проходжайте! Бо тепера винъ подгулявъ, щобъ кому польги не давъ...

То Турки яничаре свѣчки у руки брали, помежъ рядами прохождали, усякаго человѣка оглядали... Богъ помичъ, за замки руками не брали!

— Алкане-пашо, безпечно спочивай! доброго и вѣрного клюшника маешъ: винъ бѣдного невольника зъ ряду до ряду посаджавъ, по два, по три старіи ланцюги посправлявъ; а Кушку Самийла ланцюгами у трое принявъ.

Тогдѣ Турки яничаре у галеру уходжали, безпечно спати полягали; а котори хмѣльни́ бували, на сонъ знемогали, коло пристани Козловськой спати полягали.

Тогдѣ Кушка Самийла пивночной години дождавъ, самъ межъ козако̀въ уставъ; кайданы зъ рукъ и зъ ногъ у Чорнее море поукидавъ; у галеру уходжае, козако́въ розбуджае, шабли́ булатнии по выбо́ръ выби́рае, до козако́въ промовляе:

— Вы, панове молодци! кайданами не стукоти́те, ясины не учините, ни котораго Турка у галери не збудите!

То козаки тее добре зачували: сами зъ себе кайданы скидали, у Чорнее море укидали, ни одного Турка не збудили. Тогдѣ Кушка Самийло промовляе:

— Вы козаки молодци, добре майте! одъ города Козлова забѣгайте, Турковъ янычаровъ у пень рубайте, которихъ живьемъ у Чернее море укидайте!

Тогдѣ казаки одъ города Козлова забѣгали, Турковъ янычаровъ у пень рубали, которихъ живихъ у Чернее море укидали.

А Кушка Самийло Алкана-пашу зъ ложка узявъ, на три части ростявъ, у Чернее море поукыдавъ, до козаковъ промолвлявъ:

— Панове молодци! добре дбайте, усѣхъ у Чернее море укидайте, тильки Ляха Бутурлака не рубайте: межъ вийськомъ, за для порядку, за ярызу вийськового зоставляйте.

Тогдѣ козаки добре мали: усѣхъ Турковъ у Чернее море

поукидали; тильки Ляха Бутурлака не зрубали, межъ войськомъ, за для порядку за ярызу вȯйскового зоставляли. Тогдѣ галеру одъ пристани одпускали, сами Чорнымъ моремъ далеко гуляли.

Отъ у недѣленьку, у полуденну годиночьку Ляхъ Бутурлакъ съ лȯжка уставае, до Кушки Самийла прибувае, у ноги упадае:

— Ой Кушко Самийлу, гетьмане Запорозьськый, батьку козацькій! не будь же ты на мене, якъ я бувъ на останку вѣка мого на тебе! Богъ тобѣ да пȯмочъ непріятеля побѣдити; да не умѣтимешь у землю христіяньску уходити! Добро ты учини: опачинъ у оковы посади, а половину у турецьку дорогу одежу убери; бо ще будемо одъ города Козлова до города Цариграда гуляти, будуть зъ города Цариграда дванадцять галеръ выбигати, будуть Алкана-пашу зъ дѣвкою Санджакȯвною по залетахъ поздоровляти: то якъ будешъ одвѣтъ оддавати...

Якъ Ляхъ Бутурлакъ навчивъ, такъ Кушка Самийло гетьманъ Запорозьскій учинивъ: половину козаковъ до опачинъ у оковы посадивъ, а половину у турецьку дорогу одежу убравъ. Стали одъ города Козлова до города Цариграда гуляти, стали зъ Цариграда дванадцать галеръ выбѣгати, и галеру за гарматы торкати, стали Алкана-пашу зъ дѣвкою Санджакивною по залетахъ поздоровляти. То Ляхъ Бутурлакъ чогось догадавъ: самъ на чердакъ выступавъ, турецькимъ бѣленькимъ завиваломъ махавъ; разъ то мовить по грецкій, у друге по турецькій: каже:

— Вы турки янычаре, по маленьку, братця, ячите, отъ галеры одверните; бо тепера вонъ подгулявъ, спочивае, на похмѣльля знемагае, до васъ не устане, головы не зведе. Казавъ: якъ буде назадъ гуляти, то не буде вашои милости и повѣкъ забувати.

Тогдѣ турки янычаре отъ галеры одвертали, до города Цариграда одбигали: зъ дванадцати гарматъ грéмали, яссу воздавали.

Тогдѣ козаки собѣ добре дбали: симъ гарматъ собѣ орештовали, яссу воздавали, на Лиманъ рѣку испадали, къ Днѣпру-словутѣ низеньку уклоняли:

— Хвалимъ тя, Господи, и благодаримъ! Були пьятьдесятъ чотыре года у неволѣ, а теперь чи не дасть намъ Богъ хоть часъ пожити на волѣ.

А у Тендровѣ островѣ Семенъ Скалозубъ зъ вийськомъ на

заставѣ стоявъ, да на тую галеру поглядавъ, до козаківъ словами промовлявъ:

— Козаки, панове молодци! що ся галера чи блудить, чи свѣтомъ нудить, чи много люду царського мае, чи за великую здобыччю ганяе? То вы добре майте: по двѣ гарматы набирайте, тую галеру зъ грозной гарматы привѣтайте, гостиньця ей дайте!

Тогдѣ козаки промовляли:

— Семене Скалозубе, гетьмане Запорозьській, батьку козацький! Десь ты самъ боисся: есть ся галера не блудить, ни свѣтомъ нудить, ни много люду царського мае, ни за великою здобыччю гоняю: се, може, е давній, бѣдный невольникъ зъ неволи утикае.

— Вы вѣры не доймайте, хочъ по двѣ гарматы набирайте: тую галеру зъ грозной гарматы привѣтайте, гостиньця ей дайте; якъ турки яничары, то у пень рубайте, а якъ бѣдный невольникъ, то помочи дайте!

Тогдѣ казаки якъ дѣти не гораздъ починали, по дви гарматы набирали: тую галеру съ грозной гарматы привѣтали, три дошки у суднѣ выбивали, воды днѣпровой напускали...

Тогдѣ Кушка Самойло, гетьманъ Запорозьській, чогось догадавъ, самъ на чердакъ выступавъ; червоніи, хрещатіи, давніи корогвы зъ кишени выймавъ, роспуставъ, до воды похоливъ; самъ низенько уклонивъ:

— Козаки, панове молодци! ся галера не блудить, ни свѣтомъ нудить, ни много люду царського мае, ни за великою здобыччю ганяе: се есть давній, бѣдный невольникъ Кушка Самойло зъ неволи утéкае. Були пьятьдесятъ чотыре годы у неволѣ, — теперь чи не дастъ Богъ хоть часъ пожити на волѣ.

Тогдѣ козаки у каюки скакали; тую галеру замалёвани облавки брали, да на пристань стягали; одъ дуба до дуба на Семена Скалозуба паювали; тую галеру да на пристань стягали. Тогдѣ киндяки на козаки, злотоглавы на атаманы, турецьку бѣлу габу на козаки на бѣляки, а галеру на пожаръ испускали. А сребло, злото — на три части паювали: перву часть брали, на церкви накладали, на святого Межигорьскаго Спаса, не Трехтимировській манастырь, на святу Сѣчову Покрову давали, котори давнимъ козацькимъ скарбомъ будували, щобъ за ихъ уставаючи и лягаючи, милосердаго Бога благали. А другу часть по межъ собою паювали; а третю часть брали, очеретами сѣдали, пили да гуляли, зъ семипъяднихъ пищалей гремали, Кушку Самойла по волѣ поздоровляли:

— Здоровъ, кажутъ, здоровъ, Кушко Самойлу, гетьмане Запорозьськiй! не загинувъ еси у неволѣ, не загинешъ и зъ нами казаками на волѣ!

Правда, панове, полягла Кушки Самойла голова у Киювѣ Каневѣ манастырѣ... слава не умре, не поляже! Буде слава славна: по мéжъ козаками, по мѐжъ лыцарями, по мéжъ добрыми молодцями. Утверди Боже! люду царьськаго, народу христiяньскаго, войська Запорозьськаго, Доньскаго, зъ сею черню днѣпровою, низовою на многая лѣта до конця свѣта.

ПЕРЕВОДЪ.

Изъ города изъ Трапезонта выступала галера, разрисованная, изукращенная тремя цвѣтами: что первымъ цвѣтомъ— обита золотосиними *киндяками* *), вторымъ цвѣтомъ пушками уставлена, третьимъ цвѣтомъ —покрыта бѣлымъ турецкимъ сукномъ.

Гуляетъ въ этой галерѣ Алканъ-паша княжичъ Трапезонтскiй, при немъ избранныхъ воиновъ: семьсотъ турокъ и четыреста янычаръ, да триста пятьдесятъ однихъ бѣдныхъ невольниковъ, не считая войсковыхъ старшинъ. Первый старшина Самуилъ Кушка гетманъ Запорожскiй; второй Марко Рудый войсковой судья; третiй Моисей Грачъ — войсковой трубачъ; четвертый ляхъ Бутурлакъ, галерный ключникъ, сотникъ Переяславскiй, отступникъ христiанскiй, который тридцать лѣтъ былъ въ неволѣ, двадцать четыре года какъ уже на свободѣ, отуречился, обасурманился ради почестей.

Далеко они въ той галерѣ отчаливали отъ пристани, далеко Чернымъ моремъ гуляли; а противъ Кафы города пристали и держали тамъ очень долгiй отдыхъ.

Вотъ и приснился Алкану-пашѣ, Трапезонтскому княжичу удивительно странный сонъ, и Алканъ-паша отзывается къ туркамъ янычарамъ и бѣднымъ невольникамъ:

— Слушайте турки янычаре и вы, бѣдные невольники! Кто изъ турокъ янычаръ отгадаетъ мой сонъ, подарю тому три турецкiе города; кто угадаетъ изъ невольниковъ — дамъ отпускныя, чтобъ никто и нигдѣ не смѣлъ ихъ трогать.

Услышавъ это, турки ничего не сказали, а бѣдные невольники хотя и хорошо знали, однако, промолчали. Только изъ среды турокъ и отозвался ляхъ Бутурлакъ, га-

*) Слово, утратившее смыслъ.

лерный ключникъ, сотникъ Переяславскій, отступникъ христіанскій.

— Какъ же, говоритъ, намъ твой сонъ, Алканъ-паша, отгадать, когда ты намъ его не разсказываешь?

— Такой мнѣ, братцы, сонъ привидѣлся, что дай Богъ не видѣть въ другой разъ! Снится мнѣ, что моя разрисованная, изукрашенная галера стала вдругъ ободрана и зажжена. Турки мои янычары изрублены въ куски, бѣдные мои невольники свободны, а Самуилъ Кушка разрубилъ меня на три части и бросилъ въ Черное море.

Услыхавъ это ляхъ Бутурлакъ проговорилъ ему:

— Алканъ-паша, Трапезонтскій княжичъ, молодой господинъ, сонъ этотъ нисколько не повредитъ тебѣ: прикажи только мнѣ получше присматривать за невольниками, по рядамъ сажать ихъ, покрѣпче заковывать, брать по два прута красной лозы, сѣчь ихъ по шеямъ, кровь христіанскую проливать на землю.

Послѣ этого далеко отчаливали галеру отъ берега: въ городъ Козловъ къ дочери Санджака на помолвку поспѣшали.

Вотъ и прибыли въ г. Козловъ. Дочь Санджака выходитъ на встрѣчу, Алкана-пашу со всѣмъ войскомъ зазываетъ въ г. Козловъ; Алкана-пашу беретъ за бѣлую руку, ведетъ въ каменныя палаты, сажаетъ на бѣлую скамью, — а войско размѣщаетъ на рынкѣ.

Алканъ-паша, княжичъ Трапезонтскій не слишкомъ, однако-жъ, пьетъ дорогіе напитки; онъ на галеру посылаетъ двухъ турокъ на развѣдки, изъ боязни, чтобъ ляхъ Бутурлакъ не отперъ оковъ Самуилу Кушкѣ и не посадилъ бы его рука объ руку съ собою. Турки тѣ прибыли на галеру.

Вотъ Самуилъ Кушка, гетманъ Запорожскій, и говоритъ:

— Ляхъ Бутурлакъ, старый товарищъ? Когда-то и ты былъ, какъ мы, въ неволѣ; поблагодѣтельствуй же намъ: отопри оковы хоть намъ, старшинамъ, пусть бы и мы побывали въ городѣ, посмотрѣли на господскую свадьбу!

Ляхъ Бутурлакъ отвѣчалъ: Кушка Самуилъ, гетманъ Запорожскій, отецъ казацкій! послушайся ты меня: топчи подъ ноги вѣру христіанскую, изломай крестъ на себѣ; а если ты исполнишь это, будешь словно родной братъ у нашего молодаго господина.

Едва услыхавъ это, Самуилъ Кушка отвѣчалъ:

— Гей ляхъ Бутурлакъ, сотникъ Переяславскій, отступникъ христіанскій! не дождешь ты, чтобы я топталъ подъ

ноги вѣру христіанскую! Готовъ я на смерть и на рабство, но буду стараться сложить голову въ землѣ казацкой! Мерзкая вѣра ваша! проклята земля ваша!

Услыхавъ это, ляхъ Бутурлакъ ударилъ по лицу Самуила Кушку.

— О, говорилъ онъ, Самуилъ Кушка, гетманъ Запорожскій! если ты будешь укорять меня въ отступничествѣ, стану строже, чѣмъ за всѣми невольниками, за тобою присматривать, наблюдать за твоими оковами, и тройными цѣпями прикрѣплять тебя!

Бывъ свидѣтелями этого, Турки-посланцы воротились къ господину.

— Алканъ-паша, княжичъ Трапезонтскій! говорили они; веселись безпечно: у тебя вѣрный и хорошій ключникъ: онъ бьетъ по лицу Самуила Кушку и обращаетъ его въ нашу вѣру.

Это очень радуетъ Алканъ-пашу княжича Трапезонтскаго. Онъ раздѣляетъ на двѣ части дорогіе напитки и одну половину отсылаетъ на галеру, а другую оставляетъ для себя съ невѣстой.

Началъ ляхъ Бутурлакъ попивать дорогіе напитки, начали въ головѣ ключника разыгрываться козацкіе помыслы. »Господи! думалъ онъ: есть у меня что пить, есть въ чемъ ходить; только не съ кѣмъ поговорить о вѣрѣ христіанской!« Вотъ онъ идетъ къ Самуилу Кушкѣ, сажаетъ его рука объ руку съ собою, по два, по три кубка дорогихъ напитковъ ему наливаетъ.

Беретъ Самуилъ Кушка, по два, по три, кубка въ руки; но то въ рукава, то за пазуху, то сквозь платокъ выливаетъ ихъ на полъ. Ляхъ же Бутурлакъ, выпивая по одному, до того напился, что свалился съ ногъ.

Тогда Самуилъ Кушка догадался: словно ребенка уложилъ на постель спать ляха Бутурлака, а самъ вынулъ у него изъ подъ головъ восемьдесятъ четыре ключа, и отдавая по ключу на пять человѣкъ товарищей, сказалъ имъ:

— Старайтесь ребята, отпирайте другъ-друга, но не скидывайте оковъ ни съ ногъ, ни съ рукъ, а ожидайте полуночи!

И вотъ казаки отперли другъ друга, но не сбрасывая оковъ ни съ рукъ, ни съ ногъ, ожидали полуночи. А Самуилъ Кушка, догадавшись о чемъ-то, словно бѣднаго невольника, самъ себя на тройную цѣпь взялъ, тоже ожидая назначеннаго времени.

Начала полночь приближаться: сталъ Алканъ-паша съ войскомъ подъѣзжать къ галерѣ. Взойдя на галеру, онъ и говоритъ:

— Вы, турки, янычары, потише, не разбудите моего вѣрнаго ключника; сами же пройдите по рядамъ и хорошенько осмотрите каждаго человѣка. Ключникъ теперь подгулялъ, то чтобъ онъ не облегчилъ кого-нибудь.

Взявъ свѣчи, турки янычары проходили между рядами, осматривали каждаго человѣка и видно, Богъ помогъ, не прикасались руками къ замкамъ.

— Алканъ-паша! говорили они: почивай безпечно: у тебя вѣрный и исправный ключникъ: онъ посадилъ въ рядъ невольниковъ, заковалъ ихъ какъ слѣдуетъ; а Самуила Кушку прикрѣпилъ тройною цѣпью.

Тогда турки янычары вошли въ галеру и легли беззаботно спать; а тѣ, которые были пьяны и одолѣваемы сномъ, улеглись возлѣ козловской пристани.

Дождавшись полуночи, Самуилъ Кушка всталъ одинъ, съ рукъ и съ ногъ оковы побросалъ въ Черное море; вошелъ въ галеру, разбудилъ казаковъ, выбралъ булатныя сабли и сказалъ казакамъ:

— Вы, ребята, не стучите оковами, не надѣлайте шуму, чтобъ не разбудить въ галерѣ ни одного турка.

Казаки хорошо это понимали, сняли съ себя оковы, бросили ихъ въ Черное море и не разбудили ни одного турка.

Тогда Самуилъ Кушка говоритъ казакамъ:

— Вы, казаки молодцы, старайтесь! Заходите отъ города Козлова и рубите въ куски турокъ, янычаръ, а иныхъ и живьемъ бросайте въ Черное море!

И казаки заходили отъ города Козлова, рубили турокъ, янычаръ въ куски, а иныхъ живьемъ бросали въ Черное море.

Самуилъ же Кушка, взявъ съ постели Алкану-пашу, разсѣкъ его на три части и, бросивъ въ Черное море, говорилъ казакамъ:

— Старайтесь ребята! выбрасывайте всѣхъ въ Черное море, только не рубите ляха Бутурлака, а оставляйте его среди войска, для порядку, войсковымъ *яризой* *).

Казаки хорошо старались; всѣхъ турокъ побросали въ Черное море, только не рубили ляха Бутурлака, оставляя его среди войска, для порядка, войсковымъ яризой.

*) Слово, совершенно утратившееся и нигдѣ неупоминаемое.

И, отчаливъ галеру отъ пристани, далеко пустились въ Черное море.

Вотъ въ воскресенье ляхъ Бутурлакъ встаетъ съ постели, идетъ къ Самуилу Кушкѣ и падаетъ ему въ ноги.

— О, Кушка Самуилъ, гетманъ запорожскій, отецъ казачій, не будь ты для меня тѣмъ, чѣмъ былъ я для тебя при концѣ моего вѣка! Тебѣ Господь Богъ и пособилъ побѣдить врага, но ты не будешь умѣть достигнуть земли христіанской! А ты вотъ что сдѣлай: половину казаковъ прикуй къ лавкамъ и посади за веслы, а половину наряди въ турецкую богатую одежду, потому что еще будемъ ѣхать къ Цареграду, а изъ Цареграда будутъ выплывать двѣнадцать галеръ, будутъ Алкана-пашу и невѣсту его поздравлять съ обрученіемъ. А что ты будешь отвѣчать имъ?

Самуилъ Кушка, гетманъ запорожскій, послушался совѣта ляха Бутурлака: половину казаковъ приковалъ онъ къ лавкамъ и посадилъ за веслы, а другую половину одѣлъ въ турецкую дорогую одежду. И начали они отъ города Козлова до Цареграда путь держать, начали выплывать изъ Цареграда двѣнадцать галеръ, стали привѣтствовать изъ орудій и поздравлять Алкана-пашу и невѣсту его съ обрученіемъ. А ляхъ Бутурлакъ чего-то догадался; вышелъ на корму, замахалъ бѣлой турецкой чалмой и заговорилъ по гречески и по турецки:

— Вы, братцы турки, янычары, потише! отворачивайте-ка отъ галеры, потому что онъ подгулялъ и почиваетъ съ похмѣлья, головы не подведетъ, не встанетъ къ вамъ. Онъ говорилъ, что какъ поѣдетъ назадъ, то вашей милости не забудетъ!

И турки, янычары отъ галеры отворачивали, плыли къ Цареграду: изъ двѣнадцати орудій гремѣли, *яссу* *) воздавали.

Тогда казаки постарались: уставили себѣ семь орудій, почесть воздавали, спускались къ Лиману и низко кланялись Днѣпру-словутѣ:

— Хвалимъ тебя, Господи, и благодаримъ! Были пятьдесятъ четыре года въ неволѣ, не дастъ ли намъ Богъ хоть часъ пожить на свободѣ.

А между тѣмъ Семенъ Скалозубъ стоялъ съ войскомъ на стражѣ на островѣ Тендровѣ, и, посматривая на эту галеру, говорилъ своимъ казакамъ:

*) Слово непонятное; конечно, оно здѣсь употреблено въ смыслѣ почести; но нигдѣ больше не встрѣчается.

— Что, молодцы казаки, не блуждаетъ ли эта галера, или она горюетъ, или на ней много царскаго народу, или она гоняется за большей добычей? То вы смотрите, заряжайте по два орудія, привѣтствуйте ее грозно, дайте ей гостинца!

Тогда казаки отвѣчали:

— Семенъ Скалозубъ, гетманъ запорожскій, отецъ казачій! Вѣрно ты самъ боишься: эта галера ни блуждаетъ, ни горюетъ, ни несетъ на себѣ много царскаго народу, ни гоняется за большой добычей, это, можетъ быть, давнишніе бѣдные невольники уходятъ изъ плѣна.

— Вы все-таки не довѣряйте, хоть по два орудія заряжайте, грозно ее привѣтствуйте, пошлите ей гостинца, если турки янычары, то въ куски рубите;— если же бѣдные невольники, то помогите имъ.

Тогда казаки, словно дѣти, нехорошо начали: по два орудія заряжали, грозно привѣтствовали галеру, три доски у нея выбили, днѣпровской воды напустили.

Въ то время Кушка Самуилъ, гетманъ запорожскій, о чемъ то догадался, самъ вышелъ на корму, вынулъ изъ кармана красныя, крестовыя, старинныя знамена; распустилъ ихъ, преклонилъ къ водѣ и самъ низко поклонился.

— Казаки молодцы! сказалъ онъ: эта галера не блуждаетъ, ни горюетъ, ни много несетъ на себѣ царскаго народу, ни гоняется за большой добычей, а это старинный бѣдный невольникъ Самуилъ Кушка уходитъ изъ плѣна. Были мы пятьдесятъ четыре года въ неволѣ, а теперь не дастъ ли Богъ, хоть часъ пожить на свободѣ.

Тогда казаки прыгали въ челны, брали галеру за разрисованные прилавки и вытаскивали на берегъ. Вытащивъ, начали дѣлить добычу: киндяки казакамъ, парчу — атаманамъ. турецкое бѣлое сукно — казакамъ бѣлякамъ; а галеру зажгли и пустили. Серебро и золото раздѣлили на три части: первую часть отложили на церкви: на Межигорскаго Спаса, на Трахтомировскій монастырь, на святую Сѣчевую Покровъ, храмы, прежде еще выстроенные на счетъ казачій, чтобы въ нихъ непрестанно молились. Другую часть казаки дѣлили между собою, а третью брали, садились въ тростникахъ, пили, пировали, гремѣли изъ семичетвертныхъ пищалей и поздравляли съ освобожденіемъ Самуила Кушку.

— Здорово! говорили: здорово Самуилъ Кушка, гетманъ запорожскій! не погибъ ты въ неволѣ, не погибнешь и съ нами, казаками, на волѣ!

Правда, братцы, сложилъ Самуилъ Кушка голову въ Кіевѣ, въ Каневѣ монастырѣ... но слава не умретъ, не погибнетъ... Будетъ слава славна между казаками, между добрыми молодцами! Укрѣпи, Господи! народъ царскій, народъ христіанскій, войско запорожское, донское, съ этой черныю днѣпровскою, низовою, на многія лѣта, до конца свѣта.

III. О трехъ братьяхъ.

Ой не великіи туманы уставали, три братика ро́дненькихъ, зъ города Азова, зъ тяжкой неволи утикали. Два конныхъ, третій пѣшій за ними подбѣгае; на сыре корѐння, на бѣле камѐння нижки свои козацькіи посѣкае, кровъю слѣды заливае, словами промовляе:

— Станьте, вы, братця! коней попасите, мене пидождите, зъ собою возьмите, до городовъ христіаньськихъ пидвезите!

То середульшій тее зачувае, старшого пытае; то старшій ёму словами промовляе:

— Щобъ я доброго коня томивъ, помичъ дававъ, до себе живого трупа бравъ! чи ще жъ тобѣ не далася тяжкая неволя знати? Якъ будемо брата дожидати, буде насъ орда доганяти, буде насъ стриляти, рубати; або у тяжкій работѣ будемо пропадате! Якъ живъ та здоровъ буде, самъ у города христьяньськи прибуде!

— Колы жъ мене, братця, не хочете ждати, ставъ меншій промовляти: то прошу васъ, братця, на правый бикъ звертайте, шабли изъ пиховъ выймайте, минѣ зъ плѐчь голову здиймайте, тѣло мое порубайте, у чистимъ степу поховайте, звѣрю да птицѣ на поталу не дайте!

То середульшій тее зачувае, словами промовляе:

— Сёго, брате, зъ роду не чували, щобъ ридною кровъю шабли обмывали, або гострымъ списомъ опрощення брали! Шабля ни озьме, рука не пидийметься тебе рубати!

— Колы жъ не хочете, братця, мене рубати, то прошу васъ, братця, якъ будете до байракивъ прибувати, тернови вѣти у запильля рубайте, минѣ признаку покидайте! Нехай и я буду знати — куда за вами утикати!

То уже два казаки у байраки уѣзджае. Средульшій братъ милосердіе мае: верховѣття на тернахъ стинае, меншому братови прикмету покидае. А якъ стали на Муравській шляхъ выбѣгати, нѣчёмъ ему признаки покидати: вöнъ чер-

вону китайку зъ подъ жупана выдирае, по шляху роскидае меншому брату прикмету зоставляе.

То якъ ставъ пѣшоходецъ зъ терновъ выходити, ставъ червону китайку знаходити; у руки бере, до серденька кладе:

»Не дурно«, промовляе »червона китайка по шляху валяе: мабуть моихъ братовъ на свѣтѣ не мае! Ой за ними зъ города погоня уставала, мене у тернахъ не спочивѣ минала, братывъ мойхъ доганяла, пострѣляла, порубала! Коли бъ минѣ Богъ милосердый помигъ тѣло казацке знаходити — братывъ оплакати, у чистимъ степу поховати! Що одно безвидья, а ще буйный вѣтеръ у степу повѣвае, бѣдного казака зъ нигъ валяе. Ой годи жъ минѣ за конными братами уганяти часъ минѣ казацькимъ ногамъ пильгу дати!« То тое промовляе, до Саворъ-могилы прибувае, пидъ Саворъ-могилою безпечно спочивае.

Тогди сизи орлы налетали, пильно у очи казакови заглядали. Казакъ тее забачае, словами промовляе: «Орлы сизопери, гости мои мили! прошу я васъ тогди налетати, якъ не буду я свѣта Божого видати!» То тее промовлявъ, за часъ за годину, милосердному Богу душу оддавъ.

Тогди орлы налитали, зъ лоба очи высмыкали; дрибна птиця налитала, коло жовтой кости тѣло оббирала; вовки сѣроманци набѣгали, тѣло казацькее рвали, по тернахъ, по балкахъ жовту кисть жвакували; жалибненько, квилили прокьиляли: то жъ вони казацькіи похороны одправляли! Ажъ де се узялась сиза зозуленька, у головахъ сѣдала, жалобно кувала, якъ сестра брата, або мати сына оплакала.

Стали конни браты до городивъ христіяньскихъ добѣгати, стала къ ихъ серцю великая туга налягати. То середульшій до старшого словами промовляе: »не дурно къ серцю важкая туга налягае: мабуть нашего брата на свѣтѣ не мае! Якъ будемо брате до отця и матери прибувати, якъ будуть вони насъ пытати, то що намъ тогди казати?

То старшій тее зачувае, до середульшого словами промовляе: »Скажемо не въ одного пана у неволѣ бували, ночной добы зъ неволи утикали, ёго сонного будили, не збудили, ждали не дождали, стало свѣтати, стали на кони сидати.

То середульшій тее зачувае, словами промовляе: якъ не будемъ батькови и матери правды казати, буде Господь милосердный карати!

Старшій братъ тее зачувавъ, та до середульшаго сло-

вами промовлявъ: »А хоча и правду будемо казати, будуть насъ батько й мати проклинати! Не треба имъ лучче сёго знати, а якъ будуть батько и мати помирати, будемо худобу тильки на двѣ части паювати!

Тогди старши браты на поля Самарскіи выбѣгаютъ, надъ Криницею Салтанкою, спочиву себѣ маютъ, коней попасають.

У той часъ безбожній бусурмены набѣгали, и тихъ двохъ бративъ порубали; тѣло казацькее карбували, у чистимъ полѣ раскидали, головы на шабли здиймали, довго глумували!

ПЕРЕВОДЪ.

То не сильные туманы вставали, а три родные брата уходили изъ города Азова, изъ тяжкаго плѣна. Два изъ нихъ на коняхъ, а третій пѣшій; старается догнать братьевъ, ноги свои казацкія рѣжетъ о сырые корни, о бѣлые камни, кровью слѣдъ свой заливаетъ и говоритъ: »Остановитесь, братцы, покормите коней, меня подождите, съ собой возьмите, въ города христіанскіе довезите«! слыша это, средній братъ, спрашиваетъ у старшаго, а старшій отвѣчаетъ: »Вотъ стану я морить лошадь, подавать помощь и живой трупъ брать къ себѣ! Развѣ тебѣ не памятна еще тяжкая неволя? Какъ начнемъ ожидать брата, будетъ орда догонять насъ и разстрѣляетъ, изрубитъ; иль снова будемъ пропадать въ каторжной работѣ. Если онъ живъ и здоровъ будетъ, самъ дойдетъ въ христіанскіе города«. — »Если уже не хотите, братцы, ожидать меня«, началъ говорить меньшой:—то прошу васъ, сворачивайте на правую сторону, вынимайте изъ ноженъ сабли, сымите мнѣ съ плечъ голову, порубите мое тѣло, похороните въ степи и не отдайте на съѣденье звѣрямъ и птицамъ»! Услышавъ это, средній братъ говоритъ: »Этого, братъ, отъ роду не слыхано, чтобы родной кровью обмывали сабли, или прощались острымъ копьемъ! Сабля не возьметъ, рука не подымется рубить тебя!«

— Если уже, братцы, не хотите умертвить меня, то прошу васъ, когда будете въѣзжать въ лѣсные овраги, срубите терновыя вѣтви, набирайте съ собой въ полы, разбрасывайте по дорогѣ и оставляйте мнѣ примѣту. Пусть и мнѣ будетъ вѣдомо, куда уходить за вами!

Вотъ и въѣзжаютъ два казака въ лѣсные овраги. Средній братъ чувствуетъ жалость, срубаетъ верхнія вѣтви терновника и бросаетъ брату на примѣту. Но какъ начали выѣзжать на

Муравскую дорогу и нечего уже было разбрасывать: онъ красную китайку вырываетъ изъ подъ кафтана, разбрасываетъ по дорогѣ и оставляетъ меньшему брату признакъ.

Началъ пѣшій выходить изъ терновника, началъ находить красную китайку; беретъ ее въ руки, кладетъ къ сердцу. »Не даромъ,« говоритъ, »красная китайка валяется по дорогѣ: вѣрно нѣтъ уже на свѣтѣ моихъ братьевъ! Охъ, вѣрно, за ними изъ города была погоня; миновавъ меня въ терновникахъ, догнала моихъ братьевъ, истрѣляла, изрубила ихъ: Если бы хоть милосердый Господь помогъ мнѣ отыскать казацкое тѣло, оплакать братьевъ и похоронить ихъ въ чистой степи. Бѣда мнѣ: нѣтъ хлѣба, нѣтъ воды, — слѣда не вижу, — а буйный вѣтеръ повѣваетъ по степи и сбиваетъ съ ногъ бѣднаго казака. Ахъ, довольно мнѣ гнаться за конными братьями, — пора мнѣ дать отдыхъ ногамъ казацкимъ». Говоря это, прибылъ онъ къ Саворъ-могилѣ и отдыхаетъ подъ нею беззаботно.

Тогда налетали сизые орлы и пристально заглядывали казаку въ глаза. Казакъ видитъ это и говоритъ: »орлы сизоперые, гости мои милые! Прошу васъ тогда прилетать и выклевывать мнѣ глаза, когда уже не буду видѣть свѣта Божьяго!« Проговоривъ это, бѣднякъ черезъ часъ отдалъ душу милосердому Богу.

И слетѣлись орлы и выклевывали глаза ему; собирались мелкія птицы и оклевывали тѣло около желтыхъ костей; сбѣгались сѣрые волки, рвали казацкое тѣло, по терновникамъ, по лѣснымъ оврагамъ глодали желтыя кости, жалобно выли, завывали: это они такъ казачьи похороны отбывали! Вдругъ, гдѣ ни взялась сизая кукушка, сѣла въ головахъ — и жалостно закукувала, — словно оплакивала сестра брата, или мать сына.

А конные братья стали подъѣзжать къ христіанскимъ городамъ — и начала сильная тоска облегать сердца ихъ. Вотъ средній братъ и говоритъ старшему: »не даромъ сильная печаль тяготитъ насъ: вѣрно уже нѣтъ нашего брата на свѣтѣ. — А что братъ, какъ пріѣдемъ домой, и отецъ, мать начнутъ спрашивать о братѣ: что мы отвѣтимъ?«

Услышавъ это, старшій говоритъ среднему: »скажемъ, не у одного господина были мы въ рабствѣ, уходили ночью, не могли добудиться соннаго, ждали и не дождались, а начало разсвѣтать, мы сѣли на лошадей«.

Услышавъ это, средній братъ и говоритъ: »если не скажемъ отцу и матери правды, насъ покараетъ Богъ милосердый«.

Старшій отвѣчаетъ: »А если мы и правду скажемъ, то отецъ и мать проклянутъ насъ. Пусть лучше они не знаютъ объ этомъ, а умрутъ, такъ мы же раздѣлимъ имѣніе только на двѣ части«!

И вотъ выѣзжаютъ старшіе братья на Самарскія поля и останавливаются надъ рѣчкой Самаркой, возлѣ источника Салтанки отдыхать и пасутъ лошадей.

Въ то время набѣжали безбожные басурманы и изрубили этихъ двухъ братьевъ; тѣло казацкое разнимали на части, разбрасывали по чистому полю, подымали головы на сабли и долго потѣшались.

IV. Бандуристъ.

Ой на Татарьсьскихъ поляхъ, на казацькихъ шляхахъ не вовки сѣроманци квилять, приквиляютъ, не орлы чернокрыльци клекочуть и пидъ небесами лéтаютъ: то сидитъ на могилѣ казакъ старесенькій, якъ голубонько сивенькій, у кобзу грае, выгривае, голосно спѣвае.... Кинь биля, ёго пострѣляный, порубаный, ратище поламане, пихвы безъ шабли булатной, у ладивницѣ ни однисенького набою... Тильки и зосталась ему бандура подорожняя, да у глубокій кишенѣ люлька буруњка, та тютюну пивиапушки. Казакъ сердега люлечку потягае у кобзу грае, выгривае, жалобно спѣвае.

»Гей, братця, паны-молодци, козаки запорожци! Де вы ея повертаете, якъ вы ся маете? Чи до Сѣчи-матери прибуваете? Чи до Сѣчи матери прибуваете, чи ляхивъ-ворогивъ кіями покладаете, чи татаръ-бесурменовъ малахаями, якъ череду, у полонъ заганяете?

»Коли бъ минѣ Богъ помигъ стари ноги росправляти, за вами поспѣшати, може бъ ще я здужавъ на останку вѣку вамъ заграти, голосно заспѣвати! Нехай бы моя кобза знала, що мене рука христіяньська поховала! А то пропаде моя кобза ни за собаку: лежатиме сама соби у степу....«

«И вже минѣ, старенькому, безъ коня пропадати: не зможу я по степахъ чвалати, будутъ мене вовки — сѣроманци зустрѣвати, будутъ дѣдомъ за обѣдомъ коня мого заѣдати!»

«Кобзо жъ, моя дружыно вѣрная, бандура моя малёваная! Дежъ минѣ тебе дѣти? а чи у чистому степу спалити и попелецъ по вѣтру пустити? а чи на могилѣ положити? Нехай буйный вѣтеръ по степахъ пролётае, струны твои зачипае,

смутнесенько, жалибнесенько грае, выгрывае.... То, може, подорожнй казаки бѣгтимуть близенько, почують що ты граешъ жалибненько, привернуть до могилы....«

ПЕРЕВОДЪ.

Ой на татарскихъ земляхъ, на казацкихъ путяхъ не сѣрые волки, волки воютъ, завываютъ, не орлы чернокрылыи клекочутъ и летаютъ подъ небомъ: то сидитъ на курганѣ казакъ, сивый, какъ голубь, на бандурѣ играетъ, поигрываеть, звонко (громко) распѣваетъ.... Конь возлѣ него изстрѣлянъ и изрубленъ; копье сломано; ножны безъ сабли булатной, въ лядункѣ ни одного заряда. Только и осталась ему что дорожная бандура, да въ глубокомъ карманѣ трубка и табаку немножко. Казакъ-бѣднякъ покуриваетъ трубку, на бандурѣ играетъ, поигрываетъ и поетъ грустно....

»Гей, братцы удальцы, запорожцы! Гдѣ-то вы обрѣтаетесь, каково поживаете? Прибываете ли вы къ Сѣчи-матери, враговъ ли поляковъ дубьемъ угощаете, или нагайками загоняете въ полонъ, какъ стадо, татаръ-басурмановъ?«

»Если бы мнѣ Богъ помогъ расправить старыя ноги и поспѣшить за вами; можетъ быть я былъ бы еще въ силахъ при концѣ вѣка заиграть и громко запѣть вамъ! Пусть бы знала моя бандура, что меня погребала рука христіанская! А то пропадетъ моя бандура ни за что, лежа на степи одиноко...»

»Ахъ, мнѣ уже, старику, проподать безъ коня: не въ силахъ тащиться я по степямъ; — будутъ меня встрѣчать волки-сѣрые, будутъ они, позавтракавъ конемъ, закусывать его мною, старикомъ, за обѣдомъ!»

»Кобза моя, вѣрная подруга, бандура моя разрисованная, гдѣ же мнѣ дѣвать тебя? сжечь ли мнѣ тебя въ чистомъ полѣ и пустить пепелъ по вѣтру? или положить на курганѣ? Пусть буйный вѣтеръ, пролетая по степи, касается струнъ твоихъ и грустно, томно играетъ, поигрываетъ. Можетъ быть проѣзжіе казаки будутъ ѣхать недалеко, услышатъ, какъ грустно ты играешь, и поворотятъ къ кургану.....«

Предлагаемая дума любопытна во многихъ отношеніяхъ: какъ первый фактъ, указывающій на несомнѣнное существованіе бардовъ въ казацкомъ войскѣ, что и было предполагаемо, какъ доказательство свѣжести и силы народной по-

эзіи и какъ единственный примѣръ древнихъ казацкихъ пѣсенъ, вь которыхъ воспѣвался не воинственный герой, не храбрый рыцарь, но вѣщій пѣвецъ, потомокъ загадочнаго Бояна.

Къ сожалѣнію, дума эта безъ конца. Конечно, современный поэтъ могъ бы остановиться и на этомъ мѣстѣ; но запорожскій бардъ, по обычаю, вѣроятно, досказалъ судьбу бандуриста, кто знаетъ, можетъ быть, воспѣвшаго эпизодъ изъ собственной жизни.

По моему мнѣнію, нѣкоторыя фразы этой думы имѣютъ сходство съ фразами думъ: *На побѣду Корсунскую* и *О смерти Безроднаго*, — хотя и нельзя утвердительно сказать, которая изъ нихъ сложена прежде.

Записалъ я эту думу со словъ старика-бандуриста на большой дорогѣ между Пирятиномъ и Прилуками. Слѣпецъ этотъ пѣлъ мнѣ нѣсколько историческихъ думъ съ пропусками, но думу, названную собирателями нашими *Черноморской бурей*, и у кобзарей извѣстную подъ именемъ *Поповича Олексы*, пропѣлъ точно такъ же, какъ она записана у князя Цертелева.

1853.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ.

Сонце гріе, вітеръ віе
Зъ поля на долину,
Надъ водою гне зъ вербою
Червону калину;
На тій вербі одиноке
Гніздечко гойдае,
А де дівся соловейко —
Не питай — не знае.

Т. Шевченко.

(Кобзарь. На вічну памьять Котляревському).

Какъ матеріалъ для біографіи Шевченка, я представляю эпизодъ моего съ нимъ знакомства въ то время, когда нашъ поэтъ былъ еще молодъ, кипѣлъ вдохновеніемъ, стремился къ самообразованію и, не смотря на грусть, постоянно щемившую его сердце наединѣ съ собою, увлекался еще порой и веселымъ обществомъ, и сочувствіемъ, которое вызывалъ симпатичной своей личностью. Но прежде чѣмъ приступлю къ описанію моего знакомства съ Шевченкомъ, считаю необходимымъ бросить бѣглый взглядъ на эпоху, близкую къ намъ, но почти перешедшую въ область исторіи, по тѣмъ совершившимся фактамъ, которые одинъ за другимъ вели наше общество къ развитію. Это было въ 1843 году. Находясь въ годовомъ отпуску въ Полтавской губерніи, я ожидалъ отставки изъ военной службы, съ цѣлью заняться изученіемъ украинской народности, что̀ было завѣтной моей мечтой.

Въ то время паны наши жили, что называется, на широкую ногу и патріархальное гостепріимство не теряло ни одной черты изъ своего почтеннаго характера. Молодое поколѣніе было уже болѣе или менѣе образовано. Женщины высшаго сословія, собственно молодыя, всѣ уже были воспитаны

въ институтахъ, пансіонахъ или дома подъ надзоромъ гувернантокъ, и французскій языкъ не только не казался диковинкой, какъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, но считался необходимой принадлежностью всякой образованной бесѣды. Говорили на немъ бѣгло и порядочно однѣ, впрочемъ, женщины, а кавалеры по бо́льшей части не умѣли вести разговора на этомъ языкѣ, но каждый щеголь считалъ обязанностью пригласить даму на танецъ — непремѣнно по французски. Хотя у многихъ помѣщиковъ выписывались журналы, т. е. »Библіотека« и »Отечественныя Записки«, но критическія статьи Бѣлинскаго оставались неразрѣзанными, на томъ основаніи, »что въ нихъ все начинается отъ Адама«, и жадно читалась литературная лѣтопись Брамбеуса, приходившаяся по плечу большинству публики; заучивались наизустъ драматическія фантазіи Кукольника, и я зналъ одну очень милую барышню, которая могла проговорить безъ запинки всего Джакобо-Санназара. Богатые паны жили открыто, и было нѣсколько домовъ въ разныхъ пунктахъ, окруженные штатомъ прихвостниковъ, куда въ интимный кружокъ допускались лишь избранные; но въ извѣстные урочные дни и праздники стекалось до трехъ и четырехсотъ гостей изъ разныхъ концовъ Малороссіи. Тамъ помѣщики почерпали и новыя моды и обычаи, тамъ самый гордый богачъ своего околодка дѣлался »тише воды — ниже травы«, потому что громадное богатство магната давило его своими размѣрами. Вельможный хозяинъ старался принимать всѣхъ одинаково, исключая двухъ, трехъ, на которыхъ смотрѣлъ какъ на равныхъ, и иногда, за обѣдомъ, для приведенія всѣхъ къ одному знаменателю, отпускалъ фразу въ родѣ слѣдующей:

— Напрасно NN взялся за это предпріятіе — оно ему не по силамъ. Жаль, онъ можетъ разориться, потому что, имѣя какихъ нибудь тысячу душъ, трудно будетъ ему выдержать.

И тотъ ежился, у кого было тысяча душъ, а у кого нѣсколько сотъ, тому оставалось только слушать подобострастно. Тогда еще у насъ сильно цѣнилось въ человѣкѣ богатство, и хоть оно цѣнится не менѣе и теперь, однако этого не выражаютъ такъ цинически и не говорятъ: »ты бѣденъ, такъ ступай къ порогу«. Въ это блаженное время говорили и поступали иначе. Но у магнатовъ, какъ я уже сказалъ, всѣхъ принимали одинаково и не дѣлалось у нихъ, какъ у большинства при съѣздахъ, что однимъ гостямъ подавали хорошія иностранныя вина, а другимъ мѣстнаго уѣзднаго произ-

водства. Съѣзды эти преимущественно можно было назвать танцовальными, потому что нѣсколько дней сряду каждый день дамы наряжались по бальному, и плясъ продолжался до двухъ и трехъ часовъ за полночь. Львами баловъ обыкновенно бывали военные, да изрѣдка какой нибудь заѣзжій изъ столицы, который и пожиналъ лавры и на котораго съ завистью посматривали самые отъявленные сердцеѣды.

Но въ то время уже, какъ отрадные оазисы, выдавались нѣкоторыя семейства съ новымъ направленіемъ, отличавшіяся и образованіемъ, и гуманностью. Ихъ было немного, но, проѣхавъ нѣсколько десятковъ верстъ, вы были увѣрены встрѣтить и умную бесѣду, и интересную книгу, поспорить не объ однѣхъ собакахъ и лошадяхъ и услышать истинную музыку. Между женщинами этихъ семействъ начиналось стремленіе къ національной литературѣ; онѣ наперерывъ читали »Кобзаря« Шевченка, изданнаго въ Петербургѣ и встрѣченнаго критикой единодушнымъ глумленіемъ. Что украинки читали роднаго поэта — казалось бы дѣломъ весьма обыкновеннымъ и повидимому естественнымъ; но кто знаетъ строй тогдашняго общества, тотъ не можетъ не подивиться. Дѣти достаточнаго сословія, особенно дѣвочки, отъ кормилицы поступали или къ иностраннымъ нянькамъ, или къ такимъ, которыя говорили по русски, и каждое украинское выраженіе вмѣнялось имъ въ проступокъ и влекло за собою наказаніе. Еще мальчики могли научиться по украински, но дѣвочкамъ предстояло много труда понимать »по мужицки«, хотя ничто не мѣшало сохранять родной акцентъ и до глубокой старости. Въ то время, кромѣ Энеиды Котляревскаго, которой дѣвицамъ читать не давали, на украинскомъ языкѣ были уже: повѣсти Квитки, Полтава и Приказки Гребенки, имѣлись вездѣ рукописныя сочиненія Гулака-Артемовскаго; но все это читалось какъ-то вяло высшимъ кругомъ. Появленіе »Кобзаря« мигомъ разбудило апатію и вызвало любовь къ родному слову, изгнанному изъ употребленія не только въ обществѣ высшаго сословія, но и въ разговорѣ съ крестьянами, которые старались, и конечно смѣшно, выражаться по великорусски. Смѣло могу сказать, что послѣ появленія »Кобзаря« большинство принялось за повѣсти Квитки. Въ 1843 году Шевченка уже знали украинскіе паны; для простолюдиновъ поэтъ и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ, хотя всѣ произведенія его доступны крестьянину и доставили бы ему большое наслажденіе. Къ этому же году относится и первая моя встрѣча съ Шевченкомъ въ Пол-

тавской губерніи. Былъ іюнь на исходѣ. На Петра и Павла въ одномъ старинномъ домѣ у Т. Г. В....ской съѣзжались помѣщики не только изъ Полтавской, но изъ Черниговской и даже изъ Кіевской губерній и празднество продолжалось нѣсколько дней. Домъ этотъ былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ; осьмидесятилѣтняя хозяйка его явленіе тоже невозможное въ настоящее время, и потому читатель не посѣтуетъ, если я очерчу слегка бытъ знаменитой нѣкогда Мосевки. 12 января день имянинъ хозяйки и 29 іюня, кажется, день имянинъ покойнаго В....го праздновались со всевозможною пышностью; и въ эти дни собиралось въ Мосевкѣ до 200 особъ, изъ которыхъ иные паны пріѣзжали въ нѣсколькихъ экипажахъ въ сопровожденіи многочисленной прислуги. Все это нужно было размѣстить и продовольствовать. Въ послѣднее время хозяйка была почти слѣпая; страстная охотница до картъ, она уже не могла играть сама и только просиживала далеко за полночь возлѣ игравшихъ, услаждая слухъ свой пріятными игорными возгласами и утѣшаясь какимъ нибудь казусомъ. Старушка мало уже и помнила, зная только самыхъ близкихъ гостей, а о большой части посѣтителей, особенно изъ молодежи, никогда и не слыхала; она не входила ни во что, и пріемъ гостей лежалъ на обязанности экономки и дворецкаго. У послѣднихъ люди по важнѣе пользовались еще вниманіемъ по преданію, но мы номады должны были размѣщаться по собственному разумѣнію и по утрамъ бѣгать въ буфетъ добывать съ боя стаканъ чаю или кофе. Разумѣется, четвертакъ или полтинникъ играли роль; но иногда гостей было такъ много, безпорядокъ доходилъ до такого хаоса, что и подкупленные лакеи ничего не могли сдѣлать для своихъ кліентовъ. Но эти житейскія неудобства выкупались разнообразнымъ и веселымъ обществомъ, которое съ утра собиралось въ гостиныхъ комнатахъ, гдѣ дамы и дѣвицы, одна передъ другой, щеголяли любезностію, красотою, изысканностью и роскошью туалета. Балы Т. Г. В—ой были для Малороссіи своего рода Версалью: туда везлись на показъ самыя модныя платья, новѣйшія фигуры мазурки, знаменитѣйшіе каламбуры, — и тамъ же бывалъ иногда первый выѣздъ дѣвицы, которая до того ходила въ коротенькомъ платьицѣ и кружевныхъ панталонцахъ. Тамъ завязывались сердечные романы, происходили катастрофы, провозглашалась красота и установлялась слава танцоровъ и танцорокъ. Да, подобные балы уже не повторяются, потому что теперь немного най-

дется охотниковъ ѣхать за полтораста верстъ съ семействами на трехдневный плясъ, да и врядъ ли отыщется помѣщикъ, готовый бросить нѣсколько тысячъ рублей на подобныя удовольствія. Огромная въ два свѣта зала едва могла помѣщать общество, хотя не малая часть гостей занимала другія комнаты и много мужчинъ играло въ карты по своимъ квартирамъ. Старинная мебель, цвѣты, прошловѣковыя зеркала и занавѣсы все это при освѣщеніи и новѣйшихъ костюмахъ, подъ звуки музыки, представляло необыкновенно интересный видъ. И вдругъ среди толпы разряженныхъ дамъ и расфранченныхъ кавалеровъ является истопникъ въ простой крестьянской одежѣ, въ дегтярныхъ сапогахъ, съ длинной кочергой и, расталкивая раздушенную толпу, отправляется къ печкѣ, садится на паркетѣ на корточки и, помѣшивая головни, понюхиваетъ себѣ табакъ изъ рожка, вынутаго изъ-за голенища. Дождавшись флегматически времени, истопникъ полѣзетъ на лѣсенку, закроетъ трубу и, сложивъ на плечо свои доспѣхи, отправляется обратно тѣмъ же порядкомъ, не обращая вниманія на происходящее, какъ человѣкъ, добросовѣстно исполнившій свою обязанность. Зимніе балы были блистательны, но лѣтніе гораздо веселѣе, потому что послѣ танцевъ, на разсвѣтѣ, общество выходило на лужайку передъ домомъ, уставленную цвѣтами, гуляло по саду и тутъ договаривались при блескахъ утренней зари тѣ рѣчи, которыя какъ-то замирали въ душной бальной атмосферѣ. Въ описываемое время встрѣтилъ я въ Мосевкѣ С. А. З—ую *), которая тогда напечатала въ От. Зап. свою »Институтку« и затронула въ ней нѣсколько лицъ, обыкновенно посѣщавшихъ старуху В — ую. Она же сказала мнѣ, что ждали изъ Петербурга Гребенку, который, нѣтъ сомнѣнія, пріѣдетъ въ Мосевку. Съ Гребенкой мы были знакомы, какъ воспитанники одного заведенія, и хотя онъ вышелъ гораздо прежде меня, но мы жили съ нимъ на одной квартирѣ. Онъ тоже въ своихъ разсказахъ описалъ не одну личность изъ общества, собиравшагося въ Мосевкѣ. Въ особенности нападали они съ З — ой на одну барыню, — типъ уже исчезнувшій, извѣстную въ Малороссіи подъ именемъ всесвѣтной свахи.

Общество собралось многочисленное. По протекціи одного пріятеля я имѣлъ комнатку не уютную, но отдѣльную, такъ что, не смотря на неудобства, все таки я былъ помѣ-

*) Софью Александровну Закревскую. Прим. ред.

щенъ лучше многихъ. Помню, что послѣ шумнаго завтрака, я отправился къ себѣ покурить и почитать. Проходя мимо главнаго подъѣзда, я услышалъ голоса: «Гребенка! Гребенка» и остановился. Е. П. подъѣзжалъ къ крыльцу въ сопровожденіи незнакомца. Они вышли. Спутникъ его былъ средняго роста, плотный; на первый взглядъ лицо его казалось обыкновеннымъ, но глаза свѣтились такимъ умнымъ и выразительнымъ свѣтомъ, что невольно я обратилъ на него вниманіе. Гребенка тотчасъ же поздоровался со мною, взялъ за плечи и, толкнувъ на своего спутника, познакомилъ насъ. Это былъ Т. Г. Шевченко. Послѣдній зналъ меня по стихотворному посланію къ нему, напечатанному въ «Молодикѣ» и крѣпко обнялся со мною. Дорожнымъ надо было умыться и привести въ порядокъ костюмы. Я пригласилъ ихъ въ свою комнату. Гребенка скоро ушелъ внизъ, а Тарасъ Григорьевичъ остался со мною. Я упомянулъ о своемъ стихотвореніи не изъ самолюбія, напротивъ, я считаю его слабымъ, но потому что это было первое печатное заявленіе сочувствія и уваженія украинца къ народному поэту, и Шевченко нѣсколько разъ произнесъ мнѣ свое искренное «спасибі», которое, какъ извѣстно всѣмъ знавшимъ его близко, имѣло особенную прелесть въ устахъ славнаго кобзаря. Но недолго мы разговаривали. Вѣсть о пріѣздѣ Шевченка мигомъ разлилась по всему дому, и квартира моя вскорѣ наполнилась почитателями, приходившими познакомиться съ роднымъ поэтомъ. Пришелъ и Гребенка, и мы отправились въ залу. Всѣ гости толпились у входа и даже чопорныя барыни, которыя иначе не говорили, какъ по французски, и тѣ съ любопытствомъ ожидали появленія Шевченка. Поэтъ видимо былъ тронутъ блистательнымъ пріемомъ, и послѣ обычнаго представленія хозяйкѣ, которая рѣшительно не понимала кого ей представляли, Шевченко усѣлся въ кругу дамъ въ обществѣ С. А. З—ой. Цѣлый день онъ былъ предметомъ всеобщаго вниманія, за исключеніемъ двухъ, трехъ личностей, которыя не признавали не только украинской, но и русской поэзіи и бредили только Гюго и Ламартиномъ. Скоро Шевченко сдѣлался какъ свой со всѣми и былъ точно дома. Многія хорошенькія особы читали ему наизустъ отрывки изъ его сочиненій, и онъ въ особенности хвалилъ чистоту полтавскаго нарѣчія. Вліяніе этой чистой рѣчи отразилось на его послѣднихъ произведеніяхъ, а въ первыхъ замѣтно преобладаніе заднѣпровскаго говора.

Послѣ ужина одна веселая мужская компанія увлекла Шевченка въ свои комнаты, куда услужливый буфетчикъ отпустилъ приличное количество увеселительныхъ напитковъ. Среди шумныхъ тостовъ и привѣтствій Тарасъ подсѣлъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ не надѣялся встрѣтить такого радушія отъ помѣщиковъ, и что ему очень нравились иныя «молодиці и дівчата». Вообще, онъ былъ въ духѣ и не говорилъ иначе, какъ по украински.

Здѣсь надо сказать нѣсколько словъ о небольшомъ кружкѣ, который овладѣлъ Шевченкомъ. Тѣсный кружокъ умныхъ и благородныхъ людей, преимущественно гуманныхъ и пользовавшихся всеобщимъ расположеніемъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ собутыльниковъ, которые, не находя ли дѣятельности въ тогдашней средѣ, не успѣвъ ли отрѣшиться отъ юной разгульной жизни, единственнымъ наслажденіемъ находили удовольствіе похмѣлья и девизомъ своимъ избрали извѣстную латинскую пословицу «in vino veritas.» Слабость эта, извиняемая въ дворянскомъ быту, а въ то время заслуживавшая даже особенную похвалу, не вредившая никому, не мѣшала, однако же, членамъ упомянутаго кружка быть пріятными собесѣдниками почти весь день, потому что они могли выпивать очень много и только уже вечеромъ нализывались до того состоянія, когда языкъ прилипаетъ къ гортани и въ глазахъ двоятся предметы. Кружокъ этотъ носилъ названіе «общества мочемордія» вслѣдствіе того, что на языкѣ его не существовалъ глаголъ пьянствовать, а замѣнялся фразой «мочить морду», и каждый удалой питухъ назывался «мочемордой» или по крайней мѣрѣ имѣлъ право на это названіе. Въ противоположность — неупотребленіе спиртныхъ напитковъ называлось »сухомордіе или сухорыліе«. Члены, смотря по заслугамъ, носили титулы мочемордія, высокомочемордія, пьянѣйшества и высокопьянѣйшества. Въ награду усердія у нихъ существовали отличія: сивалдай въ петлицу, бокалъ на шею и большой штофъ черезъ плечо. Въ извѣстные дни, или просто при съѣздахъ они совершали празднества въ честь Бахуса, и вотъ какъ сзывались мочеморды на эти празднества: басъ гудѣлъ: «ромъ, пуншъ, ромъ, пуншъ!», тенора подхватывали «полпиво, полпиво, глинтвейнъ, глинтвейнъ!» а дисканты выкрикивали: «бѣла, красна, сладка водка!» Великій магистръ произносилъ приличную рѣчь, и мочеморды предавались своимъ возліяніямъ. Всѣ горячіе напитки считались достойными, но существовало одно условіе, вслѣдствіе

котораго истый мочеморда, для поддержанія чести общества, не долженъ былъ употреблять простой водки, а непремѣнно настойку, если не дѣйствительную, то хоть прикрытую этимъ названіемъ. Такъ напр., въ случаѣ сильнаго недостатка мочеморда пилъ гривенниковку, т. е. простую водку, въ которую, за неимѣніемъ подъ рукою никакой специи, вбрасывался гривенникъ. Старѣйшиной тогда былъ В. А. З—ій, носившій титулъ высокопьянѣйшества и получившій большой штофъ черезъ плечо. Умный и благородный человѣкъ, гусаръ въ отставкѣ, З—ій цѣлый день бывалъ душею общества, и всѣ, кто слушалъ его разсказы о похожденіяхъ мочемордъ въ обоихъ полушаріяхъ, хватались за бока отъ смѣха, и въ тѣ минуты отъ него нельзя было оторваться. Съ крестьянами онъ обходился необыкновенно кротко и иначе не отзывался къ нимъ, какъ съ какою нибудь шуткой. Однажды при мнѣ гдѣ-то на балѣ, послѣ ужина пошли мы въ свои комнаты. З—ій горевалъ, что мало съѣхалось истинныхъ мочемордъ »все этакое сухорыліе« и собирался ложиться спать »чортъ знаетъ въ какомъ положеніи!« Слуга его встрѣтилъ насъ, шатаясь. З—ій расхохотался.

— Каковъ попъ, таковъ и приходъ! проговорилъ онъ, и, доставъ изъ кармана полтинникъ, прибавилъ: — о! достойный сынъ Бахуса! ступай же и мочи морду до разсвѣта.

Это была чрезвычайная рѣдкость въ то время, когда иные помѣщики, пившіе безъ просыпу, строго наказывали людей, если послѣдніе хоть изрѣдка пробовали подражать господамъ своимъ.

Къ В. З—му сошлось нѣсколько истыхъ мочемордъ отпраздновать знакомство съ Шевченкомъ, и какъ все это были веселые, порядочные люди, то мы и остались пировать съ ними до разсвѣта.

Два дня пробыли мы вмѣстѣ съ Шевченкомъ въ Мосевкѣ и, разставаясь, дали слово другъ другу повидаться при первой возможности, указавъ разныя мѣстности, гдѣ располагали быть въ извѣстное время приблизительно. Заѣзжалъ онъ потомъ ко мнѣ, провожалъ я его къ общимъ знакомымъ, и въ эти то поѣздки я успѣлъ поближе всмотрѣться въ эту интересную личность, о которой еще до появленія въ Малороссіи ходили разнорѣчивые слухи. Осторожный ли отъ природы или вслѣдствіе гнетущихъ обстоятельствъ молодости, сложившихся такой тяжелой долей, Шевченко, при всей видимой откровенности, не любилъ, однако же, высказываться. Мнѣ

какъ то удалось сразу подмѣтить эту черту, и я никогда не безпокоилъ его никакими вопросами, пока онъ самъ не начиналъ разговора. Помню, однажды, осенью, у насъ въ домѣ долго сидѣли мы и читали Dziady Мицкевича. Всѣ давно уже улеглись. Тарасъ сидѣлъ, облокотясь на столъ и закрывъ лицо. Я остановился перевесть духъ и покурить. Только что я прочелъ сцену, когда Густавъ разсказывалъ священнику свою послѣднюю встрѣчу съ милой.

— А що ти втомивсь и хочешь спати *)? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, а хочу покурить.

— И справді. А знаешь що? можебъ выпить чаю! такъ ма буть хлопчикъ спыть уже сердешный **).

— Развѣ-же и безъ него мы не съумѣемъ. Погоди я соберу припасы, поставимъ самоваръ.

— Отъ и добре! пóрайся жъ ты тутечки, а я побіжу по воду до криниці ***).

— Вода есть, а на дворѣ слышишь, какой вѣтеръ.

— Байдуже. Хочу пробігатись ****).

И Т. Г., отыскавъ ведро, пошелъ садомъ. Вскорѣ ко мнѣ донесся звучный его голосъ, напѣвавшій любимую тогда имъ пѣсню:

Та нема въ світі гіршъ никому
Якъ сироті молодому.

Общими силами приготовили мы чай, и когда усѣлись за столъ, онъ, позабывъ о Мицкевичѣ, началъ мнѣ разсказывать все свое прошедшее. Лишнимъ будетъ говорить, что разсвѣтъ засталъ насъ за бесѣдой, и тогда только я вполнѣ понялъ Тараса. Но Шевченко уже разочаровался въ нѣкоторыхъ нашихъ панахъ и посѣщалъ весьма немногихъ. Не отсутствіе радушія или вниманія, не какое нибуь высокомѣріе оттолкнули его, а печальная власть бывшаго крѣпостнаго права, выражавшаяся въ той или другой неблаговидной формѣ, приводила эту благородную душу въ самое мрач-

*) Шевченко со мной говорилъ всегда по украински и потому я иначе и не могу передавать его рѣчи. Для великорусскихъ читателей предлагаемъ переводъ:

„А что ты усталъ и хочешь спать?“

**) И въ самомъ дѣлѣ. А знаешь что? Не напиться ли намъ чаю. Только, я думаю, мальчикъ спитъ уже, бѣдняжка.

***) Вотъ и хорошо. Хлопочи же ты здѣсь, а я сбѣгаю за водой къ колодезю.

****) Мнѣ все равно. Хочу пробѣгаться.

ное настроеніе. Хоть передъ нимъ вездѣ всѣ старались показывать домашній бытъ свой въ праздничномъ видѣ, однако, трудно было обмануть человѣка, подобнаго Шевченку, который, выйдя самъ изъ крѣпостнаго сословія, очень хорошо зналъ кулисы и декораціи на сценѣ помѣщичьей жизни.

Мнѣ очень памятенъ одинъ случай. Въ уѣздномъ городкѣ Л..., не желая отстать отъ другихъ, одинъ господинъ пригласилъ Шевченка обѣдать. Мы пришли довольно еще рано. Въ передней слуга дремалъ на скамейкѣ. Къ несчастію, хозяинъ выглянулъ въ дверь и, увидѣвъ дремавшаго слугу, разбудилъ его собственноручно по своему... не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ... Тарасъ покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушелъ домой. Никакія просьбы не могли заставить его возвратиться. Господинъ не остался впослѣдствіи въ долгу: темная эта личность, дѣйствуя во мракѣ, приготовила не мало горя нашему поэту...

Мысль о тогдашнемъ положеніи простолюдина постоянно мучила Шевченка и нерѣдко отравляла ему лучшія минуты.

Т. Г. изъ иностранныхъ языковъ зналъ одинъ лишь польскій, и перечиталъ на немъ много сочиненій. Какъ нарочно въ то время я самъ прилежно занимался польской литературой, и у меня собралось довольно книгъ и журналовъ. Въ ненастную погоду Шевченко не встаетъ бывало съ постели, лежитъ и читаетъ. Онъ не любилъ поляковъ, но къ Мицкевичу чувствовалъ какое-то особенное влеченіе. Зная Байрона лишь по нѣсколькимъ русскимъ переводамъ, Т. Г. художническимъ чутьемъ угадывалъ великость міроваго поэта; но читая великолѣпные переводы Мицкевича изъ Байрона, онъ приходилъ всегда въ восторгъ, въ особенности отъ »Доброй Ночи« изъ Чайльдъ-Гарольда. Дѣйствительно, пьеска эта не уступаетъ подлиннику и вылилась у поэта гармоническими и симпатичными стихами. Т. Г. долгое время любилъ повторять строфу:

Sam jeden błądząc po swiecie szerokim
Pędę życie tułacze,
Czegoż mam płakać za kim i po kim
Kiedy nikt po mnie nie płacze?

Нѣсколько разъ принимался онъ переводить лирическія пьесы Мицкевича, но никогда не оканчивалъ и разрывалъ на мелкіе куски, чтобы и памяти не осталось. Иные стихи выходили чрезвычайно удачно, но чуть какой нибудь ка-

зался тяжелымъ или невѣрнымъ, Шевченко бросалъ и уничтожалъ всѣ предъидущія строфы.

— Мабуть сама доля не хоче, говаривалъ онъ, щобъ я перекладавъ лядскі пісні *).

Въ 1844 г. разстались мы на долго. Случай увлекъ меня на Кавказъ и Закавказье, гдѣ величественная природа и совершенно незнакомый край съ его дикимъ населеніемъ поглотили все мое вниманіе. Я не имѣлъ вѣстей о Шевченкѣ, но вездѣ, гдѣ находилъ нѣсколько украинцевъ въ кругу-ли чиновниковъ или въ какомъ нибудь полку, вездѣ встрѣчалъ я истрепанные экземпляры »Кобзаря« и »Гайдамакъ« и полное искренее сочувствіе ихъ къ автору.

По возвращеніи на родину, я встрѣтился съ Т. Г. въ уѣздномъ своемъ городѣ, чрезъ который онъ проѣзжалъ изъ Миргорода, гдѣ сошелся съ Л....мъ. Шевченко хлопоталъ о подорожной, и какъ время было послѣ полудня и всѣ городскія власти спали по обычаю послѣ обѣда, то и не представлялось возможности исполнить его желаніе. Полученіе подорожной дѣйствительно у насъ обставлено весьма стѣснительными формами для проѣзжаго. Я предложилъ Шевченку заѣхать ко мнѣ, погостить день, другой, а потомъ обѣщалъ доставить его куда надобно. Онъ спѣшилъ къ З...му, но тотчасъ же принялъ мое предложеніе, и мы отправились въ Исковци. Т. Г. разсказалъ мнѣ, что сблизился съ В. А., который не сложилъ еще съ себя званія старшины общества мочемордъ и подвизался въ немъ съ успѣхомъ во славу Бахуса. При этомъ онъ сообщилъ мнѣ множество анекдотовъ. Въ два дня Т. Г. прочелъ мнѣ нѣсколько своихъ сочиненій. Дивныя вещи были у Шевченка. Изъ большихъ въ особенности замѣчательны: »Іоанъ Гусъ«, поэма и мистерія безъ заглавія. Въ первой онъ возвысился, по моему мнѣнію, до своего апогея, во второй, уступавшей Гусу по содержанію, онъ разсыпалъ множество цвѣтовъ чистой украинской поэзіи...

Шевченко разсказывалъ мнѣ, что прочелъ всѣ источники о гусситахъ и эпохѣ, имъ предшествовавшей, какіе только можно было достать, а чтобы не надѣлать промаховъ противъ народности — не оставлялъ въ покоѣ ни одного чеха, встрѣчавшагося въ Кіевѣ или другихъ мѣстахъ, у которыхъ разспрашивалъ топографическія и этнографическія подробности.

*) Вѣроятно, сама судьба не хочетъ, чтобы я переводилъ польскія пѣсни.

Считаю обязанностью упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое освѣщаетъ съ чрезвычайно важной стороны личность Шевченка. Напечатано было его русское стихотвореніе »Тризна«. Онъ нашелъ его у меня и засмѣялся своимъ симпатичнымъ смѣхомъ.

— Ты читавъ? спросилъ онъ и, на утвердительный мой отвѣтъ, прибавилъ: отъ треба було выскочить якъ Пилипъ зъ конопель. Чому не писать, коли сверблятъ руки, а друкувать не годилось *).

— Говоря правду ты лучше пишешь по нашему.

— Отъ спасибі! А де хто хотівъ одуритъ мене, зачепитъ, знаешъ, авторске самолюбіе, такъ я жъ и самъ бачу. Швецъ зной свое шевство, а у кравецтво не мішайся **), прибавилъ онъ съ улыбкою.

Бросивъ книгу, онъ улегся на кровать.

— Нехай ему цуръ! Ось сядь лышь, та роскажи мині про Кавказъ и про черкесивъ ***).

Долго мы бесѣдовали о горцахъ; его все занимало, онъ разспрашивалъ о малѣйшихъ подробностяхъ тамошняго быта. Потомъ мы мечтали о поѣздкѣ по Днѣпру въ дубѣ на Запорожье, потомъ до Лимана, поискать остатковъ старины, исчезающихъ уже отъ излѣдователей, но какъ у насъ у обоихъ не хватило средствъ, то мы и откладывали это до болѣе благопріятнаго времени.

Зимой мы съѣхались у З—кихъ. Шевченко былъ у нихъ какъ свой и съ удовольствіемъ проживалъ въ ихъ гостепріимномъ домѣ. Иногда съѣзжались къ В. А. нѣкоторые поклонники Бахуса и совершались знаменитыя празднества. Но Т. Г. любилъ и женское общество, нерѣдко просиживалъ въ гостиной у хозяйки въ дружескомъ кружкѣ, весело болтая, слушая музыку, или звучнымъ своимъ голосомъ распѣвая заунывныя украинскія пѣсни. Никакія тогда усилія поклонниковъ Бахуса не въ состояніи были его отнять у насъ, и кончалось тѣмъ, что В. А. съ товарищами приходилъ изъ флигеля и всѣ вмѣстѣ мы просиживали далеко за полночь.

*) Надобно же было выскочить какъ Филипу изъ конопли (народная польская поговорка). Отчего не писать, если чешутся руки, но печатать не слѣдовало.

**) Благодарю. А кое кто хотѣлъ обмануть меня, знаешь, зацѣпить авторское самолюбіе, но я же и самъ вижу. Сапожникъ знай свое ремесло и не мѣшайся въ портняжество.

***) Богъ съ нимъ! Садись лучше, да разскажи мнѣ про Кавказъ и про горцевъ.

Однажды мы собрались къ роднымъ З — ихъ, верстъ за десять. Время прошло незамѣтно. М. А. превосходно играла Шопена, С. А. разсказывала занимательные эпизоды изъ прежняго быта украинскихъ пановъ. Т. Г. былъ веселъ и разговорчивъ. Давно уже повечерѣло, мы начали собираться въ обратный путь. Горничная объявила, что расходилась мятель. По обычаю, насъ начали удерживать, но молодыя спутницы наши рѣшились ѣхать тѣмъ болѣе, что дорога знакомая, лошади отличныя, да и мятель, повидимому, не могла въ часъ времени разыграться до такой степени, чтобы уничтожить слѣдъ. Призвали кучера и тотъ съ своей стороны ободрилъ и сказалъ, что въ случаѣ необходимости — онъ не пожалѣетъ лошадей и доставитъ насъ въ полчаса на мѣсто. В. А. тотчасъ же сдѣлалъ свое распоряженіе. Онъ попросилъ бутылку рому и предложилъ Т. Г. распить ее на всякій случай: во-первыхъ, для сохраненія подолѣе теплоты, если бы пришлось сбиться съ дороги, во-вторыхъ, съ цѣлью поскорѣе уснуть и не чувствовать никакихъ непріятностей. Но Шевченко не внялъ убѣжденіямъ пріятеля и не исполнилъ его желанія. Тогда В. А., осушивъ ромъ во славу Бахуса, завалился въ свою кибитку и пожелалъ всѣмъ намъ покойной ночи. Мы размѣстились въ саняхъ съ барынями и выѣхали за ворота. Разыгрывалась степная мятель, не та, которая, осыпая снѣгомъ сверху, залѣпляетъ глаза, но не шибко заметаетъ дорогу, а самая страшная, низовая, которая, вырывая снѣгъ съ земли, крутитъ его въ воздухѣ и съ визгомъ и какимъ-то воемъ носится надъ обширной степью. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже не видѣли огней усадьбы. Лошади сперва бѣжали бодро, но скоро кучеръ извѣстилъ, что мы сбились съ дороги, и когда мы раздумали поворотить назадъ, то никто не зналъ какое принять направленіе. Морозъ крѣпчалъ, вѣтеръ измѣнялся безпрерывно. Дамы не много трухнули, тѣмъ болѣе, что въ это время по степямъ обыкновенно рыскаютъ стаи волковъ, а нѣсколько дней назадъ, какъ нарочно, мы провели вечеръ въ разсказахъ о подобныхъ приключеніяхъ. Дѣлать было нечего; рѣшились пуститься на волю судьбы съ надеждой, что прибьемся куда нибудь, если не заберемъ вправо отъ почтовой Кіевской дороги. Кучеръ нашъ ѣхалъ небольшой рысью; В. А., уснувшій въ своей кибиткѣ, не слыхалъ ничего происходившаго, а его возница старался только не отстать. Мятель усиливалась. Мы съ Т. Г. предлагали дамамъ обычное средство пристать у какой нибудь

скирды сѣна, развесть огонь и грѣться до утра; но дамы и слышать не хотѣли, надѣясь, что какъ нибудь добьемся. При свѣтѣ спички, которую удалось мнѣ зажечь въ шапкѣ, посмотрѣлъ я на часы. Было за полночь. А мы выѣхали часовъ около 7... и ни признака жилья, ни собачьяго лая, столь отраднаго путнику, сбившемуся съ дороги.

Дамы начали было ободряться при мысли, что одѣтые тепло, мы не замерзнемъ, что съ полуночи волки не такъ уже бродятъ, и мало по малу пошли разсказы. Т. Г. запѣлъ »Ой, не шуми луже!« мы начали ему вторить... Но тутъ ураганъ разразился съ ужасной силой, лошади остановились, пѣсня наша замолкла, и вой порыва, пронесшагося мимо, показался намъ воемъ голодныхъ волковъ. Кибитка В. А. чуть не наѣхала на насъ. Лошади ни съ мѣста. Мы врѣзались въ сугробъ, какіе обыкновенно образуются во время мятели по низменностямъ. Общими силами вытащили мы санки и снова поѣхали шагомъ.

— А що, Тарасе? — спросилъ я, усаживаясь весь въ снѣгу на свое мѣсто.

А онъ въ отвѣтъ запѣлъ мнѣ строфу изъ запорожской пѣсни:

Ой которі поспішали, —
Ті у Січи зімували,
А которі зоставали, —
У степу ті пропадали.

Отчаяніе начало овладѣвать нашими спутницами, и много надо было усилія Шевченку успокоить ихъ. Онъ началъ импровизировать »Мятель« и сложилъ нѣсколько строфъ, которыя, однако же, разнеслись вслѣдъ за порывами бури, потому что впослѣдствіи ни онъ, ни мы не могли ихъ вспомнить. Кажется, что у меня уцѣлѣли нѣкоторые отдѣльные стихи, но не привожу изъ боязни, чтобы не вмѣшалась какая нибудь строчка собственнаго сочиненія. Знаю только, одинъ куплетъ выражалъ мысль, что казакамъ и умирать было бы хорошо въ обществѣ такихъ милыхъ спутницъ.

Мы подавались впередъ, рѣшительно не зная направленія, но чѣмъ далѣе, тѣмъ съ большей надеждой на спасеніе, потому что близко было къ разсвѣту.... Наконецъ, дамы наши усмотрѣли въ сторонѣ огонекъ. Кончено, спасены. Кучеръ пріударилъ лошадей, которыя, почуявъ близость отдыха и корма, не смотря на изнуреніе, пустились бѣжать рысью, и

скоро мы выбрались къ постоялому двору на почтовой Кіевской дорогѣ. Весь фасадъ былъ освѣщенъ, въ окнахъ мелькали тѣни, за воротами слышались возгласы суетившихся извощиковъ. Хотя до дому оставалось недалеко, но мы рѣшились отдохнуть часа два на постояломъ. Рыцарь большаго штофа спалъ, какъ убитый, и изъ кибитки его раздавался богатырскій храпъ, который звукоподражалъ завыванію бури разными голосами. В. А. едва разбудили, а когда онъ ввалился къ намъ въ теплую комнату, то усердно смѣялся, узнавъ, какъ долго мы блуждали, и остроумно началъ доказывать, что нѣтъ ничего на свѣтѣ блаженнѣе мочемордія. Скоро представился ему еще случай привести одно доказательство. Когда перезябшія дамы попросили чаю, на постояломъ дворѣ не оказалось его, потому что хозяинъ держалъ только самоваръ, предоставляя проѣзжимъ возить съ собою припасы; за то водки было сколько угодно. Но я досталъ чаю у какой-то проѣзжей барыни, которой разсказалъ наше приключеніе, и два часа, проведенные нами до разсвѣта въ корчмѣ, принадлежатъ къ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Мы ихъ вспоминали не разъ съ Шевченкомъ.

Но сошлись мы съ Т. Г. тѣснѣе въ 1846 г. Однажды неожиданно заѣхалъ онъ ко мнѣ передъ масляницей — блѣдный и съ обритою головою по случаю недавней горячки. Тогда онъ постоянно носилъ черную бархатную шапочку. Я и не зналъ, что онъ больной въ нѣсколькихъ верстахъ лежалъ въ П. уѣздѣ. Во время болѣзни Шевченко написалъ много стихотвореній. Въ этотъ и послѣдній разъ — онъ заѣхалъ ко мнѣ въ Исковци съ цѣлью пригласить меня сопутствовать ему по Малороссіи: онъ располагалъ срисовывать древнюю утварь по церквамъ и монастырямъ, а для меня какое бы то ни было путешествіе сдѣлалось необходимостью. На этотъ разъ мы разсчитывали ѣхать въ Черниговъ на короткое время, а оттуда въ Кіевъ. Мы тотчасъ же составили планъ отправиться въ Л. на ярмарку, потомъ посѣтить Нѣжинъ, дорогой для меня по воспоминаніямъ. Въ Л. съѣхалось много помѣщиковъ, приглашеніямъ не было конца, но мы отдѣлались и выѣхали прямо въ Нѣжинъ, который тоже развернулся на масляницѣ. Но здѣсь я не могу не занести одного факта. Въ то время какъ въ Пр... перепрягали намъ лошадей — это было ночью — въ сосѣдней улицѣ случился пожаръ. Горѣла убогая лачужка. Народъ сбѣгался, но тушили и помогали преимущественно евреи, потому что въ лачугѣ

жилъ ихъ единовѣрецъ. Мы прибѣжали на пожаръ въ свою очередь, и Т. Г. бросился спасать имущество погорѣльцевъ. Онъ наравнѣ съ другими выносилъ разный хламъ и по окончаніи держалъ рѣчь къ христіанскому населенію, которое какъ-то неохотно дѣйствовало на томъ основаніи, что »горѣлъ жидъ.« При всей нелюбви своей къ этому племени, что неудивительно было тогда не только въ простомъ украинцѣ, слышавшемъ еще отъ живыхъ свидѣтелей о поступкахъ евреевъ за Днѣпромъ, но и въ высшихъ классахъ общества, Шевченко горячимъ словомъ упрекалъ предстоявшихъ въ равнодушіи, доказывая, что человѣкъ въ нуждѣ и бѣдѣ, какой бы ни былъ націи, какую ни исповѣдывалъ бы религію, дѣлается намъ самымъ близкимъ братомъ.

Пріѣздъ Шевченка въ Нѣжинъ не могъ остаться тайною. Двери наши не затворялись; въ особенности насъ посѣщали студенты и въ числѣ ихъ Н. В. Гербель, бывшій тогда въ послѣднемъ курсѣ. Въ четвергъ мы отправились въ собраніе. Тутъ случилось маленькое происшествіе. Кто-то изъ начальствующихъ лицъ не хотѣлъ было впустить Шевченка на томъ основаніи, что послѣдній былъ въ бархатной шапочкѣ, но щекотливому сему мужу объяснили, что Т. Г., въ какомъ бы ни былъ костюмѣ — дѣлалъ честь своимъ посѣщеніемъ. Поэтъ много смѣялся этому приключенію. На другой день мы все разъѣзжали по гостямъ, и тогда же онъ написалъ Гербелю въ альбомъ четыре стиха изъ одной своей пьесы:

За думою дума роемъ вылітае,
Одна давить душу, друга роздирае,
А третяя тихо, тихесенько плаче,
У самому серці, може й Богъ небачить.

Надобно сказать, что Шевченко кромѣ полнѣйшаго безкорыстія — не любилъ и даже боялся всевозможныхъ денежныхъ разсчетовъ, и если ему случалось сходиться съ кѣмъ нибудь и быть нѣкоторое время вмѣстѣ, — онъ отдавалъ таварищу свои деньги и просилъ избавить его отъ всѣхъ житейскихъ заботъ. Когда мы выѣхали изъ Л., онъ отдалъ мнѣ свою кассу, которая, какъ и моя, была не въ блистательномъ положеніи, но при умѣренной жизни намъ должно было хватить денегъ по май мѣсяцъ. Признаюсь, что я и самъ небольшой мастеръ обращаться съ деньгами, но какъ то болѣе Шевченка боялся за истощеніе нашихъ средствъ, и потому, принявъ на себя казначейскую обязанность, началъ нѣ-

которымъ образомъ скупиться, въ особенности не выходить изъ бюджета, составленнаго на масляничныя увеселенія. Тарасъ одобрилъ мой планъ, и мы жили довольно разсчетливо по нашему крайнему разумѣнію. Какъ теперь помню, проснулись мы въ субботу довольно рано, и пока не являлись гости и намъ не предстояло еще отправляться къ знакомымъ, я хотѣлъ пойдти въ лавки купить нѣкоторые припасы, потому что мы рѣшились выѣхать послѣ бала въ Черниговъ и такимъ образомъ заключить масляницу. Выходя изъ дому, я просилъ Шевченка приготовить чай.

— Не хочецця мині уставать, проговорилъ онъ — щось я утомився, такъ бы и кабанувавъ цілісенькій день. Нехай приносять самоваръ, а прийдешъ самъ и зробишъ чаю *).

Я согласился и вышелъ.

Возвращаюсь минутъ черезъ двадцать. Т. Г. былъ одѣтъ. За столомъ сидѣлъ какой-то юнкеръ, пилъ чай и подливалъ себѣ въ стаканъ рому изъ графинчика, поданнаго услужливымъ номернымъ.

— Отъ намъ Богъ и гостя послав̆, сказалъ мнѣ Шевченко.

Юнкеръ счелъ нужнымъ мнѣ отрекомендоваться. Къ намъ часто являлись посѣтители, но при взглядѣ на послѣдняго у меня возникло какое-то темное подозрѣніе, что посѣтитель этотъ былъ привлеченъ не собственно желаніемъ познакомиться съ украинскимъ поэтомъ, а съ другой цѣлью. Но я старался быть какъ можно привѣтливѣе. Юнкеръ разсказалъ нѣсколько анекдотовъ давно уже извѣстныхъ, и когда не оказалось болѣе рому, онъ, громко кликнувъ номернаго, приказалъ подать еще графинчикъ. Мнѣ это не понравилось, и смущалъ меня не лишній полтинникъ, но перспектива сообщества съ неизвѣстнымъ господиномъ, который съ окончаніемъ второй порціи рома могъ сдѣлаться невыносимымъ. Напившись чаю, юнкеръ отозвалъ Шевченка въ сторону и что-то шепталъ минуты двѣ, потомъ раскланялся и вышелъ.

— Дай мині три карбованця (рубля), сказалъ мнѣ несмѣло Тарасъ, смотря на меня съ своей добродушной улыбкой, и по лицу видно было, что онъ готовъ разсмѣяться.

— Вѣроятно тому? спросилъ я тихо, указывая на дверь.

Онъ махнулъ рукою. Я досталъ денегъ. Шевченко взялъ

*) Не хочется мнѣ вставать: что-то утомился я, такъ и валялся бы цѣлый день. Пусть приносятъ самоваръ, а придешь, самъ приготовишь.

шапку и вышелъ. Возвратясь, онъ разсказалъ мнѣ, что юнкеръ, войдя къ намъ въ нумеръ и отрекомендовавшись, признался ему, что проигралъ казенныя деньги и просилъ одолжить ему пять рублей, не пополнивъ которыхъ, онъ могъ ожидать большихъ непріятностей. Т. Г. по мягкосердію тронулся его положеніемъ какъ молодаго мальчика и обѣщалъ помочь, пригласивъ напиться чаю. Но когда гость, осушивъ графинчикъ рому, потребовалъ другой, то, не смотря на это похвальное служеніе Бахусу, Тарасъ рѣшился уменьшить пожертвованіе и далъ три рубля, примолвя мнѣ только шутливо, чтобъ я не расказалъ В. А. З—му, который могъ обидѣться за такое равнодушіе къ истинному мочемордію. Онъ никогда не отказывалъ просящимъ, и бывали времена, когда у насъ общій капиталъ понижался до нѣсколькихъ гривенъ; Т. Г. бралъ всегда мелкую монету для раздачи милостыни. Участье къ нуждамъ и бѣдѣ другихъ приводило его иногда къ самымъ наивнымъ сценамъ, и это еще болѣе располагало каждаго къ его личности. Иногда, впрочемъ, послѣ наглаго обмана, вытаскивавшаго у него послѣднія деньги, онъ сердился и давалъ слово быть осмотрительнѣе; но какая нибудь новая попрошайка, искусно скорченная мина, жалобный голосъ, и Тарасъ не выдерживалъ. Разумѣется, уважая подобное направленіе, я никогда не говорилъ ему объ этомъ, потому что не производить же слѣдствія — стоитъ или не стоитъ подать милостыню, но многіе знакомые изъ участія совѣтовали Шевченку беречь свои финансы.

— Я и самъ знаю, отвѣчалъ онъ, та нехай лучче тричі одурять мене, а усе-таки у четверте подамъ тому, хто справді не бачивъ може шматка хліба *).

Мы въ Нѣжинѣ не скучали, но, не смотря на всеобщее радушіе, на присутствіе прелестной М. С. К., извѣстной тогда красавицы въ Малороссіи, кружившей всѣмъ головы, рѣшились оставить городъ, въ которомъ не было дѣла, и поселиться въ Черниговѣ, гдѣ имѣлись въ виду интересныя древности. Послѣ бала, въ субботу, полусонные выѣхали мы изъ Нѣжина и прибыли на другой день подъ вечеръ въ Черниговъ. Надремавшись въ дорогѣ, мы уже не ложились спать, а пообѣдавъ, отправились, въ благородное собраніе, гдѣ съ

*) Я самъ знаю, но пусть лучше три раза обманутъ меня, а все-таки въ четвертый подамъ тому, кто дѣйствительно не видалъ, можетъ быть, куска хлѣба.

утра еще собрались на folle journée. Намъ чрезвычайно интересно было войдти въ общество, гдѣ не предвидѣлось ни души знакомой, и Тараса въ особенности занимала мысль — не пристанетъ ли къ нему кто нибудь за шапочку. Никто, однако же, не присталъ. Я неожиданно встрѣтилъ двухъ старыхъ товарищей, и скоро вѣсть о Шевченкѣ разошлась по залѣ. Но Т. Г., познакомясь съ нѣсколькими своими почитателями, вскорѣ уѣхалъ, и они гдѣ-то провожали масляницу. Я оставался въ собраніи до конца. Общество было небольшое, но пріятное, за исключеніемъ немногихъ личностей, которыя обыкновенно водятся во всѣхъ городахъ и служатъ необходимой принадлежностью каждаго собранія. На другой день я проснулся первый; не думая будить товарища, сдѣлалъ себѣ чаю и не помню уже отчего — мнѣ пришла фантазія описать въ стихахъ вчерашній балъ, давъ названіе цвѣтовъ и растеній всему прекрасному полу. Когда проснулся Шевченко и я прочелъ ему свое стихотвореніе, оно понравилось ему до того, что, заставивъ меня повторить, онъ тотчасъ же присѣлъ къ столу, взялъ карандашъ и на поляхъ сдѣлалъ иллюстрацію, сколько могъ запомнить иную личность. Разумѣется, сходства не было, потому что въ часъ времени не могъ же онъ разглядѣть незнакомыхъ физіономій; но было много комизна въ фигурахъ иныхъ растеній, особенно смѣшно вышли — капуста, піонъ, морковь и т. п. Т. Г. необыкновенно усердно занялся дѣломъ и принялъ его близко къ сердцу.

— Ось знаешъ що, сказалъ онъ, ось перепиши — лишень на чисто и зоставь мині більшъ місця — я гарненько иллюструю *).

Пока онъ пилъ чай, я переписалъ стихотвореніе, а къ обѣду была готова мастерская иллюстрація, которая долго сохранялась у меня, но въ прошломъ году утрачена вмѣстѣ съ другими интересными для меня бумагами.

Проведя вечеръ у новыхъ знакомыхъ, Шевченко на другой день поѣхалъ въ Троицкій монастырь къ преосвященному просить позволенія срисовать древнюю утварь, но скоро возвратился, получивъ разрѣшеніе приступить съ четверга — не помню уже вслѣдствіе какой причины. Насъ посѣтили нѣсколько человѣкъ, и одинъ изъ нихъ, замѣтивъ уголокъ иллюстрированнаго бала, вытащилъ его изъ-подъ бумагъ и прежде

*) Знаешь ли что, перепиши-ко набѣло, да оставь мнѣ побольше мѣста, — я хорошенько иллюструю.

чѣмъ я успѣлъ замѣтить это — началъ читать вслухъ. Скрываться не предстояло возможности. Въ стихотвореніи не имѣлось ничего оскорбительнаго, а тѣмъ болѣе не было выставлено ни одного имени, при томъ же въ концѣ второй недѣли мы собирались выѣхать изъ Чернигова, и волей неволей нѣсколькимъ человѣкамъ сдѣлались извѣстными наши невинныя продѣлки. Разумѣется, все находили забавнымъ, кое-что вѣрнымъ, въ особенности хвалили мастерской карандашъ, и тутъ же мы узнали многія интересныя подробности. Т. Г. напомнилъ, однако же, посѣтителямъ украинскую пословицу »своя хата покришка«, которой есть равносильная и на русскомъ: изъ избы сору не выносить«. Намъ дали слово. Подъ вечеръ къ намъ заѣхалъ одинъ изъ этихъ господъ и убѣдительно началъ просить позволенія взять на полчаса листокъ съ тѣмъ, что кромѣ его жены никто не увидитъ. Мы подумали; потомъ, рѣшивъ, что намъ, какъ перелетнымъ птицамъ, черезъ нѣсколько дней приходилось оставить городъ, можетъ быть, и навсегда, рискнули исполнить желаніе добраго человѣка, показавшаго такое расположеніе и хлопотавшаго объ облегченіи приступа къ занятіямъ Шевченка. Я отдалъ листокъ.

— А вінъ збреше, сказалъ мнѣ Тарасъ по уходѣ посѣтителя, не самій тільки жінці вінъ іого покаже... Та дармà! *).

Дѣйствительно, онъ не ошибся. Листокъ былъ возвращенъ намъ уже на другой день, побывавъ въ нѣсколькихъ домахъ и произведя противоположные эффекты, какъ и надо было ожидать. О послѣдствіахъ мы скоро были извѣщены, и Т. Г. такъ смѣялся, какъ я рѣдко помню.

— Буде тобі, говорилъ онъ мнѣ, якъ росходятця морква та капуста.

Надобно же было случиться, что въ Черниговѣ, во первыхъ, нашлось довольно древностей, которыя нужно было срисовать, во вторыхъ, Шевченко получилъ просьбы снять нѣсколько портретовъ. Такимъ образомъ неожиданно остались мы въ городѣ, въ которомъ, по нескромности одного индивидуума, часть общества была вооружена противъ насъ и хотя, повторяю, ни въ стихотвореніи, ни въ иллюстраціи не было ничего оскорбительнаго, однако, положеніе наше не могло назваться спокойнымъ, если принять во вниманіе, что въ небольшомъ городѣ все общество постоянно собиралось вмѣстѣ. Сперва мы рѣшились было жить анахоретами, но приглаше-

*) А онъ солжетъ и покажетъ не одной только своей женѣ. Ну, да ничего

нія были такъ искренны и въ нѣкоторыхъ домахъ принимали насъ такъ радушно, что, очертя голову, мы начали появляться въ черниговскомъ свѣтѣ. Въ двухъ домахъ въ особенности часто собирались — у губернатора и губернскаго предводителя, гдѣ насъ окружали всевозможнымъ вниманіемъ, и гдѣ дѣйствительно радушіе и безцеремонный пріемъ всѣхъ и каждаго — были первымъ и главнымъ условіемъ. Небольшой кружокъ былъ оживленъ присутствіемъ пріѣзжаго изъ Петербурга кн. У—ва, который умѣлъ расшевелить провинціальное общество, — и вечера проходили чрезвычайно пріятно. Предоставляю читателю судить о положеніи нашемъ съ Шевченкомъ, когда волей-неволей, представленные нѣкоторымъ изъ цвѣтковъ и растеній, игравшихъ не блистательную роль въ нашемъ иллюстрированномъ стихотвореніи, мы должны были играть съ ними въ petits jeux и выдерживать легкіе намеки не весьма пріятнаго для насъ свойства. Это было, однако-жъ, ничего; но намъ жутко пришлось отъ двухъ сестеръ, которыхъ назвалъ я тепличными высокомѣрными розами, и которыя, къ стыду моему, оказались милыми и образованными дѣвушками. Обладая тактомъ и по совѣту матери, онѣ не только не показывали вида недовольства отъ нашей шутки, напротивъ обращались съ нами ласково и съ необыкновенной любезностью. Возвратясь какъ-то домой съ одного пріятнаго вечера, Шевченко началъ, не раздѣваясь, молча ходить по комнатѣ и на вопросъ мой — что съ нимъ? отвѣчалъ:

— Лучче бъ этті дівчата вилаяли насъ на усі бокі *).

И мы послѣ небольшаго совѣщанія рѣшились ѣхать къ этому семейству и чистосердечно покаяться въ своемъ прегрѣшеніи. Но по странному настроенію судьбы, мать этого семейства предупредила насъ и прислала просить Тараса и меня пріѣхать къ ней запросто обѣдать. Шевченко получилъ заказы сдѣлать портреты обѣихъ барышень, и всѣ непріязненныя отношенія были кончены.

Въ это же время познакомился съ нами и бывалъ у насъ С. С. Громека, тогда еще подпоручикъ какого-то пѣхотнаго полка. Окончивъ занятія въ Черниговѣ, Т. Г. уѣзжалъ къ радружески знакомому семейству Л... въ Седневъ, гдѣ и работалъ, а я оставался въ Черниговѣ и собиралъ по окружностямъ этнографическія замѣтки. Потомъ я заболѣлъ. Шевченко пріѣхалъ и прожилъ со мною, пока мнѣ сдѣлалось

*) Лучше эти дѣвушки выбранили бы насъ, какъ знали.

лучше. Тогда же онъ снялъ съ меня превосходный портретъ карандашемъ, и снова отправился въ Седневъ, а я послѣ Ѳоминой уѣхалъ въ Кіевъ. У меня въ тетради осталась пѣсня, написанная его рукою. Она напечатана въ 3-мъ номерѣ »Основы«, но уже по другой редакціи. Вотъ какъ вылилась она у Шевченка:

Не женися на богатій
Бо вижене зъ хаты,
Не женися й на убогій,
Бо не будешъ спати.
Оженись и вольній волі
На козацькій доли —
Яка буде, така й буде —
Чи гола, то й гола.
Та ніхто не докучае
И не розважае,
Чого болить и де болить,
Ніхто не спитае...
У двохъ кажуть и плакати
Мовъ легше гіначе, —
Не потурай! легше плакать
Якъ ніхто небачить.

Когда Шевченко возвратился изъ Седнева, мы встрѣтили его стараго товарища, художника Сажина, и скоро поселились всѣ вмѣстѣ на Крещатикѣ, въ улицѣ, называемой »Козине Болото«.

Здѣсь началась новая жизнь съ чрезвычайно-поэтической обстановкой. Шевченко задумалъ снять всѣ замѣчательные виды Кіева, внутренности храмовъ и интересныя окрестности. Сажинъ взялъ на себя нѣкоторыя части, и оба художника пропадали съ утра, если только не мѣшала погода. Я отправлялся то къ знакомымъ профессорамъ, то розыскивалъ старинныя книги, то ходилъ на Днѣпръ къ рыбакамъ и ѣздилъ на лодкѣ, то искалъ интересныхъ встрѣчъ съ богомольцами, которыхъ десятки тысячъ стекаются въ Кіевъ лѣтнею порою. Ничего не бывало пріятнѣе нашихъ вечеровъ, когда, возвратясь усталые домой, мы растворяли окна, усаживались за чай и передавали свои дневныя приключенія. Когда Шевченко рисовалъ внутренность коридоровъ, ведущихъ въ ближнія и дальнія пещеры, я сопутствовалъ ему съ цѣлью изучить любопытныя группы нищихъ, занимавшихъ иногда большую половину коридоровъ и имѣвшихъ

какъ бы свои привилегированныя ступеньки. При странномъ освѣщеніи, въ которомъ полумракъ галерей, обсаженныхъ деревьями, прерывался вдругъ потокомъ свѣта, и яркій треугольникъ прорѣзывалъ наискось часть коридора, группы калѣкъ съ оригинальными лицами, съ лохмотьями и умоляющими голосами — этимъ особеннымъ нищенскимъ речитативомъ — представляли чрезвычайно своеобразное зрѣлище. Нѣсколько мѣдныхъ грошей пріобрѣтали намъ расположеніе этой шумной и оборванной толпы, въ голосѣ которой, мимо грязи, отвратительнаго уродства, иногда пріобрѣтеннаго нарочно изъ корысти, мимо порочныхъ наклонностей, встрѣчалась индивидуумы, драгоцѣнные для художника и вообще для наблюдателя. Но извлекать пользу изъ встрѣчъ съ жалкимъ человѣчествомъ надо было умѣючи. У нищихъ существуютъ или, по крайней мѣрѣ, существовали свои ассоціаціи, и въ извѣстномъ кружкѣ все зависѣло отъ атамана или старшины, который обращался деспотически съ своими собратами. Одинъ слѣпой старикъ звѣрскаго вида, но умѣвшій скорчить самую постную физіономію, гудѣвшій какъ бочка въ минуты гнѣва и чуть не пищавшій, когда канючилъ у прохожихъ, — предводительствуя небольшой толпой нищихъ, больно колотилъ ихъ огромной палкой, не разбирая праваго и виноватаго. Особенно это случалось въ тѣ часы, когда отойдутъ обѣдни, а до вечерень еще времени много. Мы, бывало, часто спрашиваемъ у нищихъ, зачѣмъ они терпятъ такого забіяку, но намъ отвѣчали: пусть уже дерется, не долго осталось, на Макковея (1 августа), выберемъ другаго. Атаманъ этотъ, по словамъ его товарищей, не годился въ городѣ, но въ деревняхъ съ нимъ было любо, потому что онъ имѣлъ обширное знакомство. Тараса поразила его физіономія, и онъ снялъ съ него портретъ. Но, дѣйствительно, лицо это было исполнено такой подлости и отверженія, что Шевченко, минутъ черезъ пять по окончаніи, разорвалъ его на части.

— Се такий супесъ, что за шагá заріже чоловіка, дармà що сліпий *).

Онъ много набрасывалъ фигуръ, и я не знаю, куда дѣвались эти очерки.

По временамъ, однако-жъ, на Шевченка нападала лѣнь, и онъ такъ бывалъ радъ дождливымъ днямъ, что не вставалъ

*) Это такой злодѣй, что за грошъ готовъ зарѣзать человѣка, даромъ, что слѣпъ.

съ постели и читалъ или новые журналы, или необходимыя ему историческія сочиненія, доставать которыя лежала обязанность на мнѣ. Но случалось, что онъ пропадалъ изъ дому сутокъ по двое, и это меня безпокоило, потому что общей кассой завѣдывалъ я, а онъ никогда не бралъ съ собой больше двугривеннаго, изъ которыхъ часть употреблялъ на продовольствіе, а остальное раздавалъ бѣднымъ. Случалось, что онъ заходилъ далеко въ окрестности, но иногда встрѣчалъ кого нибудь изъ знакомыхъ и пировалъ съ ними. Онъ не любилъ никакихъ разспросовъ.

Собственно о своемъ костюмѣ онъ заботился очень мало, такъ что надобно было надоѣдать ему, если предстояла необходимость заказать какія нибудь вещи. На деревенскихъ помѣщичьихъ балахъ онъ не слишкомъ церемонился, но въ Кіевѣ другое дѣло. Было у насъ нѣсколько знакомыхъ изъ высшаго круга. Вотъ иной разъ съ утра Т. Г. и говоритъ, что, поработавъ хорошенько, не мѣшало бы вечеркомъ пойти куда нибудь въ гости. Я такъ и прилажу и ожидаю. Возвратится Тарасъ.

— А не хочецця мині натягатъ оттого фрака, щобъ вінъ слизъ *).

— Такъ и не надо.

— А можебъ піти запросто.

— Я вижу, что тебѣ не хочется, — ну и посидимъ дома.

— А справді! Ходімъ лучче на Дніпро, сядемъ де нéбудь на кручі и заспіваємъ **).

И нерѣдко вмѣсто чиннаго салона мы отправлялись къ Днѣпру, садились на утесъ и при видѣ великолѣпной панорамы пѣли пѣсни или думали каждый свою думу. Но случалось, — посѣщали и такъ называемые аристократическіе дома, гдѣ Шевченка принимали съ уваженіемъ, но гдѣ народный поэтъ тяготился присутствіемъ чопорныхъ денди и барынь, и раза два только я помню его разговорчивымъ и любезнымъ въ этомъ обществѣ. Никогда не забуду, какъ однажды, сидя въ довольно большомъ кругу за чаемъ, онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ шопотомъ:

— Аже отто ромъ?

— Ромъ.

*) А не хочется мнѣ натягивать фрака, чтобъ онъ пропалъ.

**) И въ самомъ дѣлѣ. Пойдемъ лучше на Днѣпръ, сядемъ гдѣ нибудь на утесъ и запоемъ.

— Дивись же, ні одинъ сучий синъ не всипа̀ (не наливаетъ).

— Да.

— Знаешъ же, и я не питиму.

— Почему же и не подлить немного.

Въ это время хозяйка пододвинула ему флаконъ.

— Тарасъ Григорьичъ, не угодно ли съ ромомъ.

Тарасъ посмотрѣлъ на меня.

— Дякувать! Душно, сказалъ онъ *).

Здѣсь была одна интересная особа, и Шевченко увлекался разговоромъ. Держалъ себя онъ въ обществѣ свободно и съ тактомъ и никогда не употреблялъ тривіальныхъ выраженій. Это замѣтили даже и многія барыни. Когда мы вышли на улицу, ночь была лунная, и вѣтеръ едва шевелилъ вершины серебристыхъ тополей, которыми такъ изобилуютъ нѣкоторыя части Кіева. Шевченко предложилъ пройтись дальнимъ путемъ, т. е. чрезъ Липки къ саду, и мимо костела подняться на Старый Кіевъ.

— На чортоваго батька воны ставлять оттой ромъ, коли и губъ ніхто не умочить, молвилъ Шевченко и засмѣялся. Сказано паны — у іхъ усе на показъ тільки **).

— Напрасно ты церемонишься.

— Ні, не люблю я у такій бéседі ні чарки горілки, ні шмотка хліба ***).

За то любилъ онъ простоту семейнаго быта, и гдѣ принимали его не пышно, но искренно, онъ тамъ бывалъ необыкновенно разговорчивъ, любилъ разсказывать смѣшныя происшествія — не анекдоты, какъ покойный Основьяненко, а непремѣнно что нибудь изъ бывалаго, въ чемъ онъ подмѣчалъ комическую сторону. У меня въ Кіевѣ жили родные, небогатые люди, но считавшіе за удовольствіе принять гостя чѣмъ Богъ послалъ. У тетушки въ особенности подавали превосходный постный обѣдъ, какого дѣйствительно не найдти и у самаго дорогаго ресторатора. По старосвѣтскому обычаю, старики соблюдали всѣ посты, и я въ одну изъ середъ или пятницъ познакомилъ съ ними Шевченка. Насъ, разумѣется, не отпустили безъ обѣда. Вся обстановка уже показала Т. Г.,

*) Благодарю! Жарко.

**) Зачѣмъ они ставятъ этотъ ромъ, когда никто и губъ не замочитъ. Извѣстно, паны — у нихъ все только для показу.

***) Нѣтъ, не люблю я въ такомъ обществѣ, ни рюмки водки, ни куска хлѣба.

что насъ не ожидали никакія церемоніи. Старикъ дядя, коренной полтавецъ, помнилъ всѣ малѣйшіе обычаи родимаго гостепріимства и произнеся извѣстную фразу »по сій мові, будьмо здорови«, выпилъ прежде самъ рюмку настойки, а потомъ предложилъ гостю. Это очень понравилось послѣднему, и онъ принимаясь за рюмку, проговорилъ свою обычную поговорку:

— Якъ то ті пьяниці пьютъ отцю погань, нехай уже ми люде привичні *).

Но когда Т. Г. съѣлъ нѣсколько ложекъ борщу, онъ не утерпѣлъ не признаться, что если и ѣлъ подобный борщъ, то, вѣроятно, очень давно, да и врядъ ли когда случалось пробовать. Борщъ этотъ былъ съ сухими карасями, съ свѣжей капустой и какими-то особенными приправами. Подали потомъ пшенную кашу, вареную на раковой ухѣ съ укропомъ, и Шевченко совершенно растаялъ. Старики утѣшались, что могли доставить удовольствіе такому дорогому гостю, а онъ отъ маловажнаго, повидимому, обстоятельства — пришелъ въ необыкновенно хорошее расположеніе духа, и мы просидѣли, я думаю, за столомъ часа три. Послѣ того нѣсколько разъ, по желанію Шевченка, мы ходили обѣдать въ постные дни къ старикамъ, только бывало я заранѣе предварю тетушку, и постный борщъ удавался, какъ нельзя лучше. Даже нынѣшнею зимою въ (1861 г.) ресторанѣ Вольфа напомнилъ онъ мнѣ какъ-то о нашихъ постныхъ обѣдахъ на Крещатикѣ.

Во время прогулокъ онъ говорилъ мнѣ, что хотѣлось бы ему написать большую картину. По его словамъ и мысль у него шевелилась и планъ иногда не ясно мелькалъ въ воображеніи; но Шевченко сознавалъ самъ, что родился болѣе поэтомъ, чѣмъ живописцемъ, потому что во время обдумыванія картины »хто іого зна — відкіль несецця, несецця пісня, складаюцця стихи, дивись ужѐ й забувъ про що думавъ, а мерщій запишешь те, що навіялось« **).

Любилъ онъ и уважалъ природу. Блуждая съ нимъ по лѣсамъ надъ Сулой и Слѣпородомъ, мы, бывало, просиживали у норки какого нибудь жучка и изучали его незатѣйливые нравы и обычаи. Большое удовольствіе доставляли Шевченку крестьянскія дѣти, которыя въ деревняхъ обыкновенно цѣ-

*) Какъ-то эти пьяницы пьютъ такую гадость, пусть уже мы люди привычные.

**) Кто его знаетъ, откуда несется, несется пѣсня, складываются стихи, — смотри уже и позабылъ, о чемъ думалъ, и поскорѣе запишешь то, что навѣялось.

лые дни проводятъ на улицѣ. Т. Г. не разъ садился къ нимъ въ кружокъ и, ободривъ пугливое общество, разсказывалъ имъ сказки, пѣлъ дѣтскія пѣсни, которыхъ зналъ множество, серьезно дѣлалъ пищалки и вскорѣ пріобрѣталъ привязанность всѣхъ ребятишекъ. Никогда не забуду одного приключенія. Ушелъ онъ какъ-то рано рисовать развалины Золотыхъ Воротъ, возлѣ которыхъ въ то время не отстраивалась еще эта часть города, и сказалъ, что возвратится вечеромъ. Золотыя Ворота были близко отъ нашей квартиры. Я получилъ записку, которою насъ приглашали на чай и хотѣлъ увѣдомить Т. Г., чтобъ никуда не зашелъ, потому что у знакомыхъ, куда насъ звали, онъ всегда бывалъ съ удовольствіемъ. Прихожу къ Золотымъ Воротамъ и что же вижу? Т. Г. разостлалъ свой цвѣтной платокъ, на который посадилъ трехлѣтнюю дѣвочку и изъ лоскутковъ бумажки дѣлалъ ей какую-то игрушку. Онъ разсказалъ мнѣ свое приключеніе. Часу въ пятомъ Т. Г. сидѣлъ и работалъ, какъ за валомъ внизу послышался дѣтскій плачъ, на который онъ сперва не обратилъ никакого вниманія. Но плачъ не умолкалъ и становился сильнѣе. Мѣсто пустое. Шевченко не выдержалъ, пошелъ по гребню вала и заглянулъ внизъ. Во рву сидѣло дитя и жалобно плакало. Возлѣ ни души, лишь нѣсколько телятъ паслись въ отдаленіи. Онъ пробѣжалъ шаговъ двадцать, — никого. Нечего дѣлать, надо было спуститься и взять ребенка. Дѣвочка перепугалась и заплакала еще сильнѣе. Успокоивъ ее насколько было можно, Т. Г. понесъ свою находку къ Золотымъ Воротамъ. Ему какъ-то удалось забавить ее, но добиться толку не было никакой возможности, потому что дѣвочка лепетала »мама«, »няня« и больше ни слова. Давалъ онъ ей бублика (баранокъ), но дитя не могло укусить и все повторяло только »мама«, »няня«. Т. Г. не зналъ, что дѣлать. Два, три прохожихъ постояли, посмотрѣли и не признавали дѣвочки, а ему и не хотѣлось утерять чуднаго освѣщенія и вмѣстѣ жаль было оставить дѣвочку возлѣ себя въ жертву страха и, конечно, голода. Я пришелъ кстати и тотчасъ же отправился въ сосѣдніе дома, которыхъ было вблизи весьма немного. Нигдѣ, однако же, не знали дѣвочки. Положеніе становилось затруднительнымъ. Мы рѣшились идти домой и объявить въ полиціи. Я взялъ портфель, Т. Г. ребенка и такимъ образомъ дошли мы до Софійскаго собора. Молодая женщина въ домашнемъ костюмѣ съ испуганнымъ видомъ выбѣжала изъ переулка и, увидя, насъ бросилась къ намъ на встрѣчу.

— Мати! сказалъ Шевченко и не говоря ей ни слова подалъ ребенка.

Оказалось, что нянька унесла дѣвочку гулять, но, вѣроятно, встрѣтила на дорогѣ знакомую или знакомаго, хорошенько выпила и завалилась по рву спать, а дитя пошло и пошло вдоль по канавѣ. Ребенокъ былъ нѣсколько часовъ въ отсутствіи изъ дому. Какая то старушка, проходя подъ валомъ увидѣла пьяную няньку и, не зная, что у нея было дитя на рукахъ, поспѣшила только съ одной новостью. Развязка извѣстна. Возвращаясь домой, Т. Г. смѣялся, какъ бы онъ воспитывалъ дочь, если-бы у дѣвочки не отыскались родители.

Что касается до любви въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то за все время моего знакомства съ Шевченкомъ, я не замѣтилъ въ немъ ни одной привязанности, которую можно было-бы назвать серьезною. Онъ любилъ женское общество и увлекался, но никогда на долго. Какъ молодые люди, начнемъ, бывало, объ этомъ разговоръ, и стоило только напомнить ему какое нибудь его увлеченіе, онъ обыкновенно отзывался:

— Ахъ! дурниця! Поки зъ нею балакаю, то буцімъ то щось и ворушиццдя у серці, а тамѣ и байдуже *).

Но къ одной особѣ онъ возвращался раза три, т. е. по крайней мѣрѣ раза три при встрѣчѣ съ нею онъ увлекался. Давно, еще въ первыя времена знакомства нашего, онъ долго сидѣлъ возлѣ нея на балѣ и все просилъ у нея на память хоть одинъ голубой цвѣтокъ, которыми отдѣлано было платье. Молодая женщина шутила и шутя отказывала. Т. Г. однакоже изловчился и оторвалъ цвѣтокъ. Такъ это и кончилось. Года черезъ два случайно увидѣлъ я у него этотъ знакъ воспоминанія. Т. Г. смѣшался немного.

— Славна молодичка, сказалъ онъ мнѣ — и така пріятна, що здаецця й забудешъ, а побачишъ, то зновъ такъ тебе й тягне **).

Завлекся было на кроткое время онъ одной извѣстной красавицей, которая кружила головы всѣмъ, кто попадалъ въ заколдованный кругъ ея. Увлеченіе было сильное. Шевченко не на шутку задумывался, рисовалъ ея головку и нѣсколько разъ сочинялъ стихи. Я всегда былъ радъ, когда

*) Э, вздоръ. Пока съ нею разговариваю, то словно что-то и шевелится въ сердцѣ, а послѣ и ничего.

**) Славная женщина и такая ласковая, что кажется и забудешь, а увидѣлъ — снова такъ тебя и тянетъ.

кто нибудь ему нравился: благородная натура эта дѣлалась еще художественнѣе, и онъ работалъ тогда съ большимъ рвеніемъ. Скоро, однако же, онъ разочаровался относительно красавицы. Пригласила она какъ-то его утромъ — прочесть ей одну поэму и сказала, что у нея никого не будетъ, что она желала бы одна насладиться чтеніемъ. Т. Г. исполнилъ ея желаніе. Шелъ онъ къ ней съ какимъ-то трепетомъ. Но какая же встрѣтила его картина? Въ уютной гостиной красавица сидѣла на диванѣ, окруженная студентомъ, гусаромъ и толстѣйшимъ генераломъ — тремя отъявленными своими обожателями и искусно маневрировала по своему, обманывая всѣхъ троихъ, то лаская по очередно надеждой, то приводя въ отчаяніе. Поэтъ смутился, и какъ прелестная хозяйка ни атаковала его любезностью — онъ ушелъ съ твердымъ намѣреніемъ никогда не посѣщать красавицы, и сдержалъ свое слово.

Вотъ стихотвореніе, написанное по этому случаю:

Не журюсь я, а неспицця,
Часомъ до півночі,
Усе світять ті блискучі
Твоі чорні очі.
Мовъ говорятъ тихесенько:
„Хочъ, небоже, раю?
Винъ у мене тутъ у серці“
А серця немае,
Й небуло іего ніколы,
Тільки шматокъ мняса...
На щожъ хороше и пишно
Такъ ти росцвілася?
Не журюся, а не спицця
Часомъ и до світа,
Усе думка побивае
Якъ бы такъ прожити,
Щобъ ніколи такі очі
Серця не вразили.

Еще я помню одно увлеченіе въ Кіевѣ. Рисуя Лавру и ея подробности, онъ познакомился съ пріѣзжимъ семействомъ богомольцевъ, въ которомъ была очень хорошенькая молодая дѣвушка. По вечерамъ Шевченко началъ пропадать и неговорилъ, гдѣ просиживалъ до полуночи, и такъ какъ у насъ было въ обычаѣ не спрашивать другъ у друга отчета, то я нѣсколько дней не зналъ, что поэтъ увлекается. На живо-

писной дикой тропинкѣ, ведшей изъ Царскаго сада на Подолъ прямо чрезъ скалистый берегъ, я однажды нечаянно увидѣлъ Т. Г. въ незнакомомъ обществѣ, состоявшемъ изъ двухъ старухъ, нѣсколькихъ дѣтей и хорошенькой дѣвушки. Послѣдняя откинула вуаль. Раскраснѣвшееся личико ея, окаймленное свѣтлыми волосами, было замѣчательно. Смѣясь чистымъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ, она слушала Т. Г., который спускаясь рядомъ съ нею, разсказывалъ ей должно быть что нибудь забавное. Я подымался въ гору. Т. Г. только спросилъ меня, куда я иду, и сказалъ, что провожаетъ знакомыхъ въ Братскій монастырь. На третій день онъ былъ очень скученъ и признался мнѣ въ своемъ увлеченіи. Незнакомое мнѣ семейство уѣхало уже въ деревню. Дѣвушка эта была за кого-то сговорена и въ сентябрѣ назначили свадьбу. Онъ любилъ женщинъ живаго характера; по его мнѣнію, женщинѣ были необходимы пылъ и страсть — »щобъ підъ нею земля горіла на три сажні«.

Погибшія, но милыя созданья, въ то время не увлекали Шевченка; у него были на этотъ счетъ свои оригинальныя понятія. Онъ не находилъ никакого удовольствія посѣщать веселые пріюты продажныхъ грацій, хотя никогда не казнилъ ихъ презрительнымъ словомъ. Онъ былъ слишкомъ гуманенъ, и по слабости смотрѣлъ снисходительно, стараясь въ самой грязи найдти хоть крупинку золота. На продажную любовь, на женщину, отдававшуюся страсти, онъ говорилъ, »можно махнуть рукою«; но тайный развратъ, какими бы цвѣтами ни прикрывался, всегда возбуждалъ въ душѣ его неодолимое отвращеніе.

Гуманность его проявлялась въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ движеніи; на животныхъ даже простиралась у него ласкающая нѣжность. Не разъ защищалъ онъ котятъ и щенковъ, противъ злостныхъ намѣреній уличныхъ мальчишекъ, а птичекъ, привязанныхъ на своркѣ, покупалъ иногда у дѣтей и выпускалъ на свободу. Мы жили близко базара, и я помню, какъ, бывало, утѣшается онъ и зоветъ меня къ окну, когда какая нибудь собаченка, утащивъ кусокъ хлѣба или баранокъ, боязливо пробиралась подъ заборомъ. Одна возмутительная сцена чуть не стоила намъ дорого. Въ Кіевѣ въ то время полицейскіе служители, имѣвшіе обязанность бить собакъ, называемые по мѣстному гицелями, отправляли свое ремесло публично, среди бѣла дня, на многочисленномъ базарѣ. Они ходили вооруженные длинною палкой съ желѣзнымъ крючкомъ

на концѣ и другой короткой дубиной (добивачъ). Поймавъ животное крючкомъ, они оканчивали его дубиной и иногда долго мучили животное. Проходя на »Козье Болото«, мы какъ-то разъ попали на подобную сцену. Гицель схватилъ большую собаку за ребро и, не совсѣмъ убивъ ее, тащилъ полуживую между городомъ. Т. Г. вышелъ изъ себя и упрекнулъ живодера. Гицель отвѣтилъ грубо и тутъ же началъ тиранить собаку, которая визжала раздирающимъ образомъ... Шевченко выхватилъ у него дубину... Полтинникъ, однако же, уладилъ дѣло; гицель однимъ ловкимъ ударомъ добилъ животное, но Т. Г. долго не могъ придти въ себя отъ волненія.

Къ этой же эпохѣ относится наше знакомство съ г. Аскоченскимъ, нынѣ редакторомъ слишкомъ извѣстной »Домашней Бесѣды«, а тогда экс-профессоромъ духовной академіи, воспитателемъ генералъ-губернаторскаго племянника и поэтомъ: такъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые называли его въ Кіевѣ. Редакторъ »Домашней Бесѣды« не обнаруживалъ тогда духа ярой нетерпимости и не предавалъ еще анаѳемѣ всего свѣтскаго и современнаго, какъ дѣлаетъ это въ настоящее время, но, настроивъ лиру свою на элегическій тонъ, бряцалъ на ней весьма чувствительныя пѣсни. Сей мужъ, карающій сурово все живое и мыслящее, смотрящій на произведенія искусствъ сквозь мутныя очки средневѣковаго аскетизма, горячо вступающійся за юродиваго Ивана Яковлевича, читалъ намъ свои стихотворенія, выражавшія земныя страсти и, надо отдать ему справедливость, не обнаруживалъ стремленія, которое могло бы обличить въ немъ будущаго редактора изданія, дѣлающаго стыдъ, не говорю уже литературѣ, но даже печатному станку, передающему его на бумагу. Я упомянулъ объ этомъ потому, что, свидѣвшись послѣ долгой разлуки, Т. Г. съ удивленіемъ сказалъ мнѣ:

— А знаешь ты, що »Домашнюю Бесѣду« выдае той самой Аскоченскій, котораго мы знали у Кіеві. Чи мижно було надіятись.

Подъ конецъ нашего пребыванія въ Кіевѣ, Шевченко одно время вздумалъ было учиться по французски и, вѣроятно, при громадныхъ способностяхъ не замедлилъ бы успѣть въ своемъ предпріятіи,— но послѣ охладѣлъ — и объ этомъ не было помину.

Неожиданно мнѣ пришлось уѣхать домой. Когда я объявилъ Шевченку, что карманъ мой въ жалкомъ состояніи — онъ досталъ денегъ, далъ мнѣ на дорогу и выпроводилъ до

Днѣпра. Прощаясь съ нимъ на мосту, я не зналъ, что разстаемся на долго... Мы свидѣлись ровно черезъ четырнадцать лѣтъ въ сентябрѣ прошлаго года, по моемъ возвращеніи изъ путешествія по югу Россіи. Войдя въ мастерскую Т. Г. въ академіи, я засталъ его за работой: онъ гравировалъ. На вопросъ мой, узнаетъ ли меня, Шевченко отвѣчалъ отрицательно, но сказалъ, что по голосу, кажется, не ошибся и назвалъ меня по имени. Я бросился было обнять его, но онъ замѣтилъ по русски:

— Не подходите — здѣсь вредныя кислоты. Садитесь.

Минута эта была для меня чрезвычайно тягостная. Т. Г. постарѣлъ, лицо измѣнилось, но въ глазахъ его блестѣлъ тотъ же тихій свѣтъ мысли и чувства, какого я не могъ забыть послѣ долгой разлуки. Мы поговорили немного. Онъ былъ холоденъ, и хоть нѣсколько разъ самъ припоминалъ прошедшее, однако не такъ, какъ ожидалось мнѣ отъ этого свиданія... Я ушелъ домой взволнованный и унесъ въ сердцѣ то чувство скорби, какое человѣкъ можетъ вылить или въ жаркихъ слезахъ или вдохновенными стихами. Подобное охлажденіе съ его стороны я приписывалъ долгимъ страданіямъ и рѣшился затаить въ сердцѣ еще одну утраченную надежду, можетъ быть, лучшую и послѣднюю въ жизни. Вскорѣ встрѣтился я съ нимъ у В. М. Б. *) Шевченко подошелъ ко мнѣ, сказалъ нѣсколько словъ и послѣ на всѣ мои вопросы отвѣчалъ лаконически, говоря мнѣ »вы«, что и меня заставило обратиться къ этому же мѣстоименію. Я считалъ все конченнымъ между нами, но какъ ни тяжело было мнѣ подобное состояніе, — я далъ себѣ слово избѣгать даже тѣни навязчивости. Черезъ недѣлю встрѣтились мы снова у Б... Поздоровавшись, мы все время бесѣдовали въ разныхъ кружкахъ. По странному случаю, уходили мы вмѣстѣ и очутились въ передней. Съ лѣстницы сошли молча. У подъѣзда не было извощиковъ.

— Вы до дому направо? спросилъ я.

— Ні піду по Невскому, може зайду до Вольфа.

— Такъ намъ до Невскаго по дорозі.

— Отъ и добре.

Мало по малу Шевченко разговорился. Дойдя до проспекта, я продолжалъ разговаривать и мы очутились у Полицейскаго моста.

— Може зайдемъ у купі (вмѣстѣ)? сказалъ онъ.

*) Василія Михайловича Бѣлозерскаго, бывшаго редактора малороссійскаго журнала „Основа“. *Примѣч. ред.*

— Зайдемъ, отвѣчалъ я.

Посѣтителей было мало. Т. Г. спросилъ себѣ порцію чего-то, я закурилъ сигару и тутъ онъ самъ съ обычной, прежней откровенностью выразилъ мнѣ причину своей холодности. Разумѣется, въ двухъ словахъ я разъяснилъ въ чемъ дѣло, и съ тѣхъ поръ возстановились наши прежнія отношенія. Въ этотъ памятный для меня вечеръ онъ много и съ особенной любовью говорилъ мнѣ о Маркѣ Вовчкѣ *) и томъ впечатлѣніи, какое произвели на него первыя »Оповідання« писательницы.

Въ этомъ очеркѣ я собралъ всѣ факты, сохраненные моею памятью, не стараясь восхвалять такую замѣчательную личность, какъ Шевченко, и не скрывая его слабостей. Я далекъ отъ мысли дѣлать изъ дорогаго мнѣ человѣка нѣчто въ родѣ безупречнаго героя, но разсказалъ то, что было въ дѣйствительности, зная его близко и живя съ нимъ въ лучшую эпоху его творческой дѣятельности. Я ничего не утаилъ, ничего не прибавилъ и считаю, что обязанъ былъ писать эту статью такъ, а не иначе.

Не буду здѣсь касаться его поэтическихъ твореній, которыя пріобрѣли всеобщую извѣстность, не смѣю ничего сказать о произведеніяхъ его кисти, потому что я не судья въ этомъ искусствѣ; но не могу не выразить, что желательно было бы видѣть полную и совѣстливую оцѣнку этого замѣчательнаго таланта. О живописи судить есть много спеціалистовъ, а о поэзіи Шевченка долженъ написать правдивое и теплое слово непремѣнно украинецъ, потому что русскіе критики, незнакомые съ нашимъ языкомъ и его оттѣнками, по большей части не знающіе быта народа, который описывалъ поэтъ, могутъ впадать въ невольныя ошибки и могутъ назвать невѣрностью то, что просто списано съ натуры. Я говорю это потому, что недавно слышалъ еще упрекъ Шевченку въ сентиментальности, именно за черту, которая съ незапамятныхъ временъ служитъ отличительною чертою украинскаго простолюдина. Упрекъ этотъ сдѣланъ на томъ основаніи, что подобнаго факта критикъ не видѣлъ въ деревняхъ, а между тѣмъ онъ не знаетъ малорусскаго племени. Память Шевченка требуетъ должнаго мѣста поэту въ ряду лучшихъ писателей нашихъ, мѣста, на которое онъ добылъ право сразу, онъ, бѣдный дворовый крестьянинъ, выкупленный участіемъ лучшихъ людей, но котораго не давали ему критики, а изъ нихъ одинъ даже глумился

*) Извѣстный псевдонимъ Маріи Александровны Маркевичъ. *Прим. ред.*

надъ нимъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ. Конечно, оцѣнить сочиненія Шевченка — дѣло трудное, потому что въ печати явилась, можетъ быть, половина имъ написаннаго, другая — врядъ ли и явится, по крайней мѣрѣ, не скоро, будучи частью разбросана по разнымъ мѣстностямъ, листками въ разныхъ рукахъ, частью утраченная навсегда. Но все же украинецъ, которому не незнакомы хоть отрывки потерянныхъ стихотвореній, если примется за дѣло съ любовью, можетъ исполнить трудную задачу съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ тотъ, кто долженъ писать, руководствуясь неудачными переводами или мнѣніями такъ называемыхъ знатоковъ или, наконецъ, при помощи неполнаго знанія языка украинскаго и этнографіи. Друзья покойнаго собрали сумму, выхлопотали разрѣшеніе и повезли прахъ Тараса туда, гдѣ...

Могили
Чорніють якъ гори,
Та про волю нишкомъ въ полі
Зъ вітрами гово̀рять.

1861 года. Мая 8. Петербургъ.

РУССКІЙ СОЛДАТЪ.

РУССКІЙ СОЛДАТЪ.

I.

ПОСЛѢ УЧЕНЬЯ.

(Писано въ 1852 году).

Почитай, вечерѣло. Солнышко не то чтобы припекало, а знаете, этакъ согрѣвало маленечко, и солдаты искали мѣста попрохладнѣе: подъ навѣсомъ гдѣ нибудь, аль подъ кудрявымъ деревомъ. Было это во время лагеря; и извѣстное дѣло, что тогда солдатъ не сидитъ, сложа руки, хотя, правду сказать, онъ и никогда ихъ не складываетъ. Ученье кончилось запоздо. Пока пришли съ плацу, пока выводили лошадей, задали корму, сами перехватили, что Богъ послалъ, смотри, и солнышко подалось; а тутъ еще надо и амуничку вычистить, сбрую повытереть, да еще не опоздать пріумыться, пріодѣться и пофинтить вечеркомъ возлѣ красныхъ дѣвушекъ. И это вѣдь, ребята, дѣло то есть не послѣднее. Вотъ на одномъ дворѣ со взводнымъ вахмистромъ, Андреемъ Семеновичемъ Теличкою, стояло человѣкъ шесть уланъ — все же четвертаго взвода. Народъ молодой, почитай, все изъ рекрутъ, но пальца въ ротъ не клади: проѣхать ли съ права по одному — молодцы, отхватать ли саблей — мое почтеніе, профланкировать ли пикой — просто здравія желаю! Но вѣдь и то сказать, Андрей Семеновичъ Теличка былъ вахмистръ — держи ухо востро: три шеврона, серебряный темлякъ, самъ вершковъ 10, ноги выгнуты, усы въ четверть, и все лицо опалено порохомъ. Взводъ боялся его, какъ огня, а любилъ, словно отца роднаго. Въ самомъ дѣлѣ, Андрей Семеновичъ былъ человѣкъ

добрый и справедливый; но лѣнивцевъ не терпѣлъ, а Боже сохрани продѣлокъ какихъ на счетъ тасканья гусей, куръ и разныхъ этакихъ финтифирюлекъ — только держись: ужъ тамъ доложитъ ли взводному офицеру или нѣтъ, а самъ же прочитаетъ тебѣ наставленіе съ глазу на глазъ. А учить былъ мастеръ и терпѣнья диковиннаго: двадцать разъ покажетъ тебѣ, и развѣ уже въ двадцать первый разсердится и дастъ тычка съ досады и то нельзя сказать, чтобъ было больно, а скорѣе совѣстно передъ товарищами. Разумѣется, что онъ держалъ себя какъ начальникъ: съ ундерами разговаривалъ и подшучивалъ, съ рядовыми велъ себя какъ слѣдуетъ — и не очень строго, и не слишкомъ за панибрата. Андрей Семеновичъ былъ человѣкъ извѣстный; его любили всѣ господа, и самъ ротмистръ всегда спрашивалъ: »Каково поживаешь, Теличка?«

Вотъ на взводномъ дворѣ, подъ кудрявой липой, собрались уланы. Кто чистилъ саблю, кто стремены, кто перетиралъ цѣпочку; тотъ чинилъ окольный ремень, тотъ прибивалъ шпоры съ звенящими репейками (должно быть злодѣй собирался отхватить комаринскую вечеромъ); а одинъ молоденькій солдатикъ разъ пять принимался тереть пуговицы на шинели, и все какъ-то не приходилось въ линію. Вѣстимо, разговоръ не умолкалъ.

— Эхъ, какъ бы война, сказалъ высокій уланъ, пробуя саблей мулине, такъ что клинокъ свистѣлъ въ воздухѣ.

— Ну и что-жъ? отозвался приземистый карабинеръ, перетирая мундштучную цѣпочку.

— Да пошли бы поразмять кости.

— Да порядкомъ проучить басурмановъ, отозвался солдатикъ, что не могъ справиться съ пуговицами.

— Вона! и Сусликъ туда же! ха, ха, ха!

— Что Сусликъ! я вѣдь, братъ, на мундштукѣ ѣзжу.

— Видишь, важная персона: ха, ха, ха! А нутко, спой сингалъ — наступленіе съ перестрѣлкой!

— А самъ же ты знаешь? отозвался чей-то громкій, молодецкій голосъ.

Всѣ оглянулись. Въ двухъ шагахъ стоялъ вахмистръ Теличка, придавливая ногтемъ большаго пальца огонь въ своей коренковой трубкѣ.

— Умѣешь ли ты самъ спѣть — сингалъ наступленіе съ перестрѣлкой? повторилъ онъ, обращаясь къ приземистому карабинеру.

— Какъ же не умѣть, Андрей Семеновичъ! Слава Богу третій годъ карабинеромъ.

— Что и говорить! ты солдатъ исправный. Зачѣмъ, однако же, нападать на Суслика?

— Видите ли, Андрей Семеновичъ, Сусликъ расхвастался, что ѣздитъ на мундштукѣ, отозвался черноусый малый, который прибивалъ шпоры съ звенящими репейками.

— Ну что же? онъ въ самомъ дѣлѣ ѣздитъ на мундштукѣ, хоть правду сказать точь въ точь какъ нашъ цырюльникъ на своемъ одноглазомъ.

Уланы засмѣялись, а Сусликъ покраснѣлъ.

— Не робѣй, Сусликъ! продолжалъ вахмистръ, подкатывая бревно поближе къ солдатамъ: изъ рекрутишекъ дѣлаются сначала плохіе солдатики, изъ плохихъ солдатиковъ выходятъ бравые молодцы,—а тамъ, гляди, выйдетъ такой молодчина, что просто здравія желаю!

— Худо только, Андрей Семеновичъ, что нашъ Сусликъ не умѣетъ пуговицъ вычистить, сказалъ карабинеръ, подмигивая на товарищей.

— Какъ такъ? Покажи ко, Сусликъ!

Сусликъ всталъ и не смѣло подалъ вахмистру свою шинель.

— Дѣло дрянь, братъ Сусликъ! дѣло съ мыломъ, какъ говаривалъ покойный унтеръ-офицеръ Супрунъ. Неладно, а ѣздишь на мундштукѣ! А я еще тебя и похвалилъ, простофиля ты этакая! Развѣ же этакъ чистятъ пуговицы?

— Я... я...

— То-то я, да я! спросилъ бы у кого поумнѣе! Подай ка сюда инструментъ свой.

И Теличка мигомъ отполировалъ пуговицу.

— Вотъ какъ исправный солдатъ чиститъ, сказалъ онъ. Смотри же, и если весь бортъ не будетъ такъ вычищенъ,— на всю ночь наряжу съ метлой на часы. Садись и работай.

Всѣ молчали. Солнышко начало склоняться къ западу и на дворѣ стало отмѣнно хорошо. Вѣтерокъ повѣвалъ отъ рѣки, на небѣ чисто, какъ на плацъ парадѣ передъ смотромъ корпуснаго командира, развѣ изрѣдка перепархивали бѣлыя облачки и бѣжали, словно адъютанты, съ приказаніемъ.

— Ты никакъ, Солодко, оборвалъ ремень на лядункѣ? спросилъ вахмистръ.

— Оборвалъ маленько, Андрей Семеновичъ, да это не моя вина. Когда пошли въ атаку, кто-то такъ неловко прекло-

нилъ пику, что зацѣпилъ за лядунку и чуть было не воткнулъ въ спину.

— Должно быть ловкій солдатъ! молодецъ, нечего сказать! А кто былъ у тебя съ права по разсчету?

— Да я не знаю, кто это задѣлъ.

— Не увертывайся, а говори дѣло, коли спрашиваетъ взводный вахмистръ.

— Да у меня съ права стоитъ Кокаревъ.

— Такъ и есть! знаю эту рохлю. Гей, Кокаревъ! закричалъ вахмистръ молодецкимъ голосомъ.

— Сейчасъ! раздалось въ ближней конюшнѣ.

— Поди ко сюда.

Молодой солдатъ, застегивая шинель, подошелъ къ вахмистру.

— Ты какъ это, любезный въ атакѣ преклоняешь пику, что разрываешь лядунку товарищу?

— Это, Андрей Семеновичъ, не я, а лошадь.

— Что? лошадь пику преклоняетъ?

— Нѣтъ, а лошадь заартачилась...

— А ты же гдѣ былъ, что позволяешь лошади артачиться? звѣзды считалъ небось! гдѣ у тебя лѣвая рука и шпоры?

— Я сробѣлъ...

— Эхъ, ты баба черномазая! башка твоя безтолковая, сробѣлъ! Ну, а еслибы ты попалъ въ спину товарищу!

— Виноватъ, Андрей Семеновичъ!

— Сію минуту смѣни часоваго и изволь, любезнѣйшій, караулить до завтра.

— Помилуйте.

— Смирно! налѣво круг-гомъ! маршъ!

Солдатикъ ловко повернулся и пошелъ, не оглядываясь.

— Былъ и мнѣ разъ случай съ лядункой, продолжалъ вахмистръ, пуская дымъ изъ своей трубки: а случилось это въ Персидскую кампанію.

При этомъ словѣ уланы столпились въ кружокъ и съ особеннымъ удовольствіемъ собирались послушать Андрея Семеновича, который, правду сказать, былъ скупенекъ на свои разсказы.

— Шли мы къ Тавризу. Я былъ простымъ карабинеромъ. Конь у меня, братцы, что называется, урви да подай! только зло было немилосердное. Меня-то онъ зналъ и боялся; но ужъ никто другой не подходи: сейчасъ угоститъ задомъ или передомъ, или зубами какъ ему сподручнѣе или какъ заблагораз-

судится; а другихъ лошадей билъ не на животъ, а на смерть. Однажды эскадронный командиръ просто хотѣлъ сбыть его съ рукъ, да я выпросилъ. Любилъ же я его за то, что, бывало, въ сраженіи не то что другая лошадь идетъ куда направишь, нѣтъ, ему пусти только поводья, а ужъ онъ самъ лѣзетъ впередъ, и покамѣстъ ты справляешься съ басурманомъ, онъ запуститъ зубы въ непріятельскую лошадь и работаетъ бестія по своему. Правда, онъ и погибъ на сраженіи. Вотъ досталось нашему взводу въ разъѣзды. Отправились мы по степи. Признаться ли, ребята, фуражировка въ Персіи небольно хороша, особенно, если часовъ семь, восемь порыскаешь по голой степи и не увидишь даже дрянной деревушки. Въ степи все выжжено, негдѣ лошади покормить, а сѣна или горсть ячменя не скоро достанешь. Вы думаете у этихъ азіатовъ есть овесъ! Какъ бы не такъ! Они его и въ глаза не видали, а лошадей кормятъ ячменемъ и называютъ его *арпа*, сѣно же по ихнему *отъ*. Куды какъ глупы, подумаешь! Ну что такое *отъ*? Чортъ знаетъ что! а поди скажи: *веръ отъ*, онъ тебѣ и дастъ сѣна, говори же ему: продай сѣна! Выкатитъ бѣлки да и толкуетъ *билъмесъ*. Зналъ я когда-то по ихнему, да ужъ позабылъ, развѣ могу отлично выругать шайтаномъ или и прочимъ манеромъ, если понадобится. Ну, ѣздили мы часа два и даже зайца косаго не встрѣтили, а солнышко припекало не втерпежъ; и хоть мы были въ кителяхъ, а упарились словно въ доброй банѣ. Вдругъ направо показались тополи, и изъ-за пригорка вытянулась деревушка. Мы очення обрадовались, думали перехватить маленечко и ужъ, по крайней мѣрѣ, напьемся студеной водицы. Анъ корнетъ скомандывалъ: стой! Видите ли его благородіе разсудилъ, что нельзя же такъ съ бухты барахты ѣхать въ деревню въ непріятельской сторонѣ; а надо было поразсмотрѣть да поразвѣдать. »Послушай, Теличка, говоритъ мнѣ корнетъ:—изо всего взвода у тебя лошадь быстрѣе, да и ты малый не промахъ. Поѣзжай, говоритъ, въ деревню, да разсмотри—не притаились ли гдѣ персіяне. Насъ вѣдь взводъ, а если этой сволочи много — что же мы сдѣлаемъ. Чуть завидишь непріятеля, и его будетъ мало, давай знать, мы его расчешемъ; если же этой орды довольно и намъ не подъ силу, ты пали изъ пистолета и улепетывай.« Слушаю, в. б—іе, говорю я и, ставъ съ коня, подтянулъ подпругу, осмотрѣлъ кремни у карабина и пистолетовъ, подсыпалъ на полку, вскочилъ въ сѣдло и рысью маршъ! Конь мой прядетъ ушами и поглядываетъ по сторонамъ; а я держу

его по-надъ пригоркомъ, такъ что мнѣ деревня въ виду, а меня-то не слишкомъ замѣтно. Мнѣ уже видны хорошо тополи и плоскія крыши... Смотрю, — сотни двѣ лошадей пасутся на лугу! приглядываюсь — осѣдланы, и нѣсколько персіянъ лежатъ подъ кустами. Дѣло неладно. Подошелъ я еще шаговъ двадцать... оглядываюсь, — нашихъ не видать. Вдругъ по деревнѣ крикъ... Всполошился непріятель... садится на коня... Винтовки блестятъ... Не успѣлъ я разсудить — подавать ли вѣсть изъ пистолета, иль скакать и доложить, что непріятеля небольше двухъ сотъ человѣкъ, какъ у меня съ права, чортъ ихъ знаетъ, откуда взялось десятка три вершниковъ и во всѣ лопатки прямо на меня. »Дѣло дрянь, дѣло съ мыломъ!« какъ говаривалъ покойный унтеръ-офицеръ Супрунъ, подумалъ я, и бацъ изъ пистолета дать знать своимъ, чтобы улепетывали. Закинувъ карабинъ назадъ, я досталъ пистолетъ изъ ольстреди и, поворотивъ направо-кругомъ, шпоры Аметисту. Взвилась только пыль изъ-подъ копытъ, а мимо меня прожужжало десятка полтора пуль, такъ что одна ударилась въ ложу карабина, а другая пролетѣла, почитай. подъ самымъ носомъ. Выскакалъ я на ровное мѣсто, смотрю, а кителя нашихъ бѣлѣютъ уже, Богъ знаетъ, гдѣ, едва только замѣтно для глаза. Аметистъ мой летѣлъ дьяволомъ, да и у персіянъ не кони были, а черти. Человѣкъ пять отдѣлилось отъ отряда и ну за мной по степи, какъ за зайцемъ. Къ счастью они выстрѣляли всѣ патроны издали, и видно имъ хотѣлось взять меня живьемъ. Два бородача подскакали на пистолетный выстрѣлъ. Я недолго думалъ — бацъ въ одного изъ пистолета, — свалилъ! бацъ въ другаго — промахъ, а онъ, варваръ, успѣлъ зарядить на скаку, да пафъ! и какъ разъ мнѣ въ правую руку пониже локтя.

— Неладно! сказалъ карабинеръ, переставъ чистить цѣпочку.

Всѣ уланы сдвинулись еще ближе.

— Не ладно, повторилъ Андрей Семеновичъ, покручивая свой богатырскій усъ, да такъ неладно, что ни пикой, ни саблей, а осталась одна надежда на Аметиста. Но и конь ослабѣлъ. Я, однако же, шпоры и шпоры. Летитъ мой Аметистъ. Персіяне тоже не дремлютъ, а одинъ вотъ-вотъ съ шашкой добирается. Я схватилъ кое-какъ лѣвой рукой пику, да махъ назадъ — думаю, не задѣну ли его по зубамъ, или по крайней мѣрѣ лошади по носу, и какъ-то удалось выбить шашку у басурмана. Онъ, бестія, сильно началъ ругаться и

вмигъ подлетаетъ, да цапъ меня за лядунку. Передо мной ровъ аршина въ полтора. Я пару шпоръ Аметисту со всей силы. Аметистъ впередъ, пересадилъ черезъ ровъ, лядунка оборвалась, а мой персіянинъ поточился на песокъ съ лошади... Я оглянулся, засмѣялся, плюнулъ ему и былъ таковъ.

— Молодцомъ! Хазомъ *), Андрей Семеновичъ! сказалъ карабинеръ: да зачѣмъ же вы ему плюнули?

— Да такъ, на радостяхъ. Ему ли персидской башкѣ справиться съ бѣлгородцемъ! Не такихъ убирали по полдесятка; а эта красная борода еще туда же!

— А скоро ли вы догнали своихъ, Андрей Семеновичъ?

— Не догналъ, а встрѣтилъ. Пѣхота наша услыхала перестрѣлку, и батальонъ съ орудіемъ шелъ скорымъ шагомъ; нашъ взводъ взялся проводить батальонъ, и стало быть мнѣ опять приходилось повидаться съ старыми знакомыми. Но азіатъ спасовалъ и улепетнулъ по добру, по здорову. Вотъ оно каково бываетъ, Солодко: не оборвись лядунка, я и не знаю, что дѣлалъ бы съ раненой рукой въ лапахъ у нехристей. А да и ругался же, бестія, краснобородный, схватившись на ноги. Острая шапка, знаете, съ него свалилась, бритая голова лоснится, только длинные локоны, что персіяне оставляютъ за ушами, маялись по вѣтру.

— Я поворотилъ бы коня и истопталъ персіянина, сказалъ Сусликъ.

— Ахъ ты, образина! Онъ бы поворотилъ коня, когда человѣкъ еще десять персіянъ поспѣшало во всѣ лопатки! Садись ко да прежде вычисти пуговицы, а послѣ уже будешь топтать конемъ непріятеля.

Въ это время къ кружку подошелъ молодцоватый унтеръ-офицеръ. Куртка на немъ съ иголочки, фуражка новенькая; рейтузы сидятъ молодцомъ; сапожки вылакированы, шпоры звенятъ, какъ говорится, звономъ малиновымъ и перчатки чисто на чисто вымыты.

— А, Иванъ Климычъ, добраго вечера! отозвался вахмистръ.

— Здравствуйте, Андрей Семеновичъ.

— Откуда Богъ несетъ?

— Ѣздилъ по приказанію адъютанта въ корпусную квартиру.

*) Такъ уланы бывшаго 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса называли удальцовъ.

— Садитесь-ка съ нами. Что же новенькаго?

Унтеръ-офицеръ подкатилъ оба бревна и сѣлъ, а Теличка попотчивалъ его трубочкой.

— Новенькаго ничего. Завтра отдыхъ, только дома пѣшее ученье. Ходилъ смотрѣть церемоніальный маршъ **скаго полка.

— Что же?

— Ничего. Отлично равняются, только нашъ полкъ будетъ покрасивѣе.

— Это мы знаемъ давно, сказалъ вахмистръ, улыбнувшись.

— А, знаете что: нашъ полкъ еще и тѣмъ красивъ, что красныя съ бѣлымъ флюгера: ну точь въ точь — макъ цвѣтетъ надъ полкомъ.

— Эхъ, Иванъ Климычъ! не флюгарки полкъ красятъ, а молодцы офицеры, да добрые кони. Какъ нашъ лейбъ-эскадронъ такъ хоть въ гвардію.

— Истинно такъ, Андрей Семеновичъ. Ну да и потѣха же случилась на церемоніалѣ.

— А что такое, Иванъ Климычъ? отозвался карабинеръ.

— Да видите ли, братцы, просто умора. Надо вамъ знать, что въ —скомъ полку между бракованными лошадьми продали, однако, стараго славнаго коня съ колеромъ. Конь на видъ чудо, онъ ходилъ на лѣвомъ флангѣ эскадрона подъ взводнымъ вахмистромъ.

— А который это будетъ нумеръ, Солодко? спросилъ Андрей Семеновичъ.

— Извѣстно 5-й.

— Хорошо. Ну-съ, Иванъ Климычъ, что же за исторія?

— Этого коня купилъ какой-то штатскій, или чиновникъ, то есть офицеръ по ихнему; купилъ, и, знаете, когда ѣздилъ верхомъ извѣстно по своему: сидитъ кренделемъ, ножки впередъ, носки внизъ, однимъ словомъ, Сусликъ передъ нимъ наѣздникъ.

Уланы засмѣялись.

— Да вѣдь Сусликъ на мундштукѣ ѣздитъ, сказалъ карабинеръ.

— Ну, и этотъ штатскій тоже ѣздилъ на мундштукѣ, хотя, кажется, и не умѣетъ разобрать поводьевъ. На церемоніалъ выѣхало множество барынь въ разныхъ колясках и каретахъ, и этотъ штатскій верхомъ въ круглой шляпѣ да еще и шпоры прицѣпилъ, должно быть отъ холоду. Прошелъ полкъ шагомъ,

полковой командиръ благодарилъ всѣхъ. Ну, пошли рысью. Трубачи хватили зернистую разотличную рысь. Штатскій баринъ красуется на сѣромъ, а сѣрый, какъ завидѣлъ свой взводъ, поднялся на дыбы и заржалъ. Изъ взвода, изъ задней шеренги заржалъ тоже, должно быть, его старый товарищъ— и пошла потѣха! Штатскій растерялся, схватилъ мундштукъ обѣими руками, а бракиръ, не говоря ни слова, голову внизъ, лансаду разъ, два, да и очутился съ ѣздокомъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Тотъ баринъ не промахъ, уцѣпился сѣрому за шею. На что полковой командиръ и строгій, и всегда какъ будто сердитый, а не могъ удержаться отъ смѣха и скомандовалъ: стой! Тутъ, братцы, не только офицеры, а всѣ солдаты начали заливаться отъ смѣха. Унтеръ-офицеры хотѣли отвесть бракира, не тутъ-то было: и задомъ, и передомъ. Штатскій баринъ слетѣлъ. Нечего дѣлать, приказано было двумъ рядовымъ спѣшиться; знаменитаго наѣздника снова усадили на коня и вывели подъ уздцы. Надо было видѣть штатскаго: поблѣднѣлъ, какъ полотно; а тутъ, знаете, барыни въ колясках и каретахъ подняли смѣхъ, офицеры тоже, а мы съ писарями, значитъ, стоимъ въ сторонѣ, да за бока хватаемся.

— И далеко его провели?

— Почитай, до заставы; да и нельзя было иначе: бракиръ бы опять воротился.

— Кто же ему виноватъ! не хотѣлъ въ военную службу, а туда же суется: видишь, думаетъ — какъ есть верховая лошадь, такъ онъ уже и кавалеристъ, сказалъ Андрей Семеновичъ, покручивая усы. Однако, ребята, тише, никакъ дежурный по дивизіону идетъ. Да скоро уже и на водопой пора! Эй! прокричалъ вахмистръ громогласно: готовься! скоро трубачъ протрубитъ къ водопою.

II.

ВСТРѢЧА НА ДНЕВКѢ.

Съ музыкой и барабаннымъ боемъ вступалъ Егерскій полкъ въ одинъ небольшой городъ. Погода была отличная. Извѣстное дѣло, вездѣ растворялись окна, вездѣ хорошенькія горожанки посматривали на молодцовъ-егерей; а егеря шли стройно, браво, хватами: ружье вольно, словно не ружье, а перышко на плечѣ; сами же тоже поглядывали на горожанокъ, а иной лихачъ, покручивая усы, отпускалъ какую нибудь галантерею, завидя чернобровую молодку. Ужъ на томъ стоимъ: служба службой, а какъ пропустить смазливую бабенку, чтобы не сказать ей чего нибудь, по крайней мѣрѣ.

Вотъ пришли въ городъ, отнесли съ церемоніей знамена къ полковому командиру, разошлись по разнымъ улицамъ, а услужливые квартирьеры каждому указали уголъ на ночлегъ и на завтра на дневку. Недолго молодцу-егерю расположиться на квартирѣ: что ему? Коня не водить, сбруи не чистить; обмахнулъ вѣрнаго товарища — ружье, да поставилъ въ передній уголъ, снялъ бережно ранецъ, суму, вылилъ воду изъ манерки, умылся, утерся чистымъ полотенцемъ, которое, разумѣется, поднесла хозяюшка, и сѣлъ, аль легъ отдыхать послѣ похода. Да правду сказать и отдыхать-то особенно не отчего; переходъ небольшой; а солдатскимъ ногамъ не привыкать стать мѣрить большую, аль проселочную дорогу; про то знаетъ подошва, а подошва казенная — не смѣетъ больно истаптываться.

Три человѣка егерей помѣстились въ избѣ зажиточнаго мѣщанина. Хозяина не было дома; хозяйка привѣтливо встрѣтила постояльцевъ и просила располагаться какъ дома. Извѣстна, ребята, наша солдатская поведенція: чуть только хозяинъ

встрѣтитъ тебя пріятельски, ты во сто разъ отплатишь ему, ну а коли начнетъ хорохориться да важничать, такъ и мы носъ подымаемъ и начинаемъ командовать. Конечно, солдатъ не смѣй обижать хозяина, не то что рукамъ воли не давай, а не моги и ругнуть порядкомъ, но вѣжливо требуй, что тебѣ слѣдуетъ. А если хозяинъ вѣжливъ и хозяйка сама хлопочетъ какъ бы угостить постояльца, тогда, конечно, и пустой борщъ покажется борщемъ съ курицей, и пустая уха покажется отличной кашицей, хоть въ ней крупинка за крупинкой гоняется съ дубинкой. Слова нѣтъ, есть солдаты, что сейчасъ начинаютъ: подавай и того, и сего, и пятаго, и десятаго! Да вѣдь это нехорошо: хозяйка таки не послушаетъ, да пожалуется ротному, вотъ и достанется на орѣхи. Съ хозяевами можно все сдѣлать просьбой и уступчивостью.

Ну-съ, наши егеря умылись, сняли шинели и знатно пообѣдали. Хозяйка поставила имъ щей, лапши и каждому отрѣзала по ломтю солонины, а хлѣбушка такой, что покушать хоть самому генералу. Солдатики были молодые, одинъ только немного постарше, но видать, что пороху не нюхалъ и не то что бывалый въ бывальцахъ. Вотъ пообѣдали, усѣлись въ большихъ прохладныхъ сѣняхъ и давай балагурить. Каждый изъ нихъ посматривалъ — нѣтъ ли у хозяйки хорошенькой дочки, чтобы хоть поглазѣть маленько, аль словцомъ перекинуться съ молодкой. Но у хозяйки ребята не большіе, а сама она была пожилая.

— Кажись, братцы, дневка будетъ отличная, сказалъ одинъ высокій солдатъ съ рыжеватыми усами: борщъ хорошъ, лапша разлюли, а хлѣбъ просто что твои пряники.

— Нешто, отвѣчалъ небольшой егерь, набивая трубку: такого обѣда давно уже не помню; кажись, такъ обѣдалъ только въ Полтавѣ.

— А въ Полтавѣ была важная дневка, отозвался товарищъ, который постарше: хохлацкіе вареники, братъ, что въ ротъ, то спасибо. И какъ это ухитряются ихъ дѣлать! мучицы немножко, творожку, маслица, сметанки, а смастерятъ тебѣ распреотличнѣйшую штуку.

— Да въ Полтавѣ на квартирѣ и хозяйская дочка первый сортъ, отозвался приземистый егерь.

— Видишь, черномазый, куда заѣхалъ! отозвался товарищъ постарше. А развѣ позабылъ, какъ ты ее затронулъ, а она отваляла тебя вѣникомъ.

— Какъ тамъ отваляла! ни чуть не больно.

— Разсказывай по субботамъ! Нѣтъ таки, братъ, хоть ты и любишь увиваться за молодками, а не съ твоимъ рыломъ въ калашный рядъ соваться.

— Толкуй про ольховый хомутъ, а липовыя возжи крѣпче. Экъ отозвался молодецъ!

— По крайней мѣрѣ, не хвастаю.

Приземистый егерь съ досады всталъ, пошелъ въ избу, разстегнулъ ранецъ, вынулъ свою гармонику, что заплатилъ два двугривенныхъ, сѣлъ на прежнее мѣсто и давай отваливать плясовую. Не успѣлъ онъ хватить раза три камаринскую, анъ смотри — человѣкъ шесть товарищей пришли къ нимъ скуки ради. Два егеря отшпандорили самую разухабистую присядку, и потомъ всѣ хоромъ затянули любимую полковую пѣсню. На голосъ пѣсни подошли еще товарищи, такъ что въ сѣняхъ уже стало тѣсно, а какъ въ это время начало вечерѣть, то всѣ и повышли на зеленый дворъ и усѣлись на зеленой травкѣ.

Замѣтили-ль вы, братцы, что если два, три солдата вмѣстѣ, такъ балагурятъ себѣ и горюшка мало, и рѣчь клеится; соберись же десятокъ, шуму много, а толку мало: непремѣнно надо аль балагура, аль сказочника, аль чтобы кто книжку почиталъ. Лучше же всего, если какой нибудь сѣдой ундеръ начнетъ о славныхъ походахъ, о сраженіяхъ: такъ душа и расходится, сердце готово выпрыгнуть изъ груди, такъ бы и кинулся со штыкомъ на непріятельское орудіе. То же случилось и съ нашими егерями: какъ повышли на дворъ, закурили трубочки, переговорили, что кто ѣлъ или пилъ, какая у кого квартира, да и замолчали. А народъ все, почитай, молодой; ни на одномъ ни креста, ни медали. Отозвался было какой-то балагуръ, да его шуточки давно уже всѣмъ извѣстны. Нѣтъ, солдату нужна другая забава: подавай ему разсказы о Суворовѣ, о Кутузовѣ, о Милорадовичѣ — вотъ это другое дѣло. Конечно, что и говорить, почему иной разъ не потѣшиться и не послушать сказочку, аль побасенку; да вѣдь на все своя пора и свое время. Въ томъ полку выписывали егерямъ изъ Петербурга книжки: »Чтеніе для солдатъ«, и ребята любили ихъ слушать. Все знаете тамъ умно, толковито написано, да книжекъ-то мало: шесть въ годъ. Вечера три почиталъ одну, анъ и баста! А ужъ въ тѣхъ книжкахъ, признаться, славно все разсказано, не то что въ другихъ, гдѣ, кажется, и по русски написано, а ничего въ толкъ не возьмешь: здѣсь же все просто, по солдатски. Да если еще солдатскія эти книжки возьмется

читать какой нибудь бывалый заслуженный ундеръ, и кое-что растолкуетъ товарищамъ, такъ просто малиной не корми.

Ну, егеря-то наши побалагурили и пріутихли. Какъ вотъ на дворъ въѣзжаетъ хозяинъ, а съ нимъ сѣдой отставной унтеръ-офицеръ, въ сюртукѣ съ галунами и вся грудь завѣшена кавалеріей. Какъ водится, поздоровались. Хозяинъ привѣтливо обошелся съ постояльцами, спросилъ всѣмъ ли довольны, не обидѣла-ль ихъ хозяйка; а унтеръ обошелся по военному и пошелъ въ избу. Егеря и разговорились между собой, что это, дескать, долженъ быть не какой нибудь унтеръ такъ себѣ, а старикъ почтенный, который перевѣдывался со смертью, да и, должно быть, видался съ нею съ глазу на глазъ, да еще и не разъ вытиралъ ей ворсу штыкомъ аль саблей, аль тамъ чѣмъ ему Богъ далъ, то есть, смотря, гдѣ служилъ въ свое время.

— Должно быть, гвардеецъ, отозвался одинъ солдатъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ другой: сюртукъ не гвардейскій, а не гренадеръ ли, ребята?

— Не знаю, только нашъ братъ пѣхотный, потому что ноги не выгнуты, да и ступаетъ плавно на носокъ не то, что конница.

— А замѣтили, братцы: крестовъ-то крестовъ!

— Кажись, полдесятка.

Небольше какъ черезъ четверть часа отставной унтеръ-офицеръ вышелъ къ егерямъ и присѣлъ на завалинкѣ. Пошли обыкновенные разспросы: кто командуетъ полкомъ, гдѣ стояли, куда идутъ на зимовку, каковъ ротный командиръ, каковъ фельдфебель? Слово за слово, разговорились, и одинъ егерь спросилъ, наконецъ, у старика, гдѣ онъ самъ служилъ. Старикъ началъ имъ разсказывать про свою службу. Мало по малу всѣ егеря придвинулись ближе, закурили трубочки и наставили уши послушать про то, что пріятнѣе всего для солдата: послушать про славные походы, про знаменитыя битвы, на которыхъ съ поконъ вѣка русскій штыкъ былъ страшенъ непріятелю и всегда и вездѣ храбро стоятъ за Престолъ, Вѣру и Отечество.

— Вижу, ребята, говорилъ унтеръ-офицеръ: что всѣ вы молодцы, изъ всѣхъ васъ выйдутъ лихіе солдаты; одинъ въ васъ недостатокъ, что еще не нюхали пороху, да это не ваша вина. Мы доказали свѣту въ свое время, что не тронь матушки Россіи, мы въ свое время отпотчивали и проводили незваныхъ гостей: такъ мудрено ли, что ни одинъ чужестран-

ный народъ не смѣетъ даже посмотрѣть косымъ взглядомъ на наши границы, и вотъ почему нѣтъ войны, ребята. Турокъ съ дуру, пожалуй, и всполошится, да и закричитъ: аманъ, что по ихнему значитъ пардонъ, т. е. помилуй! Да, ребята, смотрите на эти галуны съ уваженіемъ: они достались не то что такъ за исправность и доброе поведеніе, а куплены кровью да пожалованы самимъ главнокомандующимъ. Мы стояли подъ Варной. Надо вамъ знать, что городъ этотъ лежитъ надъ моремъ. Главнокомандующій и поджидалъ, пока подойдетъ нашъ флотъ и начнетъ бомбардировать городъ съ моря: видите ли и намъ ловче идти на приступъ, когда непріятель попадетъ между двухъ огней. А турки держались крѣпко. Въ полѣ бить этихъ нехристей ни по чемъ, ребята: нѣтъ у нихъ ни фронта, ни стойкости, ни порядка, ну, а въ наше время это была какая-то орда, безо всякой дисциплины. Въ крѣпостяхъ же не скоро съ ними справишься. И хотя турецкіе артиллеристы были не большіе мастера, однако, случалось, что дѣлали намъ вредъ, и каждый день мы теряли по нѣскольку человѣкъ убитыми и ранеными. По ночамъ же непріятель дѣлалъ вылазки, и иной разъ случалось съ нимъ возиться часа по два. Однажды передъ разсвѣтомъ слышимъ въ цѣпи со стороны лѣса перестрѣлку. Разумѣется, ударили тревогу; полки стали въ ружье, сейчасъ же послали казаковъ на аванпосты узнать въ чемъ дѣло. Начальники не могли понять, откуда бы взялся непріятель. Еслибы это была вылазка, такъ наши передовые и завязали бы перестрѣлку, а это дѣлалось въ тылу лагеря. Скоро донецъ прилетѣлъ съ извѣстіемъ, что показался турецкій отрядъ, должно быть секурсъ, т. е. подмога, посланная въ крѣпость на помощь гарнизону. Отрядъ этотъ пробирался неизвѣстными намъ дорожками и такъ подошелъ, что стой въ цѣпи какіе нибудь зѣваки, а не русскіе солдатики, было бы дѣло неладно. Нашъ батальонъ съ орудіемъ первый бросился на перестрѣлку, и не успѣли мы придти на мѣсто, какъ за нами выѣхалъ и самъ главнокомандующій со штабомъ. Поставили насъ противъ опушки и велѣли открыть батальный огонь. Въ это время разсвѣтало. Турки засѣли въ лѣсу и въ свою очередь давай угощать насъ пулями. Мы стрѣляемъ на удалую, а они, бестіи, изъ-за деревьевъ работаютъ себѣ припѣваючи. Насъ взялъ задоръ, такъ бы и бросились въ штыки вытѣснить эту сволочь; но не наше дѣло разсуждать, коли начальство не командуетъ. Вдругъ видимъ мы, что направо, за деревьями, человѣкъ десять турокъ подвезли небольшую

пушку и уставляютъ противъ насъ, да такъ близко, что, почитай, не дальше какъ на ружейный выстрѣлъ. Наша рота стояла съ флангу. Главнокомандующій подозвалъ ротнаго командира и говорятъ: »г. капитанъ! дарю вамъ эту пушку.« Капитанъ взялся подъ козырекъ и скомандовалъ: »ружье на руку! скорымъ шагомъ! маршъ!« Какъ орлы подлетѣли мы къ орудію въ то время, когда турки не успѣли еще уставить его порядочно. Тутъ откуда ни возьмись прикрытіе, да къ намъ; мы приняли нехристей въ штыки и всетаки идемъ къ пушкѣ. Градъ пуль посыпался на нашу роту; много убили нашихъ; но это все ни по чемъ: надо взять орудіе. Почитай, у самой пушки высыпало сотни двѣ турокъ, и пошла работа. Я, однако же, съ пятью товарищами успѣлъ пробить себѣ дорогу къ орудію, когда канониръ собирался выстрѣлить и ударилъ прямо на канонира. Меня какая-то бестія хвать ятаганомъ по плечу и разрубилъ порядкомъ; однако, я ловко пырнулъ его штыкомъ и вырвалъ фитиль у канонира, котораго одинъ изъ нашихъ гренадеръ сейчасъ же положилъ на мѣстѣ. Вдругъ мнѣ пришло въ голову сыграть съ непріятелемъ штуку. »Поворачивай, ребята, орудіе назадъ!« крикнулъ я товарищамъ. Ребята управляются штыками и поворачиваютъ пушку. Фитиль у меня горѣлъ, я приловчился, да бацъ въ окаянныхъ турокъ ихъ же картечью. У! такъ и снизалъ человѣкъ пятнадцать. Тутъ уже подоспѣли наши. Смотримъ, явился весь батальонъ и пошли въ штыки. Меня же отвели на перевязочный пунктъ. Кончивши дѣло, я уже сидѣлъ у палатки и ожидалъ пока сварятъ кашицу, хотѣлось перекусить послѣ работы, какъ, смотрю, идетъ главнокомандующій съ генералитетомъ и тутъ же нашъ полковникъ и ротный командиръ. Капитанъ указалъ меня главнокомандующему. Я привсталъ и, какъ могъ, вытянулся. Фельдмаршалъ поздоровался со мною и говоритъ: »Поздравляю тебя унтеръ-офицеромъ и съ Егорьевскимъ крестомъ.« Я свѣта не взвидѣлъ отъ радости, а фельдмаршалъ собственноручно прицѣпилъ мнѣ крестъ къ шинели.

Унтеръ-офицеръ замолчалъ. Егеря съ уваженіемъ смотрѣли на заслуженнаго старика и каждый помолился въ душѣ, чтобы и ему Господь Богъ послалъ подобный случай отличиться въ глазахъ товарищей. Долго еще бесѣдовалъ съ ними отставной унтеръ, разсказалъ имъ обратный походъ изъ Турціи и далъ много наставленій, какъ долженъ вести себя исправный солдатъ и въ лагерѣ, и на квартирѣ. Егеря слушали его, словно отца роднаго, и когда старикъ, попрощавшись съ ними, по-

шелъ въ городъ справиться кой съ какими дѣлишками, они еще цѣлый часъ разговаривали между собою объ этомъ сѣдомъ гренадерѣ, который, имѣя лѣтъ 60 отъ роду, ходилъ бодро, молодцомъ — и хоть сейчасъ готовъ со штыкомъ на супостата.

Солнышко сѣло, товарищи разошлись; а наши знакомые, поужинавъ съ хозяевами, улеглись на сѣновалѣ и знатно уснули до разсвѣта.

III.

АЙ ДА МОЛОДЕЦЪ.

Выросъ я, ребята, на Волгѣ, и правду сказать, во всей деревнѣ немного было молодцовъ, которые справились бы со мною: и ловокъ былъ, и удалъ, и дѣвушки говорили, что красивъ: одинъ у меня былъ порокъ: голъ, какъ соколъ, и, что называется, ни роду, ни племени. Лѣтъ до 20 шатался я по чужимъ угламъ, работалъ за двухъ, ѣлъ за четверыхъ, только никогда не высыпался въ волю: въ малолѣтствѣ хозяева будили пинками, а подросъ — нужда будила. Я зналъ, что самъ долженъ былъ честнымъ трудомъ заработывать хлѣбъ насущный. Старики меня жаловали, товарищи любили, а красныя дѣвки на меня посматривали. Ну, извѣстное дѣло, мастеръ я былъ отхватать ли въ присядку, спѣть ли удалую пѣсню, перемахнуть ли въ душегубкѣ матушку Волгу въ бурю; а это все не послѣднее дѣло въ глазахъ нашихъ молодушекъ. Но, сказавши правду, ни одна изъ нихъ не приходилась мнѣ по сердцу, чтобы этакъ зазнобила ретивое: съ той постоишь часокъ, съ иной два, а завтра опять съ иной. Одѣвался я молодцомъ, жилъ у хорошихъ богатыхъ хозяевъ; старшихъ уважалъ, съ ровными обходился по братски. А если, бывало, какой нибудь хозяйскій сынокъ начнетъ чваниться, спѣсивиться и корить меня бобылемъ, аль какимъ другимъ художествомъ, такъ возьмешь его за волосы, т. е. этакъ, что называется, въ поволочку. Однимъ словомъ, парень я былъ хоть куда: никому не наступалъ на ногу, да никому и у себя не позволялъ ѣздить на носу. Вотъ разъ, на первый день Свѣтлаго Христова Воскресенья, собрался я къ заутрени. Надо вамъ сказать, что нашъ отецъ Василій заболѣлъ, такъ у насъ въ деревнѣ служенія не было, а народъ православный спѣшилъ въ другой приходъ

этакъ версты за четыре! Хозяева мои поѣхали въ церковь, я же подумалъ: какъ въ этакой праздникъ не идти, а ѣхать въ церковь! и хоть на повозкѣ было бы мѣстечко, и хозяйская дочка приглашала сѣсть рядышкомъ, да я поблагодарилъ покорно и побрелъ пѣшкомъ. Ночь была темная, темная. Снѣга, знаешь, растаяли, почитай, полемъ было уже сухо, только изрѣдка еще въ долинахъ стояла вода: но кто зналъ дорогу, можно было пройти не замочивши подошвы. Весело было идти по деревнѣ. Вездѣ въ избахъ свѣтилось: кто затеплилъ лампадку передъ образомъ, кто зажегъ восковую свѣчку, кто лучинку, но во всѣхъ окнахъ мелькалъ огонь, какъ слѣдуетъ передъ такимъ важнымъ праздникомъ. Но вотъ я вышелъ за околицу, и, вѣрьте, братцы, мнѣ стало еще веселѣе. Какъ-то широко дышала грудь въ темномъ дремучемъ лѣсу. Звѣздочки словно пріукрасились передъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ и казались маленькими окошечками на лазоревомъ небѣ. А тишь, тишь такая, что ни вѣтка ни шелохнется, ни ночная птица не встрепенетъ крыломъ, только издали слышенъ глухой гулъ народа, что разными дорогами спѣшилъ въ церковь, да внизу далеко матушка Волга шумѣла подъ обрывами. Я опоздалъ маленько и прибавилъ ходу. Почитай, всѣ уже прошли, развѣ запоздалая какая старушенка, или, можетъ быть, гдѣ нибудь еще тащился хворый. Я уже доходилъ до перекрестка. Вдругъ слышу, кто-то плачетъ и не то что плачетъ, а тужитъ, словно по умершемъ. »Не случилось ли съ кѣмъ несчастья?« подумалъ я и спѣшу на голосъ. Надъ дорогой что-то чернѣется. Подхожу ближе.

— Кто это? спрашиваю.

— Я, родимый, отвѣчаетъ тоненькій голосокъ.

— Да ты же кто?

— Параша.

Надо вамъ сказать, что эта молоденькая дѣвченка была раскрасавица, но бѣдной вдовы дочь и служила со мной по сосѣдству, тоже у зажиточнаго хозяина. Мы съ ней были знакомы и не то, чтобы этакъ, знаете, заигрывалъ я съ ней когда нибудь, нѣтъ; да она и выглядывала еще ребенкомъ.

— Что же ты плачешь одна въ лѣсу, Параша? спросилъ я.

Она, бѣдненькая, едва могла промолвить слова за слезами.

— Случилось, говоритъ, несчастье, и еще пуще зарыдала.

— Эхъ, да что же такое?

— Нечего тебѣ и знать, потому что не поможешь.

— Богъ не безъ милости, говорю я: а тебѣ нечего сидѣть

одной въ лѣсу да плакать. Сегодня такой большой праздникъ. Крещеный людъ спѣшитъ къ заутрени. Вставай! пойдемъ въ церковь, помолимся Богу, а межъ тѣмъ дорогой разскажешь мнѣ свое горе: умъ хорошо, а два лучше.

Послушалась меня Параша, встала, и мы пошли по дорогѣ. Мнѣ такъ стало жаль бѣдненькую; не знаю, что бы готовъ дать, пособить бы ей.

— Въ чемъ же дѣло, Параша?

— Охъ, родимый, тяжелая бѣда! Ты знаешь, что я два года служила, ночей не досыпала, чтобы угодить хозяевамъ, и ужъ такъ работала, такъ старалась, что худаго слова не слыхала. Матушка, знаешь, больна; братъ гдѣ-то пропалъ безъ вѣсти: податей платить не кому. Вотъ матушка приплелась онамедни и говоритъ: »Параша, голубушка, выручи изъ бѣды, возьми свое жалованье у хозяина. Богъ видитъ, говоритъ, я не хотѣла его трогать, пусть бы оставалось тебѣ на приданое; но гдѣ же взять и мнѣ больной старухѣ?« И матушка начала плакать горькими слезами. Не плачьте, матушка, говорю я: когда-то еще пойду я замужъ и пойду ли съ моею бѣдностью; а коли вы терпите нужду, я возьму свое жалованье, а на праздники отпрошусь въ гости къ вамъ и принесу. Такъ я и сдѣлала. Въ четвергъ попросила у хозяина деньги и сказала, на что онѣ мнѣ нужны. Хозяинъ уговаривалъ не брать, но когда я разсказала, какъ матушка нуждается, онъ вынулъ моихъ кровныхъ шесть цѣлковыхъ и отдалъ. Заворотивши ихъ въ бумажку, я привязала ихъ къ кресту.

Тутъ Параша снова зарыдала.

— А сегодня, говоритъ она, всхлипывая: погнала я коровъ въ поле, хлопотала возлѣ бѣлья, суетилась съ хозяйкой возлѣ куличей и не знаю, голубчикъ, гдѣ и какъ потеряла и крестъ, и свои деньги.

Параша такъ жалобно заплакала, что у меня инда сердце поворотилось. Два года служила, бѣдняжка, хотѣла помочь бѣдной больной матери, и все пропало.

— Съ чѣмъ же я теперь приду къ матушкѣ? Что ей скажу? и кто ей поможетъ, моей родимой? О, Боже, Боже мой! Какъ же мнѣ не плакать и не убиваться! какъ же мнѣ не рыдать, горемычной!

Въ это время ударили въ колоколъ. Не могу вамъ, братцы, разсказать, что дѣлалось со мною, а чудилось, что кто-то говорилъ мнѣ съ неба: — помоги бѣдной сироткѣ. Правду сказать и я былъ не больно богатъ, ну, да вѣдь я получалъ двѣ-

надцать цѣлковыхъ въ годъ, да еще иногда и подарочекъ, другой и собралъ таки копѣйку на черный день. Кутить я и съ молоду не любилъ, стало быть, и не растрачивалъ жалованья. Параша молчала. Я вспомнилъ, что въ самомъ дѣлѣ мать у нея больная старушка, братъ негодяй, подушнаго платить некому, бѣдную вдову могутъ притѣснить, а Параша будетъ плакать, убиваться и, пожалуй, наложитъ на себя руки. Все это я подумалъ; когда же завидѣлъ церковь, которая въ темнотѣ блистала отъ свѣчей, у меня по тѣлу пробѣжала дрожь и какъ будто на глазахъ навернулись слезы. Самъ не знаю — какъ правая рука разстегнула кафтанъ, какъ я досталъ бумажникъ, что былъ привязанъ на шеѣ и какъ нашелъ шесть цѣлковыхъ.

— Знаешь что, Параша! сказалъ я: не все же на свѣтѣ злые люди, авось кто и поможетъ.

А она тяжело вздохнула, да и говоритъ:

— И, родимый, кто же поможетъ сиротѣ горемычной?

— А Богъ! говорю я.

— На Него одного надежда; буду молиться со слезами, чтобы помиловалъ.

— А матери больно нужны денежки? спрашиваю, самъ же не знаю, какъ ей отдать шесть цѣлковыхъ.

— Какъ же не нужны, голубчикъ! говоритъ: не заплатитъ подушнаго, продастъ коровенку, а она только и живетъ скотинкой.

— Знаешь, Параша, сказалъ я: мы съ тобой жили ладно, не спорили, не вздорили; ты же мнѣ, помнишь, и руку перевязала, какъ я разрубилъ топоромъ. Я самъ сирота, но у меня есть зажитыхъ шесть цѣлковыхъ. Возьми и снеси матушкѣ, а, Богъ дастъ, заработаешь, отдашь.

Она сердечная остановилась среди дороги и крѣпко схватила меня за руку.

— Полноте, Степанъ, говоритъ: грѣхъ издѣваться надъ бѣдною сиротой!

— Эхъ, какая же ты, Параша! Я вѣдь тебѣ говорю дѣло.

— Нѣтъ! И ты въ заправду пособишь?

— Вотъ те Богъ пособлю! Возьми деньги сейчасъ, только обѣщай одно.

— А что же надо-ть обѣщать? спросила она не смѣлымъ голосомъ и выпустила мою руку.

— А то, чтобы никто не зналъ этого, ты скажешь хозяину, что нашла деньги, о нашей же встрѣчѣ ни гугу.

И я отдалъ Парашѣ деньги.

Ужъ какъ она благодарила меня, какъ крѣпко обняла, поцѣловала, и, должно быть, сильно плакала, потому что когда мы пошли въ церковь, лицо мое было мокрешенько. Я земли подъ собой не слышалъ; молился усердно, а на душѣ было такъ свѣтло, какъ бы кто передъ нею зажегъ лампаду. Вотъ отошла обѣдня. Разсвѣло. Весь народъ христосуется, поздравляетъ другъ друга съ праздникомъ. Я тоже, какъ слѣдуетъ, поздравилъ старшихъ и пошелъ къ дѣвушкамъ. Смотрю и себѣ не вѣрю! Два села собралось въ церковь, а краше, пригожѣй Параши-сиротки никого не было. Чудо дѣвченка! румяная, бѣленькая; глазки блестятъ; сарафанчикъ на ней небогатый, да какъ-то сидитъ ловко, платочекъ на головѣ шелковый. Ну, однимъ словомъ, — ахти малина! Мы съ ней похристосовались, и признаюсь вамъ, что у меня словно кольнуло въ сердцѣ. Ну, отошла святая, добрые люди принялись жениться. Сговоръ за сговоромъ, свадьба за свадьбой! Присматриваюсь къ невѣстамъ, нѣтъ краше Параши и только. Мы съ ней начали видѣться чаще, почитай, стѣна со стѣной, сосѣди, такъ что уже кумушки начали шушукать межъ собою: что вотъ де бобыль женится на вдовьей дочкѣ и будутъ въ кулакъ трубить, да чужіе углы тереть. Услыхала это Параша и со слезами сказала мнѣ, что нѣтъ ей черезъ меня проходу.

— А что же, Параша, говорю: чтобы люди недаромъ говорили, хочешь за меня замужъ?

Она покраснѣла, какъ вишня.

— Не знаю, голубчикъ, говоритъ: у меня вѣдь ничего нѣту-ти.

И начала мять сарафанъ.

— Проживемъ какъ нибудь, говорю: а вотъ коли согласна, на будущей недѣлѣ пришлю сватовъ.

Параша подняла на меня глазенки и какъ будто бы заглянула мнѣ въ душу.

— Я, говоритъ, давно уже люблю тебя, Степанъ, такъ какъ же бы не захотѣла быть твоей женою.

Я словно выросъ на два вершка, и въ ту ночь не могъ сомкнуть глазъ. Все чудилось, что у меня своя изба, что въ этой избѣ свѣтло, просторно, въ переднемъ углу образа, подъ образами дубовый столъ, на столѣ чистая скатерть, коврига хлѣба и соль; что я сижу за этимъ столомъ, а возлѣ меня молодая жена-красавица. На другой день утромъ меня потребовали въ волость. Надо сказать, что я самоучкой портняжилъ и иногда въ домѣ головы кое-что шивалъ. Иду къ го-

ловѣ. Меня отсылаютъ ту же минуту въ округъ, оттуда въ губернію, а черезъ два мѣсяца я уже былъ царскимъ слугой и шелъ съ партіей къ Херсону. Не успѣлъ даже попрощаться съ Парашей, не успѣлъ поклониться хозяину: такъ больно спѣшно дѣлали добавочный наборъ, а отъ суда былъ приказъ доставлять рекрутъ ту же минуту по полученіи бумаги. Ну, воля Божія, приказъ начальства, и изъ рекрутъ скоро поступилъ въ полкъ. Служба далась мнѣ скоро, начальники полюбили, товарищи же всегда и вездѣ дружили со мною. Не такъ скоро живется на свѣтѣ, какъ сказывается. Года два простояли мы въ Херсонской губерніи. Я писалъ въ свое село къ прежнему хозяину, но письмо отъ него не приходило, а мнѣ еще слѣдовали съ него деньжонки. Жаловаться начальству не хотѣлось: коли честью не отдаетъ, то Богъ съ нимъ — не разживется отъ чужой трудовой копѣйки. Ходили мы въ Туречинѣ, били, братцы, басурмановъ вездѣ на славу; а подъ Силистріей я былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, а подъ Раховымъ былъ въ охотникахъ и досталъ крестъ — самъ полковой командиръ надѣлъ, ребята, и, стало быть, передъ полкомъ, да еще и поцѣловалъ въ голову. Спросите за что, братцы? не умѣю сказать: кажется же, дрался не лучше другихъ, потому что охотники всѣ были молодцы, развѣ не за то ли, что спасъ жизнь прапорщику, освободивъ его отъ двухъ турокъ, да вырвалъ у одного бородача бунчукъ, да загвоздилъ пушку? Эка невидаль! какой же порядочный гренадеръ не освободилъ бы своего офицера, не выхватилъ бунчука, не загвоздилъ пушченки, еслибы представился случай! Возвратясь изъ Туречины, мы пошли въ Крымъ и тамъ простояли долгонько. Двѣнадцать лѣтъ проходило, какъ я не былъ на родинѣ. Нельзя сказать, чтобы я скучалъ — въ службѣ скучать нѣкогда: то ученье, то караулъ, то походъ, то чистка, то выправка рекрутъ, то на ординарцы, а тутъ и отдохнуть надо; а не разъ грезилось родимое село и бѣдная горемычная Параша. Капитанъ очень меня жаловалъ и предобрѣйшій былъ начальникъ, теперь онъ никакъ служитъ въ гвардіи полковникомъ. Однажды его благородіе разспрашивалъ меня о домашней жизни и когда узналъ, изъ какой я губерніи, и говоритъ: »Да мы на зиму идемъ туда, и штабъ полка въ твоемъ уѣздномъ городѣ.« И говорить нечего, ребята, что я ждалъ не дождался похода. Когда же мы пришли въ свою губернію, рота наша остановилась верстахъ въ 50 отъ моей родины. Я попросился у капитана недѣльки на двѣ. Его благородіе самъ не рѣшился

отпустить меня, но за исправную мою службу исхлопоталъ мнѣ у батальоннаго командира отпускъ на 21 день. Собрался я, помолился Богу—и въ путь. Долго ли гренадеру перемахнуть 50 верстъ! На другой день вечеркомъ подходилъ я къ своему селу, но, признаюсь вамъ, ребята, ни передъ однимъ штурмомъ не дрожали такъ колѣни, какъ задрожали, когда я завидѣлъ сѣрую колокольню изъ-за лѣса. И не помню, какъ очутился я въ околицѣ. Смотрю, нашего батальона четвертая рота здѣсь же: стало быть, солдатъ не въ диковинку. Иду себѣ по улицѣ и подумываю: а гдѣ же я остановлюсь на ночлегъ? вѣдь у меня ни роду, ни племени. Деревня, почитай, не перемѣнилась; все какъ было двѣнадцать лѣтъ назадъ, только дерева повыросли, да кое-гдѣ выстроились новые дворы. Вотъ я у воротъ прежняго хозяина. Стучу. Молодой парень вышелъ отворить. Я сейчасъ призналъ его, хоть оставилъ мальчуганомъ лѣтъ 10, звали его Ѳомкой.

— Что те надо, служивый? спрашиваетъ.

— А вотъ хочу попроситься переночевать.

— Тѣсновато, служба! А въ томъ не знаю, надо бачки спрошать.

— Ну подь, спрошай! говорю, а самъ, знаешь, какъ въ лихорадкѣ.

Погодя маленько вышелъ и Терентьичъ. Постарѣлъ и борода совсѣмъ посѣдѣла.

— Здравія желаю, говорю.

— Здравствуй, братъ кавалеръ.

— Позвольте переночевать!

— Нешто, говоритъ: только тѣсновато.

А я ему говорю:

— Нашему брату немного надо.

— Аль, не здѣшней роты?

— Не здѣшней, говорю, иду на побывку.

— Ну, милости просимъ.

Вошелъ я въ избу. Бабы зажгли свѣчу. Смотрю, хозяйка постарѣла; дѣтишки, что были маленькія, повыросли. Ну, а во всемъ виденъ достатокъ.

— А что, служивый, говоритъ Терентьичъ: можетъ быть съ дороги, того, щецъ, аль ушицы со свѣжей рыбкой.

— Благодарствуемъ! А вотъ позвольте, ваша честь, я пошлю Ѳомку къ Данилычу, если здравствуетъ.

Данилычъ стало быть въ мое время былъ цаловальникомъ.

— Какъ! Вы знаете Данилыча, да и моего сынишку?

Я не вытерпѣлъ и говорю:

— А присмотрись-ко, Терентьичъ, поближе!

Онъ взглянулъ на меня и ахнулъ:

— Степанъ! Боже мой! Жена! вѣдь это Степанъ!

Хозяйка подбѣжала и давай плакать; дѣвушки обступили меня; Ѳомка тоже подскочилъ. Ну, признаться ли, меня приняли какъ роднаго. Сейчасъ же послали за пѣннымъ, поставили ужинъ, и мы до полуночи пробалагурили. Цѣлый вечеръ хотѣлось мнѣ разспросить о Парашѣ, да не смѣлъ какъ-то; а изъ нихъ никто о ней и не вспомнилъ. На другой день, отслуживши молебенъ, я навѣстилъ кое-кого изъ знакомыхъ. Всѣ мнѣ были ради, вездѣ угощали. Послѣ обѣда я не вытерпѣлъ и спросилъ про Парашу. Давно, говорятъ, замужемъ въ сосѣднемъ селѣ; вышла за богатаго хозяина, живетъ припѣваючи и уже четверо дѣтокъ. Ну, ладно, вышла такъ вышла, а всетаки щемило ретивое. Въ сосѣднемъ селѣ были у меня знакомые; да какъ разспросилъ я за кого вышла Параша, такъ мужъ ея мнѣ еще и съ родни приходился. Вотъ въ воскресенье надѣлъ я мундиръ со всей кавалеріей, подбрился молодцомъ, подфабрилъ усы и пошелъ въ сосѣднее село къ обѣднѣ. Шелъ я той самой дорогой, на которой подъ Свѣтлое Христово Воскресенье встрѣтилъ Парашу и остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ она, рыдаючи, разсказывала мнѣ о своемъ горѣ. Знаете, братцы, въ душѣ зашевелилось что-то, инда въ глазахъ зарябило. »Э! думаю: столько уже тому лѣтъ!« махнулъ рукой—и скорымъ шагомъ! Отслушалъ я обѣдню, но не видѣлъ Параши. Встрѣтилъ одного знакомаго и разспросилъ, гдѣ она обрѣтается. Мнѣ указали на хорошій дворъ. Постучался я въ вороты. Кудрявый мальчикъ отворилъ, и, увидя меня, съ испугомъ побѣжалъ въ избу. Смотрю, на порогѣ показалась молодица. Ну, вѣрите ли, братцы, что въ 12 лѣтъ Параша нисколько не измѣнилась, а сдѣлалась лучше, красивѣе: такая молодица, что ай-люли!

— Голубчикъ, Степанъ! вскрикнула она и схватила меня за руки.

— Здравія желаю, Прасковья Семеновна! какъ можете? какъ Богъ милуетъ?

— Слава Богу! милости просимъ.

И Параша поблѣднѣла, какъ полотно, я и самъ тоже маленько зашатался. Дѣлать нечего, иду въ избу. Изба чудовая; чисто, богато, все прибрано; дѣтишки вымыты, одѣты, какъ съ иголочки, а за столомъ сидитъ хозяинъ, на видъ дрянца,

сморчокъ, но видно, что малый трудящій. Мы поразговорились. Обойдись онъ со мною какъ нибудь, знаете, искоса, я не простилъ бы ему; но онъ сбѣгалъ за ерофеичемъ, упрашивалъ, потчивалъ, разсказывалъ, какъ жена вспоминала обо мнѣ, какъ всегда благодарила, какъ учила дѣтей молиться за меня... Я не вытерпѣлъ... глупая слеза покатилась на усъ. Параша была счастлива. Радовался я, что Богъ послалъ ей хорошаго человѣка; а все, братцы, было досадно, что досталась другому.

Какъ-то мы остались съ ней вдвоемъ. Она заплакала и говоритъ, что во вѣкъ не вышла бы замужъ, да мать умирала съ голоду, ей случился богатый женихъ и хорошій хозяинъ... Это еще пуще меня растревожило.

Вотъ я черезъ день началъ заходить къ Парашѣ, а послѣ дошло до того, что если не пойду, меня такъ и тянетъ. Посидишь, побалагуришь—и легче. »Нѣтъ, думаю себѣ: дѣло не ладно! она чужая жена, мать четверыхъ дѣтей, мужъ у нея честный человѣкъ...« Оставалась мнѣ еще недѣля до сроку. Прихожу разъ къ Парашѣ, сижу, балагурю, какъ ни въ чемъ не бывало, а у самого, словно кошки скребутъ на сердцѣ. Повечерѣло. Я за фуражку.

— Куда же, голубчикъ? Повечеряемъ, говоритъ она.

— Благодаримъ покорно, говорю: надо еще къ здѣшнему фельдфебелю, зайти обѣщалъ.

— Когда же къ намъ? спрашиваетъ.

— А вотъ скоро, отвѣчаю, а слезы такъ и готовы брызнуть.

Помолился я на образа и говорю:

— Счастливо оставаться!

Параша проводила за вороты.

— Ты что-то скученъ, голубчикъ Степанъ, говоритъ она несмѣлымъ голосомъ.

— Э, ничего, это тебѣ кажется.

— Ну, съ Богомъ!

Я отошелъ нѣсколько шаговъ и оглянулся. Параша все еще стояла въ воротахъ...

Въ ту же ночь я простился съ хозяевами и пошелъ въ роту. На весну мы вышли въ походъ. Меня удостоили золотымъ шевррономъ. И вотъ я подумалъ: »у меня нѣту ни роду, ни племени — гдѣ мнѣ преклонить голову? Буду служить царю пока есть силы, а постарѣю, мало ли на святой Руси мѣстъ честному солдату? Чего мнѣ надо? Сытъ, обутъ, одѣтъ, жалованье хорошее, а службу люблю больше всего на свѣтѣ.

И я уже больше не былъ на родинѣ.

IV.

УНДЕРА.

(Писано въ 1852 году).

Въ корпусной квартирѣ, куда обыкновенно собираются войска разнаго рода, однажды, праздничнымъ днемъ, на валу старой крѣпости, сошлись гусары, уланы, артиллеристы конные и пѣшіе и матушка пѣхота. День былъ теплый, знаете, только что началась весна, вездѣ зелено, славно; народъ съ пѣснями гуляетъ по валамъ и надъ рѣкою. Солдаты не мѣшались въ толпы горожанъ, а разсѣлись себѣ на травкѣ-муравкѣ, закурили трубочки и говорили о своихъ дѣлахъ, какъ это водится. Много было между ними старыхъ служивыхъ, сѣдоусыхъ богатырей, которые исходили бѣлый свѣтъ и, стало быть, повидали разныхъ диковинокъ на своемъ вѣку. Кружокъ собрался порядочный. Высокій гусарскій унтеръ-офицеръ съ большимъ рубцомъ на лѣвой щекѣ, уланскій вахмистръ съ серебрянымъ шеврономъ, молодцоватый сѣдой фейерверкеръ съ широкимъ шрамомъ на лбу и два пѣхотныхъ унтера сидѣли особо; а возлѣ нихъ въ другомъ кружкѣ человѣкъ пятнадцать солдатъ тоже разнаго рода оружія. Всѣ были въ шинеляхъ и фуражкахъ, только одинъ уланскій вахмистръ въ курткѣ и при саблѣ, должно быть ходилъ къ начальству, да одинъ пѣшій артиллеристъ въ аммуниціи.

— Должно быть, здѣсь была какая нибудь важная крѣпость, сказалъ гусарскій унтеръ-офицеръ, набивая трубку.

— Не думаю, отозвался фейерверкеръ: еслибы важная, то и не упразднили бы, да и укрѣпленія плоховаты.

— Противъ Бобруйска далеко! сказалъ гренадеръ, высѣкая огонь.

— Вотъ куда махнулъ! Да Бобруйскъ первоклассная крѣпость! сказалъ фейерверкеръ.

— И въ Кіевѣ ничего, молвилъ рядовой егерь изъ другаго кружка.

— И въ Кіевѣ ничего, сказалъ пѣхотный унтеръ-офицеръ. Крѣпость, скажу вамъ, будетъ великатная т. е. ни откуда нѣтъ приступа, а орудія глядятъ во всѣ стороны, куда ни оборотись; ужъ такъ хитро устроено, что вездѣ непріятель подъ перекрестнымъ огнемъ.

— Да желалъ бы я знать, отозвался гусаръ: кто посмѣетъ къ намъ носъ показать?

— Неровенъ часъ, отвѣчалъ фейерверкеръ: дуракамъ законъ не писанъ, а пьяному море по колѣни. Слышь ты, заморская голь расходилась у себя такъ, что люли; ну явится какой другой Бонапартъ и пожалуетъ къ намъ въ гости: надо же приготовить угощенійце.

— Да еще какое! сказалъ пѣхотный унтеръ-офицеръ: щи изъ ядеръ и картечь, уху бомбовую, лапшу, пожалуй, изъ сабель накрошимъ, а киселя изъ стальныхъ трехгранныхъ штыковъ поднесемъ.

Всѣ ребята дружно захохотали.

— Хорошъ будетъ обѣдъ! проговорилъ молоденькій артиллеристъ, небось, не поздоровится отъ этакихъ кушаньевъ.

— Чѣмъ богаты тѣмъ, и рады, а съ незваныхъ гостей будетъ и этого. Вѣдь Бонапартъ былъ умный человѣкъ...

— Что вы? съ ужасомъ сказалъ егерь: онъ былъ антихристъ!

— Молчать! строго сказалъ уланскій вахмистръ, поправляя крестъ: у тебя еще молоко на губахъ не обсохло, а перебиваешь заслуженнаго унтеръ-офицера да еще словно въ неправду вводишь. Коли что бывалый служивый разсказываетъ, такъ молодому солдатику слѣдуетъ слушать, да на усъ мотать; а какъ у тебя и усишки-то не отросли, такъ вбивай въ свою деревянную голову.

Рядовые вокругъ засмѣялись, но унтеръ-офицеры не сказали ни слова.

— Да, ребята, продолжалъ гусаръ: приходилось мнѣ не разъ слыхать отъ своихъ офицеровъ, которые, извѣстное дѣло, всякія книжки читаютъ, что Бонапартъ былъ умный человѣкъ, что, видишь, такой главнокомандующій, что разбить его не всегда было легко, да и то развѣ русскому войску. Но, видите ли, онъ какъ сдѣлался императоромъ, такъ уже

больно загордился и подумалъ, что и насъ сожметъ въ кулакъ, какъ нѣмцевъ и итальянцевъ. Анъ тутъ-то и ошибся! Зашелъ въ матушку Россію, а выдти было трудновато, какъ начали угощать да провожать незванаго гостя.

— Вы сражались съ французомъ? спросилъ молодой артиллеристъ у гусара.

— Нѣтъ, братъ, я былъ тогда еще мальчишкой, но помню, какъ у насъ въ Калужской губерніи мужики, даже бабы колачивали французскихъ мародеровъ.

— Вотъ бы послушать про эту войну!

— Разсказать-то некому. У насъ въ полку есть книжки и называются они: »Чтеніе для солдатъ«. Тамъ много писано о войнѣ 12 года.

— Я грамотной. Какъ бы достать этой книжки!

— Гдѣ же теперь ее взять? Когда я опредѣлился въ полкъ, у насъ почти всѣ солдаты помнили еще эту войну, и то-то любо бывало, соберемся гдѣ нибудь, а они и начнутъ разсказывать: слушаешь, не наслушаешься.

— А вы же въ какихъ бывали сраженіяхъ?

— Былъ я и въ Турецкой кампаніи и противъ польскихъ мятежниковъ, а сраженій всѣхъ не припомню сразу; знаю только, что три раза былъ раненъ: пулей въ ногу, пикой въ бокъ, а саблей турецкій наѣздникъ расписалъ лѣвую щеку.

— Какъ же это онъ зацѣпилъ васъ? спросилъ уланскій вахмистръ.

— Пошли въ атаку, смяли орду и погнали ее по полю. Я какъ-то сильно подался впередъ и заѣхалъ въ толпу. Одинъ наѣздникъ оборотился, и когда я собирался сбить ему чалму, чтобы, знаете, заѣхать въ бритую башку половчѣе, онъ и полоснулъ меня своей кривой саблей. Дѣло очень простое. А вотъ отчего у васъ на лбу шрамъ? спросилъ гусаръ у сѣдаго фейерверкера.

Фейерверкеръ вынулъ изо рта трубку, плюнулъ, закурилъ снова и поправилъ рукой фуражку.

— Тоже дѣло было очень просто, сказалъ онъ. Подъ Силистріей имѣли мы схватку съ турками. Нашему дивизьону было отдано приказаніе: выскакать на позицію и попотчивать доброй картечью толпу янычаръ. Мы и выскакали, съ передковъ долой и пошла потѣха! Прикрывалъ насъ эскадронъ уланъ. Вдругъ непріятель ударилъ на сосѣдній съ нами полкъ, заскакавши съ праваго флангу, такъ что намъ нельзя уже было стрѣлять, потому что мы могли вредить своимъ, а пока

начальникъ сдѣлалъ распоряженіе, сотни двѣ янычаръ бросилось къ намъ на орудія, поручика нашего сейчасъ же убили изъ пистолета. Прапорщикъ остался старшимъ. Уланскій ротмистръ бросился съ эскадрономъ въ атаку, но нѣсколько десятковъ турокъ окружили пушки. Тогда наши артиллеристы— сабли вонъ — и въ дѣло! на меня наскакали двое. Одного я сейчасъ же полоснулъ по носу, такъ что онъ и свалился съ лошади, но не успѣлъ отбиться отъ другого, который рубнулъ меня по головѣ. Отъ смерти спасла фуражка, а только недѣли три я провозился съ разрубленою головою, рана пустая.

— Чѣмъ же кончилось дѣло-то?

— Обыкновенно чѣмъ: черезъ четверть часа перерубили половину янычаръ, а другую взяли въ плѣнъ.

— Что же вы получили за это? спросилъ молоденькій пѣхотинецъ.

— За что? за это? За такія дѣла, братъ, получать ничего не слѣдуетъ. Я дрался, какъ должно храброму солдату, какъ дрались всѣ мои товарищи и не сдѣлалъ особеннаго отличія. Еслибы живъ былъ нашъ покойный капитанъ, что убили подъ Браиловымъ, еще погонялъ бы порядкомъ за то, что не умѣлъ отбить удара. Любилъ покойникъ, чтобъ артиллеристъ умѣлъ фехтовать и знатно насъ школилъ.

— Вотъ это дѣло! отозвался уланскій вахмистръ. У кавалериста первое оружіе сабля и пика; пуля на конѣ не всякаго послушается; пикой и саблей умѣй владѣть съ толкомъ. Примѣромъ выѣдешь во фланкеры, выстрѣлилъ и то близко, по непріятелю, попалъ не попалъ, карабинъ на панталеръ, самъ за пику или за саблю.

— Штыкъ будетъ половчѣе! сказалъ пѣхотный унтеръофицеръ.

— Всему своя пора, почтенный! сказалъ гусаръ выколачивая трубку. Пѣхотинцу штыкъ — отецъ родной, а кавалеристу сабля — матушка.

— Да я со штыкомъ не подпущу и близко кавалериста.

— Если ты стоекъ, не подпустишь, но если хоть маленько сробѣешь, да не умѣешь ловко управлять штыкомъ, а кавалеристъ молодецъ, такъ онъ искрошитъ тебя на капусту.

— Молода въ Саксоніи не была! сказалъ пожилой гренадеръ, молодцомъ заломавъ фуражку.

— Случалось, братцы, всего, оттого я и говорю такъ смѣло. Вѣдь ты слыхалъ, любезный, что я сказалъ: надо быть молодцомъ пѣхотинцу, чтобы не бояться.

— Ну, конечно, молодцомъ! Да и какой же русскій пѣхотинецъ не удалецъ перваго сорта!

— Кто и говоритъ объ этомъ! Не даромъ же русскую пѣхоту считаютъ первой пѣхотой въ свѣтѣ. Но не у одного же только русскаго пѣхотинца ружье со штыкомъ.

— Справедливое сужденіе! отозвался пѣхотный унтеръ-офицеръ. Русскій солдатъ молодецъ, а узнать, кто изъ нихъ удалѣе, конница или пѣхота, никакъ нельзя.

— Умно сказано, отозвался фейерверкеръ. А я думаю, что и артиллерія наша молодецъ!

— Ну, ужъ это всѣмъ давно извѣстно! сказали ундера, улыбаясь, почитай, въ одно время.

— Ужъ охулки на руку не положимъ, продолжалъ фейерверкеръ: подбить ли лафетецъ, взорвать ли зарядный ящикъ, только подавай.

— Да вѣдь вы во всемъ собаку съѣли, сказалъ гусаръ, обращаясь къ фейерверкеру: ужъ я и не говорю о вашей стрѣльбѣ, да вы и на конѣ, съ позволенія сказать, просто дьяволы.

— На томъ стоимъ. Намъ и нельзя иначе, почтенный: конному артиллеристу не приходится плохо ѣздить. Вспомните-ка, сколько разъ придется намъ слѣзть съ лошади и вскочить на нее.

— Такъ, такъ! и все это у васъ кипитъ, ажно посмотрѣть любо.

— Да и лошадки у насъ ничего.

— Ужъ вѣстимо ничего.

— Я все думаю, началъ молодцоватый пѣхотинецъ: зачѣмъ это есть конная артиллерія? Вѣдь не разъ я видѣлъ, какъ въ пѣшей вся прислуга садится на орудіе и поспѣваетъ, куда надо.

— Эхъ, ты голова! отвѣчалъ, улыбаясь, фейерверкеръ. Пѣшая же артиллерія всегда при пѣхотѣ, такъ мудрено ли, что поспѣваетъ за вами, какъ бы вы ни шли бѣглымъ шагомъ; и далеко ли ей приходится выѣзжать на позицію! Что же дѣлала бы пѣшая артиллерія, еслибы состояла при уланской или при гусарской бригадѣ, а бригада понеслась версты двѣ, три на рысяхъ? Ты развѣ не замѣтилъ, что у насъ подъ батарейными орудіями по 8, а подъ легкими по 6 лошадей, да и лошади-то какъ змѣи!

— А! Вотъ оно что!

— То-то же. При атакѣ мы впереди угощаемъ ядрами

аль картечью — чѣмъ понадобится; при отступленіи мы назади: хватимъ картечью такъ, что у непріятеля въ глазахъ потемнѣетъ, отскачемъ, да и опять съ передковъ долой.

— А всетаки въ сраженіи въ первый разъ должно быть страшновато? отозвался несмѣло молодой солдатъ.

— Коли хочешь, сказалъ уланскій вахмистръ, который до сихъ поръ говорилъ очень мало: въ первый разъ въ сраженіи не то, что страшновато, а такъ, примѣромъ, какъ еслибы ты раздѣлся на берегу рѣки, да и бултыхнулъ прямо въ холодную воду. Но это недолго, и лучше сказать, когда еще далеко непріятель, а какъ пошли въ дѣло...

Тутъ вахмистръ махнулъ рукой и началъ закручивать свой сѣдой усъ.

— Вѣдь вы были въ Турецкой кампаніи? спросилъ у него фейерверкеръ.

— Наша дивизія, почитай, съ коня не сходила: мы состояли при 7 пѣхотномъ корпусѣ, а начальникомъ дивизіи былъ у насъ генералъ-маіоръ Рейтернъ. Эхъ, братцы, вѣдь мы перевѣдывались съ врагомъ въ присутствіи самого государя императора.

— Какъ? посыпались вопросы.

— Это было при осадѣ Браилова. Государь изволилъ провести съ нами нѣсколько дней, и въ его присутствіи открыли огонь съ огромной баттареи, которую сработали въ 150 саженяхъ отъ крѣпости. Его величество изволилъ стоять на курганѣ, и нѣсколько непріятельскихъ ядеръ упало тутъ же внизу недалеко. Но государь не обратилъ на это никакого вниманія.

— Онъ зналъ, что Богъ сохранитъ его, ребята.

— Да развѣ же могло быть иначе? И признаюсь вамъ, братцы, никогда не чувствовали мы такой храбрости, какъ въ присутствіи его величества. Да вотъ какъ: прикажи государь одному эскадрону взять крѣпость, кажется, мы верхомъ взлетѣли бы на валы: даже лошади рвались впередъ; раненые умирая, говорили, что имъ и смерть красна. А ужъ какъ императоръ награждалъ храбрыхъ и раненыхъ — истинно по царски. Одинъ рядовой Казанскаго пѣхотнаго полка *Калякинъ*, въ то время, когда цѣлилъ изъ ружья, при занятіи форштата, самъ подвернулся подъ турецкій пушечный выстрѣлъ и ему ядро оторвало обѣ руки. Лекаря перевязали и говорятъ, будетъ живъ. Оно хорошо жить, да что дѣлать-то безъ рукъ! Доложили государю. Его величество сейчасъ же изволилъ пожаловать ему Егорія, денегъ, пансіонъ по смерть въ 300 руб-

лей — по тогдашнему ассигнаціями, приказалъ отправить *Калякина* на родину и отправить съ надлежащимъ присмотромъ. Этого мало: батюшка государь изволилъ повелѣть написать къ губернатору той губерніи, гдѣ пожелаетъ жить раненый: что если у *Калякина* не окажется родныхъ, которые могли бы за нимъ присматривать, то назначить къ нему честнаго хорошаго инвалида.

— А? каково?

— Да ужъ государь, коли пожаловать, такъ пожалуетъ.

— А еще я помню другой случай. Какой-то офицеръ былъ удаленъ изъ службы за какіе ни на есть проказы. Вотъ, какъ открылась война, онъ бѣдняга опомнился и пошелъ служить простымъ солдатомъ. Разумѣется, ужъ коли офицеръ пошелъ простымъ рядовымъ, то дрался храбро; всегда былъ впереди и лишился ноги на одной стычкѣ. Когда о немъ доложили государю, его величество сейчасъ же изволилъ пожаловать ему солдатскаго Егорія, возвратилъ эполеты, наградилъ деньгами, приказалъ оставить ему все жалованье, уволить домой и на проѣздъ дать покойный экипажъ. Кромѣ этого милосердый государь повелѣлъ написать къ отцу раненаго, что сынъ его кровью смылъ свой проступокъ и заслужилъ прощеніе и награду.

— Вотъ ужъ это по царски!

— Да что тутъ толковать, ребята! одинъ Богъ на небѣ, одинъ на землѣ русскій царь!

— Ура! дружно крикнули унтеръ-офицеры и солдаты, снявъ фуражки.

Послѣ этого не нашлось уже больше другихъ разсказовъ, и товарищи отправились каждый къ своему мѣсту.

V.

ВѢСТОВОЙ.

Ничего нѣтъ постыднѣе для солдата, какъ побѣгъ, что надо правду сказать весьма рѣдко случается въ русской арміи. Но хотя въ годъ въ иномъ полку и найдется одинъ подобный случай, однако, лучше, еслибы и этого не случалось. Каждый, ребята, изъ васъ знаетъ, что побѣгъ — преступленіе, что виновнаго ожидаетъ строгое наказаніе, что на бѣглеца, какъ бы онъ послѣ ни раскаялся, смотрятъ какъ на человѣка, который измѣнилъ присягѣ и осрамилъ славное, благородное званіе солдата. А вѣдь, подумаешь, изъ-за чего происходятъ эти оказіи?.. такъ, съ дуру, какъ говорится, аль съ жиру, отъ праздности и дурныхъ привычекъ.

Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ! Праведниковъ немного; да вѣдь на что же далъ Богъ человѣку разсудокъ, какъ не для того, чтобы при случаѣ раскинуть умомъ разумомъ. У каждаго, братцы, въ головѣ есть своя смѣкалка. До поступленія на службу, примѣромъ, ты любилъ придерживаться чарочки, аль руки чесались, если видѣлъ, что чужая вещь лежала плохо, аль привыкъ валяться на боку и транжирить отцовскую копѣйку... ну, Богъ съ тобой, на твою прежнюю жизнь никто не оглянется, но чуть надѣлъ солдатскую фуражку: стой, ровняйсь! отряхни всѣ дурныя привычки, какъ отряхаешь пыль съ сапоговъ, коли входишь въ церковь, и смирно! Помни, что солдатъ — защитникъ Престола, Вѣры и Отечества, что на солдата полагается государь, какъ на вѣрнаго слугу, что солдату повѣряются подъ часы и церковь святая, и казна государева, и спокойствіе народа. Что же послѣ этого, если солдатъ свихнетъ съ прямой дороги? Да ему не придумаешь за это наказанія! Какъ? Защитникъ отечества

самъ пускается на злое, самъ преступаетъ законъ?.. Слава Богу, мало, братцы, у насъ такихъ примѣровъ, но въ семьѣ не безъ урода, а нашей военной семьи, кажется, въ день не перечесть. Вотъ и случается, что въ томъ или другомъ корпусѣ иной богоотступникъ выметываетъ штуку. Конечно, это ему не проходитъ даромъ: рано или поздно, каждый получаетъ по заслугамъ. Въ службѣ шутить не любятъ, начальство — съ добрыми ласково и снисходительно, а съ негодяями разсчетъ короткій: батальонъ въ двѣ шеренги, руки къ прикладу и изволь себѣ прогуливаться по лозовой дорожкѣ. Небось, хорошо!

Разные бываютъ проступки; но нѣтъ ничего хуже и постыднѣе побѣга: это уже самое послѣднее. Здѣсь кстати ввернуть словцо: обращаюсь къ вамъ, старые, опытные служивые. Знаете ли, что по большей части на вашей душѣ есть немного грѣха, если молодой, небывалый солдатъ забываетъ долгъ службы и замыслитъ побѣгъ. Вы скажете: да мы-то что причиною? А вотъ что. Поступитъ, примѣромъ, въ полкъ молодой рекрутъ, который въ крестьянствѣ, знаете, былъ немного и на руку нечистъ, и чарочки придерживался, и съ лѣнцой былъ знакомъ: ваше дѣло поприсмотрѣть за нимъ на первыхъ порахъ, да втолковать новичку ласково, по отечески, что »дескать, другъ любезный, ты въ полку забывай свои дурныя привычки: здѣсь, братъ, свои правила. У насъ, молъ, не должно быть никакой вины, потому что за самую малую взыщется строго, да если наказаніе запишутъ тебѣ въ формуляръ, такъ и отставки никогда не получишь«.

Новичекъ, почитай, дуракъ или, лучше сказать, малый ребенокъ, ему все незнакомо: онъ въ полку, какъ въ лѣсу. Иной, пожалуй, подумаетъ, что послѣ ученья, какъ послѣ полевой работы, можно зайти въ кабакъ и нализаться, а того не знаетъ, что какъ поступилъ въ солдаты, такъ глотка его уже дѣлается казенною, куда пѣнное входитъ только по приказу начальства; а чуть хватилъ самовольно, такъ водочка сейчасъ же выступитъ на лицо и обличитъ молодчика. Вотъ что опытному солдату надо стараться вселять новичкамъ. Я уже сказалъ, да вы и сами знаете, что побѣги у насъ рѣдки, слава Богу, но мнѣ кажется, ихъ было бы меньше, еслибъ старые служивые поставили себѣ первымъ долгомъ — показать рекруту, чего онъ долженъ остерегаться. Провинился ли новичекъ, и сказать ему, чтобы сейчасъ же шелъ и доложилъ фельдфебелю или вахмистру, что, молъ »я виноватъ« и что

ему же будетъ лучше. Проступокъ даромъ не пройдетъ, но кто кается, того накажутъ въ половину. Въ томъ-то и все зло, что солдатъ иногда думаетъ: »авось не узнаютъ«. Какъ же можно, чтобы ротный, эскадронный или батарейный командиръ не зналъ, что сдѣлалось у него въ ротѣ, эскадронѣ или батареѣ? Да, примѣромъ, ты выпилъ, одинъ, втихомолку гдѣ нибудь лишнюю чарочку, закусилъ, кажись, такъ, что и не слышно и встрѣчаешься съ командиромъ: вѣдь ты самъ чувствуешь, что и глаза-то у тебя смотрятъ иначе и какъ будто дрожь пробираетъ, а это все командиръ и замѣтилъ. Отъ копѣечной свѣчки Москва загорѣлась, такъ бываетъ и съ человѣкомъ: отъ малости доходитъ дѣло и до большаго. Солдатъ потерялъ казенную вещь и скрылъ на время какъ нибудь пропажу; онъ и въ другой разъ не бережется, снова потеряетъ и если нельзя скрыть, иной молодчикъ старается подтибрить ее у товарища... а тамъ, смотри, стащитъ что нибудь на сторонѣ, и пошла писать! Вотъ этакіе-то негодяи забираютъ дурь въ голову, да и тягу! А долго, небось, и походитъ. Поймаютъ молодца, да на веревочку, тамъ въ тюрьму, оттуда, разузнавъ, поведутъ въ кандалахъ къ полку, прогонятъ сквозь строй, и что же хорошаго! Эхъ, больно даже говорить объ этомъ! Нѣтъ, ребята, чтобы кто ни сдѣлалъ, ненарочно ли, съ умысломъ ли, ступай сію минуту и повинись. Пусть лучше накажутъ дома, потому что послѣ домашняго наказанія нѣтъ и помину, а если ты, какъ слѣдуетъ христіанину, раскаялся, такъ никто тебѣ вины и въ строку не поставитъ.

Стоялъ я однажды въ караулѣ. Дѣло было вочеромъ послѣ зари. Сижу себѣ въ караульной комнатѣ, какъ слѣдуетъ исправному офицеру и читаю книгу. Солдаты у меня были молодцы, унтеръ-офицеры собаку съѣли, арестантовъ, слава Богу, ни одного, и я себѣ и въ усъ не дулъ, что называется, а только наблюдалъ, чтобы смѣны и приходили, и уходили по уставу, да чтобы часовые не дремали. Вѣстовой у меня былъ малый расторопный. Захотѣлось мнѣ маленько закусить.

— Вѣстовой!

— Сейчасъ, ваше благородіе.

— Нѣтъ ли у насъ чего поѣсть?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! Отъ обѣда оставалось полкурицы, да вы уронили на полъ.

— А хлѣбъ?

— И хлѣба нѣтъ.

— Поди же въ караульню, да попроси мнѣ у ребятъ ржанаго и поставь самоваръ: я напьюсь чаю.

— Слушаю, ваше благородіе.

Вѣстовой поворотился на лѣво-кругомъ, побѣжалъ, а черезъ четверть часа принесъ мнѣ кипящій самоваръ и добрый ломоть хлѣба.

— Трубачъ, ваше благородіе, своего прислалъ: ему, говоритъ, хозяйка недавно ужинать приносила.

— Ну, поблагодари трубача.

Солдаты, спасибо, любили меня, а я всегда, еще съ юнкерскаго чина, любилъ съ ними побалагурить. Служба-службой, дружба-дружбой. Было мнѣ немножко скучно. Налилъ я стаканъ чаю и далъ вѣстовому. Онъ хотѣлъ было идти пить въ караульню, но я приказалъ ему остаться въ дежурной комнатѣ.

— Нутка, Василенко, разскажи что нибудь.

— Что прикажете, ваше благородіе?

— Да что самъ знаешь.

— Не могу знать, ваше благородіе! въ походахъ не бывалъ, сраженій не видалъ, и всего 7-й годъ на службѣ. А вотъ, осмѣлюсь спросить, ваше благородіе.

— Что такое?

— Третьяго дня гоняли сквозь строй рядоваго 5-го эскадрова за побѣгъ: останется ли онъ въ полку, али пойдетъ въ арестантскія роты!

— Останется въ полку, потому что это первый побѣгъ: но ему запишутъ наказаніе въ формуляръ и не вымараютъ штрафа, пока, исправной службой и примѣрнымъ поведеніемъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, не заслужитъ высочайшаго прощенія.

— Я спросилъ, ваше благородіе, потому, что самъ покушался было на побѣгъ — лукавый попуталъ; но, благодаря Бога, одумался во время.

— Какъ? ты покушался на побѣгъ.

— Истинно такъ, виноватъ, ваше благородіе. Это было въ первый годъ моей службы; вы еще не изволили опредѣляться въ полкъ. Я изъ мѣщанъ и баловникъ былъ ужасный. Съ [illegible] года ходилъ я въ школу, но отецъ взялъ меня домой, и я помогалъ ему по хозяйству. За мною не водилось пороковъ, чтобы примѣромъ, воровать, аль буянить, или залить за галстухъ; нѣтъ, я былъ только баловникъ, да любилъ поваляться на солнышкѣ, а зимой полежать на печкѣ. Поступивши на службу, я сейчасъ же смекнулъ, что здѣсь держи

ухо востро, не смѣй увиливать, а будешь вести себя хорошо и тебѣ будетъ разотлично. Сказать правду, ваше благородіе, и ѣзду я скоро понялъ: почитай, мѣсяцевъ шесть гоняли на кордѣ, а послѣ уже ѣздилъ въ смѣнѣ, и разъ эскадронный командиръ молодцомъ назвалъ. Съ товарищами во взводѣ жилъ я ладно. Надобно сказать, ваше благородіе, отецъ мой честными трудами разбогатѣлъ и, бывало, иной разъ пришлетъ цѣлковыхъ десять: такъ не безъ того, что и угостишь товарищей. Не то чтобы у насъ водилось пьянство, а такъ, въ праздникъ, послѣ обѣдни, приготовишь закусочку. Все было хорошо, я привыкъ къ службѣ, словно родился солдатомъ, а когда мнѣ дали лошадь, такъ пріучилъ своего Аннибала, что онъ чуть заслышитъ мой голосъ, начнетъ ржать и бить въ землю копытомъ. Взводный вахмистръ нашъ Макаръ Андреевичъ Синица, онъ уже въ отставкѣ, былъ ужасть какой строгій, стало быть, взыскивалъ за малѣйшую неисправность и довелъ взводъ до того, что, кажись, не было взвода исправнѣе въ цѣломъ полку. Встаетъ куда еще до разсвѣта и пошелъ по всѣмъ конюшнямъ смотрѣть, все ли какъ слѣдуетъ? Одинъ разъ, уже не помню какъ, я позабылъ замыть хвостъ Аннибалу: не то что полѣнился, ей Богу нѣтъ, а просто попуталъ лукавый. Вахмистръ сейчасъ же увидѣлъ и вытянулъ меня раза три бичемъ. Это, говоритъ, на первый разъ, а если еще когда замѣчу, такъ доложу корнету, будетъ тебѣ плохо.« Почитай съ тѣхъ поръ вахмистръ началъ присматривать за мною. Не прошло мѣсяца, это было осенью, какъ у хозяина моего случилась свадьба: дочь выходила замужъ. Мы долго гуляли, танцовали и веселились. На другой день мнѣ доставалось выходить въ караулъ. Не помолясь Богу, словно нехристь какой, легъ я спать и за это проспалъ долгонько. Меня разбудилъ ефрейторъ. »Ступай, говоритъ, къ вахмистру.« Ни живъ, ни мертвъ иду къ Макару Андреевичу.

— Хорошо, говоритъ онъ, Василенко, такъ и слѣдуетъ исправному солдату! Учись, учись, любезный, говоритъ, просыпать очередь, забывать приказанія. На твое мѣсто я уже нарядилъ другаго, а ты ступай-ка умой рожу, да являйся сейчасъ, пойдемъ къ корнету. Пусть уже его благородіе съ тобой раздѣлывается...

Говорить было больше нечего. Я пошелъ на квартиру, умылся, и, вмѣсто того, чтобы явиться, какъ слѣдъ честному солдату съ повинной къ начальству и послѣ стараться примѣрнымъ поведеніемъ загладить вину, я, простите, ваше бла-

городіе, задумалъ недоброе дѣло и черезъ огороды въ лѣсъ! На какой конецъ я это дѣлалъ, самъ не зналъ сначала; шелъ, куда глаза глядѣли и опомнился уже въ трущобѣ, этакъ версты за двѣ отъ деревни. Хлѣба у меня было на цѣлый день, я завалился подъ кустами, поѣлъ и легъ спать. Проснувшись къ вечеру, я началъ подумывать: что это я сдѣлалъ? Инда морозъ по кожѣ. Какъ? стало быть я бѣглецъ, ослушникъ! Куда же я пойду? Да вѣдь я теперь хуже вора; не смѣю никому на глаза показаться... Пробрался я къ опушкѣ. Смотрю, наши сводятъ подъ гору лошадей къ водопою. Слышу, мой Аннибалъ ржетъ: я узналъ его по голосу... Такъ бы и летѣлъ назадъ... Но страшно! теперь уже накажутъ строже; это уже не то, что проспалъ лишній часъ, а я ослушался вахмистра, бѣжалъ изъ взвода. Боже мой! да зачѣмъ же я я это сдѣлалъ? Вѣдь меня никто не притѣснялъ, я самъ кругомъ виноватъ; изъ-за чего же я погубилъ душу и на этомъ, и на томъ свѣтѣ? Дезертиру нѣтъ нигдѣ мѣста: домой явиться нельзя, остается одно: начать разбой, пока гдѣ нибудь не схватятъ. Нѣтъ, пойду лучше во взводъ! А что же мнѣ теперь будетъ? И, вѣрьте, ваше благородіе, цѣлую ночь не только что глазъ не смыкалъ, лежалъ въ лихорадкѣ. На утро голова у меня горитъ, во рту сухо, едва могу передвигать ноги. Только что заря занялась, въ деревнѣ начали благовѣстить... Я опомнился и сталъ плакать такъ горько, какъ еще никогда въ жизни; плакалъ я долго и, казалось, съ этими слезами вытекло изъ души все, что въ ней было грѣшнаго. Мнѣ стало легче, я перекрестился и маршъ домой, да не заходилъ на квартиру, а прямехонько къ Макару Андреевичу. Вахмистръ не серчалъ ни мало, когда меня увидѣлъ. Я повинился и говорю, что готовъ хоть сейчасъ на какое угодно наказаніе.

— Теперь, говоритъ вахмистръ, я уже не имѣю надъ тобою никакого права: я доложилъ корнету и ничего не могу.

Раздумывать было нечего, ту же минуту отправился я къ корнету. Вѣрите ли, ваше благородіе, корнетъ такъ говорилъ со мной, какъ самый добрый отецъ: я не могъ удержать слезъ.

— Ты, говорилъ его благородіе: молодой солдатъ и не понимаешь, какое сдѣлалъ преступленіе. Но видно еще милосердый Богъ не покинулъ тебя, когда ты самъ явился. Простить я тебя не могу и не долженъ, но, если ты дашь мнѣ слово исправиться, постараюсь облегчить твое наказаніе. Ступай сейчасъ къ священнику, принеси покаяніе во всемъ и отправляйся въ сборную до приказанія.

Послѣ этого случая никогда уже я не заслуживалъ косаго взгляда, но день, проведенный въ бѣгахъ, кажется, до гроба не выйдетъ у меня изъ памяти, и если есть у меня тяжкое горе на душѣ, такъ это моя вина передъ Богомъ и передъ начальствомъ. Я былъ наказанъ, священникъ простилъ меня, начальство позабыло мой проступокъ, товарищи никогда не корили, но совѣсть говоритъ, что я крѣпко былъ виноватъ и врядъ ли заслужу полное прощеніе. А если, ваше благородіе, случается, что какой нибудь несчастный забудетъ Бога и бѣжитъ, а послѣ поймаютъ его и поведутъ сквозь строй, я дня два послѣ этого самъ не свой, какъ подумаю, что и я былъ на волосъ отъ такого наказанія.

Здѣсь умолкъ мой вѣстовой, и лицо его говорило, что въ душѣ творилось именно то, о чемъ онъ разсказывалъ: видно было, что, не смотря на столько лѣтъ, совѣсть все еще угрызала его.

Такъ-то, ребята, часто бываетъ отъ глупости, или лучше сказать, неразсудительности, солдатъ надѣлаетъ себѣ хлопотъ иногда и на всю жизнь, между тѣмъ какъ всѣ эти хлопоты можно было удалить однимъ щелчкомъ, то есть пойти къ начальнику и сказать: »виноватъ, ваше благородіе!« Вѣдь вы сами знаете, что нѣтъ такого начальника, который наказывалъ бы солдатъ такъ, за здорово живешь! какъ будто это можетъ доставить кому удовольствіе! Начальникъ по обязанности, по присягѣ, долженъ выполнять всѣ правила службы. Посмотрите, если провинился офицеръ, да не то что провинился, а ошибся какъ нибудь на ученьи, его арестуютъ, а, Боже сохрани, сдѣлалъ проступокъ неприличный офицерскому званію, его подъ судъ и вонъ изъ службы, а иной разъ напишутъ и въ рядовые! Какъ же послѣ этого не взыскать офицеру съ солдата? Вы, братцы, сами очень хорошо все это знаете. Повиновеніе въ службѣ — первое основаніе всего: что прикажутъ: — дѣлай, не разсуждая, все равно какъ во фронтѣ слушайся команды. Да вотъ вамъ примѣръ: ну, что, казалось бы, за важность, что у одного рядоваго былъ разстегнутъ крючекъ на воротникѣ! Попробуй же ты простить ему: завтра у десяти будутъ воротники разстегнуты, а послѣзавтра двадцать разстегнутъ и мундиры. А вотъ, если молодцу, у кого крючекъ не застегнутъ, это не пройдетъ даромъ, такъ онъ завтра пять разъ ощупаетъ крючки, да и товарищи, выходя изъ квартиры, сдѣлаютъ то же самое. Знаетъ вѣдь каждый, что предписано, и исполняй, а неряхой, растеряхой, лѣнтяемъ и негодяемъ солдату никогда быть не слѣдуетъ.

Возвратимся теперь къ побѣгамъ. Изъ поконъ вѣка извѣстно, что въ бѣгахъ бываютъ только отъявленные негодяи, попросту сказать — сволочь! и рѣдко, очень рѣдко молоденькій рекрутикъ убѣжитъ по неразсудительности. Дурная трава изъ поля вонъ! Спросите у бѣглеца, на что онъ надѣется? Прожить честно ему нельзя: безъ бумаги, вѣдь, нигдѣ не пройдешь, домой возвратиться не приходится; остается одно средство — съ ножемъ на большую дорогу! Вотъ до чего доходитъ иногда солдатъ, который долженъ быть примѣрнымъ сыномъ отечества; и доходитъ до этого иной потому, что не молится Богу, не старается брать примѣра со старшихъ, допускаетъ себя лѣниться и думаетъ, что онъ можетъ обмануть начальство.

По моему, ребята, слѣдуетъ вотъ что, какъ только поступили въ полкъ рекруты, сейчасъ же старымъ солдатамъ должно обойтись съ ними, какъ съ малыми дѣтьми; не запугивать строгимъ отвѣтомъ за упущеніе; а показать какъ важно малѣйшее упущеніе; не бранить рекрута за каждый шагъ, а сначала втолковать ему, что и какъ онъ долженъ дѣлать и послѣ уже взыскивать, коли рекрутъ не старается. Впрочемъ, вы все это сами знаете, такъ же какъ и то, что солдатушки наши, опричь обыкновеннаго удальства, всегда были, есть и будутъ прекрасными христіанами. Страхъ Божій — первое; преданность престолу — второе; повиновеніе начальству — третіе, а четвертаго уже нѣтъ, да и не нужно; довольно съ васъ и этихъ трехъ: слѣдуйте имъ и будете тѣмъ, чѣмъ всегда была побѣдоносная русская армія.

Bayerische
Staats-
Bibliothek
München

ристовъ 60—70 годовъ пользовался большою популяр- ъ публикою А. С. Афанасьевъ, писавшій подъ псевдони- , произведенія печатались въ нашихъ лучшихъ журналахъ ругъ читателей, доказательствомъ чего служитъ то, что мно- зведеній, выходившія отдѣльно, выдержали нѣсколько изданій.

фанасьевъ (Чужбинскій) зналъ прекрасно и столичную, и провин- жизнь, обладалъ даромъ наблюдательности, умѣньемъ разсказывать бойко, , ярко. Картины военнаго быта, очерки провинціальныхъ нравовъ, изображе- ніе похожденій разныхъ типическихъ личностей столицы выходили у него чрезвычайно занимательными и положительно увлекали читателя. Публикѣ весьма нравились типы и сцены, схваченные съ натуры очень ловко, замысловатая интрига и богатство содержанія. Особеннымъ успѣхомъ пользовались его „Очерки прошлаго“ и романъ „Петербургскіе игроки“. Послѣднее произведеніе произвело въ свое время даже настоящую сенсацію и въ столицахъ, и въ провинціи. Въ этомъ романѣ выведены живыя лица, міръ чрезвычайно интересныхъ темныхъ промышленниковъ, происшествія, дѣйствительно случившіяся, романическіе эпизоды, выхваченные изъ жизни, но похожіе на сказку. Все это разсказано необыкновенно увлекательно, такъ что романъ полонъ захватывающаго интереса.

Кромѣ беллетристики, А. С. Афанасьевъ (Чужбинскій) писалъ много этнографическихъ статей, и его „Поѣздка въ южную Россію“, изданная въ 2-хъ объемистыхъ томахъ, очень цѣнится и спеціалистами, и публикой, такъ какъ представляетъ и научный интересъ, и чисто литературный, давая богатый и занимательный матеріалъ для чтенія.

Въ настоящее время отдѣльно изданныхъ сочиненій А. С. Афанасьева (Чужбинскаго) нѣтъ въ продажѣ, а между тѣмъ публика продолжаетъ настоятельно требовать ихъ; изъ провинціи до сихъ поръ не перестаютъ поступать требованія на разныя сочиненія этого любимаго публикою писателя, между прочимъ и къ намъ, въ Книгоиздательство Германъ Гоппе.

Желая удовлетворить это весьма понятное желаніе публики, Книгоиздательство Германъ Гоппе намѣрено выпустить въ свѣтъ возможно полное

собраніе сочиненій А. С. АФАНАСЬЕВА (ЧУЖБИНСКАГО).

Оно будетъ состоять изъ 9 томовъ большаго формата, изящной убористой печати съ портретомъ и біографіей писателя. Въ него войдутъ не только всѣ изданныя отдѣльно произведенія, уже разошедшіяся, но и большая часть сочиненій, разбросанныхъ по всевозможнымъ періодическимъ изданіямъ — лучшіе романы, повѣсти, очерки, этнографическія статьи и стихотворенія на русскомъ и малороссійскомъ языкахъ. Собраніе сочиненій А. С. Афанасьева (Чужбинскаго), какъ талантливаго беллетриста и этнографа, должно безспорно занять почетное мѣсто въ каждой библіотекѣ. Назначивъ весьма скромную цѣну за томовъ этого изданія, объемомъ около 300 печатныхъ листовъ, мы всетаки желаемъ доставить возможность пріобрѣсти его и небогатымъ людямъ, для чего и открываемъ подписку съ разсрочкой на вышеизложенныхъ условіяхъ.

Вышедшіе шесть томовъ собранія сочиненій А. С. Афанасьева (Чужбинскаго) встрѣтили въ печати **самые сочувственные отзывы.**

Цѣна по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдняго тома — 12 руб., для иногородныхъ — 15 руб.

Подписка принимается

въ конторѣ Книгоиздательства ГЕРМАНЪ ГОППЕ

С.-Петербургъ, Садовая, № 22.

Дозв. ценз. Спб. 8 октября 1890 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознес. пр. № 53.

Государств. Центральное Бюро Международного Книгообмена. Книжная п
CLXI 2/1.

ПЕРВОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВИЧА АФАНАСЬ...

(Чужбинскаго).

Девять томовъ съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, около **300** печатныхъ листовъ въ **8** долю, **4800** стран., подъ редакціей

П. В. БЫКОВА.

Цѣна по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдняго тома — 12 руб., для иногородныхъ — 15 руб.

Желающіе подписаться съ **разсрочкою** вносятъ впередъ **четыре** рубля, иногородные — **пять**, затѣмъ по выходѣ каждаго тома по **два** рубля до выплаты всей подписной суммы.

Послѣ выхода 9-го тома цѣна будетъ увеличена.

ВЫШЕДШІЕ **ШЕСТЬ** ТОМОВЪ

ПЕРВАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. С. АФАНАСЬЕВА (ЧУЖБИНСКАГО)

СОДЕРЖАТЪ СЛѢДУЮЩЕЕ:

Томъ I.

Предисловіе. — Біографическій очеркъ А. С. Афанасьева (Чужбинскаго), составленный П. В. Быковымъ. — Библіографія сочиненій, его-же. — Очерки прошлаго: Изъ корнетской жизни. — Моншеры. — Бурбонъ. — Стоянка въ Дымогарѣ (Донъ-Жуанъ). — Прапорщикъ Сафьянчиковъ.

Томъ II.

Очерки прошлаго: Ремонтеры прежняго времени. — Одинъ изъ многихъ. — Самодуры. — Дуэлисты. — Городъ Смуровъ. — Конокрады.

Томъ III.

Очерки прошлаго: Фаня. — Безыменные очерки и типы (9 очерковъ). — Чиновникъ. — Провинціальный левъ. — Пылкая натура. — Маскарадный сирота. — Сосѣдка.

Томъ IV.

Бабушка. — Пять очерковъ провинціальной жизни. — Забытая исторія.

Томъ V.

Петербургскіе игроки.

Томъ VI.

Рыцари зеленаго поля. — Доминиканцы. — Мельница близь села Ворошилова. — Изъ воспоминаній охотника (5 очерковъ). — Перстень. — Раннія произведенія (7 разсказовъ). — Очерки охоты въ Малороссіи. — Лѣто въ Малороссіи. — Голый слуга. — Старинныя малорусскія думы. — Воспоминанія о Шевченкѣ. — Русскій солдатъ.

Въ остальныхъ трехъ томахъ будутъ помѣщены:

Поѣздка въ Южную Россію. — Стихотворенія: русскія и малороссійскія и словарь малорусскаго нарѣчія.

Продолженіе на 4 стр. обертки.

Georg Konr

Afanaśev-Čužbinskij, Aleksandr Stepanovič

Sobranie sočinenij Aleksandra Stepanoviča Afanaśeva <Čužbinskago.> Pod red.
P.V. Bykova

Bd.: 6

S.-Peterburg 1891

36.5069-6

urn:nbn:de:bvb:12-bsb00076914-8